

ИЛЛЯ
СЕЛЬВИНСКИЙ

ИЛЛЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. Н. Бурсов, К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис,
В. О. Перцов, А. А. Прокофьев, А. А. Сурков,
А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
М. Т. Турсун-Заде, И. Г. Ямпольский.*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья З. С. Кедринной

Составление И. Л. Михайлова

Подготовка текста и примечания

И. Л. Михайлова и Н. Г. Захаренко

Творчество Ильи Сельвинского, известного советского поэта и драматурга, — одна из ярких страниц нашей литературы. Лирика Сельвинского, его поэмы и драмы привлекают страстным жизнелюбием, острым видением мира, смелостью его изображения, блестящим поэтическим мастерством. В настоящий сборник вошли произведения, позволяющие составить достаточно ясное представление о многолетнем и многообразном творчестве Сельвинского-поэта. Наряду с лирикой в книгу вошли поэмы «Улялаевщина», «Пушторг» и историческая трагедия «Рыцарь Иоанн».

ПОЭЗИЯ ИЛЬИ СЕЛЬВИНСКОГО

Илья Львович Сельвинский принадлежит к старшему поколению советских писателей, которое зачинало новую, советскую литературу. Его вступление в жизнь и творчество (первое стихотворение поэта было напечатано в 1915 году) пришлось на годы великого революционного разлома, а далекая от общественных бурь и потрясений среда, в которой он рос, не могла помочь самоопределению поэта в новом взвихренном мире. Илья Львович Сельвинский родился в 1899 году в Крыму, в семье меховщика, человека трудной судьбы, неуклонно шедшего к полному разорению. Романтически настроенный ученик евпаторийской гимназии и начинающий поэт вынужден был искать заработок по силам и умению. Он перепробовал множество профессий начиная с водокача (так сам Сельвинский называл должность мальчика, вручную качавшего воду в подвале модной приморской гостиницы), юнги, газетного репортера и кончая цирковым борцом. Столь же различными оказались и его учебные интересы. Начав специальное образование на медицинском факультете Таврического университета, он в 1923 году закончил его на юридическом в Москве. Но не это было главным для молодого поэта, который уже гимназистом связал свою жизнь с революционным подпольем. Внук солдата-кантониста и сын участника русско-турецкой войны, он жаждал опасностей, борьбы, подвига. Его влекла грозная стихия революции, и Сельвинский безоглядно бросился в нее, на первых порах не всегда верно избирая соратников, но твердо зная, что он против угнетателей и на стороне восставших. Не случайно еще в гимназии, прочитав «Капитал», юный поэт к своему имени Илья присоединил имя Маркса и расписывался, не без щегольства, «Эллий Карл Сельвинский». Дважды сидел он в тюрьме у белых, дважды, выйдя на волю, вновь оказывался в гуще событий. Много

лет спустя, уже после Великой Отечественной войны, маститый поэт описал все это в автобиографическом романе «О, юность моя!», оказавшемся одним из последних его произведений большой эпической формы. А пока перед Сельвинским открывалось широкое поле жизни, манящее неизведанным. И он, стремясь узнать и увидеть как можно больше и лучше, колесил по немереным просторам родины. В 19-м году работал в унаробразе в Крыму, за четыре года как сотрудник организаций, ведающих экспортом мехов, побывал во многих местах, от уральских степей, равнин среднерусской полосы до Крайнего Севера и Дальнего Востока, а в 1932 году оказался на Камчатке в качестве особоуполномоченного Союзпушнина. Участие в знаменитом арктическом рейсе ледокола «Челюскин», где Сельвинский был корреспондентом «Правды», как бы завершает его путешествия по Северу. Под впечатлением странствий создавались стихи, поэмы, драматические произведения: поэма «Улялаевщина», роман в стихах «Пушторг», драма «Умка — Белый Медведь», цикл тихоокеанских стихов. Это таких, как И. Сельвинский, имел в виду А. В. Луначарский, говоря о новых писателях революционной России: «Куда только не бросала их жизнь, чего только они не пережили! В одну неделю испытали они больше, чем иной крупный писатель за всю свою жизнь в прошлые годы. Все ужасы войны империалистической, всю многосложность, всю горькую, героическую симфонию войны гражданской и одновременно с этим скорбные, потрясающие картины напряжения нашего тыла — для того, чтобы не сдать завоеваний революции во много крат сильнейшему врагу. Почти всякого из них жизнь метала с севера на юг, с востока на запад, красноармейцем ли, советским ли служащим или перекаати-полем, носимым вихрями взбодоруженной атмосферы».¹

Определить свой творческий путь молодому поэту было не просто. С высоты нашего сегодня, обогащенные опытом борьбы и побед советского народа, мы подчас легко замечаем ошибки прошлых лет, забывая иной раз о том, что искусство социалистического реализма, да и самый метод его не были даны художникам в готовом виде, а создавались в процессе их поисков, свершений и срывов. Советская поэзия ранних лет была в полном смысле слова «ездой в незнаемое» по никем не проторенным путям, по целине.

Поиски молодых художников того времени в значительной мере осложнялись борьбой многообразных и взаимоисключающих групп и направлений, одни из которых существовали относительно долго и имели широко разработанную программу, а другие возникали и ло-

---

¹ А. В. Луначарский, Собр. соч., т. 2., М., 1964, с. 300.

нались, как мыльные пѳзыри. Но каждое из них объявляло себя единственно «созвучным эпохе» и провозглашало свое кредо как совершенно не примиримое ни с какими другими.

С 1921 года, будучи студентом Московского университета, И. Сельвинский находится в атмосфере борьбы этих группировок, от Пролеткульта с его нигилизмом в отношении литературного наследства до «ничеговоков», призывавших ничего не писать, ничего не печатать и даже ничего не говорить.

В этом многоголосье молодой поэт не оценил значения даже таких мощных голосов, как голос Горького или Маяковского, а стихи Демьяна Бедного представлялись Сельвинскому утилитарной агиткой.

В течение ряда лет вел Сельвинский полемику с Маяковским, обвиняя его в слишком утилитарном понимании места и значения поэзии в жизни.

Маяковский! Вы увенчанный лаврами
Мѳтр и меж поэтов туз,
Как-то за Вами я полетусь
В малярном деле торговой рекламы?

(«Пушторг»)

В 1930 году, потрясенный смертью Маяковского, Сельвинский утверждал, что теперь осознал свои заблуждения и принимает поэтическое наследство своего «любимейшего врага». В примечании к публикации стихотворения «На смерть Маяковского» он писал: «Принятие мной наследства Маяковского означает для меня признание ошибки, заключавшейся в недооценке роли агитки как жанра, призванного преимущественно формулировать идеи». ¹ Однако и это заявление поэта вовсе не говорило о всей полноте понимания им творчества Маяковского и его значения в советской поэзии. «Ошибка Маяковского, — продолжал тут же Сельвинский, — выражалась в обратном: он недооценивал роли эпоса и драматической поэзии, то есть жанры, призванные преимущественно изображать людей в их взаимоотношениях». ² Из этой примирительной декларации видно, что расхождение с Маяковским у Сельвинского тех лет было весьма глубоким: Сельвинский не только не смог тогда оценить Маяковского как творца нового, революционного эпоса. Масштабы этого расхождения свидетельствовали прежде всего о противостоянии методологическом.

---

¹ Илья Сельвинский, Декларация прав поэта, М., 1933, с. 9.

² Там же.

В то время как Маяковский был одним из первых в ряду зачинателей советской поэзии социалистического реализма, И. Сельвинский все еще не мог освободиться от оков конструктивизма. Основные его принципы были сформулированы еще в 1924 году, когда И. Сельвинский совместно с Алексеем Чичериным и Ольгой Чичаговой опубликовал программу конструктивизма, где это направление противопоставлялось всему остальному искусству как сфере «пассивной». Сам же конструктивизм объявлялся «активным», так как писатель-конструктивист не ограничивался якобы отражением действительности, а стремился, «разрушив изнутри старые мещанские устои, организовать новые формы бытия через воспитание нового конструктивного человека».¹ Во второй части этого документа, названной «Клятвенная конструкция конструктивистов-поэтов», общие положения конкретизировались, обнаруживая эклектическую сущность предлагаемого манифеста. Так, с одной стороны, произведение искусства объявлялось локальной, внутри себя замкнутой и самообусловленной рационалистической конструкцией, не зависящей от общества и его интересов. С другой стороны, одним из важнейших компонентов искусства оказывалась «магия ворожбы», которая, составляя «поэтический орнамент» конструкции, казалась авторам декларации наиболее «надежной» и вместе с тем «опасной» его частью, будучи средством эмоционального воздействия на читателя. Авторы документа требовали увеличить «грузоподъемность» поэтического слова, прозаизировать стих, подвести под него «научно-машинный» фундамент. Одновременно объявлялась некая эстетическая всеядность, в результате чего «заумь» также шла на вооружение поэзии. К 1925 году на основе этой декларации было создано литературное объединение конструктивистов, куда кроме возглавившего его И. Сельвинского вошли Борис Агапов, Николай Адуев, Валентин Асмус, Евгений Габрилович, Корнелий Зелинский, Вера Инбер, Александр Квятковский, Владимир Луговской.

При всех благих намерениях участников группы, искренне уверенных в революционности конструктивизма, он далеко не во всем был явлением прогрессивным. Конструктивистская теория преувеличивала значение техники и технической интеллигенции в переустройстве общества и недооценивала классовую борьбу и роль пролетариата как боевого авангарда трудящихся. Конструктивистские схемы мешали свободному развитию творчества участников этой группы, препятствуя, в частности, реализации главного поэтического замысла Сельвинского, задавшегося целью создать большой эпос со-

---

¹ «От символизма до «Октября», М., 1924, с. 258.

временности, где отразилась бы новая эпоха в истории человечества, во весь рост был показан новый человек, представляющий широчайшие массы людей, пробужденных революцией. Предвзятые догмы конструктивизма отгораживали членов группы от живой действительности.

К счастью, не литературные декларации определяли развитие литературы в целом и творческой индивидуальности в частности, хотя, как справедливо замечает Л. И. Тимофеев, особенное внимание всевозможным «манифестам» со стороны критики 20-х годов создавало впечатление, будто именно борьба литературных группировок составляла основу литературного процесса. Но «дело было не только в том, что творческая практика многих писателей перерастала теоретические воззрения группировок, с которыми они были связаны, и не укладывалась в их рамки. Главное было в том, что развитие литературы в целом по своей идейной сложности, по широте охвата самых различных сторон действительности, по своим творческим перспективам не укладывалось в ограниченные, а часто и вредные и ошибочные определения, которые выдвигали теоретики тех или иных группировок.

В основном русле развития советской литературы... шли писатели безотносительно к тому, были ли они связаны с какими-нибудь группировками или в них не входили: М. Горький, А. Толстой, Л. Леонов, Б. Лавренев, И. Эренбург (вне групп), К. Федин, Н. Тихонов, Вс. Иванов («Серапионовы братья»), Маяковский и Н. Асеев (ЛЕФ), А. Серафимович, Д. Бедный, А. Фадеев, М. Шолохов, Д. Фурманов (РАПП), А. Малышкин, М. Пришвин, Э. Багрицкий («Перевал»), Ф. Гладков («Кузница»), И. Сельвинский, В. Инбер (конструктивисты), С. Есенин (имажинист)».¹

Сельвинский-поэт безусловно не укладывался в схему, созданную Сельвинским-теоретиком, хотя, как уже говорилось выше, она и мешала осуществлению его поэтических замыслов.

Сквозь все его творчество, развиваясь и переплетаясь между собой, проходят образы зверя и моря, олицетворяющие стихию — чувство, которое, однако (как долго думал Сельвинский), в силу законов истории, якобы противостоящих законам живой жизни, должно быть покорено холодным, смиряющим разумом-планом. Не умея мыслить диалектически, он считал разум и чувство, план и стихию понятиями механически противостоящими. Многие годы творчество Сельвинского содержит в себе апологию «прекрасного зверя», олице-

---

¹ «История русской советской литературы», т. 1, М., 1967, с. 56.

творяющего свободную стихию, живущего по своим извечным, «естественным» законам инстинкта («Рысь»).

Отождествляя народ со стихией, он признавал необходимость подчинения этой стихии революционному плану. Но это было как бы вынужденное подчинение, а не закономерное диалектическое единство чувства и разума в революции. Не только буржуазный строй представлялся Сельвинскому 20-х — начала 30-х годов оковами естественного бытия, но и всякое организованное начало казалось враждебным единственно правой, прекрасной в своем непроизвольном существовании природе непосредственного. И до тех пор, пока поэт не осознал и не почувствовал, что именно в социалистической революции разум и чувство объединились в общем стремлении людей завоевать и построить новый, истинно справедливый мир без эксплуатации и угнетения человека человеком, — развитие принципов социалистического реализма в его творчестве было затруднено. Затруднено было и создание нового эпоса, которое требовало в первую очередь постижения исторических закономерностей революционного процесса.

Первые большие эпические произведения Сельвинского — «Улялаевщина» (1927) и «Пушторг» (1929) — были задуманы им как отражение переломных событий в жизни нового общества: гражданской войны и периода новой экономической политики. Именно в этих произведениях Сельвинским была сделана первая попытка решить философскую проблему соотношения стихии и разума в революции, занимавшую тогда едва ли не всю творческую интеллигенцию.

Постановка этой проблемы в «Улялаевщине» отчетливо обнаружила одно из главных противоречий творчества поэта: признание конфликта стихии и разума как конфликта непримиримого по самой природе.

Изображая вольный разлив революционной стихии, прекрасной в своей неумолимой разрушительной силе, сметающей с пути враждебные народу обветшалые устои царского самодержавия, поэт приводит, однако, эту стихию к жестокому столкновению и с новой организующей силой — разумом пролетарской революции. В результате он создает идеализированный романтический образ атамана Серги Улялаева, находящегося в состоянии непримиримого конфликта с неприемлемыми, по мнению Сельвинского, для вольной стихии бунтующих масс рационалистическими установлениями революционного города. Идеологом же города оказывается сухой догматик, не способный на живое чувство комиссар Гай, имеющий весьма отдаленное сходство с реальным деятелем пролетарской революции. Изобилующая сочными красками, построенная на свободной и гибкой ритмиче-

ской основе, открыто демонстрирующей экспериментальный характер стиха Сельвинского, «Улялаевщина» не стала реалистическим произведением, правдиво рисующим великую революцию и тем более ее движущие силы, но показала большой творческий потенциал поэта, яркую и смелую образность его своеобразного экспрессивного поэтического стиля, не укладывавшегося в навязчивые каноны конструктивизма.

Иное дело — непосредственно последовавший за «Улялаевщиной» «Пушторг», который не только был построен на ложной конструктивистской идее технократии, но и весь образно-поэтический характер которого был подчинен конструктивистской схеме, в результате чего цифровые данные, выкладки и расчеты пушного экспорта соседствуют в тексте с нарочито усложненным речевым и ритмическим «орнаментом». Идеино «Пушторг» оказался также весьма уязвимым. Его герой — беспартийный «спец», ученый, вышедший из народа, своего рода патриот и поэт пушного дела Онисим Полуяров — был противопоставлен безграмотному и беспринципному «выдвиженцу» — карьеристу Семену Кролю, готовому продать интересы доверенного ему «Пушторга» иностранным концессионерам. При этом на стороне Кроля, который хотел революции не для блага общества, а для себя («серебряных ложек! Чтоб было прилично»), было слепо доверяющее его «пролетарскому происхождению» руководство (Мэк), а за Онисимом Полуяровым стояли студент Пашка Саввич и служащие Пушторга, искренне верящие в правоту директора и любящие свое дело. Так в романе Сельвинского оказались противопоставленными партия и интеллигенция.

Из эпопеи «Улялаевщина» в роман в стихах «Пушторг» не просто перешло упоминание о гибели Улялаева и образ предка Сашки Лошадиных, который оказывается ныне дикпурьером и соседом по купе Онисима, выжитого Кролем из треста и едущего за границу. В «Пушторг» перешла и обусловленность характеров эпическим разворотом событий от боев гражданской к нэпу, перешла и проблема соотношения стихии и разума. Согласно убеждениям Сельвинского тех лет, стихия слепа, от нее не спасешься. Об этом говорит уже Пролог, где охотник-зырянин живьем выхлестал из шкуры молодого бобра (чтобы мех его, поседевший от страданий животного, поднялся в цене), а медведица, играючи, содрала кожу с зырянина. В итоге и охотник и его жертва лежат рядом — две жалкие ободранные тушки, понапрасну загубленные жизни. Стихия многолика: она и в любви, и в ненависти; проявляется она и в предвзятости и взаимном непонимании. Она — в обществе и в человеческой душе, бессильной справиться с самой собой. По-иному, в сравнении с «Улялаевщи-

ной», ставится в романе эта проблема при характеристике стихийности таланта, который нужно беречь и направлять силою организованного разума, иначе талант погибнет, как погиб Онисим Полуяров, предоставленный самому себе и оказавшийся неспособным преодолеть конфликт стихии и разума в собственной судьбе.

Время по-своему читает произведения искусства. Сегодня можно увидеть в «Пушторге» и проблему борьбы с волюнтаризмом, и пропаганду научной организации дела и дальнего расчета в коммерческих делах страны, которые, конечно же, могут и должны строиться на безупречной честности по отношению к внутренним и зарубежным партнерам.

Но и сегодня мы должны признать, что лозунг «Кроль или коммунизм», при всех благих намерениях автора, не определял существа проблемы нэпа, а недооценка вредоносных действий скрытых врагов (таких, например, как затаившийся до времени брат Онисима Северьян) грозила тогда весьма серьезными последствиями.

Подвергшийся суровой критике «Пушторг» был оставлен автором, который долго не включал его в свои новые сборники.

Илья Сельвинский был поэтом большой и трудной судьбы. В значительной мере она была определена его собственным характером, порожденным прежде всего эпохой великих исторических сдвигов и переломов, в которую формировалось его яркое, кипучее поэтическое дарование.

Творческий путь И. Сельвинского, который сам он в жестоком приступе самокритики назвал однажды «каталогом сложных ошибок» («Декларация прав поэта»), — это путь гигантского труда и напряженного поиска, осложненный упорством, с каким поэт неизменно отставал не только свои находки, но и заблуждения. Искренность, полная открытость и прямота мысли и чувства не гарантируют еще реалистической правды жизни в искусстве, хотя придают убежденность произведениям писателя.

В жизни и поэзии молодого Сельвинского немало внешне эффектного, демонстративно преувеличенного, а внутренне незрелого, бравады, идущей от бытовой суеты городского мещанства. Но во всем его поэтическом облике несомненным было одно: совершенная искренность в его отношении к революции, которую поэт всегда и неизменно принимал, хотя сущность ее понял не сразу. Именно это и определило при множестве идейно-эстетических колебаний твердую направленность пути Сельвинского к партии, его верность социализму. Один из создателей ложной — идейно и художественно — теории конструктивизма, он искренно взывал к пролетариату, который, по твердому убеждению поэта, как класс, «вдувающий в паровозы

вой», мог и должен был так же неуклонно и твердо подключить нервы художника к революции и пустить его «в ход, как любой завод».

Решив «приобрести пролетарское мировоззрение», которое представлялось ему тогда механическим продуктом бытия, известный уже поэт в начале 30-х годов поступил рабочим на электроламповый завод, где и проработал сварщиком около двух лет. Однако это не дало ожидаемых результатов. Творческий метод поэта оставался прежним, поэтому и факты новой для него действительности он вложил в прежние свои схемы. Новым приобретением этой поры своеобразного «хождения в народ» оказался лишь усилившийся техницизм поэтических описаний. На место живого героя была поставлена электрическая лампочка, развитие характера человека заменено описанием производственного процесса.

Долгие годы стихийное стремление к реализму сочеталось у поэта с неясным пониманием отношения искусства к действительности. Уже в 30-х годах, торжественно отказавшись от конструктивизма, И. Сельвинский провозгласил новую теоретическую платформу, обусловившую повторение его старых заблуждений: в качестве ведущего метода поэзии им был предложен «дубль-реализм», пропагандировавший полную свободу фантазии художника, вплоть до произвола ее.

Соответственно этому принципу были написаны многие произведения поэта, такие, например, как «Командарм 2» (1930) или «Пао-Пао» (1931), сюжет которых построен на превращении ничтожного эстетствующего писаря в полководца, обезьяны — в человека-борца. Сильная личность, герой, превосходящий окружающих людей, возвышающийся над ними, стремящийся уйти от человеческого общества, представленного как скопище ординарностей, в себя, к обезьянам или хотя бы из жизни вон, — таков главный персонаж этих произведений И. Сельвинского.

Недостаток «Пао-Пао» или «Командарма 2» не в том, что они повествуют о событиях, каких не могло быть в реальной действительности. Сказка может иметь реалистическую основу, миф может в особой форме обобщать реальные исторические закономерности.

Беда поэтических трагедий «Пао-Пао» и «Командарм 2» в том, что обобщение реальных фактов жизни здесь подменено произволом фантазии художника, идущей вразрез с закономерностями исторического процесса. Германская революция в ее борьбе с активизирующимся фашизмом в одном случае и гражданская война в другом — лишь условный фон действия, факты которого исторически не осмыслены. Таким образом, внешне прикрепляя свои трагедии к определенным историческим событиям, автор на деле создает произведения,

В которых события эти лишь орнаментируют весьма далёкие от них абстрактно-гуманистические проблемы.

Трогателен в своей наивной прямолинейности простодушный Пао-Пао, очеловеченный прекрасный зверь. Но приобщение к цивилизации оказывается для него пагубным. Оно лишает Пао-Пао естественной, природной силы инстинкта, а рационалистические законы общественной жизни оказываются неприемлемыми, враждебными его натуре.

В схватке стихии и разума стихия снова и снова терпит поражение, которое осмысливается автором как торжество жестокости и коварства над открытостью и добротой. Едва ли не в большей степени пессимистичен вывод «Командарма 2», утверждающий порочную двойственность человеческой природы, проявляющуюся во внутреннем противоборстве двойников Оконного и Подоконникова. А то, что фоном противоборства изображена гражданская война, делает этот вывод как бы социально угрожающим. Так проявилась присущая в те дни многим писателям тревога Сельвинского о том, как бы оживающее в мирные дни мещанство не захлестнуло «построенный в боях» социализм, не подменило гуманное содержание новой жизни выхолощенной псевдореволюционной фразой приспособленца.

Ложные методологические предпосылки, обусловленные тезисом «дубль-реализма», помешали Сельвинскому воплотить свой замысел в соответствующую ему недвусмысленную форму. Однако искреннее стремление поэта усилить народность своего творчества через непосредственное участие в делах народа принесло свои плоды.

Поездки по Крайнему Северу дали художнику большой, запечатлевшийся в его творчестве жизненный материал, ярко отражающий решающие успехи социалистического строительства. В частности, в эти примерно годы происходит поворот в решении Сельвинским темы зверя, образ которого, как и образ моря, олицетворял до сей поры в произведениях поэта прекрасную и правую в своей естественности стихию. Теперь поэт ужасается звериному в звере. Его потрясает лиса, которая, играя, съела своих собственных детенышей. Не лирикой звериности, а пугающим оскалом хищника обернулась в стихах о зверосовхозе одна из любимых тем Сельвинского, провозглашающего теперь необходимость обуздания хищника. Одновременно поэт создает ряд стихотворений, в которых восхищается человеческим, разумным в звере. Медведь, сидящий в целебной воде серного источника, тигр — добрый семьянин «и чей-нибудь папа», который «целится пятизарядной лапой», чтобы прокормить своих тигрят, — вот наивные, одомашненные персонажи этих стихов. Проблема борьбы с хищничеством проецируется поэтом и на человеческие отношения.

В трагедии «Умка — Белый Медведь» (1935) показан реальный конфликт, вызванный бесчеловечным капиталистическим угнетением бедноты зарубежными дельцами, использующими в целях наживы пережитки феодально-патриархального строя, все еще сильные тогда в быту народов Крайнего Севера. Борьба между продавшимся чужеземцам вождиком маленького племени луораветланов и мужественным молодым охотником Умкой написана сильно и реалистично. Это борьба между хищническим, звериным и человеческим, человечным. Однако отразить реальный, социально обусловленный конфликт между пережиточными формами патриархального быта луораветланов и социалистическими принципами общежития, носителем которых выведен большевик Кавалеридзе, приехавший работать на Север, Сельвинскому не удалось. Поэта захлестнула экзотика сочиненного им в духе «дубль-реализма» острого сюжета. Трагедия потеряла жизненную правдивость, а на первый план снова выступил излюбленный автором конфликт стихии и организующего начала. Следует отметить, однако, ясно обозначившуюся попытку поэта осуществить синтез разума и чувства в образе большевика Кавалеридзе.

При всех творческих удачах И. Сельвинского (таких, как привлекательный, сильный образ Умки — Белого Медведя или великолепные арктические пейзажи «Челюскинцы»), его произведениям тех лет свойственно было произвольное движение сюжета и характеров, нередко идущее вразрез с логикой действительности.

Решающим для творчества И. Сельвинского стало его обращение в канун Великой Отечественной войны к исторической теме. Проблема постижения закономерностей исторического развития была тем главным, без чего невозможно реалистическое творчество эпического поэта. Вызванный всеобщим патриотическим подъемом советского народа, нараставшим в предгрозовой атмосфере конца 30-х годов, интерес к истории был характерен не только для русских советских писателей, но и для многих писателей братских народов СССР. В этом проявилась любовь к родине, стремление ощутить крепость своих исторических корней, осмыслить место и значение своего государства в мировой истории.

Обратившись к истории с позиций современности, Илья Сельвинский, честный и талантливый человек и поэт, особенно ясно ощутил, что ни одна личность и ни одна социальная группа не сделала столько для славы своей родины и блага народа, сколько сделал рабочий класс под водительством Коммунистической партии. А это убеждение в свою очередь осветило новым светом глубины прошлого, помогло поэту правильно понять движение народа в истории, соотношение стихии и разума в ней. Характерно, что обращение к теме

родины — России способствовало освобождению творчества И. Сельвинского от рационалистических схем конструктивизма.

Начало нового этапа творчества Сельвинского ознаменовано работой над созданием трагедии «Рыцарь Иоанн».

В новых поэтических произведениях Сельвинский обогащает свою палитру художника необычными для нее красками. Обращение к теме русской народной жизни определило и обращение поэта к традициям русской классики. Отчетливо проступает в трагедии «Рыцарь Иоанн» тема обретенной родины. Герой трагедии Иван Болотников, вождь крестьянского восстания, борется не за утверждение своей личности, своей воли, как боролся атаман Серга Улялаев и многие другие герои стихов и поэм Сельвинского, а за свободу и счастье своей отчизны, народа.

Я кто, Василь Иваныч? Я пустяк, —

говорит уже разбитый и плененный Болотников царю Василию Шуйскому, —

Я человек маленькой — всего лишь
Великий воевода черноты.
Но вот за этой чернотой — *правда!*

И сила Болотникова не в ощущении своего индивидуального превосходства над массой, как это было у героев-антиподов «Улялаевщины» или «Пушторга», а в осознании себя слугой и глашатаем народной правды.

И. Сельвинскому — эпическому поэту всегда было свойственно стремление вмешать себя самого в центральные образы своих произведений. В результате образы эти разрушались иногда под грузом мыслей и чувств поэта, противоречащих мыслям и чувствам рисуемых автором исторически и социально чуждых ему людей. Так было с Полюяровым в «Пушторге», Оконным в «Командарме 2», Пао-Пао и другими.

В трагедии «Рыцарь Иоанн» образ Ивана Болотникова глубоко лиричен. Не так ли, как Болотников на чужбине, тосковал и сам поэт о служении родному народу?

Это, однако, не мешает созданию объективного образа эпического героя, русского крестьянина, проведшего свою юность в далекой Венеции, но стремящегося понять коренные требования своего народа и стать выразителем его чаяний. Это не противоречит исторической правде, так же как не противоречит ей ряд моментов и положений, делающих идеи и образы «Рыцаря Иоанна» исторически актуальными для наших дней.

Так, не могло не взволновать свидетелей мюнхенского сговора изображение предательства бояр и дворянина Молчанова, не остановившихся даже перед тем, чтобы привести на Русь чужеземных завоевателей под стягом нового Лжедмитрия, но испугавшихся размаха крестьянского движения. В образе боярского ставленника царя Василия Шуйского воплощен характер продажного политика, жестокого и скаредного хитреца, прячущегося под маской придурковатости. В Василии Шуйском мы различаем зловещий облик вождика-марionетки, выдвинутого правящей феодальной верхушкой. Здесь подчеркнуты не просто отрицательные черты боярского царя, но и реакционера вообще: не только в политике, но и в искусстве говорит царь Василий свое тяжкое, вяжущее всякое живое движение слово. Это втайне от Василия пишет заморский мастер Пьетро богородицу «с натуры», это из его пышных хором бежит художник в лагерь восставшего народа и в походной жизни, лишенный возможности писать красками на холсте, живописует словом портреты своих современников.

В личном столкновении вождя стихийного народного восстания Ивана-Джиованни Болотникова с царем Василием Шуйским, олицетворяющим страшную силу феодальной косности, верх берет Василий Шуйский. Однако в плане историческом выходит иное. Вождь и слуга народа, вдохновитель и поэт крестьянского движения, рыцарь Иоанн мечтает о «раскрытом пророческом видении» Фомы Кампанеллы «государстве Солнца», но он не эгоист и не отвлеченный, беспочвенный мечтатель, каким был Оконный в «Командарме 2». Он хочет создать это «государство Солнца» теперь же, немедленно, в любимой и нищей своей стране, «проклятые хатенки» которой ему милее царственной пышности венецианских дворцов. Задумав поднять весь, без различия национальностей, угнетенный люд России, Болотников зовет Лжедмитрия задумать такое государство на Руси, «что даже Венеция тоскою истомится по Москве». С дерзкой мечтой утописта Иван Болотников сочетает действенный талант полководца и трезвый разум государственного мужа. Он понимает разницу в боеспособности наемных войск и войск, сражающихся за свою землю. Он твердо смиряет недоверчивых и спесивых бояр; с благодарностью принимает ратную помощь «ясачных» малых народов и гонит в шею военачальников иноземных интервенционистских войск; он смело выдвигает на командные должности бойцов, в битвах показавших свое дарование. Жалую приказных взятого повстанцами города именем и чинами, Болотников умело связывает их судьбы с судьбой крестьянского движения. Он, наконец, смело ставит перед своим мужицким войском действенные лозунги крестьянского восстания:

Земля... Вот слово нужное: земля!
Не «трон», не «царь», не «Дмитрий Иоанныч»,
И даже не Егорьев день — *земля!*
Ее просторы... низкие увалы...
. . . . .
Земля... за черные твои пары
Пойдут на смерть необозримы села,
Которые тобой одною дышат
И не надышатся, как от любви.
Ничто тогда пред ними царь Василий.
Как божий гром, грозовое — «земля»
Ударит в барабаны и набаты.

Эту мечту о земле Болотников услышал в песне слепца, уже сложенной народом об «Ивашке свет Исаевиче, крестьянском сыне», и воспринял ее как требование угнетенных крестьян, которое ему, полководцу, необходимо осуществить.

В характере рыцаря Иоанна лирическая стихия сочетается с разумом естественно и органично. Это и делает его убедительно цельным, живым. Трагедия Болотникова, «рожденного с непомерным сердцем», видящего дальше своих современников, в том, что он рано родился. Дворянское государство утопило народное восстание в крови, но оно бессильно было уничтожить идею свободы, посеянную движением Болотникова и уже зреющую в толще крестьянских масс. Напрасно торжествует юродствующий хитрец царь Василий, обманом пленив рыцаря Иоанна и отняв последнее, что у него осталось в жизни, — любимую девушку: «Вот так же мы с тобой, Иван Исаич, боролись и за Московию».

«Верно, — отвечает Болотников, — но только мы не доборолись», «... война не кончена». Напрасно в безотчетном страхе бегнуется царь, издеваясь над Болотниковым, грозя ему лютой казнью. «Ну и помру. И что? Одним крестьянином поменьше», — упрямо возражает рыцарь Иоанн. Можно убить «воеводу черноты», но правда народная жива, и она победит: «Казнить казнишь, а все-таки бо-нисься».

И словно в подтверждение пророческих слов рыцаря Иоанна появляется гонец с вестью, что в Стародубе поднято восстание, крестьяне и казаки идут на Тушино и ведет их... Иван Болотников.

«Болотников? Ивашка? Да ведь вот он!» — в ужасе восклицает Василий. И гонец отвечает, что тот Болотников не человек, а при-зрак, созданный народной верой в торжество правды:

Перед полками — с боевой хоругвью,
В доспехах, при мече и мушкетоне,
Качается туманное пятно,
И коль сказать: «Болотников» — оно
Оглядывается. . .

Двойник Болотникова символизирует бессмертные идеи народо-властия, за которую отдает свою жизнь рыцарь Иоанн, тогда как в «Командарме 2» двойник Окошного существовал для демонстрации честолюбивых вождедений как извечно присущего человеческому характеру свойства.

Освобожденная от гнета душевного раздвоения автора, ясная по мысли, цельная по чувству, трагедия «Рыцарь Иоанн» написана спокойным пятистопным ямбом. Гибкий и послушный Сельвинскому стих трагедии отражает и страстное волнение, и величавое раздумье, и лютой гнев, и тихую нежность.

В богатстве интонаций трагедии Сельвинского отчетливо звучат и живописный язык русских крестьян, и изысканная придворная речь польской знати, и важный, неторопливый говор бояр, и претенциозные речения венецейского золотописца, и нарочито простоватые слова скоморошествовавшего хитреца-скопидама Василия Шуйского.

В трагедии «Рыцарь Иоанн» Сельвинский впервые от стилизации в народном духе обращается к изображению русского национального характера, воплощенного в первую очередь в образе Болотникова, которому присущи свойственные русскому человеку черты благожелательности и уважения к другим народам, умение, поняв другой народ, приобщившись к его культуре, укрепить и возвысить свое страстное патриотическое чувство.

Важно отметить и новый подход к созданию женских образов в этой трагедии. До сих пор женщина в поэзии Сельвинского принадлежала чаще всего к той категории городской интеллигенции (богемной и буржуазной), национальные особенности которой нивелированы.

В «Пушторге», например, решительно противопоставляя «шарм Парижа» — «голой Твери», «женщину Запада», «буржуазку» — «работнику женотдела с наганом и ваксой», поэт воинственно провозглашал:

Пока на кино хоть копейкой владею —
Вас не отдам под колеса иден.

В трагедии «Рыцарь Иоанн» женское обаяние определяется уже не пудрой и краской, оно не в «дымных клетках» красного манти, а в живом уме, в любви и верности любимому и долгу, в глубоком

духовном сродстве с ним, в тех чертах русской женщины, которые были воспеты Некрасовым. Женка Болотникова Любаша — это первый в творчестве Сельвинского образ русской женщины из народа.

Трагедия «Рыцарь Иоанн» — существенно важный этап в движении автора по пути реализма. Поэт уверенно обнаруживает теперь связь настоящего с прошедшим и будущим. В трагедии расстановка общественных сил, исторический смысл событий поняты автором в основном правильно. Однако порою он все еще грешит известной прямолинейностью исторических параллелей и сопоставлений, что, например, дает себя чувствовать в настойчивом возвращении поэта к проблемам искусства, иной раз нарочито звучащим в трагедии, освещающей коренные вопросы народной жизни. Неуместны здесь некоторые словесные изыски, такие, например, как «голубая слеза» клячи, бредущей по борозде.

Но эти недостатки трагедии — уже частные, они не определяют ее существа, в отличие от таких произведений Сельвинского, как «Командарм 2» или «Пао-Пао».

Канун второй мировой войны отмечен огромным событием в жизни И. Сельвинского — он вступает в Коммунистическую партию. Этот решающий шаг человека и поэта был вполне закономерен для Сельвинского, искренне стремившегося до конца слить свою жизнь с жизнью народа.

Падение ряда европейских государств под натиском фашистских полчищ, страшная судьба народов — носителей старейших культур, беспощадно погранных и растоптанных фашистским сапогом, глубоко волнуют поэта. Его новая трагедия «Орла на плече носящий» («Бабек») написана в 1940 году в итоге поездки в Азербайджан, по материалам истории Азербайджана, но вдохновлена она событиями современности.

Творческий успех трагедии Ильи Сельвинского определяется высоко развитым чувством интернационализма, которым он обладал, способностью поэта до глубины души проникнуться инонациональной народной стихией.

Молодой азербайджанский писатель Анар, говоря в своей статье «Радость общения» о творческом взаимообогащении братских литератур Советского Союза, о благотворном влиянии русской советской литературы на азербайджанскую, указывает также и на воздействие этих литератур на творчество таких больших русских поэтов, как Маяковский, Есенин, Тихонов, Луговской, Сельвинский. «Особо следует отметить в связи с этим замечательную трагедию Ильи Сельвинского «Орла на плече носящий», посвященную героическому сыну Азербайджана, вождю народного восстания IX века Бабеку. И. Сель-

винский не только обращается к эпизоду нашей истории, он творчески использует формы и интонации, характерные для азербайджанской поэзии, органически сочетая их с русской поэтической традицией». ¹

Сделанные Сельвинским переводы из старой и новой восточной классики (например, цикл 1949 года «Таджикская поэзия»), перевод трагедии Мухтара Ауэзова «Енлик-Кебек» — наглядное тому подтверждение. И если обратиться к зарубежным стихам Сельвинского, написанным в результате его поездок в Англию, Францию, Германию, Турцию, Австрию, Польшу, Чехословакию, Японию (а поездки за границу начались уже в 30-х годах), то и в них заметно живое ощущение поэтом типических особенностей инонационального характера и бытия.

Герой трагедии «Орла на плече носящий» — лицо историческое, так же как и герой «Рыцаря Иоанна». Но трагедия «Бабек» не только яркий и своеобразный показ героической борьбы древних азербайджанцев с арабами за свою независимость, — это и страстная мечта о возрождении поработенной фашистами Европы в битве за жизнь и свободу. Не к поверженным ли ее народам обращена песня вождя азербайджанцев Бабека?

Угнетатели ночью спят,
Угнетателей не проймешь,
Угнетенные копят яд...
Угнетенные точат нож...
Так бывало из века в век:
Угнетенный велик человек!
То, что было множество раз,
Повториться может сейчас.

Реалистическая по методу раскрытия характеров, трагедия эта имеет большой, многозначительный подтекст, и образы ее становятся символами, исполненными важного смысла. Избранник народа Бабек — родной сын крестьянки Баромид, в характере которой соединены национальные черты бедной азербайджанки — ее воспитанная нуждой бережливость и любовная суровость в отношении к сыну — с общезначимыми для всех народов мира величественными чертами женщины-матери, олицетворяющей родину. Беспредельно и требовательно любящая своего сына, верящая в его миссию непреложно и свято, мать Бабека благословляет его на смертный бой с врагом и повсюду следует за ним.

---

¹ «Литературная газета», 1970, 14 октября.

Чутко прислушивающийся к пуждам своей родины, готовый сражаться и умереть за народ, Бабек умеет твердой рукой повернуть массы в нужном направлении, умеет подчинить других своей воле, когда этого требуют интересы защиты отчизны от чужеземного ига.

В трагедии о Бабекe, так же как и в «Рыцаре Иоанне», разрешается одна из основных проблем творчества Сельвинского — проблема взаимоотношений героя с народом.

В ранних своих поэмах Сельвинский противопоставлял разум активного героя и стихию народных масс как некие враждебные друг другу силы. В «Бабекe», как и в «Рыцаре Иоанне», этого искусственного противопоставления нет. Здесь вера и сила, стихия и организующий разум, мечта и действие слиты в личности Бабекa. Здесь герой не «сверхчеловек» и не аскет-фанатик, а живой, любящий, страдающий, борющийся и мечтающий человек, плоть от плоти народа. В каждом слове Бабекa чувствуется огромная жажда жизни и радости, вера в правду и счастье.

Чистая и верная любовь Бабекa к бедной девушке-горянке Пэрисад противостоит хищной и разрушительной страсти его официальной знатной супруги Шахсултан, во имя этой страсти предающей врагу и родину и мужа. В пламенной верности Бабекa Пэрисад, ставшей бойцом за свободу, символизируется верность героя демократическим идеалам, верность народному началу.

Рисуя полную подлинно народного остроумия сцену состязания певцов на площади захваченного арабами города Барды, негодующую отповедь Бабекa своим соперникам-певцам — феодалу и купцу, — Сельвинский трактует поэзию как часть общенародного дела — борьбы за свободу.

И вдохновленные проникнутой народным юмором песней Бабекa, несущей пламя великой любви к соотечественникам, жители покоренного города поднимаются, чтобы сокрушить и рассеять своих работодателей.

В трагедии Сельвинского нет места иронии и скепсису или чувству безысходности, во многом определявшим его ранние поэмы. «Орла на плече носящий» — исполненная непоколебимой веры в победу, сверкающая, радостная, оптимистическая поэма торжества героя, утвердившего, несмотря на трагический конец, свою неповторимую индивидуальность в полном слиянии с народом, обретшего личную свободу в добровольном подчинении своей судьбы служению родине.

Великая Отечественная война, обнаружившая всепобеждающую силу морально-политического единства советского народа, самоотверженно вставшего на защиту родины от фашистских захватчиков,

оказала решающее влияние на творчество И. Сельвинского. С начала войны находясь на фронте в качестве политработника, И. Сельвинский пишет множество стихов и начинает трагедию «Ливонская война».

Среди военных стихов И. Сельвинского есть широко известные патриотические произведения — такие, как «Я это видел», героические баллады «О танке КВ», «О ленинизме», «Аджи-Мушкой» и многие другие. Особо следует отметить написанные И. Сельвинским во время войны стихотворения «Тамань» и «Лебединое озеро». В них поэт говорит о всепобеждающей силе русского классического искусства, спор с которым пронизывал все ранние произведения И. Сельвинского, не чуждого в начале своего творческого пути известного нигилизма по отношению к классическому наследию.

Творческое становление Сельвинского происходило, как уже говорилось, в бурное время, когда в шуме и схватке множества «школ» и направлений рушились, казалось, твердыни классической поэзии, когда классиков «сбрасывали с корабля современности», когда создавались новые поэтические формы.

Система стихосложения Маяковского, послужившая впоследствии основой формирования разноязычных поэтических систем многонациональной советской и мировой литературы, тогда была совершенной новацией и многими воспринималась как эксперимент.

Одним из наиболее смелых и радикальных экспериментаторов тех лет был Сельвинский, использовавший для своих опытов некоторые особенности не только русской и мировой литературы, но и разнонационального фольклора (русского, татарского, цыганского), причем эта многонациональная основа непрерывно расширялась. Тогда же Сельвинский создал свой стих, названный им и стиховедом Квятковским тактовиком. Он был построен на особой системе ритмических пауз, нередко отмечавшихся в тексте посредством буквенного обозначения («эста», «эс», а иногда целым словом «вдох»; их следовало принимать во внимание при чтении, но не произносить вслух). В интересах соблюдения своеобразного ритма отдельные слова сокращались или растягивались (посредством повторения в них отдельных букв или слогов) на манер цыганского исполнения песен. Так, например, был построен знаменитый зачин «Ехали казаки...» (в «Улялаевщине») и многие другие произведения Сельвинского тех лет.

Объявивший войну ямбу, который олицетворял для раннего Сельвинского пережиточные формы стиха, не соответствующие уже запросам эпохи, поэт не мог, однако, уже тогда не задуматься всерьез о значении классической стиховой традиции как основы

поэтического новаторства. Не случайно так часто встречается у Сельвинского использование традиционных поэтических форм (сонетов, модернизированных октав и многочисленных лирических отступлений, рожденных несомненно пушкинской традицией, в «Пушторге» и других произведениях). Его отношение к ямбу, как и к системе стихосложения Маяковского, проходит ряд ступеней и градаций.

Горячо доказывая читателю преимущества своего стиха, рожденного, по мнению Сельвинского, временем («в эпохе ищи свои ритмы»), поэт мучительно тревожится, однако, как бы не «рассориться» со своим читателем, народом, стремится быть ему близким, понятным, необходимым, оставаясь самим собою:

Читай же ямбы! Вот они — читай,
Привычным обаянием объятый,
А я тебя меж делом в свой Китай
Введу тихонько за руку, как брата, —
Чтоб ты потом открыто мог сказать
Клеветнику, что ненавистью пышет:
«Илья умеет ямбами писать,
А раз не хочет, пусть иначе пишет».

(«Улялаевщина», 1956)

Позже в своей книге «Студия стиха» (1962) Сельвинский подробно разработает теоретически проблему связи его собственной системы стихосложения с классическим стихом, но уже в конце 30-х годов он ведет глубокую практическую разработку классических форм стиха. А послевоенный цикл поэтических трагедий «Россия» откроется стиховеду как интереснейшая «студия» классики в советской литературе. «Образы трагедии, даже сугубо реалистические, поднимаются в своих обобщениях до символа. Поэтому трагедия требует стиха, — писал Сельвинский. — Стих сообщает всей пьесе то свободное напряжение, которое дает возможность драматургу говорить от имени человечества с прошлым и грядущим».¹ Еще в 1935 году он говорил, что стих нужен драматургии потому, что более тонко, чем проза, передает «основной пафос» человеческой души. Основной пафос патриотической поэзии Сельвинского целостен и ясен, нужно было избрать лишь наиболее гибкую и емкую форму для воплощения волнующих писателя мыслей — и поэт снова, как и в «Рыцаре Иоанне», избирает для своей новой трагедии «Ливонская война» (1946) столь распространенный в русской классике пятистопный ямб.

---

¹ Илья Сельвинский, Студия стиха, М., 1962, с. 168,

Именно ямб нужен был поэту в качестве ритмической основы его трагедии, продолжающей традиции русской исторической поэзии. А новаторство Сельвинского здесь проявилось прежде всего в правомерном сочетании историзма с острой актуальностью, широкого эпического плана со страстным лиризмом. Сельвинский сумел осветить далекое прошлое светом нашей эпохи, оживить образы давно ушедших людей жаром своего сердца, своей индивидуальности.

«Ливонская война» — трагедия больших страстей и характеров. Не рупоры ложных идей, какими были в свое время схематичные герои «Командарма 2», а типические образы живых, исторически конкретных людей волнуют автора.

Герой трагедии Сельвинского, царь Иоанн Грозный, — поэт государственной власти, нашедший свое место в своем времени. Это человек с сильным характером, целиком устремленный на борьбу с косностью, тормозящей движение большого государственного корабля.

Сельвинский создает образ жестокого царя, но не самодура, притеснителя «ни в чем не повинных» бояр, каким изображала его романистика дореволюционного прошлого, такие писатели, например, как А. К. Толстой. Нет в трагедии И. Сельвинского и такого снятия классовых противоречий, какое имеет место, например, в исторических драмах В. Соловьева. В. Соловьев в пьесе «Великий государь», как и И. Сельвинский, показывает положительные стороны исторической роли Иоанна Грозного, но противоречия эпохи и самого характера царя он дает в более чем смягченном виде.

В трагедии Сельвинского лирической основой характера героя, то тихого и нежного, то бешеного и свирепого, становится грозная и прекрасная стихия моря. В этом частично находит свое выражение попытка своеобразной «реабилитации» поэтом Иоанна IV. Следуя тенденциям времени создания трагедии, автор вкладывает в уста царя, понявшего необходимость выхода России на морской простор, высокопоэтическое самооправдание:

Пройдут года. И я почию в бозе,
Истлею, обращуся в прах и персть.
Но образ мой видением восстанет
И веющим дыханьем понесется
Сквозь поколенья и через века.
Облитый кровью, ядом оскверненный,
Опутан паутиной лжесвидетельств,
Он явится потомкам в белизне
Своей заветной думы о Руси. . .

Иоанн стоит перед лицом истории как перед лицом неотвратимой судьбы. Необходимая ему как абсолютному монарху опора — служилые дворяне, переселенные на земли опальных бояр, притесняют крестьян, а те бегут на Днепр, за Урал, в Сибирь.

Так почему же,
Понявши Русь, я мужика не понял? —

в страстной тоске восклицает проигравший войну, опаленный враждой и обгаренный кровью вчерашних родичей и друзей Иоанн.

Ушел мужик из царства моего,
Как из-под корабля вода уходит. . .

В этот трудный для России исторический момент приход к уже отчаявшемуся царю пушечных дел мастера Чохова с казацким воеводой Иваном Большим по замыслу автора — свидетельство высокого патриотизма русского народа, свидетельство того, что, как говорит царю Чохов,

Мужик тебе — не Курбский. Курбский чо?
Что этакому Русь-то? Вот: рубаха.
А мужику-то: шкура.

Простым и строгим в своем богатстве языком реализма говорит со своим читателем автор «Ливонской войны». Сцены в доме боярина Старицкого, в Ревельском замке и в пограничной корчме, как и живые реалистические характеры (Волк, несчастный Эрик, в коем для грязных политиканов его двора «страшно не безумие, но ум»; вертлявый и продажный ландскнехт, проходимец Генрих Штаден; уже обретающий черты будущего самодержца Годунов), написаны в традиции шекспировской драмы, могучие страсти которой как бы смягчены пушкинской ясностью: не случайно целомудренный образ Марии — русской женщины, неизменной в чувстве и верной долгу, — обнаруживает свое родство с пушкинской Татьяной.

Не «лирикой звериности» окрашен в трагедии Сельвинского образ женщины, а лирикой высокого интеллекта. Любовь очищает человека, поднимая его для высокого деяния. И конечно, авторские раздумья звучат в словах его героя:

Вот мы живем во зле и черных сквернах.
Оступился в нас дух. И желчен ум.
И вдруг как бы огнем о кресало

Ударится душа о душу. Вмиг
Пронзительно искрою опалишься,
И вспыхнешь, и, охваченный пожаром,
Все яды в этом пламени сожжешь.
И станешь чист, как белое. И ходишь
Покрыт очами, точно серафим.

И все же не столько высокий образ чистой любви к женщине, сколько прогрессивное стремление героя вывести Россию к морю служит в «Ливонской войне» основой поэтического оправдания Грозного:

Хоть чёрту душу — только бы Руси
Не задохнуться... Только бы под ветер...
Ах, только бы пред нею, золотою,
Серебряная распахнулась даль...

С образом моря, символизирующего теперь широчайшие просторы исторического развития, связана в творчестве Сельвинского тема победы нашего народа в Великой Отечественной войне.

Неторопливые, торжественные строфы поэмы «Кандава» несут величественную тему нашей победы над германским фашизмом, рухнувшим под напором армии справедливости. «Кандава» говорит о реально пережитом: И. Сельвинский в числе восьми советских парламентариев ездил в распоряжение германских войск для переговоров об их капитуляции. Здесь лирический герой, представитель разумного и человеческого социалистического строя, встречается с фашистским зверем и утверждает свое превосходство над ним:

...Пред нами
Стояли своры молодых убийц,
Которые не помнили о Гёте,
Которые о Канте не слышали,
Которые считали, что Бетховен
Был парикмахером на Фридрихштрассе,
Зато прекрасно лаяли «Хайль Гитлер!»
И верили, что хищность победит.

Хищность теперь характеризует у Сельвинского самое черное, страшное явление в истории человечества — фашизм, враждебный не только разуму, но и чувству.

На рукаве одного из стоявших навтыяжку фашистов автор-герой «Кандавы» видит значок «за покорение Крыма». С опьяняющей

радостью вырывает он этот значок вместе с «шерстью» мундира. Этим коротким, но многозначительным движением поэт как бы еще раз, по праву хозяина и победителя, вырывает землю своей юности из лап фашистского зверя, который,

Парализованный законом Краха,
Раздавленный обвалом фатерланда,
До глухоты историей контужен,
Молчал.

А в этом яростном молчании
Я слышал шум красноармейских стягов,
Бравладу труб и грохот барабанов,
И ликованье мертвых голосов
Из пепла, из поэм, из сновидений!

Послевоенные годы в творчестве И. Сельвинского отмечены работой над продолжением цикла исторических трагедий, в которых поэт задумал осмыслить путь, пройденный страной и народом от времен Иоанна IV, когда окончательно сложилось единое русское государство, до Великой Октябрьской социалистической революции, поставившей во главе государства его законных хозяев — трудящихся.

Следующий этап истории, художественно воспроизведенный Сельвинским, — это время от Полтавы до Гангута. Так и называется драматическая хроника поэта, показывающая Петра Первого, который побеждает и в исторической битве с чужеземными захватчиками, и в борьбе с боярской косностью.

Новая трагедия И. Сельвинского продолжает две главные темы его прежних исторических трагедий: укрепление мощи русского государства и нарастание народно-освободительного движения.

Как и в прежних своих исторических драмах, поэт смело вскрывает основное историческое противоречие эпохи, не затушевывая и не приглушая его звучания. Царь Петр Первый как бы продолжает в пьесе «От Полтавы до Гангута» (1949) линию Грозного из «Ливонской войны». Никита Чохов, возглавляющий бунт заводских рабочих людей, развивает на новом историческом этапе дело Ивана Болотникова из трагедии «Рыцарь Иоанн» и литейщика Чохова из «Ливонской войны». Вступающий в конфликт с самодержавием на стороне рабочих людей, он с гневом отвергает, однако, самую мысль об измене родине, с позором прогоняя посланцев Карла XII, и без колебаний принимает смерть за родину под знаменем Петра. Так развивается в новой трагедии И. Сельвинского тема русского национального характера.

Принципиально новым для И. Сельвинского в трагедии «От Полтавы до Гангута» было отсутствие попытки автора вложить в своих героев нечто присущее ему самому. Все характеры этой пьесы строго объективны, а симпатии автора принадлежат двум основным героям — Петру Первому, проводящему прогрессивную для того времени государственную политику, и Никите Чохову, представляющему великий и бессмертный народ. Лирическое звучание определяется самой поэтической идеей трагедии, страстной мыслью об исторической необходимости будущего единения государства и народа.

Пьеса «От Полтавы до Гангута» отличается от других пьес И. Сельвинского известным ослаблением драматургического конфликта. «От Полтавы до Гангута» — скорее драматическая хроника, чем трагедия. Однако напряженность конфликта снижается в пьесе не за счет рассредоточенности действия во времени, а в результате того, что ослаблена острота столкновения между двумя персонажами-антагонистами: царем Петром, носителем нового, прогрессивного начала, и царевичем Алексеем — знаменем реакционных сил.

Петр в изображении Сельвинского характеризуется единством личного чувства и государственного разума, стихии естественной, как дыхание, любви к родине с железным планом ее коренного преобразования. В сцене спора Петра с Алексеем, когда Петр призывает сына «одолеть свою природу» и, отринув тяготение к затхлomu уюту боярской старины, возвыситься до понимания истинных интересов государства:

... да не мне в угоду,
А для себя. Для дела, наконец!
Для нашей же России! —

не «тишайший», грезящий о васильках Алексей, считающий себя приверженцем исконно русских традиций, а грозный Петр олицетворяет собою стихию живого чувства.

Историческая правота Петра определяется и расстановкой сил, и взаимоотношениями персонажей трагедии. Столь же очевидна и правота повстанца Никиты Чохова, неотразимо убедительного в превосходных жанровых сценах с иностранцами, тщетно склоняющими его к измене родине. Поэт вкладывает объективное признание исторической правды Чохова в уста самого Петра, прощающегося с телом павшего в Гангутской битве Никиты:

Ну что ж? И я скажу тебе: прощай.
Таких, как ты, Россия не забудет.
Ты принял смерть за свой родимый край!
А нас с тобой... грядущее рассудит.

Выход России на исторический простор — единая сквозная тема, проходящая через трагедии И. Сельвинского. И если для эпохи Грозного — это выход к морю, то для эпохи Петра — преобразование российской державы в единое, мощное европейское государство.

Трагедии Сельвинского о России («Ливонская война», «От Полтавы до Гангута») составляют, согласно замыслу поэта, цикл, который завершается трагедией «Большой Кирилл», изображающей выход российского государственного корабля «в океан коммуны», в новую эру, открытую российским пролетариатом, ставшим «надеждой всех племен» мира. Последовательно развивается в цикле трагедий мотив «двух правд»: правды государственной и правды народной — так И. Сельвинский определяет классовые противоречия феодализма.

Прав с точки зрения интересов государства Иван IV, но правы и угнетенные крестьяне, бунтующие, уходящие из-под руки грозного царя, «как из-под корабля вода уходит». Прав Петр, круто ломающий старый уклад, ведущий нелегкие для народа войны во имя утверждения могучего и независимого русского государства, но правы и крепостные, восстающие против невыносимого гнета феодалов. Лишь в социалистическом государстве две эти правды сливаются в одну неразрывную правду народовластия. Здесь интересы государства и широчайших народных масс становятся едиными и нераздельными.

Через все трагедии проходит единый герой — народ: литейщик-мастер Андрей Чохов в «Ливонской войне», литейщик, вождь повстанцев и царев солдат Никита Чохов в «От Полтавы до Гангута». Народ в этих трагедиях представлен также образом Ивана Большого — младшего дружка и помощника Чохова. И если Чохов — народный вожак, то Иван Большой — представитель глубинной массы, пробуждаемой и ведомой своим авангардом, с тем чтобы в будущем она могла стать ведущей силой общества.

В «Большом Кирилле» народ представлен потомками этих персонажей: политкаторжанином, интеллигентным пролетарием и соратником Ленина Кириллом Чоховым, на деле осуществляющим идею народовластия, и новым Иваном Большим — солдатом из крестьян, с трудом и срывами, но все же преодолевающим рабское самосознание, воспитанное веками угнетения.

Работа над драматическим циклом «Россия» явилась, таким образом, значительным этапом на пути развития И. Сельвинского как своеобразного художника социалистического реализма.

Формируя новый сборник своих произведений, поэт перечитывал себя и, опираясь на весь свой прежний опыт, вспоминая все свои поиски и находки, радости и достижения, заново творил свой образ.

Он представлял перед читателем прежним и новым, умудренным и окрепшим, обогащенным, но, быть может, и что-то утерывшим, от чего-то яркого и непосредственного отказавшимся.

Прежде всего это становится ясным, когда читаешь созданные поэтом новые варианты его произведений.

Очень показательной в этом смысле является новая редакция «Улялаевщины», составившей в свое время славу Сельвинского и привлечшей внимание Горького.

Поэма, изображающая анархический мятеж батька Улялаева, подавляемый в результате самоотверженной борьбы большевиков, вызвала, как уже говорилось выше, весьма суровую критику, упреки в апологии стихийной вольницы, а также в нарочитом усложнении поэтической формы. Эти упреки имели серьезные основания, и вот поэт через добрую четверть века предпринимает принципиальную переработку поэмы. Переработка идет по двум основным линиям: снижение образа вольницы, прежде всего — батька Улялаева, и возвышение образов деятелей революции, большевиков. Крестьянство в новой редакции «Улялаевщины» также в значительной мере дифференцируется, превращаясь из аморфной массы, подверженной всяческому брожению, в общество, расколотое надвое классовой борьбой, выделяющее из своей среды своих представителей и вожаков.

Как же осуществляются эти перемены? Батько Улялаев, некогда сверкавший неудержимой силой страстей и красок, образ, связанный с темой прекрасного зверя, напоминающий о великолепной рыси из ранней поэмы Сельвинского, преобразуется в старого, шестидесятилетнего унтера, огрубевшего на царской службе в окопах империалистической войны. Его буйная страсть к жене капиталиста, пышной великолепной Тате, превратилась в робкое обожание стариком молодой женщины. Да и сама Тата изменилась. Это уже не «двести фунтов золотого мяса», напоминающие о кустодиевских полотнах, а мечтательная, сильная только воспоминанием о первой девичьей любви и верная ей нежная красавица, ставшая жертвой общественных потрясений. Она гибнет, спасая большевика Гая, с риском для собственной жизни добыв для его бегства из плена любимого коня самого Звержа.

В новой редакции «Улялаевщины» произошли решающие перемены и в характеристике революционеров-большевиков. Менее «железным» и прямолинейным стал комиссар Гай. Автор рисует теперь его юношескую угловатость, иногда неуверенность, подавляемую подчеркнутой решимостью; акцентирует чувство к Тате, первой любви Гая. Однако эти черты характера Гая приходят в противоречие со зрелой определенностью его суждений о политике, со-

циальной психологии, искусстве, часто близких самому автору. Вообще же лирическая тема автора в этой редакции «Улялаевщины» звучит приглушенно; она сосредоточена в немногих лирико-публицистических отступлениях. Однозного Сашку Лошадиных, олицетворявшего жестокую прямолинейную силу революционной необходимости, автор преобразовал во вполне положительного героя Сашку Седых, к которому уже не пристает «аховый клеш» и другие, подобные этой, детали его внешности, звучащие анахронизмом в новой редакции поэмы.

Определенно и четко изображается теперь и самый повод крестьянского недовольства — это реакция на противозаконный перегиб, допущенный упродкомом Кулагиним, социальная характеристика которого весьма близка пушторговскому Кролю. Резко противопоставлена кулагинской позиция комиссара Гая и председателя ЧК Седых. Правда большевиков подчеркивается и усиливается волнующими сценами раздачи мужикам кровных заводских лошадей, изъятия зерна из кулацких тайников. С мажорным звучанием этих сцен резко контрастирует трагическая картина гибели повешенной бандитами девочки, под трупиком которой спокойно сидит ее любимая кошка.

Четкой и недвусмысленной авторской позиции соответствует теперь и расстановка противоборствующих сил «Улялаевщины». Особенно ярко выступают беспринципные взгляды Куца, цинично заявляющего, что его «идеал» — «земля крестьянам» — умер вместе с ленинским декретом, сделавшим пенужным само существование эсеров как политической партии. Разоблачение Куца завершается монологом Гая, определяющим социально-психологический профиль внутреннего эмигранта, прожженного скептика, сердце которого так же пусто, как и карман, и место которому в заграничном «салоне» белогвардейского отребья.

В редакции «Улялаевщины» 1927 года лагерь батька Улялаева написан так ярко и живописно, что именно к нему было привлечено преимущественное внимание читателя. Сегодня же симпатии автора и читателей второй редакции поэмы определяются не только расстановкой политических сил, но и чисто художественными характеристиками героев и драматических конфликтов поэмы. Они — на стороне революционного народа, большевиков.

В новой редакции «Улялаевщина» стала спокойнее и яснее по форме. Автор освободил ее от значительного числа усложненных словесных образов. Поэма стала реалистичнее и точнее исторически. Однако при всех этих достоинствах не все, к чему стремился автор, полностью достигнуто (не достигнута, например, желанная живая теплота в образе все еще малообаятельного комиссара Гая), а что-то

из буйной свежести красок утрачено. Бесспорные преимущества второй редакции «Улялаевщины» в идейно-политическом отношении сопровождаются, таким образом, и некоторыми утратами Сельвинского-художника.

Несколько иной характер имеет переработка «Пушторга». Вариант романа, созданный Сельвинским для шеститомника, выходящего в издательстве «Художественная литература» с 1971 года, был довольно основательно сокращен и упрощен. Готовя свою книгу для издания в «Библиотеке поэта», Сельвинский во многом вернулся к редакции «Пушторга» 1931 года. Едва ли не большая часть текстов, купированных автором в подготовленном для шеститомника варианте, восстановлена им в варианте «Библиотеки поэта» по изданию 1931 года, иногда с небольшой словесной правкой.

Но есть в новом варианте и существенные дополнения, цель которых — разъяснение идейной основы конфликта Полуяров — Кроль. Эти дополнения подчеркивают своеобразный патриотизм Онисима Полуярова, пекущегося об успешном развитии отечественного пушного дела и о репутации нашей страны на международном рынке, в противовес Кролю, готовому радоваться любому провалу, если этот провал выгоден лично Кролю, дает ему возможность приписывать все неудачи противнику, похваляясь собственной «прозорливостью». Существенное значение имеет поэтому эпизод производственного совещания, на котором Полуяров громит сотрудников «Пушторга» за то, что они подсунули зарубежному покупателю собачьи шкуры вместо волчьих и тем объективно сыграли на руку капиталистическим конкурентам. Защищая интересы и авторитет советской торговли, Онисим Полуяров извещает пражских и лондонских покупателей о неполноценности уже принятых ими шкур, приняв убытки за счет «Пушторга». В издании 1931 года этого эпизода нет, в нем лишь неоднократно декларируется принципиальная разница жизненной и деловой позиции Кроля и Полуярова.

«Пушторг», так же как и «Улялаевщина», стал в идейном отношении яснее, но сохранил (хотя и с уточнениями) прежнюю характеристику персонажей. Показательно и то, что, как уже говорилось выше, перешедший из «Улялаевщины» в «Пушторг» Сашка Лошадных остался и в новом варианте прежней каменной фигурой, состоящей теперь из защитного френча и тупоносых красных ботинок.

Сегодня «Пушторг» читается более спокойно, чем в годы его создания: время открывает в нем новые важные проблемы. В целом же он претерпел меньшие изменения, чем «Улялаевщина». По-прежнему эмоционально точно передается в нем атмосфера нэпа, открывается облик и взгляды прежнего Сельвинского с его страстями и

пристрастиями, ошибками и прозрениями, с оригинальной палитрой красок Сельвинского-художника и особой ритмической походкой его стиха.

Похоже, что в этом варианте поэт хотел показать себя в поисках и дерзаниях молодости, не затушевывая ее слабостей и не теряя ее силы и свежести.

Собрание стихотворных произведений Сельвинского, отобранных самим автором для «Библиотеки поэта», демонстрирует читателю целостный облик поэта в его творческой эволюции: от слегка фрондирующего своей «непонятностью массам» молодого лирика, взыскующего понимания в грядущих временах, до мастера советской поэзии социалистического реализма, творящего с народом и для народа и ощущающего себя частицей его коллективной силы. Этот движущийся живой портрет тем интереснее, что сделан самим поэтом с партийных позиций его зрелого мировоззрения посредством отбора, а иногда и переосмысления своих произведений.

Наиболее, может быть, показательным для нас сегодня становится то, как прочел и показал зрелый поэт свою лирику. В издании «Библиотеки поэта» лирика представлена в целом полнее и богаче, чем в любом из прежних сборников поэта (исключая шеститомник), так же как и большой эпос Сельвинского в наиболее характерных произведениях этого жанра: трагедия «Рыцарь Иоанн», роман в стихах «Пушторг» и поэма «Улялаевщина». Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в книге особо выделено «экспериментальное» — подборка стихов «студийного» характера, дающая наглядное представление и о творческой лаборатории поэта, очень требовательно относившегося к своей работе над словом и ритмом, о том, на каких основах и как строился своеобразный поэтический стиль Сельвинского и слагался его интонационный стих — тактовик. Здесь же четко обозначены и фольклорные истоки, к которым обращался ранний Сельвинский, впоследствии значительно расширившиеся за счет русской народной песни и былинного эпоса.

Особое значение для понимания творческой эволюции Сельвинского имеет раздел «Переходники», заключающий в себе строго подобранный цикл стихов (1921—1931), в которых поэт стремился с максимальной прямоотой вскрыть глубинную сущность социальных истоков своей жизни и поэзии и тех противоречий, которые довелось ему преодолевать в процессе становления как поэта социалистического реализма.

Этот цикл — предельно откровенная творческая исповедь человека и поэта «переходного» периода. Большая часть произведений этого цикла написана от первого лица, причем лирический герой не-

разделимо сливается с личностью художника, со всей прямоотой заявляющего о своем страстном стремлении завоевать право

...любить свою республику
кровью, всерьез, без фальши, без опер.

(«Наша биография»)

В считанные строки стихотворений этого раздела вмещаются едва ли не все проблемы, волновавшие интеллигенцию того времени, когда совершался переход от гражданской войны к нэпу и от нэпа к реконструктивному периоду. Здесь и безусловное принятие революционной непримиримости по отношению к недобитому врагу, белому офицеру («Рапорт»), и неуклюжая попытка социально-экономического обоснования (хочется даже сказать — оправдания) анархического бунта, где желанне дать объективную картину явления граничит с объективизмом («Казнь Стецюры»), отражая, таким образом, иллюзии «переходника», требующего абстрактной «высшей справедливости» для правых и виноватых. Тут и неприятие нэпа вчерашним бойцом гражданской войны, рвущимся от одури чуждого ему обывательского благополучия к новым боям, с мечтой о том, чтобы хотя бы тело его «пошло под ковку» на боевую трубу или конские подковы для будущих атак («Нэп»). Но рядом и «Великий обыватель с улицы Карла Маркса» (так назвал Сельвинский своего героя в первом варианте стихотворения «Алло, Русь!»), уже начавший понимать смысл и значение нэпа и стремящийся в будничном, сугубо утилитарном, но вдохновенном труде завоевать право на «мы»:

«Алло, Русь! . . Твой пастуший рожок
Мы вытрубим в рог изобилья! . .»

И тут же горестное сомнение в этом праве, в том, что новые люди, строители будущего, поверят в искренность поэта.

Но поверят, должны поверить! Должен пролетарий подключить к делу революции нервы молодых людей, которые «. . .едва успев прослышать марксизм, лишённые классового костяка, рванулись в дым, по степям, по сизым, стихийной верой своей истекать». Теперь же, растерявшись в обстановке разрухи и нэпа, они «мучились в поисках неведомого друга», который поможет встать в ряды пролетариата. С ним осознали они свою общность «по возрасту, по пульсу, наконец — по идеям, по своей, наконец, социальной судьбе» («Наша биография»). На весь мир провозглашает поэт политическое кредо советского студенчества, пришедшего в вузы с фронтов гражданской,

чтобы стать могильщиками капитализма, статистиками и социологами, предвидящими его конец («Переходники»).

Именно в этом цикле И. Сельвинский объявляет В. Маяковского своим любимым поэтом, а себя — не сверхчеловеком, а «таким же читателем «Известий» и «Правды», как ..всякий другой», и, размышляя над «сложными ошибками» юности, предлагает считать первые тридцать лет своей жизни лишь эпитафией к ее первому тому, где провозглашается призыв: «Равнение на Кремль!» («Декларация прав поэта»).

С притяия, хотя бы еще и неполного, поэтического наследия великого поэта революции («На смерть Маяковского») начинается процесс укрепления Сельвинского на пути социалистического реализма, хотя в последующих стихах раздела «Переходники» и развертывается острая полемика по вопросу, волновавшему тогда всю творческую интеллигенцию: должен ли певец революции «становиться на горло собственной песне»? Сельвинский, как нам кажется, правильно решает этот вопрос, снимая тезис обязательности жертвы, приносимой художником-творцом интересам революции, и заменяя его лозунгом единства *долга* и *права* поэта «гремя в барабан, кровь свою сливая с солдатской кровью», то есть почитать свой долг перед революцией правом, которое надо завоевать («Декларация прав поэта», «Вечный бой»).

В полемике этой еще немало излишеств, бравады, в ней содержится лишь весьма приблизительное понимание того, что слова Маяковского «себя смирять, становясь на горло собственной песне», не имели расширительного значения общеобязательного рецепта, а отражали своеобразие творческого характера и биографии поэта, а в какой-то степени — и черты его таланта. Но так или иначе, трудный «переход» начался уже с первой половины 20-х годов, а к 30-м ознаменовался существенным мировоззренческим и методологическим сдвигом. Цикл показывает это со всей очевидностью.

Раздел «Юность» во многом помогает понять здоровую гуманистическую основу творчества поэта, пусть заглушавшуюся иными мотивами, становившуюся в процессе поисков и экспериментов неясной, но открыто проявившуюся в венке сонетов, датированном 1920 годом.

Я всем хочу добра. Я эликсир.
Впивай! Не исчерпаешь! Я — столицей!
Мне двадцать лет — передо мною мир!
Мне двадцать лет. Передо мною мир,
А мир какой! В подъеме и в полете!

(«Юность»)

И. Л. Сельвинский очень строго и чутко отбирал лучшее, хотя и не без потерь, что нетрудно понять, принимая во внимание грандиозный объем написанного и весьма ограниченный листаж издания.

Стихи о любви. Вокруг этой темы в творчестве И. Сельвинского было немало споров, но едва ли не всеобщей претензией критики к поэту была пресловутая «лирика звериности». Женщина, которую следовало бы держать в клетке зоопарка «с хищной надписью: „Женщина“», прелестная буржуазка в «красном мантио», наивная и броская эротика — вот как выглядела и вот чем зачастую была любовная лирика раннего и даже «среднего» Сельвинского. Но вот теперь из целого потока любовных стихов отобраны считанные строфы, и зазвучала как бы приглушенная раньше, но вырывавшаяся на поверхность в драматургии Сельвинского чистая и добрая мелодия истинной любви и верности. Нет, она не стала бесплотной и воздушной, это совершенно земное чувство, и чистота его — в наивно-откровенной прямоте страсти, направленной к «ней» — единственной. Сначала это только предчувствие, стремление к еще не названной. «Среди всяких любовных аварий» поэт стремится «только душу сберечь», тоскуя «всегда об одной» — такой, чтобы «не чують в душе ее дна», чтобы любовь не стала привычкой, чтобы всегда удивляться любимой. И тогда первый поцелуй окажется откровением, вводящим потрясенного человека в новый, прекрасный и мудрый мир, дарящий ему солнечный клад радости бытия.

Линия поисков и обретения единственной, воплощаемой в многообразии красок, оттенков, сравнений, проходит через весь цикл, пока в зрелую пору 30-х годов не приведет к несправедливо руганным в свое время стихам о любви бескорыстной, не знающей расстояний, не требующей в своей беззаветной преданности ни воркований, ни «безысходных» страстей:

Когда не нужны ни встречи, ни письма,
Но вечно глаза твои видят глаза,
Как если б среди тонких струн организма
Новый какой-то нерв завелся.

(«Если умру я, если исчезну...»)

Закономерно, естественно утверждается тема обретения истинной любви в «Белом песце», тональность которого раньше могла бы показаться едва ли не неожиданной.

Правда, тема любви в некоторых стихах 30-х и 40-х годов несколько тяжелеет, в ней иной раз начинают преобладать мотивы приземленной страсти, но летопись любви продолжает все же быть

летописью открытого и живого чувства, чистого в своей незащищенности.

В любовной лирике 50-х и 60-х годов сила страсти не остывает, а становится глубже, мудрее. Еще звучат нотки обиды на уходящее время, еще человек пытается ухватиться за утешительную мысль о том, что каждому мужчине столько лет, сколько его любимой, но уже нисходит на смятенное живое сердце поэта трезвая мудрость.

Вот и мы живем не страдая.
Как мечталось нам, так и вышло.

Появилась у любимой седина, отяжелела походка, глаза привыкли к укоризне, и только прожитая жизнь открывает правду любви. Старый тигр, напавший в тайге на след тигрицы, «веселый, молодой не по летам», гигантскими прыжками мчится, увы, только по своему собственному следу.

Но ты со мной, любимая,
И, как судьба ни взбесится,
Опять, опять из дыма я
Прорежусь новым месяцем.
И стану плыть в безлунности
Сиянием для паруса!

Мечта моей ты юности,
Легенда моей старости. . .

(«Мечта моей ты юности. . .»)

Та единственная, о которой мечталось в юности, которую поэт обрел в молодости, чувство к которой испытано зрелостью, оправданная пожизненным подвигом верности, стоит рядом, помогая понять вселенскую широту любви, в которой начало всего.

Что я умел? Я только мог любить,
Я только сердцем порывался к сердцу.
Любовь связала нитью лучевой
Меня с народом, с миром, со вселенной.
Она вставала из любого тлена
И вновь творила всё из ничего. . .

(«Осень»)

Творящая «все из ничего», олицетворяющая радость жизни и самую жизнь, она побеждает смерть, вливая из сочувствующих глаз женщины в кровь распростертого на операционном столе человека, уставшего от разочарований, волю к новой борьбе («В операционной»).

Цикл «Тихоокеанских стихов» связан с образом зверя, о котором также немало было в свое время самых резких суждений в критике. С образами зверя и моря с первых дней творчества И. Сельвинского была связана тема свободной стихии, переплетающаяся с темой революции, в которой, как уже говорилось выше, поэт на раннем этапе видел противоборство вольной стихии с организуемым разумом. Позже он увидел и возвестил их единство, воплощенное в партии как авангарде трудовых масс. В. Огнев правильно заметил, что образ зверя в раннем творчестве Сельвинского нес в себе тему одиночества и в известной мере являлся романтизированным образом обиды поэта, нередко подвергавшегося и несправедливым нападкам критики.¹ Но этого мало: важна та эволюция образа, которая происходила в творчестве поэта и которая очень экономно и точно показана в данном издании от поэтизации зверя как прекрасной, правой в своей хищной сущности стихии до поисков в самом звере очеловечивающих, разумных черт.

Тема бездумной правоты стихийной силы также пересматривается Сельвинским. Так, по-иному звучит в поздней его лирике тема моря (начало этому положено в его драматургии). Вместе с темой преодоления звериной сущности одиночества развивается тема «Великого океана» — стихии исторических просторов революции, необходимых для поэзии. Здесь И. Сельвинский по-новому воплощает тему поэзии, совершенно опуская первый, демонстративно-снобистский этап ее осмысления.

Еще в «Охоте на нерпу» искусство трактуется как обаяние, способное служить и силам зла: музыкой подманивают доверчивое существо, чтобы его убить, оно своего рода «манок» для незащищенных душ. Но искусство может и осчастливить, сделав в глазах человека уродство красотой, неполноценность — исключительностью («Моя знакомая русалка»). Позднее в цикл «Зарубежное» И. Сельвинский включит стихотворение «Hôtel „Istria”», помеченное многозначительной датой: 1936—1954 — и объясняющее во многом эволюцию его отношения к поэзии. Стихотворение посвящено некогда останавливавшемуся в парижском отеле «Istria» Маяковскому. Сельвинский жестоко спорил с ним при его жизни, а после смерти, в 30-е годы, как

---

¹ См. в кн.: Илья Сельвинский, Избранные произведения, т. 1, М., 1956, с. 13—14.

бы полупризнал. Сегодня дыхание Маяковского, его стихи, его шаги чудятся И. Сельвинскому в городе, который некогда любил великий поэт революции:

И я люблю парижскую тьму,
Где чую его паренье.
Немалым я был обязан ему,
Хоть разного мы направленья.

Это признание Сельвинского чрезвычайно существенно для понимания сложной эволюции его творческого пути.

И сколько сплетен ни города,
Как путь мой ни обернется,
Я рад,
что есть
в моей
груди
Две-три маяковские нотцы.

Поэзия — «это сама революция!». А потому фронт ее солдат один. Для всех советских художников «важно, чтоб честное развивалось, чтоб солнышком пахнул дом». Важно, чтобы стих доходил сегодня по назначению, помогая читателю жить и побеждать.

А ждать суда грядущих столетий. . .
Да и к чему эта месть?
Но есть еще люди на белом свете!
Главное: партия есть!

Слова Сельвинского о партийности искусства не просто декларация, а существо и итог проделанного им пути.

Прямая и глубокая связь с творческим опытом Маяковского, а не просто «две-три маяковские нотцы», проявляется в цикле военных стихов сборника, составляющих маленькое собрание шедевров боевой политической лирики поэта. Среди них есть стихотворение «Поэзия», датированное 1941 годом и звучащее как партийное поэтическое кредо И. Сельвинского: «не ради славы, чью верность трудно убедить», а во имя духовного здоровья дорогих сограждан поэта «свободы грозная стихия из муки выплеснула стих». Поэзия есть «служба крови», переливаемой из самого сердца поэта в сердца его сотоварищей по борьбе. Таково было искреннее и действенное творческое убеждение поэта. Особенно широко и сильно выражается это в стихах военного цикла.

«Лирика — это не только жанр или область работы Ильи Сельвинского, — справедливо замечает Лев Озеров. — Она его страсть, его любовь и ненависть, отдушина для его откровений, его дневник и исповедь». ¹ Все самое дорогое и важное для поэта с необычайной полнотой воплотилось в военном цикле. Активный гуманизм автора поэтического обвинения фашистскому варварству — стихотворения «Я это видел» осветил резким светом незабываемые фигуры расстрелянных фашистами мирных людей: матери, перед расстрелом заботливо укутавшей шарфиком шею ребенка, старухи, сурово устремившей кровавое око в пустые небеса, инвалида, все еще грозящего убийцам своим костылем. Поэт не только это видел, но и сам пережил в глубине сердца смертную муку и героический порыв каждого из этих людей.

Героико-романтическое начало поэзии Сельвинского нашло свое выражение в «Балладе о танке КВ», в трагическом и суровом «Аджи-Мушкае», бойцы которого, ушедшие в камень керченских катакомб, сковываемые голодом, сыростью, превратившиеся в белеющие от известняковых осыпей «статуи Войны», до последнего своего часа размышляли, сознавая себя солдатами победоносных советских войск, о «будущем падении Берлина». Высокая простота героизма потрясает читателя «Баллады о ленинизме». Звучащее музыкой Чайковского «Лебединое озеро», озаренная трепетной памятью о Лермонтове «Тамань» глубоко раскрывают самую душу поэзии Сельвинского, счастье творческого приобщения к живой стихии русской классики, органического слияния с ней.

И самое главное, именно в этом цикле нашла свое решение одна из главных проблем всей жизни и творчества Сельвинского — определение сущности ленинизма, ленинской партийности как народности высшего типа. Эта идея с впечатляющей простотой выражена в образе молоденького политрука, которого во утешение непокорных горожан оккупированного городка фашисты решили казнить на постаменте свергнутого ими памятника Ленину. За мгновение перед казнью призывно, ленинским жестом выбросивший руку навстречу толпе сограждан, юный политрук как бы воплотился на миг в бессмертного Ленина, призывающего к борьбе за правое дело.

Народность военного цикла стихов подготовлена у Сельвинского его знакомством с капиталистическим миром, отразившимся в зарубежном цикле. Оно начинается наивным удивлением перед экзотикой чужих земель: пестрой радугой японских сандалий, сиреневыми сумерками Парижа, грохотом джаза, романтическим видением версаль-

---

¹ В кн.: Илья Сельвинский, Лирика, М., 1964, с. 4.

ской легенды. Но через накопление этих бытовых диковинок, черт и примет все яснее и конкретнее раскрывается страшный облик империализма, приравнявшего участь японского ремесленника к участи сверчка, стрекочущего в крошечной клетке в бумажном домике хозяина; империализма, порезавшего на крошечные «квадратцы» мелких наделов пейзаж панской Польши, оболванившего старого немца, который отказывается от Гейне потому, что тот — немец еврейского происхождения.

Но поэт замечает не только все это враждебное человеку капиталистическое уродство. Он ясно видит трудовой народ, несущий в себе любовь к истинной красоте (японские башмачник и цветочница), стремление к искусству (девушка из венского оркестра), душевную доброту (французские кондуктор и официант), революционный порыв (трудовой люд, сидящий в одном из парижских кинотеатров). Отчетливое видение и понимание народа, его нужд, борьбы и стремлений, помогает поэту в его «Разговоре с дьяволом Парижа» отметить как отличительный признак Парижа не «дьяволичек», некогда потрясавших сердца искателей развлечений, а «удивительное сходство меж французской и русской столицей», «пророческий голос Коммуны, возвестивший миру путь к коммунизму».

Разумеется, народность военного цикла менее всего выражена в стилизации военной казачьей песни. Как раз здесь и звучат порой простоватые нотки псевдонародности, с которой И. Сельвинский так яростно воевал в своих статьях. Народность военных стихов — в высоком образе героизма, в безраздельной отдаче лирического героя делу победы над врагом, в сердечном проникновении и принятии традиций русского искусства, в отчетливом понимании того, что

...мы мостим прямую гать
Через всемирную трясицу,
И пыне воспрять Россию —
Не человечество ль принять?

(«России»)

Для поэта, так долго и преданно служившего экзотике в различных ее видах и формах — от «жестокой» любви до воспевания тигриного великолепия одиночества, — принципиально важно отчетливое осознание реального значения России в истории человечества:

Нет, мы не скифы. Не пугаем шкурой.
Мы пострашней, чем копыеносный бой.
Мы — новая бессмертная культура
Мильонов, осознавших гений свой.

(«Кто мы?»)

Сквозь призму истинной народности военного цикла, понятой как коммунистическая партийность, поэт увидел в давно знакомых Сидоровых и Петровых, вышедших на борьбу за будущее человечества, «не соседей, а народ», почувствовал негибаемую волю этого народа. Эта народность и определила крутой подъем всего противоречивого и трудного пути Сельвинского.

Не случайно и в цикле «Мир» продолжается и все звучит и звучит патриотическая тема, столь глубоко и богато раскрывшаяся в военном цикле. Здесь главенствует философия труда:

Древле сделав зверя человеком,
Все мечтанья обостряя в мысль,
Труд ведет историю по вехам
Поступью железной в коммунизм,
И под ритмы поступи железной,
Ощущая труд как волшебство,
Вырастает пламенный и честный
Век — душа народа моего.

(«Труд»)

Ровнее становится стих. Вновь обращается Сельвинский к сонету, так любимому им в юности. Его строгая форма прекрасно оттеняет теперь глубокое и спокойное философское содержание поэзии зрелого мастера.

Приравнивая любой наполненный искренним чувством и мастерством труд к поэзии, а поэзию отождествляя с любовью, И. Сельвинский отдает им главное место в цикле. С горячим призывом к человеку-труженику обращается художник:

Живи,
искусства не сторонясь.
Люди без лирики как столбы.
Участь наша ничтожнее нас:
человек
выше своей судьбы.

(«Человек выше своей судьбы»)

Именно поэтому в заключительном цикле, где преобладают стихи последних лет, за которыми стоит весь жизненный опыт поэта-мыслителя, выстрадавшего свое право на трудное счастье, тема счастья непосредственно связывается с поэзией.

«Берег письменного стола» представляется на мгновение худож-

нику тихой пристанью спокойного труда, где мирно тикают часы и перья дремлют над чистой бумагой:

Как спокойно. Как хорошо.
Взял перо я для тихого слова. . .

Но не может успокоиться поэт, провозгласивший свой труд — поэзию — «службой крови»:

Но как будто
я поднял
ружье:
Снова пламя! Видения снова!
И опять штормовые дела —
В тихой комнате буря да клики!

Берег письменного стола.
Океан за ним — тихий. Великий.

(«Прелюд»)

А там, где океан, — там и буря, и штормы, в борении с которыми плыл всю жизнь человек к своему большому счастью — служить народу стихом. Для счастья поэту надо очень мало: теплая рука любимой, величественное зрелище грозových облаков и серебряный ручей, запугавшийся в травах. И в то же время — очень много:

Чтоб вечной ценностью людской
Слыла душа, а не анкета,
И чтоб народ любил поэта. . .

(«Не знаю, как кому, а мне. . .»)

Смысл жизни для Сельвинского — в народном признании его труда, ибо «воспаленнее всех трагедий пустоту зовущий поэт». Свое обращение к читателю поэт не случайно именует «Молитвою»:

Народ!
Возьми хоть строчку на память,
Ни к чему мне тосты да спичи,
Не прошу я меня обрмить:
Я хочу быть
Всегда
при тебе,
Как спички.

Трагедия Сельвинского всегда заключалась именно в том, что из всего его творчества, которое в будущем, он верит, войдет в культуру трудового люда, сейчас

Над водой блестит одна седьмая,
А глыбун уходит в глубину.

(«Словно айсберг. . .»)

Поэтому-то так остро поставлена в его поэзии тема читателя, которому он посвящает много стихов. Поэтому-то такую радость вызывает в нем письмо уральских девушек-штукатуров, которым он дружески признается, что теперь

.. все мои книжные «звери»,
Тоски моей горький плод,
Полные к ним доверья,
Прыгают сквозь переплет.

Однако все многочисленные обращения к читателю, страстная мечта о нем, своем, близком, все понимающем, не заставляет поэта отступить от своих взглядов и вкусов художника, хотя бы на йоту снизить высокие требования к своему искусству, «лебезя, обходиться сотней словечек», чтобы понравиться читателю, «которому стихи не нужны». Поэт отдал народу весь жар своего большого сердца, но, чтобы принять этот дар, читатель должен подняться ему навстречу:

.. немало я сил затратил,
Чтоб стать доступным сердцу, как стон.
Но только и ты поработай, читатель:
Тоннель-то роется с двух сторон.

(«Не я выбираю читателя. . .»)

Истинная поэзия служит народу правдивым пламенным словом. Правда всегда одна, ее нельзя считать бестактной или старомодной. Она должна исходить из сердца, как огонь из кресала.

Правдивость гениальности сродни,
А прямота пророчеству подобна.

*(«Воспитанный
разнообразным чтивом. . .»)*

И, со всей прямою правдивости повествуя о горестях и трудностях своего пути по жизни — поэзии, И. Сельвинский пророчествует грядущему

щее всеобщее счастье коммунизма, к которому устремляется его душа. Родина и коммунизм предстают в его стихах неразделимыми с его собственной жизнью, судьбой, творчеством:

За что я родину люблю?
За то ли, что шумят дубы?
Иль потому, что в ней ловлю
Черты и собственной судьбы?

(«О родине»)

Не только потому, что здесь навеки памятен поэту «летучий снег под рождество», что родные поля кланяются ему пшеницей, а конопля водит хороводы вокруг дуба. На родине поэта воплотились вековые мечты человечества, родилась большая правда для всех измученных сердец, поэт был бы с ней, даже если бы родился там, «где пальмы дальние растут». С Россией и только с ней соединил он навеки свою судьбу.

Твой путь, республика, тяжел.
Но я гляжу в твои глаза:
Какое счастье, что нашел
Тебя я там, где родился!

(«О родине»)

Сегодня Сельвинский уже не отмахнется, как некогда, в самонадеянной и самовлюбленной молодости, от «будущих». Сегодня поэт верит, что его поэзия дотянется до мыса будущего. Сегодня он говорит:

Я слышу голос Коммуны
Сердцем своим горячим,
Дни мои — только каниуны,
Время мое — в грядущем!

(«Мамонт»)

Всю жизнь Илья Сельвинский воспринимал общее как личное. И сегодня в его стихах, с тех пор, как «красный выпел врезался» в «лунный лик», луна для поэта далекая, но все же только окраина, «Лунная губерния» родной страны. А космос «глядит радиоглазом зеленым» на человека, мирно сидящего за накрытым скатертью домашним столом, своей «самой колдовской» из всех земных сказок толкая «ум по вселенской шире» к всесветной мечте о новых галактиках.

Все откристаллизовалось, сложилось и утвердилось в его судьбе и

его стиле. Избравший раз и навсегда, еще в юности, свою единственную любовь, которая звалась Революцией, он отдал Родине всего себя, сожалея лишь о том, что мог бы дать больше.

Илья Львович Сельвинский умер 22 марта 1968 года, шестидесяти девяти лет от роду. Последние годы и дни его жизни были, как всегда, отданы поэзии. Закрывающее стихотворный раздел данного сборника стихотворение написано И. Л. Сельвинским 19 марта 1968 года.

Бессмертия, которое всегда казалось самой высокой целью на земле, оказалось под конец жизни недостаточно поэту и гражданину. Есть нечто высшее:

О, если б знать, что из груди,
Из опаленных губ и глаз
Хотя бы искра, но зажглась,
Чтобы дорогу впереди
На миг, но озарить —
Я мог бы и в предсмертном сне
С последней думой о стране,
Как миф крылатый, воспарить
В Коммуне. . .

(«Анкета моей души»)

Каплей литься с массами, единой искрой зажечься в грядущей Коммуне — такова горделивая мечта настоящего поэта. Поэт просит простить ему эту гордость.

Такую гордость мало простить. Ее нужно уважать.

З. Кедрина

СТИХОТВОРЕНИЯ

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
(1917—1930)

1. АВТОПОРТРЕТ

Я вижу в зеркалах суровое лицо,
Пролет широких век и сдвинутые брови,
У рта надутых мышц жестокое кольцо
И губы цвета черной крови.
Я вижу низкий лоб, упрямый срез волос,
Глаза, знакомые с огнем творящих болей —
И из угрюмых черт мне веет силой гроз,
Суровую жестокостью и волей.

(1917)

2. ПЕЙЗАЖ

По гребням стадо туч ползет на синем брюхе,
Рябые валуны, сухие деревья;
Под ними черный ров, где ночью реют духи,
Где в щелбне вырвалась ежовая трава.
А дальше в тополях речонка копошится,
И солнце в ней дрожит, как золотой намет.
А там опять холмы, табак, айва, горчица
И проходивших коз маслинчатый помет.

(1917)

3. ПЕСНЯ

Выходил воевода на улицу,
С ним дьячок приказной, Елистратушка.
Говорил воевода: «Жарища, мол».
Поддержал Елистраша: «Воистину-с».

Воевода задумался дуמוю:
Из Москвы приезжают боярины
Проверить его, воеводу-го.
И сказал воевода: «Ох, холодно».
Поддержал Елистраша: «Воистину-с».

(1917)

4

Я знаю женщину: блестяща и остра,
Как лезвие имеретинской шашки,
Она уклончива, капризна и пестра,
Как легкий крапат карточной рубашки.
В ней страсть изменчива, привязанность редка,
И жесты — обольстительны и лишни!
Она испорчена, но все-таки сладка,
Как воробьем надклеванные вишни.

(1918)

5. КРЕДО

Я хочу быть самим собой.
Если нос у меня — картофель,
С какой же стати гнусить как гобой
И корчить римский профиль?
Я молод. Так. Ну и что ж?
К философии я не падок.
Зачем же мне делать вид, что нож
Торчит у меня меж лопаток?
Говорят, что это придет,
А не придет — не надо.
Не глупо ли, правда, принимать йод,
Если хочется шоколада?
Я молод и жаден как волк,
В моем теле ни грамма жиру.
В женской ласке, как в водах Волг,
Я всего себя растрянжирю.
Мне себя не стыдно ничудь,
Я хочу быть самим собою:

Звонами детскости бьет моя грудь,
И я дам ему ширь — бою.
Нет, не Байрон я, не иной,
Никакой и никак не избранник;
Никогда ничему я не был виной,
Ни в каких не изранен бранях;
Не сосет меня ни змея,
Ни тоска, ни другая живность —
И пускай говорят: «Наивность».
Хоть наивность — зато моя.

(1918)

6. ЮНОСТЬ

Вылетишь утром на воз-дух,
Ветром целуя жен-щин, —
Смех, как ядреный жем-чуг,
Прыгает в зубы, в ноз-дри. . .

Что бы это тако-е?
Кажется, нет причи-ны:
Небо прилизано чинно,
Море тоже в покое.

Слил аккуратно лужи
Дождик позавчерашний;
Девять часов на башне —
Гусеницы на службу;

А у меня в подъязычи
Что-то сыплет горохом,
Так что легкие зычно
Лаем взрываются в хохот. . .

Слушай, брось, да полно!
Но ни черта не сделать:
Смех золотой, спелый,
Сытный такой да полный.

Сколько смешного на свете:
Вот, например, «капуста»...
Надо подумать о грустном,
Только чего бы наметить?

Могут пробраться в погреб
Завтра чумные крысы.
Я буду тоже лысым.
Некогда сгибли обры...

Где-то в Норвегии флагман...
И вдруг опять: «капуста!»
Чёртовщина! Как вкусно
Так грохотать диафрагмой!

Смех золотого разли-ва,
Пенистый, отлич-ный.
Тсс... брось: ну разве прилично
Этаким быть счастливым?

1918

7. 0, ЭТИ ДНИ

О, эти дни, о, эти дни
И тройка боевых коней!
Портянка нынче мой дневник,
Кой-как царапаю по ней.
Не выбираю больше слов,
И рифма прыгает стремглав.
Поэму бы на тыщу глав,
Ей-богу, правда — без ослов.
Тата-тарá, тарá-тата,
Я еду, еду, еду, е...
Какие зори — красота!
Го-го, лихие, фью! оэ!
Под перетопот лошадей
Подзванивает пулемет,
И в поле пахнет рыжий мед
Коммунистических идей.

Деревню отнесло назад,
Бабенка: «Господи Исусь...»
Петух поет, закрыв глаза,
Наверно, знает наизусть.

(1919)
Село Сокологорное

8. ОТСТУПЛЕНИЕ НА КРЫМ

Над Сальково дымился удар еще,
Из орудий перла пенька.
«Осмотри винтовки, товарищи».
Поезд тронулся без звонка.
Но желтухой облитыми лицами,
Предсмертной тоскою глаз
Уповали в теплушках укрыться мы,
Когда буря обдует нас.
А она ж и обдула здорово —
Оспою в стены заряд.
И в Джанкое мертвые головы
По перрону щерились в ряд.
Но не дрефь, братва, — не ухлопали,
Велика еще наша гульба:
В замурованном Севастополе
Пороховые погреба.

(1919)

9. ЦЫГАНСКАЯ

Поле, ветер да воза,
Ты ли, я ли, оба ли...
Эти дымные глаза
И дареные соболи.

Ака дьяка романес
Сладко нездоровится...
Как чума во мне
Жаркая любовница.

Саш-Саш-Саш-Саш
Вороны и горло,
Незастегнутый корсаж,
Сама вороногорлая. —

И в бою. В острогё,
В óхмели от рóздуре —
Всё забуду. Не забуду
Только ноз-дри!

(1919)

10. ОСЕНЬ

Битые яблоки пахнут вином,
Сад — как церковь, в дыму и колоннах.
Я в гамаке вычисляю бином,
Строятся цифры в строгих колоннах.
Строятся цифры, гибнут и мрут
(Лист дохнул, опадая в раздумьи).
Строятся цифры, гибнут и мрут,
Как катастрофы на Марсе — без шума.
В этом побоище буква — солдат,
Альфа какой-нибудь маленькой силы,
Где-то в деталях спускается в ад,
Куда его логика сил скосила.
Кто он в кишеньки массовых войн,
В сложных выкладках, в числах горячих?
И страшная мысль: а ведь без него
Не разрешить задачи!
Здесь ли? Не в этом ли новом узле
Проходит проблема нашего века?
С этого дня я суровой и злей
От уважения к человеку.

1919

**11. ПОРТРЕТ КАРАИМСКОГО ФИЛОСОФА
БАБАКАЙ-СУДДУКА**

Он торговал чебуреками,
С попугаем навязывал «счастье»,
Был у художниц натурщиком,
Мальчиком у Эйнема.¹

А теперь шоколадный лик
Голубою охвачен бородкой:
Домик по Караимской,
Дачка на Альмё.

Он сидит, расставив ноги,
Уперев ладони в колени
(Обязательно пальцами внутрь),
Перед чашкой черного кофе.

И обручальный перстень,
Толстый и углистый,
Солидный, как самовар,
Густеет красной медью
На указательном пальце.

Таков Бабакай-Суддук,
А лет ему — сорокнацать.

1921

---

¹ Б(ывшая) конфетная фабрика с крупным отделением в Крыму.

1

БАБАКАЙ И ЛУНА

Однажды сам Бабакай,
Чувствуя пузо в усладе,
Вышел себе поикать
В свой виноградный садик.

Видит — луны полукруг
В колодце для винограда.
«Вай, — сказал ей Суддук, —
Это уже непорядок.

Будьте любезны — у нас
Каждому. Свой. Жребий.
Раз когда ви луна-с —
Лезьте, пожалуста, в небо».

С тем запустил он крюк,
Цепнул, понатужился — рразом.
Лопнула пара брюк,
И Суддук опрокинулся наземь.

Видит — подобна сырку
Ломтиком в корочке алой
На самом-самом верху
Луна, как ни в чем не бывало.

И сказал Суддук: «Айсá!
Можьна? Напиться? Чаю.
Раз луна в небесахх.
Я уже не отвечаю».

БАБАКАЙ И ХАЛАТ

Однажды сам Бабакай
Повесил халат на гвоздик
И пошел на два пятака
Поиграть немножечкам в кости.

Вернулся — уже темнота.
Спички — копейка. Жалко.
Подходит к комоду, но там
Кто-то прижался с палкой.

Суддук ему крикнул: «Кыш!»
Но вор не повел даже бровью.
Суддук доставал бердыш,
Стрелял воробьиной дробью.

Потом убежал Суддук
За людьми соседней квартиры —
Пришли и видят: чубук
И халат, расстрелянный в дыры.

Обкурена вся полоса,
От пороха дым на платье.
И, подумав, сказал Суддук: «Айсá.
Харашо, что я не был в этом халате».

БАБАКАЙ И ТЕОРИЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ

Однажды сам Суддук
Впал в малахольный скепсис.
Пошел, выбрал сук,
Обмотал себе горло покрепче.

Ну только на корточки сел —
Раздумал и снял осторожно:
«Судьба-дм. Я только хотел. . .
Айсá — дишать невозможна».

АФОРИЗМ КАРАИМСКОГО ФИЛОСОФА
БАБАКАЙ-СУДДУКА

«Лучше недо-, чем пере-».

1921

16. ВОР

Вышел на арапа. Канает¹ буржуй.
А по пузу — золотой бамбер.²
«Мусью, сколько время?» — Легко подхожу...
Дзззызь промеж роги! .. — и амба.³

Только хотел было снять часы —
Чья-то шмара шипит: «Шестая».⁴
Я, понятно, хода. За тюк. За весы.
А мильтонов — чертова стая.

Подняли хай:⁵ «Лови!» — «Держи! ..»
Елки зеленые!! Бегут напротив!!!
А у меня, понимаешь ты, шанец⁶ жить, —
Как петух недорезанный, сердце колотит.

Заскочил в тупик: ни в бок, ни черта.
Вжался в закрытый сарай я...
Вынул горячий от живота
Пятизарядный шпайер:

«Нну-ну, умирать, так будем умирать.
В компании-таки да веселее».
Но толпа как поперла. В стороны. В мрак.
И построилася в целую аллею.

¹ Канает — шагает (воровской жаргон).

² Бамбер, бимбер, бимбары — часы (воровской жаргон).

³ Амба — конец (воровской жаргон).

⁴ Шестая — опасность (воровской жаргон).

⁵ Хай — шум, крик (воровской жаргон).

⁶ Шанец — шанс (воровской жаргон).

И я себе прошел, как какой-нибудь фертъ.
Скинул джонку и подмигнул с глазом:
«Вам сегодня не везло, мадамочка Смерть?
Адю до следующего раза».

1922

17. ЦЫГАНСКАЯ 2-я

Тройкой, гей, безалаберных коней
Вниз пушусь на степя с обрыва я —
Уж ты попомнишь-повыпомянешь, гей!
Ты. Красавка. Рыжая. Гривая.

По-гля-жу, холодныли, горячиль
Пады-ы ножом ваши ласки женские.
Вы грызитесь, подкидывая пыль,
Вы. Жеребцы. Мо-й. Оболенские.

Ай-дай да, яядá-даяя,
Эх, и нож колыдóванный, кони крадены,
Зá-цэ-лúешь ты, шалая моя,
Чёрыные гúбы конóкράдины.

Прыгает к версте полосатая верста. . .
Дррр, как тын, гарагачут под палочкой:
Уж ты моя ль расписная красотаа —
Горыбанбсая, черная, гáлочья.

Кру-пóm пляшет похабно коренник,
Цок серебром в передок жé-лэ-заный.
Нá дóхэ индевет воротник,
Вíхрем всё лицо изрэзанó.

Эгей, сокола, золотые удилаа. . .
Мчитесь вы на степя привóляны,
Может, где оброню еще до зла —
Жжгúчую ббль о ней.

Гей!

1922

18. ЦЫГАНСКАЯ РАПСОДИЯ

ОНА На западе
Буланая
Пылает-то
Метели?ца.

ОН Пóлымя
Пáдалицей
Дóламй?
Прядается?

ОБА На западе — полымя
Буланою пáдалицей,
Полями да долами
Метелица прядается.

ХОР Гей-та гоп-та гундáала
Задымил дундáала
Прэндэ-андэ-дэнти-воля
Тнды?-рунды дундаала.

ОБА Дуду в воротá бурán
В болотах погáновится,
Отбились от тáборá
Цыгán и цыгáновица.

ХОР Гей-гоп гундалá
Задымил дундалá
Прэндэ-андэ-дэнти-да-воля
Турунды? дурунды? дундаала.

ОБА Ату его, жарь его —
Пурге меж дорог не ново;
Дует в щеки зарево
Дóбела от огненнóго.

ХОР Гей-та гоп (вдох) таáла?
Задымил (вдох) таáла?
Прэндэ-андэ дэнти-воля
Тнды-рунд? (вдох) таáла.

ОБА От огненна дóбела
Повалила ж черными,
Зарыла-угробила,
Осыпала вóронами.

ХОР Гéй-тара, гóп-тара дундагла
Задымило дúnдаала
Прэндэ́ле-áндэ́ле дэ́нти-давóдаляда
Турундаради́радара дúnдаала

Гоп-гоп-гоп-гоп
Ой-и мор'ы будэ-удэ
Ай-ди дуди дýди-дúди дудí? дудí? дúnдаала.

ОНА Ас-(эста). Оп-(эста).¹
Ишо раз! (Эста?-эста).

ХОР Шутишь-любишь или нет
Что-ли-ааааа...

ОН (шепотом) Пóты лыты мяты пады
Лыты? мяты? падалицей.

ХОР Пóлымя-падалицей?
Долами?-прядается:
С зáпáдá-ж
Була́но́ю
Поля́мь-да́
Метéль-
Цá!

1922

19. ЦЫГАНСКИЙ ВАЛЬС НА ГИТАРЕ

Нно́чь-чи? Сон-ы. Прох?ла́дыда
Здесь в аллéйеях загалохше?-го сады,
И донóсйтсá то́лико стон'ы? гитта́оры:
Та́ратинна-та́ратинна-tan...

---

¹ Эста — такт паузы — произносить про себя.

«Милы́ый мо-й — не? сердься:
Не тебе мое горико?е сёрдыце —
В нем Яга наварйлыла с перы?цем йдыды
Чёрыну?ю пену любви».

«Мйлылыя — я сыча?сталив.
Задыхаясь задушён?ной страстью,
Все твои повторю за тобю? я муу?уки,
То́лико?бы с сёрдыцем?бы в лад».

Ах, нночь-чи? Со́наны. Прох?ладыда
Здесь в аллеяях загалохше?го сады...
И доносится то́лико стон? (эс) гит-та́рарары
Таратй́?на
Та́ратина
Тап...

1922

20. МОТЬКЭ-МАЛХАМОВЕС

(Новелла)

Красные краги. Галифе из бархата.
Где-то за локтями шахматный пиджак —
Мотъкэ-Малхамовес считался за монарха
И любил родительного падежа.

Полчаса назад — усики нафабрены,
По горлу рубчик, об глаз пятно —
Он, как вроде балабу́с,¹ обошел фабрику,
Он!.. А знаменйтэр ин Одэсс блатной...²

Там в корпусах — ходóвые девочки,
У них еще деньжата за ночной «марьяж» —
Сонька и Любка, и Шурочка Первая,
Которую отбил у всего ворья.

Те повыходили, — но снаружи не сердятся,
Размотали чулок, и пожалуйста — на.

---

¹ Балабус — хозяин (евр.).

² Блатной — вор.

Вы ж понимаете: для такого мёрдэра¹
Что там может значить бабья война?..

Мотькэ хорошо. Чем плохая профессия?..
Фирма работает — и вашших нет.
На губе окурок подмигивает весело,
Солнце обляпало носы штиблет.

Но тут вышел номер: сзади рабочие.
Сутенер на тень позыривает² скосу...
Вдруг: «Стой!..» Цап за лапу: «Кар-роче...»
Брови вороном на хребет носа!

Губы до горла лицо врѣзали,
Зубы от злобы враскрошь — пемзой...
Оробели ребята... Обмякло железо-то,
Взяла тута оторопь и Тамбов и Пензу.

Мотькэ-Малхамовес идет по Коллонтаевской...
Сдрейфили хамулы, — холера им в живот!..
Он уже расходился, руками махается
И ищет положить глаз на живое.

И вдруг ему встрелись, и совсем-таки нечаянно,
Хунчик-дер-Заика и Сашка-Жмых.
Ну, как полагается, завернули в чайную
И долго гиргиркали за стаканом на троих.

А на завтра, днем, меж домов пятиярусных,
К магазину «Ювелир М. Гуревич и сын»
Подкатил. Грузовик. Содрогаясь. Яростно.
Волоча. Потроха. У мускулистых. Шин.

Магазин стал. Под наблюдением «приказчика»
Зеленых и рыжих два бородача
Не спеша выносили сундуки и ящики
И с шофером нагружали оцинкованный чан.

---

¹ Мердэр — злодей (евр.).

² Зырить — глядеть (воровск.).

Когда ж подошли биржевые зайцы —
Задние колеса прямо в них навели:
«Я извиняюсь: магазин перебирается,
На следующем квартале есть еще один ювелир».

Внутри ж сам хозяин и все покупатели
Внавалку, как бараны, перли в стену.
Налезали на мозоли и опять-таки пятились,
И один дер другого за штаны тянул.

А над ними с фасоном главного махера,¹
Успев отскочь до дверей смерить,
Мотькэ-Малхамовес за хвост размахивал
Синим перцем фаршированную смерть.

«Господин Гуревич, вы неважно выглядите.
Может быть, что-нибудь, не дай бог, съели?
Молодой человек, дайте ж место родителю!
Что это за такое на самом деле.

А вы... Эй, псс... Белый галстук... Тросточка...
Извинить за выраженье, — вы теряете брюк.
Мне чтобы было за ваши косточки —
Вы же так простудитесь: на самом сентябре.

Нет, кроме шуток, — что вы смотрите, как цуцки,
Вы ввозили сюда, мы вывозим тудаа.
В наше время, во время революции,
Надо же какое-нибудь разделение труда».

Никакая статуя и никакой памятник,
Ни тут, ни за границей, ни где-нибудь еще,
Наверно, не рассаживались так нагло в памяти,
Как вот этот вот налетчик, кривоногий черт.

В конце же концов, когда все были как пьяницы,
Он поставил бомбу у самых дверей:
«Ша! Эта бомба уже от взгляда взрывается.
И только через час в ней потухнет вред...»

---

¹ Махер — делец (евр.).

Но только их зажмурили через шторы рыжие,
Моткэ с автобуса закричал: «Мурá! . .
Какую жар-птицу вы там думаете высиживать?
Ведь это же не бомба, а просто бурак. . .»

1923

21. ТРЯПИЧНЫЙ КОРОЛЬ

(Новелла)

Господин в глухой шубе, в золотых зубах
с сигарой
Вышел из автомобиля и вошел в вестибюль.
Мажордом¹ секретарю позвонил из бенуара:
«Алло! Министр финансов — Гулльд».

Кабинет, обтянутый белым медведем.
Левую бровь приподнявши хитро,
Паршивый старичишка — браунингом взведен
Над индексом² падения австрийских крон.

Министр вошел, стараясь быть развязным:
«Мои комплименты. Я к Вам на пять минут.
Давайте условимся не тратить фраз нам
И закончим дело сейчас же, вот тут.

Memento patria!³

Если вы янки —
Во имя Штатов — без блефа и пьявок:
Фабрика штампа государственного знака
Нуждается в тысяче тонн тряпья.

Литера «А». Из районов клана⁴
Пропущенная через грохоль и пар —
В марте тряпка франко-бипланом
Входит под крышу в Северный Парк.

---

¹ М а ж о р д о м — управитель дома.

² И н д е к с — показатель.

³ Помни об отечестве (лат.). — Ред.

⁴ К л а н — племя, род (инд.).

«В». Номенклатура: холщовка — прима
не: прелая,
»: горелая,
без:
перьев и ржи.

Примечание 1-е: процент на примесь,

Примечание 2-е: допускается жир.

«С». Расчет: 50 аванса

И контрдубликатный аккредитив.

«D». Залог: на предмет гарантий

Вручаются акции треста ТИВСТ.

О ценах и прочем звонить на неделе.

Абзац.

Примите уверенья.

Гулльд».

«Но послушайте, министр, — тут же всюду
картели¹ есть,

А я? Я могу только то, что я могу.

Правда, там первейшие мошенники Нью-Йорка:

Они мне раз подсунули 15 000 мест,

Но только не индейской, а чикагской сборки

(Я насилу подкинул их в Бумажный трест).

Но, впрочем, вот что: обратитесь в «Компания»,

Хотя я вам советовать туда не берусь:

У них милая привычка — до отправки без паники

Заготавливать акты на пропавший груз.

Но есть еще имена в Биржевом клубе.

Вот хотя бы фирма Перси А. Вайт:

Через месяц, спекульнув на кокаине и республике,

Вернут вам честным образом весь ваш аванс.

А то еще вот этот вот, как его там... мистер,

Мистер Пэдж, или нет, кажется, Пудж...»

«Ззз-ззт», — зажужжал министр,

Отдирая крылышко от клейких пут.

И пират, оплывая опухшей печенью,

В подагре разлапывая ноги гусем,

Подошел к министру и сказал ему: «Дуся!

---

¹ Картели — объединения типа трестов.

Всё же ж равно же ж вам делать нечего.
Все эти директора — мошенники Зинг-Зинга,¹
У них же с чужими вензелями сервиз,
Их Америка — сенсация, дешёвочка, бензин, гам,
Эту америчку обыграешь в вист.
Но Я, от Которого материки зависят,
Не дам вам ни тряпочки, ни нитки, ни-ни:
Вы будете себе размалевывать эмиссии,
А золото лить по формам Войны?
Вы будете в орудия продукцию вбабахивать,
Но не давать подняться территориям сырья,
А там через год-другой лопаться под крахами?
Всё это прекрасно, но причем, сэр, я?
Мне лично для создания рынков тряпья
Нужна цивилизация варварских колоний:
Коль скоро дикарь безграмотен и пьян —
Его к потреблению бумаги не клонит.
Но для цивилизации ему нужны средства,
Значит — открывается рынок для ссуд,
И ясно, что я, как доброе сердце,
Все свои сокровища туда-то и снесу.

Согласитесь, Генри, это всё евангелично:
Культуру колониям! Без всяких рацей!
(Стоит ли в боях отбить какие-нибудь тысячи,
Если можно ростовщицеством мильон
как процент!)

Гулльд (с жестом): «Наша промышленность,
С годами выстраивающаяся ровней,
Вынуждена силой за рубеж громиться,
Чтобы тромбы фабрикатов рассосать вовне.
По вашему же плану — всякая Киргизия
Должна индустрироваться. Егго:² вопрос —
Как же мы выйдем из промышленного кризиса,
Если их продукция насытит спрос?»

Мой метод иной: Америка крсет
Всемирные рынки своею кухней,

¹ Зинг-Зинг — тюрьма в Америке.

² Следовательно (лат.). — *Ред.*

Пока семибашенный наш дредноут
Будет блокировать горла бухты.
А параллельно всеми путями
Душить их культуру, бряцая погромче,
Чтоб эти всемирные таитяне
Видели в нас полубога. Я кончил».

«Цыпочка, послушайте: на что мне эта лекция?
Какое мне дело до ваших фабрик?
Деньги! Деньги!! Куда мне с ними деться?
Они ж меня буквально хватают за жабры.
Теперь, когда в кассах моих россыпь Эльдорадо,
Первое дело — это ссудный капитал.
К черту блокады фабрикантам на радость
И всё, что ты мне тут сейчас налепетал.
Баста! Мы выросли из этой политики!
Ура СССР, где мои пенни в рост!
А ваши фабриканты — это ж наши разорители,
Это ж моя печень и мой невроз».

Господин, как был, без шубы, без галош и ботик —
«нетто»¹
Вылетел из вестибюля и упал в автомобиль.
Король мажордому позвонил из кабинета:
«Он еще вернется — подождите его, Билль».

1923

22. БУЛЬДОГ БУТС

(Новелла)

Посвящается «Сеттеру Джеку»

Вообразите: жирный ворс
Цвета черного кофе,
Над шоколадкой откушенный хвост
И сифилитический профиль, —

Бульдог Бутс был важен и горд:
Принципиально не лаял,

---

¹ Нетто — торговое название чистого веса.

Без надобности не спускался во двор
И только из-за стола ел.

Бульдог Бутс работал одно:
Он обожал Тэдди.
Она купалась — он шел на дно,
Читала — он тут же на плече.

И вечно молил двуносы́й буль
Манто или несессерчик:
«Узнайте, друзья, предложить ей могу ль
Переднюю лапу и сердце?»

И отвечивал Шкап (большой эрудит):
«Бутс, ты сказал бы Тэдди,
Что был уж в истории случай один —
О лебеде и Леде...»

Но бедный буль — недоучка.
И в обожаньи неистовом
Ничего не придумал лучше, как
Сделаться фетишистом:

Крал сорочки, чулки; под кровать,
В кресло, за шкаф ли засунет,
И всегда приходилось потом отмывать
Его восхищенные слюни.

Но Тэдди прощала: «Бутс — закон».
Черт, какая нега!..
И прыгал хлопнуть ее языком
Четвероногий негр.

Потом на радостях лапами в дверь!
И тащил оттуда с заботой
Перчатки (но не всегда две),
Ее манто и боты.

И прыгал буль (50 кило),
И скулил, и мялся тоскливо.

А Тэдди хвалила: «Так-так, милорд,
Проявляйте инициативу!»

Нигде. Никогда. Никакой. Рассказ.
Не бывает без «вдруга».
Но мы обойдемся. Так вот раз
Тэдди ждала друга.
Друг пришел. Пил чай.
Брал сигареты из ящика...
Вообще, изрядно бедняга скучал
До самого настоящего.
И тут-то увидел мой бульдог
(Следите за мной внимательно!):
Гость за лапы ее привслок
И стал грабить... платье;
Потом к дивану Тэдди прижал
И загрыз ее в самый рот...
А Тэдди, бедняжка, задыхалась, дрожа, —
Вот-вот сейчас умрет...

Под шкурой пса налились шары,
Дрожал его сивый ус...
Он шипел на парах и ждал только крика:
«Бутс!»
Но крика нет... Что за черт...
Бутс дается диву.
И вспомнились вдруг слова: «Милорд!
Проявляйте инициативу».

Есть! Короткий рывок — раз!
И гость на шкуре медведя.
В недоуменьи приподнялась
Недогрызённая Тэдди.
И пока возвращалась к девушке мысль —
Ей помахивал хвостик куцый:
«Примите уверенья, обожаемая мисс,
От преданного Вам
Бутса».

1924

23. СОНЕТ

Дол
Сед.
Шел
Дед.

След
Вел —
Брел
Вслед.

Вдруг
Лук
Ввысь:

Трах!
Рысь
В прах.

1927

24. БАЛЛАДА О БАРАБАНЩИКЕ

Крала баба грозди,
Крала баба грузди,
Крала баба бо-бы и го-рох.
Да в ковыле бобыли-то были:
Брали бабу на курок.

Были бобыли-то,
Были бобыли-то,
Были бобыли-то
    Злы, как бес.
Была баба в шубке,
Была баба в юбке,
Была баба в панталонах,
    Стала — без.

Вот
Ведь
Вид.

Баба была ряба,
Но боялась баба:
«Эх, кабы хотя ба
Помог ба бог».
Но заместо бога
Брел по эпохе
Паренек убогий,
В барабане бок.

Был он, паря, ранен
По-на поле брани,
Спал на барабане,
Пёр на пункт.
Вдруг заметил из кустов он,
Будто кто-то арестован —
Да не нашею командой...
Что такое? Бунт?

Сел по-за бражкой,
Снял барабашку,
Сам себе скомандовал:
«Крой!»

В бурый бок
барабанной
перепонки
барабана

Вбарабанил
барабанщик
барабанный
бой.

Дррррроби рокот орлий
Прокатился в горле.
Думали — помёрли
Бобыли.

Рухнули рядами
С траурными ртами
Подле голой дамы
В пыли.

Хрип.
Храп.
Гроп.

Тут барабанщик
Бросил барабанчик,
Выйдя разобрать их
В короткий срок:
Бабе отдал шубку,
Бабе отдал юбку,
А бобылям-то бобы да горох...

«Вы, — говорит, — баба,
Действовали слабо.
Выразился я ба:
Анархицкая борьба.
Погоди, бабеха:
Ликвиднем царя Гороха —
Тогда пузырься от гороха,
Как барабан».

Барабаны в банте,
Славу барабаньте!
Барабарабаньте
Во весь. Свой. Раж.
Н И
в Провансе,
Н И
в Брабанте
Нет барабанщиков
Таких. Как. Наш.

1931

ПЕСНИ

25. ШЛИ ТРИ МАТРОСА ¹

1

Шли три матроса
С буржуйского плена,
С буржуйского плена
Домой,
(Ай-дири́-дарá)
И только вступили в Севастопольскую бухту —
Как их споразило грозой.

ХОР И только вступили в Севастопольскую бухту,
Как их споразило грозой.

2

Сказал один матросик:
«Мне нету больше мочи,
Мне нэту больше мочи
Так жить».
(Ай-дири́-дарá)
Заплакали горько
Их карие очи:
«Кадеты ж с нас веревки будут вить!»

ХОР Заплакали горько
Их карие очи:
«Кадеты ж с нас веревки будут вить».

3

Сказал второй матросик:
«Ведь мы проиграли...
Ведь мы жа проиграли
Войну!

---

¹ Из трагедии «Командарм 2».

(Ай-дири́-дарá)
Советское знамя
Варвары растоптали,
И Май-Борода сам в плену».

ХОР Советское знамя
Кадеты растоптали,
И Май-Борода сам в плену.

4

Сказал третей матросик:
«Мы еще вернемся!
Ах, мы еще вернемся. Хлоп вам в лоб!
(Ай-дири́-дарá)
Оставим с вашей суши
От пупá — уши,
Насквозь перекопаем Перекоп —
Оп
Оп?»

ХОР Оставим с вашей суши
От пупá — уши,
Насквозь перекопаем Перекоп.

5

Шли. Три. Матроса.
С буржуйского плена,
С буржуйского плена
Домой.
(Ай-дири́-дарá)
И только вступили в Севастопольскую бухту —
Как их споразило грозой.

ХОР И только вступили в Севастопольскую бухту,
Как их поразило грозой.

1928

26. ЗАНОЧУЙ, МИЛОЧЕК...

«Заночуй, милочек,
Заночуй разочек, —
Чай, немного по дороге
Ласковых-то ночек».

«Рад бы ночеваты,
Та боюсь проспаты:
Боевые командиры
Могут покараты».

Но голубкой тает,
Холит, потакает
Молодая дивчоночка,
Ладная такая.

А наутро солнце
Грянуло в оконце —
Затомило, замутило
В сердце эскадронца:

Барабаны сбили,
Музыка сыграла,
Конница-буденница
Кóнив напувала.
Кóнив напувала,
Со двора съезжала,
Со двора съезжа-на-ла-ла
Саблями бряцала.

Саблями бряцала,
Песней величала —
Коники за домики
Цокали сначала.
Все белы, как сне-да-ги-да,
Сивые, седые-да-я-да,
Воронные, пегие,
Буланые, гнедые...

Зори и морозко.
Солнце вроде воска.
Пá улице ўходило
Чёрвонное войско.

Сгубило милова
Дивчоночье слово:
Боевые командиры
На устав суровы.

На устав суровы,
Стиснутые брови!
За рекой белобандиты —
Будьте готовы!

1931

27. НОРВЕЖСКАЯ МЕЛОДИЯ

1

Я с тоской,
Как с траурным котом,
День-деньской
Гляжу на старый дом,
До зари
В стакан гремит струя...
(О, Мария
Милая моя...)

2

Корабли
Сереют сквозь туман.
Моря блик
Сведет меня с ума.
Стой! Замри,
Скрипичная змея!
(О, Мария
Милая моя...)

3

Разве снести
В глазах бессонных соль?
Разве есть
Еще такая боль?

О миры
Скрежешется ноябрь!
(О, Мария
Милая моя...)

4

Кончен грог.
Молочницы скрипят.
Скрипку в гроб,
Как девочку, скрипач.
Звонари
Уходят на маяк.
(О, Мария
Милая моя...)

5

День как год,
Как черный наговор.
Я да кот,
И больше никого,
Примири
Хоть с гибелью меня,
О, Мария
Милая моя!

1932
*П/х «Pronto» (Норвегия)
пролив Лаперуза*

28. ПЕСЕНКА МАРИИ

1

Юбка бьется и полощет
Флагом бедствия точь-в-точь.
Фонари, качая площадь,
Убаюкивают ночь.
Только мне покоя нету:
Не убила я бобра.
Ходишь-ходишь. Ждешь монету,
Левой-правой, левой-пра...

Вот идет матросик бравый.
 Цып-цып, котик, не стыдись:
 Я ж такая точно, право,
 Дрянь паршивая, как ты-с.
 Не хотите? Как хотите.
 Подумаешь — кус добра!
 Ах, простите. Ах, мерсите.
 левой-правой, левой-пра...

И опять бредешь канавой,
 левой-правой. До ста сот.
 Как задумаешься, право,
 Только молодость уйдет;
 Только молодость увянет,
 Как на шляпке разноцвет, —
 Даже пьяница из пьяниц
 Не щипнет уж за корсет.

Юбка бьется и полощет
 Флагом бедствия точь-в-точь.
 Фонари, качая площадь,
 Убаюкивают ночь.
 Только мне покоя нету:
 Не убила я бобра.
 Дождик, дождик, дай монету!
 левой — правой, левой — пра...

1933

20. НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ, ПОЖАЛУИ

Ничего не случилось, пожалуй,
 Просто шла кавалерия вниз:
 Впереди комиссар возмужалый,
 В стороне молодой гармонист.

Небеса о грозе и не помнят.
Пела проволока за столбом.
Горожанки глядели из комнат,
И меж ними одна в голубом.

Ничего не случилось, пожалуй,
Просто шла кавалерия вниз:
Впереди комиссар возмужалый,
В стороне молодой гармонист.

Молодой, золотой, загорелый,
Он рванул и оскалил коня:
Это в синих глазах загорелось
Бирюзою пятно из окна.

Ничего не случилось, пожалуй,
Просто шла кавалерия вниз:
Впереди комиссар возмужалый,
В стороне молодой гармонист.

Комиссарское сердце из боя
Вышло громким и черным, как гром,
И по нем-то пятно голубое
Голубиным скользнуло пером.

Ничего не случилось, пожалуй,
Просто шла кавалерия вниз:
Впереди комиссар возмужалый,
В стороне молодой гармонист.

Вот пошли по базару и в горку —
Перетоп лошадей вороных. . .
Но один расстегнул гимнастерку,
И зарылся другой в воротник.

Ничего не случилось, пожалуй,
Просто шла кавалерия вниз:
Впереди комиссар возмужалый,
В стороне молодой гармонист.

1933

*Ледовитый океан
Поход 8 челюскинцев*

ШОТЛАНДСКАЯ ПЕСНЯ

Девочка на бере-
Девочка на бе-ре?
Девочка на берегу
Собирает раковины.
Беленькие, сере-
Беленькие, се-ре?
Беленькие, серенькие,
Пестрые, караковые.

Она их пронзая,
Она их пронза-я?
Она их пронизывает
Ниточкой оранжевою.
И сидит у мая-
И сидит у ма-я?
И сидит у маяка,
Никого не спрашивая.

А мальчишка Джонни,
А мальчишка Джон-ни?
Станет околдованным
Этакой безделицею.
И не будет пони-
И не будет по-ни?
И не будет понимать,
Что такое делается.

Девочка на бере-
Девочка на бе-ре?
Девочка на берегу
Собирает раковины.
Беленькие, сере-
Беленькие, се-ре?
Беленькие, серенькие,
Пестрые, караковые.

31. ЮНОСТЬ

(Венок сонетов)

1

Мне двадцать лет. Вся жизнь моя — начало.
Как странно! Прочитал я сотни книг,
Где мудрость все законы начертала,
Где гений все премудрости постиг.

А всё ж вперед продвинулся так мало:
Столкнись хотя бы на единый миг
С житейскою задачей лик о лик —
И книжной мудрости как не бывало!

Да, где-то глубина и широта,
А юность — это высь и пустота,
Тут шум земли всего лишь дальний ропот,

И, несмотря на философский пыл,
На фронтовой и на тюремный опыт,
Я только буду, но еще не был.

2

Я только буду, но еще не был.
Быть — это значит стать необходимым.
Идет Тамара за кавказским дымом:
Ей нужен подпоручик Михаил;

Татьяна по путям неодолимым
Проходит царь-девицей меж горилл:
Прекрасная тоскует о любимом,
Ей Александр кровь заговорил;

А я ничей. Мне всё чужое снится.
Звенят, звенят чудесные страницы,
За томом возникает новый том —

А в жизни бродишь в воздухе пустом:
От Подмосковья до камней Дарьяла
Души заветной сердце не встречало.

3

Души заветной сердце не встречало...
А как, друзья, оно тянулось к ней,
Как билось то слабее, то сильней,
То бешено, то вовсе обмирало,

Особенно когда среди огней
На хорах гимназического зала
Гремели духовые вальсы бала,
Мучители всей юности моей.

Вот опухнет кружащееся платье,
Вокруг витают легкие объятья,
Я их глазами жадными ловил.

Но даже это чудится и снится,
Как томы, как звенящие страницы:
Бывал влюбленным я, но не любил.

4

Бывал влюбленным я, но не любил.
Любовь? Не знаю имени такого.
Я мог бы описать ее толково,
Как это мне Тургенев объяснил,

Или блеснуть цитатой из Толстого,
Или занять у Пушкина чернил. . .
Но отчего — шепну лишь это слово,
И за плечами очертанья крыл?

Но крылья веяли, как опахала.
Душа моя томилась и вздыхала,
Но паруса не мчали сквозь туман.

Ничто, ничто меня не чаровало.
И хоть любовь — безбрежный океан,
Еще мой бриг не трогался с причала.

5

Еще мой бриг не трогался с причала,
Еще его волнами не качало,
Как затянулась молодость моя!
Не ощутив дыханья идеала,

Не повидаете райские края.
Все в двадцать лет любимы. Но не я.
И вот качаюсь на скрипучем стуле. . .
Одну, вторую кляксу посадил,

Сзываю рифмы: гули-гули-гули!
Слетают: «был», «быль», «билль», «Билл»,
«билл».

Но мой Пегас, увы, не воспарил.

Как хороши все девушки в июле!
А я один. Один! Не потому ли
Еще я ничего не совершил?

6

Еще я ничего не совершил.
Проходит мир сквозь невод моих жил,
А вытасу — в его ячейх пусто:
Одна трава да мутноватый ил.

Мне говорит обычно старожил,
Что в молодости ловится негусто,
Но возраст мой, что всем ужасно мил,
Ведь это возраст самого Сен-Жюста!

Ах, боже мой... Как страшен бег минут...
Клянусь, меня прельщает не карьера,
Но двадцать лет ведь сами не сверкнут!

Сен-Жюст... Но что Сен-Жюст
без Робеспьера?

Меня никто в орлы не возносил,
Но чувствую томленье гордых сил.

7

Но чувствую: томленье гордых сил
Само собою — что б ни говорили —
Не выльется в величественный Нил.
Я не поклонник сказочных идиллий.

Да и к тому ж не всё величье в силе.
Ах, если бы какой-нибудь зоил
Меня кругами жизни поводил,
Как Данта, по преданию, Вергилий!

Подруги нет. Но где хотя бы друг?
Я так ищу его. Гляжу вокруг.
Любви не так душа моя искала,

Как дружбы. Надо знать провинциала:
Я не хочу рифмованных потуг —
Во мне уже поэзия звучала!

8

Во мне уже поэзия звучала...
Не оттого ли чуждо мне вино,
Табак, и костяное домино,
И преферанс приморского курзала?

Есть у меня запойное одно,
С которым я готов сойти на дно, —
Всё для меня в стихе заключено,
Поэзия — вот вся моя Валгалла.

Но я живу поэзией не так,
Чтобы сравнить с медведем Аю-Дар
И этим бесконечно упиваться.

Бродя один над синею водой,
Я вижу все мифические святцы,
Я слышу эхо древности седой.

9

Я слышу эхо древности седой,
Когда брожу, не подавая вида,
Что мне видна под пеной nereида.
Глядеть на водяную деву — грех.

Остановлю внимание на крабах.
Но под водою, как зеленый мех,
Охвостье в малахитовых накрапах,
Но над водою серебристый смех.

Моя душа — в ее струистых лапах!
И жутко мне. . . И только рыбий запах
Спасает от божественных утех.

Как я люблю тебя, моя Таврида!
Но крымец я. Элладе не в обиду
Я чую зов эпохи молодой.

10

Я чую зов эпохи молодой
Не потому, что желторотым малым
Полгода просидел над «Капиталом»
И «Карл» приписал в матрикул свой

В честь гения с библейской бородой.
Да, с этим полудетским ритуалом
Я стал уже как будто возмужалым,
Уж если не премудрою совой.

И всё же был я как сама природа,
Когда раздался стон всего народа
И загремел красногвардейский топ.

И я не мог остаться у залива:
Моя эпоха шла под Перекоп.
О, как пронзительны ее призывы!

11

О, как пронзительны ее призывы...
Товарищ Груббе, комиссар-матрос!
Когда мы под Чонгаром пили пиво,
А батарейный грохот рос и рос,

Ты говорил: «Во гроб сойти не диво,
Но как врага угробить — вот вопрос!»
И вдруг пахнули огненные гривы,
И крымским мартом сжег меня мороз.

И я лежу без сил на поле брани.
Вот проскакал германский кирасир.
Ужели же не помогло братанье?

Но в воздухе еще дуэль мортир,
И сладко мне от страшного сознания,
Что ждет меня забвенья или пир...

12

Что ждет меня? Забвенья или пир?
Тюремный дворик, точно у Ван-Гога.
Вокруг блатной разноголосый клир,
Что дружно славит веру-печень-бога...

Ворвется ли сюда мой командир
С седым броневиком под носорога?
Или, ведя со следствия, дорогой
Меня пристрелит белый конвоир?

Но мне совсем не страшно почему-то.
Я не одену трауром минуты,
Протекшие за двадцать долгих лет.

Со мной Идея! Входит дядька сивый,
Опять зовут в угрюмый кабинет,
И я иду, бесстрашный и счастливый.

18

И я иду. Бесстрашный и счастливый,
Сухою прозой с ними говоря,
Гремел я, как посланник Октября.
Зачем же вновь пишу я только чтиво?

И где же тот божественный глагол,
Что совесть человеческую будит?
Кто в двадцать лет по крыльям не орел,
Тот высоко летать уже не будет.

Да что гадать! Орел ли? Птица вир?
Одно скажу — что я не ворон-птица:
Мне висельник добычею не снится.

Я всем хочу добра. Я эликсир.
Впивай! Не исчерпаешь! Я — столицей!
Мне двадцать лет — передо мною мир!

14

Мне двадцать лет. Передо мною мир.
А мир какой! В подъеме и в полете!
Люблю я жизнь в ее великой плоти,
Всё остальное — крашенный кумир.

Вы, сверстники мои, меня поймете:
Не золоченый нужен мне мундир,
Не жемчуг, не рубин и не сапфир.
Чего мне надо? Всё — в конечном счете!

Сапфир морей, горящих в полусне,
Жемчужина звезды на зорьке алой
И песня золотая на струне.

Всё прошлое богатство обнищало.
Эпоха нарождается при мне.
Мне двадцать лет. Вся жизнь моя — начало.

15

(МАГИСТРАЛЬ)

Мне двадцать лет. Вся жизнь моя — начало.
Я только буду, но еще не был.
Души заветной сердце не встречало:
Бывал влюбленным я, но не любил.

Еще мой бриг не тронулся с причала,
Еще я ничего не совершил,
Но чувствую томленья гордых сил —
Во мне уже поэзия звучала.

Я слышу эхо древности седой,
Я чую зов эпохи молодой. . .
О, как пронзительны ее призывы!

Что ждет меня? Забвенья или пир?
Но я иду, бесстрашный и счастливый:
Мне двадцать лет. Передо мною мир!

1920

Симферополь

1

УЗНИК

«Сижу за решеткой в темнице сырой», —
 Эти стишки чертя на стене,
 Нет, не преступник — скорее герой,
 Каких, слава богу, немало в стране.

Поэтому рухнет проклятый острог,
 Ударит по башням святая шрапнель,
 Чтоб сын не прочел сих печальных строк,
 Въезжая в этот роскошный отель.

1919

2

Проем тюремного окна
 Зовется здесь «собашник».
 Хоть даль отсюда не видна,
 Но слышен звон на башнях;

А главное — от многих бед
 Спасает нас «конурка»:
 Всѣ прячет общий наш буфет —
 От вздоха до окурка.

1919

8

УЖАС ТЮРЬМЫ

Ужас тюрьмы. . . Он легендой пропах.
 Но я объясню его вкратце:
 Это не просто койка в клопах,
 Не только с крысами карцер.

Крысы, клопы. . . Какая мура!
 Бывает пытка жесточе:
 Ведут к ретираде в шесть утра,
 Вторично же — в десять ночи.

1919

Учат меня стариканы:
 «Не ешь всю пайку хлеба с утра», —
 Но ведь к обеду на ней, как икра,
 Рыжие тараканы!

Но, покоряясь науке,
 В конце концов привыкаешь и к ним;
 Не в силах лишь я примириться с одним:
 Это без пуговиц брюки.

1919

ДЫНЯ

К нам в острог попала дыня.
 Всполошилась вся твердыня:
 Есть не ели, но вдыхали...
 С этой дыней вскрылись дали.

Задыхаешься от дыму?
 Забирает дух отхожий?
 Глубже, глубже нюхай дыню:
 В дыне запах женской кожи.

1920

Севастополь

ТЮРЕМНЫЙ ДВОРИК

На веревке висят подштанники.
 Ветер наполнил их —
 И они бегут.
 Странные облачные странники
 Торопятся, секунду берегут.

Но за двориком что-то дробное захлопало —
 И опять

Жуткая
Тишь.
Ноги сами барабанят по полу,
Но отсюда не убежишь.

1919
Севастополь

7

Благослови легкомыслие,
Ветреность, пустоту,
Что выражение кислое
И меж бровями черту
Сводят, стирают начисто,
Блеск придают глазам,
Чтоб видел иное качество
Его благородие — Хам.
Пускай матершинное кружево
Сплетает он в бога и в прах,
Только бы не обнаруживать
Страх!

1919

8

НЕ МОГУ ПОНЯТЬ...

Понимаю, что жалит гадюка
Заблудившегося поросю,
Понимаю, что хищная щука
Перекусывает карася,

Что орел, унеся черепаху,
Разбивает ее о скалу
И что муха — мир ее праху —
Звенит в паутином углу;

Понимаю, что дикобраз
Дикобраза обходит с краю,

И что ворон ворону глаз
Не выключет — понимаю,

Но того, что издревле, от века,
Просвещаясь на каждом шагу,
На замок человек человека
Запирает, — понять не могу!!

1919
Севастополь

9

ЧЕМ ХОРОША ТЮРЬМА?

Итак, в тюрьме я снова.
Ну, что же. Рад весьма.
Чем хороша тюрьма?
В тюрьме — свобода слова!

1920
Симферополь

10

МАДАМ ЭН-ЭН

Нельзя на допросе бравировать, правда,
Но и робеть конечно — нельзя.
Красавица женщина с хищным нравом
Допрашивала, по страницам скользая.

Поскольку мы трое были студенты,
Мадам вспоминала университет:
Мелькали «презумпции», «прецеденты»...
Но я на всё отвечаю: нет.

Но я, стараясь не падать духом,
Гнал свои мысли куда-то вбок,
Чтоб сделаться внутренне тугоухим
И безмятежным, как голубок,

А этим ничуть не выдать испуга,
Унять в коленках проклятую дрожь,
Иначе не только эта хапуга —
Я сам себя не поставлю в грош.

Она говорила мне: «Образумьтесь!
Карьеру кладете вы на весы!»
А я размышлял среди всяких «презумпций»:
Какого цвета на ней трусы?

(В раскрытых дверях, просыпаясь нередко,
Дежурит жандармская борода...)
Розовые? Едва ли: брюнетка.
Синие? Вряд ли: она молода.

«Сосед! — шепчу я. — Одно лишь слово:
Какого цвета трусы на мадам?»
— «Трусы? А черт их знает! Лиловые.
Слушайте: мы ж накануне драм...»

И он опять повторяет всё то же:
Мол, сам не знает, откуда ружье...
Но что за вкус у моей молодежи?
Лиловых не может быть у нее!

Входит конвой. Загремели скáмьи.
Сейчас уведут. Но каков же ответ?
И я с деревянными желваками
Спросил: «Какой ваш любимый цвет?»

Она улыбнулась: «Какой? Лимонный».
Меня затолкали в спину и в бок.
Но я улыбнулся, чуть-чуть охмеленный,
От хитрой интимности счастлив, как бог.

1920
Симферополь

1

Никогда не перестану удивляться
 Девушкам и цветам!
 Эта утренняя прохлада
 По белым и розовым кустам...
 Эти слезы листвы упоенной,
 Где сквозится лазурная муть,
 Лепестки, что раскрыты удивленно,
 Испуганно даже чуть-чуть...
 Эта снящаяся их нежность,
 От которой, как шмель, закружись!
 И неясная боль надежды
 На какую-то возвышенную жизнь...

1920

2

Уронила девушка перчатку
 И сказала мне: «Благодарю».
 Затомило жалостно и сладко
 Душу обреченную мою.

В переулок девушка свернула,
 Может быть, уедет в Петроград.
 Как она приветливо взглянула,
 В душу заронила этот взгляд.

Море ждет... Но что мне это море?
 Что мне бирюзовая вода,
 Если бирюзовинку во взоре
 Не увижу больше никогда?

Если с этой маленькой секунды
 Знаю — наяву или во сне, —
 Все норд-осты, сивера и зунды
 Заскулят не в море, а во мне?

А она и думать позабыла...
Полная сиянья и тепла,
Девушка перчатку уронила,
Поблагодарила и ушла.

1920
Евпатория

8

НА СКАМЬЕ БУЛЬВАРА

На скамейке звездного бульвара
Я сижу, как демон, одиноко.
Каждая смеющаяся пара
Для меня — отравленный клинок.

«Господи! — шепчу я. — Ну, доколе?»
Сели на скамью она и он.
«Коля!» — говорит. А что ей Коля?
Ну, допустим, он в нее влюблен.

Что тут небывалого такого?
Может быть, влюблен в нее и я?
Я бы с ней поговорил толково,
Если б нашею была скамья;

Руку взял бы с перебоем пульса,
Шепотом гадал издавека,
Я ушной бы дырочки коснулся
Кончиком горячим языка...

Ахнула бы девочка, смутилась,
Но уж я пардону б не просил,
А она к плечу бы прислонилась,
Милая, счастливая, без сил,

Милая-премилая такая...
Мы бы с ней махнули в отчий дом...
Коля мою девушку толкает
И ревниво говорит: «Пойдем!»

1920

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ РЕЧИ

Я говорю: «пошел», «бродил»,
А ты: «пошла», «бродила».
И вдруг как будто веяньем крыл
Меня осенило!

С тех пор прийти в себя не могу...
Всё правильно, конечно,
Но этим «ла» ты на каждом шагу
Подчеркивала: «Я — женщина!»

Мы, помню, вместе шли тогда
До самого вокзала,
И ты без малейшей краски стыда
Опять: «пошла», «сказала».

Идешь, с наивностью чистоты
По-женски всё спрягая.
И показалось мне, что ты —
Как статуя — нагая.

Ты лепетала. Рядом шла.
Смеялась и дышала.
А я... я слышал только: «ла»,
«Аяла», «ала», «яла»...

И я влюбился в глаголы твои,
А с ними в косы, плечи!
Как вы поймете без любви
Всю прелесть русской речи?

1920

В КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ

В огромной раме жирный Рубенс
Шумит плесканием наяд —
Их непомерный голос трубен,
Речная пена их наряд.

За ним печальный Боттичелли
Ведет в обширный медальон
Не то из вод, не то из келий
Полувенер, полумадонн.

И наконец, врагам на диво
Презрев французский гобелен,
С утонченностью примитива
Воспел туземок Поль Гоген.

А ты идешь от рамы к раме,
Не нарушая эту тишь,
И лишь тафтовыми краями
Тугого платья прошуршишь.

Остановилась у голландца...
Но тут, войдя в багетный круг,
Во всё стекло
на черни глянца
Твой облик отразился вдруг.

И ты затмила всех русалок,
И всех венер затмила ты!
Как сразу стал убог и жалок
С дыханьем рядом — мир мечты...

1921

6

В БИБЛИОТЕКЕ

Полюбил я тишину читален.
Прихожу, сажусь себе за книгу
И тихонько изучаю Таллин,
Чтоб затем по очереди Ригу.

Абазур зеленый предо мною,
Мягкие протравленные тени.
Девушка самую тишиною
Подошла и принялась за чтение.

У Карьеры есть такие лица:
Всё в них как-то призрачно и тонко,
Таллин же — эстонская столица...
Кстати: может быть, она эстонка?

Может, Юкка, белобрысый лыжник,
Пишет ей и называет милой?
Отрываюсь от видений книжных,
А в груди легонько затомило...

Каждый шорох, каждая страница,
Штрих ее зеленой авторучки
Шелестами в грудь мою струится,
Тормошит нахмуренные тучки.

Наконец не выдержал! Бледнея,
Наклоняюсь (но не очень близко)
И сипяще говорю над нею:
«Извините: это вы — английский?»

Пусть сипят голосовые нити,
Да и фраза не совсем толкова,
Про себя я думаю: «Скажите —
Вы могли бы полюбить такого?»

«Да», — она шепнула мне на это.
Именно шепнула! — вы заметьте...
До чего же хороша планета,
Если девушки живут на свете!

1921

7

ЕВПАТОРИЙСКИЙ ПЛЯЖ

Женщины коричневого глянца,
Словно котики на Командорах,
Бережно детенышей пасут.

Я лежу один в спортивной яхте
Против элегантного «Дюльбера»,

Вижу осыпающиеся дюны,
Золотой песок, переходящий
К отмели в лилово-бурый занд,
А на дне у самого прилива —
Легкие песчаные полоски,
Словно небо.

Я лежу в дремоте.
Глауберова поверхность,
Светлая у пляжа, а вдали
Испаряющаяся, как дыханье,
Дремлет, как и я.

Чем пахнет море?
Бунин пишет где-то, что арбузом.
Да, но ведь арбузом также пахнет
И белье сырое на веревке,
Если иней прихватил его.
В чем же разница? Нет, море пахнет
Юностью! Недаром над водою,
Словно звуковая атмосфера,
Мечутся, вибрируют, взлетают
Только молодые голоса.
Кстати: стая девушек несется
С дюны к самой отмели.
Одна
Поднимает платье до корсажа,
А потом, когда, скрестивши руки,
Стала через голову тянуть,
Зацепилась за косу крючком.
Распустивши волосы небрежно
И небрежно шпильку закусив,
Девушка завязывает в узел
Белорусое свое богатство
И в трусах и лифчике бежит
В воду. О! Я тут же крикнул:
«Сольвейг!»
Но она не слышит. А быть может,
Ей почудилось, что я зову
Не ее, конечно, а кого-то
Из бесчисленных девиц. Она
На меня и не взглянула даже.

Как это понять? Высокомерность?
Ладно! Это так ей не пройдет.
Подплыву и, шлепнув по воде,
Оболью девчонку рикошетом.

Вот она стоит среди подруг
По пояс в воде. А под водою
Ноги словно зыблются, трепещут,
Преломленные морским теченьем,
И становятся похожи на
Хвост какой-то небывалой рыбы.
Я тихонько опускаюсь в море,
Чтобы не привлечь ее вниманья,
И бесшумно под водой плыву
К ней.

Кто видел девушек сквозь призму
Голубой волны, тот видел призрак
Женственности, о какой мечтали
Самые изящные поэты.

Подплываю сзади. Как тут мелко!
Вижу собственную тень на дне,
Словно чудище какое. Вдруг,
Сам того, ей-ей, не ожидая,
Принимаю девушку на шею
И взмываю из воды на воздух.
Девушка испуганно кричит,
А подруги замерли от страха
И глядят во все глаза.

«Подруги!
Вы, конечно, поняли, что я —
Бог морской и что вот эту деву
Я сейчас же увлеку с собой,
Словно Зевс Европу».

«Что за шутки?! —
Закричала на меня Европа. —
Если вы сейчас же... Если вы...
Если вы сию минуту не...»

Тут я сделал вид, что пошатнулся.
Девушка от страха ухватилась

За мои вихры... Ее колени
Судорожно сжали мои скулы.

Никогда не знал я до сих пор
Большого блаженства...
Но подруги
Подняли отчаянный крик!!

Я глядел и вдруг как бы очнулся.
И вот тут мне стало стыдно так,
Что сгорали уши. Наважденье...
Почему я? Что со мною было?
Я ведь... Никогда я не был хамом...

Два-три взмаха. Я вернулся к яхте
И опять лежу на прове.¹

Сольвейг,
Негодую, двигается к пляжу,
Чуть взлетая на воде, как если б
Двигалась бы на Луне.

У дюны
К ней подходит старичок.

Она
Что-то говорит ему и гневно
Пальчиком показывает яхту.
А за яхтой море. А за морем
Тающий лазурный Чатыр-Даг
Чуть светлее моря. А над ним
Небо чуть светлее Чатыр-Дага.

Девушка натягивает платье,
Девушка, пока еще босая,
Об руку со старичком уходит,
А на тротуаре надевает
Босоножки и, стряхнувши с юбки
Мелкие ракушки да песок,
Удаляется навеки.

Сольвейг!
Погоди... Останься... Может быть,

---

¹ Про ва — носовая палубка.

Я и есть тот самый, о котором
Ты мечтала в девичьих виденьях!
Нет.
Ушла.
Но ты не позабудешь
Этого события, о Сольвейг,
Сольвейг белорусая!
Пройдут
Годы.
Будет у тебя супруг,
Но не позабудешь ты о том,
Как сидела, девственница, в страхе
На крутых плечах морского бога
У подножья Чатыр-Дага.
Сольвейг!
Ты меня не позабудешь, правда?
Я ведь не забуду о тебе. . .
А женюсь, так только на такой,
Чтобы, как близнец, была похожа
На тебя, любимая.

1922

8

СИРЕНЬ

Сирень в стакане томится у шторы,
Туманная да крестастая,
Сирень распушила свои пятерки,
Вывела все свои «счастья».

Вот-вот захочет, того и гляди,
Словно лесная нежить!
Не оттого ль в моей груди
Лиловая нежность?

Брожу, глазами по свету шаря,
Шепча про себя невесть что. . .
Должна же быть где-то
на земном шаре
Будущая моя невеста?

Предчувствия душат в смутном восторге...
Книгу беру. Это «Гамлет».
Сирень обрываю. Жую пятерки.
Не помогает.

NN позвонить? Подойдет она, рыженькая:
«Как! Это вы? Анекдот».
Звонить NN? А на кой мне интрижка?
Меня же невеста ждет!

Моя. Невеста. Кто она, милая,
Самое милое существо?
Я рыщу за нею миля за милею,
Не зная о ней ничего...

Ни-че-го про нее не знаю,
Знаю, что нет ничего родней,
Что прыгает в глаз мой солнечный «заяц»
При одной мысли о ней!

Черны ли косы ее до радуги,
Или под стать урожаю,
Пышные ль кудри, гладкие прядки —
Обожаю!

Проснусь на заре с истомою в теле,
Говорю ей: «Доброе утро!»
Где она живет?
В Палас-отеле?
А может быть, дом у ней — юрта?

И когда мы встретимся? В марте? Июне?
А вдруг еще в люльке моя невеста!
Куда же я дену юность?
Ничего не известно.

Иногда я схватываю глобус,
Тычу в какой-нибудь пунктик
И кричу над миром на голос:
«Выходи! Помучила! Будет!»

Так и живу, неся в груди
Самое дорогое,
И вдруг во весь пейзаж впереди
Вижу возможность, мрачную, как Гойя:

Ты шаришь глазами! Образ любой
В багет про себя обрамишь!
А что,
как твоя
любовь
За кого-нибудь вышла замуж?

Ведь мыслимо же на одну минуту
Представить такой конец?
Ведь можем же мы, наконец, разминуться,
Не встретиться, наконец?

Сколько таких от Юкона до Буга,
От Ганга до Янцзыкиана,
Что, так никогда и не встретив друг друга,
Живут по краям океана!

А я? Почему моя линия жизни
Должна быть счастливее прочих?
Где-нибудь в Кашине или Жиздре
Ее за хозяйчика прочат,

И вот уже лоб флердоранжем обвит,
И губы алеют в вине,
И будет она читать о любви,
Считая, что любви нет. . .

Но хватит! Довольно! Беда молодым:
Что пользы в глухое стучаться?
Всему виной сиреневый дым,
Проклятое слово «Счастье».

1923

КАКОЕ В ЖЕНЩИНЕ БОГАТСТВО!

Читаю Шопенгауэра. Старик,
Грустя, считает женскую природу
Трагической. Философ ошибался:
В нем говорил отец, а не мудрец,
По мне, она скорей философична.

Вот будущая мать. Ей восемнадцать.
Девчонка! Но она в себе таит
Историю всей жизни на земле.

Сначала пена океана
Пузырится по-виногражьи в ней.
Проходит месяц. (Миллионы лет!)
Из пены этой в жабрах и хвосте
Выплескивается морской конек,
А из него рыбина. Хвост и жабры
Затем растаяли. (Четвертый месяц.)
На рыбе появился рыжий мех
И руки.

Их четыре.

Шимпанзе

Уютно подобрал их под себя
И философски думает во сне,
Быть может, о дальнейших превращениях.
И вдруг весь мир со звездами, с огнями,
Все двери, потолок, очки в халатах
Низринулись в какую-то слепую,
Бесстыжую, правекую боль.
Вся пена океана, рыбы, звери,
Рыдая и рыча, рвались на волю
Из водяного пузыря. Летели
За эрой эра, за тысячелетьем
Тысячелетие, пока будильник
В дежурке не протренькал шесть часов.

И вот девчонке нянюшка подносит
Спеленатый калачик.

Та глядит:

Зачем всё это? Что это?

Но тут
 Всемирная горячая волна
 Подкатывает к сердцу. И девчонка
 Уже смеется материнским смехом:
 «Так вот кто жил во мне мильоны лет,
 Толкался, недовольничал! Так вот кто!»

Уже давно остались позади
 Мужские поцелуи. В этой ласке
 Звучал всего лишь маленький прелюд
 К эпической поэме материнства,
 И мы, с каким-то робким ощущеньем
 Мужской своей ничтожности, глядим
 На эту мать с куклою-матрешкой,
 Шепча невольно каждый про себя:
 «Какое в женщине богатство!»

1928

10

ПОРТРЕТ ЛИЗЫ ЛЮТЦЕ

Имя ее вкраплено в набор — «социализм»,
 Фамилия рифмуется со словом «революция».
 Этой шарадой

начинается Лиза
 Лютце.

Теперь разведем цветной порошок
 И возьмемся за кисти, урча и блаженствуя.
 Сначала

всё
 идет

хорошо —
 Она необычайно женственна:

Просторные плечи и тесные бедра
 При некой такой звериности взгляда
 Привили ей стиль вызывающе-бодрый,
 Стиль юноши-боксера.

Надменно идет она в сплетне зудящей,
Но яд

не пристанет

к шотландской

колетке:

Взглянешь на черно-белые клетки —
«Шах королеве!» — одна лишь задача.

Пятном Ренуара сквозит ее шея,
Зубы — реклама эмалям Лиможа...
Уж как хороша! А всё хорошеет,
Хорошеет — ну просто уняться не может.

Такие — явление антисоциальное.
Осветив глазом в бликах стальных,
Они, запираясь на ночь в спальне,
Делают нищими всех остальных;
Их красота —

разоружает...

Бумажным змеем уходит, увы,
Над белокурым ее урожаем

Кодекс

законов

о любви.

Человек-стервец обожает счастье.
Он тянется к нему, как резиновая нить,
Пока не порвется. Но каждой частью
Снова станет тянуться и нить.

Будет ли то попик вегетарьянской секты,
Вождь травоядных по городу Орлу,
Будет ли замзав какой-нибудь подсекции
Утилизации яичных скорлуп,
Будет ли поэт субботних приложений,
«Коммунхозную правду» сосущий за двух
(Я выбрал людей,

по существу

Не имеющих к поэзии прямого приложенья,
Больше того: иметь не обязанных,
Наконец обязанных не иметь!), —

И вдруг
эскизной
прически
медь,
Начищенная, как в праздник!

И вы, замзав, уже мягче правите,
И мораль травоеда не так уж строга,
И даже в самой «Коммунхозной правде»
Вспыхивает вдруг золотая строка.
Любая деваха при ней — урод,
Таких нельзя держать без учета.
Увидишь такую — и сводит рот.
И хочется просто стонать безотчетно.

Такая. Должна. Сидеть. В зоопарке.
(Пусть даже кричат, что тут —
выдвиженщина!)

И шесть или восемь часов перепархивать
В клетке с хищной надписью: «Женщина»,
Чтоб каждый из нас на восходе дня,
Преподнеся ей бессонные ночи,
Мог бы спросить: «Любишь меня?»
И каждому отвечалось бы: «Очень».

И вы, излюбленный ею вы,
Уходите в недра контор и фабрик,
Но целые сутки будет в крови
Любовь топорщить звездные жабры.

Шучу, конечно. Да дело не в том.
Кто хоть раз услышал свое имя,
Вызванное этим ртом,
Этими зубами в уличном интиме. . .

Русые брови лихого залета
Такой широты, что взглянешь — и дрожь!
Тело, покрытое позолотой,
Напомиңает золотой дождь,
Тело, окрашенное легкой и маркой

Пылью бабочек, жарких как сон,
Тело точно почтовая марка
С каких-то огромней Канопуса солнц.

Вот тут и броди, и кури, и сетуй,
Давай себе слово, зарок, обет,
Автоматически жуй газету
И машинально читай обед.
И вдруг увидишь ее двою. . .
Да что сестру? Ее дедушку! Мопса!
И пластырем ляжет на рану твою
Почтовая марка с Канопуса.

И всё ж не помогут ни стрижка кузины,
К сходству которой ты тверд, как бетон,
Ни русые брови какой-нибудь Зины,
Ни зубы этой, ни губы той —
Что в них женского? Самая малость.
Но Лиза сквозь них проступала, смеясь,
Тут женское к женственному подымалось,
Как уголь кристаллизовался в алмаз.

Но что, если этот алмаз не твой?
Если курок против сердца взведен?
Если культуре твое естество
Воет под окнами белым медведем?

Этот вопрос я поднял не зря.
Наука без действенной цели — болото.
Ведь ежели
от груза

мочевого пузыря
Зависит сновидение полета,
То требую хотя бы к будущей весне
Прямого ответа без всякой водицы:
С какими еще пузырями водиться,
Чтоб Лизу мою увидеть во сне?

Шучу. Шучу. Да дело не в том.
Кто хоть однажды слышал свое имя,

Так... мимоходом... ходом мимо
Вызвоненное этим ртом...

Она была вылита из стекла.
Об нее разбивались жемчужины смеха.
Слеза твоя бы по ней стекла,
Как по графину: соленою змейкой,
Горечь и кровь скатились по ней бы,
Не замутив водяные тона.
Если есть ангелы — это она:
Она была безразлична, как небо.

Сегодня рыдай, тоскою терзаемый,
Завтра повизгивай от умор —
Она,
    как будто
                    из трюмо,
Оправит тебя драгоценными глазами.
Она... Но передашь ее меркой ли
Милых слов: «подруга», «жена»?
Она
    была
                    похожа
                            на
Собственное отражение в зеркале.

Кто не страдал, не умеет любить.
Лиза же, как на статистике Дания, —
Рай молока и шоколада, а не быт:
Полное отсутствие страдания.

В «социализм» ее вкраплено имя,
Фамилия рифмуется со словом «революция».
О, если бы душой была связана с ними
    Лиза Лютце!

52. РАПОРТ

Председателю Тройки
Господину Долинину
Ротмистра Бравина

РАПОРТ:

Приказом коменданта в Кронштадтском
равелине
На четвертом бастионе (юго-запад)
За командованье мной при интервенции
Карелии

Белым бронепоездом «Ревун» —
В нóчь нá трéтье — я бЫл рáсстрéлян
И похоронен вó рвú.

Бдѣ чéсть российскийского знамени,
Прошу с плохих стрелков взыска́ть.
Меня ж на том же месте, у камня,
Дó-стрé-ля́ть».

Подпись: Бравин.

Деревня Лю́церн.

Марта 3-го дня.

Входящий номер и резолюция:
«Не возражаю. Внять».

1923

53. КАЗНЬ СТЕЦЮРЫ

(Новелла)

А было Стецюре 20 годов.
Он работал борца. У Труцци.
Звался Бовой, весил 6 пудов
И не знал ни журбы, ни грусти.

Но тут революция — наперерез.
Цирк подумал да рухнул.
Арбитр с кассой махнул в Бухарест,
Директора взяли «на муху».

Что ж его делать? Пропасть же одну.
Некуда парню деться.
День голоднул, другой голоднул
И заделался красногвардейцем.

Канонады снарядов взрывали обрыв.
Контузия резала кожу.
Глотая пули, с коня комбриг
Щерился вырванной рожей.

Когда ж из-под Киева и на Чонгар
Он с пехтурой драпал —
В оскале ботинка гнила нога
И зевала рана по храпу.

Очнулся, сказал по привычке «ура»,
Но вокруг лишь степь да небо.
Волчьими сотнями выл буран,
И трупами мерз Днепр.

Тут сховал он берданку, в город ушел
Долю шукать у знакомых.
И стал, опушив себе ноги душой,
Курьером у Губисполкоме.

Нигде не видано эдаких ног —
Мозоль да и этот рвенится.
Шутка ли: мать, сестрята, сынок —
Шесть едоков иждивенцев.

Но раз призывает Стецюру власть —
В кожаной куртке, статный:
«Товарищ. К сожалению, я увольняю вас
В силу сокращения штатов.

В будущем, конечно, — вот вам рука, —
Когда станет всего у нас вдоволь,

Вы будете сыты, обуты, а пока
Увольняются даже вдовы».

Так сказал ему кожаный зав,
Достав из портфеля завтрак.
Понесло Стецюру тогда на низа
Страшным словом «завтра».

Обивал порог — только всюду удар:
Никак не может он спеться...
Под самым носом на бирже труда
Хватали места спецы.

Тогда по Херсонщине гайда Бова,
Перехрестився, заплакал.
Сотню шашек завербовал
И всех посадил на конь.

Соловийская свищ: «Эгей, не робей».
И под пляской вбок перед бандой
Яровой ржой запевал жеребец
И чекиста за ноги валанда.

За ним пулеметною саранчой
На тачанках шпана орала;
Сзади в криках, дыша горячо,
Село набекрень пылало.

И где ни пройдут — комиссаров на «кик»,
А на шею тугое монисто
С плакатом: «Да здравствуют большевики,
Долой нехай коммунистов».

Ой же ж время! Гудел гай,
Плавая трупной грязью.
Стецюра летал и жег буга
И полгода с коня не слазил.

Но раз из Москвы, в перепрыге пуль,
В международном экспresse
Прибыл в Отдел комиссар ГПУ
И потребовал — репрессий. ¹

Уисполком возразил: «Хорошо —
На вас вон бриджи да свитер,
А тут поневоле попрешь на рожон,
Ежели в брюхе вітер».

Предисполком по болезни был снят
И уволен в бессрочный отпуск;
С озер Бычиха и Вересня
Двинулся конный корпус;

В лесу и болоте пять батарей,
Телефонная звень по плану,
В срочном порядке встал на горе
Ангар для аэроплана;

И командиры, считая рвы,
Зубрили статьи диспозиций. . .
Стрибожий вітер дул ковыль,
В стэпу кувалы зегзицы.

На заре, в купе, через чашу и снега,
Комиссар, операцией гордый,
Протирая окисший от газов наган,
Мчал получать орден.

А ночью в лесу, а уж как пала тень
В листве, лисьей, каурой,
Казнен по семьдесят шестой статье
Душегубец лютый Стецюра.

1923

54—57. Т Р И Б У Н А

1

НЭП

Так. Больше не охлестывает стужа.
Есть комната, девчонка и дрова,
Прострел колен под гипсом заутюжен,
В оленьей замше пальцевая рвань.

Носки сухие, а белье льняное!
Что ни карман — то носовой платок.
Так по торцам, еще пехотно строен,
Шагаю в печке душного пальто.

И день мой ломоносовскою одой
Рассчитан от будильника до сна, —
Но вдруг всё лицо перехлещет одурь,
И глаза через зубы зашнурует десна.

Издерганные ганглии путаются в брыке,
Наизнанку выворачивается каждый вершок:
После расстрела — нервные тики,
После фронта — ревматизм и шок.

Стужен, контужен, до заскока рассеян,
Что к чему пригнано, прет из орбит, —
Недаром на этих (—) на Рассеях
Несло меня дыбой битв.

Ухлопало. Мускулы по волокну на плетя —
Стало пустынно и не тяжело. . .
Вот так бы лежать, оползя на скелете,
Обжираясь житною (—) тишиной.

Да нет, нельзя: да и как же мы сляжем
В затхлой блокаде границ и морей,
Мы, спецы революции, с компактным стажем
По боям, голодухе, сыпи, мре.

И когда города разорутся в плакатах
И под вьюгу закарркает барабан,
Загоню пиджак и пару перчаток —
И айда с каникул на фронт, на руба.

Глаза задымят, взвоят уши,
Вшивым гнездом обрастет голова;
И где-нибудь на рытвине колесован пушкой,
Кусками желудка пойду блевать.

Неужели ж мое призовое тело
Так себе, зря сгниет догола

И нельзя его как-нибудь с пользой обделать
В этакой стране, где хозяйский глаз?

Пускай бы хоть горло пошло под ковку:
Расплющить раструб в боевую трубу;
Пускай бы хоть челюсть коню на подковку,
Череп в воде — рыбакам буй.

Чтобы тогда, когда буду буюм,
Глазницами ширь обжираться мог,
Чтобы трубой я ревел над боем,
Зубами хватая пульс ног.

1921

2

НАША БИОГРАФИЯ

Итак, хлыстом мои губы выстегай,
Цепью и крючьями вытащи крик.
Как всякий поэт, я — сердце статистики:
Толпоголос мой голый язык.

И се аз глаголю: не эпилепсийщиной —
Дыхом толпы душа взмятена.
Свистами сверстников зубы насыщены.
Что ж я за племя? Обдумайте нас.

Мы, когда монархии (помните?) бабахали,
Только-только подрастали среди всяких «но»,
И нервы наши без жиров и без сахара
Лушились сухоткой, обнажаясь, как нож.

Мы не знали отрочества, как у Чарской в книжках,
Маленькие лобики морщили в чело,
И шли мы по школам в заплатанных штанишках,
Хромая от рубцов перештопанных чулок.

Так, по училищам, наливаясь желчью,
С траурными тенями в каждом ребре,
Плотно перло племя наших полчищ
С глухими голосами, будто волчий брех.

И едва успев прослышать марксизм,
Лишенные классового костяка,
Мы рванулись в дым, по степям, по сизым,
Стихийной верой своей истекать.

И если бы этой вере — наука
Взамен утопических корневищ, —
Мы знали бы свой политический угол
И кровный стяг бы над нами навис.

Но выли плакаты, трибуны, газеты,
Все что-то знали, все были тверды,
А мы глотали и то, и это
И не умели заплатавать дыр.

Не потому ль изрекатели «истин»,
Которые книги лишь смогут понять,
Говорили о нас: «Это авантюристы...
Революционная чернь... Шпана...»

Какими ж зубами удержать свою ругань...
Как вам втемяшить, что в военный угар
Мы мучились в поисках неведомого друга,
В одном направлении видя врага;

Что, диаграммой истории владея,
От пролетариата не уйти нам теперь
По возрасту, по пульсу, наконец — по идеям,
По своей, наконец, социальной судьбе.

Товарищ! Кто же там! Стоящий на верфи!..
Вдувающий в паровозы вой! —
Обдумай нас, включи наши нервы
И наладь в ход, как любой завод,

Чтоб и мы имели право любить свою республику
Кровью, всерьез, без фальши, без опер
И выйти из желтого кадра пухленьких,
Честных плательщиков в ДОБРОХИМ и МОПР.

1921—1925

ПЕРЕХОДНИКИ

Мы — студенты: бушлатки да блузы,
 . . . . .
 В десять нас расплывают вузы
 По площадям и бульварам.

От нашего горла боевой бóгул
 Раскатывается по ветру,
 Когда по бульварам, шлепая в ногу,
 Орем любимых поэтов:

«Дней бык пег,
 Медленна лет арба.
 Наш бог — бег,
 Сердце наш барабан». ¹

И чмякают врубленные на фронтах
 Ранений гнойные топи,
 И пляска наших обликов желтых
 Мерещится белой Европе.

Боятся: уж то-то нагонят свиста,
 Когда за рубеж понаедут
 От голода легкие, от чумы быстрые
 Волжские людоеды.

Но — нет, не гунн от Чукоти до Нарвы,
 Не одичалый олух, —
 Вашей культуры могильщик и варвар,
 Статистик и социолог.

Мы знаем язык объективных условий,
 Мы видим итог концентраций,
 Мы взвесили, сколько литров крови
 Нам придется истратить;

Мы скажем с точностью до единицы
 День и место восстаний,

---

¹ Маяковский.

И сколько процентов присоединится,
И сколько процентов отстанет;

И где будет первый рабочий митинг
В оплывах багровой гущи, —
Потому что Европа ходом событий
У нас на счету текущем.

Муштруйте же буршей прыгать на лошадь,
Из пушки, как бомбу, тиф врыть;
А мы хитро потираем ладоши:
Нам чихать — у нас цифры.

1924

4

АЛЛО, РУСЬ!

Стрекотали машинки. Портрет потел.
Стыл чай. Жарко.
Курьер, как всегда, принес бюллетень —
Желтый с красным. «Аркос».

Еще вчера, пролетая года
И в кино погибая за Трою,
Я мечтал о вкусном моменте, когда
Эти странички раскрою.

Всё прекрасно заранее знал:
После «руды», «колчедана», «баббита»,
В графке «сырье» будет цена
На кости, рога и копыта.

Знал, потому что об этой цене
Сам же сказал репортеру;
И всё же я жарко протер пенсне
И распахнул за шторами город.

Подумайте только!.. Желатин, бусы,
Суперфосфат, набалдашник на трость,
Клей и гребенки, муку и зубы
Дают рога, копыта и кость.

Но под стихиями синей пустыни
Сколькими скалами этих костей
Гниет, выветривается и стынет
Проросшая рвами степь.

И всё это грустное царство скелета,
В ямах челюстей и глазниц,
Где синяя муха вонючего лета
И черный ворон зимней возни,

Всё это звонко-пустое и желтое,
Сваленное под вороний базар, —
Золото, золото, золото, золото,
Золото и азарт!

И вот я, рядовой обыватель,
С лицом без особых примет,
В демисезонном пальто на вате
По миллиарду за метр;

Я, по утрам к десяти надевающий
Кепи «Меня-Не-Троньте», —
Башня телефона и слева два еще,
Как броневик на фронте!

Пальба по банку, разведкой заказ,
Гнедая атака денег, —
И вот копейка на всех языках
Трепещет во всех бюллетенях!

И на минуту сквозь ураган
Жестом влюбленным и броским
Швыряю на стол цветные рога,
Отраженные желтым воском.

Вот этот, зеленый. Не им ли, не им,
В серебре ободов и цепке,
Трубил набег сквозь кровь и дым
Печенег волохатый и цепкий?

А этот, пегий, лушенный, как лук,
В перехватах отбитый до стержня —

Корона раба, жевавшего луг,
Вращавшего жернов бережно.

Или вот парочка... (А? Каково-с?)
Янтарно-прозрачных и розовых.
Ты сам бы их гордо на черепе нес,
Не боясь изощренных прозвищ.

Ведь их презирали. Их ветер жег,
Их бросили и забыли.
Алло, Русь! Твой пастуший рожок
Мы вытрубим в рог изобилья!

1925

58. ЛЕГЕНДА О КОНЦЕ УЛЯЛАЕВА

(Новелла)

Клох-клох. Ух-ух!
Лети, черный петух.
В поле знамя хлопает,
Копытами топает.

Мало ли их, много ли,
Ездят кони-гоголи:
Гнедко да Галка,
Белая да Чалка.
Впереди ж атаман
Гавриил Андел,
И летят за туман
По его команде.

Ноги-ноги-ноги-ноги.
Кто в рысь, кто в мах.
За тачанкой по дороге
Прядают воловьи роги,
А в тачанке алый мак:
Сыпь, сыпь, Семеновна,
Подсыпай, Семеновна,
Не распить ли, Семеновна,
Полбутылки зеленого,
Ась?

Только маковый платочек
Отбивается;
Крупным планом шишки кочек,
Колесо качается —

И лихой анархист,
Размахнув на коней кисть,
Распахнувшись черnodубкой,
До крови цалует в зубки:
    «Кра-са-ви-ца,
    Да не бойсь, дура».

Уж он так,
Уж он смяк,
Уж он эдак
И вон как.

Банда бандой. В это время
Герб. Усадьба. Шпора. Стремя.
В черной маске стройный всадник
Объезжает палисадник.

У моей милóй в тетрадке
Написано — «девять».
Боком цокает вприсядку
Вороняя лебедь,
Из кокетства кровный предок
Ходит задом наперед,
Ступит так да ступит эдак,
А дороги не берет.

А уж ночь поперек банде
Заслонила поле.
Вылезает, значит, Андел
Дать коням пойло.

А в тачанке его баба
Васёна Романова.
Эх, я бы, я бы, я бы. . .
Яблочко румяное.

Кос. Тры.
Заплясали
Пес. Тры.

В мясе, в сале,
Лошади стреножены,
Ружья да ножны.

И вдруг через луг
С указанной Ваской
Проскакала во весь дух
Черная Маска.

Через ров под откос
За парюю русых кос
Андел сунул ногу в стрёмя
И понес, стремя.

Шуба шапки подороже,
Куры носят яйца.
Из наплыва пухнет рожа,
Глаза наливаются.

Надпись: «Эх, моя Васена,
Кудрявые волоса,
Тибe Андел за то любит,
Что прическа хороша.

А теперь ты изменила —
Не н'кого надеяца». —
Из колодца вода льёца,
Вода зеленеца.

Под осиной подосинович дремал,
Под осину въехал Андел-атаман.
Тучка низко, зуд осиный. . .
Васка с Маской под осиной.

Оставивши друга мила,
Подошла походкой пав:
«Драсьте, андел мой Гаврила,
Рила-рила-гав-гав-гав.

В огороде бузина,
На баштане дыня.
Ты меня любил вчера,
Я другого ныня.

Потому, скажу найперше,
Новый быт у нас теперча:
Я другому отдана,
Буду век ему верна».

Озверел воевода
Тучей неминучею:
«Почему да отчего да
По какому случаю?»

Я-ста, мы-ста... так и дале»
(Продолжение у Даля),
И с мамашей на губах
Он с нагана — бах!

Под осиной подосинович дремал,
Как с похитчиком сшибался атаман,
Туча низко. Зуд осиный.
Дело было под осиной.

Как сшибалась пара
Калеными саблями,
С кровавого пара
Раны изухаблены.

Рубилися грѣдичи ¹
Лошадь в лошадь;
Рубилися сидючи.
Стоя. Лежа.

Меч-от вороненый
Звенит-голосится —
Брехала ворона,
Граяла лисица.

Под осиной подосинович дремал,
Под осиной помирает атаман.
Тучка низко. Зуд осиный.
Дело было под осиной:

---

¹ Г р и д и ч и — молодые витязи (славянск.).

Под осиной аппаратом
Вертит кинооператор,
И играет (ан дела!)
Улялаев — Андела.

1927

59. НА СМЕРТЬ МАЯКОВСКОГО

Я был во главе отряда,
Который с ним враждовал, —
И значит, глядеть на взорванный вал
Должно быть моей отрадой;

Я вел от края до края
Атаки на каждый холм:
Недаром последним его стихом
Была на меня эпитафия.

И когда неприятельский вождь,
Как последнею бурею — смертью ахает,
Я должен был бы сказать: «Что ж,
Труп врага хорошо пахнет».

У нас это, знаете, бывает...
(Литературный быт-с...)
Но я затараторил, как последний обыватель:
«Чтовыговорите? Неможетбыть!»

Он... Неисчерпаемый, как Черное море,
Нагроможденный, точно Кавказ,
Он, чей голос гудел векам,
Простуженный голос, бурей изморенный;

Он — большой такой, дымный, заляпанный,
Работавший, как завод «Большевик»,
Он-то, не вынеся лирической царапины,
Ушел из армии живых?!?

Д'постойте... О чем бишь я... Что ж это такое?..
Маякоша... Любимейший враг мой, а?
Неужели на черный титул «покойный»
Огневое «товарищ» сменил наш Маяк?

И стало в поэзии жутко просторно,
Точно вывезли широченный шкаф.
Из-за какой-то размолвки вздорной?
Из-за неласкового ушка?

Что ж это, а? И ты как любой?
Как же так *мир* перечеркнули бровки,
Если ты,
                                  Владимир
  Маяковский,
Революции
                                  первая
  любовь. . .

Но я твое пробитое сердце
Прижму к своему с кровавой корой —
Я принимаю твое наследство,
Как принял бы Францию германский король;

Я творческой унией соединю
С дредноутами эпических полчищ
Агитки твои, налитые желчью,
Лозунги, посвященные дню.

И с армией родственных конниц, пехот,
Пускай и различного флага,
Под общим знаменем в поход!
За пролетарский лагерь!

В поход! По мостовым костей
                                  Гори,
                                  Зари
                                  Перо.
Пегас в буденновской узде,
Отточено перо.

                                  Труби,
                                  Труба!
                                  Руби,
                                  Робя!
Наш путь уже недолог —

Через гроба,
Через гроба
В дым. В жар. В холод.

Мы будем залетать, как гром,
Как град, кататься низом
Из боя в бой, где, быть может, умрем,
Но естественной смертью: за коммунизм.

1930

60. ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ПОЭТА

А. ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Я не сверхчеловек, не уникам,
Не крыжовник размером в арбуз,
Не помесь зебры и зубра,
Не Солнца племянник, не Лунный кум.

Мне противна поза поэта,
Страдающего бронзовой болезнью
И вымучивающего поэтому
Свою биографическую лестницу.

Я не бил ни стекол, ни армян,
Не кичился в Парижах натуращей русской,
Не рядился ни в желтую кофту, ни в армяк,
Не спал со знаменитыми старушками;

Меня в ту пору, когда бродят усы,
Очередной импресарио
Не выводил на эстраду под уздцы
В роли дрессированного «зарева»;

И в среде ракет, что, призванье оправдывая,
Рвутся, осыпаясь кровавой рекой, —
Я такой же читатель «Известий» и «Правды»,
Как вы, как всякий другой.

Поэтому, ставя вопрос для себя,
Решаю для всей переходной братии —
В этой общности чувств, ржущих дыбя,
Социальный смысл моей отсебятины.

**В. О МЕРОПРИЯТИЯХ, БАСАЮЩИХСЯ
БЕЛЫХ МЫШЕЙ РЕСПУБЛИКИ**

Однажды вздумал какой-то мужик
Повидать живьем покойного деда.
Знахарка, взявшись за дело,
Его завела меж болотных шишиг,

Глаза
Завязала,
В голоса
Завизжала,
Дунула,
Плюнула
И говорит: «Слышь!

Только не думай про белую мышь».

Мужик, знамо дело, сидит как у фотографа.

На кой мужику-то белая мышь?

Сидит. Ничего. Дожидается. Тишь.

На кой мужику-то белая мышь?

Сидит. Еще хорохорится: «Вишь...»

Не думай, грит, про белую мышь.

А на кой мужику-то белая мышь?

Кабы там барам каким, а то мы ж —

Мы ж мужики ж. На кой же нам мышь?

Мужику — да белая мышь? Мышь...»

И вдруг, разодрав горловину до крови,

Как заорет: «Кыш!»

Так вот. У меня этих белых мышей —

Нет. Поодиночке,

Где ясным стихом, а где и в три точки —

Вопреки тактике мудрых мужей —

Я их повыпустил. Не менее, не более.

Всех. Одну за другой. В окно.

Я их повыпустил. С кровью. С болью.

Как выжимают из чириев гной.

Это был в сущности неплохой метод

Душеустройства. Но я-то считал

Краснознаменнейшим подвиг этот

(Мы-де примазавшимся не чета.)

И с бронзоватой усмешкой Азин
Даже шутил: «Уж будь, литератор,
Великим поэтом мелкой буржуазии,
Чем мелким — великого пролетарьята!»
Я думал, что я — авангардное перо,
Солдат революции. На деле —
Был лишь провинциальный пророк,
Воскресший в буднях советской недели...
И сердце мое, горем сочась,
Не оттого заревело по-турьи,
Что покаянные письма сейчас
Модный вид литературы;
Не оттого, что, не глядя назад,
Стою пред экзаменами в коридоре,
Каким пришел я лет десять назад
В теплушке из Евпатории.
Поэзия — вещь площадная, кажись:
Пора ей привыкнуть расти в ушибах.
Но больно подумать, что вся моя жизнь
Была лишь каталогом сложных ошибок...

Но я еще молод. В среде лит-семей
Много ль найдется яростней тигров?
Так пусть мои тридцать лет лишь эпитафия
К первому тому жизни моей!
Прямая — кратчайшее расстояние
От точки А до точки Б.
Но если точку А растеряли,
А точка Б сместилась в борьбе,
То так называемая «прямая»
Уводит в сторону, стала кривой,
И только дурь, только глупость упрямая
Прежний путь продолжает свой.
Равняйся ж, конница скачущих нервов!
Раненых? К черту! Шакалам на фарш.
Вздыбился? Я те вздыблюсь!..

Первая!..

На 45 влева! Рысьюу... Па-взводная...
Ра-внение на Кремль...

Арш!

О, тут, конечно, не миф и не боги.
Но голое мастерство слишком бедно,
Чтобы дышать ураганом эпохи,
Чтоб окрыляться мыслью одной.

Уж если даже при лучшей машине
«Энтузиазм — залог побед», —
Чего же требовать от мужчины,
Который, как говорится, поэт?

А вы зовете: на горло песне!
Будь ассенизатор, будь водолив-де!
Да в этой схиме столько же поэзии,
Сколько авиации в лифте.

Когда ж и от поэзии спешите отказаться
В рифмах, пышных, как бал драгун,
То это смешней, чем вступление зайца
В «Общество любителей заячьих рагу».

Бросьте, товарищи! Шире глазейте!
Да здравствует ассенизационный успех!
Но в конце-то концов — не аллеей клозетов
Тянется Ленинский проспект:

В нем есть и коттедж с вывеской «ЗАГС»,
И здание вуза, и чугунный император,
И в будущее — стооконный вокзал,
И мощный массив — театр.

Не кукольный театр балаганного детства,
Не анатомический театр некромана:
Наш театр — военных действий,
Где сама история заведует громами,

Где хорами армий победа запета,
Где эре Христа предъясвляется счет...
Нет, никогда не бывало еще
Шире плана для роли поэта!

Г. БРЕДО

Долг поэта — греметь в барабан,
Кровь свою сливая с солдатскою кровью;
Долг поэта — плестись, где арба,
С флейтой, омывающей долю вдовью;

Долг поэта в том, чтоб рычать
О самой мельчайшей массовой боли;
Долг поэта — суметь, как рычаг,
Сдвинуть эпоху на нужное поле.

Для этого надо карандашом
Вычерчивать линии путаных будней
И, видя ведущие, брать непробудные,
Греть их дыханьем, греть их душой;

И возбуждать (как труба свой полк),
Но не пластинкой, хотя бы и бравой, —
Голосом, дыхом, печенкой. . . Долг!
Но этот долг в то же время — право.

Право поэта — бить в барабан,
Кровь свою сливая с солдатскою кровью;
Право поэта — плестись, где арба,
С флейтой, омывающей долю вдовью;

Право поэта в том, чтоб рычать
О самой мельчайшей массовой боли;
Право поэта — уметь, как рычаг,
Сдвинуть эпоху на нужное поле. . .

Казалось бы, эти права таковы,
Что каждый партиец пожмет вам руку:
«А! — скажет, — батенька мой, так вы
Дуете с нами? Ну, рад, как другу».

Увы. . . Права не в конверте даются.
Шагни — и почувствуешь груды преград:
На одну красную резолюцию
Девять желтых ударят подряд:
Они обопрутсЯ о ленинский том
В изысканных право-левацких увитьях —

И ўзришь ты мещанина в том,
В ком никогда не догадался бы увидеть.
Иди ж, завоевывай эти права
Сквозь бравый стандарт граммофонных
пластинок,
В метель резолюций, на внешний провал,
На горечь в своих же родных палестинах —
Но только б на воздух! Но вон из оконца!
Не в темных скворешнях оперится мощь:
Когда по улицам цокает конница —
В комнате кажется, что идет дождь.

А что резолюция? Главное: спокойней.
Главное — труд. Трудись в изобильи.
Резолюция ж, товарищи, как покойник:
Выносят — шумят, а вынесли — забыли.

1930
Гагры

61. ВЕЧНЫЙ БОЙ

Он сам себя смирял, становясь
На горло собственной песне,
Храня со смертью тайную связь,
Как яд в заветном перстне.

Но муза не только в «Окнах РОСТА»,
Хотя б и окопы рыла;
Смиренье — сомнительное геройство:
Народу нужны барабан и лира.

Вы скажете: «Барабан полезней!»
Но мы задохнемся в идее запрета.
НЕ наступать на горло песне —
Вот в чем подвиг поэта.

1931

СТИХОТВОРЕНИЯ
1930—1960-х ГОДОВ

62. ВЕЛИКИЙ ОКЕАН

Одиннадцать било. Часики сверь
В кают-компани с цифрами диска.
Солнца нет. Но воздух не сер:
Туман пронизан оранжевой искрой.

Он золотился, роился, мигал,
Пушком по щеке ласкал, колоссальный,
Как будто мимо проносят меха
Голубые песцы с золотыми глазами.

И эта лазурная мглистость несется
В сухих золотинках над мглою глубин,
    Как если б самое солнце
    Стало вдруг голубым.

Но вот загораются синие воды
Субтропической широты.
На них маслянисто играют разводы,
Как буквы «О», как женские рты. . .

О океан, омывающий облако
Океанийских окраин!
Даже с берега, даже около,
Галькой твоей ограян,

Я упиваюсь твоей синевою,
Я улыбаюсь чаще,
И уж не нужно мне ничего —
Ни гор, ни степей, ни чащи.

Недаром храню я, житель земли,
Морскую волну в артериях
С тех пор, как предки мои взошли
Ящерами на берег.

А те из вас, кто возникли не так
И кутаются в одеяла,
Все-таки съездите хоть в поездах
Послушать шум океана.

Кто хоть однажды был у зеркал
Этих просторов — поверьте,
Он унес в дыхательных пузырьках
Порыв великого ветра.

Такого тощища не загрызет,
Такому в беде не согнуться —
Он ленинский обоймет горизонт,
Он глубже поймет революцию.

Вдохни ж эти строки! Живи сто лет —
Ведь жизнь хороша, океанная...

Пускай этот стих на твоём столе
Стоит как стакан океана.

1932
П/х «Совет»
Японское море

63. ОХОТА НА НЕРПУ

1

Угрюм и сумрачен обросший шумом берег.
На нем, казалось бы, могла
Ужиться лишь сырая мгла.
Но двести лет здесь обитает имя — Беринг,
И мнится сумрак дождевой
Его кудлатой головой.

2

Когда арктической розой пахнут зори
И, всеми космами дрожа,
Их оплетет седая ржа, —
С глухой рыбалки на Берингово море,
Морозной искрой опылен,
Выходит в море патефон.

3

Когда арктической розой пахнут зори
И серый ветер-нелюдим
В зеркальный кутается дым,
Всплывает нерпа на Беринговом море
И лает громко, но шутя,
Доверчивая, как дитя.

4

Она отлается и снова на просторе
Нырять, вьется вкривь и вкось,
Куда ведет ее лосось,
Но вдруг услышит глухую толщу моря,
И в ней какой-то странный звук,
Раскатываемый округ.

5

И в любопытстве, покинув поле брани,
Мерцая ластами, гребет
Туда, где пел рыбацкий бот,
Где, как винтовку, салом смазавши мембрану,
Кой-что заводит Пантелей
Из итальянских кантилен:

6

Quanno sponta la luna a Marechiaro
Pure li pisce nce fann'a l'ammore,

Se revotano l'onne de lu mare
Pe la priezza cagneno culore.
Quando sponta la luna a Marechiare.¹

(Идет тюлень, гребет тюлень
На сладкогласье кантилен.)
O, tu Marechiare!
(Идет тюлень, гребет тюлень. . .
Уж Пантелею бить их лень!)

7—8

О драгоценность миланского «La Scala»,
Звучащий бронзе в тембр и тон
Великолепный баритон!
Подозревал ли ты, что песнь твоя ласкала
Среди поклонников и слуг
Морского зверя толстый слух?

Подозревал ли ты, что лирикой твоею,
Твоей любовью и тоской
Глушат тюленя, как доской,
Что ноты песни, как неводы, развея,
Твоей груди органнй звук
Набил 148 штук!

9

Мне чужды тема, и техника, и вкус твой.
Но как твоя двойная роль
Тревожит слипшуюся боль. . .
Затем что душно мне от фраз!
Что я и сам бывал не раз
Избит, как нерпа, за доверчивость к искусству.

1932
*Пароход «Pronto»
Великий океан*

---

¹ Когда всходит луна над Марекиаре, даже рыбы трепещут от любви, волнуя глубины моря и от радости меняя его цвета (неаполитанская песня).

64. ОХОТА НА ТИГРА

1

В рыжем лесу звериный рев:
Олень окликает коров,
Другой с коронованной головой
Отзывается воем на вой —
И вот сквозь кусты и через ручьи
На поединок летят рогачи.

2

Важенка робко стоит бочком
За венценосным быком.
Его плечи и грудь покрывает грязь,
Измазав чалый окрас,
И он, оскорбляя соперника басом,
Дует в ноздри и водит глазом.

3

И тот выходит, огромный, как лось,
Шею вдвое напруживая.
До третьих сучьев поразрослось
Каменное оружие.
Он грезит о ней,
о единственной,
то й!
Глаза залиты кровавой мечтой.

4

В такие дни, не чуя ног,
Иди в росе по колени,
В такие дни бери манок,
Таящий голос оленя,
И, лад
его
добросовестно зубря,
Воинственной песнью мани изюбря.

Так и было. Костром начадив,
 Засели в кустарнике на ночь
 Охотник из гольдов, я и начдив,
 Некто Игорь Иваныч.
 Мы слушали тьму. Но забрезжил рассвет,
 А почему-то изюбрей нет.

Охотник дунул. (Эс.) ¹ Тишина.
 Дунул еще. Тишина.
 Без отзыва по лесам неслась
 Искусственная страсть.
 Что ж он оглох, этот каверзный лес-то?
 Думали — уж не менять ли место.

И вдруг вдалеке отозвался рев.
 (В уши ударила кровь. . .)
 Мы снова — он ближе. Он там. Он тут —
 Прямо на наш редут.
 Нет сомненья: на дудошный зык
 Шел великолепный бык.

Небо уже голубело всюю.
 Было светло в лесу.
 Трубя по тропам звериных аллей,
 Сейчас
     на нас
           налетит
                   олень. . .
 Сидим — не дышим. Наизготовке
 Три винтовки.

---

¹ Э с — означает паузу и произносится про себя.

И вдруг меж корней — в травяном горизонтце
 Вспыхнула призраком вихря
 Золотая. Закатная. Усатая, как солнце.
 Жаркая морда тигра!
 Полный балдеж во блаженном успеньи —
 Даже. . . выстрелить не успели.

10—11

Олени для нас потускнели вмиг.
 Мы шли по следам напрямик.
 Пройдя километр, осели в кустах.
 Час оставались так.
 Когда ж тишком уползали в ров,
 Снова слышим излюбревый рев —
 И мы увидали нашего тигра!
 В оранжевый за лето выгоря,
 Расписанный чернью, по золоту сед,
 Драконом, покинувшим храм,
 Хребтом повторяя горный хребет,
 Спускался он по горам.

12

Порой остановится, взглянет грустно,
 Раздраженно дернет хвостом,
 И снова его невесомая грузность
 Двигается сопками в небе пустом.
 Рябь от ветра, ленивый, как знамя,
 Он медленно шел на сближение с нами.

18

Это ему от жителей мирных
 Красные тряпочки меж ветвей,
 Это его в буддийских кумирнях

Славят, как бога: Шан-
Жен-
Мет-
Вэй! ¹

Это он, по преданью, огнем дымящий,
Был полководцем китайских династий.

14

Громкие галки над ним летали,
Как черные ноты рычанья его.
Он был пожилым, но не стар летами —
Ужель ему падать уже на стерво?
Увы — всё живое швыряет в запуск
Пороховой тигриный запах.

15

Он шел по склону военным шагом,
Всё плечо выдвигая вперед;
Он шел, высматривая по оврагам,
Где какой олений народ —
И в голубые струны усов
Ловко цедил... изюбренный зов.

16

Милый! Умница! Он был охотник:
Он применял, как и мы, манок.
Рогатые дурни в десятках и сотнях
Летели скрестить клинок о клинок,
А он, подвывая с картавостью слабой,
Целился пятizarядной лапой.

---

¹ Шан - Жен - Мет - Вэй — Истинный Дух Гор и Лесов — так китайцы называют тигра.

Как ему, бедному, было тяжело!
 Как он, должно быть, страдал, рыча:
 Иметь. Во рту. Призыв. Рогача —
 И не иметь в клыках его ляжки.
 Пожалуй, издавши излюбленный зык,
 Он первое время хватал свой язык.

Так, вероятно, китайский монах,
 Косу свою лаская, как девичью,
 Стонет. . .

Но гольд вынимает манок.
 Теперь он суровой, чем давеча.
 Гольд выдувает возглас оленя,
 Тигр глянул — и нет умиленья.

С минуту насквозь прожигали меня
 Два золотых огня. . .
 Но вскинул винтовку товарищ Игорь,
 Вот уже мушка села под глаз,
 Ахнуло эхо! — секунда — и тигр
 Нехотя повалился в грязь.

Но миг — и он снова пред нами, как миф,
 Раскатом нас огромив,
 И вслед за октавой, глубокой как Гендель,
 Харкнув на нас горячо,
 Он ушел в туман. Величавой легендой.
 С красной лентой. Через плечо.

1932
 Владивосток

65. БЕЛЫЙ ПЕСЕЦ

Мы начинаем с тобой стареть,
Спутница дорогая моя. . .
В зеркало вглядываешься острее,
Боль от самой себя затая:

Ты еще ходишь-плывешь по земле
В облаке женственного тепла,
Но уж в улыбке, что света милей,
Лишняя черточка залегла.

Но ведь и эти морщинки твои
Очень тебе, дорогая, к лицу.
Нет, не расплющить нашей любви
Даже и времени колесу!

Меж задушевных имен и лиц
Ты как червонец в куче пезет,
Как среди меха цветных лисиц
Свежий, как снег, белый песец.

Если захочешь меня проклясть,
Буду униженной всех людей;
Если ослепнет влюбленный глаз,
Вспоминаньями буду глядеть.

Сколько отмучено мук с тобой,
Сколько иссмеяно смеха вдвоем!
Как мы, не взысканные судьбой,
К радужным далям друг друга зовем.

Радуйся ж каждому новому дню!
Пусть оплетает лукавая сеть —
В берлоге души тебя сохраню,
Мой драгоценный, мой Белый Песец!

1932

Владивосток

66. СЧИТАЛКА

Дочке моей Таточке

Снег, снег, первый снег,
Чур, я первый раньше всех.
Я пойду, пойду, пойду
По замерзшему пруду,
Побегу скорей потом
По пороше в Жучкин дом
И скажу ей: здравствуй, Жуча,
Я с тобою не вожуся,
На мизинчик не дружу,
Оттого что весь дрожу.
А дрожу я отчего?
Оттого что ничего
Ничего что оттого что
Даже туфель нету вот что
На твоихных на ногах
Это про-

сто:

ах!

Первый раз такое в мире —
Босиком на все четыре.
Погляди же, глупый пес,
Выставь нос
На мороз:
Все щенята ма-леньки
Надевают ва-ленки,
А большие собаки
Надевают сапоги.

1932

Пароход «Совет»

Японское море

67. ЛАМУТСКАЯ СКАЗКА

(Записано со слов ламута Адуканова)

Жил-бил лиса.
Идет верх речки,
Стрѣчил оходник,
Здоровал:

«Ждрашти, товарис!
Ну, как ваш имя?»
— «Да имя Накочтя».
— «Хочете, будем мести жичь?»

«Ладно, лиса.
Зовиче медвезочь,
Я его буду
Стукать.
Только смотри:
Он очень чухливой,
Кроме ўхи
Далеко не смотрит,
Только переднюю ногу смотрит,
Дальше не смотрит.
Она берегливой.
Когда себя берлогу готовил,
Травой покрывает.
Когда заходит, двер закривает,
Чтоб не дужно бил».

Пошел лиса
Низ речки,
Там есть медведя
Большо-ой.
Сказал лиса:
«Ну, ждраштуй, детка.
Ну, как поживаечи
С вашим рибом?»
А медведя отвéчил:
«Ну очень плоха.
Ну скудно риба.
Ну до ших пор
Никак не могу надоемся».

Сказал лиса:
«Ну ах ты, детка!
Какой ви дурак
Здоровый.
Идичи к нам
На верху речки.
Ну неузели ви не слыхали?»

Ну, послі мести».
 Оходник спрячил.
 Лиса говорил:
 «Стукни!»
 Оходник стукнул
 Большой стрела
 И вискочил од подранка в кидровник.

Вот и пропал медведя.

Лиса лукаво кричал, кричал:
 «Ай, маймачян! ¹
 Пошто, коболан, ¹
 Кусáесь?»
 А сама ета время
 Кúсал медвезочь.
 Ну сбросил огризочь
 Прямо в речку,
 Только киски запрячил.

Лиса садился
 На эти киски,
 Хвачил конечь .
 Под ножкою киски.
 Вот и выходит
 Оходник Накочтя:
 Нету медведи,
 Только лиса гризочь свои киски.

«Ну, ждрашти, лиса,
 Ну, как поживаечи?»
 — «Ждрашти, детка.
 Вот мои киски».
 — «Ви погризаечи васи киски?»
 — «Я погризаю наси киски.
 Я больше этим питаюсь.
 Ну неузели ви не слыхали?»

Оходник сказал:
 «Вот я буду

---

¹ Ламутские названия медведя.

Тозе сгризачь
Наси киски,
Только скудные зубы».
А лиса отвечал:
«Не бойся, детка:
Всё одинарно.
Я вам буду ладом помогачь».

Вот лиса
Ухватился зубом.
«Ой, лиса,
Это дело больно».
— «Нет, ничево.
Ви наверно осыбли».
— «Ой, лиса,
Туман на глаза».

Вот и пропал
Оходник Накочтя;
Вот и опять
Лиса стал с мясой.
Вот и конеч.

*Сентябрь 1932
ЭССО (Ламутский нацрайон)
Камчатка*

68. КИТЫ У КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Остров живой и поэтому жуткий,
Пернатым фонтаном воздух сечá,
Вдохнет золотистое на минутку
И снова исчезнет на четверть часа.
Не так ли поэт, перешедший на прозу,
Как свой обитая в придонных мирах,
Рванется хлебнуть поэтический воздух,
Чтоб с запахом солнца нырнуть во мрак?

*1932
Охотское море*

В каком бы часу я ни лег, но в пять
 Глаза открываются сами —
 И горло забито опять и опять
 Смерзшимися слезами.

Дрейфующий хаос угрюмых обид,
 Гордых унижений.
 И пробуешь вслух, как будто навзрыд,
 Глотательные движенья.

Но всё торчат (или силы не те?)
 Углы несъедобной боли. . .
 Черным крестом лежишь в темноте,
 Точно могила в поле.

1932

Пих «Pronto» (Норвегия)
Великий океан.

70. ЧИТАТЕЛЬ СТИХА

Розоватеньким, желтеньким,
 сереньким критиком, а также
 критиком переливчатого цвета
 шанжан.

Муза! Как ни грусти, ни сетуй,
 А вывод мой, к сожаленью, таков:
 Среди миллионов, читающих газету,
 Девять десятых не читает стихов.

Иного к поэтам влечет их полемика,
 Однако с затишьем и этот стихал. . .
 Но есть

одно

лихое

племя,

Живущее на побережьи стиха.

Это уже не просто читатель,
 Не первый встречный и не любой.

Он не стучит по рифмам, как дятел,
Не бродит в образах, как слепой,
Не ждет воспитанья от каждой точки,
Не умиляется от пустяка —
Совсем по-иному подходит к строчке
    Читатель стиха.

Он видит звуки,
                                слышит краски,
Чувствует пафос, юмор, игру,
И свои пузырьки литературные карасики
Ему не всучат за жемчужью икру;
Ему не внушить, рассказавши про заек,
Что это львы,
                                да Толстые притом!
(Кстати сказать, вдохновенный прозаик
В его глазах — поэтический том.)

Иной читает только в дороге,
Пейзаж пропускает, ищет любовь,
По вкусу ему и Бальмонт и Доронин,
А больше беф-строганов или плов.

А наш, овеванный нашими снами,
Сам горит, как летящий болид,
А наш, как родственник, дышит с нами
И знает, что у кого болит. . .

Иной читатель — прочел и двигай,
Давай другого, а первый катись!
А паш, как с девушкой, дружит с книгой. . .
    Читатель стиха — артист.

Он еще смутен, этот читатель,
Он еще назревает, как бой,
Его меж нулей не учли в Госиздате,
Но он
                                управляет
                                нашей судьбой!

Как часто бездушные критикококки
Душат стих, как чума котят,

И под завесой густой дымагогии
В глобус Землю втиснуть хотят;

Сколько раз, отброшен на мель,
Рычишь:

«Надоело! К черту! Согнули!»
И, как малиновую карамель,
Со вкусом глотнул бы кислую пулю. . .

И вдруг получишь огрызок листка
Откуда-нибудь из-за бухты Посьета:
Это великий читатель стиха
Почувствовал боль своего поэта.

И снова, зажавши хохот в зубах,
Живешь, как будто полмира выиграл!
И снова идешь
  среди воя собак
Своей. Привычной. Поступью. Тигра.

1932

*Пароход «Pronto» (Норвегия)
Берингово море*

71. СЛОН И МЫШИ

(Басня)

Однажды Слон пришел в собрание мышей
И говорит: «Мы цвета одного ведь,
Мы против хищников, у нас одна мишень —
Давайте же дружнее и мощней
Облаву на врагов готовить.
Я вам сгожусь: я — тысяча пудов,
Слоновья кость — мои крутые бивни. . .»

Но мыши взвизгнули на тысячу ладов,
Не по масштабику самолюбивы:
«Да это что это?
  Соседка, слышь:
Он думает, небось, что он сверхмышь,
Свой зуб равняет со слоновой клычью!»

«Гляди, гляди: он смотрит сверху вниз!»
— «Ах, ницшеанец! Ах, оппортунист!
Ах, мещанин, объятый манией величия!
Такой-сякой!»
— «Нет, это невтерпеж!»

И Слон такую резолюцию услышал:
«Считать нахала мельче всякой мыши».
Вердикт опубликован. Все читают.
И что ж?
Да ничего. Считают.

1931

72. ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ОКТЯБРЯ

Я рад, что старюсь, что алость губ
Заменилась железной линией рта;
Что рокочущий голос — охрип и груб
И светает волос ночная орда;

Что округлая рожица стала иной —
И кубизм скул проступает остро,
И по граням его — паутиной стальной
Протянулся морщин музыкальный строй;

Через лоб загудело басовое «до»
И могучей струною чернеет, звеня:
Восемнадцатый год от Каховки и до
Арабатской Стрелки вымчал меня. . .

А другую такую ж прожгла любовь,
Незажившая голубая черта. . .
Вот эта стрела — с футуризмом бой,
Охоту на тигра — означила та.

Как забрало, я эту решетку надел:
В безобразьи его — романтический зов.
Я горжусь этим сборищем грозных рубцов,
Как освищенный саблями гренадер.

И когда командарм сыграет в трубу
Тревогу о том, что взволнован рубеж, —
Футуризм и тигра — узлом на лбу
Красногвардейский свяжет рубец.

Но когда, проходя мимо фотогрупп,
Я увижу очерк знакомых губ —
Замирающей болью согнется у рта
Страдальческая голубая черта.

Я не помню о маске лица своего:
Всё мне кажется, будто бы всё впереди, —
И любовь, и весна, и всё то, от чего
Пробуждается медь в человеческой груди.

Но бывает: вдруг ты поймешь свою жизнь
Отраженной в глазах очень близких друзей
И воскликнешь: «Ого! Да ведь это музей!»
Не случайно судьба принимала в ножи!

Тут и черные думы и рыжая страсть.
Но из черточек выявляются вдруг
Очертанья каких-то больших пространств,
Философия преодоленных мук.

Так в пузырях взбаламученных дней
Мощно возводится в тайной тиши
Всё величавее и сложней
Архитектура нашей души.

1933

Ледокол «Литке»

Остров Малого Диомида (Аляска)

73. О ДРУЖЬЕ

Когда море отбегает в час отлива,
Рыбы скачут, ничего не понимая. . .
Дыбом встанет их цветное оперенье,
И от ужаса меняется окраска;
А водою отражаемые звезды

Не удержатся на вогнутых откатах
И, ударившись о днище, почернеют.
В этот час зелено-пегого отлива
Я нашел
                        молодую
  нерпу.

Попыталась уползти на ластах.
Обернулась: Лаает хриповато.
Но глаза ее, по-детски золотые,
Умоляюще глядят на великана.
Я тихонечко протягиваю руку,
Не спуская гипнотического взгляда,
Нерпа стынет в неестественной позе. . .
Но не выдержала. Укусила.

Высосав чернеющую ранку,
Обмотав ее жгутом с узлами,
Наступил я нерпе на лапу
И по храпу ее ударил.
Заметалась в стороны зверуха,
Фыркнула, заныла, зачихала. . .

Больше уж она не кусалась.
Лишь глаза умоляюще глядели.
Я унес ее домой — и нерпа
Стала жить в эмалированной ванне.

Океанская вода ходила,
Огни зажигая по эмали,
А в голубизне ее горели
Два огня электрической нерпы.
По утрам, мохнатой простынкой
Обтерев серебристое тельце,
Я носил ее туда и обратно
Мимо почты, цирюльни и аптеки,
И, обняв меня ластом за шею,
Положивши голову на ворот,
Нерпа тихо дышала в ухо,
Точно больной ребенок.

Так мы с ней замечательно дружили,
Каждый день по улице гуляли.

Николай Селенников. Тирнопольская операция.

Но прошло уже семеро суток,

А она

ничего

не ела.

Я бросал ей живую рыбу,

Радугой зажегшую ванну.

Рыба прыгала, играла, кувыркалась,

Но недвижно

огни

горели.

Тогда я понял, что нерпа

Жить у меня не будет:

Замечательные наши отношенья

На ее решимость не влияли.

И тогда я взял ее из ванны

И понес не на улицу, а к морю —

На ветру моя нерпа встрепенулась

И, как в первый день, укусила.

Я спустил ее с берега в воду.

В глубину ушла моя подруга,

И литое серебряное тело

В полумгле блеснуло торпедой.

Я стоял над широкой бухтой

И, волнуясь, считал секунды. . .

Далеко, далеко на солнце

Вспыхнула. И обернулась.

И исчезла. Больше не выйдет.

Я ее никогда не увижу.

И, поправив жалкую улыбку,

Я ушел решительным шагом.

Парикмахерская. . . Радио. . . Аптека. . .

Все-таки она обернулась.

Может быть, увидела на мысе

Черный силуэт человека?

Я мечтаю о пламенной дружбе,

Потрясающей, точно клятва,

Чтобы сердце свое, если нужно,

Разодрать пополам! На два!

Но идея дружбы проста ведь:
Как служить такому призванью,
Если мог я ей предоставить
Взамен океана — ванну?

Уплывай же, веселая рыба,
Из моих бесприютных комнат.
Оглянулась —

и на том спасибо.

Оглянулась — стало быть, помнит.
Но навек берегам не обрамить
Эту беглую смутную память:
Снова море стихию разбудит,
И она меня позабудет.

Но однажды нырнет со стайей
Под огни пароходного носа.
Обожжет ее боль золотая,
О моей теплоте взгрустнется. . .
Затоскует по моим песням,
Задохнется от слез щемящих —
Океан покажется тесным
И просторным эмалевый ящик.

1933

74

Как охотник ловит серебристую,
Выследив тропу ее к воде,
Этой сероглазую да быстрою
Чуть не бредя всюду и везде,

Так и я, чего-чего ни делаю,
У меня капкан как волшебство.
День за днем, неделя за неделей
Рыщу в тропах сердца твоего.

Думаю: вот-вот она объявится. . .
Я ее навеки приручу!
Где-нибудь должна же ты, красавица,
Подойти к заветному ручью.

Вот она! Ее повадка гоночья!
Только б не случилось одного:
Не вспугнуть бы глупого лисеночка
Перебоем. . . сердца. . . моего. . .

1939

75

Если умру я, если исчезну,
Ты не заплачешь. Ты б не смогла.
Я в твоей жизни, говоря честно,
Не занимаю большого угла.

В сердце твоём оголтелый дятел
Не для меня стучит о любви.
Кто я, в сущности? Так. Приятель.
Но есть права у меня и свои.

Бывает любовь безысходнее круга —
Полубезумье такая любовь!
Бывает — голубка станет подругой,
Лишь приголубь ее голубок,

Лишь подманить воркованием губы,
Мехом дыханья окутать ее,
Грязнуть ей в сердце прямо и грубо
Жаркое сердцебиенье свое. . .

Но есть на свете такая дружба,
Такое чувство есть на земле,
Когда воркованье просто не нужно,
Как рукопожатье в своей семье,

Когда не нужны ни встречи, ни письма,
Но вечно глаза твои видят глаза,
Как если б среди тонких струн организма
Новый какой-то нерв завелся.

И знаешь: что б ни случилось с тобою,
Какие б ни прокляли голоса —

Тебя с искалеченною судьбою
Те же теплые встретят глаза,

И встретят не так, как радушные люди,
Но всей

глубиною

своей

теплоты,

Не потому, что ты абсолютен,
А просто за то, что ты — это ты.

1939

76. БАЛЛАДА О ТИГРЕ

Какая мощь в моей руке,
Какое волшебство
Вот в этих жилах, кулаке
И теплоте его!
Я никогда не знал о них
До самой той зари,
Когда в руке моей затих
Хозяин Уссури.

За штабом Н-ского полка,
Где помещался тир,
«ТОВАРИЩИ! —

гласил плакат. —

В РАЙОНЕ ТИГР!»

А я из Дальнего как раз
Шел

в тыл,

Но на плакат внимания

Не об-

ра-

тил.

В те дни я сызнава и вновь

Всё думал об одном:

О слове душном и родном

По имени Любовь.

Я это слово не люблю,

Как пьяница вино,

Затем что слишком в жизнь мою
Вторгается оно.

(Не хмурьтесь, милая моя,
Не надо горьких слов.
Бродил я, листьями гремя,
И слушал соловьев,
Но мой рассказ не о любви —
О тигре мой рассказ.
Мы счеты сложные свои
Сведем не в этот раз.)

Однако сопка, чуть дыша,
Свою пузырит грязь,
Над ней дрожит ее душа,
От газов разгорясь,
Однако плачется москит. . .
Что это? Стон? Песнь?
Москит, несущий меж ракит
Сонную болезнь.

Дымком вулканным тянет здесь
От каждого листа.
Ведь это самые что есть
Тигриные места.

И вдруг я вижу изо мха
В три линии усы,
И вдруг я слышу сквозь меха
Рипящие басы
И различаю: желт и бел,
И два огня горят. . .
Но странно: я не оробел.
Напротив: рад!

Не от катара я умру,
Не от подагры, нет!
Не заглядевшись на пиру
В бездонный пистолет;
И не от ревности в Крыму,
В Москве не от статей —

Я, как поэму, смерть приму
Из тигровых когтей.

А может быть, совсем не то. . .
А может быть, затем,
Что вера в счастье, как в лото,
Сильнее всех поэм —
Всё вдохновенное во мне
Дохнуло в грудь мою,
И две стихии, как во сне,
Переплелись в бою.

Какая мощь в моей руке,
Какое волшебство
Вот в этих жилах, кулаке
И теплоте его —
Я эту истину постиг
На берегу зари,
Когда со мной схватился тигр
У плеса Уссури.

Безумье боли, гром ядра,
И дых, и два огня,
И пламя смертного одра
Окутало меня,
И, обжигая как литье,
Зверь взял верх.
Но преимущество мое
В одном: я человек!

Покуда в левое плечо
Вгрызаются клыки,
Пока дыханье горячо
Дымится у щеки
И тьма сознания моего
Уже совсем близка —
Я стал почесывать его
За ухом. . . у виска.

Он изумился и затих.
За все свои года

О битве лаской грубый тигр
Не слышал никогда,
И даже более того:
Откуда эта весть
О том, что где-то у него
Такие нервы есть?

Еще его округлый клык
Дробит мое плечо
И за раскатом рыка рык
Вздымается еще,
Но ярость шла по голосам
Тленцой, а не огнем,
И зверь прислушивался сам
К тому, что было в нем.

Когда вечерняя звезда
Растаяла ко дню,
Его рыкание тогда
Сошло на воркотню.
Он дергал ухом. Каркал он.
Он просто изнемог.
Но растерзать меня сквозь сон
Уже никак не мог.

Когда же вовсе рассвело,
И стали петь леса,
И лунки белые свело
На желтые глаза,
Он, сединой поголубев,
Откинулся вразвал
И, словно стая голубей,
Один заворковал.

Вот, собственно, и весь рассказ.
В нем правды — ни на пядь.
Но он задуман был для Вас:
Я что

хотел

сказать?

Что если перед Вами я,
О милая, в долгу,

Что если с Вами, жизнь моя,
Ужиться не могу,
И ты хватаешься, кляня,
Рукой за рукоять —
Попробуй все-таки меня
Над ухом. . . почесать.

Какая мощь в твоей руке,
Какое волшебство
В перстах твоих и кулачке
И теплоте его —
Я никогда не знал о них
И жил бы день за днем,
Как вдруг схватился с тигром стих
В сознании моем.

1940

77. СВЕРЧОК

В бумажной хижине японца
Висит сушеный запах солнца.
Здесь чистота и пустота.
Здесь ни одной ненужной вещи —
Одни улыбки человечьи
Да детских глазок пестрота.

Но в потолке у них крючок —
Свисает крошечная клетка.
На клетке марлевая сетка,
За сеткой рыженький сверчок.

Японцу ничего не надо —
Ни молока, ни шоколада.
Встают за океаном зори,
Виденья ходят вдалеке,
А он сидит и клеит дзори
В своем пустынном уголке.
Ты скажешь: «Быт его убог. . .»
Ну да. Башмачник не микадо.
Но с ним сверчок — домашний бог,
И больше ничего не надо.
Сидит в бумажном он листе
С улыбкой страшной на лице.

Ему не надо ничего.
Стрекочут ножницы его,

Трещат-поскрипывают кожи,
На стрекот рыжего похожи. . .
И показалось мне, я помню,
Что и у хижины крючок,
А этот сгорбленный японец
Всё тот же (но большой!) сверчок.

1932

Хакодате

78. ЧЕРЕПАХА

Черепаша на базаре Хакодате
На прилавке обессиленно лежит.
Рядом высятся распиленные латы,
Мошкара над окровавленной жужжит.

Милостивая хозяйшюка степенно
Выбирает помясистее кусок:
«Отрубите мне, прошу, за пол-иены
Этот окорок или вот этот бок».

И пока мясник над ухом у калеки
Смачно крякает, топориком рубя,
Черепаша только суживает веки,
Только втягивает голову в себя.

Отработавши конечности до паха,
Принимается торговец за живот,
Но глядит, не умирает черепаша. . .
Возмутительно живучая — живет!

Здесь, читатель мой, кончается сюжет.
Никакого поучения тут нет.
Но, конечно же, я не был бы поэтом,
Если б мысль моя закончилась на этом.

1932

Хакодате

79. ШЕСТВИЕ ГНОМОВ

Пасмурно. Раннее утро в шторах.
Ливень прошел, как проходит «додж».
Опять тишина и размеренный шорох,
Как если б ракушечный шел дождь.

Размеренность эта клонила ко сну,
Но воздух в шорохах незнакомых.
Встаю с постели, бросаюсь к окну,
Вижу: улица сплошь в гномах.

По мелкой гальке идут и идут
Горбатые карлики в капюшонах:
Красные там, желтые тут,
А сколько лиловых, сколько зеленых!

Дети. Не прыгая, не скользя,
Течет толпа ало-желто-лилова.
Перед нею школа. Шуметь нельзя!
Скрежещет галька, но дети ни слова.

И ведь никто на них не орет,
Даже никто не шипит: «Тише!»
Да. . . Японцы великий народ.
А все-таки жаль японских детишек.

1932
Хакодате

80—83. ЛУВР

1

ГОЛОВА ВЕНЕРЫ

Нет ничего условней красоты.
Во всех томах истории искусства
Прочтешь о том, что голова Венеры
Есть подлинное совершенство, ибо
Длина чела равна размеру носа,
А линия от носа к подбородку

Равна размеру лба. С издревних лет
Внушали нам и устно и печатно,
Что красота — в пропорциях.

И вот

Благоговейно подхожу к богине
И замираю в робком созерцании...
Так вот она. Милосская Венера,
Явление совершенной красоты,
Рожденное из пены океана!
О да... Всё так, как говорили: лоб
Такого же размера, как и нос,
Как линия до подбородка... Точно!
Хоть нос от этого тяжеловат,
Тем более для женщины, но я
Не смею и задуматься: *Венера!*
Но, обладая всё же глазомером,
Я вдруг отметил странную подробность:
Уста богини замкнуты, но зубы,
Я чувствую, разжаты под губами —
Привычка тех, кто дышит вечно ртом.

Я не хотел бы углублять вопроса
И утверждать, что некогда богиня
Имела аденоиды — хотя...
Ее чуть-чуть глухое выражение
Сегодня медицине говорит
О кислородном голодании мозга.
Но зубы, что едва-едва разжаты...
Сожми их на мгновение Венера —
И все линейные соотношенья,
Вся классика миллиметров — насмарку!
Так в чем же совершенство идеала?
Ужели в аденоидах?

Простите...

Я допустил ужасную бестактность
И буду гимназистками освистан,
А кафедрой эстетики растерзан!
Но — истина всегда бестактна. Амен!¹

Зачем пускать к богиням дикарей?

---

¹ Аминь (лат.). — *Ред.*

ТИНТОРЕТТО. «СЮЗАННА В БАНЕ»

Хоть ярк день — Сюзанна только встала.
 Нагая опускается к воде.
 Слоеный жир на пышном животе,
 А сквозь бедро просвечивает сало.

Мне вспомнилась Венера. Как сильна!
 Как всё в ней экономно, хоть и зрело!
 Как юношески гибко это тело,
 И как она от пены солоня. . .

А эта пресность? Правильней всего
 Весь этот зельц перетопить на свечи.
 Прекрасное прекрасно оттого,
 Что есть и безобразное на свете.

К. МОНЕ. «ЖЕНЩИНА С ЗОНТИКОМ»

Эта кисть — из пламенно-мягких.
 Не красками писано — огнями!
 Поле в яростных маках,
 Небо лазурное над нами.

В лазури — маковый зонтик,
 А в маках — лазоревое платье.
 Как зной голубой на горизонте,
 Зыблется оно и пылает.

Здесь небо босыми ногами
 По макам трепетно ходит,
 Земля же в небо над нами
 Кровавым пятном уходит.

И ясно, что всё земное
 К идеальному кровно стремится!
 Само же небо —

  от зноя,
 От земного зноя томится.

АНРИ ДЕ РУССО

Да существует на земле всякий утконос!
 (Детенышей рожают все, а он. . . яйцо снес.)
 Все мыслят через красоту

достичь иных высот,

А он, Руссо,

на холсте

всему ведет

счет:

Уж если дуб, то все листья у дуба сочтены,
 Уж если парк, сомненья нет — все пары учтены,
 Уж если даже ягуар, то, в сущности, ковер,
 Поэт — и тот с гусиным пером,

чуть-чуть не крючоктвор,

А муза его — типичная мамаша лет сорока,

Которая знает свой тариф:

пятьдесят сантимов строка.

Висят картины под стеклом. На каждой номерок.

Подходит критик. Говорит:

«Какой нам в этом прок?»

Я понимаю левизну. Вот, например, Гоген.

А это бог убожества! Бездарность в степени „эн“».

Ах, что за судьбы у людей кисти или пера!

Руссо погиб. Но осознать его давно пора.

Вы припечатали его под маркой «примитив».

А что, как вдруг страданием

пронизан каждый мотив?

А что, как вдруг Анри Руссо

плюет на мир буржуа —

На музу вашу продажную, без паруса, как баржа,

На вашу романтику дохлую, без ярости и когтей,

На вашу любовь, где парочки и нет совсем детей,

На ваши пейзажи дражайшие,

где в штемпеле каждый
 лист.

А что, как вдруг Анри Руссо —
великий карикатурист?
 Схвативши цивилизацию, он с маху ее — в гроб,
 Палитрой своей,
как выстрелом,
пальнувши в собственный лоб?

1935
 Париж

84. HÔTEL «ISTRIA»

Передо мной отель «Istria».
 Вспоминаю: здесь жил Маяковский.
 И снова тоски застарелой струя
Пропитала извилины мозга.

Бывает: живет с тобой человек,
Ты ссоришься с ним да споришь,
 А умер — и ты сиротеешь навек,
Вино твое — вечная горечь...

Направо отсюда бульвар Монпарнас,
Бульвар Распай — налево.
 Вот тут в потоках парижских масс
Шагал предводитель ЛЕФа.

Ночью глаза у нас широки,
Ухо особенно гулко.
 Чудятся
мне
его
шаги
В пустоте переулка,

Видится мне его серая тень,
Переходящая улицу,
 Даже когда огни в темноте
Всюду роятся и ульются.

И ноги сами за ним идут,
Хоть млеют от странной дрожи. . .
И оттого, что жил он тут,
Париж мне вдвое дороже.

Ведь здесь душа его, кровью сочась,
Звучала в сумерках сизых!
Может быть, рифмы еще и сейчас,
Как голуби, спят на карнизах.

И я люблю парижскую тьму,
Где чую его паренье.
Немалым я был обязан ему,
Хоть разного мы направленья.

И сколько сплетен ни городи,
Как путь мой ни обернется,
Я рад,
что есть
в моей
груди
Две-три маяковские нотцы.

Вы рано, Владимир, покинули нас.
Тоска? Но ведь это бывало.
И вряд ли пальнули бы вы напоказ,
Как юнкер после бала.

Любовь? Но на то ведь вам и дано
Стиха колдовское слово,
Чтобы, сорвавшись куда-то на дно,
К солнцу взмывать снова.

Критики? О! Уж эти смогли б
Любого загнать в фанабериях!
Ведь даже кит
от зубастых рыб
Выбрасывается на берег.

А впрочем — пускай зоилишка врет:
    Секунда эпохи — он вымер.
Но пулей своей обнажили вы фронт,
    Фронт
        обнажили,
                    Владимир!

И вот спекулянты да шибера
    Лезут низом да верхом,
А штыковая культура пера
    Служит у них карьеркам.

Конечно, поэты не перевелись,
    Конечно, не переведутся:
Стихи ведь не просто — поющий лист,
    Это сама революция!

Но за поэтами с давних лет
    Рифмач пролезает фальшивый —
И зашагал деревянный куплет,
    Пленяясь легкой наживой.

С виду всё в нем крайне опрятно:
    Попробуй его раскулачь!
Капитализма родимые пятна
    Одеты в защитный кумач;

Мыслей нет, но слова-то святые:
    Вся в цитатах душа!
Анархией кажется рядом стихия
    Нашего карандаша.

В поэзии мамонт, подъявший бивни,
    С автобусом рядом идет;
В поэзии с мудростью дышит наивность —
    У этого ж только расчет.

В поэзии — небо, но и трясина,
    В стихе струна, но и гул, —
А этот? Одна и та же осина
    Пошла на него и на стул.

И, занеся свой занозистый лик,
Твердит он одно и то же:
«Большие связи — поэт велик,
Ничтожные связи — ничтожен.
Связи, связи! Главное — связи!
Связи решают всё!»

Подальше, муза, от этой грязи.
Пусть копошится крысье.
А мы, брат, с тобой — наивные люди.
Стих для нас — головня!
Хоть коршуном печень мою расклюйте,
Не отрекусь от огня.

Слово для нас — это искра солнца,
Пальцы в вулканной пыли...
За него
наши предки-огнепоклонцы
В гробовое молчание шли.

Но что мне в печальной этой отраде?
Редеют наши ряды.
Вот вы.
Ведь вы же искорки ради
Вздымали тонны руды.

А здесь?
Ну и пусть им легко живется —
Не вижу опасности тут.
Беда, что взамен золотого червонца
В искусство бумажки суют.

Пока на бумажках проставлена сотня,
Но завтра, глядишь, — миллион!
И то, что богатством зовется сегодня,
Опять превратится в «лимон».

И после нулей, подхалимски воспетых,
Придется идти с сумой.
Но мы обнищаем не только в поэтах —
В нравственности самой!

Да... Рановато, Владим Владимыч,
Из жизни в бессмертье ушли...
Так нужно миру среди горьких дымищ
Видение чистой души,

Так важно, чтоб чистое развивалось,
Чтоб солнышком пахнул дом,
Чтоб золото золотом называлось,
Дерьмо, извините, дерьмом.

А ждать суда грядущих столетий...
Да и к чему эта месть?
Но есть еще люди на белом свете!
Главное: партия есть!

1935, 1954
Париж

85. ПАННА ПОЛЬША

Тени дыма бегут, как кони.
Вместе с ними летят мои мысли.
Я один — в целом вагоне...
За окном деревушки Вислы.

Из окна немного увидишь.
Но глаз советский наметан:
На картинке Пилсудский, как витязь,
Но пейзажа не спрячешь: вот он!

У нас до межи не добраться —
Весь кругозор для запашки!
А здесь клочочки, квадратцы,
Словно черти играют в шашки.

У нас уже пятилетки,
Крестьяне — во! Величины!
А здесь дремучие предки
Жгут в куренях лучины.

Из окна увидишь немного.
Но вот и отель «Полония».
Только вступил — у порога
Растянулась дворняжка: агония.

Лифт.
Мой номер.
«Дзенкую!»
Выхожу. Городские мили.
А у нас бы собачку такую
Со всех сторон подкормили.

Впрочем, мелочь. Иду по городу.
Строки шепчу по привычке.
Пан поручик прикуривает гордо
У панны шантанной певички.

На бочке пан ассенизатор
Важно едет пред носом трамвая,
И надменится пан театр,
«Мораль пани Дульской» давая.

Брожу. Шепчу свои строчки.
А от меня на градус
Понятовский в одной сорочке
Без штанов грозит Ленинграду.

Ему не стыдно: он медный.
Но на сабле, забыв о мести,
Плакат отнюдь не победный:
«Спасите от голода предместья!»

Сердце мое заныло.
Что тут можно поделатъ?
Грозит Понятовский уныло. . .
Предместья — это не мелочь.

Да одни ли предместья? Не больше?
Весь народ здесь от голода пьяный.
Ты добудешь спасение, Польша,
Если не будешь панной.

1935
Варшава

86. РЕПЛИКА Ю. ТУВИМА

Осенней ночью ржавой
Фланируем Варшавой.
Плывут навстречу лица.
Но чья это столица?
Вот эта амазонка —
Совсем американка,
А эта интриганка —
Наверное, саксонка.
Но где красавка полька?
О ней я слышал столько!

«Гадаете без пользы, —
Сказал поэт, как эксперт. —
Кто ищет полек в Польше?
Они в Париже. Экспорт».

1935
Варшава

87. ЧТО ТАКОЕ АНГЛИЯ?

Поминая святителя, нищий стоит,
Умильно, умильно качается.
А рядом бобби выходит на стрит.
Впрочем, его не касается.

Качания старца равны нулю,
И черт побирает святителя!
«Бобби!»

— «Э?»

— «Передай королю,
Что Англия отвратительна!»

И бобби корректно ответил: «Есть!»
(Свобода суждений — Евангелье!)
А нищий упал. Ему нечего есть.
Вот что такое — Англия.

1936
Лондон

88. МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Высокий узкий двор пустынен и безлюден.
«Паккардов» синий блеск,

«линкольнов»

черный блеск.

И окон злая желчь во мгле британских буден,
Наплывом дышащих на этот желтый брезг.

Империя глядит стоокими очами.

Быть может, вон за тем окраинным окном
Над атласом дымят туманом англичане,
Пытаясь утратить Аравию огнем?

Быть может, за вторым —

картельку

небольшую

Заинтересовал Исландии уют?

За семьдесят седьмым Японию свежуют?

За сотым Францию, быть может, продают?

Еще не видя зла, еще без ясной цели —

На случай, если вдруг приказ et setega,¹ —

За сто восьмым окном удар Венесуэле

Готовят про запас седые мастера.

Какой-нибудь Сиам, какое-нибудь Чили,

Не ведая сего, утратили очаг:

Здесь цифры начеку, здесь молнию включили,

И остается, сэр, перевести рычаг.

Британия глядит змеинными глазами.

Какая тишина. . . Какой могильный труд. . .

И только вносят жизнь в своем свистящем гаме

Лишь русские скворцы, зимующие тут.

1936

Лондон

---

¹ И так далее (лат.). — *Ред.*

89. ПАРЛАМЕНТ

В метели чаек высится парламент,
Углами проступая сквозь туман.
Выходит спикер, старый англоман,
Почти доисторический, как мамонт.

Он поседел в пыли бумаг и хартий,
Но спикеру чужда пустая спесь:
Ведь все дела решаются не здесь,
А где-то там, в соотношеньях партий.

Его же дело — только беспристрастье.
Он, как парламент, облачен в туман.
Судьба рабочих, участь мусульман,
Как эти чайки, кличут о ненастьи,

Но спикер глух. Исчадие чернил,
Он знает всё и бережет лишь нервы:
За бронзовой оградой — Карл I,
А рядом — Кромвель, что его казнил.

Да, да. Враги. Тут, право, нет описки:
Убийца этот, убиенный тот.
Вы скажете, пожалуй, «анекдот»?
Но анекдот рассказан по-английски.

Для англомана в этом высший разум
Со всею саркастичностью его.
Что в мире есть мудрее? Ничего.
Один лишь спикер и его маразм.

Звенят часы. Прогулочный регламент
Уже истек. Шаги. А сквозь туман
В гранитных пятнах высится парламент,
Великой нации самообман.

1936
Лондон

90. РАЗГОВОР С ДЬЯВОЛОМ ПАРИЖА

Я стою над костлявостью крыш
У химеры «Дьявол Парижа».
Внизу подо мной Париж
Бурый и рыжий.
Что влечет к Парижу людей?
Почему так легко в Париже?
Не видал я в Европе нигде
Столицы родней, ближе.

И сказал мне Дьявол, хрипя
Смешком своим бесноватым:
«Здесь амуры не хуже репья
Обращаются с вашим братом.
А отсюда историй — тьма!
Драматичнее всякой сцены.
Потрудился я, fratre,¹ весьма
В этом смысле для Сены.
А уж, кстати, мой чуткий клюв
Стал от нюханья возмужалым. . .»

И химера, мне подмигнув,
Облизнулась раздвоенным жалом.

«Видишь улицу Риволи?
Возьми от нее направо.
Там на дальнем холме развели
Садик с бронзовой оправой.
Да не этот! Этот не мой.
А вон тот: длинноватый да узкий.
Там король Эдуард VIII
Развлекался вполне по-французски,
Это было — хе-хе — лишь раз. . .
Он уехал, оправив брыжи,
Но с тех пор не смыкал глаз
В мечте о Париже.

Я принес, дорогой, сюда
Чарованье особой культуры,
И слетели со мной навсегда
На метле мои милые дуры.

---

¹ Брат (лат.). — Ред.

И столица навек пленена!
Ничего ей больше не надо. . .
Ведь Манон Леско и Нана —
Девочки с нашего ада.
А ты, чувствую, говоришь:
«Это город с каким-то секретом».
Дьяволички — вот он, Париж!
Секрет в этом».

Я гляжу с Нотр-Дам на Париж
В серо-сизой синеющей гамме. . .
И почудилось, будто паришь
Вместе с его кругами,
И от этой его синевы
Неожиданно мыслью окольной
Стал я грезить кругами Москвы
С Ивановой колокольни. . .
Но за внешним сходством его,
Если сердцем с историей слиться,
Удивительное сродство
Меж французской и русской столицей.

«Нет, не в этом Парижа секрет! —
Отвечаю гнусавой химере.
Пусть король ведьмовкой согрет,
Да что мне в этом примере?
Разве дева редкой красоты,
Что колпак фригийский надела
И, зажегши в пушках басы,
Начала великое дело,
Разве *эта* была из твоих?
Разве это — твоя креатура?
А меж тем революции вихрь
Поднял знамя новой культуры,
И тогда-то в робких умах,
Не умевших за бомбы браться,
Раскатились ввысь на громах:
«Свобода! Равенство! Братство!»

Отвергая твою кутерьму,
Тут большие зрели кануны.
Здесь однажды грянул в дыму

Пророческий голос Коммуны,
Здесь впервые, хоть и на миг,
Стал человек человеком,
И с тех пор мечта напрямик
По коммунным движется вехам.
Оттого ароматов родней
Пыльный воздух на вашем бульваре, —
Видно, пламенность тех изумительных дней
Золотится в парижском загаре».

1936
Париж

91. МОЯ ЗНАКОМАЯ РУСАЛКА

Я человек счастливый. Все мечты
мои сбываются. А я мечтал
всегда о недоступном.

Первой сказкой,
которую мне в детстве рассказали,
была легенда о русалке.
В школе
я вечно рылся в книгах, чтоб найти
какую-либо правду о наядах.
А правды не было. Мне было скучно
расти большим и знать, что никогда
не повстречать мне водяную деву.
И в самом деле: можно ли увидеть,
чтоб женское пленительное тело
переходило в рыбий хвост?

Но вот
однажды
в Копенгагенском порту
на камне, выходящем из воды,
я бронзовую увидал скульптуру.
Она звалась «Mermaid». ¹
Опершись
ладонью о нагретый солнцем камень,
сидела девушка.
Ей лет пятнадцать.

---

¹ Русалка (англ.). — *Ред.*

Она была нагая.

Голова

с упрямым скандинавским подбородком,
едва-едва налившиеся перси,
прозрачные ребяческие руки
и тонкие колени — обличали
в ней человека, женщину.

Но голень переходила в ласт.

Когда волна

окатывала статую по бедра
и снова с камня скатывалась вниз,
казалось, будто ласты оживали
и трепетно поплескивали в пене.

Оказывается, не все наяды
обязаны иметь хвосты. У «Mermaid»
ножные ласты были так изящны,
как только могут быть у человека,
когда он девушка в пятнадцать лет.

Я оценил в тот миг всё остроумье
ваятеля, который так приблизил
русалку к человеку. Но искусство —
холодногато. Бронза — только бронза.

А я мечтал о чуде.

И однажды

я это чудо увидел в Москве.

За Крымским мостом — Теплый переулок.

Протезный институт.

Мой друг профессор

водил меня по всем своим палатам
и демонстрировал больных.

Увечья,

чудовищные костные раненья,
уродства от рожденья. . . Дантов ад!

Заходим в операционный зал.

Большие окна, полные лазури.

Стерильный блеск. Халаты. Тишина.

Всё это изумленно окружало
знакомое виденье:

опершись
рукою смуглой о холодный мрамор,
сидела статуя.
Ей лет семнадцать.
Она была прелестна. В русой челке,
со вздернутыми губкой и ноздрями,
лучась от золотистого загара,
она полулежала, как на льдине.
Но главное: она была живая
и страстно говорила:
«Ах, профессор!
Хотя бы я безногою была,
и то мне было б легче. А ведь это
не человек я вовсе».

Но профессор
не соглашался ласты удалять.

А девушка просила, умоляла,
она глядела синими глазами,
где смешивались страх и стыд:
«Прошу вас!
Ну сделайте! Ну что вам стоит?»
— «Нет!
Я не могу калечить организма.
Твои конечности вполне здоровы.
Ты превосходно плаваешь. И вдруг
отрезать их? Сменить их на протезы?
Не вижу смысла. Глупо. Просто глупо.
Жила же ты семнадцать с лишним лет?
Ну, вот и дальше проживешь. В чем дело?»

Тогда она заплакала.
Профессор,
пожав плечами, вышел. Он не понял,
зачем на восемнадцатом году
ей вдруг понадобилось резать ласты.

«Послушайте! — сказал я вдруг. —
Не плачьте.
Ведь тот, кого вы любите, не знает,
кого ему судьба послала.

Он
решил, что вы урод. А вы русалка!
Чудесная русалка!
Я поэт.
Я напишу о вас поэму». — «Правда? —
Ее лицо сквозь слезы осветилось. —
О том, что я русалка?» — «Ну конечно.
Я напишу поэму о пловце,
который за хрустальной волной
увидел девушку. Он вас окликнул,
и вы поплыли рядом. Пена к пене.
Он с вами по дороге говорил
о том, о сем. Как ваше имя?» — «Лида».
— «Он выяснил, что ваше имя Лида,
что вы студентка. . .» — «Верно». — «Что отец
у вас поморский лоцман». — «Нет, бухгалтер».
— «Ну, хорошо, бухгалтер. Но когда
настало время выходить на берег,
он увидал, что вы. . . что вы русалка!
И сразу древнее очарование
до трепета наполнило его».

Она счастливо засмеялась:
«Ну?
Рассказывайте! Что же было дальше?»

— «А дальше он вас поднял и понес,
лоснящуюся золотом, живую,
ту самую русалку, о которой
он так мечтал еще со школьных лет,
ту самую, которую нашел
в далеких шхерах датского залива,
ту самую, что вдруг ему явилась
невероятно студенткой Лидой».

Поэзия! Великое искусство!
Могуче обаяние твое. . .

Вот человек. Он родился калекой.
Но ты его увидела прекрасным!
И он становится счастливым, гордым,
он славит то, что было до сих пор
его проклятьем. . .
— «О! Так я русалка?
Вы обо мне напишете стихи?
И он их прочитает?»
— «Кто?»
— «Сереза».
— «Какой Сереза? А! Ну да. . . Сереза. . .
Прочтет, конечно. Мы ему поэму
отправим заказною бандеролью».

«Куда же вы уходите?»
— «Дела».
— «Вы очень мало рассказали».
— «Мало?»
Напротив, я сказал вам очень много.
Гораздо больше, чем хотел сказать».

Я человек счастливый.
Я могу
чужое горе переплавить в радость.

1936

92. ФАШИЗМ — ЭТО ВОЙНА

Как в дикой полыни северной Скифии
Встречаешь каменных «баб»,
Так здесь, среди поля, мечтою о мифе
Стоит и он — божество или раб.

Бегут огородики по горизонту,
Ферма за фермой. По стенке — плющ.
И вдруг —
геометрический контур,
Вычурный, точно скрипичный ключ!

А от него пошли транспортеры,
Нотные тянутся провода —

Графическая музыкальность, в которой
Неумолимая правота.

Здесь ни одной ненужной детали.
Формулой стиснув пылающий бред,
Уходит ключ в древнейшие дали
Исканий, провалов, находок, побед.

От первых плавок железного века
Через чугун до стального литья
Каждый шаг его, каждая веха
Была как божественная лития.

За каждым подшипником — стратотерпцы,
За каждым шарниром — подвижники тут,
Сюда рвались, не жалея сердца,
Как в белую Арктику люди идут.

Здесь логарифмы ломали шеи,
Иксы завоевывали посты —
И вот единственное решенье
Поэтической сверхпростоты.

О, если бы нам рифмовать не слова,
А эти формулы, цифры, числа,
В которых больше огня и смысла,
Чем в заревой тоске соловья!

Серебросталью с отливом сизым,
В строгом безмолвьи пугая рожь,
Стоит идея. Конструктивизм.
Гигантом шагнувший в поле чертеж.

Железный чертеж в голубой атмосфере
Зияет, с природою породнясь!
Не это ли нас отличает от зверя?
Не это ли с богом равняет нас?

И всё ж перед ним пресмыкаться не будем.
Да, музыкальность! Чертеж как гимн!
Но что за богатство несет он людям,
И если несет, то каким?

Увы — об этом не спрашивай. Тайна.
Иначе нельзя: божество!
Над ним небес голубое таянье,
Желтая золоть вокруг него,

Дальше — грядки, какие-то овощи...
(Нищий фольварк уныл и убог.)
А он стоит — стальное чудовище,
Металлический бог.

И каждые три минуты из чрева
В невинную даль золотистых дорог
Плывет, не качаясь ни вправо, ни влево,
Таврованный свастикой единорог.

Затонет в полях состав шестиосный,
И снова гаубицы ползут —
Одни помечены мелом: «Nach Osten»,
Другие углем: «Nach Süd».¹
Да здравствует же стальная эпоха!
Бог технологии

врос

в быт!

(Однако запомним капище «бога»:
Как знать? Не придется ль его бомбить...)

1936
Берлин

---

¹ На восток. На юг (нем.). — *Ред.*

93. ПОЭЗИЯ

Поэзия! Не шутки ради
Над рифмой бьешься взаперти,
Как это делают в шараде,
Чтоб только время провести.

Поэзия! Не ради славы,
Чью верность трудно уберечь,
Ты утверждаешь величаво
Свою взволнованную речь.

Зачем же нужно так и этак
В строке переставлять слова?
Ведь не затем, чтоб напоследок
Чуть-чуть кружилась голова?

Нет! Горизонты не такие
В глубинах слова я постиг:
Свободы грозная стихия
Из муки выплеснула стих!

Вот почему он жил в народе.
И он вовеки не умрет
До той поры, пока в природе
Людской не прекратится род.

Бывают строфы из жемчужин,
Но их недолго мы храним:
Тогда лишь стих народу нужен,
Когда и дышит вместе с ним!

Он шел с толпой на баррикады.
Его ссылали, как борца.
Он звал рабочие бригады
На штурмы Зимнего дворца.

И вновь над ним шумят знамена —
И, вырастая под огнем,
Он окликает поименно
Бойцов, тоскующих о нем.

Поэзия! Ты — служба крови!¹
Так перелей себя в других
Во имя жизни и здоровья
Твоих сограждан дорогих.

Пускай им грезится победа
В пылу труда, в дыму войны.
И ходит

в жилах

мощь

поэта,

Неся дыхание волны.

1941

Действующая армия

94. РОССИИ

Взлетел расщепленный вагон!
Пожары. . . Беженцы босые. . .
И снова по уши в огонь
Вплываем мы с тобой, Россия.
Опять судьба из боя в бой
Дымком затянется, как тайна, —
Но в час большого испытанья
Мне крикнуть хочется: «Я твой!»

Я твой. Я вижу сны твои,
Я жизнью за тебя в ответе!

---

¹ «Службой крови» назывался на фронте отдел походного госпиталя, ведавший переливанием крови.

Твоя волна в моей крови,
В моей груди не твой ли ветер?
Гордясь тобой или скорбя,
Полуседой, но с чувством ранним,
Люблю тебя, люблю тебя
Всем пламенем и всем дыханьем.

Люблю, Россия, твой пейзаж:
Твои курганы печенежьи,
Стамухи белых побережий,
Оранжевый на синем пляж,
Кровавый мех лесной зари,
Олений бой, тюленьи игры
И в кедраче над Уссури
Шаманскую личину тигра.

Люблю, Россия, птиц твоих:
Военный строй в гусином стане,
Под небом сокола стоянье
В размахе крыльев боевых,
И писк луны среди жнивья
В очарованьи лунной ночи,
И на невероятной ноте
Самоубийство соловья.¹

Ну, а красавицы твои?
А женщины твои, Россия?
Какая песня в них взрастила
Самозабвение любви?
О, их любовь не полубыт:
Всегда событие! Вечно мета!
Россия. . . За одно за это
Тебя нельзя не полюбить.

Люблю стихию наших масс:
Крестьянство с философской хваткой,
Станину нашего порядка —
Передовой рабочий класс,
И выношенную в бою
Интеллигенцию мою —

---

¹ У соловьев во время пения иногда разрывается сердце.

Всё общество, где мир впервые
Решил вопросы вековые.

Люблю великий наш простор,
Что отражен не только в поле,
Но в революционной воле
Себя по-русски распростер:
От декабриста в эполетах
До коммуниста Октября
Россия значилась в поэтах,
Планету заново творя.

И стал вождем огромный край
От Колымы и до Непрядвы.
Так пусть галдит над нами грай,
Черня привычную неправдой,
Но мы мостим прямую гать
Через всемирную трясину,
И ныне воспрять Россию —
Не человечество ль принять?

Какие ж трусы и вдали
О нашей гибели судачат?
Убить Россию — это значит
Отнять надежду у Земли.
В удушье денежного века,
Где низость смотрит свысока,
Мы окрыляем человека,
Открыв грядущие века.

1942

95. СОН

От сна здесь остается только слово:
Не сон, а ощущение толчка.
У застоявшегося часового
«Заснет», пожалуй, правая рука;
Или майор в беседе засопит,
Упустит нить и только взглянет тупо, —
И это тоже сон. Война не спит.
Тут спят по-настоящему лишь трупы.

Тут спать уже как будто и не могут,
Хоть веки, что у Вия, тяжелы:
Сомкнешь глаза под говор, гомон, грохот
И пробуждаешься от тишины.

Здесь самое большое счастье: сон!
Но кто ж его на фронт берет с собою?
Взамен дыханья — хрипота и стон,
А вместо сновиденья — фильм о бое.
Мы и во сне идем, идем, идем.
Взрываемся на минах, умираем,
А нас за это награждают раем,
А рай-то, оказалось, — отчий дом.
И вот пред нами самовар и плюшки. . .
Но плюшки прочь! И самовары прочь!
И снится нам, что мы летим в подушки,
Что спим

без сновидения

всю ночь.

1942

96. СТРАХ

Вы знаете ли, что такое страх?
Вам кажется, что знаете? Едва ли.
Когда сидишь под бомбами в подвале,
А здания пылают на кострах —
А здания пылают на кострах —
Не спору: это страшно. Это жутко.
Чудовищно! Но всё это не то!
Отбой — и ты выходишь из закутка.
Вдохнул — и напряжение снято.
А страх — это вот тут,
под грудью
камень.

Понятно?

Камень.

Только и всего.

В берлоге батальона своего
Ты трубку набиваешь корешками;
Ты часики лениво заведешь;
Потом выходишь под осенний дождь;

Куря, следишь за дымовой завесой;
Мигнешь орудию (вы с ним на «ты»);
А камень твой всё той же тошноты.
Того же уровня.

Того же веса.

Ты бледноват. Но не бледнее всех.
Тебе совсем не боязно. Не жутко.
Ты отвечаешь на остроту шуткой.
Нередко удается даже смех.
А камень твой

всё той же

высоты. . .

Но это страхом не признаешь ты.
О, ты бесстрашен, как и быть должно!
Великое в тебе отражено.
Ты можешь стать и бронзой и песней.
А камень?

Что ж,

мы поступаем с ним,

Как с небольшой телесною болезнью —
Хроническим катаром фронтальным.

1942

Действующая армия.

97. СТРАСТЬ

Война философична. Смерть. Народ.
Грядущее. . . Тут всё шагает крупно.
Тут всё большими буквами орет,
И даже страсть имеет голос трубный.

В тяжелом содрогании темноты
Орудия разносят всё живое. . .
Но пауза —

и вот уже коты

Лирическому предаются вою.

И сразу батареей соловьи,
Эвакуированные из Крыма,
Запальчиво рыдают о любви,
Испепеленной, но необоримой.

И парами ночные мотыльки
Ведут, ведут свой танец вечной тьмы;
На пушку налетают светляки, —
И волосы твои как диадема. . .

И мы с тобою за руки, мой свет,
И, связанные круговой порукой,
Под этот тайный и влюбленный свет
Глядимся зачарованно друг в друга. . .

Но вдруг огонь округлостью бревна
Рванет бугор и соловьями брызнет!
Не рота против роты — здесь война
Идеи Гибели с Законом Жизни.

1942

98. БАЛЛАДА О ЛЕНИНИЗМЕ

В скверике на́ море,
Там, где вокзал,
Бронзой на мраморе
Ленин стоял.
Вытянув правую
Руку вперед,
В даль величавую
Звал он народ.
Массы, идущие
К свету из тьмы,
Знали: «Грядущее —
Это мы!»

Помнится сизое
Утро в пыли.
Вражьи дивизии
С моря пришли.
Чистеньких, грамотных
Дикарей
Встретил памятник
Грудью своей!
Странная статуя. . .
Жест — как сверло,

Брови крылатые
Гневом свело.

— Тонко сработано!
Кто ж это тут?
«ЛЕНИН».

Ах, вот оно?

Аб!

— Гут!

Дико из цоколя
Высится шест.
Грохнулся около
Бронзовый жест,
Кони хвостатые
Взяли в карьер.
Нет
    статуи,
Гол
    сквер.
Кончено! Свержено!
Далее — в круг
Входит задержанный
    Политрук.

Был он молоденький. . .
Двадцать всего. . .
Штатский в котике
Выдал его.
Люди заохали. . .
(«Эх, маета!»)
Вот он на цоколе,
Подле шеста;
Вот ему на́ плечи
Брошен канат.
Мыльные каплищи
Петлю кропят. . .

— Пусть покачается
На шесте.
Пусть он отчаётся
В красной звезде!

Всплачется, взмолился
Хоть на момент
Здесь, у околицы,
Где монумент,
Так, чтобы жители,
Ждущие тут,
Поняли. Видели.
Ауф!
— Гут!

Желтым до зелени
Стал политрук.
Смотрит.
О Ленине
Вспомнил
И вдруг
Он над оравую
Вражеских рот
Вытянул правую
Руку вперед —
И, как явление,
Бронзе вослед,
Вырос
Ленина
Силуэт.

Этим движением
От плеча,
Милым видением
Ильича
Смертник молоденький
В этот миг
Кровною родинкой
К душам приник. . .

Будто о собственном
Сыне — навзрыд
Бухтою об стену
Море гремит!
Плачет, волнуется,
Стонет народ,

Глядя на улицу
Из ворот.

Мигом у цоколя
Каски сверк!
Вот его, сокола,
Вздернули вверх;
Вот уж у сонного
Очи зашлись. . .
Всё же ладонь его
Тянется ввысь —
Бронзовой лепкою,
Нáзло зверью,
Ясною, крепкою
Верой в зарю!

1942
Керчь

99. БАЛЛАДА О ТАНКЕ «БВ»

*Посвящается героическому экипажу
танка — товарищам Тимофееву,
Останину, Горбунову, Чернышеву и
Чиркову.*

1

По куполу танка ударил снаряд.
Сквозь щель прорывается дым и газ.
Волосы у бойцов горят.
От гари — слезы из глаз.
А танк, развив наступательный пыл,
В мннное поле вступил.

2

И вдруг подымается дымный клуб. . .
Танк оседает. Толчки коротки.
Гребень трака зарылся вглубь,
Кружили впустую катки, —
И танк, одною правой гребя,
Вертелся вокруг себя.

А между тем наш удар отбит,
Пехота уже залегла в траве,
И вот начинается странный быт
У танка марки «КВ»:
Вдруг, оборвав огневой заслон,
Мертвым прикинулся он.

4

Мины его обдавали днем,
Прямой наводкой била картечь;
Ночью бутылки метали по нем,
Пытаясь его зажечь.
А он стоял среди вражьих троп,
Словно запаянный гроб.

5

Когда-то была его страшная сталь
Окрашена цехом под зелень и дым.
Теперь же, купаясь в пулях, он стал
Серебряно-седым
И по утрам исчезал, как во сне,
Тая в голубизне. . .

6

И лишь орудийная маска¹ его,
Засалив свирепые скулы свои,
Недвижно глядела — но не мертво,
А предрекая бои!
И так эта маска была страшна,
Как если б дышала она.

7

Дни проходили. Но танк был нем.
Он стал, как этот пейзаж, знаком.
К чему же тогда его жечь? Зачем?

---

¹ М а с к а — часть танкового орудия.

Не лучше ли взять целиком?
Когда батальоны пройдут вперед,
Сапер его отопрет.

8

И мертвый танк пощажен огнем,
Много ль таких валяется глыб?
А если кто и остался в нем,
Конечно, давно погиб.
И, давши фото в газетке своей,
Враги подписали: «Трофей».

9

Однако в «трофее» — пять сердец
Бились по-боевому в лад.
Однако в «трофее» каждый боец
Втянулся в железный уклад:
Держа в порядке военный металл,
Он напряженно ждал.

10

Пускай одышка. Дробь у виска.
Весь костяк изломан, измят. . .
Но жаркою верой в свои войска
Жил броневой каземат —
И дни эти были для всех пятерых
Лучшими в жизни их.

11

Когда ты брошен самой судьбой
Туда, где дымит боевая тропа,
И вся страна следит за тобой
И подвига ждет от тебя —
Высокая гордость волною морской
Над темной ходит тоской.

Так и сжились. Завели уют:
 Если курить воспрещается (дым!),
 Зато они шепотком поют,
     Бреются по выходным
 И каждую ночь, приоткрывши люк,
     Вдыхают весенний луг...

И каждую ночь Большая земля,
 Как мать, окликала своих сынов:
 По радио Спасская башня Кремля
     Била 12 часов,
 И чудились в мире ночной синевы
     Родные рубины Москвы.

Прошло уже ровно пятнадцать дней.
 Шестнадцатый шел. Был день как день.
 Но стало ребятам дышать трудней,
     В глазах — кровавая тень...
 И вдруг одна из фашистских колонн
     Вышла под их заслон.

Бояться ли пленников? Трупы они.
 Танк безжизнен. Ну, ну! Бодрей!
 Ведь в ярких ямах его брони,
     Изрытых огнем батарей,
 Спокойно гниет дождевая вода...
     Слетаются птицы сюда.

Итак, деревню взять на прицел.
 «Die erste Saxische Rote — zum Drang!»

---

¹ Первая саксонская рота — в атаку! (Нем.) — *Ред.*

И вдруг в тиши услышал офицер,
Как засмеялся танк,
И чуть ли не маска, влитая в бронь,
Тихо сказала: «Огоны!»

1942

100. Я ЭТО ВИДЕЛ!

Можно не слушать народных сказаний,
Не верить газетным столбцам,
Но я это видел. Своими глазами.
Понимаете? Видел. Сам.

Вот тут дорога. А там вон — взгорье.
Меж ними
вот этак —
ров.

Из этого рва подымается горе.
Горе без берегов.

Нет! Об этом нельзя словами. . .
Тут надо рычать! Рыдать!
Семь тысяч расстрелянных в мерзлой яме,
Заржавленной, как руда.

Кто эти люди? Бойцы? Нисколько.
Может быть, партизаны? Нет.
Вот лежит лопухий Колька —
Ему одиннадцать лет.

Тут вся родня его. Хутор «Веселый».
Весь «Самострой» — сто двадцать дворов.
Ближние станции, ближние села —
Все как заложники брошены в ров.

Лежат, сидят, вползают на бруствер.
У каждого жест. Удивительно свой!
Зима в мертвеце заморозила чувство,
С которым смерть принимал живой,
И трупы бредят, грозят, ненавидят. . .
Как митинг, шумит эта мертвая тишь.

В каком бы их ни свалило виде —
Глазами, оскалом, шеей, плечами
Они пререкаются с палачами,
Они восклицают: «Не победишь!»

Парень. Он совсем налегке.
Грудь распахнута из протеста.
Одна нога в худом сапоге,
Другая сияет лаком протеза.
Легкий снежок валит и валит. . .
Грудь распахнул молодой инвалид.
Он, видимо, крикнул: «Стреляйте, черти!»
Поперхнулся. Упал. Застыл.
Но часовым над лежбищем смерти
Торчит воткнутый в землю костыль.
И ярость мертвого не застыла:
Она фронтовых окликает из тыла,
Она водрузила костыль, как дрезвó,
И веха ее видна далеко.

Бабка. Эта погибла стоя.
Встала меж трупов и так умерла.
Лицо ее, славное и простое,
Черная судорога свела.
Ветер колышет ее отрепье. . .
В левой орбите застыл сургуч,
Но правое око глубоко в небе
    Между разрывами туч.
И в этом упреке деве пречистой
Рушенье веры дремучих лет:
«Коли на свете живут фашисты,
    Стало быть, бога нет».

Рядом истерзанная еврейка.
При ней ребенок. Совсем как во сне.
С какой заботой детская шейка
Повязана маминым серым кашне. . .
Матери сердцу не изменили:
Идя на расстрел, под пулю идя,
За час, за полчаса до могилы
Мать от простуды спасала дитя.
Но даже и смерть для них не разлука:

Не властны теперь над ними враги —
И рыжая струйка

из детского уха

Стекает

в горсть

материнской

руки.

Как страшно об этом писать. Как жутко.

Но надо. Надо! Пиши!

Фашизму теперь не отделаться шуткой:

Ты вымерил низость фашистской души,

Ты осознал во всей ее фальши

«Сентиментальность» пруссацких грез,

Так пусть же

сквозь их

голубые

вальсы

Горит материнская эта горсть.

Иди ж! Заклейми! Ты стоишь перед бойней.

Ты за руку их поймал — уличи!

Ты видишь, как пулею бронебойной

Дробили нас палачи.

Так загреми же, как Дант, как Овидий,

Пусть зарыдает природа сама,

Если

всё это

сам ты

видел

И не сошел с ума.

Но молча стою над страшной могилой.

Что слова? Истлели слова.

Было время — писал я о милой,

О шелканьи соловья.

Казалось бы, что в этой теме такого?

Правда? А между тем

Попробуй найти настоящее слово

Даже для этих тем.

А тут? Да ведь тут же нервы как луки,
Но строчки. . . глуше вареных визиг.
Нет, товарищи: этой мўки
    Не выразит язык.

Он слишком привычен, поэтому беден,
Слишком изящен, поэтому скуп,
К неумолимой грамматике сведен
Каждый крик, слетающий с губ.
Здесь нужно бы. . . нужно создать бы вече
Из всех племен от древка до древка
И взять от каждого всё человежье,
Всё прорвавшееся сквозь века —
Вопли, хрипы, вздохи и стоны,
Отгул нашествий, эхо резни. . .
Не это ль
        наречье
                    мўки бездонной
Словам искомым сродни?

Но есть у нас и такая речь,
Которая всяких слов горячее:
Врагов осыпает проклятьем картечь,
Глаголом пророков гремят батареи.
Вы слышите трубы на рубежах?
Смятение. . . Крики. . . Бледнеют громилы.
Бегут! Но некуда им убежать
    От вашей кровавой могилы.

Ослабьте же мышцы. Прикройте веки.
Травую взойдите у этих высот.
Кто вас увидел, отныне навеки
Все ваши раны в душе унесет.

Ров. . . Поэмой ли скажешь о нем?
Семь тысяч трупов.
                    Семиты. . . Славяне. . .
Да! Об этом нельзя словами:
    Огнем! Только огнем!

1942
Керчь

Кого баюкала Россия
 Душевной песнею своей,
 Того как будто оросила
 Голубизна ее степей.

Нам нежность — первая наука...
 Заветом племени дыша,
 Дремучий дед ласкает внука
 Словами — «голуба-душа».

Сама — как русская природа
 Душа народа моего:
 Она пригреет и урода,
 Как птицу, выходит его.

Она не выкурит со света,
 Держась за придури свои,
 В ней много воздуха и света
 И много правды и любви.

О Русь! Тебя не старят годы,
 Ты вся — из выси голубой.
 Не потому ли все народы
 Так очарованы тобой?

Но если где какая сила,
 Грозь, бряцающая трубя,
 Моя теплынь, моя Россия,
 Протянет когти на тебя —

Ты льдами двинешься по грозам...
 И от жилья и до жилья
 Пойдет стучаться дед-морозом,
 Звуча кольчугою, Илья.

И вновь, исполненные веры,
 Восстанут с яростным «ура»
 Суворовские гренадеры
 За батарейцами Петра,

Чтобы, на славу их надеясь,
Россия встала полной сил,
Чтоб Красной Армии гвардеец
Врага навывлет пригвоздил.

О, край улыбки безмятежной,
Страна атаки головной,
Напиток бешеный и нежный,
Где смесь пурги с голубизной!

Январь 1943

102. АДЖИ-МУШКАЙ

Кто всхлипывает тут? Слеза мужская
Здесь может прозвучать кощунством.
Встать!

Страна велит нам почести воздать
Великим мертвецам Аджи-Мушкая.
Воспрянь же, в мертвый погруженный сон
Подземной цитадели гарнизон!

Здесь был военный госпиталь. Сюда
Спустились пехотинцы в два ряда,
Прикрыв движенье армии из Крыма.
В пещерах этих ожидал их тлен.
Один бы шаг, одно движенье мимо —
И пред тобой неведомое: плен!
Но, клятву всем дыханием запомня,
Бойцы, как в бой, ушли в каменоломни.

И вот они лежат по всем углам,
Где тьма нависла тяжело и хмуро, —
Нет, не скелеты, а скорей скульптура,
С породой смешанная пополам.
Они белы, как гипс. Глухие своды
Их щедро осыпали в непогоды
Порошей своего известняка,
Порошу эту сырость закрепила,
И, наконец, как молот и зубило,
По ним прошло ваянье сквозняка.

Во мглистых коридорах подземелья
Белеют эти статуи Войны.
Вон, как ворота, встали валуны,
За ними чья-то маленькая келья —
Здесь на опрятный автоматец свой
Осыпался костями часовой.

А в глубине кровать. Соломы пук.
Из-под соломы выбежала крыса.
Полуоткрытый полковой сундук,
Где сторублевок желтые огрызья,
И копотью свечи у потолка
Колонкою записанные числа,
И монумент хозяина полка —
Окаменелый страж своей отчизны.

Товарищ! Кто ты? Может быть, с тобой
Сидели мы во фронтовой столовой?
Из блиндажа, не говоря ни слова,
Быть может, вместе наблюдали бой?
Скитались ли на Южном берегу,
О Маяковском спора до восхода,
И я с того печального похода
Твое рукопожатье берегу?

Вот здесь он жил. Вел записи потерь.
А хоронил чуть дальше — на погосте.
Оттуда в эту каменную дверь
Заглядывали черепные кости,
И, отрываясь от текущих дел,
Печально он в глазницы им глядел
И узнавал Алешу или Костю.

А делом у него была вода.
Воды в пещерах не было. По своду
Скоплялись капли, брезжа, как слюда, —
И свято собирал он эту воду.
Часов по десять (падая без сил)
Сосал он камень, напоенный влагой,
И в полночь умирающим носил
Три четверти вот этой плоской фляги.

Вот так он жил полгода. Чем он жил?
Надеждой? Да. Конечно, и надеждой.
Но сквознячок у сердца ворошил
Какое-то письмо. И запах нежный
Пахнул на нас дыханием тепла:
Здесь клякса солнца пролита была.
И уж не оттого ли в самом деле
Края бумаги пеплом облетели?

«Папусенька! — лепечет письмецо. —
Зачем ты нам так очень мало пишешь?
Пиши мне, миленький, большие. Слышишь?
А то возьму обижуся — и всё!
Наташкин папа пишет аж из Сочи.
Ну, до свидания. Спокойной ночи».

«Родной мой! Этот почерк воробья
Тебе как будто незнаком? Вот то-то
(За этот год, что не было тебя,
Проведена немалая работа.)
Ребенок прав. Я также бы просила
Писать побольше. Ну, хоть иногда...
Тебе бы это родина простила.
Уж как-нибудь простила бы... Да-да!»

А он не слышит этих голосов.
Не вспомнит он Саратов или Нижний,
Средь хлопающих оживленных сов
Ушедший в камень. Белый. Неподвижный.
И все-таки коричневые орды
Не одолели стойкости его.
Как мощны плечи, поднятые гордо!
Какое в этом жесте торжество!

Недаром же, заметные едва
Средь жуткого учета провианта,
На камне нацарапаны слова
Слабеющими пальцами гиганта:

«Сегодня
вел
беседу у костра

о будущем падении
Берлина».

Да! Твой боец у смертного одра
Держался не одною дисциплиной.

Но вот к тебе в подземное жилище
Уже плывут живые голоса,
И постигают всё твое величье
Металлом заблиставшие глаза.
Исполнены священного волненья,
В тебе легенду видя пред собой,
Шеренгами проходят поколенья,
Идущие из подземелья — в бой!

И ты нас учишь доблести военной,
Любви к советской родине своей
Так показательно, так вдохновенно,
С такой бессмертной силою страстей,
Что, покидая известковый свод
И выступив кавалерийской лавой,
Мы будто слышим лозунг величавый:
«Во имя революции — вперед!»

2—12 ноября 1943
Аджи-Мушкайские каменоломни

103. СОНЕТ

Бессмертья нет. А слава только дым.
И надыми хоть на сто поколений,
Но где-нибудь ты сменишься другим
И всё равно исчезнешь, бедный гений.

Истории ты был необходим
Всего, быть может, несколько мгновений...
Но не отчаивайся, бедный гений,
Печальный одному и нелюдим.

По-прежнему ты к вечному стремишься!
Пускай тебя не покидает мысль

О том, что отзвук из грядущих далей
Тебе нужней и лавров и медалей.

Бессмертья нет. Но жизнь полным-полна,
Когда бессмертью отдана она.

14 ноября 1943

Аджи-Мушкайские каменоломни

104. НАД КАРТОЙ ЕВРОПЫ 1943 ГОДА

Не только язык и монета,
                  не только марки и флаги,
Души у стран различны —
                  и тут уже красок не счесть:
Есть державы-плясуньи,
                  есть державы-деляги,
Философы есть державы,
                  шпионы-державы есть.
Иная внушает жалость.
                  В иную можно влюбиться.
Иная же так безлична —
                  не подберешь и слов.
Но есть на карте Европы
                  одна держава-убийца!
Казнь — ее профессия. Мокрое ремесло.

Чем был для пейзажа Англии
                  медный рожок почтальона,
Чем для природы России
                  был колокольный звон,
Тем для германских будней
                  сделался марш батальонный,
Вой пролетающих асов
                  и полевой телефон.
Точно коллекция марок,
                  пестрела карта Европы:
К лиловым тонам Норвегии
                  туманная шла весна;

Зеленые Нидерланды,
бельгийская сизая копоть
И, наконец, Югославии
горная желтизна.

Там,
над фьордами Севера,
бряцала железная лира,

Тут,
над лиманами Юга,
дудочка пела рассвет...

Есть высокое счастье
в многозвучии мира,
Наивная радость палитры,
радуги семицвет.

И вдруг это всё утопает
в гнусной коричневой краске:
Древнетевтонская печень
свою разливает жёлчь.
Скандинавскую воду
мутят рогатые каски,
Герб нацистской резины
дороги сербские жжет.

И нет уже больше Европы:
пар кровавый клубится.
Свежуют ее солдафоны,
терзают за пятерых.
Но не об этой добыче
мечтает держава-убийца!
Заветная перед нею
лежит страна-материк.

Союз Советских Республик!
Реки его блеснули.
Бор его стал чернее
в лучах штабного авто.
Есть державы-деляги,
есть державы-плясуни.
Лазутчики есть державы.
А эта держава — кто?

Слушайте голос отчизны:
на рубежах укрепиться,
Новую выстоять муку
и навалиться горой.
Верю! Верую! Знаю:
рухнет держава-убийца
И снова цветную Европу
спасет держава-герой.

1943

Действующая армия

105. ТАМАНЬ

Когда в кавказском кавполку я вижу казака
На белоногом скакуне гнедого косяка,
В черкеске с красною душой и в каске набекрень,
Который хату до сих пор еще зовет «курень», —
Меня не надо просвещать, его окликну я:
«Здорово, конный человек, таманская земля!»

От Крымской от станицы до Чушки до косы
Я обошел твои, Тамань, усатые овсы,
Я знаю плавней боевых кровавое гнильцо,
Я хату каждую твою могу узнать в лицо.
Бывало, с фронта привезешь от казака письмо —
Усадят гостя на топчан под саблю с тесьмой,
И небольшой крестьянский зал в обоях из газет
Портретами станишников начнет на вас глазеть.
Три самовара закипят, три лампы зажужжат,
Три девушки наперебой вам голову вскружат,
Покуда мать не закричит и, взяв турецкий таз,
Как золотистого коня, не выкупает вас.

Тамань моя, Тамань моя, форпост моей страны!
Я полюбил в тебе уклад батальной старины,
Я полюбил твой ветерок военно-полевой,
Твои гортанные ручьи и гордый говор твой.
Кавалерийская земля! Тебя не полонить,
Хоть и бомбежкой распахать, пехотой оборонить.
Чужое знамя над тобой, чужая речь в дому,

Но знает враг:

никогда

не сдашься ты ему.

Тамань моя, Тамань моя! Весенней кутерьмой
Не рвется стриж с такой тоской издалека домой,
С какою тянутся к тебе через огонь и сны
Твои казацкие полки, кубанские сыны.

Мы отстоим тебя, Тамань, за то, что ты века
Стояла грудью боевой у русского древка;
За то, что, где бы ни дралось, развеяв чубовье,
Всегда мечтало о тебе казачество твое;
За этот дом, за этот сад, за море во дворе,
За красный парус на заре, за чаек в серебре,
За смех казачек молодых, за эти песни их,
За то, что Лермонтов бродил на берегах твоих.

1943

Северо-Кавказский фронт

106. БАЛЛАДА О ЛААРЕ

Запомните имя Лаара,
Неведомое пока:
Погиб он в атаке ярой
Пятнадцатого полка.

1

«Что знал ты о жизни, товарищ Лаар?»

«Берег я знал морской.
Берег я знал и крики гагар,
Звучавшие тоской.
Об этом я с детства книжки читал
(Я не был в стране отцов),
Но каждый мой нерв гудел, как металл,
Заслыша родины зов».

Товарищи! Малый и старый!
Родину боготворя,
Запомните имя Лаара —
Эстонского богатыря.

«Что в жизни любил ты, товарищ Лаар?»

«Брига любил паруса.
Бриг я любил. И глобуса шар.
Поэм и птиц голоса.

Но больше всего и глубже всего
Мой трудовой народ —
Корнеобразные пальцы его,
Упрямо сжатый рот».

Запомните имя Лаара,
Запомните навсегда —
Он видел поэзии чары
В высокой прозе труда.

«Чего ты хотел от жизни, Лаар?»

«Не многого я хотел:
Только того, чтобы мал и стар
Не прокляли свой удел,
Чтобы не знали нужды и зла
Все расы и все края,
А вместе с ними чтоб цвела
Эстония моя!»

Запомните имя Лаара:
Он прожил не как-нибудь —
Хотел он, как высшего дара,
Стране своей вольный путь.

«Что ж сотворил ты в жизни, Лаар?»

«Почти ничего, мой друг.
Я видел дот. Над дотом пар.
И рану почувствовал вдруг.

И кровь моя выстрелом огневым
Плеснула из раны вперед!
Я сжал свою боль и телом своим
Закрыл фашистский дот».

Запомните имя Лаара,
Неведомое пока:
Погиб он в атаке ярой
Пятнадцатого полка.

5

Но полк не забыл о тебе, Лаар,
Ни в трауре, ни в пирах.
Как часовые, пара чинар
Станет стеречь твой прах,
Под знаменем имя твое в строю
Правофланговым стоит.
Каждый боец за тебя в бою,
Как за себя, отомстит.

И ваша, товарищи, кара
Пускай свершится, разя!
Помните имя Лаара:
Его забывать нельзя.

1943

107. ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

1

Здесь прежде улица была.
Она вбегала так неожиданно
В семейство конского каштана,
Где зелень свечками цвела.
А там, за милым этим садом,
Вздымался дом с простым фасадом
И прыгал, в пузырьках колюч,
По клавишам стеклянный ключ.

Среди обугленных стволов,
 Развалин, осыпей, клоаки
 Въезжали конные казаки,
 И боль не находила слов.
 Мы позабыли, что устали...
 Чернели номера у зданий,
 Но самых зданий больше нет:
 Пещеры да стальной скелет.

Есть у домов свое лицо.
 Но можно ль в каменных обвалах
 Среди стропил и между балок,
 Сквозь это мертвое литье
 Узнать фасад многооконный,
 Литое кружево балкона,
 Сквозь двери на стене пейзаж
 И пальцев тающий пассаж...

Большой рояль, от блеска бел,
 Подняв крыло, стоял, как айсберг.
 Две-три триоли взяты наспех...
 Нет, не рыдал он и не пел:
 Дышал! И от его дыханья
 Рождалось эльфов колыханье,
 Не звук, а музыкальный дым
 Ходил над блеском ледяным.

Я не сказал бы, чтоб тогда
 Я был счастливее, чем прежде.
 Но если сад в былой одежде
 Теперь обуглен навсегда,
 Но если дом с балконом этим
 Мы больше никогда не встретим,
 То... — как бы это объяснить? —

Какая-то на сердце нить
Оборвана! И счастья нет.
И словно что-то в нас убито.
Воспоминания без быта
Чего-то требуют, как бред,
Как если б ты проспал столетье,
Очнулся — и виденья эти
Стремилась населить собой
Любую щель и прах любой.

7

Вот тут был дом. Он должен быть!
Такой же в точности — иначе
Я существую, но не значу,
Ведь «быть» еще не то, что «жить».
Когда хоронишь друга — это
Ты сам частицею со света
Уходишь. Что же значит «я»
Без теплых связей бытия?

8

О современники мои,
Седое с детства поколение!
Мы шли в сугробах по колени,
Вели железные бои,
Сквозь наши зубы дым и вьюга
Не в силах вытащить ни звука,
Но столько наглотаться слез
Другим до нас не довелось.

9

И вдруг из рупора, что вбит
В какой-то треснувший брандмауэр,
Сквозь эту ночь и этот траур,
Невероятный этот быт —
Смычки легко затрепетали,
И, нежно выгибая тальи,
В просветах голубых полос
Лебяжье стадо понеслось.

Оно летело, словно дым
 От музыкального дыханья,
 В самом полете отдыхая,
 Струясь движением одним...
 Но той же линией единой
 Спустился поезд лебединый,
 От оперенья воздух сиз —
 И веет, веет pas de six.¹

11—12

Шестнадцатые из-под ног
 На рампу льдинками летели.
 Рой балерин игрой метели
 Снежинками летит в бинокль.
 Блистательны, полувоздушны,
 Смычку волшебному послушны,
 То стан совьют, то разовьют,
 И быстрой ножкой ножку бьют,
 И разбегаются проворно,
 И собираются вдали.
 Волной кружила их валторна
 И отрывала от земли,
 Вздымала над второю третью,
 В пургу завихривала медью,
 Чтоб снова в дымке голубой
 Их успокаивал гобой.

18

И вдруг всё замерло. Столбы
 Проекторов над царством птичьим.
 Пронзительным и страшным кличем
 Проносится труба судьбы —
 И вот, не оставляя следа,
 Охваченная пеной Леда
 Над ледяною гладью вод
 Наплывом белизны плывет.

---

¹ Тамец шести (франц.). — *Ред.*

Здесь крыльев нет. Здесь пух поблек.
 Она лишь трепет лебединый.
 За нею лебеди, как льдины,
 Виолончель под ней, как бог!
 Движеньем горестным и лунным
 Она спускается по струнам,
 И где-то на вершине сна
 Сквозь душу движется она.

И я гляжу. И грезит сад
 В какой-то дымке небывалой.
 Кругом руины и обвалы,
 Как зачарованы, стоят.
 Всё ближе задушевный лепет...
 Перед тобой Царевна-Лебедь!
 И вскинула ночная мгла
 Ее метельные крыла.

Чаруй, метелица, чаруй!
 Пари над миром, русский гений!
 Ты утоляешь зной мучений
 Прикосновеньем вьюжных струй...
 И словно дивной ворожбою
 Дома, что ранены пальбою
 И сажею обожжены,
 В лебяжий пух обряжены.

И всё парит, парит она
 Из сказки в черный порох были.
 На ней, как бабушки любили,
 И впрямь короною луна...

Ее глаза, как звезды, сини.
Она с тобой, душа России!
Ты узнаешь. Впиваешь ты
Ее любимые черты.

1943
Краснодар

108. ПИСЬМО

Вс. Вишневскому

Ты спрашиваешь, друг мой, отчего
Из тех, кто возвращается живыми,
Не тот или другой, а большинство
Не почернели в оружейном дыме?

Нет, душу их не сморщила война.
Напротив: ей лиричное присуще.
Хотя в глазах вся армия видна,
Все пройденные степи, горы, пуши.

Попробую ответить, как умею.
Еще за милю от передовой
Я — только я. Всей частностью моею
Со всею сутолокой бытовой.

Но перейду на линию огня —
И сразу слышу тиканье в кармане...
И время возникает для меня
В каком-то сверхжитейском пониманьи.

Понятье «час» почти безмерно тут:
За час тут погибают батальоны,
Мы в пулях слышим посвисты минут
И дорожим одною биллионной!

И эта биллионная полна
Таких домашних, комнатных видений...
Они торопятся: а вдруг она —
В небытие мгновенное введенье?

Но ты ни с кем не говоришь о ней.
Ты только элишься на метель, на пену...
(А это страх.) И так с десяток дней.
И вдруг ты замечаешь перемену!

Сначала кажется, что враг не тот,
Что грохот тише, а погода лучше, —
А это

непомерное
растет

В тебе самом всё ярче, всё могучей.

Не в храбрости, конечно, тут секрет.
Не в одоленьи страха. Это выше.
Ты словно тайным пламенем согрет,
Ты без усилья на вершину вышел.

Война философична. С этих пор,
Пройдя переживания простые,
Любой боец, переводя затвор,
Почувствует себя самой Россией.

И ты глядишь на цепь знакомых рот,
На Сидоровых, Павловых, Петровых,
И видишь не соседей, а народ,
И волю, а не линию винтовок.

На черной от грозы передовой,
Охваченная пафосом великим,
История встает перед тобой
Рябым от боя, но интимным ликом, —

И ты выходишь на свиданье с ней,
Как будто бы и жил ты лишь за этим,
В какой-то миг среди больших огней
Свой полк увидевши своим столетьем.

1943

109. СЕВАСТОПОЛЬ

К. Зелинскому

Я в этом городе сидел в тюрьме.
Мой каземат — четыре на три. Всё же
Мне сквозь решетку было слышно море,
И я был весел.

Ежедневно в полдень
Над городом салютовала пушка.
Я с самого утра, едва проснувшись,
Уже готовился к ее удару
И так был рад, как будто мне дарили
Басовые часы.

Когда начальник,
Не столько врангелевский, сколько царский,
Пехотный подполковник Иванов,
Решил меня побаловать книжонкой
И мне, влюбленному в туманы Блока,
Прислали . . . книгу телефонов — я
Нисколько не обиделся. Напротив!
С веселым видом я читал: «Собакин»,
«Собакин-Собаковский»,
«Собачевский»,
«Собашников»
и попросту «Собака», —
И был я счастлив девятнадцать дней.

Потом я вышел и увидел пляж,
И вдалеке трехъярусную шхуну,
И тузика за ней.

Мое веселье
Ничуть не проходило. Я подумал,
Что, если эта штука бросит якорь,
Я вплавь до капитана доберусь
И поплыву тогда в Константинополь
Или куда-нибудь еще. . . Но шхуна
Растаяла в морской голубизне.

Но всё равно я был блаженно ясен:
Ведь не оплакивать же в самом деле
Мелькнувшей радости! И то уж благо,

Что я был рад. А если оказалось,
Что нет для этого причин, — тем лучше:
Выходит, радость мне досталась даром.

Вот так слонялся я походкой брига
По Графской пристани, и мимо бронзы
Нахимову, и мимо панорамы
Одиннадцатимесячного боя,
И мимо домика, где на окне
Сидел большеголовый, коренастый
Домашний ворон с синими глазами.

Да, я был счастлив! Ну конечно, счастлив.
Безумно счастлив! Девятнадцать лет —
И ни копейки. У меня тогда
Была одна улыбка. Всё богатство.

Вам нравятся ли девушки с загаром
Темнее их оранжевых волос?
С глазами, где одни морские дали?
С плечами шире бедер, а? К тому же
Чуть-чуть по-детски вздернутая губка?
Одна такая шла ко мне навстречу...
То есть не то чтобы ко мне. Но шла.

Как бьется сердце... Вот она проходит.
Нет, этого нельзя и допустить,
Чтобы она исчезла...

«Виноват!»

Она остановилась:

«Да?»

Глядит.

Скорей бы что-нибудь придумать!

Ждет.

Ах, черт возьми! Но что же ей сказать?
«Я... Видите ли... Я... Вы извините...»

И вдруг она взглянула на меня
С каким-то очень теплым выраженьем
И, сунув руку в розовый кармашек
На белом поле (это было модно),
Протягивает мне «керенку». Вот как?!
Она меня за нищего... Хорош!

Я побежал за ней:

«Остановитесь!
Ей-богу, я не это. . . Как вы смели?
Возьмите, умоляю вас — возьмите!
Вы просто мне понравились, и я. . .»

И вдруг я зарыдал. Я сразу понял,
Что всё мое тюремное веселье
Пыталось удержать мой ужас. Ах!
Зачем я это сделал? Много легче
Отдаться чувству. Пушечный салют. . .
И эта книга. . . книга телефонов.

А девушка берет меня за локоть
И, наступая на зевак, уводит
Куда-то в подворотню. Две руки
Легли на мои плечи.

«Что вы, милый!
Я не хотела вас обидеть, милый.
Ну, перестаньте, милый, перестаньте. . .»

Она шептала и дышала часто,
Должно быть, опьяняясь полумраком,
И самым шепотом, и самым словом,
Таким обворожительным, прелестным,
Чарующим, которое, быть может,
Ей говорить еще не приходилось,
Сладчайшим соловьиным словом: «милый».

Я в этом городе сидел в тюрьме.
Мне было девятнадцать!

А сегодня
По черным трупам я шагаю снова
Дорогой Балаклава — Севастополь,
Где наша кавдивизия прошла.

На этом пустыре была тюрьма.
Так. От нее направо.
Я иду
К нагорной улочке, как будто кто-то
Приказывает мне идти. Зачем?
Развалины. . . Воронки. . . Пепелища. . .
И вдруг среди пожарища седого —

Какие-то железные ворота,
Ведущие в пустоты синевы.
Я сразу их узнал. . . Да, да! Они!

И тут я почему-то оглянулся,
Как это иногда бывает с нами,
Когда мы ощущаем чей-то взгляд:
Через дорогу, в комнатке, проросшей
Сиренью, лопухами и пыреем,
В оконной раме, выброшенной взрывом,
Всё тот же домовитый, головастый
Столетний ворон с синими глазами.

Ах, что такое лирика!
Для мира
Непобедимый город Севастополь —
История. Музейное хозяйство.
Энциклопедия имен и дат.
Но для меня. . . Для сердца моего. . .
Для всей моей души. . . Нет, я не мог бы
Спокойно жить, когда бы этот город
Остался у врага.

Нигде на свете
Я не увижу улочки вот этой,
С ее уклоном от небес к воде,
От голубого к синему, кривой,
Подвыпившей какой-то, колченогой,
Где я рыдал когда-то, упиваясь
Неудержимым шепотом любви. . .
Вот этой улочки!

И тут я понял,
Что лирика и родина — одно.
Что родина ведь это тоже книга,
Которую мы пишем для себя
Заветным перышком воспоминаний,
Вычеркивая прозу и длинноты
И оставляя солнце и любовь.

Ты помнишь, ворон, девушку мою?
Как я сейчас хотел бы разрыдаться!
Но это больше невозможно. Стар.

1944

1

Как бой барабана, как голос картечи,
Звучит это грозное имя — «Крым».
Взрывом оно отзовется у Керчи,
    У Качи трещаньем крыл,
Конским рыском по бездорожью,
    Криком
        пехотных
            атак,
Горным эхом, степною дрожью,
В которых сливаются пушка и танк.

Гром! Искалеченные батареи...
Гром! Батальоны поднятых рук...
Но дальше, дальше! Быстрее, быстрее!
    Степной
        отступает
            круг —
А там перед нами каменный хаос...
Хазарским карком кличут орлы.
Овчарки навстречу бегут задыхаясь,
    А в них аромат Яйлы.

И сердце бьется чаще и чаще...
Я жду, обмирая, как от любви.
Я жду, как свиданья, как острого счастья,
    Блеска морской синевы.
И вот поднимается меж тополями
Медленным
    уровнем
        с трех
            сторон
В голубизне золотистое пламя —
    Сон...

Море! Снова покой этих линий,
    Таянье красок одних.
Мы его ласково звали «синий».
Запросто. Как называют родных.

Море, море! Крымское море!

Юности моей зов...

Здесь мать, бывало, в тоскливом изморе
Ждала видения парусов;

Здесь мои сестры под утренним бризом
С купаленных свай обдирали улов
И дома с лавровым листом и рисом
Из мидий варили плов.

Здесь моя девушка пела, бледнея,
На красном занде у самой воды,
И сладострастные волны за нею
Лизали божественные следы...

Крым! Золотой ты мой, задушевный,
Наш отвоеванный кровью Крым!
Да, твои города и деревни
Тлеют под пеплом седым,

Да, не узнаешь теперь Коктебеля,
Изуродован Кореиз,
Но это же
                                небо
  при нас
  голубело.

Этот
                                пенился
  мыс!
Всё мы отстроим. Всё восстановим.
Слышите клики с Амура, с Невы?
Вновь наше знамя под нежным кровом
Нашей родной синевы.

Те же утесы. Прежние чащи.
«Синий» по-старому необозрим.
И если
                                очень
  захочется
  счастья,
Мы с вами поедem в Крым!

1944

Бывают края, что недвижны веками,
 Зарывшись во мглу да мох.
 Но есть и такие, где каждый камень
 Гудит голосами эпох,
 Где и версты по горам не проехать,
 Не обогнуть мыс,
 Чтоб скальная надпись иль древнее эхо
 Не пробуждали мысль,
 Чтобы, пройдя сквозь туманы столетий,
 Яснее дня становясь,
 Вдруг величайшая тайна на свете
 Не окликала вас.
 На карте Союза — над синей Мариной,
 Раскинув оба крыла,
 Парит земля осанки орлиной,
 Подобье морского орла.
 Какие же думы несутся навстречу?
 Что видит он, птица Крым?
 Во все эпохи военной речью
 Всегда говорили с ним.

Были здесь орды, фаланги, когорты,
 Кордоны, колонны и «цепь».
 Школою битвы зовет себя гордо
 Кровавая крымская степь.
 Недаром по ней могильные знаки
 Уходят во все концы,
 Недаром цветы ее — красные маки
 Да алые солонцы.

За племенем племя, народ за народом,
 Их лошади да божества
 Тянулись к просторам ее плодородным,
 Где соль, вода и трава.
 И не на чем было врагам примириться:
 Враги попирали врагов.
 Легендой туманились здесь киммерийцы
 Еще на заре веков;

Но вот налетели гривастые скифы,
Засеяла степи кость —
И навсегда киммерийские мифы
Ушли, как уходит гость.

Затем прорываются рыжие готы
К лазури южных лагун;
Пришел и осел на долгие годы
Овеянный ржанием гунн;
Хазары кровью солили реки,
Татары когтили Крым,
Покуда приморье держали греки,
А греков
теснил

Рим,
Чтоб, наступая на польский панцирь
Медью швейцарских лат,
Дрались с генуэзцами венецианцы
Кровью наемных солдат.

Мешались обычаи, боги, жены,
Народ вливался в народ.
Где победивший, где побежденный —
Никто уж не разберет.
Копнешь язык — и услышишь нередко
Отзвуки чуждых фраз,
Семью копнешь — и увидишь предка
Непостижимых рас.

Здесь уж не только летопись Крыма —
Тут его вся душа.
Узнай в полукруглых бровях караима
Половца из Сиваша,
Найди в рыжеватом крымском еврее
Гота, истлевшего тут, —
И вникнешь в то, что всего мудрее
Изменчивостью зовут.

Она говорит языком столетий,
Что жизнь не терпит границ,
Что расам вокруг своего наследья
Изгородь не сохранить,

Что даже за спесью своей броненосной
    Не обособлен народ,
А судьбы народа не в лепке носа,
    Не в том, как очерчен рот.

Об этом твердит обомшелая дата
    Любых горделивых плит.
Но вот в кургане царя Митридата
    С биноклем засел замполит.
Вокруг за тонной взрывается тонна,
    Над ней огневой ураган,
Но ухом черного телефона
    Слушает царский курган:
Откуда-то голос девически чистый
    Россию к трубке зовет:
«Сегодня германские коммунисты
    К вам
        приведут
            взвод».

В ответ произносит говор московский:
    «Отлично. Благодарим».

И вот уже новой чертой философской
    Обогатился Крым.
Исчезли и скифы, и гунны, и готы,
    Как все, кто жил для себя;
Сгниют по дотам фашистские роты,
    Клыками землю свербя,
Но над курганом фашиста и скифа,
    Над щепками их древка
Подхвачено ветром и будто живо
    Знамя большевика.

Страна Советов! Ясна твоя тайна:
    Ты быт превратила в путь!
Ты стала, отчизна моя, не случайно
    Навек свободна от пут —
Твой гений, себя грядущему отдав,
    Обрел над будущим власть,
Недаром стая отважных народов
    В полет с тобой поднялась.

Пушкой у одних раскосые веки,
Прямые пусть у других,
Но сходство одно спаяло навеки
Гордые души их:
Оно порождает новую расу
Под дикий расистский рев.
Мы те, кто трудом пролагает трассу
В мир, где не будет рабов.

1945

112. КАНДАВА

Мне снился накануне сон: иду
с женою рядом где-то в Освенциме
или в Майданеке. Иду пред строем
фашистских серо-голубых солдат,
и мириады ненавистных глаз —
презрительных, насмешливых, злорадных,
а то и просто любопытных — смотрят
на то, как мы идем на гибель.

Я
испытывал страданье не от страха.
Я никогда не ужасаюсь там,
где угрожает смерть.

Однажды в детстве
я задержал дыханье, чтоб узнать —
могу ли я без воздуха?

Проходит
минута. У меня в руке часы.
Три сказочные золотые рыбки
стоят в аквариуме циферблата
и еле дышат... Еле-еле дышат...
Невыносимо! Может быть, вздохнуть?
Нет, нет...

Нельзя...

Теперь уже нельзя...
Я слишком многого уже добился.

И вдруг мне стало так легко-легко,
так радостно и даже окрыленно,
как чайке, вынырнувшей из воды.

Но отчего же я лежу плашмя?
А рядом... рядом часики мои,
разбитые, как маленькое сердце?
Я приходил в себя.

Я узнавал
окно... картину... собственные пальцы...
И вдруг я понял — сразу и навеки —
необходимую для жизни вещь!

Я сразу понял: смерть неощутима,
неслышима, как тополевыи пух.
А бред агонии, а ужас смерти,
сознание конца — не смерть, но жизнь.
Покуда я еще страдаю — жив я!
Покуда гибелью охвачен — жив я!
Покуда умираю в страхе — жив я!
А смерть? Ее мы просто не заметим.
Подумайте! Как это хорошо...
Нам только жить! Нигде и никогда
мы не увидим собственного трупа.
Мы умираем только для других,
но для себя мы умереть не можем —
и смерть для нас есть только мысль о смерти...
С тех пор я перестал бояться страха.

Итак, страданье пламенем лилось
в моей груди. Но не от страха, нет!
А оттого, что разлучат меня
с моею спутницей за час до казни,
и в этот час ей станет страшно так,
что я умру от боли.

Между прочим,
наука ничего не говорит
о людях, переживших потрясенье
во сне.

Бывают маленькие жизни,
анкетное пространство у которых
не более трамвайного билета:
«Не привлекался».
«Не служил».
«Нет».

«Не был».

А между тем... Да что мы можем знать
хотя б о тех, кто утром не проснулся?
Идут за гробом родичи его
и тихо говсрят:

«Вот это смерть!

Уснул — и нету. А? Иван Иванович?
Вот кабы нам такую ж!»

Ну, а что,
коли покойный в пять часов утра
трагически погиб в кошмарном сне,
растерзан черною пантерой в джунглях?
Вы скажете, что всё же есть различье
меж сном и явью. Да! Но для ума.
Для сердца же его не существует,
иначе бы оно не разрывалось
от зрелища пантеры. Значит, сон
для нас как бы вторичная реальность.
И если есть «пейзаж души» и карта,
где можно бы его изобразить, —
отметьте на моей: «Майданек».

Впрочем,
рассказ мой не об этом. Я отвлекся.

Восьмого, накануне Дня Победы,
германская 172-я
дивизия кандавского плацдарма
прислала своего парламентарера
под белым флагом: «Если пал Берлин,
что толку в неприступности Кандавы?»
Командующий с этим согласился,
и два автомобиля марки «ЗИС»,
поставив красный вымпел, покатали
через передовую — в глубину
немецкой обороны.

Вот река
по имени Абава. Голубая,
она через неделю стала б красной.
Березовая рощица над ней —
она из белой черною бы стала.
И, наконец, Кандава-городок,

который бы через пятнадцать дней
остался лишь в оперативной сводке.

На первой же стене большого дома
окликнул, точно голос часового,
готическими буквами девиз:
«Sieg oder Tod!»¹

По улочке шагали
под барабан и пикколо солдаты,
карикатурно отбивая шаг.
Фашистский офицер на курц-галопе
с ленивым видом их окинул взглядом
и, угадав «тотальщиков», брезгливо
ленивый взор свой перевел на нас.

Приятно было видеть, как монокль
от изумленья соскользнул с орбиты,
и лейтенант, ловя его губой,
панически следил за нашей пылью,
стараясь, видимо, запомнить номер
на всякий случай.

А на перекрестках
торчали патрули комендатуры
и, также ничего не понимая,
на всякий случай отдавали честь.
Опять блеснула сизая Абава,
еще не ставшая кровавой.

Снова
пошли навстречу белые березы...
И вдруг открылся мокрый, как палитра,
огромный,

яркий,
луговой плацдарм,
где в три ручья текла струя ромашки,
несущая запекшиеся пятна
кровавых маков.

А на том плацдарме

---

¹ Победа или смерть! (Нем.) — *Ред.*

германская дивизия стояла,
построенная в виде западни.

Нас было семь советских офицеров
при генерале В. От наших линий
нас отделяли два часа езды.
На нас глядело десять тысяч глаз.
Полкилометра ножевых штыков
переливались синевой Абава
и вспыхивали серебром.

Машины
остановились. Генерал сошел
и поглядел из-под руки на строй.
Еще не видя лиц, он оценил
новехонькие куртки и фуражки,
новешенькие сумки и ботинки
и новое оружие. Пред нами
стояли своры молодых убийц,
которые не помнили о Гете,
которые о Канте не слышали,
которые считали, что Бетховен
был парикмахером на Фридрихштрассе,
зато прекрасно лаяли «Хайль Гитлер!»
и верили, что хищность победит.

Нас было семь советских офицеров
при генерале. Мы вошли в каре,
как входят в клетку. Что нас отделяло
от их клыков? Один бы только крик —
не командира, нет! — любого парня
из этой пятитысячной толпы —
и восемь пятен, точно восемь маков,
ушли бы в зелень. Что нас отделяло?
Что берегло? Нас было только восемь.
Но яростное зарево Берлина
с багровым стягом в небе над рейхстагом
мерещилось за нашими плечами.
И мы вошли в звериное каре,
как входят укротители.

И тут-то
мне вспомнился вчерашний мой кошмар...

Вот, вот они, те самые глаза,
что на меня со спутницей глядели,
когда мы шли на гибель. Я узнал
вот этого!

И вон того!

И тех...

Скажи-ка им: «Майданек», «Бабий Яр»,
«Треблинка» или «Керчь». Они поймут.
Они оттуда!

Почему ж теперь
глядят они собачьими глазами?
Где ваша волчья стать?

Ведь нас же восемь!
Всего лишь восемь сабель на плацдарме!

У капитана, что стоял на стыке
двух батальонов, — нарукавный знак.
То был щиток из бронзы, на котором
я разглядел чеканку очертаний
расстрелянного Крыма.

Боже мой!

На нем оттиснут пунктом «Симферополь»...
(Я там родился.) «Севастополь»! (Здесь
я обучался воинскому делу.)
Евпаторийский берег — берег муз,
где занялась любовь моя и песня.
И, наконец, от древности седая,
заваленная пеплом, как Помпея,
до пузырей пропитанная кровью,
вершина всех моих мучений — Керчь!
Я сам не помню, как это случилось...
Я, как лунатик, подошел к нему
и посмотрел в глаза.

Готов поклясться,
что я их видел.

Видел накануне
в Майданеке.

И спутница моя,
наверное, узнала б их мгновенно.

«Verzeihen Sie, Herr Hauptmann»,¹ — говорю
со всевозможной вежливостью в тоне,
и, ухватившись пальцами за Крым,
я потянул щиток и вырвал. С шерстью!
Такого совершенного блаженства
еще я не испытывал ни разу.
Нужна была смертельная угроза
всему, что я любил, чему со школы
я поклонялся, что боготворил:
стихи,

любовь,
Россия,
коммунизм...

«В чем дело?» — обернулся генерал.
Но, увидавши на ладони бронзу
с любимыми моими городами,
он усмехнулся: «Землячка нашел?»
А «землячок» стоял передо мной,
не зная, как держать себя.

Казалось,
он видит сон: как будто в Освенциме,
где перед строем голубых солдат
шли восемь пленных, — вдруг один из них
спокойно отделяется от прочих,
небрежно направляется к нему,
протягивает руку и срывает
с него,

с него —

эсэсовца,

арийца —

эмблему покоренья Крыма. О!
Ему, должно быть, бешено хотелось
рвануть из кобуры свой черный «вальтер»,
или клыками впиться мне в кадык,
или хотя бы выругаться!!

Но —

парализованный законом Краха,
раздавленный обвалом фатерланда,

---

¹ Извините, господин капитан! (Нем.) — *Ред.*

до глухоты историей контужен,
молчал.

А в этом яростном молчаньи
я слышал шум красноармейских стягов,
бравладу труб и грохот барабанов,
и ликованье мертвых голосов
из пепла, из поэм, из сновидений!

1945

Дзинтари

2-й Прибалтийский фронт

118. КТО МЫ?

Еще не все подведены итоги,
Не все еще вопросы решены,
Но время гонит — и в его потоке,
Как льдины, тают вековые сны.

Есть предрассудки хуже суеверий.
Давно ушли, язычество пленив,
И чудо-птицы, и чудные звери,
А всё еще в России видят... миф.

Его связали с колдуном Бояном,
С ковыль-травой да шкурами орды
Не для того ль, чтоб этим обаяньем
Совсем иные замести черты?

Зайди в любое русское село,
Таежное, прибрежное, степное, —
Вглядись в него, отбросив наносное,
Когда тебя не ложью занесло:

Тут лешака не поднимают совы,
Зато иной зеленогривый дед
Перед колхозом — языком Толстого
Толкует про былой про недоед.

Не зря он дружбу с коммунизмом водит:
Печется он не о своем доме,

Он мир честной на линию выводит,
Гудя баском в махорочном дыму.

Но европеец так уютно свыкся
С языческою «тайною» Руси,
Что видит в ней загадочного сфинкса,
Живой души не чуя и вблизи.

Эсерщина Европу пропитала
Певучей дудкой леших да шишиг,
Их поощряли боги Капитала:
Им по сердцу Москва à la moujik. ¹

Им выгодна российская отсталость,
Лесная дичь, хлыстовство, колдовство...
Всё это в европейце отстоялось,
Коснулось философии его, —

И он прикован к образам привычным,
Он смотрит в пожелтевшие очки...
Летит Мересьев небом заграничным,
Корчагины ведут броневики,

И с «диамамом» в сумке над коленкой,
Едва под каской косы заколов,
На дончаке Людмила Павличенко
Глядит поверх восторженных голов.

Но... горестно прихлебывая кофе,
Политики из модного кафе,
Не нюхавшие пороха и крови,
Ни звука не понявшие в Москве,
Качают головою попугая,
Друг друга элегически пугая:

«Да... Всё как древле... Сбитые короны,
Лоскутья карты и солдатский суд,
И так же по столице покоренной
В дыму пожара полчища идут,

---

¹ Мужицкая (франц.). — *Ред.*

А мы, как римляне перед ордой,
Мы угасаем в дымке золотой. . .»

О ты, неугасающая пошлость!
Просачиваясь гнусно сквозь века,
Как запах, путешествуя без пошлин,
Ты отравляешь мир исподтишка.

Наивничать не время и не место.
Что воскресило ваш закатный пыл?
Неведомый вам дух красноармейца
Отрекомендоваться позабыл?

Извольте: ваш сосед! Его держава —
Та золотая Русь, что встарь
Костями у ваших замков задержала
Из Азии нахлынувших татар;

Та истовая, что во время оно,
Заслыша Бонапартовы шаги,
Развеяла орлов Наполеона,
Всем племенам вернувши очаги;

Та самая, что, выходя на тропы,
Где проходила конница отцов,
Омыла кровью площади Европы
От черной желчи гитлеровских псов.

Еще не все подведены итоги,
Но Скифия давно уж ни при чем.
Обдумайте державу на Востоке,
Европу отстоявшую плечом!

Мы душу, как святыню, проносили
Сквозь иго хана, сквозь муштру царя,
Не потому ли в пасмурной России
Могла взойти Октябрьская заря?

И, вынесшие кандалы да плети,
Куда бы судьбы нас ни занесли,

Мы принимаем первыми на плечи
Любое горе матери-земли.

Нет, мы не скифы. Не пугаем шкурой.
Мы пострашней, чем копыеносный бой.
Мы — новая бессмертная культура
Мильонов, осознавших гений свой.

Нам не нужны ни ваши цитадели,
Ни пахоты, ни слитки серебра, —
Поймите же: иной, великой цели
Народ-мыслитель посвятил себя.

Как эти танки заняли дороги,
Так и уйдут, когда увидим прок.
Еще не все подведены итоги,
Но к вам пришла Россия, как пророк!

1945
Кенигсберг

ПЕСНИ И МОНОЛОГИ

114. МАРШ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Шумит побуревшее знамя,
Порывы его горячи.
Военная песня над нами,
Гражданские с нами грачи.

Что нужно еще на походе?
Не птица ли? песня? да стяг?
При самой ненастной погоде
Бессменно они на постах.

Идем мы речушкою мелкой,
Идем по раздолью лугов.
Штыки — как секундные стрелки:
Сто двадцать в минуту шагов.

Люблю этой поступи грохот,
Поротные ритмы дорог;
В них моря народного рокот,
Страны дорогой говорок.

И ветер я чувствую братом,
И матью — воздух полей,
Шагая армейским квадратом,
Манеркой бряцаю своей.

Товарищи! Голову выше!
Кто в мире счастливее нас?
Идем мы, знамена колыша,
Любимцы трудящихся масс!

Пройдем мы сквозь шторм и ненастье,
Сквозь каждый окоп и редут,
И с нами Свобода и Счастье,
Как два знаменосца, идут!

1940

115. ВОЕННАЯ ПЕСНЯ БАБКА

Ты не пой по горам, вода!
Опаленный ветер, остынь!
Будь безмолвнее, чем всегда,
Серебристая ночь пустынь!
Не качай оперением, тис,
Белый дым костра, опустись!
Не шурши, не свисти, змея,
Чтобы слышалась песнь моя!

Угнетатели ночью спят.
Угнетателей не примешь.
Угнетенные копят яд...
Угнетенные точат нож...
Так бывало из века в век:
Угнетенный велик человек!
То, что было множество раз,
Повториться может сейчас.

Если я найду свой конец,
Не успевши знамя поднять, —
Ты забудь меня, мой отец,
Ты забудь меня, моя мать...
Даже ты забудь, о жена:
Ты другому будешь нужна.
Но, свершив погребальный обряд,
Не забудет меня мой брат.

Он уйдет в ущелье, рыча,
Он покинет и мать и жен.
Он сверкнет голизной меча,
С дымом вырвав его из ножен.
Он зажжет на горе костер —
И откликнется наш простор!
И джигиты в его дыму
За свободой пойдут к нему.

Так не плачьте, друзья, во мгле!
Подымайся, кто молод и зол:
Если тень орла на земле,
Значит, близок этот орел!
Верь в него, не видя его!
Больше я не скажу ничего:
Золотая узда — коротка.
А златая песня — кратка.

1940

116. ПЕСНЯ 72-й КУБАНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИИ

Из-за леса, леса конница идет.
Сам Василь Иваныч Книга нас ведет.
(Ты, Кубань моя, родимая река!)
Сам Василь Иваныч Книга нас ведет.

Генерал от знаменосца в двух шагах,
Первый полк выходит в синих башлыках.
(Ты, Кубань моя, родимая река!)
Первый полк выходит в синих башлыках.

То не маки зацвели по-над горой —
Это в красных башлыках идет второй.
(Ты, Кубань моя, родимая река!)
Это в красных башлыках идет второй.

В башлыках голубо-серых третий полк.
Все мы знаем перед родиной свой долг.
(Ты, Кубань моя, родимая река!)
Все мы знаем перед родиной свой долг.

Как раскатится сигнальщика труба —
Растуманится военная тропа.
(Ты, Кубань моя, родимая река!)
Растуманится военная тропа.

Тут уж, конь мой, только гривой полыхай,
Птицей-птахою над полем пролетай!
(Ты, Кубань моя, родимая река!)
Птицей-птахою над полем пролетай. . .

Чтобы славушка по травушке пошла,
Грозной тучею под ветром поплыла.
(Ты, Кубань моя, родимая река!)
Грозной тучею под ветром поплыла.

Чтобы враг уже по топоту подков
Узнавал бы нас, кубанских казаков.
(Ты, Кубань моя, родимая река!)
Узнавал бы нас, кубанских казаков.

1942
*Действующая армия,
72-я Кубанская дивизия*

117. ПЕСНЯ КАЗАЧКИ

Н. Асееву

Над рекой-красавицей птица не воркует —
Голос пулемета заменил дрозда.
Там моя заботушка, сокол мой воюет,
На папахе алая звезда.

Я ли того сокола сердцем не кормила?
Я ли не писала кровью до зари?
У него, у милого, от его да милой
Письмами набиты газыри.

Письма — не спасение. Но бывает слово —
Душу озаряет веселей огня.
Если там хоть весточки ожидают снова,
Это значит — помнят и меня.

Это значит — летом ли, зимней ли порошей
Постучит в оконце звонкое ружье.
Золотой-серебряный, друг ты мой хороший,
Горюшко военное мое.

Над моей бессонницей пролетают ночи.
Как закрою веки — вижу своего.
У него, у милого, каренские очи. . .
Не любите, девушки, его.

1943
72-я Кубанская дивизия

118. МОНОЛОГ ИОАННА ГРОЗНОГО

Из трагедии «Ливонская война»

Ливония! Утратил я тебя.
Но зря ли за тобой я загубил
Десятки тысящ всяческого люда?
И зря ль мы двадцать лет провоевали?
Нет, Курбский, нет! Мы унесли оттуда
Безмерный

окияна

кругозор,

И он заляжет в памяти державы!
Пройдут года. И я почию в бозе,
Истлею, обращуся в прах и персть.

Но образ мой видением восстанет
И веющим дыханьем понесется
Сквозь поколения и через века.
Облитый кровью, ядом оскверненный,
Опутан паутиной лжесвидетельств,
Он явится потомкам в белизне
Своей заветной думы о Руси —
И кто б ни восседал тогда на троне,
И кто б тогда помазанником ни был
В пресветлом православии своем —
Почует он явление мое!
Пускай, над договорами склонившись,
Он сквозь пергамент вечно видит море!
Пускай его любимым камнем будет
Не изумруд зеленый, что находит
Разрыв-траву и отпирает клады,
Не желтый яхонт, дев приворожитель,
Да не гранат, что кровь заговорит,
А покровитель мореходов — синий
Сапфир!

Пускай он мучается блеском,
Да шумом пены, да песка сипеньем!
Пускай ему б не пелось и не елось,
Пускай бы не пилося и не спалось,
Пускай хоть помешается на синем!
Хоть черту душу — только бы Руси
Не задохнуться... Только бы под ветер...
Ах, только бы пред нею, золотою,
Серебряная распахнулась даль...

(1944)

119. ПЕСНЯ

Волна балтийская легка.
Кружится пена в лепете.
Летят под небом облака
Осанисто, как лебеди.

Они проходят лунный серп,
Слепым дождем звенят они,

И меховые почки верб
Нахохлятся зверятами.

«Куда летите, облака,
И много ль вами пройдено?»
— «Издалека, издалека
Домой, домой, на родину!»

И я лечу за ними вдаль,
Охлестан пеной сивою.
Весна идет... Поет вода...
На родину! — Счастливые.

На родину, где дом родной
На бугорке за чащею,
Где имя девушки одной
Как серебро звучащее.

Они над домом будут плыть,
Окутывая здание,
Они почуют, может быть,
Усталость ожидания,

И, может быть, задержат путь
Над девушкой угрюмою,
И занесут в девичью грудь
Любовь мою, тоску мою.

И станет боль ее как мед...
Она за сердце схватится!
Весенний ветер обоймет
Ее простое платье.

И в этом ветре голос мой
Почудится с усталости:
«Побью врага, вернусь домой —
Недолго ждать осталось;

За мной Москва, за мной Эльбрус,
Но дальше рвется кровь моя!

Врага побью — домой вернусь,
Тоска моя, любовь моя. . .»

И тут мое серебрецо
Заплачет, расхо́чется,
Целуя ветерок в лицо,
Лепеча всё, что хочется.

1945

*Замок Яунпилс,
2-й Прибалтийский фронт*

120. ТРУД

(Философский эскиз)

О. Резнику

Есть в труде такое же величье,
Как в больших сраженьях на войне:
Та же карта — обозримость птичья,
Где масштабы с фронтом наравне,
Тот же план, и в этом четком плане
Те же штурмы, где за брата брат,
Стяга боевое полыханье,
Воля наступающих бригад.

Есть в труде такое же волненье,
Как и в сотворении стиха:
Здесь иное чудное мгновенье
До слезы проймет из пустяка —
И глядит сталелитейный лирик,
Не узнать знакомого лица...
Это унесла его на крыльях
Муза вдохновенного литья.

Есть в труде такое же познание,
Как в академических томах:
По былинке, по ее качанью
Пахари пророчат о громах,
Рыбаку не водная ль утроба
Лунные повадки выдает?
Любопытство — древняя учеба —
Все науки двигает вперед.

Но ведь воля, чувство и мышление,
Друг для друга действовать спеша,
Создают то самое явление,
Что звалось по-старому *душа*.
Значит, если мыслить без рутины,
Ясно, что душа и труд — едины.

А отсюда очень важный вывод!
Труд — основа нравственности всей.
Труженик душою не фальшивит,
Спекулянт же вечно фарисей,
Фарисею идеал не нужен:
Бог ли, черт ли — он и там и тут.
Значит, нетрудящийся бездушен,
Значит, и бездушие не труд.

И затем еще одно, пожалуй,
Хочется сказать мне иногда:
Красота берет свое начало
В одухотворенности труда.
Всё, на что я, мастер, посмотрю,
Приобщается великой тайне:
В мире всё, чего коснется труд,
Обретает душу и дыханье.

Видишь мрамор? Это просто кальций.
Химия. Породистый кристалл.
Но коснулись этой глыбы пальцы —
И Венерой вышла красота.
Так во всем и всюду. Пусть природа
Часто безупречно хороша,
Но волнует глубже труд народа,
Потому что труд и есть душа.

Как ни скорбно ивы нынче пели
Под плаксивый дождика мотив,
Но рыдание виолончели
Трогательней всех плакучих ив:
Всё слилось вот в этой струнной гамме,
И недаром, выходя из нот,

Дерево с плакучими ветвями
На концерте под дождем поет.

Кстати, ивушку задевши краем,
Я скажу при всей любви моей:
Мы ведь сами иву наделяем
Женственностью наших матерей,
Мы ведь сами заставляем плакать
Равнодушный дождик иногда,
А без нас — ведь это только слякоть,
Попросту холодная вода.

Отчего, когда глядим на волны,
Видим вечность и судьбу людей?
Отчего, почуя ветер вольный,
Чувствуем мы свежесть наших дней?
Отчего пургу зовем «седою»,
«Шепот» слышим там, где камыши?
Оттого, что втайне красотой
Мы зовем полет своей души.
Что способно вызвать это чувство,
То красиво. В этом суть искусства.

Но ведь чувство зреет век от века,
Красота с развитием заодно,
Где предел полету человека,
Вырастать которому дано?
Кандалов распиливая звенья,
Покоряя за верстой версту,
Мощные народные движенья
Всюду открывают красоту.
Даже то, что не было красиво,
Вдруг в большой неповторимый час,
Грянув о сердца, как об огнива,
Полымем охватывает нас.

Если есть на свете божество —
Это труд и чудеса его.
Древле сделав зверя человеком,
Все мечтанья обостряя в мысль,
Труд ведет историю по векам
Поступью железной в коммунизм,

И под ритмы поступи железной,
Ощущая труд как волшебство,
Вырастает пламенный и честный
Век — душа народа моего.

1946

121

Я живу в столице, ты в тайге.
Дням разлуки ни числа, ни счета.
Я живу в печали, ты в тоске —
Между нами только самолеты.

Много ли расскажет письмецо,
Краткий вздох в бумажке полосатой?
Скоро для тебя мое лицо
Растворится в буквах адресата.

Да и я не прыгну через кряж:
Очертанья мреючи да зыбки...
Помню только алый карандаш
По излучинам твоей улыбки.

Отчего ж наперекор всему
Мы не разлучаемся в разлуке?
Отчего по-прежнему к письму
Тянутся порывистые руки?

Для меня ты — зорька-лисий-хвост,
Да пурга, да бел-горюч-алатырь;
Для тебя я — Москворецкий мост,
Планетарий и Большой театр.

1946

122. ПРОЛОГ (К ТРАГЕДИИ «ЧИТАЯ „ФАУСТА“»)

Когда возвращаешься с фронта после большой войны,
Дома все твои чувства будто обновлены.

Штатский костюм хотя бы. Это почти поэма!
Карманы. Уйма карманов. Брюки, пиджак, жилет.

Тут что ни вещица — находка.

Что ни бумажка — проблема.
Чья-то подробная жизнь, застывшая за пять лет.

Взволнованно в зимней шубе нащупаешь пачку
«Казбека»!

(Оказывается, товарищ курил до войны «Казбек».)
И вот в шоколадном дыме плывут черты человека,
Которого знал когда-то, но уж не встретишь век.

Это всего папироса. Но ты ощутил впервые,
Что навсегда между вами — пороховая мгла.
От этого в маленьких тайнах старые кладовые,
Ящики выдвижные письменного стола.

Заметки... Записки... Блокноты...

Мелькают знакомые строки.
В полузабытых мыслях немало буйных кудрей.
Тот был лихой да шумный. А ты осторожный, строгий.
Тот наивный да жаркий. А ты спокойней, мудрей.

Но больше всего волнует бронза ветхого тома.
Взглянул — и услышал голос... И в комнате эхо цитат.
Снимай же, снимай его с полки! Итак, наконец ты дома.
Скорее усядемся в кресло. С ногами. Как дети сидят.

Как можно любить природу,
так можно любить и книгу.

Бывают такие книги, что в мире живут, как пейзаж:
Иная полна светотени, весны и птичьего крику,
В другой океан несется на золотистый пляж,

И можно дышать озоном или сосновым духом,
Хижину в ней построить (где-нибудь на «полях»)
И с автором у камина советоваться, как с другом,
Или в эскизы женщин влюбляться на первых порах.

Ты думал: сейчас упоенно перелистаешь страницы —
Как лебединые крылья, раскинется разворот,
И книга тебе поможет от горестей отстраниться:
Знакомый сосновый запах юность тебе вернет.

Но что с тобой сотворили эти военные годы?
Юность, пришедшую в гости, отвергли запросы твои!
Видно, не только шаганьем были наши походы,
Не только седым нагаром в душе оседали бои.

Как прежде, звучат органом величественные строфы,
Опять в очертаньях поэмы восходит гора за горой...
Но вдруг тебя охватило предчувствие катастрофы:
В чем-то вдруг изменился боготворимый герой.

И вот уж иные строки теперь нависают, как иго.
Новый являет облик с детства изученный том.
Ты ли не тот, что прежде,
или седеет книга,
Но явны черты больные в старом друге твоём.

Тебя почти лихорадит... Ты хочешь его дополнить!
Что-то навеки вычеркнуть! Где-то увлечь вперед!
И страшно, как от кощунства...
И так пролетает полночь.
Дрожащие твои руки гладят сухой переплет.

Заря петухами пропела. Но ты, согбенный недугом,
Всё еще с книгой шепчешься, как со своей судьбой.
А это у книжной полки спорят века друг с другом,
Это ведут поединок столетия меж собой.

1947

123. О РОДИНЕ

За что я родину люблю?
За то ли, что шумят дубы?
Иль потому, что в ней ловлю
Черты и собственной судьбы?

Иль попросту, что родился
По эту сторону реки —
И в этой правде тайна вся,
Всем рассужденьям вопреки.

И, значит, только оттого
Забить навеки не смогу
Летучий снег под рождество
И стаю галок на снегу?

Но если был бы я рожден
Не у реки, а за рекой —
Ужель душою пригвожден
Я был бы к родине другой?

Ну, нет! Родись я даже там,
Где пальмы дальние растут,
Не по судьбе, так по мечтам
Я жил бы здесь! Я был бы тут!

Не потому, что здесь поля
Пшеницей кланяются мне.
Не потому, что конопля
Вкруг дуба ходит в полусне,

А потому, что только здесь
Для всех племен, народов, рас,
Для всех измученных сердец
Большая правда родилась.

И что бы с нею ни стряслось,
Я знаю: вот она, страна,
Которую за дымкой слез
Искала в песнях старина.

Твой путь, республика, тяжел.
Но я гляжу в твои глаза:
Какое счастье, что нашел
Тебя я там, где родился!

1947

У истории плохая память!
Сколько раз по милой по земле
Красноглазое бежало пламя,
Обрекая красоту золе;

Сколькo раз по камешкам, по чуркам
Возрождались улицы рядком,
И опять гордились Петербургом
Или Хиросимой-городком.

И опять над невской ли волною
Или подле Пáсифик-волны
Парочки вздыхают под луною
В пасти отдыхающей Войны.

Много дел сегодня у поэта,
Но одно насущнейшее: это
Трауром по убиенным быть,
Медью стансов, бронзою сонета,
Лавой колокольной —
в зиму, в лето —
Память человечества будить.

1947

125. СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА

Итак, родная, вот уж четверть века,
Как мы с тобою за руки взялись,
Чтобы идти дорогой в голубое.
То «голубое» от тяжелых туч
Бывало черным. От военных залпов
Бывало желтым, сизым и багровым.
Но... серым не бывало никогда!

Мы радовались, горевали, злились,
Томились, тосковали, упивались,
Блаженствовали, падали, ползли,
Опять вставали и, хромя, шли,
И снова спотыкались, но нигде —
Не правда ли, родная? — не скучали.

Так четверть века прожиты как день!
Я серебрист. Лицо мое в морщинах.
Утратив молодое обаянье,
Теперь бы я тебя уж не пленил.

Но ты глядишь веселыми глазами
Сквозь маску моего лица и видишь
Меня таким, каким в твоей душе
Я отражен при вспышке молнии — навек.

Что седина, когда все чувства наши
Устремлены вперед? Когда мы можем
Чего-то ждать — но ожидать дано
Лишь молодости. Мертвые не ждут.
Быть может, человеческая жизнь
Всего лишь вечный пафос ожиданья.

Гляди же гордо, милая моя.
Грядущее — вот где отчизна наша!
Пускай мы до него не добредем,
Пускай его увидят наши дети,
Но мы с тобой, подруга дорогая,
Убеждены, что будущее: вот!
Лишь перейти вон ту крутую гору,
В конце концов не очень и большую.
А там уж... там... И с этим убежденьем
Как жили мы с тобой, так и умрем.
Как знать? Быть может, мы умрем от счастья...
(Я так мечтаю, чтоб случилось это
Для нас двоих в один и тот же час.)

1949

126. ПЕСНЯ

Из трагедии «От Полтавы до Гангута»

От Полтавы до Гангута,
Устремившись на бой,
От вельможи до рекрута
Шла Россия за тобой.

Гей, море, наше море,
Шла Россия за тобой.

Ты, пришед в огне и дыме,
Вышиб Карлова орла,
И твое презнатно имя
Слава к небу вознесла.

Гей, море, наше море,
Слава к небу вознесла.

Ты вступил на север дикой,
Благодарствуя судьбе.
Что не смог Иван Великой,
Удалось то тебе.

Гей, море, наше море,
Удалось то тебе.

Ну, а море-то бурунно,
Пенно, дымно, солоно,
Хоть и лоно есть Нептуна, —
Покорилось оно.

Гей, море, наше море,
Покорилось оно.

Так пускай по этим волнам
Наша Русь летит вперед,
Чтобы радостным и вольным
Жил великий наш народ!

Гей, море, наше море,
Жил великий наш народ!

1949

127

Все девки в хороводе хороши,
Здесь кажется красавицей любая —
Вон ту расцеловал бы от души!
Но вытащи ее на свет: рябая.

Не так ли и строка стихотворенья?
Вглядишься — не звучна и не стройна,
Вернешь ее стихиям — и она
Вся пламя, вся полет, вся вдохновенье!

1949

128. В ОПЕРАЦИОННОЙ

Л. Озерову

В белых колпаках и полумасках
Люди копошились надо мной.
Я лежал в каких-то ядах вязких,
Голый, выпотрошенный, срамной.

Я тогда, наверное, был жуток.
Доктор — алкоголик и добряк —
Вытащил на божий свет желудок
И сказал спросонья: «Рак».

Я увидел тинистую воду,
Тени окружающих лозин. . .
Там, должно быть, в тихую погоду
Раки лезли в глубину корзин.

Хорошо над этою рекою
В гробике бы, скорчившись на треть. . .
Только бы оставили в покое,
Дали потихоньку умереть.

Надоело обрываться с верха
В заболоть унылого житья.
Бился я всегда за Человека,
А меня боялись не шутя.

И выходит, не был я полезен,
Как пилот, что ездил на быках.
Может быть, и вся моя болезнь —
Разочарование в богах.

Голос мой на шпиг громоотвода
Вечно нарывался потому.
Тишина. . . Лоза глядится в воду. . .
Сладко здесь могильному холму.

Только подымается всё выше
У воды тенистая лоза,

И над марлевой повязкой вижу
В зеленинке женские глаза.

Чьи они? Всю душу им вверяя,
Чувствую: из самых из родных,
Жаркий живчик из земного рая
Перепрыгнул в кровь мою от них.

В барабанных перепонках — трельки,
Сердце трепыхнулось, как турман,
Полутруп с желудком на тарелке
Слабо улыбнулся сквозь дурман.

Вспомнилось про молодость, про солнце,
Потянуло драться и дружить...
Алкоголик поглядел спросонья:
«А пожалуй, будет жить!»

1950

129. СОНЕТ

Я никогда в любви не знал трагедий.
За что меня любили? Не пойму:
Походка у меня, как у медведя,
Характер — в пору ветру самому.

Был, правда, голос. Но бывали меди
Сродни виолончельному письму;
Умишко? Но иного по уму
Приравнивали мы к самой комете.

А между тем была ведь Беатриче
Для Данте недоступной. Боже мой,
Как я хотел бы испытать величье
Любви неразделенной и смешной,

Униженной, уже нечеловечьей,
Бормочущей божественные речи.

1950

ЭТЮД 1

Никуда души своей не денем.
Трудно с ней, а все-таки душа.

Я тебя узнал по сновиденьям,
Снами никогда не дорожа,
Я тебя предчувствовал, предвидел,
Нехотя угадывал вдали,
И когда глаза твои, как выстрел,
Мне зрачки впервые обожгли,
И когда вокруг необычайно
Сплетня заметалась, как в бреду,
Я всё это принял, как встречают
Долгожданную беду.

ЭТЮД 2

На безлунье в бору высоком,
Где чернели даже луни,
Угадал я не глазом, но оком
Ледяные твои огни.
Только ночь с ее странною мерой
Так могла подшутить надо мной.
С небосклона скатилась Венера,
Изменяя порядок земной:
Оползала полночная мрачность,
А туман занялся по низам,
И такая возникла прозрачность,
Словно фосфор весь мир пронизал!
Излучались коряги да жерди...
В Млечный Путь претворилась река...
В этот миг я увидел бессмертье!
Ты же видела лишь... старика.

ЭТЮД 3

В день, когда по льдинам Заполярья
С ледокола на Чукотский берег
Шел я на собаках в океане,
Бородатый, тридцатитрехлетний, —
Где-то в Польше родился ребенок:
Девочка со льдистыми глазами.
Я увидел их и содрогнулся:
Арктика сквозь мили, сквозь туманы
Вырубила деву изо льда.
Девушка смеется, веселится,
Будущему детски улыбаясь,
Упиваясь юностью, успехом,
Дружбою, любовью. . . Ну и пусть.
Ей ведь, упоенной, невдомек,
Что она задумана природой
Лишь затем, чтобы войти в поэму!
В черный день ледового похода
Для меня *Алиса* родилась.

ЭТЮД 4

Она мне постоянно говорила,
Что у нее жених, что он красавец
И что, мол, нет на свете человека
Такого некрасивого, как я.
И вдруг однажды очень удивленно:
«А знаешь? А ведь ты похож на тигра!»
А я подумал: нужен только образ,
Чтоб увидеть в уродстве красоту.

ЭТЮД 5

Я часто думаю: красивая ли ты?
Не знаю, но краса с тобою не сравнится!
В тебе есть то, что выше красоты,
Что лишь угадывается и снится.

ЭТЮД 6

Я не смею тебя ревновать ни к кому.
Будь на всё твоя воля девичья.
Но безумно ревную лишь к одному:
К вековому слову Мицкевича.
О, как плещет в устах твоих польская речь,
Ключевая да серебристая!
Как умеет она прямо в душу истечь,
Утоляющая, словно истина!

Ни о чем я тебя не прошу, не молю,
Лишь одну просьбой измучаю —
Чтобы ты ощутила стихию мою,
Молнией взбаламученную,

Чтобы гул мой, твоим повторенный ртом,
Для *тебя* прозвучал бы истиною,
Чтобы голос мой жаркий
в дыханье твоём
Воскресил ту весну единственную.

И когда твой счастливый красавец жених,
Оборвав тебя
на полуслове,
Поцелуем задушит русский мой стих —
Ты почувешь ли
вкус
моей крови?

ЭТЮД 7

Эти болота, пропахшие серой,
Лес, что был неожиданно нем,
В мехе пушистом звезда Венера,
Встреча русских и польских поэм,
Птицы ночные в деревьях сонных,
Сердце, сердце в набатных стонах —
Всё позабудешь, Алиса. И всё ж
Годы пройдут, а вспомнишь невольно,
Будто на ноющий зуб нажмешь:
Сладко и больно.

ЭТЮД 8

Я хочу вобрать в себя навеки
Весь пейзаж твоих полярных глаз
И звезду, что лишь в XX веке
На небе торжественно зажглась...
Наглотаться бы перед разлукой
Слов твоих и смеха, милый друг,
Чтоб затем с удвоенною мукой
Услыхать безмолвие вокруг.

ЭТЮД 9

Как же быть теперь без нее?
Как мне жить теперь без нее?
Кофе пить. Газеты читать.
Никогда ничего не ждать.
Ничего

о ней

не знать.

Я найду ее!

М?

Нет.

Я на дне разыщу ее!

Бред.

На край света за нею!

Ложь.

Ни-ку-да ты за ней не пойдешь.

ЭТЮД 10

Пять миллионов душ в Москве,

И где-то меж ними одна.

Площадь. Парк. Улица. Сквер.

Она?

Нет, не она.

Сколько почтамтов! Сколько аптек!

И всюду люди, народ... .

Пять миллионов в Москве человек.

Кто ее тут найдет?

Случай! Ты был мне всегда как брат.
Еще хоть раз помоги!
Сретенка. Трубная. Пушкин. Арбат.
Шаги, шаги, шаги.

Иду, шепчу колдовские слова,
Магические, как встарь.
Отдай мне ее! Ты слышишь, Москва?
Выбрось, как море янтарь!

ЭТЮД 11

Не в том, не в том моя беда,
Что, потеряв тебя навек,
Я не увижу никогда
Ни этих губ, ни этих век,
А в том, что, если бы, любя,
Ты захотела новых встреч,
Я отказался б от тебя,
Чтобы любовь твою сберечь.

ЭТЮД 12

Железнодорожная держава,
Царство встреч, но и глухих разлук!
Голубой экспресс «Москва — Варшава»...
Медного рожка унылый звук...
В мире нет печальнее мотива:
Как он сиротлив и одинок.
Траурный штандарт локомотива...
Красный уходящий огонек...

Он уходит, в дымке догорая,
Плавно пробираясь по леску...
Полюби Россию, дорогая,
Наши звезды и мою тоску.

ЭТЮД 18

Имя твое шепчу неустанно,
Шепчу неустанно имя твое.
Магнитной волной через воды и страны
Летит иностранное имя твое.

Быть может, Алиса, за чашкою кофе
Сидишь ты в кругу веселых людей,
А я всей болью дымящейся крови
Тяну твою душу, как чародей.

И вдруг изумленно бледнеют лица:
Всё тот же камин. Электрический свет.
Синяя чашка еще дымится,
А человека за нею нет...

Ты снова со мной.
За строфою-решеткой,
Как будто бы я с колдунами знаком,
Не облик, не образ, а явственно, четко —
Дыханье, пахнущее молоком.

Теперь ты навеки со мной, недотрога!
Постигнет ли твой Болеслав или Стах,
Что ты не придешь? Ты осталась в стихах.

Для жизни мало, для смерти много.

ЭТЮД 14

Так и буду жить. Один меж прочих.
А со мной отныне на года
Вечное круженье этих строчек
И глухонемое «никогда».

ПИСЬМО АЛИСЫ

(Перевод с польского)

Дедов дом
На старом месте.
Всё знакомо
До созвездий.

Я гуляю
По аллее,
Ни о чем я
Не жалею.

Так и нужно,
Милый, жить:
Не гадать,
Не ворожить,
Не томиться,
Не терзаться,
Лишь со случаем
Встречаться.

Безмятежно
Я живу —
Снов не вижу
Наяву.
Вот мой сад.
Вот мой дом.
Не жалею
Ни о ком.

Я брожу
Со псом игривым
По аллеям
И по нивам.
А жених мой
Оказался
Не таким уже красивым...

ЭТЮД 15

Нет, не шутка. Честное слово.
В загробные больше не верим края,
Но разве не могут атомы снова
Сложиться в такое, как ты да я?

Ужели материя так убога,
Что я да ты только раз удались?
Даже помимо понятия «бога»
Здесь очевидный идеализм.

Закономерность или причуда
Формула под названием «я»?
Разве рождение мое — это чудо,
Неповторимое для бытия?

Не слишком ли много, моя дорогая,
Люди думают о себе?
Пройдут века — и ты, не другая,
Задышишь, не помня о прежней судьбе.

И снова умрешь и появишься снова,
Год ли спустя, миллион ли годов —
Частный случай на вечной основе,
Который мгновенно возникнуть готов.

Да, я родился, проживу дó ста,
Чтобы затем навсегда умереть.
Но я — электронов случайная доза,
А эта случайность возможна и впредь.

Вечность это не только время.
Это возможность у нас на Земле
Любой структуры любого явления,
Структуры Алисы в том числе.

Еще ты не раз повторись, Алиса.
Сойдутся в грядущем пути наших дней.

Всем
чутьем
материалиста
Я чувствую правду догадки моей.

И снова, как прежде, в мучениях, с боем
Найду я тебя на своем пути!
Но только пускай нам будет обоим, —
Хочешь? — обоим по двадцати. . .

Не сыщешь во мне этой душевной глуби,
Не омрачит она твой покой. . .
Но вряд ли
                                таким
  ты меня полюбишь,
И вряд ли тебя люблю я такой.

1951

146. СОНЕТ

А я любя был глуп и нем.

Пушкин

Душевные страдания как гамма:
У каждого из них своя струна.
Обида подымается до гама,
До граянья, не знающего сна;

Глубинным стоном отзовется драма,
Где родина, отечество, страна;
А как зудит раскаянье упрямо!
А ревность? М-м. . . Как эта боль слышна.

Но есть одно беззвучное страданье,
Которое ужасней всех других:
Клинически оно — рефлекс глотанья,

Когда слова уже горят в гортани,
Дымятся, рвутся в брызгах огневых,
Но ты не смеешь и. . . глотаешь их.

1951

Не верьте моим фотографиям.
 Все фото на свете — ложь.
 Да, я не выгляжу графом,
 На бурлака непохож.

Но я не безликий мужчина.
 Очень прошу вас учесть:
 У меня, например, морщины,
 Слава те господи, есть;

Тени — то мягче, то резче,
 Впадина, угол, изгиб, —
 А тут от немислимой ретуши
 В лице не видно ни зги.

Такой фальшивой открытки
 Приятелю не пошлешь.
 Но разве не так же в критике
 Встречается фотоложь?

Годами не вижу счастья,
 Как будто бы проклят роком!
 А мне иногда ненароком
 И правду сказать случается,
 А я человек с теплынюю.
 Но критик,
                                   на руку шибкий,
 Ведет и ведет свою линию:
 «Ошибки, ошибки, ошибки...»

В стихах я решаю темы
 Не кистью, а мастихином,
 В статьях же выгляжу схемой
 Наперекор стихиям:
 Глаза отливают гравием,
 Промахов гул нестихаем...

Не верьте моим фотографиям:
 Верьте моим стихам!

1953

Не я выбираю читателя. Он.
 Он достает меня с полки.
 Оттого у соседа тираж — миллион.
 У меня ж одинокие, как волки.

Однако не стану я, лебезя,
 Обходиться сотней словечек,
Ниже писать, чем умеешь, нельзя —
 Это не в силах человечесьих.

А впрочем, говоря кстати,
 К чему нам стиль «вот такой нижины»?
 Какому ничтожеству нужен читатель,
 Которому
     стихи
             не нужны?

И всё же немало я сил затратил,
 Чтоб стать доступным сердцу, как стон.
 Но только и ты поработай, читатель:
 Тоннель-то роется с двух сторон.

1954

149. ИЗ ДНЕВНИКА

Да, молодость прошла. Хоть я весной
 Люблю бродить по лужам средь березок,
 Чтобы увидеть, как зеленым дымом
 Выстреливает молодая почка,
 Но тут же слышу в собственном боку,
 Как собственная почка, торжествуя,
 Стреляет прямо в сердце...
 Я креплюсь.
 Еще могу подтрунивать над болью;
 Еще люблю, беседуя с врачами,
 Шутить, что «кто-то камень положил
 В мою протянутую печень», — всё же
 Я знаю: это старость. Что поделатъ?

Бывало, по-бирючьи голодал,
В тюрьме сидел, был в чумном карантине,
Тонул в реке Камчатке и тонул
У льдины в Ледовитом океане,
Фашистами подранен и контужен,
А критиками заживо зарыт, —
Чего еще? Откуда быть мне юным?

Остался, правда, у меня задор
За письменным столом, когда дымок
Курится из чернильницы моей,
Как из вулканной сопки. Даже больше:
В дискуссиях о трехэтажной рифме
Еще могу я тряхануть плечом
И разом повалить цыплячьи роты
Высокоцитимых оппонентов — но...
Но в Арктику я больше не ходок.
Я столько видел, пережил, продумал,
О стольком я еще не написал,
Не облегчил души, не отрыдался,
Что новые сокровища событий
Меня страшат, как солнечный удар!
Ну и к тому же сердце...

Но сегодня,
Раскрывши поутру свою газету,
Я прочитал воззвание к молодежи:
«ТОВАРИЩИ, НА ЦЕЛИНУ!

ОСВОИМ
ТРИНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ ГА СТЕПЕЙ
ЗАВОЛЖЬЯ, КАЗАХСТАНА И АЛТАЯ!»

Тринадцать миллионов... Что за цифра!
Какая даль за нею! Может быть,
Испания? Нет, больше! Вся Канада!
Тринадцать... М?

И вновь заныли раны,
По старой памяти просясь на фронт.
Пахнуло ветром Арктики! Что делать?

Гм... Успокоиться, во-первых. Вспомнить,
Что это ведь воззвание к молодежи,
А я? Моя-то молодость тово...

Я грубо в горсть ухватываю печень.
Черт... ни малейшей боли. Я за почки:
Дубасю кулаками по закоркам —
Но хоть бы что! Молчат себе. А сердце?

Тут входит оживленная жена:
«Какая новость! Слышал?»

— «Да. Ужасно.

Прожить полвека, так желать покоя
И вдруг опять укладывать в рюкзак
Свое солдатство. А?»

— «Не понимаю».

— «А что тут, собственно, не понимать?
Ну, еду... Ну, туда, бишь... в это... как там?
(Я сунул пальцем в карту наугад.)
Пишите, дорогие, в этот город!
Зовется он, как видите, «Кок...», «Кок...»
(Что за петушьё имя?) «Кокчетав».
Вот именно. Туда. Вопросы будут?»

1954

150. КОКЧЕТАВ

Республику свою мы знаем плохо.
Кто, например, слышал про Кокчетав?
А в нем сейчас дыхание пролога!
Внимательно газету прочитав,
Вы можете немало подивиться:
И здесь его название... И вот...
Оно уже вошло в передовицы
И, может быть, в историю войдет.

Здесь травка, словно тронутая хной,
Асфальт приподымает над собою,
Здесь грязи отливают синевою:
Копнешь — и задымится перегной;
Всё реже тут известнячок да глина,
И хоть в кафе пиликают «тустеп»,

Отсюда
    начинается
                    глубинка,
Великая
    нехоженная
                    степь.

Что знали мы о стéпях? Даль, безбрежье,
Ковыль уснувший, сонные орлы,
Легенда неподвижная забрезжит
Из марева такой дремотной мглы...
Про сон степной, Азовщину проехав,
Пленительно писал когда-то Чехов;
Исколесив казачий Дон и Сал,
Про ту же дрему Шолохов писал, —
А степь от беркута до краснотала
Неистовою жилкой трепетала!

Степь — это битва сорняков друг с другом.
Сначала появляется пырей.
Он мелковат, но прочих побыстрее
И занимает оборону кругом.
Но вот полыни серебристый звон...
Ордою сизой хлынув на свободу,
Из-под пырея выпивая воду,
Полынь его выталкивает вон!
А там типец, трава эркек, грудница...
И, наконец, за этими тремя
Летит ковыль, султанами гремя,
Когтями вцепится и воцарится.

Степь — это битва сорняков. Но степь
Есть также гнездование пеструшки,
А в этой мышке — тысяча судеб!
Пеструшкою бывает сыт бирюк,
Пеструшку бьет и коршун и канюк,
Поймать ее — совсем простая штука,
А душу вынуть — проще пустяка:
Ее на дно утаскивает щука,
Гадюка льется в норку пестряка,

И, наконец, все горести изведав,
Он кормит муравьишек-трупоедов.
Ковыльники пушные шевеля,
Пеструшкой степь посвистывает тонко,
Пеструшка в ней подобье ковыля,
И — да простит мне критик Тарасенков
Научный стиль поэзии моей —
Пеструшка — экономика степей.

И вдруг пошло, завыло, застучало
Какое-то железное начало.
Степь обомлела — и над богом трав
Вознеся городишко Кокчетав.
В обкоме заседают почвоведы,
Зоологи, политинструктора,
Мостовики, дорожники — и едут
Длиннющим эшелоном трактора.
Где древле был киргиз-кайсацкий Жуз,
Где хан скакал, жируя на угодьях,
Теперь in cogroge¹ московский вуз —
И прыгает по кочкам «вездеходик»,
В нем бороды великие сидят,
И яростно идет на стенку стенка
Испытанных в сражениях цитат
Из Дарвина, Мичурина, Лысенко.
И, как бывает в нашей стороне,
Спервоначалу всё как по струне,

Но вот пошли просчеты, неполадки,
Врывается и вовсе анекдот:
Ввозя людей, забыли про палатки.
А дело... Дело все-таки идет.

Вонзился пятиплужный агрегат —
И царственный ковыль под гильотины!
Но с этой же эпической години
Пеструшка отступает наугад.
Увы, настали времена крутые:
Перебегают мышьи косяки.

---

¹ В полном составе (лат.). — *Ред.*

За ними волки, лисы, корсаки,
Как за кормильцем аристократия.
А Кокчетаву грезятся в степи
На чистом поле горы урожая!
Он цифрами республику слепит,
Самой столице ростом угрожая.
Да, он растет с такого-то числа —
Недаром среди новых пятиплужий
У побережья гоголевской лужи
Античная гостиница взошла!
Недаром город обретает нрав,
И пусть перед родильным домом — яма,
Но паренек в четыре килограмма,
Родившись, назван гордо: «Кокчетав»!

Вы улыбнулись. Думаете, шутка,
Но чем же лучше, например, «Мишутка»?

1954

151. ШУМЫ

Кто не знает музыки степей?
Это ветер позвонит бурьяном,
Это заскрежещет скарабей,
Перепел пройдет с барабаном,
Это змейка вьется и скользит,
Шебаршит полевка-экономка,
Где-то суслик суслику свистит,
Где-то лебедь умирает громко.

Что же вдруг над степью понеслось?
Будто бы шуршанье, но резины,
Будто скрежет, но цепных колес,
Свист, но бригадирский, не крысиный —
Страшное, негаданное тут:
На глубинку чудища идут.

Всё живое замерло в степи. . .
Утка, сядь! Лисица, не ступи!

Но махины с яркими глазами
Выстроились и погасли сами.
И тогда-то с воем зимних вьюг
Что-то затрещало, зашипело,
Шум заметно вырастает в звук:
Репродуктор объявил Шопена.

Кто дыханием нежнейшей бури
Мир степной мгновенно покорил?
Словно плеском лебединых крыл,
Руки плещут по клавиатуре!
Нет, не лебедь — этого плесканья
Не добьется и листва платанья,
Даже ветру не произвести
Этой дрожи, сладостной до боли,
Этого безмолвия почти,
Тишины из трепета бемолей.

Я стою среди глухих долин,
Маленький — и всё же исполин.

Были шумы. Те же год от года.
В этот мир вонзился шум иной:
Не громами сбита природа —
Человеком созданная. Мной.

*1954
Берликский совхоз
Кокчетавской области*

152. ПЕРВЫЙ ПЛАСТ

Еще не расцвел над степью восток,
Но не дожидаться утра —
И рупор сказал, скрывая восторг:
«Внимание, трактора!»

Громак переходит лужу вброд,
Оттер от грязи каблук,
Сел. Сейчас он двинет вперед
«С-80» и плуг.

У этого плуга пять корпусов,
По сталям сизый ручей.
Сейчас в ответ на новый зов
Пять упадут секачей.

Уже мотор на мягких громах,
Сигнала ждут топоры. . .
Так отчего же, товарищ Громак,
Задумался ты до поры?

Степь наохлила каждую пядь,
Но плуг-то за пятерых!
Ее, бескрайнюю, распахать —
Как новый открыть материк;

Она покроем любой недород,
Зерно пудовое даст.
Громак! Тебе поручает народ
Первый
поднять
пласт.

Какая награда за прежний труд!
Но глубже, чем торжество,
Чует Громак: история тут. . .
И я понимаю его.

«Пошел!»
Отливая, как серебро,
Трактор грянул серьгой.
Первый пласт поднялся на ребро,
За ним повалился другой.

И залоснился в жире своем,
Свиному салу сродни,
Фиолетовый чернозем,
Перегнои одни.

Первая... Первая борозда!
Но что
одной
за цена?
Этой ли тоненькой обуздать
Такое, как целина?
Желтеет степь, и рыжеет дол —
Они
во весь
кругозор!
А трактор ниточку повел,
Стремясь доползти до зорь.
Вокруг огромный горизонт,
Нахмуренный, злой...
А трактор медленно грызет
По нитке шар земной.
Но ниточка уж так строга
И в дымке так тепла,
Как гениальная строка,
Что эпос начала.

1954

МТС Кокчетавской области

153. НОЧНАЯ ПАХОТА

В темном поле ходят маяки
Золотые, яркие такие,
В ходе соблюдая мастерски
Планировок линии тугие.
Те вон исчезают, но опять
Возникают и роятся вроде,
А ближайšie на развороте
Дико скосоглазятся — и вспять!
И плывут, взмывая над бугром,
Тропкою, намеченною строго;
И несется тихомирный гром,
Мощное потрескиванье, стрекот.

Словно тут средь беркутов и лис —
Всех созвездий трепетней и чище —
Этой ночью бурно завелись
Непомерной силы светлячища. . .

На сухмень, на допотопный век,
Высветляя линии тугие,
Налетела добрая стихия,
И стихия эта — Человек.

1954
Кзыл-Ту

154. ТРАКТОР «С-80»

Есть вещи, знаменующие время.
Скажи, допустим, слово «броневик» —
И пред тобой гражданская, да Кремль,
Да в пулеметных лентах большевик.

Скажи «обрез» — и, матюги обруша,
Махновщина средь зелена вина!
А в милом русском имени «Катюша»
Дохнет Отечественная война.

Тут в каждой вещи — дума и характер.
В любой подробности

отенок свой:

Вот я гляжу на этот синий трактор,
На флаг его, задорный, заревой,

На гусеничьи ленты в курослепе,
На фары, где застряли ковыли,
На мощное стекло, в котором степи
Как будто сами карту обрели,

И думаю о том, что в этой вещи,
Со стенда залетевшей в глухомань,
Не только мая радостные вести —
Коммуны отшлифованная грань.

1954
Боровое

155. ЦЫГАНСКАЯ

Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Да медвежий мех...

Там, за белой пылью,
В замети скользят,
Небылицей-былью
Жаркие глаза...

Былью-небылицей
Очи предо мной...
Так быстрее же, птицы!
Шибче, коренной!

Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Да медвежий мех.

А глаза сияют,
Ласкою маня.
Не меня встречают,
Ищут не меня,

Только жгут без меры
Из-под темных дуг...
Гей, чубарь мой серый,
Задумчивый друг!

Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Да медвежий мех.

Я рыдать не стану,
В дурь не закучу —
Я тебя достану,
Я тебя умчу!

Припадешь устами,
Одуришь, как дым...
В полынью с конями
К черту угодим!

Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Вороны да Серый,
Да медвежий мех...

1954

156. СОНЕТ

Правду не падо любить: падо жить ею.

Воспитанный разнообразным чтивом,
Ученье схватывая на лету,
Ты можешь стать корректным и учтивым,
Изысканным, как фигурист на льду.

Но чтобы стать, товарищи, правдивым,
Чтобы душе усвоить прямоту,
Нельзя *учиться* видеть правоту —
Необходимо сердцу быть огнивом.

Мы все правдивы. Но в иные дни
Считаем правду не совсем удобной,
Бестактной, старомодной, допотопной —

И гаснут в сердце искры и огни...
Правдивость гениальности сродни,
А прямота пророчеству подобна.

1955

157. ПРОЛОГ К ДРАМАТИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ «РОССИЯ»

Россия... Родина моя, Россия!..
Я с каждым днем люблю тебя сильней.
Любая неказистая осина,
Звенящая среди болотных пней,

Ветла какая-нибудь у дороги,
Да и сама дорога впереди
Мне так близки, что только сердце вздрогнет
И разольется нежностью в груди.

Но ведь любить гнездо свое до дрожи
Дано и птице у родимых стрех.
Нет. Есть в России то, что родины дороже,
Что делает ее святынею для всех.
Сторонка всякая по-своему красива,
А дедов край везде и всюду мил. . .
Мы не страну в тебе боготворим, Россия,
Ты больше, чем страна:

ты — мир!

В тебе судьба всего земного шара,
Твоя дорога — словно Млечный Путь.
Прислушаться

к гулу

твоего шага —

Будто в грядущее заглянуть.
Есть ли на свете подвиг прекрасней,
Чем тот, который задуман тобой?
Мир без голода, гнета и казней
Виденьем Грядущего всплыл над толпой.
Сметая гнездышки да мирки,
К мечте потянулись материки.
И вскоре с низин нарастающий рокот
Громами пройдет по кодексам прав!
Страдания ошибаться не могут:

Народ

всегда

прав.

И вот, когда от Чон-Чу до Алжира,
От Заполярья до южных широт
Где-то в столетьях народы мира
Сольются в один всемирный народ,
Когда разноречья араба и чеха
Срастутся в единый язык Человека
И только к пейзажу

великий итог

Сведет проблему Запад — Восток,

Тогда-то будущие поколения
Спросят, подняв летописный груз:
Что же это было за дивное племя —
Русь?

Татарщина, боярщина, крепостное право,
Горб недоимок, падеж, недород. . .
Но как ухитрился в сермяжке дырявой
Душу сберечь этот странный народ?
Совести как сохранил постоянство,
Хоть одолели тюрьма да сума?
С горя впадая в дремучее пьянство,
Как он в туманах не пропил ума?
Как он, поникнув лихой головою,
Тише воды и ниже травы,
Вдруг

свою долю

метал

трын-травую,

В грозный час не щадя головы?
Как он на смену бунтам этим ярым
Выпростал знамя из Марксовых книг
И белорусам, зырянам, татарам
Песню вернул и надежду воздвиг?
В чем же загадка? Что тут за тайна?
Не отупеть от пудовых оков,
Но,
Одолевши
Ужас отчаяния,
Дать

породу

большевиков

И выйти с ней на большие просторы,
Из подземелий рвануться наверх,
Чтобы безглазым законам истории
Зрячьсть

привить

навек!

Как разрешит потомство эту тайну —
Сказать сегодня не берусь,
Но знаю: в парках будущего встанет

Среди цветов

эмблема счастья:

Русь...

Так будет. Будет! Зябнущим — согреться!
Забитым — встать! Запуганным — вздохнуть!
На площадь
Всепланетного конгресса
Ведет народы большевистский путь.
Вот потому-то русская дорога
Для всех племен особо дорога:
Не клячу быта им впрягать бы в дроги,
А рыжий буйногривый ураган!
Вот потому-то каждая осина,
Ветла любая машет им, как друг,
И оттого

при имени

Россия

Мне слезы перехватывают дух.

1956

158. ПРЕЛЮД

Вот она, моя тихая пристань,
Берег письменного стола...

Шел я в жизни, бывало, на приступ,
Прогорал на этом дотла.
Сколько падал я, подымался,
Сколько ребер отбито в боях!
До звериного воя влюблялся,
Ненавидел до боли в зубах.
В обличении лживых «истин»
Сколько глупостей делал подчас —
И без сердца на тихую пристань
Возвращался, тоске подчинясь.

Тихо-тихо идут часы,
За секундой секунду чеканя.
Четвертушки бумаги чисты.

Перья
дремлют
                                в стакане.
Как спокойно. Как хорошо.
Взял перо я для тихого слова. . .
Но как будто
                                я поднял
  ружье:
Снова пламя! Видения снова!
И опять штормовые дела —
В тихой комнате буря да клики!

Берег письменного стола.
Океан за ним — тихий. Великий.

1956

159. ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

(Апокалипсис XX века)

Сидел я в кафе. Пил кофе,
Пенку взбивая в крем.
За столом — мой любимый профиль,
За окном — Кремль.

Были сумерки. Таял в теплыни
Милой спутницы силуэт,
Лишь профиль
                                сквозь дальний свет
Снял золотистой линией.

И хоть были мы в маленькой ссоре —
Золотая эта черта
Пламенела в моем кругозоре.
Как прекрасна она! Чиста!

И казалось — всё в мире складно,
Все глубины прозрачно-ясны.
Над чашкой туман шоколадный
Растворялся в детство и сны. . .

И вдруг
Чей-то хрип:

«Разрешите?!»

Хриплый голос был молодым.
Дух студенческих общежитий
В шоколадный ворвался дым.
Золотая черта исчезла.
Безобразный, как гамадрил,
Студент, придвинув кресло,

Заговорил:

«Читали газету?»

— «Читал».

— «Читали и не охрипли?»

Не поняли ни черта?

Ведь мир

на краю гибели!»

«Простите. Но ваш апломб...»

«Ах, бросьте вы жесты эти!
Одиннадцать водородных бомб —
И кончится жизнь на планете!
Счернеет земной шар
В пепле огненных ливней!
Одиннадцать — вот кошмар,
Поднявший черные бивни!
А вы вот сидите за кофе,
Вы можете пить! Есть!
Одиннадцать бомб — катастрофа!!
Сделано десять.
Осталась одна... одна!!»
Студент вскочил и умчался.

Как прежде, дымилась чашка,
Но было уже не до сна.

Что за бредовые речи?
Спокойно!

Газета где?

Но с быстротой сумасшедшей
Кружилась ложка в бурде.

Врубель, Роден, Тосканини —
Все отныне на слом.
«Одиннадцать» будет отныне
Древним «звериным числом».

Он прав, молодой проповедник,
Я пью этот кофе. . . курю. . .
А мы ведь из самых последних
На самом-самом краю.

О горе тебе,
Мир!
Повержен будешь навеки.
Ощерятся гнезда квартир,
Вспыхнут у статуй веки,
Нот перепутанных сплав
Взнесет немоту симфоний,
Горящей строчкой опав
На рычажок телефонный, —
И вот сигналы прольют
Дробь взывающей меди —
Это скрипичный прелюд
Пытался связаться с бессмертьем.

Бездушна, как свод небесный,
Земля непробудно тиха:
Ни голоса жениха,
Ни отголоска невесты.

А хохот лесовика,
Русалку поймавшего в сети?
Безмолвие на века,
Недвижность пустых столетий.

И только один Водород,
Свои озирая владенья,
Как призрачное виденье,

На Эверест взойдет,
Оттуда спустится в Татры,
На Рим пожелает ступить,
Зевая, осядет в театре,
Где слышалось: «Быть иль не быть?»,
И страшным Небытием,
Словно безмолвное эхо,
Ответит, торжественно нем,
На жгучий вопрос человека.

«Да вам-то что до того? —
Спросили из рядом сидящих. —
Вы-то сами, тово. . .
Годик-другой — и в ящик.
Так что ж вам глядеть в кулак,
Гадать на кофейной гуще?»
— «Странный вопрос!»
— «То есть как?»
— «У меня ж отнимают Грядущее!»

И вдруг мой студент опять
Несется к нашему столику:
«Спасенье. . . Спешу вам сказать. . .
Сам я узнал вот только. . .»

(Хоть губы сизы, как мел,
Прекрасен он, словно ангел:
Он будто возвысился в ранге!
Голос его звенел!)
«Ребята! Слух приготовь
Для вести особого рода:
Жизнь возродится вновь
Именно из водорода!
Пробьется она сквозь века!
Это ж достойно гимна!
Вот диалектика! А?
Из водорода! Именно!»

Но тут на меня нашло
Бешенство молнии синей:
«Значит, не страшно отныне
Звериное ваше число?»

Пусть человеческий след
Исчезнет? Важна основа?
Через миллионы лет
Жизнь возродится снова?»

Ну хорошо. На земле
Появятся в дальней эре
Культура новых бактерий,
Новый Хафиз, Рабле. . .
А золотая черта?
А профиль моей любимой?
Миллионных лет череда
Не занимается ими.
А мне этот лик золотой
В этом закатном свете
Дороже всего на свете,
Ценней диалектики той.

Люди. . . Милые люди. . .
Как просто утешить вас.
Немного сердечных фраз
В казенщине словоблудья,
Один зеленеющий мирт
В пустыне чертополоха —
И вы уж кричите: «Эпоха!»
Очнись от виденья,
Мир!

Ни рифмы,
ни звуки,
ни числа

Не стоят сейчас ничего:
Нет величавее смысла
Дыхания твоего.
Ужели ж ему оборваться
Лишь оттого, что босс
Меж акций да облигаций
Звериной шкурой оброс?
Несется призыв Кремля,
Но боссы безумьем объаты,
Но боссы, фальшивя, юля,
Прячутся за дебаты;

Скупив небесный эфир,
Вселенной рискнуть готовы.
Что же ты смотришь,
Мир?
Надень на безумье оковы!
Развей его прахом! Золой!
Войну объяви мертвизне!
Во имя сегодняшней жизни,
Во имя черты золотой. . .

1957

160. СОНЕТ

Я испытал и славу и бесславье.
Я пережил и войны и любовь;
Со мной играли в кости югославы,
Мне песни пел чукотский зверолов.

Я слышал тигра дымные октавы,
Предсмертный вой эсэсовских горилл,
С Петром Великим был я под Полтавой,
А с Фаустом о жизни говорил.

Мне кажется, что я живу на свете
Давнее давнего. Тысячелетье.
Я видел всё. Чего еще мне ждать?

Но, глядя в даль с ее миражем сизым,
Как высшую

хочу я

благодать —

Одним глазком взглянуть на Коммунизм.

1957

161. МОЙ ЧИТАТЕЛЬ

Книготорг объявляет списки,
Над копейкой трясаясь, как дятел:
«Поэт Илья Сельвинский:
Десять тысяч — вот ваш читатель!»

И затыкали из подворотни
Всякие моськи да шавки:
«Значит, он совсем не народный!
Значит, вроде Джойса и Кафки!»

Ах вы, отпетые дуры!
Да поймите ж, в поэзию тычась,
Что эти

десять

тысяч —

Гвардия нашей культуры!

Пафос пламени — мой читатель,
Мой читатель — формула стали,
Хоть по пальцам его считайте —
Он у Времени на пьедестале!

Это мозг в напряженном блеске,
Будь он в самом ничтожном ранге:
Если юноша — Лобачевский!
Если девушка — просто ангел. . .

1957

162

В косы вплетены лучи,
Руки нежные, как ручьи. . .
Рыба в аквариуме всплывет,
Видя в воде отраженье твое;
В клетке чижик вдруг запоеет,
Услыхав приближенье твое;
Быть может, и мне пригрезятся сны
В страшном моем замороженном сне:
Ведь ты даже в шубке — примета весны
Рыбам, птицам и седине.

1958

163. ЗАВИСТЬ

Что мне в даровании поэта,
Если ты к поэзии глуха,
Если для тебя культура эта —
Что-то вроде школьного греха;

Что мне в озарении поэта,
Если ты для быта создана —
Ни к чему тебе, что в гулах где-то
Горная дымится седина;

Что мне в сердцеведении поэта,
Что мне этот всемогущий лист,
Если в лузу, как из пистолета,
Бьет без промаха бильярдист?

1958

164. ЗАКЛИНАНИЕ

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня!

Если вспрыгнет на плечи беда,
Не какая-нибудь, а вот именно
Вековая беда-борода,
Позови меня, позови меня,
Не стыдись ни себя, ни меня —
Просто горе на радость выменяй,
Растопи свой страх у огня!

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня,
А не смеешь шепнуть письму,
Назови меня хоть по имени —
Я дыханьем тебя обойму!

Позови меня, позови меня,
Поз-зови меня. . .

1958

165. КАРУСЕЛЬ

Шахматные кони карусели
Пятнами сверкают предо мной.
Странно это круглое веселье
В суетной окружности земной.

Ухмыляясь, благостно-хмельные,
Носятся (попробуй пресеки!)
Красные, зеленые, стальные,
Фиолетовые рысаки.

На «кобылке» цвета канарейки,
Словно бы на сказочном коне,
Девочка на все свои копейки
Кружится в блаженном полусне. . .

Девочка из дальней деревеньки!
Что тебе пустой этот забег?
Ты бы, милая, на эти деньги
Шоколад купила бы себе.

Впрочем, что мы знаем о богатстве?
Дятел не советчик соловью.
Я ведь сам на солнечном Пегасе
Прокружил всю молодость свою;

Я ведь сам, хмелея от удачи,
Проносясь по жизни, как во сне,
Шахматные разрешал задачи
На своем премудром скакуне.

Эх ты, кляча легендарной масти,
На тебя все силы изведя,
Человечье упустил я счастье:
Не забил ни одного гвоздя.

1958

Ах, что ни говори, а молодость прошла...
 Еще я женщинам привычно улыбаюсь,
 Еще лоснюсь пером могучего крыла,
 Чего-то жду еще — а в сердце хаос, хаос!

Еще хочу дышать, и слушать, и смотреть;
 Еще могу шагнуть на радости, на муки,
 Но знаю: впереди, средь океана скуки,
 Одно лишь замечательное: *смерть*.

1958

167. МАМОНТ

Как впаянный в льдину мамонт,
 Дрейфую,
                   серебряно-бурый.
 Стихи мои точно пергамент
 Забытой, но мощной культуры.

Вокруг, не зная печали,
 Пеструшки резвятся наспех.
 А я покидаю причалы,
 Вмурованный в синий айсберг;

А я за Полярный пояс
 Плыву, влекомый теченьем:
 Меня приветствует Полюс,
 К своим причисляя теням.

Но нет! Дотянусь до мыса,
 К бывшему меня не причалишь:
 Пульсирует,
                   стонет,
                   дымится
 Силы дремучая залежь... .

Я слышу голос Коммуны
 Сердцем своим горячим.
 Дни мои — только кануны.
 Время мое — в грядущем!

1958

X X X

Корго а эмгекче улудат Дубогу,
Эту дау малым асманым маркум,
Толу а мааримкан,
А менден себе: "маным (мной окладес)
Корго а эмгекче улудат Дубогу,
Эту дау малым асманым маркум,
Толу а мааримкан,
А менден себе: "маным (мной окладес)
Корго а эмгекче улудат Дубогу,
Эту дау малым асманым маркум,
Толу а мааримкан,
А менден себе: "маным (мной окладес)

Корго а эмгекче улудат Дубогу,
Эту дау малым асманым маркум,
Толу а мааримкан,
А менден себе: "маным (мной окладес)
Корго а эмгекче улудат Дубогу,
Эту дау малым асманым маркум,
Толу а мааримкан,
А менден себе: "маным (мной окладес)
Корго а эмгекче улудат Дубогу,
Эту дау малым асманым маркум,
Толу а мааримкан,
А менден себе: "маным (мной окладес)

Корго а эмгекче улудат Дубогу,
Эту дау малым асманым маркум,
Толу а мааримкан,
А менден себе: "маным (мной окладес)
Корго а эмгекче улудат Дубогу,
Эту дау малым асманым маркум,
Толу а мааримкан,
А менден себе: "маным (мной окладес)
Корго а эмгекче улудат Дубогу,
Эту дау малым асманым маркум,
Толу а мааримкан,
А менден себе: "маным (мной окладес)

а ерден

Корго а эмгекче улудат Дубогу,
Эту дау малым асманым маркум,
Толу а мааримкан,
А менден себе: "маным (мной окладес)
Корго а эмгекче улудат Дубогу,
Эту дау малым асманым маркум,
Толу а мааримкан,
А менден себе: "маным (мной окладес)

66

Пускай не все решены задачи
 И далеко не закончен бой —
 Бывает такое чувство удачи,
 Звериности сил, упоенья собой,
 Такая стихия сродни загулу,
 В каждой кровинке такой магнит,
 Что прикажи вот этому стулу:
 «Взлететь!» — и он удивленно взлетит.

1959

169. СКАЗКА

Толпа раскололась на множество группок. . .
 И, заглушая трамвайный вой,
 Три битюга в раскормленных крупах —
 Колоколами по мостовой!

«Форды», «паккарды», «испано-сюизы»,
 «Оппель-олимпии», «шевроле» —
 Фары тарашат в бензинщине сизой:
 Что, мол, такое бежит по земле?

А мы глядим, точно тронуты лаской,
 Точно доверясь мгновенным снам:
 Это промчалась русская сказка,
 Древнее детство вернувшая нам.

1959

170

Не знаю, как кому, а мне
 Для счастья нужно очень мало:
 Чтоб ты приснилась мне во сне
 И рук своих не отнимала,
 Чтоб кучевые две гряды,
 Рыча, валились в поединок
 Или петлял среди травинок
 стакан серебряной воды.

Не знаю, как кому, а мне
Для счастья нужно очень много:
Чтобы у честности в стране
Была широкая дорога,
Чтоб вечной ценностью людской
Слыла *душа*, а не анкета,
И чтоб народ любил поэта
Не под критической клюкой.

1959

171

Поэт, изучай свое ремесло,
Иначе словам неудобно до хруста,
Иначе само вдохновенье — на слом!
Без техники
нет искусства.

Случайности не пускай на порог,
В честности
каждого слова
уверься!

Единственный
возможный в поэзии порок —
Это порок сердца.

1959

172

Годами голодаю по тебе.
С мольбой о недоступном засыпаю,
Проснусь — и в затухающей мольбе
Прислушиваюсь к петухам и к лаю.

А в этих звуках столько безразличья,
Такая трезвость мира за окном,
Что кажется — немислимо разлиться
Моей тоске со всем ее огнем.

А ты мелькаешь в этом трезвом мире,
Ты счастлива среди простых забот,
Встаешь к семи, обедаешь в четыре —
Олений зов тебя не позовет.

Но иногда, самой иконы строже,
Ты взглянешь исподлобья в стороне —
И на секунду жутко мне до дрожи:
Не ты ль сама тоскуешь обо мне?

1959

173. ШИПОВНИК

Среди цветов малокровных,
Теряющих к осени краски,
Пылает поздний шиповник,
Шипящий, закатно-красный.

Годные только в силос,
Качаясь, как богдыханы,
Цветы стоят «безуханны»,
Как в старину говорилось.

А этот в зеленой куще,
Лицом отражая запад,
Еще излучает ликующий
Высокомерный запах.

Как будто, ничуть не жалея
Тебя со всей твоей братией,
Сейчас прошла по аллее
Женщина в шумном платье.

Запах... Вдыхаю невольно
Это холодное пламя...
Оно омывает память,
Как музыкальные волны.

Давно уже спит в могиле
Та женщина в каплях коралла,

Что раз назвала меня:
«милый» —
И больше не повторяла.

Было ли это когда-то?
Прошли океаны
да рельсы...
Но вот
шиповник
зарделся,
Полный ее аромата,

И, алой этой волною
Рванувшись ко мне отчаянно,
Женщина снова со мною
С лаской своей случайной.

1959

174

Трижды женщина его бросала,
Трижды возвращалась. На четвертый
Он сказал ей грубо: «Нету сала,
Кошка съела. Убирайся к черту!»

Женщина ушла. Совсем. Исчезла.
Поглотила женщину дорога.
Одинокий — он уселся в кресло.
Но остался призрак у порога:

Будто слеплена из пятен крови,
Милым, незабвенным силуэтом
Женщина стоит у изголовья...
Человек помчался за советом!

Вот он предо мной. Слуга покорный —
Что могу сказать ему на это?
Женщина ушла дорогой черной,
Стала тесной женщине планета.

Поддаваясь горькому порыву,
Вижу: с белым шарфиком на шее
Женщина пронесится к обрыву...
Надо удержать ее! Скорее!

Надо тут же дать мужчине крылья!
И сказал я с видом безучастным:
«Что важнее: быть счастливым или
Просто-напросто не быть несчастным?»

он

Не улавливаю вашей нити...
Быть счастливым — это ведь и значит
Не бывать несчастным. Но поймите:
Женщина вернется и заплачет!

я

Но она вернется? Будет с вами?
Ну, а слезы не всегда ненастье:
Слезы милой осушать губами —
Это самое большое счастье.

1959

175. ТИГР

Обдымленный, но избежавший казни,
Дыша боками, вышел из тайги.
Зеленой гривой¹ он повел шаги,
Заиндевевший. Жесткий. Медно-красный.

Угрюмо горбясь, огибает падь,
Всем телом западая меж лопаток,
Взлетает без разбега на распадок
И в чащу возвращается опять.

Он забирает запахи до плеч.
Рычит —
не отзывается тигрица...

---

¹ Опушка тайги.

И снова в путь. Быть может, под картечь.
Теперь уж незачем ему таиться.

Вокруг поблескивание слюды,
Пунцовой клюквы жуткие капли...
И вдруг — следы! Тигриные следы!
Такие дорогие сердцу лапы...

Они вдоль гривы огибают падь,
И, словно здесь для всех один порядок,
Взлетают без разбега на распадок
И в чашу возвращаются опять.

А он — по ним! Гигантскими прыжками!
Веселый, молодой не по летам!
Но невдомек летящему, как пламя,
Что он несется по своим следам.

1960

176. АКУЛА

У акулы плечи, словно струи,
Светятся в голубоватой глуби;
У акулы маленькие губы,
Сложенные будто в поцелуе;
У акулы женственная прелесть
В плеске хвостового оперенья...

Не страшись! Я сам сжимаю челюсть,
Опасаясь нового сравненья.

1960

177. ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

В роще убили белку,
Была эта белка — мать.
Остались бельчата мелкие,
Что могут они понимать?
Сели в кружок и заплакали.

Но старшая, векша лесная,
Сказала мудро, как мать:
«Знаете что? Я знаю:
Давайте будем линять!
Мама всегда так делала».

1960

178. ГЕТЕ И МАРГАРИТА

О, этот мир, где лучшие предметы
Осуждены на худшую судьбу...

Шекспир

Пролетели золотые годы,
Серебрятся новые года...
«Фауста» закончив, едет Гете
Сквозь леса неведомо куда.

По дороге завернул в корчму,
Хорошо в углу на табуретке...
Только вдруг пригрезилась ему
В кельнерше голубоглазой — Гретхен.

И застрял он, как медведь в берлоге,
Никуда он больше не пойдет!
Гете ей читает монологи,
Гете мадригалы ей поет.

Вот уж этот неказистый дом
Песней на вселенную помножен!
Но великий позабыл о том,
Что не он ведь чертом омоложен;

А Марго об этом не забыла,
Хоть и знает пиво лишь да квас:
«Раз уж я капрала полюбила,
Не размениваться же на вас».

1960

Барвиха

Б. Я. С.

Мечта моей ты юности,
 Легенда моей старости!
 Но как не пригорюниться
 В извечной думе-наросте

О том, что юность временна,
 А старость долго тянется,
 И, кажется, совсем она
 При мне теперь останется...

Но ты со мной, любимая,
 И, как судьба ни взбесится,
 Опять, опять из дыма я
 Проbreжусь новым месяцем.
 И стану плыть в безлунности
 Сиянием для паруса!

Мечта моей ты юности,
 Легенда моей старости...

1960

180. ДУЭЛЬ

Дуэль... Какая к черту здесь дуэль?
 На поединке я по крайней мере
 Увидел бы перед собою цель
 И, глубину презрения измерив,
 Как Лермонтов бы мог ударить вверх
 Или пальнуть в кольчужницу, как Пушкин...

Но что за вздор сходиться на опушке
 И рисковать в наш просвещенный век!
 Врагу сподручней просто кинуть лассо,
 Желательно тайком, из-за стены,
 От имени рабочего-де класса,
 А то и православной старины.

Отраднo видеть, как он захлебнется,
Вот этот ваш прославленный поэт,
И как с лихой осанкой броненосца
Красиво тонет на закате лет.
Бушприт его уходит под волну,
Вокруг всплывают крысы и бочонки.

Но, подорвавшись, он ведет войну,
С кормы гремя последнею пушчонкой.
Кругом толпа. И видят все одно:
Старик могуч. Не думает сдаваться.
И потому-то я иду на дно
При грохоте восторженных оваций.

Дуэль? Какая к черту здесь дуэль!

1960

Загородная больница

181. СТРАШНЫЙ СУД

Б. Слуцкому

В этот день в синагоге
Мало кто думал о боге.
Здесь плакали,
рыдали,
Рвали
ворот
на вые,
Стенали и просто рычали,
Как глухонемые.
Когда же сквозь черный ельник
Юпитер взглянул на порог,
В рыдающей молельне
Взвыл бычачий рог.

Был в этом древнем вое
Такой исступленный стон,
Как будто всё вековое
Горе выкрикивал он!
Всю тоску и обиду,

Мельчайшей слезинки не пряча,
Глубже псалмов Давида
Выкрипел рог бычачий.
Пока он вопил от боли,
Пока он ревел, зверея,
На улицу вышли евреи,
Не убиваясь более:
Теперь от муки осталась
Тихая усталость.

Их ждали уже катафалки,
Щиты библейской легенды,
Искусственные фиалки,
Смолистые елки, ленты.
Взглянув на пустые гробы,
Поплелся раввин гололобый;
Одеты в суконные латы
И треуголки Галлии,
Подняв на плечи лопаты,
Факельщики зашагали;
Сошел с амвона хор,
Спустились женщины с хор —
И двинулись толпы в застенок
К бывшему «Лагерю смерти»,
Дабы предать убиенных
Тверди.

Но где же трупы, которые
Грудой, горой, мирами
Лежали у крематория,
Отмеченные номерами?
Где пепел хотя бы? Могила?
И вдруг — во взорах отчаянных
Оплывы сурового мыла
Блеснули в огромных чанах.
Глядите и леденейте!
Здесь не фашистский музей:
В отцов тут вплавлены дети,
Жены влиты в мужей;
Судьба, а не бранные кости,
Уйдя в квадратные соты,

Покоится тут на погосте
В раю ароматной соды.

Ужели вот эта зона
Должна почитаться милой?
Но факельщики резонно
В гроба наложили мыла,
И тронулись бойкие клячи,
За ними вороны нищие.
Никто не рыдает, не плачет...
Так дошли до кладбища.

О, что же ты скажешь, рабби,
Пастве своей потрясенной?
Ужели в душонке рабьей
Ни-че-го, кроме стона?
Но рек он, тряся от дрожи
Бородкой из лисьего меха:
«В'огавто
  л'рейехо
  комейхо!» —
Всё земное во власти божьей...

А в вечереющем небе
Бесстрастье весенней тучи.
И кто-то: «Вы лжете, ребе!» —
Закричал и забился в падучей.

«Ложь!» — толпа загремела,
«Ложь!» — застонало эхо.
И стала белее мела
Бородка из рыжего меха.

А тучу в небе размыло —
И пал

  оттуда
  на слом
Средь блеска душистого мыла
Архангел с разбитым крылом...
За ним херувимов рой,
Теряющих в воздухе перья,

И прахом,
                    пухом,
                                    пургой
Взрывались псалмы и поверья!
А выше, на газ нажимая,
Рыча, самолеты летели,
Не ждавшие в месяце мае
Такой сумасшедшей метели.

1960
Кунцево

182. УРОК МУДРОСТИ

Можно делать дело с подлецом:
Никогда подлец не обморочит,
Если только знать, чего он хочет,
И всегда стоять к нему лицом.

Можно делать дело с дураком:
Он встречается в различных видах,
Но поставь его средь башковитых —
Дурачок не прыгнет кувырком.

Если даже мальчиком безусым
Это правило соблюдено,
Ни о чем не беспокойся. Но —
Ни-ког-да не связывайся с трусом.

Трус бывает тонок и умен,
Совестлив и щепетильно честен,
Но едва блеснет опасность — он
И подлец и дурачина вместе.

1961

183. ВЕСЕННЕЕ

Весною телеграфные столбы
Припоминают, что они — деревья.
Весною даже общества-столпы
Низринулись бы в скифские кочевья.

Скворечница пока еще пуста,
Но воробьишки спорят о продаже,
Домá чего-то ждут, как поезда,
А женщины похожи на пейзажи.

И ветерок, томительно знобя,
Несет тебе надежды ниоткуда.
Весенним днем от самого себя
Ты, сам не зная, ожидаешь чуда.

1961

184

Я мог бы вот так: усесться против
И всё глядеть на тебя и глядеть,
Всё бытовое откинув, бросив,
Забыв о тревожных криках газет.

Как нежно до слез поставлена шея,
Как вся ты извечной сквозишь новизной...
Я только глядел бы, душой хорошея,
Как хорошеют у моря весной,

Когда на ракушках соль, будто иней,
Когда тишина еще кажется синей,
А там, вдали, где скалистый проход, —
Огнями очерченный пароход...

Зачем я подумал о пароходе?
Шезлонг на палубе... Дамский плед...
Ведь счастье всё равно не приходит
К тому, кто за ним не стремится вслед.

1961

185

Каждому мужчине столько лет,
Сколько женщине, какой он близок.
Человек устал. Он полусед.
Лоб его в предательских зализгах.

А девчонка встретила его,
Обвевая предрассветным бризом.
Он готов поверить в колдовство,
Покоряясь всем ее капризам.

Знает он, что дорог этот сон,
Но оплатит и не поскупится:
Старость наве́к сбрасывает он,
Мудрый. Молодой. Самоубийца.

1961

186. ГИМН ЖЕНЩИНЕ

Каждый день как с бою добыт.
Кто из нас не рыдал в ладони?
И кого не гонял следопыт
В тюрьме ли, в быту, фельетоне?
Но ни хищность, ни зависть, ни месть
Не сумели мне петлю сплесть,
Оттого что на свете есть
Женщина.

У мужчины рука — рычаг,
Жернова, а не зубы в мужчинах,
Коромысло в его плечах,
Чудо-мысли в его морщинах.
А у женщины плечи — женщина,
А у женщины локоть — женщина,
А у женщины речи — женщина,
А у женщины хохот — женщина...
И, томясь о венерах Буше,
О пленительных ведьмах Ропса,
То по звездам гадал я в душе,
То под дверью бесенком скребся.
На метле или в пене морей,
Всех чудес на свете милей
Ты — убежище муки моей,
Женщина!

1961

187. ПЕСЕНКА О ЖЕНСКОМ СЕРДЦЕ

В кабачке на Вестендамме,
Хоть была девчонка — вздор,
Генрих Гейне шепчет даме:
«O madam, je vous adore!»¹

Но ответила канашка:
«Ой, умора! Ей-же-ей!
Вы, бедняжка, старикашка,
Да к тому ж еще еврей!»

Тут, в сердцах невзвидя света,
Зубы сжав что было сил,
Мой поэт девчонке этой
Всю тысчонку отвалил.

В мире нет любви убогой,
И совсем не за гроши
Полудева полубога
Целовала от души.

1962

188. FEMME DE QUARANTE ANS²

Ц. А. В.

Бальзак воспел тридцатилетнюю,
А я бы женщину под сорок:
Она блеснит красою летнею,
Но взгляд уже осенне-зорок;

Не опереточная венщина,
Пленяющая всех саврасых,
Здесь очаровывает женщина,
Перед которой мир без масок;

В ней, правда, много разной разности,
А ум бесстыдно гол, как сабля,

---

¹ О мадам, я вас обожаю! (Франц.) — *Ред.*

² Сорокалетняя женщина (франц.). — *Ред.*

И тайный запашок опасности
В ней тонко чувствует волчья капля;

У ней в кулечках вся оконница,
Давно она уже не плачет. . .

Но если

за тобою

гонятся,

Она тебя в постели спрячет.

1962

189. СЛОВНО АЙСБЕРГ...

Жизнь моя у всех перед глазами.
Ну, а много ль знаете о ней?
Только то, что выдержал экзамен
В сонмище классических теней?

Неужели только в том и счастье,
Чтобы бронзой числиться в саду?
Не хочу я участи блестящей,
Неподсуден пошлому суду.

Стоило ли раскаляться лавой,
Чтоб затем оледенеть в металл?
Что мне братская могила славы,
О которой с юности мечтал!

Нет, не по торжественным парадом,
Не в музее, датой дорожа,
Я хочу дышать с тобою рядом,
Человечья теплая душа.

Русский ли, норвежец или турок,
Горновой,
рыбачка

или ас,

Я войду, войду в твою культуру,
Это будет, будет —

а сейчас,

Словно айсберг в середине мая,
Проношу свою голубизну;
Над водой блестит одна седьмая,
А глыбун уходит в глубину.

1962

190. МОЛИТВА

Народ!
Возьми хоть строчку на память,
Ни к чему мне тосты да спичи,
Не прошу я меня обрामить:
Я хочу быть
Всегда
                  при тебе,
Как спички.

1962

191. ЧЕЛОВЕК УМИРАЛ...

Человек умирал на больничной койке.
Был он профессор. Седой и старый.
Дышал то бурно, то кое-как,
А секунды на часах
  почему-то стали.

По нем ознобом бежал огонь,
Отдирая костяк от мышц.
И как всегда бывает в агонии,
Тело таило огромную мысль:

В зубах, плечах, коленях — везде
Всё в нем клокочет, не хочет, сердится...
А пальцы как будто держали в узде
Какого-то зверя. Может быть, сердце.

Вокруг стояли ученики.

«А доктор где?»

— «Куда смылся?»

— «Ольга!»

— «Что?»

— «Одеяло накинь!»

Голос Ольги: «Не вижу смысла».

О чем он думал?

О, совсем не о том,
Что, будь он ловчей по природе,
Он стал бы не винтиком, а винтом,
Членом коллегии или чем-нибудь вроде;

И не о том, что по жизни шел,
Медь находя или олово,
Но так ни разу и не нашел
Золота
в конскую голову.

Нет. Не об этом. Он вспомнил случай:
Еще молодой геолог,
Он спал в палатке во мгле дремучей
Среди валунов ослизлых и голых.

И вдруг — очнулся. Не он — ястреб!
Как он почуял в дремучей мгле,
Что рядом лежит Счастье —
Девушка девятнадцати лет?

Днем они сталкивались за работой,
Она улыбалась ему подчас.
Но полночь... В ней первобытное что-то,
Космоса властный час!

Сон и полночь. Две стихии,
Где груз бытовщины уже невесом,
Где крылья приподняты,
как
стихи, —

Полночью можно всё.

Волосы пахли духами «шанель».
Чудесный запах... С весною схожий...
Он сунул руку к ней под шинель —
И пальцы увидели блеск ее кожи.

Но тут же громко подумал: «Нет!»
Отдернул руку и отвернулся.
Утром опять полотняная улица,
Добыча
                                медных
  недр.

И гордый дух его душу наполнил:
Черт возьми! Не совсем одурел.

Сколько лет он об этом не помнил.
И вдруг — вспомнил. На смертном одре.
Вспомнил! Всё! В последнем бреду,
Как обличающую улику,
Снежную,
                                заревую улыбку,
Голос ее, ее доброту.

У валуна рябого и голого
Вдруг — царевна. . . Как волшебство!
Ведь это и было в жизни его
                                Золотом
  в конскую голову.

А он не понял. Женился случайно
Бог знает на ком. Почти без любви.
И он подытоживает. . . Сличает. . .
А хрипы в груди не хрипы — львы!

Напрасно его усыпляет морфий:
Слезы текут, и в горле клубок;
Ведь только сейчас он понял, мертвый,
Что самое главное —
  Любовь.

Всё равно какая —
  тихая, глубокая,
Бурная ли, что пройдет в одночасье,
Фаустианская или лубочная, —
                                Только бы счастье!

Бегают нянечки. . . Плач голосистый. . .
А он. Не смеет. На них. Смотреть.

С собой умчала эта женщина
С ее весенними духами.

Уж вот среди домов высотных
Растаяла в чужих плечах,
Но, как перчатку или зонтик,
Она оставила печаль.

Печаль. . . Зря на нее клеветают:
Она не может погубить.
Но что мне делать с этой вещью:
Привыкнуть к ней и полюбить?

2

СУМЕРКИ

Сижу. Сумерничаю. Птицы,
Задумчивые, как и я,
В снегу обсели черепицы
Вокруг железного копья.

Не подвергая их оценке,
Гляжу на сонмище теней,
Но в них я вижу все оттенки
Печали сумрачной моей.

И вдруг заквакало такси,
Шумя вбежали из метели
Друзья, — и сразу улетели
Видения моей тоски.

Вино, пластинки, песни Кубы. . .
Я улыбаюсь. Но в груди
Неутоленность. Почему бы?
А джаз грохочет и гудит,

А молодежь гремит, хохочет,
Она в азарте, как в огне!
И лишь печаль моя не хочет
Расстаться с птицами в окне.

РАЗЛУКА

Разлука приближает. Космонавт,
Забравшийся впервые на Луну
И разговаривающий с Землею
По радио,

ей будет ближе всех.

Не потому ль и ты, любовь моя,
Далекая, как на Луне, —

отныне

Мне ближе всех?

Разлука приближает.

ПЕСНЯ

С яростью отважною
В поисках шила Кощеева
Душу от тела отваживал,
Искры из крови отвеивал!

Но не глядишь на немилого,
Губ для него не разжала бы.
Можно русалку выловить,
Но невозможно разжалобить.

Хоть бы присниться тебе, проклятой,
В черных минах на берегу
И хищною фронтовой расплатой
Зацеловать тебя на бегу,

Да, на бегу! Потому что крали
Влюблялись не только под пение муз.
Ах, любимая... Я не смеюсь:
Счастье любит, чтоб его крали.

Кладу на тебя заклятье!
Как нищий томится о злате,
Как житель Полярного круга
Жаждет солнца
при скучной луне.
Так и ты, лаская супруга,
Будешь думать лишь обо мне:
О руках моих, о плечах моих,
О притягивающих
очах моих.

КАК УМОЛЯЛ Я О ЧУДЕ

Как тосковал я о чуде!
Как молил я, как умолял!
Оно было нужно мне, как снег
умирающему в Сахаре.

Но чудо сегодня
сложней и проще:
это не снег в Сахаре,
не вестник божий в виде медведя,
пришедший к святому Сергию,
не телевизор, экраном которому
служила бы лунная поверхность. . .

Чудо — это крылатая радость,
влетевшая к нам в окно,
хоть мы ее ничем не заслужили.

Эта крылатость
в руках людей,
в возможностях каждого человека —
в этом-то, дорогая,
самая
суть
чуда.

Если б я завихрил тебя, любимая,
письмами,

телефоном,
стихами,
в конце концов через год-другой
я стал бы нужен,
необходим,
и ты подарила бы мне свои ласки.
Но ведь такое
может случиться с каждым,
а я хотел чуда,
только чуда,
чтоб человек спасал человека
не через год, не через два,
а именно в ту минуту,
когда он жаждет спасенья.

Я не смею тебя проклинать. За что?
По какому праву я требовал чуда?
Ты это ты.
Я это я.
Каждый из нас — особый мир.
Ты никому ничем не обязана
и за щитом уголовного кодекса
можешь спокойно глядеть на то,
как на костре обугливается
томящийся по тебе.
Ты
права.
Совершенно права.

8

О ПРИРОДЕ ПЕЧАЛИ

Умей воспринимать печаль
Без трагедийности, иначе
«Лишь то, — ты скажешь, — в мире значит,
На чем страдания печать».

А я такому тюфяку
Не стану близким человеком,
А я курю свою тоску,
Как трубку с золотым дюбеком.

И хоть горчит обычно дым,
Бывает сладкая затяжка.
Вдвоем с дюбеком золотым
Существовать не так уж тяжко.

С тоской приходят мне на ум
Баллады, грезы и прозренья. . .
Пусть я, казалось бы, угрюм,
Угрюма и краса осенья.

И я не ринусь на рожон,
Печаль с бодрячеством мешая;
Мне так бывает хорошо,
Что радость иногда мешает.

9

Не желаю Вам беды,
Зла Вам не желаю —
Вместо хлеба — лебеды,
Чобра — вместо чаю.
Но в далекой глубине
Вижу Вашу долю:
Ты еще придешь ко мне,
Раненная болью.

10

ГАДАНЬЕ

Вынув карты из маленького конвертца,
Старуха
гадала

пропойце:

«Для тебя. . .
Для дома. . .
Для сердца. . .
И чем сердце успокоится».

Меня потрясла эта сентенция:
Проста. Глубока. Могуча.

Как ты рубль, цыганка, ни мучай,
Всё равно ты мудрая старушенция.

И слушают галки да улитки
Гадалку
    под церковью
                                Троицы...
На вине, на весне, на улыбке,
В гробу! — по сердце успокоится.

и

А СМЕРТИ НЕТ!

В конце концов умереть тоже не плохо.

Эйнштейн

Поэмы кончаются смертью
С крестами под сенью луны,
Как будто всё сводится к метру
Кладбищенской глубины.

Тяжки надгробные плиты,
Но тот электронный рой,
Что создал твое обличье,
Не станет мириться с норой.

Кружил этот рой без начала.
Будет кружить без конца,
И были мгновеньем причала
Черты твоего лица.

Во что этот рой воплотится
В движенье бессмертном своем?
Шекспир ли опять повторится,
Гонкуры ль пройдутся вдвоем?

В этой идее как будто
С умами древнейших родство —
Таковыми, допустим, как Будда
Или монахи его,

Но всё это лишь строење
Мельчайших частиц вещества,
Их шалое настроенье,
Изученное едва. . .

1963

203

Был я однажды счастливым:
Газеты меня возносили.
Звон с золотым отливом
Плыл обо мне по России.

Так это длилось и длилось,
Я шел в сиянье регалий. . .
Но счастье мое взмолилось:
«О, хоть бы меня обругали!»

И вот уже смерчи вьются
Вслед за девятым валом,
И всё ж не хотел я вернуться
К славе, обложенной салом.

1963

204. СОНЕТ

В. Усову

Обычным утром в январе,
Когда синё от снежной пыли,
Мне ящерицу в янтаре
На стол рабочий положили.

Завязнувши в медовом иле,
Она плыла как бы в жаре,
И о таинственной заре
Ее чешуйки говорили.

Ей сорок миллионов лет,
За ней пожары и сполохи!
О, если б из моей эпохи

Прорвался этот мой сонет
И в солнечном явился свете,
Как ящерица, сквозь столетье!

1963

205. СОНЕТ

Обыватель верит моде:
Кто в рекламе, тот и витязь.
Сорок фото на комодѣ:
«Прорицатель», «Ясновидец»!

Дорогой, остановитесь. . .
Нет, его вы не уймете:
Не мечтает он о меде,
Жидкой патокой насытѣсь.

Но проходит мода скоро.
Где вы, диспуты и споры?
Пустота на ринге.

И, увы, предстанут взору
Три-четыре золотинки
И вот сто-олько сору.

1963

206. PERPETUUM MOBILE¹

Новаторство всегда безвкусно,
А безупречны эпигоны:
Для этих гавриков искусство —
Всегда каноны да иконы.

---

¹ Вечное движение (лат.). — *Ред.*

Новаторы же разрушают
Все окольцованные дали:
Они проблему дня решают,
Им некогда ласкать детали.

Отсюда стружки да осадки,
Но пролетит пора дискуссий,
И станут даже недостатки
Эстетикою в новом вкусе.

И после лозунгов бесстрашных
Уже внучата-эпигоны
Возводят в новые иконы
Лихих новаторов вчерашних.

1963

207. ХУДОЖНИЦА

Tate C.

Твой вкус, вероятно, излишне тонок:
Попроще хотят. Поярче хотят.
И ты работаешь, гадкий утенок,
Среди вполне уютных утят.

Ты вся в изысках туманных теорий,
Лишь тот для тебя учитель, кто нов.
Как ищут в породе уран или торий,
В душе твоей поиск редчайших тонов.

Поиск редчайшего... Что ж. Хорошо.
Простят раритетам и муть и кривинку.
А я через это, дочка, прошел,
Ищу я в искусстве живую кривинку...

Но есть в тебе все-таки «искра божья»,
Она не позволит искать наобум:
Величие

эпохальных дум
Вплывает в черты твоего бездорожья.

И вот, горя или грозя,
Видавшие подвиг и ужас смерти,
Совсем человеческие глаза
Глядят на твоём мольберте.

Теории остаются с тобой
(Тебя, дорогая, не переспоришь),
Но мир в ателье вступает толпой:
Натурщики — физик, шахтерка, сторож.

Те, что с виду обычны вполне,
Те, что на фото живут без эффекта,
Вспыхивают на твоём полотне
Призраком века.

И, глядя на пальцы твои любимые,
В силу твою поверя,
Угадываю уже лебединые
Перья.

1964

208. ЛЮДИ ВСЕГДА МОЛОДЫ

Молодость проходит, говорят.
Нет, неправда — красота проходит:
Вянут веки,

        губы не горят,
Поясницу ломит к непогоде,
Но душа. . . Душа всегда юна,
Духом вечно человек у старта.
Поглядите на любого старца:
Ноздри жадны, как у бегуна.
Прочитайте ну хотя бы письма,
Если он, ракалия, влюблен:
Это литургия, это песня,
        Это Аполлон!

Он пленит любую недотрогу,
Но не выйдет на свиданье к ней:
Может, старичишка тянет ногу,
Хоть, бывало, объезжал коней?

Может, в битве захмелев как брага,
Выходил с бутылкою на танк,
А теперь, страдая от люмбаго,
Ковыляет как орангутанг?
Но душа прекрасна по природе,
Даже пред годами не склонясь...
Молодость, к несчастью, не проходит:
В том-то и трагедия для нас.

1964

209. ЗАВЕЩАНИЕ

Оказывается, в ту ночь
Наталья Николаевна была
у Дантеса.

Литературовед Икс

Завещаю вам, мои потомки:
Критики пусть хаю и свистят,
Но литературные подонки,
Лезущие в мой заветный сад,
Эти пусть не смеют осквернять
Хищным нюхом линий моей жизни:
Он, мол, в детстве путал «е» и «ять»,
Он читал не Джинса, а о Джинсе;
Воспевая фронтовой пейзаж,
Всю войну пересидел в Ташкенте,
А стихата за него писал
Монастырский служка Иннокентий.
Не исследователи, вернее —
Следователи с мечом судьбы —
С маху применяют, не краснея,
Чисто уголовные статьи.
Впрочем, пусть. Монахи пессимизма
Пусть докажут, что пустой я миф.
Но когда, скуфейки заломив,
Перелистывают наши письма,
Щупают родные имена,
Третьим лишним примостятся в спальне —
О потомок, близкий или дальний,
Встань тогда горою за меня!
Каждый человек имеет право
На туманный уголок души.

Но поэт. . . Лихие легаши
Рыщут в нем налево и направо,
Вычисляют, сколько пил вина,
Сколько съел яичниц и сосисок,
Составляют донжуанский список —
Для чего? Зачем? Моя ль вина,
Что, пока не требует поэта
Аполлон, — я тоже человек?
Эпохальная моя примета
Только в сердце, только в голове!
Мы хотим сознание народа
Солнечным сиянием оплесть. . .
Так не смей, жандармская порода,
В наши гнезда с обысками лезть!
Ненавижу я тебя за всех,
Будь то Байрон, Пушкин, Маяковский,
Всех, кого облаивают моськи
За обычный человеческий грех!
Да и грех ли это? Кто из вас
В жизни пил один лишь хлебный квас?
Я предвижу своего громилу.
Вот стоит он. Вот он ждет, когда
Наконец и я, сойдя в могилу,
В мире упокоюсь навсегда.
Как он станет смаковать бумажки,
Сплетни да слушки о том, что я
Той же, как и он, запечной бражки,
Что не та мне дадена статья. . .
О потомок! Не из пустяка,
Не из шепетильности излишней —
Дай ему пощечину публично,
Исходя из этого стиха!

1964

210. ШВЕЦИЯ

Огоньки на горизонте светятся.
Там в тумане утреннего сна
Опочило королевство Швеция,
Говорят, уютная страна.

Никогда не знала революции,
Скопидомничала двести лет;
Ни собрания, ни резолюции,
Но у каждого велосипед.

В воскресенье едет он по ягоды,
Ищет яйца в чаечном гнезде.
Отчего ж в аптеке банки с ядами,
Черепушки в косточках везде?

Почему, как сообщают сведенья,
Несмотря на весь уютный быт,
Тихая классическая Швеция —
Страшная страна самоубийц?

В магазинах гордо поразвесила
Свитера, бюстгальтеры, штаны. . .
Только где же у нее поэзия?
Нет великой цели у страны.

Что же заставляло два столетия
Жить среди вещей, как среди богов?
Смерти не боится Швеция —
Страшно выйти ей из берегов.

1964

211. О ТРУДЕ

Во многом разочаровался
И сердцем очерствел при этом.
Быт не плывет в кадансах вальса,
Не устилагает путь паркетом.

За всё приходится бороться,
О каждый камень спотыкаться.
О, жизнь прожить совсем не просто —
Она колюча и клыкаста.

Но никогда не разуверюсь
В таком событии, как труд.
Он требователен и крут
И в моде видит только ересь.

Но он и друг в любой напасти,
Спасенье в горестной судьбе.
В конце концов он — просто счастье.
Сам по себе.

1964

212. У МОЛОДОСТИ СОБСТВЕННАЯ МУДРОСТЬ

Не говорите мне о том, что старость
Мудра. Не верю в бороды богов.
К чему мне ум церковных старост,
Рачительных и грузных бирюков?
Их беспощадно бдительная хмурость
В кулак зажмет сердца до Покрова.
У молодости собственная мудрость —
Любовь, которая всегда права.

1965

213. БУРЫЙ ДЫМ

Не любил я волос моих бурый дым,
Омрачавший мой смех весенний,
Мне так хотелось быть золотым,
Как Яхонтов или Есенин.

Но золотым я так и не стал.
А время неукротимо. . .
Зато теперь я блещу, как сталь,
И нет уже бурого дыма.

Но, глядя в зеркало хмурое,
Согласен я и на бурое.

1965

214. ОСЕНЬ

Золотая звонница березы
В черных елях, словно бы в скиту.
Я впиваю, погруженный в грезы,
Бледно-голубую высоту.

Хочется отшельником побыть,
С думами собраться на досуге,
Вспоминать приятное о друге,
О врагах на время позабыть.

Не за то ли осень нам мила
(Хоть и дни становятся короче),
Что, витая вне добра и зла,
Чувствуешь себя таким хорошим? . .

Но и быт своей огромной глыбой
Входит в мир святошей и предтеч:
Осень пахнет баней, пахнет рыбой,
Золотым загаром женских плеч.

1965

215

Женщины! Как я вам благодарен
За всё, чем были вы для меня. . .
Видел русалок я и боярынь,
Девчонки фабричные шли гомоня.

Иные впускали в свою обитель,
Другие дверь запирали — и всё ж
Никто из вас меня не обидел,
Улыбки моей не ценил в грош.

Никто. А впрочем, кроме одной.
Любила она меня, правда. Очень.
И мне казалась она родной.
Но время шло. Наступила осень.

Большие пошли у народа дела.
И тут, подойдя к седому барьеру,

Женщина вздумала делать карьеру
И с легким сердцем меня продала.

Добилась не то чтобы крупного чина,
Но всё ж на нее снизошла благодать. . .
Впрочем, она уже стала женщиной,
А от мужчины чего ожидать?

1965

216. ДАНТЕ

Какое мне дело до гвельфов и гибеллинов,
До ада, чистилища, рая — какое мне дело?
Но почему же, всю эту ветошь отринув,
Читая поэму, я напряжен до предела?

Вот его тень в органных сводах анданте,
Вот подымается он по ударам пульса,
Вот он явился, военный монах, Данте,
Лавровый венок терновым венцом обернулся.

Как звучно поет музыкальная эта книга!
Во флейте Флоренции отблеск медной латыни.
В ней много пепла, но много душевной теплыни,
А сколько пламени против тиранского ига. . .

Быть может, когда-нибудь рухнут органные своды,
Заржавеет медь, и флейты охрипнет рулада,
Но вечной останется Дантова жажда свободы,
Покуда земля — видения Дантова ада.

1965

217. ОДИНОЧЕСТВО

Улетели дети из гнезда.
Вьют свое. Ты больше им не нужен.
Но последний час твой не настал:
Не убит судьбой ты, а контужен.

Вон могилы протянули ноги.
Я шепчу последнее «прости». . .

В старости друзей не обрести,
В старости мы часто одиноки.

Не горжусь я мудростью змеи,
Мудрость эта — пятачок разменный.
Вымирают

сверстники

мой!

В этом... в этом что-то от измены:

С ними умирает пламя духа,
Родственного в красках и чертах.
Но остались у меня два друга:
Тихий океан и Чатыр-Даг.

Стоит только вспомнить мне о них,
Хлынет в душу радостная сила.
Что же я сединами поник,
Даже если смерть меня носила?

Смертный, я бессмертьем обуян.
Кто сейчас мой кругозор измерит?
Молодым мечтаньям не изменят
Чатыр-Даг и Тихий океан.

1965

218. СКВОЗЬ ДЖУНГЛИ

Старость — это как джунгли. Джунгли ночью.
Тыходишь в их влажную мглу —
и тут же со всех сторон тебя
подстерегает опасность.
Где-то в болоте квакают грудные жабы.
С треском ползет к тебе тромбофлебит,
чтоб, как змея, оплести твою ногу.
Свища, летит эмфизема терзать твои легкие.
А ты...
А у тебя только скальпель.
Ты вспарываешь этим стилетом брюшину,
режешь гадину на сантиметры,
умерщвляешь уколом.

Но эти чудовища неистребимы!
 С каждым шагом твоим вперед,
 с каждой минутой твоей победы
 их становится больше.
 Они кишат. Они роятся. Они
 кашляют,
 чихают,
 икают. . .
 И хоть ты храбро рубишься с ними насмерть,
 по знаешь:
 ты заблудился навеки в этих дымящихся
 дебрях —
 из джунглей выхода нет.
 И всё же
 ты сам бессмертен!
 За гранью жизни твоей
 стихия тех электронов,
 что очертили твой облик,
 снова сплетется в твое очертанье,
 и ты опять возникнешь на свете
 наперекор джунглям.

С этим сознанием легко умирать:
 я уже пробовал это однажды.

1965

219. КАКИМ БЫВАЕТ СЧАСТЬЕ

Хорошо, когда для счастья есть причина:
 Будь то выигрыш ли, повышение чина,
 Отомщение, хранящееся в тайне,
 Гениальные стихи или свиданье,
 В историческом ли подвиге участие,
 Под метелями возвращенные оливы. . .
 Но
     нет
         ничего
             счастливей
 Беспричинного счастья.

1965

Счастливые стихов не пишут
И даже не читают их.
Они, как самовары, пышут,
Не зная замятей крутых.

Они, душевного не тратя,
Хватают всё, что видит глаз.
Так что же им в моей тетради?
Там боль до корки запеклась.

Но ты, читатель мой, недаром
С собой таскаешь этот том:
Перед тобою жизнь — плацдарм,
Где стол не стол и дом не дом,

Где всё, что делается, — зыбко,
Как город, брезжущий в реке,
И ты, склоняясь над детской зыбкой,
Страшишься атомных ракет.

Ты будто слышишь дальний вой,
В печурку глядя на поленья, —
Трагическое поколение,
Гнездо над бездной роковой. . .

В глазах счастливца это робость.
Он пышет булкой на поду:
Пускай весь мир валится в пропасть,
А я уж не пропаду!

Счастливый злу не удивится.
Но можно ль попросту глазеть,
С предвидением очевидца
Глотая молнии газет?

И хоть печаль моя громоздка,
Мне счастье вредно. Я не тот,
Кому судьбишка вместо мозга
Всучила шоколадный торт.

Мой взгляд на будущее прочен.
А вы не верьте болтунам:
Страх за детей порою очень
В победе помогает нам.

1945, 1966

221. ОДА ВОДЕ

Люблю я воду. Ведь она живая!
Послушай, как грассирует ручей,
Когда, весною скорость развивая,
Он осуждает карканье грачей.

А как порой гремит вода из крана,
Тарелки разбивая в прах и пух!
Я слышу в ней военный стих Корана
В ответ на бормотание стряпух.

Вода, вода... Во-первых и в-последних,
Она твой друг, какую ни возьми!
Вода — великолепный собеседник,
Когда нельзя поговорить с людьми.

1966

222. «УЖ НЕБО ОСЕНЬЮ ДЫШАЛО...»

Как я швырялся в молодости счастьем!
Мне радости давались без труда.
И это не случайно: был я мастер
По добыванью солнца изо льда.

Но не ценил я этого тогда.
Пустяк! Мне было море по колено.
Года неслись.

  Пронесется года —
Передо мною третье поколение.

Еще во мне шаманствует колдун,
Но каждый выдох для меня — канун...

Уж я ценю душевный свой уют,
Поэмы не бросаю в переплавки. . .

Я, как домашняя хозяйка в лавке,
Беру от жизни всё, что выдают.

1966

223. К ПОРТРЕТУ МОЕГО ВНУКА

На фоне буро-черных пятен,
Объятый мраками и мглами,
Сидит, причесан и опрятен,
Ребенок с грустными глазами.

В них глубина предчувствий вещей,
Тревожных и чего-то ждущих. . .
Сидит печальный человечек,
И зреют громы в бурых тучах.

Глядит он. Нет на нем вины.
Но здесь трагедия вне действия:
Я вижу — это смотрит детство
На сказку атомной войны.

1966

224. ПРЕДВЕСЕННЕЕ

На крышах снег, на деревьях снег,
Вообще,

на дворе февраль.

Но «Вечерка» чирикает о весне,

И пахнет крымская даль.

И мы за семейным чаем

Благоговейно читаем:

«В Подмосковье трещат морозы,

На лету замерзают галки,

А в Ялте растут мимозы,

А в Мисхоре цветут фиалки».

Конечно, расстояние далекое:
Не для нас грабины и тополи...
Но родина — понятие широкое,
Очень широкое. И теплое.

1966

225. ТЯЖЕЛАЯ СЛУЖБА

Всем хочется счастья порою внешней...
А я одного прогнал.
Красные белки живут в скворешне
У моего окна.
Как весел их короткий полет
По шишкам непочатым!
А черный кот по стволу ползет,
Карабкается к бельчатам.
«Прочь! — я кричу ему. — Ах ты палач!
Вон отсюда! Сейчас же!»
Он спрыгнет, юркнет — и жалобный плач
Несется ко мне из чаши.
Хищный, страшный, с ежом на горбу,
Разбойник жалуется на судьбу.
Он плачет таким голоском убогим,
Что только молитве сродни...
Да, не хотел бы я в наши дни
Служить в этом мире богом.

1966

226. ТАЙНА БЕТХОВЕНА

Нам говорят профессора: «В чем тайна
Бетховена? Откуда этот свет?
Что внес он после Моцарта и Гайдна
В искусство симфонизма? —

И в ответ

Показывают пикколо, тромбон
И контрфагот. — Он эти инструменты
Отважно ввел в оркестр.

Этим он

И деревянный звук, и голос медный
В три форте поднял. Что за глубина!
Из океана эти волны льются!»

Вы ошибаетесь: Бетховена волна —
Из глубины Французской революции.

1966

227. ЖИЗНЬ

О, как обожал он жизнь!
В стихе завихрен, как в смерче,
Владел им особый джин:
Демон бессмертья.

Отлично демон служил!
(Не душу ль поэт ему продал?)
Поэт

огромно

жил:

Работал, работал, работал.
Как бык работал... Как раб...
Как

четыре

негра...

Он строил воздушный корабль,
Где каждая снасть из нерва.

Он каждое слово — на зуб,
Как проверяют червонец:
Они его правду несут,
Колоколами трезвонят.

Поэзии божество
Всходило из мощных прелюдий.
И мир услышал его,
Прислушались к песням люди.
Враги

давно

на дне.

А он всё думал о смерти:

Возвыситься бы над ней
В граните, бронзе, меди!
Всю жизнь работал как бык,
Всю жизнь ковал бессмертье.
Умер —
И стал велик.
А жизнь прошла — не заметил.

1966

228. ЛЕНИН

Политик не тот, кто зычно командует ротой,
Не тот, кто усвоил маневренное мастерство, —
Ленин, как врач,
Слушал сердце народа
И, как поэт,
Слышал дыханье его.

1966

229—236. ДА ВА Ё ТЕ ПО МЕ Ч ТА Е М О Б Е С С М Е Р Т Ь Е

Но не хочу, о други, умирать. . .

Пушкин

1

Наука беспощадна и узка,
Искусство простодушно и широко.
«Любая к смерти приведет дорога!» —
Какая в этом дикая тоска. . .

А я поэт. Я верую в бессмертье.
Оно не в монументах, не в статьях.
Что мне до них, когда не бьется сердце
И фосфор загорается в костях?

Увы, так называемая «слава» —
Эрзац бессмертья, только и всего.
Ее величье утешает слабо.
Мое ж бессмертье — это естество.

Покуда здесь сознание наше немо,
Моя догадка не галиматья.

Поверьте ж в эту сказочку. Не бойтесь.
(Рой электрснов всё ж не кутерьма.)
А поначалу в корне всех гипотез
Лежит веселая игра ума.

3

Моя идея теплится едва...
Наивная,
        она как дважды два.
Но для науки это не предмет,
Она мечту не примет на поруки:
Ей нужно доказательство, науке,
Мне этого не нужно. Я поэт.

4

А Я ДУМАЮ ТАК...

Материя в сумме своей конечна.
Материя времени не чета:
Она ограничена, и, конечно,
Ее можно было бы всю сосчитать.

Вода подымается к небу в тумане,
Но где-нибудь опадет всегда:
Над Волгой, в Киеве ли, за Таманью...
А это одна и та же вода.

Откуда же взяться другой? Ведь в сумме
Не сдвинешь материю ни на пядь.
Тихой росой или в блеске и шуме
Вода, испарившись, прольется опять.

Люди и рыбы, звери и птицы,
Подобно схеме вращения вод,
Умирают, чтоб возродиться,
Вечный свершая круговорот.

Жил Хафиз, появился Байрон,
За ним Рембо, Есенин вослед —
Один пастушонок, другой — барин,
Но это один и тот же поэт.

5

ЧЕЛОВЕК И СМЕРТЬ

Я подавил в себе звериный ужас
Перед небытием. Я смерти не боюсь.
Пускай моей идеи неуклюжесть
Смутит ученых сухарей. Я бьюсь
Над тем, чтоб весь народ сообразил,
Что все мы были, есть и будем!
Поэтому-то в меру своих сил
Смертеупорное внушаю людям.
Притом не становлюсь я на котурны,
Не вижу вечности в бессмертии семьи.
Я говорю: друзья мои,
Бояться смерти некультурно.
О, я едва лишь прикоснулся к Тайне,
Но ты бессмертьем глубь ее измерь:
Повторность электронных сочетаний —
Вот что такое Человек и Смерть.

6

НЕМНОГО ФИЛОСОФИИ

Мою идею смерив глазом лисьим,¹
В ней Будду обличает демагог.
Но ведь буддизм — это дуализм:
Для Будды дух бессмертен, словно бог,
А тело бrenно.

Но моя догадка
Совсем иное.

Излагая кратко,
Скажу, что в нас —

во мне, в тебе ли, в нем, —

---

¹ Речь идет о моей теории личного бессмертия.

Как звезды елочного фейерверка,
Взлетают электроны. Их огнем
Озарена вся наша суть. А мерка
Их напряженья, внешний их чертеж
Определяют наше «я». (Конечно,
История меняет облик внешний,
Но по природе мы одно и то ж.)

Итак, любой из нас навек очерчен
И выкован сверканьем золотым.
Они устойчивы, электросмерчи,
Но всё же где-то распадутся в дым.

А после смерти, через много лет
(Хоть не вмещает этого рассудок),
Они опять сливаются в рисунок,
Который уж не просто мой портрет,
А я. Я самый. Дышащий субъект,
А не двойник. Нося другое имя,
Я снова испытаю на себе
Любовь и бой

и снова сгину в дыме,
Чтоб снова всплыть, как феникс из огня.
Вот моя вера в самом сжатом виде.
А если Будда кое-что предвидел,
Тем лучше для него и для меня.

7

Не верую ни в бога, ни в науку:
Они меня не воскресят.
Я верю в то, что по витому кругу
Любого электроны возродят.

А потому врывайся в дым батальный,
Бросайся в бурю, весело визжа!
Ну, вот и всё. Хоть рифмы и банальны,
Но мысль оригинальна и свежа.

Бояться смерти — что бояться сна:
Она, бедняжка, вовсе не страшна,
Боятся смерти только наше тело,
Но это уж совсем другое дело.

Предсмертные страдания из лихих...
Но сколько раз мы испытали их
В течение жизни! Сколько умирали,
Не умерев. Так, значит, не пора ли
Возвыситься над смертью? Ведь она

На сотни возрождений нам дана.
Воскреснем мы не у господня трона,
А под ваяньем бога Электрона.
Упрямый скульптор, он наверняка
Одних и тех же лепит все века.

1964—1966

237

Когда я был молод,
силен
и была у меня улыбка,
завораживающая женщин,
я никогда не читал им
своих стихов.
Я находил, что такое средство
ниже достоинства моей музыки.

Но сейчас,
когда я очень устал
и улыбка моя
может выразить только неудавшуюся
жизнь, —
ради вас, дорогая,
я иду и на это...

Мне стыдно,
но я читаю
старые свои баллады,

в которых осталось что-то
от виолончельного тембра,
каким когда-то
была полна моя грудь.

1966

238. НОВЕЛЛА О ЗАТЯЖНОМ СНЕ

Что ни ночь — один и тот же сон.
Как я жаждал наступленья ночи!

С чего всё это началось?
Однажды,
Когда я шел на службу к десяти,
Мне встретилась в пустынном переулке
Она.
Мы разминулись.
В ту же ночь,
Хоть я совсем о девушке не думал,
Приснилось мне, что я ей поклонился.
Она ответила и улыбнулась.

На следующий день, когда я снова
Пошел на службу к десяти, она
Мне встретилась в пустынном переулке.
Под мышкой у нее была ракетка
В клеенчатом чехле.
Я поклонился.
Но девушка с надменным выраженьем
Откинула головку.
Этой ночью
Мне снилось, будто мы сидели рядом
На голубой скамейке у воды.
Лица я не запомнил, но приметил
Лишь ямочку на подбородке...
Утром
Я снова поклонился ей. Она
По-прежнему откинула головку,
И я увидел ямочку, которой
Не видел наяву.
На этот раз

Мне снилось: девушка сидит на камне,
А я в самозабвении сжимаю
Ее колени, милые колени,
Крутые, как бильярдные шары.
Но больше я не кланялся. К чему?
Ведь эта недотрога всё равно
Не обращала на меня вниманья.

С тех пор прошло немало дней. И всё же
Все свои ночи проводил я с ней.
Она меня не замечала днем,
Но в полночь приходила, целовала,
Шептала девичьим своим дыханьем
Заветные слова, которых я
Еще ни разу в жизни не слышал.

Как я был счастлив!
Что за чудо — сон...
Кто мог мне запретить?
Мы с ней, бывало,
Лежали в дюнах у морской губы,
Схватившись за руки, бросались в волны,
Плескались, хохотали — всё как люди,
Но утром, утром... В переулке снова
Она, любимая. Пройдет, не глядя
И даже отвернувшись. Белый свитер,
Такой пушистый... Клетчатая юбка...
На каучуке желтые ботинки...
А я? Я думал: «Знаете ли вы,
Что вы — моя? До трепета моя!»

Ушли недели, месяцы ушли.
И вдруг в один из августовских дней
Она прошла в кроваво-красном платье
И на руках

несла ребенка

в сон...

Теперь она приснилась мне женой,
А мальчик... Он, конечно, был моим.
И вот тогда-то среди бела дня,
Когда я шел на службу... И она...

Я вдруг остановился перед ней,
Как бык пред матадором, — будь что будет! —
И чувствовал, как на моем лице
Все мышцы заплясали, точно маска. . .
«Я больше не могу! — вскричал я зычно,
И переулочек отозвался гулом. —
Поймите, больше не-мо-гу!»
Она
Испуганно взглянула на меня
И шепотом ответила:
«Я тоже. . .»

1967

239. ОДА НАУКЕ

Подарил я другу перстень
С кровавым рубином.
Не был камень тот старинным,
Но достоин песен.

Грани будто из Гренады,
Точность до предела,
В окружении — гранаты,
Но не в этом дело.

Не в горах, грома изведав,
Не из черных ямин,
Не из царства самоцветов
Вынут этот камень.

Не столетиями рос он
По законам чуда,
Где сапфировая просинь,
Зелень изумруда.

Нет, на весь ученый форум
Среди красных дымок
Вытащил его из формул
Полулеший-химик.

Оттого-то, скороспелка,
Он достоин оды,
Не фальшивка, не подделка —
Кровный сын природы!

1967

240. ПО ДУШАМ

Тебе фашизм горше яда,
Ты сын России вроде бы,
И ничего тебе не надо,
Кромя родимой Родины.

Но даже Родину, пожалуй,
Ты любишь опрометчиво:
Твоя душа не задрожала
От зла всечеловечьего.

Тебе-то что? Вон чисто поле,
Курган под ворон-птицею,
А если Африка в неволе,
Так это ж за границую.

Чиста твоя святая совесть
В своей закрытой гавани.
Ты счастлив средь родных сокровищ,
Но упускаешь главное:

Лишь там фашизм грязногривый
Вздымает вои лютые,
Где чувство Родины в отрыве
От чувства революции.

1967

241

Москва! Величавая наша столица...
Но разве в этом одном твоя сила?
Москва стоцветна, Москва столика,
Москва не город, она — Россия.

Великая Русь обитает со славой
Во всех районах московских улиц:
Арбат с переулками — Ярославль,
Церквушки в Зарядье — маленький Углич;

Вокзальная площадь подобна Казани,
В кольце бульвара Воронеж увидишь,
А в центре, как золотое сказанье,
Встает над родиной город Китеж.

Всё в тебе дорого, всё в тебе мило,
И всё же не тем близка ты поэту...
Москва, Москва! В тебе сердце мира,
Ты кровью исходишь за всю планету.

1967

242

Я люблю свою родину тихо.
Как она мне бывает мила!
(Для китенка даже китиха
Уютна, тепла и мала.)

Я люблю без лихого гусарства,
Лобызавшего дедов пистоль.
Просто боль моего государства —
Это моя
Боль.

1967

243

Какое сложное явление — дерево.
Вглядитесь! В каждом — облик утомленный.
Ему на долю пало дело древнее:
Оно глотает солнце, как лимоны.

Потом зеленой хвоей и листвой
Раздаривает это солнце.

Заснет. Но исполинский подвиг свой
Опять свершает тут же, как проснется.

В нем жизни вековое волшебство,
В нем бьются воды, что волны покрепче.
Оно шумит, шуршит, и что-то шепчет,
И хочет, чтобы поняли его.

Оно страдает молча. Я прочел
В его морщинах горести нежданные. . .

Стул деревянен. Деревянен стол.
Но дерево — оно не деревянное.

1967

244. СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ДУБ

Вы думаете: «Коли дуб, так туп».
А ты пойми нутро его глубинное —
И вдруг услышишь сердце голубиное. . .
Вот, например, вот этот белый дуб:

Обученный за это лето грамоте,
Стоит он, как философ, меж столбов,
В нем имена всех девушек для памяти
И «Люба плюс Сергей равно *любовь*».

Он сохранит все эти имена,
Ни буквы одной не искорежа,
Он знает, что в иные времена
Придут к нему и Люба и Сережа,

Придут, седые, и с дрожаньем губ
Прошепчут имена как откровенье.
И он вернет им юность на мгновенье,
Сентиментальный толстокожий дуб.

1967

245. ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ
7 НОЯБРЯ 1967 ГОДА

1

Уж наплакался я, наревелся —
Вся жизнь прошла предо мной.
Я помню, как через рельсы
Шли дезертиры зимой,
Если ж в поезде, то в «обратном»,
Пренебрегши подвигом ратным:
Состояние армии было
До боли невероятным.

Шли дезертиры без музыки,
Порохом путь пропах.
Я помню драные смушки,
Оставшиеся от папах;
Раненых помню на дорогах
(Эмблему тех страшных годин) —
Их расстреливал на дорогах
Приказ номер один.¹

И вот они на параде...
Но правдой не покриви:
Представь себе истины ради
Шинели в бурой крови.
Плетутся. Но вот что странно:
Винтовки-то всё же при них!
Какая здесь дума застряла?
Что за лозунг в сердце проник?

2

За ними кровные братья:
Объятая дивной мечтой,
Двигается Красная гвардия,
Одетая кто во что:
Польты, ватники, шкуры,
Шляпы, кепки, шлыки;

---

¹ Приказ Керенского.

Литейщики,
  слесаря,
  винокуры
Идут, навесив штыки.

Идут. А рядом тальянки
О счастье голосают бойко.
И я среди них на тачанке
Свищу над лихой тройкой.
Горло перехватило...
Юность моя, ты вот!

3

А трубы рокочут.
  И с тыла
Конармия плывет.
Безусые, усталые,
Отцы да сыновья,
А лошади как статуи,
Копыта их мохнатые
Как трели соловья;
А лошади летучие,
Изящные, могучие,
У них гривы дремучие,
А груди что у льва.

4

Дальше Отечественная пошла.
Солдаты в железных шлемах...
Я от поэзии в ранге посла
Гремел среди них о нацистских шельмах.
(Видно, не зря, свою армию радуя,
Бил я врага стихом, как винтовкой,
Если Геббельс по радио
Мне пригрозил веревкой.)

Идут войска, раздувая стяг,
Идут войска, что брали рейхстаг,
Войска, что в муках безмерных

Взросли до легенды зёмного шара,
И вижу я среди них бессмертных
Зою,
    Матросова
                    и Лаара.

б

Бьют барабаны.
Мир!
А ведь нам
Только мир-то и нужен.
Но янки накинулся на Вьетнам
Со всем своим экстра-оружьем.
Откуда опасности — не отгадать:
Родезия, Конго, Израиль...
Неонацизм в Бонне опять
Злобно Россию излял —

И потому-то в стране создана
Гроза, что выдумал сам сатана.
(Пусть кто угодно корит меня
Отсутствием гуманизма,
Но мы не хотим, чтобы всякий маньяк
Гибелью мира спасал бы мир
От коммунизма!)

Вон серебристая. Еле ползет,
Огромная, точно кит на пляже.
Скажем прямо: не повезет
Тем, на кого она ляжет.
За ней вторая, третья, шестая —
Адских чудовищ

    стальная
                    стая.

И атташе, оглохнув от шума,
Нервно захлопнул пасть:
Да... Придется крепко подумать,
Прежде чем на Россию напасть.
Меж тем страна вступает на площадь:
Монтажники,
    физики,
                    пастухи,

Флаги трещат, стяги полощут,
Пляска, песня, стихи...
И я уж не плачу от умиленья,
Напротив —

смеюсь!

Как хочется жить под знаменем Ленина
В царстве нежнейших муз!

1967

246

Деревья надышали небо
За десять миллиардов лет.
Иное криво и согбенно,
И кажется — в нем жизни нет.

Оно весной шуршит всё тише,
Понуро стоя над ручьем,
И всё же дышит, дышит, дышит,
Не помышляя ни о чем.

И эту сложную заботу
Не покидая ни на миг,
Стоит оно сродни заводу
И поучает нас самих.

О милый деревянный идол!
Как не склониться пред тобой?
Ты людям древесину выдал,
Ты дал им скрипку и гобой,

Избу, и шхуну, и посуду,
Но даже сгорбься и склонясь,
Ты дал понять, что небо всюду —
И в вышине, и вокруг нас.

Душа! Пускай судьбишка плачет,
Тебя не одолеет быт:
Ты обитаешь в небе — значит,
Обязана счастливой быть!

1968

Старцу надо привыкать ко многому —
К слепоте, глухоте и слабости.
Но, хотя отпущен малый срок ему,
Он от жизни ожидает сладости.

В чем она? Ответить он не может.
Да и радоваться разучился.
Вся отрада — день сегодня прожит.
Как монеты, он считает числа.

19 марта 1968

ПОЭМЫ

Б. Я. Сельвинской

ГЛАВА 1

Телеграмма пришла в 2.40 ночи.
 Ковровый тигр мирно зверел,
 Пока его хозяин,
                     дребезжа на одной ноте,
 Истерически носился от окна до дверей.

В окно был виден горячий цех.
 Хозяин бекасом бегал поджарым
 И вдруг споткнулся о тигровый мех
 Под статуей негра с матовым шаром.

И вдруг
                     в окне,
                     будто в первый раз,
 Правду увидел, народ услышал,
 И тут-то открылся ему без прикрас
 Этого зрелища тайный смысл:

Те же искры как будто не те ж.
 Казалось, в цеху ковали мятеж,
 Казалось, под грохот и перезвонцы
 В копоти черной всходило солнце.

И снова бег по мерцающей зале,
 Где всё очужбинилось — дверь ли, стена ль...
 Вот опрокинул вазу азалий,
 Вскрикнул, опомнился и застонал;

Вот он зажег матовый шар,
Подъятый статуей негра;
Вот потащил, по тигру шурша,
Чемодан с наклейкою «Montenegro».

И стал швырять, метать, кидать
Бумаги... Червонцы... Метелицу меха...
Стиснул руки. Спросил: «Куда?»
Ответил: «Некуда!» — и уехал.

И вьется за ним серебристая пыль.
Ветер утих. Полумесяц ярок.
Но черным видением автомобиль
Умчался, уменьшаясь в рубиновый фонарик.

Таланов был из заводчиков третий,
Но первый и даже первейший плут.
А впрочем — что вам в его портрете?
Всё равно его скоро убьют.

Рушился мир из «сакса» и «севра».

День

вставал

мглист.

Уже погодка серая от севера
Сыпала красный октябрьский лист,

Уже агитаторы железною речью
Наспех расковывали цеха,
Уже миллионы вставали навстречу
Ленину и ЦК:

Забойщики, вагранщики, сверловщики,
клепальщики,
Строгальщики, чеканщики, крепильцы, гвоздари,
Тихони да бедовые, старики да мальчики
Из Питера, Самары, Твери.

Тут вправду мятеж, как солнце, варили.
Здесь революцию звали на «ты»
И говорили, говорили, говорили
За все за годы своей немоты.

О чем? Всё о том же: по пунктам, по главам
Декрет обсуждали до дыр.
Здесь каждое слово о самом главном:
«МИР И ЗЕМЛЯ!», «ЗЕМЛЯ И МИР!».

А тут уж ворочался с Мазура и Стохода
По горям овсов да вик
В волдырях,
обмотанных
верстами
похода,

Обглоданный
вшами
фронтовик.
Он шел домой безо всякой оказии,
Сам он сказал себе: «Вольно!»
Хватит с него хохотать обезволенно
В до смерти веселящем газе,
Будет с него по ночам тихонько
Плакать в усы от писем,
Когда завздыхает в окопе гармоника,
Трупным мешая крысам.

И грозная дума в душе завелась,
И вот —
вопреки поповским заветам —
Грянул безбожий лозунг:
«ВЛАСТЬ
СОВЕТАМ!»

Он шел домой. Он деревню разбудит.
Держися теперча, орлена казна!
Лучше ли станет? Кто его зна. . .
А только того, что было, — не будет.
Так хлынь с фронтов, шинельное море, —
Эх-ма!
Все, кто мерзли, все, кто мерли,
Безвинные смертники — тьмущая тьма!
Астрахань,
Тула,
Рязань,
Самара,

Старая Руза,
  Красный Кут,
Слегка отдуваясь облачком пара,
Идут, идут, идут, идут. . .
Если бы весь этот пар от дыханья
        Сжать горизонту в тиски —
Встал бы туман человеческой тоски,
        Солнце одурманя.
Если бы каждый солдатский вздох
        Спустить на доли и воды —
От урагана бы мир оглох,
        Согнулись громоотводы.
Если б из каждого нерва могли
        Высечь по искре хотя бы —
Ахнуло бы извержение Земли!
        Так
  и родился
  Октябрь.

Как бочка, где бродят хмель и вода,
Вспучась от газов, взрывает обруч,
Россия во чреве растила удар,
Разнесший ее стародавний образ.
И дедкой за репку по пене по той
Айда! . . — катится на ширмах Петрушка:
        Паук-протопоп,
        Крича про потоп,
        Мешок-буржуй на пушке,
        Да в Крым, да в Кемь, да на Урал
        На палочке генерал. . .
        «Эй, яблочко,
        Куды ж ты котися?
        К нам в ревком попадешь —
        Не воротися».

Товарищ Гай — председатель ревкома.
(Студент. Из Питера. Двадцать семь.)
Утро — а он и не спал совсем,
Уйдя в разворот небольшого тома.

Ленина он и раньше читал.
Бывало, в университете,
Думать забыв про студенческий бал,

Брошюры его впивали, как дети, —
В те годы немало огарков изжег
Милый сердцу тайный кружок.
Как жаль, что тогда он читал «вообще»!
Ленин звучал для него, как Герцен.
Он представлял его даже в плаще,
Воспринимал не умом, а сердцем.
О, этот пафос! Разящий язык!
Но точность формул промчалась мимо...
Теперь же он ленинец. Большевик.
Он в самой гуще огня и дыма.
Сейчас уже доблесть Гая не в том,
Чтоб видеть поэмой ленинский том.
От зорьки до зорьки в ревком топот:
Вопросы ответов ждут от него.
Какое дело кому до того,
Что зелен его политический опыт?
Теперь он обязан осмысливать класс!
Часы на учете. Время сурово.
Отныне у Ленина каждое слово —
Напоминанье, совет, подсказ.

Взять, например, обомшелый, древний
Вопрос о русской деревне.

Согласно декрета № 1
Село получило помещичьи земли.
Однако их роздали не затем ли,
Чтобы крестьянин, как гражданин,
Мог от трудов своих рук питаться,
Забывши о слове «эксплуатация»?
Но можно ли, — думает Гай, — полагать,
Будто теперь уже мир и согласие,
Будто в деревне тишь да гладь,
А классы уже не классы?

В чем социальный критерий села?
Надел?
Но кулацкая малая площадь
Умножена вечной арендой была!
Ленин писал, что критерий — лошадь.

Лошадь — это цифра посева!
Одна лошаденка? Значит, бедняк.
Значит, ему не прожить никак,
И шел он в отхожий на юг и на север.

Две лошаденки — уже кое-что.
Середнячки понимают сами:
Не занесешься на паре мечтой,
Но можно сводить концы с концами.
Но тройка, четверка, шестерка грив —
Это уже степное раздолье,
Всем очевидное многополье,
Рубль, катящийся, всё перекрыв!

Но так ведь было перед войной.
Теперь же счет, очевидно, ипой:
Теперь кулак это нечто вроде
Анахронизма, Владимир Ильич, —
С тех пор, как кони погибли на фронте,
Крестьян под одно приходится стричь.
Если однолошадник — бедняк,
А у Еремы одна лошадка,
Значит, ему по-бедняцки несладко,
Хоть он и бывший кулак.

Гм... А всё же — тут что-то не так...
Ерема оправдан уж очень бойко.
Однако — с другой стороны: *кулак!*
Но где его лошади? Где маслобойка?
Мельница, пусть об одном крыле?
Пшеница? Вика? Хотя бы сено?
Ведь кулаки, говоря откровенно,
Живут не в анкетах, а на земле!!
С улицы неся утренний гул:
Деревня тянулась к ревкому, к ревкому...
Гай очнулся, лампу задул,
Наспех умылся и вышел из дому.

У зданья ревкома кого только нет!
Тут понизóвые, тут верховые...

Вот козырнули ему часовые,
Гай кивнул и вошел в кабинет.

Уборщица вносит четвертку хлеба,
Чай и к чаю конфету. (Одну.)

«Нынче престольный Бориса и Глеба;
Я, комиссар, на часок».

— «Ну, ну».

Вдохнул. Туман покатился от пара.
В углу забытая дремлет гитара.
Овес растет меж бумаг на столе.
На окнах в ряд воронье сидело.
Ощупал револьвер с пулей в стволе,
Словно бы сделал какое-то дело,
Рассеянно переложил дела
Слева на правый угол стола.

Как трудно сегодня начать работу!
То ли бессонница... То ли весна...
Гай бездумно стоит у окна:
Комрот куда-то повел свою роту,
Впрочем, это, пожалуй, комбат.
Киргиз на верблюде, как некое чудо,
Везет прозрачный куб изумруда
С Урала-реки на мясной комбинат.
Чекалки вопят за тощей отарой.
Степная страна... Степная страна...

Он дернул жилку висящей гитары —
И крылышками обрастает струна.
Дребезг черного грифа о гвоздик,
Жаркого тембра басовое дзз...
И веет о щеку прохладный воздух
Призрачной стрекозы.
«Русь!» — произносит тихонько Гай.
Русь... Неумолчный вороний грай...
Как дорог нам свет пустынной зари,
Как внятеñ дикий ковыльный дух нам,

Взамен черпалок с ковшом — грабари,
А вместо блоков и кранов — «Эй, ухнем!».
Но в лирике этой выхода нет.

И вот уже, весело степь озирая,
Он думает: «Здесь я выявлю нефть!
В этом грядущее этого края.
Только бы вывезти в гору воз,
А дальше возьмем настоящие темпы.
Из Гурьева я бы рабочих привез,
А инженеров с Эмбы.
Глядишь — подойдут казак да киргиз,
И там, где сегодня лают чекалки,
Земно кланяясь вверх и вниз,
Нефть засосут качалки».
Но уж давно отгудела струна.
Отдых кончился. Баста.

«Дозвольте войти?»

— «Входи, старина».

— «Здрасьте».

— «Здорово. Садись, пожалуйста».

Гай говорил деревенским «ты»,
Считая, что так задушевней.
(Он знал лицо городской нищеты,
Но плохо знал бедноту деревни.)

Старик в заплатанном зипуне
Пришел из села толковать о коне:
«Нас, комиссар, никому не жалко.
Одни напасти. Один недоед».

«Постой, постой. Ты откуда, дед?»

«Мы из деревни Сухая Балка.
Хома Хомич. Землишка тово...
Землишку дали под рождество.
Спасибо советской власти».
— «Вот, видишь. А ты говоришь про напасти».

«А чем пахать-то? Иде у нас лошади?
Что ж нам на ваших угожьях — замлеть?»

Вы, комиссар, давайте положьте
Четвертый параграф декрету об земле».

«Да где же я вам коней наберу?
Кони тебе не грибы во бору.
Были да сплыли. Война, Фомич!
Пять процентов осталось всего лишь».

«Из конского из заводу позычь:
Дадут, коль ты повелеть соизволишь».

«Конский завод, Фомич, не с руки.
Конечно, великая вещь. Не скрою.
Да только завод стоит за рекою,
А власть моя всего до реки».

«Да ведь, касатик, на том берегу
Тоже Россия небось?»
— «Не могу».

Входит моряк — Седых Алексашка:
Сиски в сетке, аховый клеш,
Ширью морской на груди тельняшка —
Дашь!

За ним Кулагин — капустные уши.
Смахивал он на летучую мышь.
Но с ним входила идея удушья:
Тш-ш-ш...

В русской литературе типаж
Выписывается всегда кропотливо,
Со всеми деталями, четко на диво —
Во все эпохи методика та ж;
Но в русской народной драме, однако,
Герой объявляет, войдя в балаган:
«Я паршивая собака
Царь Максимильтян!»

Мне с типажом канителиться некогда:
Дел предо мною кипа из кип,
Так вот я сразу: в бушлатке некто
У меня положительный тип,

Тогда как сосед его — тип отрицательный.

Договорились, читатели?

Василий Кулагин с разбухшим томом,

Сашка Седых с четвертушкой листка.

Василий Кулагин был упродкомом,

Седых — председателем ЧК.

Оба уселись. Глядят на Фому.

«Не можете?»

— «Нет, дорогой».

— «Почему?»

Кажись, революция. Всё возможно.

Что дли народу, то и не грех».

(Старик засмеялся весьма осторожно,

Точно рассыпал мелкий орех.)

Гай: «Повторяю, Фомич, не могу:

Конский завод на том берегу».

Входит мужик в солдатской шинели.

«Я из села Отлогого».

— «Так».

— «Ветров Никодим. Через две недели

Надо пахать. Весна не пустяк.

Момент прозеваешь — и будь здоров.

Тогда уж зерно покупай за монету».

«Нет лошадей у меня, Ветров.

Понимаешь ты? Нету!»

«Что ж. Понимаем. Где уж ясней.

Да мы не про вас беседу заводим —

Интересуемся конским заводом:

Две с половиной тыщи коней».

«Этого я не могу».

— «Почему?»

— «Конский завод в Буранском уезде».

— «Рядом, однако».

— «Но кто я ему?»

Чужой ревком. Попробуйте — влезьте!»

Крестьянка, инеем разряжена,

Вошла, по-солдатски стуча сапогами.

«С весною вас! — запела она. —

Кто комиссар тут?»

— «Я».

— «Вы сами?»

Очень приятно это. Ну вот.

А я Зимина. Солдатская женка.

Прошу: одолжите мне жеребенка!

Ведь рядышком цельный конский завод».

«И эта туда же!»

— «Хоть клячи какой...»

— «Но не могу я! Господи боже».

— «Да нам не то чтобы конь лихой.

Пускай у него ни кожи ни рожи —

Были б четыре ноги».

— «Друзья!

Мы не имеем права! И я

В качестве...»

— «Ну хоть одра какого!»

Гай

встал:

«Даю вам слово:

Мы душу положим за бедняка!

Конский завод разорять не смеем,

Однако помочь вам всё же сумеем.

Выход найдем. Прощайте пока».

Крестьяне вышли в соседний зал,

Где небо в амурах, паркет и панели... .

С минуту стояли, потом покряхтели

И стали спускаться.

Фомич сказал:

«Конский завод, говорит, не смеем,

А выход найдем».

— «Найдешь, да когда?»

А мы вот сидим, ни шиша не сеем».

— «Эх, комиссарики-господа!

Взять-то взяли российский домок,

А как уладиться в нем — невдомек».

— «Как невдомек? Да ведь землю-то дали!»

— «Землю... А что земля без коня?»

И три мужика, по ледышкам звеня,
Опять поплелись в неприятные дали.

Меж тем в кабинете товарищ Гай:
«Вопрос о конском заводе оставьте.
Да дело не в нем, говоря по правде:
Не лошадь подымет степной этот край.
Мы вот что: талановский орудийный
В сельскохозяйственный превратим.
Я уже вижу такие картины:
По пашне ходит не конь, а дым!
«Фордзоны» всякие... Локомобили...
Пусть их немного сначала, но пыл:
В каждом пятьсот лошадиных сил!
А? Вот то-то!

Ты съезди, Василий,
Выясни, сколько металла у них,
Проверь инженеров на всякий случай».
— «Я поеду!» — сказал Седых.
Кулагин крикнул: «Чего же лучше?»

Но Гай возразил: «Наломаеть дров.
Хоть инженеры сплошное болото,
Но это тебе не охота на дроф —
На соловьев скорее охота:
Тут уж не пуля берет, а нить —
Не убивать тут, а приманить!
Поэтому, Саша, я полагаю...»

Но Сашка не ретируется вспять.
Прервавши Гая, он встал — и Гаю
Категорично сует свои пять.

ГЛАВА 2

Завод отстоял в 20 верстах.
Ругая дорогу и так и растак,
Сашка в ревкомовском шарабане
Дотрясся, вошел и сказал: «Привечай!»

Директор пил березовый чай,
И в комнате пахло баней.
Увидев чекиста, застыл старикан —
В глазах заметался пейзаж Сахалина,
Но всё ж улыбнулся и подал стакан
С двумя облатками сахарина:

«Я очень рад. Угощайтесь, пожалуйста.
Чем богаты, как говорится».

Крицкий моргал, и так это жалостно,
Будто вот-вот заплачет Крицкий.

«Дело такое! — сказал чекист,
Хлебнувши березняка в сахарине
И тут же выплюнув банный лист: —
Заместо орудий будешь отныне
Тракторы делать. К черту войну!
Тракторы. Ясно, а?»

— «Понимаю.

Ну что ж. Попытаемся. Может быть, к маю...»
— «К марту!»

— «Но нынче февраль!»

— «Да ну?»

— «Дело благое... — вздыхает директор. —
Задача текущего дня...»

Но... так сказать... новизна проекта
При сжатых сроках... Простите меня,
Но как гарантировать в полной мере
Обеспечение сельской весны?»

Чекист о главном спросил инженере,
Но тот, работая для войны,
О тракторах не имел представленья.
Седых звонит туда и сюда —
Бессильно всё заводское правленье,
А на носу посевная страда.

Так. Всколыхнулась зыбь на груди,
Над глазом запрыгал живчик:

«Слушай! Ты человек из бывших,
Так что... Сам понимаешь... Гляди!»

Он встал. Не простившись, отбросил двери.
«Гады! — шептал он угрюмо. — Звери!»

Сашке ясно: тут саботаж.

Ладно. С Крицким расправимся лихо.

А за директора сядет Четыха —

Молотобоец. Человек наш.

Но ведь, по совести говоря,

Крицкого он обругал зря —

Тут уж не справиться и Четыхе;

Поздно, видать, спохватился Гай...

Однако февраль по-весеннему тихий...

А что, если... А? Душ-ша, пропадай!

Сашка Седых — моряк с «Евфросинии»!

Ящик с револьвером, аховый клеш,

Грудью ходит зыбь распросиня —

Даешь!

И вот пошел грузовик-пятитонка.

На нем вплотную рабочий народ.

На нем, словно аист, на ножке тонкой

Глядит в зенит пулемет,

А рядом с шофером — за вспыхом вспых:

Жадно сигарку сосет Седых.

Их встретила степь своим небом усталым,

За ним чужая казацкая весь.

Но снег вокруг уже пахнул талым,

И запах весны волновал, как весть.

Весна, весна! Еще нет на свете

Лазури, подснежников, перепелов,

Но уже душу вымотал ветер

Звоном дальних колоколов.

Весна! Быть может, она этот звон?

Быть может, звучит само мирозданье,

Как звон в ушах в часы ожиданья,

Когда ты болен или влюблен...

Шофер в нетерпении подбавил газа.
Восходит усадьба,
Газок сильней —
И вот знаменитая конская база
В башнях и флагах открылась за ней.
Машина махнула в усадебный двор.
Три овчарки в захлебе слетелись,
И вышел, оглаживая пробор,
Что-то дожевывая, владелец:

«Чем могу служить, господа?»
— «Мы с реквизицией. Населению
Кони нужны. Посевная страда».
— «А! Понимаю. Но, к сожалению,
Я не держу крестьянских коней.
Ведь у меня что ни лошадь — порода».
— «Это ништо для народа.
Хлеб важней».

«О! И вы согласитесь впрячь
В грубый плуг рысаков Орлова
Вместо каких-нибудь жалких кляч?»
— «Придется».

— «Пикантно. Честное слово.

Но мой завод не уездный завод.
Это гнездо тридцати поколений.
Если приедет Владимир Ленин —
Дело другое. Пусть заберет.
Но вам, представителям местной власти,
Я завода отдать не могу».

Вдруг из-за дома послышался гул:
Отчетливый шаг пехотной части...
И тут же выглянуло на крыльцо
Известное по газетам лицо:
Долгоносо, поджаро, безгласо,
Стоит оно, смахивая на бекаса,
Тревожно поднявшегося в гнезде.
Таланов! Так вот он прячется где...
Но дальше в накинутаой наспех шинели,
С салфеткой, заткнутой за жилет,
Вышел пузан седеющих лет.

Генерал Гунтер! Он? Неужели?
Сашка... На лбу проступили пятна...
Сашке теперь уже всё понятно.
Так. Приехали в самый раз:
Конский завод поступает к белым!
Тихо и сдержанно разъярясь,
Сашка вытащил парабеллум.

«Значит, пахать орловским конем
Могут желать дурни?
Ну, а в атаку идти на нем
Против рабочих гвардий — культурней?»

А грохот сапог всё ближе, ближе...
«Einz-zwei! Einz-zwei!»¹
Вот офицер показался рыжий.
Четыха крикнул: «Саш! Не замай!»

Сашка рванул воротник (ему душно!),
Владелец жует и глядит благодушно:
Он предвкушает победу.

И вот
Из Вены, из Лемберга, из Аустерлица
Вышел и замер пехотный взвод
Военнопленных австрийцев.

Таланов тихонько отходит в тыл,
Решив, что не место здесь капиталу.
Но Гунтер задохся, салфетку схватил —
И жест к австрийскому капитану!

Капитан Зверж, очевидно чех,
Уткнув подбородок в остистый мех,
Скомандовал «на́-руку!» австриякам —
И вспыхнули ножевые штыки.

«Австрийцы! — Сашка вскричал. — Братки!
Мы тоже вполне готовые к дракам.
Но черта ль вам парабеллум мой
Или шоферский маузер?»

---

¹ Раз-два! (Нем.) — *Ред.*

Революция
вас
отпускает
домой!
Идите домой! Понимаете? На хаузе!»

«В штыки!» — завопил генерал.
«Вперед!» — скомандовал Зверж.
Но австрийцы
Стоят неподвижно.
Австрийский взвод
Грезил о парках своей столицы...
Тогда, на выручку спеша,
Вылетели три ингуша.
С гиком толкая лошадок ногами,
Под дикий собачий гам,
Рраз в пехоту — и ну нагайками
Вправо и влево по головам!

Летят каскетки, сбитые смаху,
Очки в обрамлении роговом...
Военнопленные стонут, ахают,
Закрываются рукавом.

Кто-то упал... Попятился кто-то...
Кто-то сам под копыта ползет...
Но тут описал полукруг над пехотой
С грузовика пулемет.

«Айда, Четыха! Давай! Круши!»

Пленных не тронули умные пули,
Зато послушно с коней соскользнули
Мертвые ингуши.

Старик... Но где этот пышный старик?
Старик испарился сразу.
И тут-то пронесся ликующий крик:
«На базу!»

Может быть, надо было сперва
Кинуться в комнаты всем авралом

За этим... за Гунтером... за генералом...
Э... Не там была голова!

С загонов тревожно глядят стригуны,
Конюхи с ипподрома.
Машины — туда!
«Именем ревкома
Открыть конюшни для всей страны!»
Да, вот это были деньки!
Мигом раскрылись все денники.
Волей запахло, точно в апреле.
Кони заржали, кони запели...

Первым вынесся красный Трезвон —
Зверь-жеребец благородной крови:
Алая шея, хребтом червон,
В боку багряный, в паху багровый.
Он сразу влетел в седые ветра,
Подъятый силой незримых воскрылий,
Блеща, как будто его окатили
Мокрой киноварью из ведра.

За ним выплывают сытые, красивые
Белые, чалые, вороные,
Бусые, бурые, сизые, сивые,
Голубо-серые, серо-стальные.

Степь! Головными летят дончаки:
Рыжие сами, белые чулки,
А дальше вороны кабардинские,
Карабахские, ахал-текинские,
Хэки, эстонские клеппера,
Тяжкие, поджарые, высокие, низкие,
Амурские, башкирские, калмыцкие,
киргизские,
Жмудки, финки, марш-кремпера.

Гривы, гривы... Скользящие мускулы...
Цокот — ливня подробней...
Музыка, музыка, музыка, музыка —
Мощные барабанные дробы,
И звон земли в снеговых накрапах,
Стонущей в ожиданьи весны,

И запах, волнующий конский запах,
Древний, скифский запах войны.

Сашке досталась кобылка Нана.
Сухая, извилистая — она
Напоминала серую змейку,
Когда подымается та из колец.
Сашка взял ее ради смеху,
В спешке, из глупости наконец,
А может, по совести коммуниста,
Махнувши на то, что он предчека,
Взял, что похуже, что неказисто,
Вместо роскошного дончака.

Мелкоголовка, на ножках-струнах
При длинной колодке (первый приз!),
Она походила на «левый» рисунок,
На карандашный капрыз.
Вдобавок — глаза раскосы и злы,
А мех окраски рябой золы.

Матрос подумал, что лошадь годна
Разве на барахолку.
И всё же вскочил, ухватясь за холку, —
И чинно выступила Нана.

Пока он искал короткое стремя,
Покуда рукою ногу вправлял,
Конь изящно хвостом вилял
И двигался вместе со всеми.

Когда же, устроившись прочно в седле,
Матрос кобылку ошпарил плеткой,
Нана захрипела сдавленной глоткой,
Кинула задом — и тот на земле.

Черт! От этой не будет толка.
Сашка сидит, потирая грудь.
Но та и не думает сгинуть, ничуть,
Хоть нервно стоит, содрогаясь холкой.

Матрос ковыляет к луке седла...
«Тпру, тпру... Не бойся... Послушай...»
Но лошадь змеиным глазком повела,
Ощерясь и приложивши уши.

«Зачем же кусаться? Хорош! Хорош!»
Под теплой ладонью скользнула шея,
И вот у коня исчезает дрожь,
Конь подобрался, почти хорошея...

«Хорош, хорош!» — воркует Седых.
Ушки воспрянули. Конь затих.
Только чуть-чуть запотела косица,
Которую, может, заплел корнет.
Но больше не скалится, не косится...
Жалко — сахару нет.

Сашка застенчиво поднял ногу,
Взявшись теперь за арчак седла,
Сел и, устроившись, слава богу,
Вежливо попросил: «Пошла?»

И лошадь тронулась вперед,
И лошадь повода берет.
Сначала цокот через двор,
Шажок с рысцою пополам,
И вдруг

        легко
                понеслась по полям,
По полям, по лугам во весь опор.

Сашка робел подобрать повода,
Даже стеснялся сказать неприличность.
Сашка подумал: «Вот это — да!»
Сашка понял, что конь — это личность!
Он уважительно только сопит,
Держась за арчак... потерявши стремя...
Кобыла летела. Летела, как время,
Сыпля секунды из-под копыт.

Жмудки да финки остались сзади,
Хоть и стучали, старательно мчась:

Не пробежать им, бедняжкам, за день
Того, что текинка прошла за час.

Клепперы — мимо. Кремперы — мимо.
Хэки, бегущие неутомимо.
И, наконец, у Чаган-реки
Даже червонные дончаки.

И вот пройден Буранский уезд,
А впереди — кладбище, деревья,
Алеет зарей позслоченный крест,
Бедняцкая тихо дымится деревня.
Много богатых чувств на земле
В самой обычной житейской золе.
И все-таки радость, печаль или страсти —
Все это «я», «для меня», «мне»...
Но кто испытал великое счастье
Сделаться нужным целой стране,
Кто хоть однажды увидел себя
Как бы помноженным на миллионы,
Тот... У того отныне судьба
Станет особенной, закаленной —
И не проймет закала ее
Ни блеск, ни тюрьма, ни житье-бытье.

С таким-то чудесным чувством в груди,
Не помня себя, грозовой, веселый,
Несясь на текинке своей впереди,
Сашка влетал в деревни и села,
Каждой хатке истошно крича:
«Граждане! Это от Ильича!»

Дед Хомич, спаси и помилуй,
Весь онемел, получив кобылу.
Тихо плакал Ветров Никодим
Над меринком седоватым, как дым.
Женка солдатская ахнула только,
Переменясь от испугу с лица,
Когда ввечеру появился Колька,
За недоуздок ведя жеребца —

И тот, пламенея, стоит на дворе,
Точно его искупали в заре.

Сколько бежит Чаганка-река,
А никогда того не бывало,
Чтоб государство у мужика
Не только чего-нибудь не отбирало,
Напротив — само дарило ему,
Да и не то, что похуже, поплоше,
Не зеленуху-краюху в суму:
Живую, друзья, богатырскую лошадь!
И смаковала деревня всласть:
«Да-а... Вот это, брат, *наша* власть!»

А там, в усадьбе, пустые станки...
Белые ласки пищат на конюшне.
Не запоют поутру стригунки,
И не взъерошит их ветер южный.
Мрачно спустилась безглазая ночь.
Овчарки — и те улеглись, залаяв.
Кто ж это вдруг закричал во всю мочь:
«Улялаев!»

ГЛАВА 3

Где взять мне той чудесной простоты,
Которой требует моя эпоха?
За новый стих рубились мы неплохо,
Но победив — стоим средь пустоты.

Читатели предпочитают ямбы.
Смириться ль? Дать себя опеленать?
Частенько слышишь: «Вот, голубчик, вам бы
У классиков повадку перенять!»

Спасибо, говорю. В пятнадцать лет
И я воспитывался в том же роде,
Но ямбы не вполне в моей природе,
Да и отцвел ямбический куплет.

Иное дело — паузы, затакты,
Движение синкоп и контрапункт —
Живая вещь! А между тем редактор
С опаскою глядит на этот путь.

А между тем по этому пути,
Что будто бы сворачивает скулы,
Идут такие разговоры и гулы,
Каким в увядшем ямбе не пройти.

Простая вещь. Доступнейшая штука.
Терпение пятнадцати минут.
Но с непривычки стих дается туго,
Строфу сломают, сдавят, подомнут,

А там пошли от раздраженья пятна —
И книжица уже летит в окно!
Всё старое понятно и приятно,
Всё новое обидно и темно...

И вот мой стих напоминает город,
Взорвавший мост у крепостных ворот.
Но я люблю великий мой народ —
Нас никакие ямбы не рассорят.

Читай же ямбы! Вот они — читай,
Привычным обаянием объятый.
А я тебя меж делом в свой Китай
Введу тихонько за руку, как брата,
Чтоб ты потом открыто мог сказать
Клеветнику, что ненавистью пышет:
«Илья умеет ямбами писать,
А раз не хочет, пусть иначе пишет».

Однако

тут

не в желаниях дело.

К ямбам, читатель, и я не остыл.
Но лира не шалости с нами затеяла:
Век диктует поэту стиль.

Подобно тому, как скелет динозавра
Воссоздают по одной кости,
Мир любой не сегодня-завтра
Воссоздадим, узнав его стих.

Пусть это песня о сладостях мига,
Экономический здесь трактат —
Ритмы подскажут: пахали мотыгой
Или прошли по земле трактора.

Но эпохальные ритмы сами
Не посещают наш кабинет:
Мысль,
                    выраженная
  словами,
Это еще не поэзия, нет!

Поэзия — это слова, но такие,
Где время дымится из самых пор.
Так дай же в стихи ворваться стихии
Всем эстетам наперекор!

В эпохе ищи свои ритмы — иначе
Вбок уйдешь на сто саженей.
Быть современником вовсе не значит
Стать современным. Дело сложней.

И пусть не всем эта правда видна,
И в окно летит моя книжица,
Знаю: поэзия, как и война,
Не по правилам движется.

Итак, смелее, моя строка!
Да осенит тебя Мусоргский —
Ведь я добиваюсь от прозы стиха,
Как он от обыденной фразы — музыки.

«Москва.
Кремль.
Товарищу Ленину.

Прошу положить конец преступлению.
Седых, председатель соседней ЧК,
На мой конзавод с пулеметом ударил,
Всю родословную разбазарил,
Себе самому подарив рысака.
Борюсь, но не вижу поддержки ни в ком.

Аджибеев. Буранск. Ревком».

Бледный с желтинкой, но собранный, крепкий,
Владимир Ильич в пальто, но без кепки
В районном клубе стоит у кулис.
Когда сообщали ему о телеграмме,
Люстры зажглись,
  лампionato зажглись,
В графине от знамени вспыхнуло пламя —
И вот президиум (человек сто)
Вырос из массы и хлынул за стол.

У Ленина дернулся нервный рот,
Он глубже засунул в карман свою кепку
И в ожиданьи шагнул вперед
В леса декораций, в пятна и лепку.
Но секретарь, не снимая галош,
Пошел за Лениным:
  «Что ж им ответить?»

Ленин

Этот рысак — очевидная ложь.

Секретарь

А произвол? Как не отметить?!

Ленин глядит: эстрада в дыму
Сто голов повернула к нему.
Вождь! Он сейчас пронесется к трибуне
Да так, что ветер по пальтецу!
Встретит гром его ласково-буйный —
И вот он с народом лицом к лицу.
Не в первый раз ему выступать,
И всё ж он не может не волноваться...

Секретарь

Владимир Ильич! Повторяю опять:
Этот Седых...

Но грохот оваций
Заглушает секретаря,
И он, подумав: «Сам я отвечу»,
Ни звука больше не говоря,
Упился ленинской речью.

Слово!
Нигде и никогда
С такою мощью ты не звучало,
Как в эти дымящиеся года,
Где сотворялось начал начало.
Ни краснословия, ни острот...
Время грозой о себе возгласило!
Не орган речи на митинге рот —
Это судеб вековая сила.
Здесь в каждом звуке древняя боль,
Здесь в каждом слове история дышит.
Отныне, поп-златоуст, не глаголь,
Трещи, адвокат, элоквенцией тише —
В железных тезисах этой поры,
В дельной речи, никем не воспетой,
Великие зарождались поэты,
Пророки, двигавшие миры.

«Товарищи!
Главное, главное, главное:
Ликвидировать голод в стране.
Если не справимся с этим к весне —
    Революция обезглавлена!
Нам говорят, что — увы и ах —
Нет зерна, запасы иссякли.
А вы
    искали
        в кулацких закромах?
    Шарили в байской сакле?
Может быть, хлеб-то все-таки есть?
Куда ж ему деться? Ведь был вчера еще!»

С места

Есть, да не про нашу честь.

Ленин

Совершенно правильно, товарищи!
Кулак, очевидно, неукротим.
Бродя сиротинкой по голому полю,
Он прячет зерно, спекулирует им,
Срывая хлебную монополию.
Отсюда идет вздорожание жизни!
Но сей некрасовский дядя Влас
Сам же вопит о дороговизне,
Во всем обвиняя советскую власть.

С места

Правильно!

— Верно!

— На то и кулак.

— С больной на здоровую!

— Правильно!

Ленин

Итак,
Пора объявить крестовый поход
Мироеду и богатею.
Надо рабочим идти «в народ»,
Поднять бедноту на бой за идею.
Какая энергия бьет из села!
Это гигантская сила числа —
Стать у нее на кормчем весле
Значит добиться великой победы.

Я предлагаю: в каждом селе
Организовать комбеды!

Георгий Гай, получив задание,
Вызвал Кулагина и сказал:
«Давай условимся, Вася, заранее:
Будем тверже гранитных скал.
Тебя агитировать ни к чему.
Нужно зерно. Во имя Коммуны.
Зерно же в любом кулацком доме.
Но кулаки это скифы, гунны —

Не верь их жалобным голосам.
Это враги. Понимаешь сам».

Гай говорил, как велело заданье,
Но сам не верил в то, что кулак,
После войны такой же голяк,
В итоге комбедовского заседания
Вдруг предъявит (Накось! Держи!)
Тонны пшеницы и ржи.
Откуда взять?

Но получен приказ,
И он произносит в сто первый раз:

«Это враги. Понимаешь, Вася?
Если кулак пригласит на обед,
Ни в коем случае не поддавайся.
Главное: организуй комбед,
А он уже выявит богатеев».

Кулагин кивнул. Сошел на крыльцо.
«Лошадь!»
И тут же поехал в сельцо.
А к предревкому входил Аджибеев.
Был он дороден, приземист, сиз,
Дышал на ходу тяжело и сипло.
«Здравствуй, соколик! — сказал киргиз. —
Худое дело мне, знаешь ты, выпало.
Этот проклятый конский завод!
И надо ж было твоему Сашке. . .
(Он вынул бумагу.) Не знал я забот. . .
Гром и молния в этой бумажке.
Прямо не знаю. Прошу прочитать.
Видишь, соколик: номер, печать.
А? Убедился? Давай матроса».
— «Матроса я арестую сам».
— «Зачем? Тебе это сделать не просто.
Как-никак, а Сашка твой зам».
— «Слушай! — сказал ему Гай кротко. —
Кони-то целы! Они у крестьян».

Киргиз. . . У него затряслась борода. . .
Вскочил, забежал: «Сашка смутьян!

Где у него моя... это... виза?
А? Плевать ему на киргиза.
А ты за него? Ты? Ты? Большевик?
Нет! Я такому ревкому не верю!»

Он бросился вон и крикнул за дверью:
«Сашку нельзя оставлять в живых!»

«Так, — подумал Георгий. — Так.
Сашка куда спасен от расстрела.
Но если в Москве заводится дело,
То надо действовать. Этот толстяк
Теперь не уступит. Его дело чисто».
И Гай позвал к телефону чекиста,
А тот затем коменданта позвал,
Сдал дела, печать, парабеллум
И глухо промолвил, покончив с делом:
«Всё! А теперь отведи в подвал».
Но Гай писал особое мнение:
«Этот приказ на всех произвел...»

Не так.

«Угон коней — произвол.
Вы правы, товарищи. Тем не менее...»

Снова не так. Чекиста губя,
Буранский ревком проявил близорукость.
Ведь кони-то целы! (Крестьянство порукой!)
Тут надо взять вину на себя.
Не извиняться. Отважнее! Резче!

«Да, мы хозяев дали коням.
Угон — произвол. Но учтите прежде,
Что конский завод не достался бы нам:
Явился Гунтер. С ним целая рать.
Ясно: уйдут за Уральский Камень.
Буранск же молчит. Пришлось выбирать
Меж бедняками и беляками».

Тем временем конь пробежал через поле,
Балкой пошел тарантас.
Кулагин подъехал к церковной школе,

Коня привязал и вошел в класс.
В классе учитель, юный и строгий,
Читает ребятам бессмертные строки:

«Пиши: в деревне Босове

Яким Нагой живет.

Он до смерти работает,

До полусмерти пьет».

«Ты что читаешь?» — крикнул Кулагин.

«Простите... Вы кто?»

— «Упродком, упродком.

Над школою вьются красные флаги,

'А в школе издевка над батраком?»

— «Позвольте, но это стихи Некрасова!»

— «Знаю! Дворянские это стихи.

Это поклеп — и сугубо классовый —

На пролетария сохи.

«Пьет», изволите видеть. «Пьет»!

'А где же он пляшет? Где он поет?

Песни-то русские тоже спьяну?

Как тебя звать, учитель?»

— «Смирнов».

— «Служи, Смирнов, бедноте, а не пану.

На первый прощаю. Я не суров».

Учитель смутился... Взглянул на ребят...

Любимые строки в глазах рябят,

Но он отложил некрасовский томик,

Ему, беспартийному, невдомек...

Но что за марксисты у нас в упродкомах!

«Спасибо, — шепнул он, — за то, что помог».

И отвечает «марксист»: «Ну что же.

Молод еще. Разберешься позже».

В это время подъехал Четыха.

На грузовой — пулемет.

«Робя! Зови сюда сельский сход».

Дети взвизгнули.

«Школьники, тихо!»

Он сбросил с себя овчинный козух,

Мигнул ребятам знакомым,

Шумно курил, разговаривал громом
(Как все кузнецы, он немного глух.)

Но вот в уголке Смирнова увидел:
«Это кто?»

— «Я новый учитель».

— «Бывший дьячок?»

— «Нет, бывший кузнец».

— «А как же учителем?»

— «Самоучка».

— «Лихо! Не век же над горном коснеть,
Хоть молот куды полегче, чем ручка, —
Тут подмахни, это заверь».

А я, брат, подписываюсь, как муха.

Зато уж читать... На книжку я зверь!»

И вдруг он крикнул в самое ухо:
«Республике вынь да положи зерно».

И главное: есть, понимаешь, оно,

Да с кулачем-то каши не сварить.

Слушай, а? Помогите нам, товарищ:

Нужен бедняцкий тут комитет

Из тех, у кого без курицы курник.

А ты, как есть ты голяк из культурных,

Можешь вполне возглавить комбед».

«Не знаю, — потупясь, сказал Смирнов. —
Я вот Некрасова даже не понял».

— «Ни-ни-ни-ни! Никаких слов!

Ты, брат, меня до печенки пронял.

Бывший кузнец! Это ж парень на ять!»

— «Да дело-то это не чашка чаю:

Экспроприация, как бы сказать.

Не справлюсь».

— «Справишься! Отвечаю!»

В класс один за другим входили
Жители ближней балки.

Иные старух с собой приводили,

Помнивших битву на Калке,

Иная молодка с младенцем пришла,

Какая-то девочка с кошкой,

Раиса коня в поводу привела
И стала в школу глядеть из окошка.
(Она теперь и ночью и днем
Никак не могла расстаться с конем.)

Прошел Ермолай и стал у скамей,
Пришел и сел на скамью Еремей,
Под самый конец появился Хомич
И, заплетаясь, кинулся к парте.
(За лошадь и в честь большевистской партии
Он с кем-то уже распил магарыч.)
Сел. Раздобыл зеленого меха,
Ткнул в ноздрищу под самый хрящ:
«Аап — псрр...»

— «На здоровье».

— «Рящь!!!

Ап...»

— «Ну?»

— «А...»

— «Ну?»

— «Нет. Проехало.

Фу! До чего же злодейская смесь.
Ну-с. Начинайте. Я-то ведь здесь».

И вот председательствующий Кулагин
Стал говорить, что нужно зерно,
Что не дает его мир кулацкий,
Но мы безразлично всё равно
Не пожалеем лютого змея.

Все оглянулись на Еремея.

Теперь Четыха имеет слово.
Он тоже сказал, что нужно зерно,
И, главное, есть, понимаешь, оно,
А только кулак его на засовы,
Кулак его на запор, на затвор...
Кто же он есть для республики? Вор!

«Постой, Четыха: да хлеб-то *его*?»

— «Э, брат! Ты, брат, толкуешь по-барски.

Было так. А теперь каково?
Общетрудающий хлеб! Пролетарский!
Потому голод. В голодной стране
Будь человеком. Не то — к стене!»

Опять оглянулись на Еремея.

Но тут уже слово берет Ермолай:
Я, говорит, кулака не жалея,
Должен сказать, говорит, что край
Стал до того обездоленный, нищий,
Что кулаков и с огнем не отыщешь.

«Правда! — вскричал из-за парты Хомич. —
Взять хоть Еремку. Был богатеем,
А ноня? Мы кулаков не жалеем,
А только пошто человека хамить?»
— «Верно, дедушка!»

— «Верно, старик!»

Теперь Смирнов уже просит слова.
Однако пока пересиливал крик
Чуть-чуть петушиный голос Смирнова,
Пока разъяснял он народную власть
И в чем, мужики, ее суть, ее «кредо»,
Четыха берет карандашик — и шашь!
Уже накорябал список комбеда:
Смирнов председатель, Хомич, Зимина —
Весь комитет сполна.

«Крестьянство!

Спорить, крестьянство, не будем!

Тут говорят, что дедушка прав.

Ерема, видно, приятен людям.

Дай ему бог. Но устав — устав.

Если Ерема бедняк — проверим:

Придется тово... щупануть по перьям.

Вот предлагается комитет:

Учитель Смирнов, Зимина и дед.

По-моему, правильный. Есть возраженья?

Нету? Отлично. В добрый путь.

Товарищ Ерема! При всем уваженьи
Дозвольте на вашу избушку взглянуть».

Ерема сказал: «Я не прочь. Как люди?»
Люди сказали: «А что ж? Пойдем».

Пошли. Ну, вот и Еремин дом.
Хозяйка выносит хлеб-соль на блюде
(Ох, и сноровистая, видать),
Хозяин шутит: «А вот и товары!»
Открыл закрома, повел через гать,
Сарай отомкнул. «Кулачок я, товарищ?
Хозяйство — заплатанная дыра.
Хоть двор да кол — ни кола ни двора».

Четыха сказал: «Погодите немножко.
Дед! Чего бы еще поглядеть?»

Но тут подходит девочка с кошкой:
«Дяденька! Загляни-ко под клеть».

Заступ мягко ушел под бревно...
И вдруг оттуда взлетело зерно!
Дымясь полóвою, но золотисто
Катилось ядрышками мониста,
Одно к одному, одно к одному;
Весомы, литы, сквозисты, отборны,
С веселым шорохом сыпались зерна,
Покидая подземную тьму.

Вот уже доверху грузовик!
Вот уж комбед послал за возами!
Хозяин глядит пустыми глазами,
В хозяйке вспышки огней грозových,
А сын хозяйский, Четыхи повыше,
Лишь поглядел и на улицу вышел.

После Еремы сивый сосед
И у себя увидал комбед.
Девочка с кошкой уже у повети:
По лестнице взлезла туда Зимина —
И вот, солому взметая под ветер,

Хлынул на землю ливень зерна —
Солнечный, кособокий, drobный,
Как конский топот, лихой и подробный.

Всё дальше и дальше уходит комбед.
От Балки Сухой до села Отлогого
Нет такого кулацкого логова,
Норки такой подкулаческой нет,
Где бы учителя заступ бедовый
Не сыпал золото лавой пудовой.

Черные зори коченели в поле.
На заборе каркала мор карга.
Какие-то всадники в смертном запое
Съезжались с обрезами за курган.

И по селам слух задымился золой,
Будто бы саблюю свищет
С конницей в пятьдесят голов
Дылда, Еремкин сынище.

А за ним молва голосистая,
Что в разлужьях у Волчьего Спуска
С прапорáми да гимназистами
Появилась какая-то Маруська;

Что в районе бархан поднялась баш-буза,
И на глинку бедняцких пашен
Повел в набег верблюжий базар
Зеленый киргиз Мамашев.

Атаманы в лощине. Атаманы на речке.
Путников за зебры: «Ты чей, паря, а?»
Брызгала разбойничками степь, что кузнечиками,
Да поджидала лишь главаря...

Улялаев був такой: выверчено вико,
Плэчи кучугурами, кавуном кулак.
Зроду нэ бачено такого чоловика,
Як той

Улялаев
Кирьяк.

ГЛАВА 4

Ехали казаки, да ехали казаки,
Да ехали каза-на?-ки, чубы по губам,
Ехали казаки, на башке папахи,
Ехали под бубен да под галочий гам.

В люльках-носогрейках попыхивали угли,
Табаки наперчены — самсун да дюбек.
Конские гривы да от крови пожухли —
Будет помнить Украина яйцкий набег.

Ехали казаки до дому из набега.
По усищам патока, по бородищам мед.
Только что там завтря? Ведь наша жизь —
копейка:
Не дорубит шашка — дохлопнет пулемет.

Э, да что там думы? Пой, пока раздолье!
На четыре голоса кукуют подковы.
Ехали казаки. Перекати-поле,
Полынок да чебыряк, ковыль да ковыль.

Гайда-гайда-гайда-гайда гай даларайда,
Гайдайра, гайдадйда гай далара.
Ехали каза-а-ки. Перекати-по-о-ле,
Полынок серебряный да сизый ковыль.

Конница подцокивала прямо по дороге.
Разведка рассыпалася аж за две версты.
Волы да верблюды, мажарины да дроги,
Пшеничные подухи, тюки холстин.

Гармоники наяривали «яблочко», «маруху»...
Бубенчики, глухарики, язык на дуге.
Ленты подплясывали от парного духу,
Пота, махорки, дегтя — эгей!

Из клеток щипались раскормленные гуси.
Бугайская мышь. Поросячье хрю.

Мучает коня податаманиха Маруся
В седоватых усиках, в пузырях брюк.

На коне богатая кавказская справа...
(Зря ли ходили из края в край?)
Слева едет Дылда. Мамашев едет справа.
Черное знамя. Вороний грай.

'А за ними шапки цветной баранты,
Фуры да фургоны, где кровь да бинты,
Кухни, палатки наряданыя. Щербатая дюймовочка, как допотопный ящер.

Гайдаларáйда! Брод не брод —
Ехали казаки по команде «Уперёд!».

'А по самой гуще, оплясанный стаей
Заерницких бандитщиков из лучшего дерьма,
Ездиет

сам

батько

Улялаев

На черной тройке дарма!

Улялаев був такой: выверчено вико,
Плэчи кучугурами, кавуном кулак.
Зроду нэ бачено такого чоловика,
Як той батька Улялаев Кирияк.

Зáраз узнаешь ты, степь, Кирияка:
Хлопцы — вважай! Дивчата — голубь!
Рудый, сивый, старый, як собака,
В ухе сережка — с дыркою рубь.

'А в упряжке лошади, будто изваянья —
Этакой троицы нет и на Руси!
Трем зверюгам этим прозванья:
«Буйный», «Ветер» да «Унеси».

Только рассядетесь, только сели —
Эх, как рванут ямщика с передка!

Шеи круто выгнуты, как на карусели,
Как на мятном прянике из Вязьмы-городка.

А за ними —

конь ли

траурной масти?

Полночь вороняя ли

в блеске

звезд?

Дед Араб, отец Орел — целая династия,
От самой Кометы унаследовавшая хвост.

Шея черным лебедем, черная в голубь,
Ножки — будто шестеро их пляшут в кураже,
Груди жеребцовские в радужной саже,
Синие отливы, бездонная глубь.
А глаз-то, глаз — кровавый, спесивый!
(Кони понимают, что они красивы.)

А за ним казаки. А за ним бузуки.
Дух самогонный, багровый дым,
Кровь, перемешанная с грязюкой,
Слезы бабьи за ним.

Берегись, Коммуния! Деревни проезжали.
Где тут комиссарики? А ну? Говори!
На четыре стороны полымя-пожары,
Не видать
на заре
зари.

Тут не щадили ни старых, ни малых.
Вон на крылечке у самых сеней
Какая-то девочка висит на мочалах,
Кошка спокойно уселась под ней.

Ехала банда. Ехал Улялаев.
Кони плясали и так и сяк.
И всюду за ними из сереньких сараев
Заводские лошади сгонялись в косяк.

Деревня за деревней.

«Мужички, здорово!
Всем от атамана поклон земной».

И Хомича кобылка, меринок Ветрова,
Жеребец солдатки Зиминной.

С бубнами, с песнями, гарцуя на марше,
Мимо Сухой Балки,
Отлогого,
реки

Ехали казаки, а с ними кремпер-марши,
Финки, жмудки, русские рысаки.

Что ни подковка, то звон с полтиной,
Что ни аллюр, то кровный заезд.
Едет Улялаев.
Сгнула плотина.
Вот он, Буранский уезд.

Гудят провода баском контрабаса.
Усадьба!
Пришпорили коней —
И знаменитая конская база
В башнях и флагах открылась за ней.

И вдруг косяки, как будто по спискам,
Будто разнесенные по строкам,
С фырком, храпом, ржаньем и визгом
Кинулись по своим станкам.

Махнув рукой на иных пропащих,
Неся на подносе кулич да винцо,
Таланов, коннозаводский пайщик,
Выбежал на крыльцо.

«Освободители! — он закричал. —
Народ-богоносец! Гроза не сожгла его!»
И всё совал кусок кулича
Прямо в пасть Улялаева.

Но Улялаев его отстранил:
Покуда вокруг неслись чернодубки —

Женщина в легкой песцовой шубке
Вышла и стала у мерзлых перил.

Трудно писать о женской красе
После Хафиза, Петрарки, Пушкина.
Образы все, сравнения все
В альбомные вирши давненько спущены.

Взять хотя бы «глаза — бирюза».
Кажется, кем они не развенчаны?
Что же мне делать, если глаза
Горят бирюзою у этой женщины,
Если брови — как соболя,
Русые косы — коронкою древнею,
Если глядит морскою царевною,
Тихо ресницами шевеля.

«Тата! (Это жена моя — Тата.
Татьяна Андревна.) Тата, сюда!
Пardon... Прошу за мной, господа.
Нет у меня ни серебра, ни злата,
Но есть бургундское и „клик»».

И вот за столом, где казачья закуска,
Кутуз-Мамашев, Дылда, Маруська...
Но Улялаев глядит далеко.

Он грустно кушает сало с картошкой,
Потом заедает куриною ножкой
С какой-то приправою из щавеля,
А перед ним — Татьяна Андревна,
Татьяна Андревна, морская царевна,
Тихо ресницами шевеля...

Но батя не витязь на сказочной тризне:
Гордые брови, надменный рот —
Это черты недоступной жизни,
Где для него — от ворот поворот.

И грудь заломило болью душевной,
Точно какая струсилась беда.

Он понимает: эта царевна
Не станет женой его никогда.

Кто он такой? Пройдет его час,
Выдаст медаль генерал фон Гунтер,
И он, что тут верховодит сейчас,
Снова обыкновенный унтер.

Однако ж успеется жить по приказам:
Верста коротка — да наша верста!
Он охватил отарашенным глазом
Облик Таты — и встал.

«Таланов! — сказал он. — У кабинет!
Строчите депешу до енерала,
Шо конив привел я усих мало-мало
И шо нияких претензиев нет».

«Депешу? Пожалуйста. Но куда?»
— «Це дюже сэкрэтно: аул Урда».
— «Ах, вот как! Прошу вас».

Лениво, как зверь,
В глубинах таящий силу огромную,
Батька проходит в соседнюю комнату.
За ними
закрылась
дверь.

И вдруг в кабинете раздался выстрел!

Что это?
Батька выходит.
«Ось!
(Страшный глаз его смотрит вкось.)
Вин покончив самоубийством».

Как! Таланов? Зачем? Невдомек.
А батька уходит. Пред батькою — лава.
Однако из кобуры Улялаева
Явно курился серый дымок.

«Мамашев!»

— «Ну».

— «Нэмэдля у раз

Конив назад з конюшен.

Панкратий! Ты мэни ось як нужен!

Хóчу, Панкраша, идты на Буранск,

Но хлопцы городу дюже боятсья.

Трэба, голубчик, до их подобратьсья,

Раз-яс-ныть

усей нашей семье —

Шó вин

для анархизму

е».

И вот киргизы сотнями рук

Конские шеи берут на «курук»;

Панкратор Васильевич Куц, теоретик,

Бормочет: «Во-первых, вторых и третьих»,

А к атаману несется вскачь

На рыжем донце деваха-трубач.

Капая солнцем, закартавила труба,

Заливая уши расплавленной медью,

И долго было звонить и греметь ей,

Пока собирался митинг рубак.

Здесь были гунны-верблюжники из Азии,

Крепкие хозяйчики окрестных долин,

Суровые Дюма-отцовцы южных гимназий,

Теория анархии и остров Сахалин.

Пока труба — тарíрара — грассировала тратарá

И разбухался облаком под лошадыми снег —

Вышел

пейзанин

с жестами оратора,

С затертыми подтеками от лапок пенсне.

«Друзья! — заявил теоретик Куц. —

Мы, анархисты, сегодня сила.

С нами считается вся Россия,
Мир от Парижа до Вера Круц!
И это понятно: мы — вольная воля,
Свободный ветер, безбрежье души!
Степь да сабля — вот наша доля,

И этим мы хороши.

Пускай враги говорят: «Это орды!»
Чушь. Мы паводок по весне.
Мы вправе гордиться. Гордость! Гордость —
Вот основное, чего у нас нет.
Но мы ведь славнейшая партия в мире:
Мечты всего света в ее шалаше,
Ибо тоска о раздольи и шири
Живет в любой человеческой душе».

Он спаузил, явно тщеславия ради,
Рукоплеканиям выделив миг.
Но хлопцы молчат. В чем дело, Панкратий?
И вот оратор пошел напрямик:

«Однако, друзья мои, этот шалаш
Не может быть вечным нашим жилищем.
Давайте под рост богатырский наш
Повеличавей хоромы подыщем.

Ведь мы не цыгане в конце концов.
Мы с вами политики. Так? Поймите!
К нам скоро потянутся всякие нити
Через посредство разных гонцов.
Весьма вероятно (и это не сон!),
К нам обратится мистер Вильсон.
А мы посланца его во фраке
Должны принимать в дыре, в буреаке!
Поэтому ясно, друзья мои,
Что нам не к лицу по овражкам селиться:
Знамени тысячной нашей семьи
Нужна хоть плохонькая, да столица.
И надобно в ней, никого не грабя...»

Но тут завопила Маруська:
«Столица? Опять, значит, мода французская?»

Опять эта зависть бабья:
У той чулочки — у меня нет!
У той платочки — у меня нет!
Опять, значит, собственность, так ее так?!
Вон куда это клонится!
Вон куда тянут наш вольный стяг!
А? Как скажете, конница?»

Кутуз-Мамашев с домбро́й на бедре
Дремал на караковом в серебре.
Что ему в этих никчемных спорах?
Его, Мамашева, тайная цель:
В кантарах грузить по аулам порох
День за днем по самый апрель.
А после,

ночью,
выползть — и чжур!
Загнать гинджял Улялаеву в сердце,
Урусских перерезить, как бараний гурт,
И податься с киргизами прямо к Персии.
Уй-баяй! Он сам будет хан!
Он ханом подъедет к буранской станции —
И вся эта степь и каждый бархан
Ему самому в тиранство достанется.
Вот потому-то с бесстрастной мурдой
Дремал на коне он, хищный и мудрый.

Но тут вскочил на конский на круп
Самый чудной улялаевский ратник:
Сенька-Сахалинчик, он же «Мокрятник»,
Он же «Золотой Зуб».
Диковинный, бесшабашный, горький,
В наклеенных усах, по Улялаеву «тэмний»,
Из нищего форсу носящий на темени
С хвостиком донышко арбузной корки,
Сенька был против:
«Тут же камень знакомый!
До черта папашей, мамашей, кобыл,
Чуть, извиняюсь, напрут — вы дома!
Иди, разбери-ка, кто у банде был.

'А куцый пошляк говорит: «Столица».
В тюрьму хотишь? На воле не сидится?»

Этот лиризм шакальего воя
Мигом бандюг задел за живое:
В этой тираде отражены
Все батальные их ступени,
Трусливый характер всех наступлений,
Тактика всей бандитской войны.

«Долой очкастого!»
— «Подавись!»
— «Геть к чертям!»
— «На чурбан его!»

По стрибожьей низине языческий свист
Мизинца и безымянного,
По дремучей степи — улюлюканье, мат,
В бога, божиху и боженят,
Пляс лошадиный, а в довершенье
Курков галочий крик.
Казалось бы — всё? Готово решенье?
Но Кирияк есть Кирияк.

Растопырив ковбаски своей пятерни,
Батько заорал: «Цыц!
Сынки! Чи анархия мы, чи ни?
'А раз воно так — ньяких столыць.
Столыця, город — нэ наша замашка.
Панкратию трэба, га? Хорошо.
Хай вин там и живэ, Панкрашка.
А нам с то́го шо?
Но, мабуць, кому прыспичило ситця?
Мабуць, сапóжки? Чорна лиса?
Для армии нашей Бураньск нэ столыця,
Но гарна
зэмэльна
полоса.
О тут, я гадаю, нэ худо було б
За дуваном ¹ у ту полосу йты.

---

¹ Д у в а н — добыча.

Повный карман чи пустой зоб?
Ось вопрос.
Голосуйтэ!»

И вмиг ошалела бандитская братия.
Сенька, понятно, прав,
Но надо же знать и бандитский нрав,
Как его знает батя.

И вот уж папахи тысячью пугал
Дымятся на пиках мохнатой горой,
И опять со звоночками — вдаль, в степугу
Бубен пошел рассыпать горох.
И таборы двинулись.

Конница, гáйда!
Ехали казаки. Их крест — у бедра.
Ехали казаки. Гай-даларайда —
Гайдайра-гайдадйда-гай даларá.
Двинулись таборы.

И в черной машине
Рядом со страшным чужим мужчиной
Женщина тронулась через поля,
Тихо ресницами шевеля.

Кругом звенело и топотало,
Батя раскуривает уголек.
Сумрак в машине. И Тата устало
Забилась в бархатный уголок.

Какое счастье, что он молчит!
Сразу нахлынули воспоминанья...
Вот над ней склоняется няня,
Что-то ей шепчет под дождь копыт.

Нянина комната — детская мерка
Всему, где мир, покой, тишина,
Как музыкальная табакерка,
Звуков трогательных полна:

В божничке всегда дребезжали стаканы
Над баркой груженной кровати;

Шептались домашние тараканы
Такие, что можно позвать их;
Там, за печкой, рыжий сверчок,
По гребенке водил смычок,
Там ликовали в клетке утята,
Там часы говорили: «Тата»...

И там же, там же, одетый в свитер
Или в косоворотку одет,
Ходил на занятия к ней репетитор,
Огненноглазый студент.

Жорж... Он чем-то сродни Рокамболю.
И он ее, кажется, тоже любил.
Он был ее радостью, был ее болью,
Сном и бессонницей был!

Но вдруг отец мужиками убит —
И стаяла жизнь, ломаясь и рушась!..
Замужество... Выстрел... Этот бандит...
Ужас!

И, глубже уткнувшись в свое манто,
Тата спросила бога: «За что?»
Тата уверена, что революция
Это обида неба на нее.
Она уж не раз гадала на блюде,
Клялась носить простое белье,
А так как у ней собственный ангел в сердце
(Тата звала его просто «Анжелло»),
Она и просила: «Анжелик, не сердься!» —
И ангел кое-что делал.
Вот и сейчас сквозь всё это лихо
В слезках ее появился хранитель.
«Анжелик! Сделай, чтоб всё было тихо
Или чтоб я жила за границей».

Но вдруг пулемет в придорожных елях
Хлынул по банде!

Машина стала.

Батька вылез.
(Сделай, Анжелик,
Чтоб этого человека не стало!)

«Шо́ тамо? Эй?»

Доносит разведка:
Это коммунистический взвод.
Там агитатор кричит из-за ветки:
«Верните народу конский завод!»

А голосина Дылде знакома:
Наверняка председатель ревкома.

«Лошадь!» — свирепо сказал батько.
Батьке подводят лошадь.
Рука не успела холки взъерошить,
Как тело вымахнуло легко,
И конь, выгибая гривастый гребень,
Колоколом ударил о щепень.

Страшный глаз оглядел, как зверь,
Казацких чертяк, киргизских шайтанов.
Батька
прикинул

податаманов:
Дылда, Мамашев, Маруська, Зверж,
И, видно, решив, что пойдут на рожон,
Саблю вытащил из ножон.

Сабля, сабля, булатное жало!
В ней ядовинка хозяина есть.
Сабля с хозяином переживала
Хмель, упоенье добычей, месть.
В этом литье, в этом сизом сплаве
Скрыт до поры змеиный полет,
Но нынче превыше свиста о славе
В хищном металле любовь поет.

«Айда, нашша!»
В гору с налета.
Коню передался и жар и озноб.

«Геть! Раздымися, адова голота,
Сердце-печенки-гроб!»

Бьет пулеметчик. Режет огнем.
Кони взлетают. Рушатся кони.
Раненый конь под убитым конем
В страшном хрипе бьется в агонии.

Но атаман, доскакав до леска,
Жжиг по выстрелу саблей!
И покатались вдоль тесака
Первые алые капли,
И обезглавленный съехал в ров
Солдат Никодим Ветров.

Но из-за трупа вылез Хомич.
Нет, не простит он батьке кобылы!
С минуту глядели сыч да сарыч:
Ээх! — и в батьку вонзились вилы.

Дико взвивается грива в дым.
В небе — пара окованных ног.
Брызнул в горло лунный клинок
По самые никуды... Мм!

Гривы, гривы... Усы да чубы...
Лошадиные зубы, зубы.
Конь за конем через ров, через яр.
Бурка да сабля, поющая яр...

Як выйшла над гаем сизая хмара,
Сизая хмара, багровый пар.

ГЛАВА 5

Буранск — город сытый. Хлебный вывоз
Три миллиона, бывало, в год,
Кожье, джебага, пушнина, грива,
Мясной и молочный скот;

Жирные залежи голубой соли
Двести верст по окружности;
По берегам трава на раздолье
Стала в войну еще дюже расти.

Там сайгачата пасутся в дикости.
Зём по-над Яиком: плюнешь — растет!
Сочные поймы некому выкосить,
Их пожирает степной костер.

А рыбы-то, рыбы! Судак, жерех,
Восемьсот тысяч севрюжки одной,
Черной икрою плещется в берег
Яикушко, золотое дно.

Невод у этих, багор у иных.
Дует моряна, и по моряне
На мытых расшивах плывут поморяне
Овчинниковых да Махóриных.

А утром раненько в синий ковыль
Капают дегтем гужи на Саратов,
А их доглядает брюхатый старатель
Махóриных да Овчинниковых.

Казачье царство. Казачий почин.
Крепко жили станишные братцы,
Всё кулугуры-старообрядцы,
Всё шепелявые бородачи.

Триста лет, как черный смерд,
Ролейный закуп, холуй, челядь
За Яик ушел на жизнь али смерть,
Позабыв на Руси, как жамкает челюсть;

Триста лет, как эти края
Окармливал потом аж до Иргиза,
Булатом поскребанным башку кроя,
Кровью истекая от копья киргиза!

Триста лет своевольный круг
Войсковых атаманов, старшин, хорунжих

Оберегал эту воду и луг
От восточных, северных, западных, южных...

И жизнь пошла — не надо вольготней!
Что ни казак — пятьдесят десятин,
Что ни хутор — голов до сотни,
До тысячи и до десяти.

Вот в силу причин каких
В соленом золоте на благолепии
Боем стояла казацкая крепость
Махориных да Овчинниковых.

И когда казакам доложили, что нехристь
В соседнем краю изымает зерно,
И когда улялайцы с шашкой наехали
В славной лихости озорной,

И когда понеслася песня про елки,
Где рубанул по огню тесак —
Из рога табачок с вязовой золкой
Понюхал истово уральский казак.

Натянул он верблюжьего пуха чапан,
Полушубок мерлуший, крытый китайкой.
Дубной тулуп. Соленая нагайка.
От дурного глаза размолотый пант.

До батьки задумал поехать казак,
Разведать, стало быть, что и как.
Сели, поехали. В первой паре
Шествуют два вороных в загаре,
Красноостистых два вороных —
Двое седых кавалеров на них.
Дальше в гармониях и баянах
Сотня соловых и сотня буланых,
И под конец за чубарем чубарь
Сотня последняя: конь карь.

Пусть поглядит Улялай на станишных:
Каждый уральщик сам себе пан.

Одежа-то станет не в медный семишник —
Дуб, мерлушка, верблюжий чапан!

Гремят старики копыта́ми по пашне,
Бороды заиндевели, от самих пар.
Вот уж вдали буранские башни,
А под Буранском. . . Неужто базар?

Базар и есть. Палатки, палатки.
Цыгане божатся, как на ятке.
Орет с верблюда киргизский бай.
Визжат поросята. Мычит бугай.
И, позабыв, что это на фронте,
Ходит шпана, натянувши берет:
Слямзить, стырить, сдонжить, сбондить,
Слящить, стибрить, спуричь, спереть!
И всюду к тому табачище курят,
И уж, понятно, под звон пятаков
Шевро меняют на лисьи шкуры,
Пускают в бой петухов:

Хоть червонный и не хочет,
Хоть пытается уйти,
Но рябой бедовый кочет
Повстречался на пути.

Вот столкнулись, подлетели,
Носом к носу — и опять!
Хоть червонный Петька в теле,
Но рябого не пронять.

Он, рябой, видать, бывалый,
Наторелый петушок —
У Петра уж гребень алый,
Всё тяжеле и прыжок. . .

Что за прибыль нам в силенке,
Если норов не тово?
Шустрый кочет, как цыпленка,
Щиплет, тюкает его.

Раз за разом, так и этак!
Вот уж петел на одре.
Победитель напоследок —
«Кукаре. . .» и сам помре.

Кругом делово обсуждают умелость,
Клювы, шпоры и гребешки,
И снова царская сыплется мелочь,
Опять на кон летят петушки, —

И всё это как-то неистово тщилося
Быт создать в этой страшной яме,
А по небу хлопало и тащилось
Черное дырявое воронье знамя.

Это и было здесь настоящим!
Недаром такой же траурный стяг
Над балаганом являл проходящим
Белый череп на белых костях.

Там атаман. С любовью поздней
(Лет шестьдесят на его горбу)
Вздыхал на барабанчике в детской позе:
Локти в коленки, мизинцы в губу.

А на овчинах, пахнущих мятой,
Видя какие-то дивные сны,
Спит заплаканная Тата,
Вздрагивают стрелки мокрых ресниц.

Милое такое, в паутинке симпатии
Личико, где от подушки наспан узор.
Как трогательна эта кисть ее платья
В шкурах азиатских орд.

А батя сидит в небывалой грусти
И только вздыхает, серьгою гремя,
И только шепчет: «Тата. . . Татуся. . .
Цапочка ты моя. . .»

Как он наивен, старая лисица!
Не разбудить бы ее невзначай...
От сна у ней носик жирком лоснится,
Дыханье пахнет, как теплый чай.

Стремянным ухом чуть приложился:
Слушает нежный поддув ноздрей,
И хрящ ушной неуклюже пружинился,
Сердце сгорало, как на костре.

Что человеку нужно еще?
Нет никого на свете счастливей!
Вот он сидит, нелюдимый, сивый,
И от рыданья дрожит плечо.

Нет, до любви ее не доживешь.
«Кони где?» — завывает Гунтер.
Батка в сущности только унтер,
Только здесь он и вождь.

'А там, под гунтеровским началом,
Руки по швам: «Так точно!» — и всё.
Где уж наперекор генералам
Унтеру покорить ее...

Значит, не станет он мчаться в горы.
Пусть дожидаются. Ни черта!
Горе не в этом. Но в том-то и горе,
Что даже и здесь он ей не чета.

Глянул на женщину, грустно моргая,
И вдруг показалось ему, что он
Видит сон ее: тайный сон,
Где образ Георгия Гая.

Да, да... Когда кончился в ельнике бой,
Дылда, ну, этот... чей батка Ерема,
Сказал, что меж пленников

хилый собой
Сам председатель ревкома.

Батька Дылду послал за ним.
Приводят. И что тут случилось с нею!
«Жорж!»
Кидается прямо на шею,
Зовет его милым, близким, родным.
А тот, очкастый, как в землю врыт:
«Вы ошибаетесь!» — говорит.

Батька женщину вытянул плеткой.
Женщина об землю и на крик!
А у «очков» заходил кадык —
Перехватило в глотке.

Тогда атаман заорал: «Разменять!»
Женщина взывала уже не от боли:
«Меня убейте! Убейте меня!
Это не Жорж. . . Это сходство — не более».

Но пленный раздумал и произнес:
«Нет, ошибаетесь: я тот самый.
Позвольте, Кирьяк Михалыч, вопрос:
Что вам дадут мои кости в яме?
А будь я жив — возможен обмен:
Георгий Гай, председатель ревкома,
Станет монетой очень весомой,
Когда атаман попадет в плен».

«В плэн? Атаман? Да ты шо? Ты кому?
А ну-кошь, Дылда, покажь куму!»

«Кума» оказалась простой веревкой.
(Дылда был опоясан ею.)
Мигом петля с привычной сноровкой
Брошена Гаю на шею.

Но в батьке сразу проснулся политик:
«А? Може, правда? За батьку — Гай?»
И вот в шатре на ракушечных плитах
Кружка кумысу да каравай,

А на цепи — спаси его спасе! —
Предревкома, хранимый в запасе.

Но что будет дальше? М? Ничего?
Вот так и сидеть, силенок не тратя?
А мысли летят, ослепляют его,
О Сашке, о батьке, о Тате.

Тата. . . Он ее не узнал:
Девочке было тогда лет пятнадцать.
Прелестная девочка, надо признаться!
Однако журфиксы, за балом бал,
Пудреницы, флаконы, гребенки
Были настолько чужды ему,
Что он ничего не заметил в ребенке,
К тому же — скоро попал в тюрьму.
И вдруг оказывается, она
С детства была в него влюблена. . .
Впрочем, едва ли. К чему обольщаться?
Ведь это же так естественно: он
В этой гнусной стихии мещанства
Напомнил ей отцовский салон.
Отсюда порыв этот, слезы отсюда,
«Родной» и «близкий». . . О да! Покуда!
А поглядеть на нее бы тогда,
Если б схватили его господя?
И Гай легко забывает о ней,
Слушая переключку коней.

«Какой счастливец Сашка Седых!
Сначала при штатской его посадке
Он чуть ли не тут же летит с лошадки,
Упал на корни, оглох и затих.
Но вдруг кобылка к нему подползла. . .
(Вот уж поистине — конь это личность!)
Контуженный лег поперек седла,
И лошадь с ним ускакала отлично.
А мой-то рыжий, этот дурак,
От спешенного ушел в буерак», —
И вот Георгий, накрытый чумом,
Прикованный на короткую цепь,

Старается слушать буранскую степь,
Судьбу угадывая по шумам.
Но всё ему тут знакомо пока:
Говор с Уральска, голос из Ливен...
А это что? Издалека
На лагерь хлынул железный ливень.
Проходит цокот первой волны:
Дыханье лошажье в коротких всхрапах
И запах! Аммиакальный запах!
Древний скифский запах войны.

За первой вторая и третья волна.
Всё проясняется поемногу...
Три эскадрона. Картина ясна!
Видимо, Гунтер послал подмогу.

И снова гул. Он как будто далек.
Но сразу в низину из-за увала
Лязг буферов и шум поддувала,
И хрипло рявкнул гудок.
Поезд, поезд... Откуда? Чей?
Наверное, Гунтер шлет палачей:

«Гей, атаман!»

— «Улялаев!»

— «Батя!»

Тата очнулась: грохот и звон...
Батяка, державший кисть ее платья,
Рванул эту кисть и выбросил вон.

Вышел. Вдали паровозный дым.
Быть может, это его трагедия?
Но сотни казацьи стоят перед ним:
Одна, другая и третья.

И, ни о чем не спросив стариков,
Он только глазом повел на поезд —
И Дылда, ярый, будто в запое,
Гикнул и сгинул в звоне подков.

«За мной!» — старикам завизжала Маруська,
Мамашев грозно: «Айда! Олдырдым!»
И — нечего делать — казацкая музыка
С места в карьер понеслась на дым.

Паровоз поперхнулся, вplывая в хаос:
Кони, сабли. . . Как на войне!
Кондуктор выскочил на вестингауз,
Крича, что он беспартийный вполне;

Уполгубтоп, зеленый от испуга,
Не знал — сказать: «товарищи» или «господа»,
Но всё же объяснил, что в цистернах уголь,
А нефть в вагонах (только путался в пудах).

Но смазчик крикнул: «Эй, вы! А ну-ко-ся:
Будет расстрел? А не то до утра
Надо б еще перестукать буксы
Да подвинтить кой-где буфера».

Смазчик! Здорово! Сердце кружит,
Словно его опьянили песней.
Есть ребята, с которыми жить
И погибать бывает чудесно.

Но о расстреле покуда молчат.
Локомотив, извергая чад,
Как бы внимает конскому топу:
Он тихо шипит и участи ждет.
И вот гражданину уполгубтопу
Подводит коня Максим Живоглот.

Уполгубтоп на глазах поседел,
Уполгубтоп на мерина сел.
Расставив локти, раздвинув коленки,
По-бабьи валенки разворотив,
Он едет куда-то. А прочие пленники
Меж тем приглушают локомотив.

Где-то над рытвиной прыгнул мерин.
Валенок уполгубтопа утерян:

Едва удержавшись на арчаке,
Он дальше едет в одном чулке.

Всё это в общем подобно бреду.
Поезд остался уже за бугром.
Уполгубтоп. . . Куда они едут?
Уполгубтоп вспоминает бром.
Вот и низина. Бандитский чум.
Черное знамя — череп и кости.
Сидит атаман, суров и угрюм,
Страшным глазом меряя гостя:

«Слухай, туварыш уполгубтоп!
Я нэ яка-ста шкурёха паньска:
Дашь «лимон» — допущу до Бураньска,
Нет — расстреляю, могила-гроб!» —
И батька фукнул от тяжкой нагрузки,
Уверенный, что говорил по-русски.

Уполгубтоп воззрился в него:
Что это? Чудо чудес? Волшебство?
Три миллиона на черном рынке
Стоит в Буранске фунт табаку.
Как же не дать цветные картинки
Этой балде-казаку?

Уполномоченный умилен. . .
Для виду нахмурился, взял карандашик —
И вот среди моря папах да фуражек:
«Тыща. . . три тыщи. . . сто тысяч. . . миллион!»
— «Всё?»
— «Всё!»

Сгребнув чистогана,
Батька в небо пальнул из нагана.
В ответ за бугром загредел паровоз,
Дым подымается из-за плеса,
Вот уж труба, кулисы, колеса —
Он к самому чуму вагоны привез.

Батька денежки прижимает,
Ручку вежливо пожимает,
Но с тендера что-то кричит кочегар,

О расписании беспокоясь,
И четкой чечеткой через Чаган
Помчался в чаду
  мимо дач —
  поезд.

Березки одна за другою бегут,
Слушая поезда ровный гуд,
И, от гуденья этого, шалы,
Сами летят под колеса шпалы.
Но вот, объятые свистом паров,
Маховики и кривошипы
Покрыли путь — и в сифонном шипе
Состав влетел на перрон.

Еще комендант с диспетчером лается,
Еще колеса тянули «си»,
Но теплухи — бабáх! — распахнулись... и
Вместо угля —
  улялайцы.

Дым пальнул в музыкальном гаме.
Пулеметы поливали.
  Конница в облет.

Тройки, воздух пеня ногами,
Жжеными копытами шипели об лед.
Снимая с налету пикеты стражи,
Скачут бандиты, черные от сажи.

«Где комиссарики? Где милиция?»

Сабли турецкой луны ясней.
Срубленные пальцы ощупывали снег,
Жутко глядели мертвые лица,
Лужами мерзла лиловая кровь,
Оползая на снегу географической картой.
Синий денек от пожара багров.
К вечеру стихло. Двадцатое марта.

У здания театра афиша: борцы,
Водевиль «Вот так муж!» с участием Ауэр,
А вверху на казацкой пике — траур:
  Череп и скрещенные берцы.

ГЛАВА 6

Чалая козлица с мокрыми ноздрями
Сапнула воздух и сказала: «Май!»
Но она ошиблась: был только март,
Хотя уже снегá кипели в каждой яме.

Клочочки, сучочки да птичий пух
Кружились, крутились в топленом солнце.
С горячим гребнем черный петух,
Сойдя с ума, по улице несется;

Березки, видя во сне друг друга,
Тянутся и томятся в молчаньи, —
И всюду чудесно пахнет лучами,
Хотя сиверком еще дышит округа.

И вдруг шел дождь, тормошащий зелень,
Швыряясь гвоздями всё озорней!
И лужи

изумленные

глазели

Стоглазьем лопающихся пузырей.

А по лужам, взметя воробьиные стайки,
Ландо, экипажи и таратайки,
Разбрызгивая снеговую слизь,
Со всех сторон к театру неслись.

Там — штаб.

Двери ударятся.

Выклик: «Ермак!», «Сайфуллин!», «Огоньков!»

И, паром дымясь, весь день ординарцы

Гоняли своих мохнатых коньков.

И вот, наконец, гундосый квак,
Желтый фонарь, голубая шина —
И плавно подкатывается машина
С маркой на кузове: «Бенц. Москва».

И, штарчешки шаря галошей крыло,
Сам Махорин в собачьей шубе

Подбирает скелет, а бандюга трегубый
Пред ним открывает дверное стекло.

За ним багровеющий «Мерседес»
С цилиндром кареты, лоснящимся нагло,
И лихой казачина с шашкой наголо
Купе открывает: «Пожалуйте. Здесь».

А дальше — заезды бричек, саней,
Мимо больницы, мимо школы —
Шинель николаевская, красный околыш,
Тонкая поддевка, песцовый снег.

И пока партер расцветал в нарядах
И шурился туз, моргал иерей —
Плакаты спускали с двух галерей:
«СОБСТВЕННОСТЬ — КРАЖА!»,
«АНАРХИЯ — ПОРЯДОК!».

Последний плакат понравился всем,
Но первый (мысль анархиста Прудона) —
Совсем не для Яика или Дона.
Впрочем, посмотрим... Ударило семь.

Вошел Улялаев, за ним Маруська,
Зверж вошел, Мамашев вошел
И, поклонившись в пояс по-русски,
Мрачно уселись за траурный стол.

И тут из-под бархата, где череп и кости,
Мимо кулисы, где розовый куст,
Взошел на трибуну Панкратор Куц
И брякнул хозяевам:

«Дорогие гости!

(Желтая романовка, фетровые бурки,
Каких, однако, не носят на востоке,
Торжественное «я» отарашенных буркул
И от лапок пенсне отеки.)

Дорогие гости! Наша программа
Отнюдь не трехтомный какой-нибудь свод.

Мы заявляем открыто и прямо.
Что будем стоять на страже свобод.
Пускай для всех поют соловьи!
Ширяйте, орлы, и паситесь, лани!
Свобода мысли, свобода любви,
И вообще — свобода желаний...
За эти святыни, друзья мои,
Мы, анархисты, ляжем костями!»

Гай, как и все молодые люди,
Был в сужденьях о людях скор —
Он тут же решил без дальних прелюдий,
Что Куц — дурак и вызовет спор,
Ибо едва ли песцовый мех
Примет его «соловья для всех».

Но зал уже понял, что вывод ясен
И страшный плакат вполне безопасен:
Здесь каждый

охотно

встретить готов

Свободу мышей при свободе котов.

Овчинников, бывший сначала не в духе,
Теперь ухмыляется, как налим;
Махорин зажмурился с видом таким,
Как если бы спичкой копался в ухе;
Глядит иерей, спокойно моргая,
Словно бы слушая святцы, —
И вот к удивленью товарища Гая
Зал разразился овацией.

Аплодисментов собрав урожай,
Оратор с усмешкой спускается в ложу,
Где дрыхнул охранник Пупко полулежа
И смирно сидел его пленник — Гай.

А в это время на сцене шло
Невероятное зрелище,
Для коего Яик, станица, село
Явственно не дозрели еще:

Батька, лапы скрестив на груди,
Гаркнул кому-то за бархат: «Иди!»

И вот вышел Сенька. Гол как сокол,
Впрочем, сокол не очень гол,
А этот Сахалинчик. . .

Хоть бы трусы!

Если даже мама родила его в сорочке,
То и эту сорочку он сбросил. Короче:
На нем были только одни усы.

Но он не дрейфил. Наоборот:
Стоял себе и дул на мурашки по коже,
Пока от хиха и хоха корежился
Этот непривычный к ощущениям народ.

Сенька-шут рассмешил даже Гая. . .
Но батька встал, растопырил пять
И стал говорить,

с трудом избегая
Священного слова — «мать».

«Граждане!
Прйшов найщастливейший час.
Ну, плакать про это вы вполне достойны:
Вот видите,

як ходють

богоносные воины,

Каждодневно умирающие через вас?
Теперча, значить, наш анархицкий сход
Прóсыть от вас, як дите революцыи,
Сто тысяч карбованцев у валюте,
А то —

кажный пятый

пойдётся

у расход».

Батька так это кротко сказал,
До того нежно и чуть ли не слезно,
Что зал призадумался. Думает зал:
Сенька Сенькой, а дело серьезно.

Овчинников крикнул: «Нельзя ли без драм?
Ведь наше знакомство не на секунду!»
Шипит Махорин: «Шубшидию дам,
Но только пушкой поручится Гунтер».

«А шо мэни Гунтер?» — вскричал батько,
Да так, что очнулся охранник Пупко,
Но, обнаружив, что драки нету,
На весь на зал захрапел по секрету.

Куц — Гаю: «Милый студент!
Уверен, что всё пройдет без загвоздок,
А потому пойдете на воздух.
Но вы от меня не сбежите?»

— «Нет».

«Олл-райт! На базаре имеется таверна,
А в ней экзотический закусон».

Куц зашагал геометрически размеренно,
Как человек, планирующий пищу и сон,
И очень фальшиво, но очень храбро
Запел какую-то абракадабру:

«Навуходоносор. На-
вуходоносор. Навухо-
доносор. Навуходоно-
сор. Навуходоносор».

«Насколько я вас понимаю, Гай,
Вы заказали бы деволяй?»
Но в каждом городе надо есть
То, что характерней, а не лучше.
За рынком тут забегаловка есть:
Ее специальность — свиные уши.
Ели когда-нибудь? Нет? Ага!
Не любопытно? Вы постарели!»

Он делал на каждые два шага
Третий шаг длинней и быстрее.

«Навуходоносор. На-
вуходоносор. Навухо. . .»

(Панкратор был, как сама весна,
В приподнятом состоянии духа.)

«Так вы не сбежите, а, баронет?
Право, не стоит. Скажу в утешенье:
Смерть есть выход в любом положеньи,
Но положенье, где выхода нет.

Но как он храпел, этот ваш осел...
А зал-то, зал: дикари, хоть и «бенцы».
Я так стосковался по интеллигенции,
Что ради вас и на риск пошел.
Цените!

А это что за толпа?
О! Это ярмарочный Петрушка!
Да подвиньтесь же вы, наконец, старушка!..
(Не люблю России — тупа.)»

Толпа всегда, конечно, пестра.
Но эта была особенно пестрой:
Здесь, на миг отойдя от костра,
Шашлычник-киргиз раздувает ноздри,
Тут задержался проезжий вор,
    За ним на веревке корова,
Но улялайцы, как на подбор,
    Один фееричней другого:

На этом костюме, алеющий дó крови —
Бáрхат-шанжан в золотых кистях!
(Скроили его из портьер кинематографа,
И смахивал он на драконовский стяг.)
На том сапоги с крокодилами схожи
(Из чемоданной резаны кожи);
А этот скромен — он только писец —
На нем с хвостом голубой песец.

Г о л о с

Граждане России! Наше почтение!
Сейчас начинается представление.

Схвативши за руку Гая, Панкратор
Протиснулся ближе — и в тот же миг

Пред ним цыганские ширмы воздвиг
Кукольный театр,
А там вылетает кукла-солдат,
И сотни глаз за Петрушкой следят.

С о л д а т

Генерал, буржуй и поп
Нам хотели сделать гроб.

Г о л о с

Как так?

С о л д а т

Так и так.
Нам хотели сделать гроб.

Появляется кукла-генерал.

С о л д а т

(отдавая честь)

Ваш-сок-дитство, генерал!

Г е н е р а л

Смирно! Ты ли здесь орал?

С о л д а т

(оробев)

Да-с... Я-с...

Г е н е р а л

Так-растак,
Али я тебя не драл?

(Дает ему зуботычину.)

Мне перечить не моги:
Оближи мне сапоги.

Г о л о с

Как так?

Г е н е р а л
Точно так:
Оближи мне сапоги.

С о л д а т
Долго мы сперва молчали,
Ну, а после отвечали. . .

(Бьет генерала прикладом по голове.)

Г о л о с
Ух, как!

С о л д а т
Так и сяк —
Вот как мы-то отвечали.
Генерал убегает, выходит кукла-капиталист.

С о л д а т
Тут приперся к нам буржуй.

Б у р ж у й
(протягивая на удочке головку воблы)
Получай и не горюй.

Г о л о с
Как так?

С о л д а т
То-ись как?

Б у р ж у й
Получай и не горюй.
Если будешь мне служить,
То роскошно будешь жить.

Г о л о с
(иронически)
Вот так?

Б у р ж у й
Только так!
Да, шикарно будешь жить.

С о л д а т

Мы, ребята, не смолчали:
Вот как мы-то отвечали!

(Бьет буржуя по голове винтовкой.)

Г о л о с

Так, так его, так!

С о л д а т

Вот как мы-то отвечали.
Буржуй убегает, появляется кукла-поп.
Наконец, приходит поп,
Буржуáзии холоп.

Г о л о с

Как так?

С о л д а т

(сокрушенно)

Да уж так:
Буржуятины холоп.

За рясой попа крадется генерал, за генералом буржуй.

П о п

Сыне, гляньте в небеси:
Боже скажет вам мерси.

Г о л о с

Ах, так?

П о п

Ей-ей, так.
Боже скажет вам мерси.

С о л д а т

Мы и тут не промолчали —
Вот как мы им отвечали!

(Бьет попа, генерала и буржуя.)

З р и т е л и

Так, так его, так!

С о л д а т

Вот как мы им отвечали!

Хохот. Кукла-солдат победоносно стоит над телами своих врагов,
свисающих с ширмы головами вниз.

Генерал, буржуй и поп
Все щелчок получают в лоб.
Мы же с вами справим тризну
И на гнусных их костях
За рабочую отчизну
Водрузим победный стяг!

(Поднимает винтовку с красным флажком на штыке.)

Куц закричал: «Ах, негодяй!
Здесь агитатор — даю вам слово!»
Он яростно сдвинул ширмы — и Гай
Перед собой увидел Смирнова.
Правда, учителя он не знал,
Но понял, что это не кукольник приткий.
А Куц уже явно шел на скандал:
«Где ты, собака, достал агитку?
А?»

Смирнов пожелтел, как лист. . .
«Какую агитку? Я нищий калека.
Георгий сказал: «Оставьте, коллега.
Может быть, он коммунист-анархист?»

Но Куц вопил. И вопли, как зуд,
Толпу подмывали на самосуд.
Толпа и не думала расходиться. . .
Напротив: Смирнов папахами сжат.
Но вдруг на трехпалой его рукавице
Опять появилась кукла-солдат.
Воззрясь на Куца, потешно бушуя,
Она будто клюнула носом его:
«Я бил генерала, попа и буржуя.
Я за народ! А ты за кого?»

Кто угадает душу толпы?
Как зарождается в ней стихия?
Затроньте струны ее святые —
И можно геракловы рушить столпы,

Но если заденешь низкое в ней,
Она любой темноты черней.

Куц рассчитывал на угар,
Он думал хмельную поднять ватагу,
Но кукольник ловко отвел удар,
И юмор его перешел в атаку —
И вот уже прыснул чубатый бандит,
Захотел пластун-казачина,
Закукарекал чинуша без чина,
Из тех, что копейку свою бередит,
А конник за шашку и, спьяну рыгая,
Вдруг заорал: «Лягаш! Не морочь!»

Куц ухватился за руку Гая
И зашагал прочь.
Так прошли они рынок в молчаньи.
Панкратор держался по мере сил...
«Дикость!» — вздохнул он. Потом: «Мещане!»
И вдруг сорвался, заголосил,
И было ясно, что дело не в том,
О чем говорил он, а в том было дело,
Что эта «стихия» ему надоела!
Что он бы взорвал ее! Всю! Гуртом!

«Вот вам, Георгий, наш колорит!
Во-первых, язык. Это что-то ужасное.
Казак шепелявит, глотает гласные...
А как атаман говорит?
А как говорят его люди? Боже!
Особенно говор жен.
Какая-то помесь пшеницы с рожью,
Украинско-русский жаргон.
Зачем же, скажите, нужен Тургенев?
Литература? Стиль?
Речь понятна? И к черту гениев!
Правила им — как медведю костыль.

Он шел и нервно вздрагивал шеей,
Он шел и шептал: «Шпана! Мелюзга!»

Но делал по-прежнему на два шага
Третий шаг длинней и быстрее.

Красная лужа конской мочи,
Зеленая вывеска: омар во фраке.
Трактир «Растабаровка».

«Мальчик, очисти!»
Пиво, свиные уши и раки.

Острой бородки гофрированный каракуль,
Смех через ноздри при сжатых губах.
«Мальчик! Скоро там? Раки! Раки!
Тапер!»

— «Что прикажете?»

— «Брамс или Бах».

Послушный тапер заиграл «Марусю»,
И эхом ответил пустующий зал.
Панкратор поморщился и сказал:
«М-да... Здесь поистине пахнет Русью».

Для Гая фигура Куца ясна,
И всё же что-то странное в куцевской манере:
«Ого! Очевидно, и вправду весна,
Если даже распускаются почки в мадере».

Отбросил меню, на стены взглянул,
Увидел утят, притворно зевнул
И снова завел, как заправский лектор,
Хоть в зале были пустые места:
«Западная живопись изрядно пуста,
Но каждый художник там — архитектор.
Возьмите Матисса. Его панно,
Где пляска локтей и танец таза, —
Это же исступленье экстаза!
Всё там как будто опьянено!
Но в нем же культура чертежных работ:

Какая железная компоновка!
Там математика. Точный расчет.
Ловко?

(Куц не заметил, как с улицы в зал
Вошел всё тот же кукольник нищий,
Как, затаившись за стойкою в нише,
На Куца трактирщику указал,
Как в той же нише, дороден, сиз,
Возник и скрылся какой-то киргиз.)

Или возьмем, допустим, Пика́ссо.
Внешне сумбур. На краске — песок,
Какая-то нота. Афиши кусок.
Но это безумие лишь для показа.
На деле же всё это крайне тонко
Расчерчено, выверено, учтено.
Лирический вой городского котенка?
Но вой по нотам! Как и в панно!

'А мы? Да вот хоть под этим карнизом:
Ясность! Гид: никаких услуг!
Уточки плавают... цветики... луг...
Но по приемам — сплошной кретинизм.
Где геометрия внутренней формы?
Зачем эта уточка тут, а не тут?
Не ждите ответа. Увы. До сих пор мы
Не понимаем, что стиль — труд!
В искусстве наивности нет. Это враки.
'А наш «стиль рюсс» — это низший сорт.
О, родина-уродина!

Мальчик, ч-черт...

Где ж наконец раки?»

Но вместо мальчишки к нему подходит
Разбухший от местного пива
Здор-ровый трактирщик дядя Володя
И говорит учтиво:
«Я, извините, в момент подам
Всё, чего заказали.

Однако негоже таким господам
Сидеть в заплеванной зале.
Дозвольте предлѳжить вам кабинет!
Разве ж не понимаю?
Что же до раков, то раков нет:
Раки ловятся с маю».

И он в кабинет с почтеньем вошел,
Бидон самогону поставил на стол:
«Приятно кушать!»
— «Любезный, послушай:
Уши!»
— «Уши?»
— «Свиные уши!»

И дядя, спустивши облако штор,
Ушел, преклоняя чело и брюхо,
А Куц плотоядно ладони потер
В чудесном расположении духа:
«Вот одна из житейских гримас:
Воспитанные в христианском лоне
Люди, перед едою молясь,
Набожно складывали ладони.
Но мощно жарится бычья грудь!
А слюнки — они у любого святоши...
И люди, молясь уже как-нибудь,
Нетерпеливо терли ладоши.
Прошли века — и остался жест,
Молитва же — ах! Давно улетела...
Таков же, юноша, — вот вам крест! —
Конец любого идейного дела».

Он сразу хватил целый стакан,
Задохся и замер, как истукан.

«Гм... — подумал Георгий. — Игра?
Допустим. Но ясно: умен, как дьявол,
И в речи перед купцами лукавил.
Зачем же Буранск ему, эта дыра?»

Зачем ему улялаевцы эти,
Самые чуждые люди на свете?»

И Гай положил ему на руку руку —
Взгляд его был нестерпимо чист:
«Уважаемый коллега! Сознайтесь, как другу:
Вы ведь не анархист?»

К у ц

Я? То есть как!

Г а й

Ваша точная поступь,
Какой от стихийной природы не ждешь,
Брезгливость к тому, что ясно и просто,
Живопись, понятая как чертеж,
Наконец, эта выходка ваша с Петрушкой,
Желанье на казнь его обречь,
После которого вся ваша речь
Перед купцами — не стоит полушки. . .
Кто же вы? Только не меньшевик!
Слишком вы для него стилистичны.
Эсер? Но и тут ощутимый сдвиг:
Русь вы приемлете только столичной.
Верней же всего — прожженный гурман,
Рыцарь балета, скачек, «железки»,
Типичный петербуржец, чопорно-дерзкий,
С сердцем пустым, как и ваш карман.
Мне так и чудится: английский кепи
Серый с искрой в pendant ¹ к пальто,
В едких губах папираса «Скепсис»,
Приподнятая бровь и дежурное: «Не то!»
И вы — вы сильны. Нет, больше: могучи
Этой вечной усмешкой бритого сатира
Над всем, что зовет, увлекает и учит
Святой банальности о счастье мира.
О да! В салонах любых «беляков»
Вы просто дьявол на огненном троне!

---

¹ Соответствующее (франц.). — *Ред.*

Но, к счастью, российский народ таков:
На него
не действует
ирония.

Куц засмеялся: «Чудесно, Жорж!
Бокал первача — и такие успехи?
Я пойман на удочку, словно ерш.
Увы. Придется снимать доспехи.
Ну что ж. Вы правы: я вовсе не тот,
Каким меня видят мои анархисты.
Хотя на трибуне Прудон я истый,
Но и Прудон для меня анекдот.
Однако бега, «железка», балет
И демонизм в масштабе салона —
Здесь вы, коллега, по юности лет
Промахнулись довольно шаблонно.
Пусть я по виду гражданский лев,
Эсеры не обязательно хряки.
Так, например, член ЦК Азеф
Немало блистал в европейском фраке.
Нет, я эсер. И старый эсер.
Мой идеал с юных лет в эсерстве.
Но с Октября эсер уже сер!
Декрет о земле надорвал мое сердце».

Г а й

Декрет решил аграрный вопрос.
Эсеры ж всегда мечтали об этом!

К у ц

Да, но поймите, что с этим декретом
Эсерство умерло. Точка. Всё-с!
В чем теперь, юноша, наша программа?
Все наши грезы, чаянья, сны
Одним ударом разрешены!
Психологически это драма!

Гай изумленно открыл глаза:
«Не понимаю... Простите... Вы пьяны?»

Куц

У нас были цели, задачи, планы,
Русь отдавала нам голоса,
Ораторы наши гремели в Думе,
Мы за идею ложились костьми,
Мы были поэзией, черт возьми!
И вдруг идеал воплотился и... умер.
Вы понимаете? Боже мой!
Ни грез, ни мечтаний, ни чаяний...
Вот я живу анархистской семьей,
Пью самогон в этой грязной чайной.
А? Улялаевец! Я! Каково?
Плохо, юноша, плохо...

Гай потрясенно глядел на него:
Непостижима наша эпоха!

Но философствовать не пришлось —
Вошли Аджибеев, Смирнов и Володя.

Куц

Что вам угодно?

Смирнов

Станный вопрос.

Аджибеев

Вставай, свиное твое благородье!

Удар — и Куц летит наповал.
Он закричал, но слабо и глухо.
Смирнов же, его ухвативши за ухо,
Поднял люк и спустил в подвал.
Но, пересчитывая ступеньки
И на последней сломав каблук,
Куц простонал: «Откупаюсь за деньги!»
Тут Аджибеев захлопнул люк.

«Ну, сокол! — сказал он Гаю. — Здорово.
Я с тобой цапался. Это уклон.

Забудем про это. А конский угон
Сейчас повторить приходится снова.
Сашкина думка верной была.
Я ведь не знал, что за этим Гунтер.
Ну, ладно. Сейчас дорогá секунда:

Надо делать дела.

Пока подтянется Красная Армия,
Батяка уйдет до Хорезма, до Гарма,
Поэтому ты летишь на завод,
Оттуда ведешь ударные части,
А мы уж отсюда примем участие.

А? Согласен? Ну, вот».

«А конь у вас есть?»

— «Коня у нас нет».

— «Купите».

— «Не хватит, соколик, монет:

В этот, соколик, период шаткий
Выше аллаха стóят лошадки».

Но как дойдешь пешеходным путем?
Конь... Спасенье в коне... И тогда-то
Гай с надеждой вспомнил о том,
Что где-то здесь обитает Тата.

ГЛАВА 7

Тата робко сидит у гадалки.
Мыши сбежались к ней из щели.
На стол летели пикóвые галки,
Бубны стучали, дороги легли.

Всё это было и вправду похоже
На весь ее улялаевский быт,
Но Тата сидит с холодеющей кожей,
Тату легонько даже знобит...

Старуха ей обещает дорогу,
И деньги, и слезы, и деньги вновь,
Но Тата, кусая платочек с тревогой,
Думает: «Господи! Где же любовь?»

И вдруг затомила сладкая боль:
Пал налево трефовый король!

Он был сейчас бесконечно искренен:
Сердце червонное выложил он!
И Тата шла и шептала: «Влюблен...»
И в синих глазах озорные искры...

И каждый, кто шел мимо этих глаз,
Подумал, вздохнув о собственных ранах:
«Какая любовь в этом сердце зажглась,
И как, наверное, счастлив избранник!»

И думал о том же дремучий дед.
Он ехал дань собирать по лабазам
И вдруг задержался. Глядит ей вслед
Своим единственным глазом.

Вот она ходит, его божество,
Сама как весна, среди вешних почек!
А конь кивал, и грива его
Звенела струйками часовых цепочек.

Но что ей цепочки? Алмазы что?
Сан Улялаева, атамана?
Душа его Таты объята мечтой,
И не туманной, совсем не туманной...

Эх, если б Гая ему повстречать —
Он с колокольни проклятого сбросит!
Но жеребец, тихонько рыча,
Прядает... Повода просит.

И снова шевельнулись пальцы-ковбахи,
Закованные в боевицы из колец и перстней,
Опять цветные ленты рассыпались по шерсти,
Скручиваясь в перья на мокром карабахе...

А Тата шла, задушевно смеясь,
Занюханная плотоядным ветром,
Женственно перед ним склоняясь
Головкой, увенчанной бежевым фетром...

Ей почему-то по-детски смешно
От лужиц, от их пучеглазых буркул;
От индюка с зобастой мошной,
Который, подъехав, ей что-то буркнул,

И то, что в просветах налив голубой,
Что на закате он нежно расцвечен,
Что восхитительно жить на свете,
Когда в глазах полыхает любовь!

«Подайте, гражданочка, нищему, а?»

Тата взглянула:

«Какой же вы нищий?»

— «Скажите адрес. Георгий вас ищет».

— «Жорж? А нет ли ко мне письма?»

Но вылетела тройка, измазанная охрой
Едва ли не затем, чтобы ярче пестреть —
На хлопцах

гимнастерки

из портьер

кинематографа,

На ямщике по моде — белый песец...

И вдруг ямщик, засвистав игриво,
Свернул с разлета на тротуар,
И три вороных с разметанной гривой
Промчались, дымясь, как синий угар.

И нищий сгинул. Кто он? Откуда?

Тата стоит на дороге одна.

Но рядом развалины... Желтая груда

Мамайского камня с речного дна...

За ним закат в лиловатости алой,
Пред ним озерцо сплошных пузырей.
Безлюдно.

И Тата громко сказала:

«Гостиница «Лондон». Ждать в пустыре».

Дома Тата гадала на картах:

Слышал — не слышал? Придет — не придет?

То мчится на кухню, надевши фартук,

И там совершает переворот,
Подымет вдруг ураган на рояле,
Схватит роман, отбросит роман,
Смятые деньги сунет в карман,
Сыщет в белье изумруд на коралле
И вновь аккуратно сложит белье. . .
'А как-то в рыданьях застали ее.

И цирковая наездница Лора
(Лариса Кованько, батькин трубач),
Вмиг нырнувши во тьму коридора,
К Маруське летит язычком потрепать,
Но та, как и следует командиру,
Ответила басом, хватившим вина:
«А ну ее к черту! Бесится с жиру!
'А впрочем. . . Может, и влюблена».

Тогда Лариска, полная пылу,
Сбежала по лестнице в затхлои пыли
К звержевскому денщику Самуилу,
Цыгану богемской земли!

Хоть тот зачарованным соловьем
На скрипке пиликал Зуппе,
Она целовала цыганские зубы,
Чтоб утвердиться в счастья своем,
Чтобы уверить себя, что та
Ничуть не больше ее богата!
Меж тем наступила уже темнота,
И мимо них промелькнула Тата.

На черной улице ни души.
Вот и пустырь. . . Тата не дышит.
Но сердце так громко бьется в тиши,
Что кажется, будто звонарь его слышит!

«Кто здесь? Жорж, это вы?»

— «Я».

Тата. . . Но ей отдышаться сначала.
Неслось пиликанье соловья,
Лошадь об пол деревянный стучала —

В тихом воздухе каждый звук
Явственно разносился вокруг,
Но этих звуков четкая стая,
Где-то смягчаясь душистой волной,
Странной прелестью обрстая,
Становится дрожью, слезами, весной. . .

Не потому ли Георгий молчит?
Но это молчание как магнит!
Оно. . . оно подобно мечтанью. . .
В звездном роении ночной черноты
Тата смутные видит черты,
Всем существом отдаваясь молчанью.
И вот уже с этих духовных высот
Тоска оползает так ощутимо,
Как горький дым, проплывающий мимо.
Когда же он руку ее возьмет?

Георгий не был красив, но его
И не зачислишь также в уроды.
Но ведь любовь потому волшебство,
Что исправляет жестокость природы:
Сутки за сутками, день за днем
Живет паренек в обыденном виде,
А лирика взглянет на парня, и в нем
Что-то свое, особое видит. . .
Тате в Георгии больше всего
С детства нравились руки его.

Крепкие, плотные, в плавных мышцах,
Нисколько не бледные, но белы,
Они, витая в Татиных мыслях,
Были всегда для нее теплы;
Даже в бездействии, даже в покое
В них что-то мужественное, мужское,
Сни тянули ее в забытье,
Влекли ее, волновали ее. . .
Недаром в ужасной этой разлуке
Тате мерещились только руки,
Только они, эти руки, несли
Душу ее из смрадной пыли,
И потому эта ночь, как милость,

Как чудо, воззавшее к жизни прах,
Кинулась, хлынула, воплотилась
В мысль о его руках!

Но вот затихло пиликанье скрипки.
Ларискин голос, высокий и гибкий,
Вдруг перешел на виду у всех
В тихий, грудной, прерывистый смех..
И Тата вся потянулась к другу,
Может быть, также за смехом таким...
Георгий мягко берет ее руку,
Тем же, быть может, чувством томим,
Но вдруг вздыхает... И Тата с испугом
Чувствует, как сиротеет рука.

«Нельзя нам, Тата, сегодня друг с другом.
Я знаю: вы... Ваша участь горька,
Но, милая...

(Что это? Снова причуда?)

Дайте мне вырваться только отсюда,
Помогите добыть коня —
И я вас выручу! Будем навеки...»

Тата закрыла усталые веки.
«Конь? Откуда же он у меня?»

Гай замолчал. Но теперь молчанье
Было сухим. Обрывается нить.

«Не знаю, право... В Буранске мещане
Без лошадей... Я могла бы купить...»

Тихие слезы неслышно текут.
Он должен бежать! Его дело свято!
Но вот она здесь — *она*, его Тата,
А все его мысли не с ней, не тут.
Ну, что же делать. Он не Ромео.
А впрочем, свет изменился. Весь!

«Вот что. Я сделаю, что сумею.
Ждите меня до рассвета здесь.

В этом пакетике бутерброд,
Вот вам деньги на всякий случай.
Ну? Возьмите».

Гай не берет.
Молчанье теперь нависает тучей.
«Ну что ж. Как знаете».

Тата ушла.
Когда же под ней закрипела лестница,
На верхней площадке, крайне мила,
Конечно, ее дожидалась наездница.

«Поздно же вы, дорогая моя!»
Тон ее был по-ехидному сдержан...
Она ожидала слова «змея»,
Но Тата стучалась в комнату Звержа.

ГЛАВА 8

Время течет медленно,
А жизнь проходит быстро.

У Звержа
рука
медная
Бретера и биллиардиста.

А эта рука, быть может, могла
На памятниках простирается десницей,
Если бы жизнь офицера была,
Какой она ему снится.

Росту небольшого, в щеках слегка обрюзг,
Орлиные очи, брюшко, но плотность,
Хоть он приближался уже к сентябрю,
Но где же стихи о нем? Где полотна?

Карьера военная где?
С юности предан гербам и коронам,

Увы — он командовал эскадроном,
Не будучи принят в гвардейской среде.

Он был офицер, как и все офицеры:
Одна дуэль и сто тысяч лото.
Жаль, но цвет его жизни — серый.
Это не то. Совершенно не то.
Но, не имея высокой пробы
В геральдике, доблестях и уме,
Он с юных лет шептал себе: «Пробуй!»,
«Рискни!», «Пытайся!», «Сумей!».

Он жил напряженно, как в полусне...
Только не упустить бы случая!
Плен? Швах. Но в пленившей стране
Произошла революция.

Так. Что же дальше? Австрийский взвод
Через Сибирь возвратится в Вену,
Но там офицеришкам так не везет,
Что хоть сейчас вскрывай себе вену.

Но здесь Россия! Это во-первых.
Россия! Страна безумных карьер!
Здесь на одних строевых маневрах
Рос любой иностранный курьер.

Вспомним хотя бы эпоху Петра,
Время Екатерины и Павла!
Немецкая клика частенько тут правила:
К немцам Россия щедра.

Теперь, во-вторых. В такой-то России
Да еще революция. А?
Значит — разгул военной стихии...
Значит, на саблю большая цена...
И если б, допустим, был бы он лаком
Только до орденов и чинов,
Ему бы явиться к белым казакам —
И полк для него готов.

Но Карлу Звержу этого мало.
Зачем торопиться? Выждем пока.

Всегда он успеет на случай провала
Стать командиром худого полка,
Особенно, выдав себя за гвардейца.
Итак, не бросать своего угла.
Выждать! Полезнее приглядеться:
Может быть, есть покрупнее дела?
В самом деле: на карту глядя,
Ясно — по швам Россия ползет:
В стороны лезут Литва и Финляндия,
На Украине переворот,
Даже какая-нибудь Чита,
И та, извольте видеть, столица.
И всюду правители. . . А? Мечта!
Везде исторические лица.

Но что, если в звездах небесного лона
И Карл свою звездинку найдет?
Пусть он меньше Наполеона,
Но чем же лучше его Бернадот?

Еврей Бернадот, французский маршал,
К цели своей шагал напролом:
Он шведов пленил гренадерским маршем
И стал у них королем.

Вот за такой-то заветной звездой
Карл Зверж и решил погнаться.
В какой-нибудь Сванетии засевши в гнездо,
Он станет шуметь о свободе нации,
Обороняясь, он будет свергать
В ущелья и бездны любую рать,
Но не преследовать сбитые армии,
С гор не спускаться, в драку не лезть.
Белым ли, красным — слава и честь,
Но в горы ворветесь — осыплет ударами!
И, доказав это громом и дымом,
Подготовленными вполне,
Он сванам покажется непобедимым
В очень несложной горной войне.
(Сам Бонапарт в расцвете сил
Огня Черногории не погасил.)
И Марс, оборвавшись на сванских хижинах,

Оставит их в покое,
даже станет покровительствовать,
И будет у сванов на троне хищник,
Чужой по вере и по крови.

Но что же для этого нужно сделать?
Только одно: дожждаться поры,
Когда улялаевцев буйную смелость
Не утолят уже больше пиры,
Когда они хлынут, допустим, на Каспий
И проиграют открытый бой —
Тогда-то он батьку повесит наспех,
В панике тут же заменит собой,
А там поведет на сванов орду,
Не трогая никого по дороге,
Займет плато и его отроги
И схватит с Эльбруса свою звезду.

Об этом-то он и думал сейчас,
Сидя без френча в трехногом кресле,
Тихо смакуя грядущий час
И говоря «когда», а не «если».

Но тут к нему постучались.
«Да!»
(Он сделал лицо проконсула Рима.)
И чудо вошло, как входит всегда:
Просто, естественно, неотвратимо.
Обычно — так уже повелось —
Тата Звержа не замечала.
Он тщетно приглаживал ежик волос
И улыбался ей для начала,
Затем улыбаться совсем перестал
И только глядел, наяву мечтая...
И вдруг — его идол пред ним предстал!

Спросит ли Тата щепотку чая,
Нет ли корицы, нельзя ли иглы —
Неважно! Но очень важно для сердца,
Что греза Звержа

из тайной мглы
Входит в комнату Звержа!

И вот уже он в застегнутом френче...
«Крайне счастлив! Вполне потрясен!
Одна из самых прелестных женщин
Посетила мой скромный притон».

«Приют — вы хотите сказать?»

— «Приют?»

Но это, кажется, детское что-то?
Она огляделась с усмешкой — и тут
Увидела в рамочке фото:
Мягкие загнутые ресницы,
Которым всё явное только снится,
Которым не нужно поэтому сна...

Это
была
она.

В другое бы время Тата со зла
Мигом его довела до дрожи;
Теперь только бровью она повела:
«Я, кажется, нравлюсь вам, да?»

— «Мой боже!»

Нравиться? Ну конечно! Весьма!
Порой я просто схожу с ума».

«Литература! — сказала Тата. —
Все вы романтики на словах».

«О!»

— «Но себя вы любите свято».
— «О! Я австриец. Точнее — словак.
Мадам же судит, как россиянка.
Это неверно. О да! Нет, нет!»

В душе у Таты заныла ранка.
Он искренен, этот... кто он? корнет?
Ах, если б сегодня вместо корнета
Гай сказал бы ей это!

А Зверж говорил: «Такой красоты
Я не встречал еще. Donna nostra! ¹

---

¹ Мадонна (итал.). — Ред.

Ваши ресницы... Губы... А ноздри?
У всех это дыры, у вас — как цветы!»

«Ну, вот что! — отрезала Тата, дразня
Глазами, смотрящими не мигая. —
Отдайте мне своего коня!»

— «Зачем?»

— «Не спрашивайте».

— «Для Гая?»

Теперь уже он глядел ей в глаза,
И на висках проступили вены.
Тата вздрогнула. Нет, не слеза —
Страх отуманил ее на мгновенье...
Лгать? Но Тата слишком горда.
Не голос — дыханье ответило: «Да...»

Зверж призадумался. Этот приход
Для Таты, конечно, великий подвиг.
Так.

Его мысли приняли ход,
Свойственный чувствам из самых подлых:
Только большая любовь могла
Толкнуть ее на такое дело;
Тата, казалось, в душу глядела,
Но он понимал: в глазах ее мгла...

Значит, она теперь не отступит
И не доступна уже ничему.
Значит: хотя она Звержа не любит,
Может

отдать

эту ночь

ему!

И капитан, обмирая от счастья,
Мысленно прошептал: «Моя...»
Но тут же карьера, саблей гремя,
Окликнула Звержа басом начальства:

Ссориться с батькой? Это сейчас,
Когда Эльбрус перед ним курится?

Нет! Не затем господь его спас,
Чтобы погибнуть из-за корицы.

Тата прекрасна! Ноздри... Глаза...
Но ведь должны же быть тормоза
В натуре солдата! Ну, и к тому же
Месяц, другой — и Тата без мужа,
А Карл в золоте эполет.
Надо выждать. Терпенье, терпенье!
И в мыслях поднявшись до высшей ступени,
Бернадот отвечает: «Нет!»
Тата вышла.
Наездница Лора,
Стоя за дверью, слышала всё.
Коня? Для Гая? Вот так умора!
Теперь Лариска возьмет свое.
Мало того, что узнает Кирьяк...
Впрочем, она ему сразу не скажет:
Сперва-то гордячку тайною свяжет,
Сначала возьмет в кулак!

А Тата, не видя ее, глядела
И слышала: «Кончена ваша роль!»
Но вдруг такая душевная боль
Пронзила всё ее тело,
Такая женская, бабья тоска
Рванулась из глаз, из груди, из горла, —
Что девушка руки к Тате простерла,
Она, как сестра, ей стала близка,
И обе тайком разразились вдруг
Глухими рыданиями лучших подруг.

Дружба мужчин и женская дружба,
Как волны и горы — отличны во всем.
Мы дружбу свою, словно знамя, несем,
В идее она величавее, глубже,
Но в изъявлениях чувства — нема.
Это, конечно, дружба ума.

Но женская дружба всегда тревожна...
Мне часто видеть ее довелось:

Она без общих вздохов и слез
Просто немыслима, невозможна,
Да попросту нет такой, наконец.
Это, конечно, дружба сердец.
И пусть, друзья, в нашем прочном покое
Мы друг для друга — идейный оплот,
Но сердце способно пойти на такое,
На что рассудок, увы, — не пойдет.

«Ну, что же мы плачем? Ты любишь Гая...
Ведь я-то слышала... Хочешь коня?
Возьми моего!»

— «Нет, нет».

— «Дорогая!

Ну, я прошу. Ради этого дня!
А впрочем... Конечно... Мой не подходит:
Он очень красив, да не бойко ходит.
Знаешь? Слушай! Куда ни шло!
Возьмем у Звержа его Заревого».

— «Да что ты, Лариса!»

— «Честное слово!

Возьмем, возьмем. Назло!»

Они сбежали по лестнице вниз,
В конюшню к спящему Самуилу.
«Что мы делаем? Господи помилуй...
Сима! Родной! Проснись!»

— «А? Что?»

— «Ничего такого,

Только седлай скорей Заревого».

Цыган обомлел: «Ты сошла с ума?»

«Миленький! Не твое это дело.
Скажешь хозяину: «Лорка велела»,
А я перед Звержем отвечу сама».

Тата сказала: «Сама я отвечу.
И перед мужем, а не перед ним».

Цыган самокрутку. Задумался. Дым.
Зверж, понятно, его изувечит...

Но как откажешь? Девка — душа,
А барынька и совсем хороша.
Живется ей у батьки погано,
Сбежишь от таких «отцовских» опек.
К тому же — есть ли что для цыгана
Выше, чудеснее, чем побег?
Пускай не сам он бежит — ну что ж.
Чужая жажда его захватила,
Он жил сейчас отраженьем светила...
(Как хороша молодежь!)

Открывши дверь и впустивши месяц,
Он поднял палец — пресек разговор,
Потом, чтобы дело получше взвесить,
Стал в косяке и глядит во двор:

А на дворе весенняя грязь
Черным-черна, перегноем богата...
«А ну, скидай сапоги, дивчата!» —
Шепчет цыган, беззвучно смеясь.

Лорка вскинулась на Самуила:
«Это зачем еще?»

— «Надо».

— «Милый!

Деньгами возьми. Ну, хочешь коралл?»

Цыган в сердцах разодрал самокрутку,
Цыган обиделся не на шутку:
«Да что ж я? Коней никогда не крал?»

И вот, надевши на лошадь сапожки,
Он вывел ее, бесшумный, сторожкий...
Теперь уже никакой следопыт
В дамских следах не увидит копыт.

Куда подевалась? Взлетела птицей?

В воду ушла, словно язь?

А конь под луною, как дым, серебрясь,
Будто и вправду вот-вот испарится.

Но где же всадник? Скоро заря.
Тата в пространство сказала: «Время!»

И тут же исчезла.
Из пустыря
Метнулась тень и взялась за стремя.

Конь жует кисловатость удил,
Скользит меж зубов его жаркий лизень.
Тата глядит:
Конь уходил,
С собой унося не всадника — жизнь!

Хоть всё загадано было заране,
Но топот этот ее потряс:
Предчувствие вдруг обожгло сознание,
Что видит Гая в последний раз...

Хотелось упасть, закричать, забиться!
Но глуше и глуше звенели копытца,
И конь уже несся навстречу заре
В шуме бурьяна и чернотала,
И в бурном полете его трепетала
Летучая мышь ноздрей.

Гай окунулся в весенний ветер...
Степь! Неужели опять на щите?
Он позабыл обо всем на свете,
Помня только о быстроте,

Думая только о том, чтоб сегодня
К ночи хотя бы влететь на завод,
А там соберем рабочих повзводно
И над Буранском зажжем небосвод!

На берегу зароились огни:
Черный туман и запах гари —
Это они: воронье, карие,
Жмудки, финки... Это они!

Конь.
Да ценим ли мы коня?
Осознаем ли его значенье?
Для прашуров наших его прирученье
Было равно открытию огня!

Сколько длился бы бронзовый век,
Если б в Аннау, если б в Задонье
В славный час не заржали кони
И не познал быстроты человек?

Конь открыл для него пространство,
Конь вдохновил его жаждой странствий,
Всем движеньям придал красоту,
Духу отважность, уму остроту;

Конь умудрил его в бранном деле —
И в пешие орды вломились арбы,
Конь подсказал ему земледелье --
И на земле появились рабы,

И города зашумели на свете,
Мир богател в трудах и войне.
Да, человек из тумана столетий
Въехал в историю на коне.

Но, говорят нам, это — бывшее,
Пар, говорят, вытесняет коня,
Ток электрический, в струнах звеня,
Лошадь навек победил без боя,

Стон позывных, а не звон копыт
Далям приносит великие вести,
И если конь в ауле звенит,
Это ничем не грозит невесте. . .

И всё же ты нужен, товарищ Конь!
Битва классов ставит на кон
Все свои силы в последнем ударе,
Рано тебе жиреть у травы —
Слышишь воинственный клич Москвы:
«На коня, пролетарий!»

Лети же, лети же, как бой звонаря,
Звон-жеребец благородной крови,
Алый, червонный, багряный, багровый —
Сам как утренняя заря.

ГЛАВА 9

«Ах ты, бисова баба, га?
Вэдьма чертова з буерака!
Кто помогал? Отвечай, собака!!
Может, Маруська, старая карга,
Или якась другая подруга?»

«Нет. Я сама».

— «Брешешь, подлюга,
Хай бы тоби добра нэ булó!
Вам шо стуло, а шо седло.
Брешешь! Тут якая старалась.
Улялаева нэ побоялась!
Га? Уляла. . . Да кто ж я? Осподь?
А ну расстегайся! Буду пороть».

Молча и медленно, как во сне,
И всё же движеньем неуследимым
Тень раздевается на стене. . .
Платье к ногам опадает дымом.

Но Улялаеву ждать невтерпеж —
Петли, кнопки, шнурочки, крючочки.
Зубы сводила безумная дрожь,
Рубль подрагивал в сизой мочке.

Батька звериные ноздри раздул:
«Эх, проклятушая!»

Свистнула плетка. . .

Тата, взглянув как-то странно кротко,
Переломилась, упала на стул,
И так же — без выражения зла —
Веки прикрыла и оползла.

Он кинулся к ней, собрал ее нá руки.
«Тату! Татуся! Чи ты жива?»
Понес на постель за какие-то арки.
(Как во хмелю, гудит голова.)

Зеркало их отразило скосу:
Морская царевна плывет на руках —

Рыбьим гребнем схвачены косы,
Пена, колени в высоких чулках,

А дух-степовик, огромный и древний,
Тащит в берлогу свое божество.
Есть ли прекрасней этой царевны?
Нет!
Но царевна-то... не его.

В алькове он опустил ее тело,
Бережно подоткнул тюфяк.
Как она на него посмотрела!
Боже ж мой, га? Посмотрела как!

Кровь проступает уже по рубцу
От лифа до пояса. Тата, Тата...
Взгляд ее. Вот она где, расплата!
Простила. Но так прошают отцу,
Недаром же... «батька»!

Он встал. Покачнулся.
Вышел на воздух. Идет. Куда?
Навстречу весенняя грязная улица —
Пляшет, поет, веселится орда.
Но тут подросток: «Поддай, дедусь!»

Мм... Как свистнет у деда нагайка!
Хлопцы,
киргизица,
русь
Хлынули вспять аж до самого Яика...
Все уже знали: хоть кто, хоть пан,
Не попадайся —
Кирьяк пьян.

Вот уже слух летит по базару:
«Идет сюды!»
— «Удирай, братки!»
Кинув палатки, бросив лотки,
Полные снеди и красного товару,
Кто на верблюдах, кто на бычках
С криками выезжают за рынок!

Сыплется гряда горшков да крынок,
Грязь в молоке, овсе, черепках...
Лишь пять гимназистов спокойно сидят
И каурму над жаровней едят.

Шашлычник, бессильный им объяснить,
Что интерес у него тут кровный,
Вдруг, проявив молодую прыть,
Овладеть попытался жаровней,
Но не причастные ни к чему
Пять гимназистов едят каурму.

«Читал я, ребята, Платона, Прудона.
Штирнера изучил глубоко...
Да, глубина их, конечно, бездонна,
Однако на практике это — батько!
Кто посильнее, тому и воля.
Чуть не поладили — бац! Убит.
Однако без лозунга и пароля
Быт — уголовщина, а не быт».

«Как? Уголовщина? Bravo, bravo!
Не ожидал от тебя, Модест:
На государстве поставил крест,
Но признаешь уголовное право?»

«Этого я не сказал».

— «Сказал!
Значит, закон для тебя — икона?»
— «Не придирайся. Я против закона.
Что мне судилище? Трибунал?
Но я не против этических правил».
— «Ешь! Остынет твоя каурма».
Модест зачерпнул, но тихо добавил:
«Мама, наверное, сходит с ума».

Все завздохали.

«Мальчики, бросьте!
Разве для нас закрыты пути?
Мы можем, если угодно, уйти».

«Правильно: мы в отряде гости».

«А пулю в рот?»

— «За что же?»

— «Мутишь».

— «Но где же тогда анархизм? свобода?

Уж лучше тома уголовного свода,

Чем это кулачное право...»

— «Тш-ш!»

— «Ага! Притихли!»

— «Cum tacent clamant!»¹

— «Мальчики! На горизонте мамонт!»

Батька шел по пустому базару.

Салаты какие-то... Окорока...

Сусличьи тушки развешены парой...

Но вдруг

маханула волохатая рука —

И плюхнулись в жижу пучки салата,

Конские окорока и суслята.

А тут еще сдуру закрикали утки,

Хромает к батьке рассерженный гусь...

Но батька бух гусака под грудки:

«Я т-тоби дам «дедусь!»»

И снова идет бесшабашен, неистов.

Пока не споткнулся о гимназистов.

Те вскочили, обдернули куртки,

Как если бы в класс директор вошел.

«Садитесь, Кирьяк Михалыч, за стол!

Угодно? Жаркое из сивки-бурки!»

Батька смутился. (С ним вечно так,

Когда попадает в культурное лоно.)

«Закурим, быть может, «Дюбек лимонный»?

Самый тонкий крымский табак».

Но Улялаев такой человек:

Ему никаких ароматов не надо!

---

¹ В молчании вопиют! (Цицерон)

Он самый тонкий лимонный дюбек
Отдаст за кизячий дух самосада.

И он достает меховой кисет,
Где бисером вышита морда волчья,
И трубочку набивает молча...
И молча моргает соседу сосед:
Надо ж беседовать! Но о чем?
Об анархизме? Ну, это едва ли.

«Смотрите, что я купил на развале:
«Искусство» Гнедича. Третий том».
— «Вот это покупка!»

— «Счастливым, черт!

Одна бумага звенит, как бубен».

Поплыл Амстердам. За ним натюрморт.
Венера в мехах.

«Постой: это Рубенс?»

— «Рубенс гигант, а это титан!»

— «Кто же все-таки?»

— «Тициан!»

Над рынком галдела черная галочь —
Добыча им чудится сном...
Угрюмо сидит над жаровней Михалыч,
Но гимназисты забыли о нем:

Женщина в косах с отливом меди,
В зеркале видя себя, как грех,
На бедра и плечи

накинула мех,

И тот обнимал ее с лаской медведя —
И! оттого ее нагота,
Пальцы, прикрывшие перси, шея
Казались женственнее, нежнее
И душу захватывали на года!

Талант — умение видеть вещи,
Ум — находить между ними связь.

Да! Эти медные косы вечны,
В бликах пламенем становясь,

Да, изумительна плеч поверхность,
Где-то переходящая в свет,
Меха ее живописная верность,
Остистость его, красно-бурый цвет.

Но здесь

уже

Тицианов

глаз

Становится внутренним оком:
Стоишь у картины в раздумьи глубоком —
И мрачная мысль пред тобою зажглась...

Здесь потрясает не только эхо
Розовых бликов

от бурого меха —

Тут сочетались невинность и дичь,
Женственность и звериность!

Но этот намек Тициана постичь
Ребятам труднее, чем вычислить синус.
И всё же на миг ощутили они,
По интуиции или случайно,
Что тут не палитровые огни,
А сердце женское, женская тайна,
Страх перед силой своей красоты,
Влекущей звериные силы порока,
Что перси эти, эти персты
Стали для женщины ужасом рока,
И прелесть, которою одарена,
Может быть, ненавидит она.
Вряд ли юноши этих лет,
Даже не чуждые сложной мысли,
Именно в этом духе и смысле
Поняли Тицианов портрет,
Но почему-то само собою
Выплыло сходство судьбы с судьбою:

«На Тату похожа, мальчики!»
— «Да:
Так же прекрасна и так же горда».

Тата... Как трогательно это имя!
Волнующий образ пред ними возник,
Живая душа всплыла перед ними
Ярче полотен и глубже книг.

«Нет, не горда! Не то это слово.
Звезда, осеняющая города,
Стоит превыше всего земного.
Но ведь звезда совсем не горда,
Она всего лишь — увы — недоступна».

«Верно! И это в ней хорошо».

«Гип-гип Модесту! Сказано крупно.
Недосягаемость Таты...»
— «Шшо?!»

Мальчики обомлели.
«Недоступная? Це для когó?
Може, для мэнэ? Га?»

Ничего

Не понял батька в сей параллели,
Да ведь ему и не объяснишь...
Впрочем, Модест поднимается с места.
«Позвольте!» — раздается голос Модеста.
Но тот на него, как на мышь: «Кыш!»

И тут он увидел Венеру в амурах,
Лапы медвежьи, округлость рук...
Черты

его

из угрюмых и хмурых
Стали бешеными. И вдруг
Встает! Гремучий удар сапога —
Жаровня кверху! Вздвигается пламя.
Ворóны и галки в безумном гаме
Взметнулись, как траурная пурга.

Не обуздать теперь забулдыгу.
А батька уже беретя за книгу.

На грудь Венеры ложится ладонь,
Венера корежится аж до хруста. . .
Раз! — и все это ваше искусство
К чертям собачьим — в огонь! в огонь!

Модест закричал: «Да мы не о том!»
А гимназисты, не в силах отстраниться,
Смотрели, как в пламени роскошный том
Пеплился, от боли листая страницы:

Ганзейская шхуна.
Вот кошка и пинчер.
Паяц в кулисах.
Бордо.

И листнулись вдруг глаза Леонардо да Винчи
Над струистой
  золотистой
  бородой.

Этого видеть Модест не мог.
Сорвав с себя гимнастерку-хаки,
Он бросил на книгу, задул дымок
И. . . улыбнулся. (Чтоб не было драки.)

Нно,
отдуваясь, как ярый зубр,
В истом величьи кулацкого вождя
Батька, к юноше подойдя,
Вдарил перстнями в зубы.

И тут-то каждый так или иначе
Понял, что это не просто бой:
«Да здравствует Леонардо да Винчи!»
— «Интеллигузию бей!»
Где-то тревогу бьет барабан.
Крики несутся истошнее, звонче. . .
Кирьяк отряхался, как дикий кабан
В битве с заливка сшибает гончих:

Этого — ух! Этого — кряк!
Этого — хряск!
О то Кириак.

А улялаевцы тут как тут:
Топот, гиканье, свисты . .
И вот вповалку лежат гимназисты,
Будто играют в «масло жмут».
Безмолвна, однако, эта гора:
Невеселая, видно, игра.

Куда веселее играют бандюги!
Дылда, Маруська, Золотой Зуб,
Достав рогожки из-под белуги,
Обшив рогожкой каждый труп,
Свалили «товар» на верблюжьи дровни:
«Рыба! Рыба!» — гогочет орда.
Но батька, взглянув на уголь жаровни,
Задохся от ненависти:
«Борода!
За шо воны гибли? За бороду гибли.
Треба уважить. Прошу бороды».

Ура! Бандиты бросаются в дым —
Зола разметана, пепел вздыблен,
И вышел из тлена спокоен, велик,
Подернутый желтым куревом лик.

Это спокойствие превосходства,
Знающего бессмертье свое,
Как-то пришибло всё их юродство,
Грязный базар и его воронье. . .

И вся разудалая эта возня,
Кулачная власть кулацкого бога
Вдруг показалась такой убогой,
Нищей такой. . . Без грядущего дня. . .
За этой вот бородой аршинной
Высятя книги, стоят города!
Эта струистая борода

Оттуда ж, откуда автомашины,
Локомотивы и крейсера!
Что ей жалкое это «ура»?

Куражься, погромничай, атамань —
А мир

стоит

с его мощной культурой,

И что тут поделает, вылезши сдуру,
Улялаевская глухомань?

Но миг — и как будто никто ничего:
«Айдате, хлопцы!»

— «Гуляем нынче!»

Взметнулись глаза Леонардо да Винчи,
И снова юродство, опять шутовство.

Портрет наклеен на медное блюдо,
Блюдо сверкает очами, как щит,
Но щит подвязан к хвосту верблюда,
И тот брыкается, верещит,
Вокруг себя кружится упрямо...
Уж смеху было — до коллик прямо!

И вдруг

в небесах,

как идея возмездия,

Как справедливости высший закон,
Гром — и конь заплясал на месте...
Взрыв! — на дыбы подымается конь...

Новый грохот осыпал окна.
С визгом цокнул осколок о лад
Медно-зеленых шеломов — и вздрогнул
Колокол около колокола.

«Тикай! Окружают!»

Ударил четвертый...

Драп!!

Очерненные тенью ворон,
Вон из города мчались орды
В ужасе от таких похорон.

А по дороге от каждого взрыва
Рушилась лошадь, взметнувши гривой,
Вниз головою всадник летел,
Тут же заваленный грудю тел.

Падаль запруживала переулки...
Стоны, божба, исступленный вой.
К черту раненых! Топот гулкий
Вихрем к полю по мостовой —

Мимо театра, где фижмы и блонды
В старой витрине под сенью берцов,
Мимо столичной гостиницы «Лондон»,
Мимо

площади

мертвецов...

Есть еще правда в мире огромном!
Нет, вы погибли не за мираж.
Мерно,

торжественно,

гром за громом,

Плыл над городом траурный марш.

ГЛАВА 10

Засунув с маху папаху за пояс,
Батька глядел на вокзал:
По рельсам гильзой скользил бронепоезд
И с трех высоток один воевал.

Пять броневых блиндажей на колесах
Под металлический грохот и бряск
Взад и вперед проносили лозунг:

«ДАЕШЬ БУРАНСК!»

Да, бронепоезд — немалая мощь,
Голым свистом его не возьмешь.
Но ведь и он не осилит орду!
Перемахни огневую черту —
И бронепоезду нечего делать:
Дальше ни рельсов, ни гаек, ни шпал,
Дальше — ковыльник, в ветрах поседелый,
Всадничек там занырнул и пропал!

Только собрать бы орду в кулак,
Только не дать бы ей распылиться...
Но что это?

Старый гривастый казак,
Белобородый и чернолицый,
Перекрестился плеткой — и вот
Вся станица за старым плывет.
Ясно: уходят!

В первой паре
Пляшут два вороных в загаре,
Красноостистых два вороных —
Двое седых кавалеров на них;
Дальше — в богатых пушных обновах
Сотня буланных и сотня соловых,
И под конец за чубарем чубарь,
Сотня последняя: конь карь.

Так было, так будет. При первом ударе
Кто-нибудь обязательно вбок.
И вот — буланный, соловый, карий,
А впереди борода, как бог.

Ясно: уходят. Хай соби скачут:
Снявши башку, по чубу не плачут.
И Улялаев со штабом своим,
Оглушая лошадь одышкой,
Рысью тронулся из городишка —
В поле батька неистребим!

Погоня? Он не боялся погони:
У пролетариев уголь да нефть,

Но где у рабочего класса кони?
Коней у рабочих нет!
И атаман, опустивши уздечку,
Почти спокойно ехал за речку.
Однако в степи у просторного моста,
Что для чугулки еще не готов,
Стояли махины трехтонного роста —
Семь пулеметных грузовиков;
Немного левей, в буреломе бузинном,
Красный крест на палатке простерт,
С флангов — две цистерны с бензином,
А перед ними — «форд».

Это отряд, именуемый ЧОН,
Часть особого назначения.
Был он Четыхою вооружен,
Завод собрал его ополченье,
Политсоставом усилил часть,
Задачу поставил автоколонне —
Короче: сейчас в улялайском районе
Завод заменял советскую власть.

Покуда над городом неся вой
И доносился удар за ударом,
Гай с биноклем сидел в легкой,
Просматривая возможный плацдарм;
А рядом — брови полярной совы:
Некто Дробышев из губкома.
Гай говорил спокойно, как дома,
Не поворачивая головы,
Точней — едва шевеля губой.
Гай говорил как бы сам с собой:
«Мы разрешили аграрный вопрос!
Вот разобьем эту банду кулачью —
И вся проблема пойдет на снос.
Кулак имеет такую же клячу,
Как и бедняк. Излишки? Да, да.
Но мы их, Артемий Артемич, изъяли!
Так что кулак в текущем квартале
Это уже человек труда.

Правильно?»

— «Нет».

— «Но позвольте! Мы знаем,
Что бытие управляет сознанием».

«Именно! Бытие, но не быт!
(Дробышев засмеялся). Голуба,
Вы рассуждаете так, что любо:
Душа, мол, это число копыт.
Перечеркни двенадцать подков
И напиши в анкете — «четыре»,
Глядь: кулачок уже был таков,
Тишь да гладь воцаряются в мире.
Так ведь по-вашему?»

Гай покраснел:

«Я исхожу из данных науки.
У кулака — советский надел,
Как и у всех, у кого есть руки;
Излишка нет ни в конях, ни в овсе —
Значит, при всем характере лисьем
Он — трудящийся, как и все.
А вы — «душа»! Душа — идеализм».

«Опять ошибка!» — смеется Артем.
Но Гая скрючило, точно от боли:
«Постой... Минутку... Доспорим потом...
Гляди!»
Большим разномастным гуртом
Лошади вылетали в поле.

Вот сгрудились в плотный косяк.
Вот орда разделяется на две:
В белой бурке какой-то казак
Повел за собою конские лядви —
То борода, по-хозяйски хитра,
Возвращается на хутора.

Но боевая лава орды,
Все до последнего без бороды,

Этаким маревом черnodубным
Двинулась к речке с песней и бубном:
Там за глухой бузиною — мост.
С черными галками, с черным стягом
Банда сначала ехала шагом,
Но вдруг

увидала

чоновский

пост —

И понеслись улялайские кони
С гиком и свистом к автоколонне.
Всё ближе и ближе звенящий гон
Коней, рублями подкованных!
В челках — блеск золотых погон:
Вон тот жеребец — гвардейский полковник,
Этот поручик, этот корнет,
А нижних чинов среди лошадок нет.

Белый, черный, игрневый, рыжий,
Красный, пламенный. . . Звонче! Ближе!

Конь пулемета не ест. Это так.
Рухнет под пулями первая стая!
Но в том и особенность конных атак,
Что быстрота коней, нарастая,
Опережает убыль в строю.
Покуда пули прошьют гнедого,
Сивый прорвется. Убьют седого,
Чалый пронесит секунду свою.
За мертвую линию хлынет орда,
Машины затопит, прислугу порубит,
Весь этот жалкий заслонец погубит,
Ступит копытом о мост — и тогда. . .

Но грузовые машины безмолвны.
Но пулеметы на них молчат.
Но мертвые фары зловеще торчат,
Грозно уставясь на конские волны.

А кони всё ближе. Табун боевой
Сивой, чалой, гнедою лавой

Прыгал, скакал, заносился и плавал,
Блеща молниями над собой.

Гей! Быстрее, быстрее, быстрее!
ЧОН молчит. Неподвижен ЧОН.
Перед ним уже черными птицами реет
Военный танец знамен,
В каком-то безумьи визжа и воя
(Весело воевать на копе!),
Пред ним лицо казачьего боя,
Где каждый всадник пляшет, как нерв.
Лава несется и ждет огня.
Даешь пулемет, комиссар поджарый!
Но тут,
                                среди бела дня
Светом
                                ударили
                                фары.

Самое страшное на войне —
Внезапность, а если она непонятна,
То это всегда страшнее вдвойне.

Кто-то споткнулся о желтые пятна...
Этот шарахнулся... Тот на дыбы...
Жуткие лучевые столбы
Четырнадцать в ряд, да не сверху, а снизу!
И так уже встряской мозг накален,
А тут еще скифы, а тут киргизы,
Сроду не знавшие автоколонн.
Орда заklubилась — и ни на пядь!
Кони копытами переступали.
Дылда: «Хлопцы! Чего ж вы стали?»
Батька зверея кричит: «Наступать!»
Еще минута — и бранный клик
Автоколонну возьмет на клык.

Но этой минуты им дать нельзя.
Покуда Маруська визжит: «Друзья!»,
Покуда над батькой ворон матерый
Вьется и каркает, как дурной, —
В рев заревели наши моторы,

С которых глушители сняты долой,
И тут, вконец помрачая разум,
Семь пулеметов ударили разом.

Дикий ужас прошел по банде,
Словно она услышала ад.
Вдруг без команды, как по команде,
Хлопцы с воем назад, назад...
То не заслон — то чертова база!
Страшные выхлопы черного газа,
Больших оборотов чудовищный вой
Начисто вышибли дух боевой.
Ржаньем и визгом полна округа...
Кони грызутся, давя друг друга,
Казалось, от топота этих зверей
Шар земной закружился быстрее.

Автоколонна рванулась вперед,
Почти на хвостах преследуя орды.
Вот грузовая в гору берет...
Но кто-то машет рукой из «форда».
Сашка взгляделся: это Артем.
Автоколонна остановилась.
Сашка Седых из кабины вылез
И подошел с угрожающим ртом.

А р т е м

Дай отойти улялаевским людям.

С е д ы х

Ты что! Рехнулся или остряк?

А р т е м

Пусть отойдут.

С е д ы х

Ну, а мы?

Г а й

Мы будем

За ними ползти, как ползет страх.

С е д ы х

Не понимаю.

А р т е м

После поймешь.

Г а й

Страх по пятам! Представляешь картину?

Сашка угрюмо вернулся в кабину,
Считая, что бой пропал ни за грош.
Так начался небывалый поход:
Мир степной — ровнехонький, гладкий,
На горизонте мелькают лошадки,
За ними «чертова база» ползет.

Восходит солнце, заходит ли солнце —
Всё то же и то же: слепящий свет,
Лошадки мелькают на горизонте,
Автоколонна ползет вослед.

Не слышно топота в грузном вое,
Но ясно видно в стекло ветровое,
Что меж копытами и землей —
Воздуха голубоватый слой.

И в этом слое — такая даль,
Такой ощутимый гипноз пространства,
Что Гаю казалось: «Ну, нет, едва ль
Закончится где-нибудь сон этих странствий...»

И он сквозь дрему глядит в простор,
Планшетку приладив, как изголовье;
А Дробышев, сдвинув совиные брови,
Продолжал неоконченный спор:

«Я убеждался не раз и не два:
Кулак хоть и нищ, а всё на престоле!
В физике есть понятие «поля»,
Кроме понятия «вещества»;
Это вполне реальная тяга,
Власть электромагнитных сил.
Гаврюшка, допустим, в селе работяга.

Рядом кулак. Допустим, Василь.
У Василя реквизируют лошадок,
Излишек зерна — разведан, добыт.
Василь что Гаврюшка? Ладно. Порядок.
Но это пока еще только быт.
А кроме быта есть бытие,
Где властвует, братец, магнитная сила,
И этой силе в своей слепоте
Веками привык подчиняться Гаврила.
Пусть уравнивал пролетарский курок
С бедняцким кульком кулацкий кулек.
Но ты исходи не из веса кулька:
Кулек Василя — потаенный, древний;
Сегодня скрытая власть кулака
В узком сознании деревни.
Деревня знает, что враг — помещик,
Ну, а Василь-то не из чужих;
Был пузат, а как стал поменьше,
Стало быть, самый нормальный мужик.
Меж тем его тяга действует низом,
Он в робость крестьянскую издавна врос.
Кулак сегодня — аграрный вопрос!
А ты говоришь: «душа — идеализм». . .»

Меж тем «аграрный вопрос» вдалеке
Таял всё той же миражною массой.
Бензин в кобыльем прокис молоке,
Сшибался с запахом тухлого мяса,

И всё мрачней становилась тропа:
То здесь, то там среди полыни да чобра
Щерились конские черепа,
Скалились лошадиные ребра. . .

На них садился зловещий грай —
Вороны в радугах, черные галки;
Меж них до клочьев дрались чекалки,
И несся безумный хохот и лай!

И всё ж дотемна, через степь маяча,
Сохраняя дистанцию в десять верст,

Укарабкивались бандитские клячи
Под разбойничий свист, улюлю да порск,
Покуда ночь не накроет папахой
Пустыню ветров без путей и дорог
И кони, вздувая опавшие пахи,
Повалются с перепухших ног...

Тогда Георгий, тайком, один
Почти вплотную к орде подходил...
Он видел во тьме, шаги стерегущей,
Дымный мрак, что полночи гуще:
В этом дышащем, спящем пятне
Вот так же, должно быть, тоской объята,
С косами в бабкиной пятерне
Лежит и дышит она — его Тата.
Тата! Зачем он не понял тогда,
Как ей нужна была его нежность!
Но ведь кругом кишела орда,
Словно глухая болотная нежить.

Где уж там ласка... Нужен был конь!
Время! Вся жизнь сводилась к минутам!
Помнится, скрипка или гармонь
Мучила душу томлением смутным...

Впрочем, тогда он не слышал ее,
Но почему-то звуки остались,
И здесь, сквозь сонное воронье,
Горького сердца как раны касались...

А утром опять, через степь маяча,
Сохраняя дистанцию в десять верст,
Укарабкивались бандитские клячи
Под разбойничий свист, улюлю да порск,

Покуда ночь не накроет папахой
Пустыню ветров без путей и дорог
И кони, вздувая опавшие пахи,
Повалются с перепухших ног;

А утром опять, через степь маяча...
(и так далее до бесконечности).

Но однажды запел перед зорькой кочет —
Петуший крик взбудоражил орду:
Почуя колодцы, кобыла хохочет,
Табун повернулся к людскому гнезду,
И так потянули дымок да вода,
Что и не тронулась в бегство орда.

В бурьянах, мокрых от утренних рос,
В чернобыльниках бурых
Пар, как войско, толпился и рос
Орлиной горбью плащей и бурок.

И вдруг туман коней да бойцов,
Безумной усталостью к бездне влекомый,
Двинулся на петушиный зов,
Стекая в глубокую падь с окоема.
Автоколонна вползла на холм.

Видит: село. Но кто там?
Георгий Гай с ручным пулеметом
На радиатор уселся верхом,
С двух сторон на крылышках «форда»
Четыре бойца уместились твердо,
А два «максима» глядят из окон.
И вот тяжелая легковая,
Грузовики на холме оставляя,
Скатилась бережно под уклон.

Яснее ясного: банда в селеньи.
Но «фордик» приблизился — тишина.
Окраинный дом. Закрытые сени.
Занавесочки у окна.
Рядом ворота. Чугунный запор.
Спят?
Но Гай вскочил на забор:

В серо-соленых пятнах от мыла,
Больше похожая на одра,

Арабских кровей седая кобыла
Жадно сосет из пустого ведра.

Гай под окошко. В ответ ни звука.
Гай с раздраженьем прибавил стука.
«Кто там?»

— «Свой!»

За окошком шаги,

Вяло приподнялась занавеска:
«Не подаем!» — прошамкали веско
Жабы губы бабы-яги.

«Да ну, открывай!» — загремел Артем.
Ведьма открыла.

«Чья это лошадь?»

Но бабуку, видимо, не огоршить:

«А я почем знаю?»

— «„Не подаем“,

Но принимаем коней, золотишко...

Кто это спит на полатах?»

— «Максим.

Старшенький».

— «Старшенький. Ну, а с ним

Младшенький?»

— «Верно. А звать его Тишка».

Братан и брательник в исподнем белье
Вскинулись было и снова в подушки!
Черный с плéшинкой на макушке,
Русый — девушки побелей.

«А что, бабуся, вроде сынки
Друг на друга не больно похожи».
Старуха нахмурилась:

«Да уж таки.

Кто его зна? Это дело божье».

«Нет! Безбожное это дело.
Советская власть дала вам наделы,
Мир дала вам советская власть,

Помещикам навек зажала пасти,
За мироедов теперь взялась —
А вы, товарищи-середняки,
Прячете их от советской власти
И говорите: «Сынки!»
Совести нету. Пошли, Георгий!»

«Совести? Это у нас?»

— «Да, да».

— «А у кого такая беда,
Что хлебушко обобрали до корки?»

— «Кто обобрал-то?»

— «А ваши».

— «Врешь».

— «Кулагина знаешь? Приходил с отрядом.

Спроси хотя у соседки рядом.

Не то что пшеничку — самую рожь!

Мужик всё одно что буржуй, говорит,

«Мужик до собственности охочий,

Мужик, мол, плачется что есть мочи,

А клад у него под печкой зарыт.

Да ты пошарь, говорю, под печкой,

В норку мышиную лазь со свечкой».

Старуха, всплакнув, отвернулась от них.

Она уже не казалась жабой:

Древняя многострадальная баба

Из самых что ни на есть родных.

Гай и Дробышев переглянулись.

Но тут Смирнов подбегает к окну:

«Обследовал пять близлежащих улиц,

Заглядывал во дворы. . .»

— «Ну, ну?»

«Везде — в сарае или в загоне

Определенно бандитские кони!»

И снова на крыльях четыре бойца,

«Фордик», треща, побежал обратно. . .

И тут-то два несхожие брата

Из двух окошек дали свинца!

Чоновцы с ходу прынули наземь,
Но бабку обстреливать не с руки.
Однако с холма, загремевши разом,
Кинулись грузовики.

Два пролетели сельцо насквозь
И стали у дальнего края селенья.
Третий стал созывать население,
Но хаты будто забиты на гвоздь.

Учитель в раздумьи поскреб себе темя:
«Эта низинка — Бирючья Падь!»
— «Не в этом дело! — сказал Артемий. —
Кулагин тут постарался, видать».

Он оглянулся на радиатор,
Где Гай приклеивал к дырке пятак:
«А он случайно не провокатор?»
— «Нет. Но он не случайно дурак».

Все засмеялись.

«Серьезный случай:

Убей — не знаю, что хуже, что лучше».
Меж тем четыре грузовика
Мчались по улице, в дымах сгорая,
Брали заборчики в два рывка
И выводили коней из сарая:
Белых, карих, седых, зслотых —
Всё оклейменных, всё заводских.

Будто вернулись былые деньки:
Плетутся усталые дончаки,
За ними вороны кабардинские,
Карабахские, ахал-текинские,
Хэки, эстонские клеппера,
Тяжкие, поджарые, высокие, низкие.
Амурские, башкирские, калмыцкие, киргизские,
Жмудки, финки, марш-кремпера.

И вдруг откуда-то с огорода
Выстрелы, клики, топот копыт:

Семь коней — боевая порода —
В легком полете блеском слепит!

То Улялаев со своим штабом,
Бросив орду безутешным бабам,
Снова простор себе покорил —
И снова ветер гривами свищет,
А рядом с ними, будто кладбище,
Крестатые тени вороньих крыл.

Не этой ли черной тенью крылата,
Опять улетаёт от Гая Тата?
И дальний топот его потряс...
Георгий подумал, следя за ними,
Что если и Тата летит в этом дыме,
То видит ее он в последний раз.

ГЛАВА 11

В призрачных башнях горит небосвод.
Вспыхнули гелий, барий и стронций,
Синеет, алеет, желтеет — и вот
Над горизонтом краешек солнца.
И осветился дымный чертог,
Лучи венцом засияли, как слава!
По телу солнца черной чертой
Край земли оседал величаво,
И круглая степь

под родимый свод
Всем своим шаром катила вперед.

Покуда кони бандитского штаба
Перелетали через ухабы,
Две грузовые, ползя вослед,
Ямы и рытвины обходили,
Так что сначала степные мили
Коней сливали в сплошной силуэт.

Но дальше уладилась ровная степь,
И рухнули все улялайские планы:
Грузовики парят, как бипланы,
Точно по линиям их судьбы!

Выхлопы кашляют всё сильнее,
Песок в карбюраторах плещет о донце,
Но стали видны, отливая на солнце,
Семь коней, словно семь огней.
И семь коней задержались на миг.
Ветер стал было гриву ерошить,
Но вдруг, завизжав, какая-то лошадь
К ЧОНу кинулась напрямик.

Что такое? Машины стали.
Это мчался не конь, а страх!
Вмиг над ним закаркали стаи
Черные, словно траурный стяг.
Дышит... Безумье в глазах раскосых...
Скачет в подзвоне стертых гвоздей...
А за копытами, путаясь в косах,
Женская голова на хвосте.

Тата!
Гай зарычал, как во сне,
Глухонемым и придушенным стоном,
Но тут же осекся: что пятитонным
В этой его любовной возне?
Смеет ли он поворачивать к ней
За черным галопом, окутанным дымкой,
Если вдали, становясь невидимкой,
Мчатся шесть вороных коней?

Дробышев крикнул: «Машины, назад!»
Но Гай почти прохрипел: «Отставить!»
— «Да ведь нельзя ж ее так оставить:
Галки склюют, шакалы съедят».

«Слушай меня: машины вперед!»
— «Георгий!»

— «Кто здесь командует ЧОНом?»
Вперед, я сказал!»

С лицом удрученным
Он сел и сгорбился, точно урод.

Красный след перед ним, как шлях.
Где-то в бурьянах знакомое платье...

Над ним крылатые, верно, объятья...
Где-то близко... В пяти шагах...

Машины стронулись и поплыли
По красным пятнам ковыльной пыли.

Но Гай подбородок прижал к груди,
Чтоб линию горизонта обрушить
И не увидеть, не обнаружить
Неизбежного впереди.

Он слышит, как снова стекло зазвенело,
Как вновь задышал ослепительный май,
И лишь потому,

что взлетел
кумай,

Понял,

что рядом
безглавое тело.

Машина съезжала в какую-то падь,
Затмилось шоферское зеркальце в меди,
И Гай вполглаза по нем заметил,
Что серый кумай опустился опять.
Степь... Ковыль... Орлиная сыть...
Невинное небо над дикой страной...
Такое сердце не оценить,
Такую любовь обойти стороною
И спохватиться, но для того,
Чтоб не любить уже никого!

Великие годы, но страшные годы...
Страшной была в них не буйная кровь,
Не исступление непогоды,
Сдувшей с России острожный кров,
Нет! Народ потребовал власти,
И совесть его чиста и светла.
Что же тут страшного? Страшно бесстрастье,
С-каким эпоха по судьбам шла.

Если бы Гай, схватясь с Кирияком,
Пал от бандитской сабли в бою,
Гибель его была бы под знаком
Битвы народа за долю свою.

В гибели этой высокая честь —
Смысл в этой гибели есть.
Но обезглавленная Тата
В страшных крыльях степного орла...
За что невеста его умерла?
К чему тупая эта расплата?
Что она сделала? Что! Отвечай!
Ведь вся душа ее — тихая верность.
Себя ли к ответу требовал Гай,
Саму ль историческую закономерность?

Смеркалось, когда машины снесло
Вслед за конями в большое село.
И здесь ни души. Одно только пугало
С галкой, встопорщенной на ветрах,
Маша рукавом, огромное, пухлое,
Пыталось к небу взлететь, как ветряк,
Да посредине пыльной дороги
Играли мальчики в «городки».
(Играли, однако, в явной тревоге,
И попаданья были редки.)

Со всем добродушием рукоплеща,
В тужурке, накинутой просто на плечи,
Артемий к ребятам сошел налегке
И выбрал палку себе по руке.

«А ну, принимай от меня гостинца!»
Он гикнул и метко ударил в цель.
Один из мальчишек сказал на «нце»:
«Никтонце ничевонце не говоринце!»

Артем иностранных языков не знал:
«Ребятки! А где ж Улялаев?»
— «Чевонце?»

Но тут из-за тына подал сигнал
Зверь, горящий, как черное солнце.

Кровавым паром зари залитой,
Он звал кого-то голосом вещим.
На стриженной челке погон золотой
Полковничьим серебрился созвездьем.

Нужно ли было тянуть жеребья,
Оценивать зубы или копыта,
Чтобы узнать того жеребца,
Который богом был для бандита?

«Чей коняга?»

Мальчик молчал.

Но тут на Ворона вспрыгнул Саша:

«Раз, говорите, лошадь ничья,

То будет моею».

— «Вре! Это наша!»

— «Ваша? А это что за тавро:

«К» и «У»? Докажи перед всеми!»

И вдруг спросил, прищурясь хитро:

«А может, ты сам — улялайское семя?»

Гай вполголоса: «Саша, брось!

У нас с мужиками должна быть сплоченность.

И потом — это ребенок».

Александр поднял бровь:

«Ты ученый, а я толченый».

Но тут Артемий, слегка наклонясь

Над улялаевцем непреклонным,

Сказал ему самым серьезным тоном:

«Скажинце! Я подарюнце коня!»

Мальчик стрельнул глазенками стали...

И то ли подарок, то ли язык, —

Он так припустил, что только летали

Камешки из-под ножек босых.

За ним осторожно тянулись машины.

«Сейчас увезем тебя, друг Кирияк!»

Какие-то злобного вида мужчины

Толпились у входа в древний кабак.

«Здесь?»

Мальчонка им не ответил,

А отбежал поодаль и стал.

Он только и видел, как черный ветер
В струнах гривы неслышно свистал,
Как зыбью лиловой бежал против шерсти,
Что в подпуши явно светлее была...
Бурую кровь на копытной серости,
Ковку, стертую добелá.

Тем временем чоновцы входят в корчму
И зорко глядят сквозь табачную тьму:
Пол в кабаке был измызган и страшен,
Но коврик в углу зеленел, как луг!
Подняли коврик — под ковриком люк:
Маруська, Зверж и Мамашев.

Бандиты вышли и сдали оружие.
Но Зверж, играя сапожками карими,
Четко сказал: «Я могу быть нужен
В качестве инструктора вашей армии».

Гай усмехнулся: «Не нахожу слов».
— «Напрасно. Я продаю вам шпагу.
Я только спец и свое ремесло
Могу предложить по контракту на́ год.
Итак, значит — нет?»

— «Обратитесь на биржу».

Он вынул пилюлю, залитую в жечь,
Глотнул, поднял брови и сделал жест:
«А славу по мне пусть лошади выржут!»
Но тут же забредил от дикой боли,
Точно его одурманил угар:
«По двум шарам я метил удар,
И что же вышло из карамболя?
Черт с тобой, м-сье Бернадот!
Но женщина... А? Царевна морская...
Царевна...»

Он рухнул, скрививши рот.
Маруська билась, брань изрыгая,
И только один зеленый киргиз
Стоял, глаза опустивши вниз.

Георгий вышел задумчив, строг:
Но где же все-таки Улялаев?

Быть может, залез в какой-нибудь стог
Или залег до поры меж сараев?

Мальчонка нас обманул. Это так.
Но жеребец не обманет, пожалуй:
Ведь это всё существо его ржало,
Это душа звала: «Кирияк!»

Надо коня отвести назад,
Надо поставить его на шляхе,
И, может быть, запах рыжей папахи,
Или с дымком кизяка самосад,
Или душок чебреца-талисмана
Выдадут атамана.

И черный красавец взят под уздцы.
Он так пошел по тропе над Чаганом,
Точно волшебные кузнецы
В четыре удара монеты чеканят.

Шея лебедем черным в голубь,
Груди пылают радужной сажей,
Глаз кровавый раскосо посажен,
Белая пена падает с губ.

И вот на шлях выводили коня
И дали волю. . . Он стал озабочен.
Он начал отряхивать гриву, звеня
Струйками часовых цепочек,

Потом раза два ноздрями подул,
К тыну, где пугало, повернул
И вдруг затрубил призывною песнью,
Как перед боем медный корнет!
Так. Отлично. Так, так. Чудесно.
Но где же. . . пугало? Пугала нет.

Вместо него — длиннющая палка,
Которую вырвал из тына бандит.

Вместо него — подбитая галка,
К шапке привязанная, сидит.

Фью! Ищи теперь ветра в поле.
Батяка давно ушел за Чаган.
Георгий крикнул. . .

«Эй ты, мальчуган!

Где ж Улялаев?»

— «Батяка на воле».

— «Стало быть, ты обманул нас?»

— «Ну да.

А только лошадку всё же отдайте».

— «За что?»

— «А три городские дяди?

Кабы не я — никогда».

«Ах, вот оно что! Городских не жалко?»

«А нешто им деревенских жаль?

Вон из губернии приезжал

Один городской. Горлопан. Оралка.

Дык он, брат, такого тут натворил!

Мы всё записали. Авось пригодится».

— «А кто он?»

— «Ну, ваш».

— «Да великая ль птица?»

«Великая. С ливорвертом был».

— «Так. И что же он говорил?»

— «А то говорил, что батрак есть рабочий,

Стало быть, надо его поддержать,

А прочий — к собственному охочий,

Этого, стало быть, поприжать».

«Ну, ну? Что же дальше?»

— «А дальше и нету».

Дальше — овин не овин: заметай!

В этой хибарке живет Митяй,

Калека с войны. Бобыль без просвету.

Дык он и его облупил, как хоря.

Четырнадцать лет я живу на свете,
А человек таких не встретил.
Зря вы это, товарищи. Зря».

Мальчик огладил свой подбородок —
И встал бородач за ним, как двойник.
Малыш четвертому классу погодок,
Но жизнь узнал не из школьных книг...

И, жадно слушая малыша,
Георгий слышал отца его, деда,
Брата, шурина да соседа —
И с болью в нем закипала душа!

И с гневом он вспомнил капустные уши...
Не в них ли и черпал силу Кирьяк?
Пред ним возник густопсовый дурак,
Преданный и предающий,
Дурак, но не просто скотине сродни,
Требующей описанья по Брему,
Дурак, вырастающий в наши дни
В острую проблему.

«Ты вот что, парень! За правду — спасибо.
Коня забирай. Он твой навек.
А что до горластого этого типа,
То это... это не наш человек.
Я тоже буду с тобой откровенен:
Крестьянская жизнь не ахти какова.
Но ты не горюй. Есть на свете Москва.
В Москве о тебе, брат, думает *Ленин!*»

ГЛАВА 12

Ленин диктовал машинистке: «Итак,
Резолюция IX съезда полагала,
Что путь пойдет нормальной шкалой,
А шкала пошла совершенно не так.

Можно ли это явление замазать?
Нет. Признаемся волей-неволей,

Что наша
                                стомильонная
  крестьянская
  масса
Установленной формой отношений недовольна.

Однако Шляпников, Коллонтай
Хотят завинчивать гайки потуже,
Стремясь отдать мужицкие души
В распоряжение махновских стай.
Где же союз с крестьянством, друзья,
Если у вас держимордовы меры?
Нет, господа оппозиционеры:
                Классов обмануть нельзя!
И если сейчас недоволен народ,
                То скажем ясно без лака:
Военный коммунизм — лихая атака,
Однако мы слишком рванулись вперед...

Написали?..»

Ильич шагал по ковру,
Стараясь ступать по линии клеток,
Засунув пальцы нервных рук
За проймы
                                губсоюзского
  жилета.
Машинистка вмешалась: «Примите
  благодарно —
Конь о четырех, да и то спотыкается».

Усмехнулся: «Гым-гым! Еще бы не каяться:
Может споткнуться целая конюшня.
Все мы умны, когда подопрет,
А вот предвидеть не научились.
Но дальше! На чем мы остановились?»

«На том, что слишком рванулись вперед».

«Да, да. Пишите. Надо понять,
Что без деревни Русь не поднять.

Значит, покуда социализм
Не сможет на тракторах въехать в село,
Придется терпеть, как меньшее зло,
Предоставление частным лицам
Частных рынков для их зерна.
Мера крайняя, но она
Даст возможность, наполнив лабазы,
Вызвать к жизни товарные базы.
Ясно?»

— «Вполне».

— «Аппарат налег

И закупорил корни крестьянского роста.
Давайте разберемся: мы стоим у вопроса —
Разверстка или налог?»

Лиловые тучи. Серое поле.
Умиротворенность и великолепие.
Пегие березки в золотой боли,
Задумчивая кляча с галкой на репице. . .

Вода замирала. На дне по-над ямой,
Кольчиком ус завернув у рыльца,
Колыша пузырь и зевая клешнями,
Зеленый рак мерцал и троился.

Гусиную стаю тянуло к морю.
Вода, как железо, делалась рыжей.
В белый туман проступали зори
От холода в пупырышках.

Но грибные дубы, полусонные, желтые,
Щелкая в пупики рябой картофель,
С треском раскалывали жирные желуди
На чашечку с хвостиком и на кофе,

И розовые, пеженькие, черненькие хрючки,
Заливаясь петухами и немазаной осью,
Суетливо чавкали, крутя закорючкой,
Благословляя щедрую осень.

А между двух дубов наливался запад —
Багров у корней, сквозь листву золотистой.

И листья слетали, слоистые листья,
По желтой коже тропный крапат.

Кружистый полетец, мертвенно-звонкий...
И вот зарываются в осыпь и осынь.
И на их гусиных лапах,

морща перепонки,

Тихо

отходила

осень.

И на их гусиных лапах, будто по следу,
Возы да телеги, мажары та дроги
Со всех деревень по веселой дороге
Под самый Буранск на ярмарку едут.

Вон красногривый в белых чулках.
Характер нервный. Кавалерийский.
Дылда на нем всю кампанию рыскал.
Звали его Аллах.

Вот на соловой жмудке Раиса,
Вот на пегашке Хомич не Хомич?
Едут, едут. Ветер гористый,
Свой же дремучий ветер-горыч.

Где-то от визга звереет свинья...
Клохчут куры. Судачат гуси.
Но лошади всё покрывают, звеня,
Шагая, танцуя, летя или труся.

Иные тяжки, иные поджары,
Тот равнодушен, а этот рьян.
Телеги да дроги, возы та мажары
И даже чей-то рыдван.

Под самым Буранском народ свернул
На голое место, где флаги трещали, —
И сразу же там закипает гул,
Запахло яичницами и борщами...

Но не сворачивает рыдван.
Он покотился степной дорогой.
Видимо, путь у него далекий,
Если седок читает роман.

Но не читается седоку...
Уносится ветром каждое слово.
Мирно бегут седой и соловый,
Бренча глухариками на боку.

Как поэтична эта езда!
Ямщик в архалуке с бараньей опушкой,
Над ямщиком возникает звезда,
Которую, может быть, видел Пушкин...

Он слышал вот это ямщицкое — «Тпру!»,
Вопросительный посвист, полный вибраций,
И вдруг о снег полнозвучно бряцнет
Звон лошадиной струи на ветру...

И вновь остановятся. Через фут.
И другая лошадь, слегка изгорбясь,
Выгнет хвост, но сделает: ффт,
Немного подумает и дернет корпус.

И снова звезда. И на взгорьях круп
Черной луной взойдет из-за пущи
И снова нырнет. И баюкает уши:
Кры?

Кру.

Кры?

Кру.

Да... Так о чем он думал? Звезда...
Ямщик с его посвистом... Пушкин... Ах, да:
Как умилительны звуки эти!
(Седок с улыбкой закрыл глаза.)
Казалось, рыдван катился назад
В иную пору, в иное столетье...

«Навуходоносор. Навуходоносор. Навуходоносор. Навуходоносор. Навуходоносор».

Степь. Ты такая ж, как и была.
Лошади всюду всегда одинаковы.
Так же их слушали Пушкин, Аксаковы,
Та же звезда набирала тепла.

Через поле всё так же тихо
Бежала сухая перекатиха...
Чей-то скелет... И всё тот же Лель
В тонкую косточку дул, как в свирель.

Всё чаще и чаще белеют кости,
Ребра да гривы, хребты да охвостья,
А за скелетом — новый скелет,
Да и не то чтобы древних лет...

И вот он видит: сходясь кругами,
Вдруг со свистом на ближнем кургане
Сшиблись два мохнатых орла,
В махе скрестив четыре крыла.

Горбатые когти сочили выскребь,
Поросший ракушками клюв гремел,
Из мозолистых лап

вылетал

в искрах

С запахом пороха кремь.

И когда от удара черного колосса
Бурый, затявжав, черкнул землей —
Вдруг покатился вниз под колеса
Череп с выпущенной змеей.
Змея? Но у самого колеса
Стало ясно, что это... коса.
Нет. Не та уже степь. Не та.
Скорей бы добраться до прочного грунта,

Последняя сгинет степная верста,
А там — свои: генерал фон Гунтер!

Скрипит рыдвашка, ветхий да хлипкий,
Свою доигрывая игру.
Седок закрывает глаза без улыбки.
Кры? Кру. Кры? Кру.

Но не баюкает перетоп.
Куц отрезвился. Он мыслит крупно:
Только рвануть бы аванс от Круппа,
    А там... А там хоть потоп,
А там появится в английской роте
«Кутс», «Куутс» или что-нибудь вроде.

Меж тем на ярмарке ночь, как день:
Плошки в юртах, фонарь на дышле,
Ребята с затона, поставив курень,
С автомобильными фарами вышли.

В одной палатке шипит самовар,
И вьется над ним домовитый пар;
В другой — тарелки высятся горкой,
Тут красный перец и серая соль,
А хлеб с такой хрустящею коркой,
Что Дылду сморила нежная боль.

Глядит он на яства, зайти не смея...
А впрочем, ладно! Бровей не топорщь!
Узнают — смолчат: ты ведь сын Еремея.
Дылда садится. Пред Дылдою борщ.

Рисунчатая ложка с облупленным устьем,
Нырнув под глазастое золото жижи,
Колыхала бульбы и плавники капусты,
И борщ качался, жирный и рыжий.

Дылда пьянел. Он почти слышал
Крепкий градус мясного сока,

Который звучал до того высоко,
Что даже комар не сумел бы выше...

Нет, надо жить! Отгулялся. Хватит.
Нынче налог: уплатил и ша!
Пошарь сейчас по закутам в хате:
Тысчонок на 20 найдешь барыша.

А только врешь — не пошаришь: налог!
Так что свободно себе позволим,
Смазав обрез найжирнейшим пиролем,
Укутать в тряпку и под порог;

А дальше с умом подойдем и к полю:
На кой ему нынче батрацкий пот?
За этого Дылду, то бишь за Колю,
Любая Таня теперь пойдет.

А он уж такую выберет Таню,
Чтоб дюжина братьев вошла бы в дом!
Так он сидел за рыжим борщом,
Смачному предаваясь мечтанью...
Прощай отныне, Бирючий Лог:
Нынче живем, как хотим. Налог!

Но что это? Господи... Перед ним
Под самую лампой — чернявый Максим.

Максим, дыша, подошел к Николаю:
«Сам-то... здесь!»

— «Да ты что?»

— «Он, он».

Дылда насупился.

«Я вас не знаю», —

Встал, расплатился и вышел вон.

«И мне бы не знать вас до самой смерти!» —
Буркнул Максим и тоже исчез.

На улице густо торчали, как лес,
Дышла, оглобли да всякие жерди.

Тут воздвигался какой-то остов.
(Хоть сам неясен, а флаг ретив!)
Там возвышался большой, как остров,
Сельскохозяйственный кооператив,
И всюду строга́ли, клепа́ли, пи́лили,
И всюду, конечно, пи́ли.

Но Дылда не пил. В глазах круги.
Он шел куда-то за стройку... за лес...
Двенадцать братьев жены зашатались,
А с ними двадцать четыре руки...

Да, за Кирьяком бу́ло́ богато.
Верно: урвали немало добра.
Но жить-то когда? Для чего и хата?
Не век дрожать в парусах шатра?

А? Но постой-ка. Что за испуг?
Был он Дылдой, стал Николаем.
К тому же Полкан, задушевный друг,
Кинулся к парню с веселым лаем,

От каши ползет домовитая гарь,
Смирно переступает Пегий,
А дальше, под дышлом его телеги,
Мирно качается желтый фонарь.

И в бледном кругу его мутных радуг
Он тихой жизни почувствовал свет:
«Анархия, братцы, такой порядок:
Хочу дуваню, а хочу нет!»

И настроеньице поднялось,
И Коля опять вливается в мечтанье
О рыжем борще, о хате, о Тане,
Подходит к телеге — и вдруг:
«Ось!»

Батяка!.. Его звериное веко...
«Бери коня и айда!»
С наброшенной на плечо кацавейкой
Стоял он, как одноглазая беда.

Никто никогда из отцов златоустых
Словами не мог бы Дылду пронять,
Но здесь он хватается за недоуздок,
Но тут он поспешно выводит коня,

И дергает морду его за собою
Вослед за туманной своею судьбою,
За Кирияковой чуйкой — а тот,
    Не оглядываясь, идет.

Так меж телег в полуночной дымке
Дошли, наконец, до арбы Максимки.
Стоит Максим под осенней луной,
Задумчиво курит — и вьется струйка...
Но вдруг возникает куца чуйка:
«Бери коня и айда за мной!»

Максим говорит: «Послушай, батько!
Я уже сыт гульбой до отвала.
Да и деревня не та, что бывало:
Спрятаться в ней сейчас нелегко».

Но уже чуйка махнула далече...
И как ни была она сердцу гадка,
Максим, натянувши кожух на плечи,
Стал выводить своего гнедка.

А за Максимом сыскался Тишка,
Тот из Бирючьей Пади мальчишка,
Что русой девушки побелей,
И, подобрав заодно Самуила,
Его повезла на возу кобыла —
И едут пять человек меж полей.

Первым на Дылдином дончаке
Батька с арапником в кулаке.
Хмурый и раздраженный Максим,
Меся желваками, едет за ним,
И, молча в душе проклиная «ероя»,
На горьком возу остальные трое.

«Батько! — опять говорит Максим,
От собственной трусости изнывая. —

Я вижу в пади знакомый дым:
Деревня та же, а только иная!»

«Верно! — Дылда замолвил тогда. —
Помните, как мы нырнули туда?
А нынче вон сельсовет маячит». —
«Да что сельсовет! — огрызнулся

Максим. —

Две гранаты — и мы победим.
Важно, что бабка больше не спрячет,
А нам без бабки не выступать».

Молчит Кирияк. Неподвижный. Властный.
Но время проходит — и всем уже ясно,
Что он огибает Бирючью Падь.

Тогда Максим гнедка придержал.
«Куда мы едем? Тут что-и-то скрыто». —
Кладет Кирияк ладонь на кинжал.
«Куда же мы едем, батько?»

— «До сусида».

— «Какого «сусида»?»

— «У город Иран.

Я персюкам предлѳжу набег».

Но тут Самуил соскочил с телеги.
«Хватит, панове! Одиннадцать ран!
Вы, панове, меня не спросили,
А я не обязан. Я только в плену.
Я не обязан. Правда?»

— «Ну».

— «Я не воюю против России».

И он пошел себе, молод, проворен...
Какой надеждой расцвел его взор!
За ним, хромая, пустился ворон,
Багровый от утренних зорь.

Тишка вскочил: «И я не хочу!
На кой мне Персия?»

Улялаев,

То ли крякнув, то ли заграяв,
Куцый обрез приложил к плечу.

Цыган удаляется. Живо. Торопко.
Вот побежал...
Но хлопнула пробка!
Цыган развалился на самом пути —
    Ни проехать, ни пройти.

А дальше обрез повернулся дулом,
К Тишкиной кепке ствол наклоня,
Но тут, изловчившись телом сутулым,
Прянул Максим с коня на коня!

«Бей его!»
    Шарахнулась лошадь.
Боком, боком. Шажонков сто.
Максимка сдает, хоть он и моложе...
Но тут еще Дылда! А Тихон что?

Оба с телеги спрыгнули вниз.
У Дылды гиря бомбы почище,
А Тихон петлей захлестнул плечища
И, ухватясь за веревку, повис.

Но атаман знаменитых банд
Может ли дать себя сдуру прикончить?
Кирьяк отряхнулся (так дикий кабан
В битве с загривка сшибает гончих)

И, нарочито упав с седла,
Дылду с Максимкой сгребая в охапку,
Он вздумал... Но Тишка — была ни была —
К дыхалам батьки притиснул шапку.

Батька задохся... Рванул проклятых
И тут же рухнул...
«Веревки! Веревки!»

Батька возился, могучий, неловкий,
Но только запутался и притих.

Черных распятий бесшумный мах...
Кресты скользят по груди, по скулам —
И вот монашеским караулом
Бóроны выстроились в головах.

Кумай поплыл медлительным кругом.
С кургана глядит караганка-лиса.
А где-то далёко по ржавым яругам
Чекалки заплакали на голоса.

Он понял, что путь отныне заказан,
И веки заране прикрыл нелюдим.
А три мужика обсуждают над ним,
Какую придумать казнь.

Пулей ударить в лежачего? Слабо.
(В бою бы, конечно, другой разговор.)
Пустить за конем? Но Кирьяк не баба.
Удавкой стянуть? Но Кирьяк не вор.

И вынули топор, черный от опоя,
И дали помолиться, ежели горазд,
И Кирьяка свет-Михайловича
тут же,
в поле,
Голову на колесо, — и раз!

ГЛАВА 18

Но говорят, что это был не Улялаев.

1924, 1956

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ну-ну, дорогая, пора вам:
Отгадайте, в котором ухе?
В левом? О моя Пуха,
Ты права, как всегда: в правом.
У-ти-та-кие домашние,
Как чайница, полная квитанций,
Как ссора на кухне с Машей,
Чей австриец уехал в Данциг;
Такая моя, интимная,
Как в слезах увеличенная строчка,
Как песня таримна-тимна,
Как пятнышко на сорочке;
Как пролежни на сорочке,
Гипсирующей твоё тело
Даже тогда, когда срочно
Владелица разделась.
Ах, это не те твои стороны,
Обаяночка моя, светик...
Как это чудно с твоей стороной,
Что ты существуешь на свете.

ПРОЛОГ

У-у-у-уу... У-у?-у... Метелица... Дым...
Белая медведь. Серое море.
Как осьминоги, как медузы по клыкám скáл,
Полярные льды переливают лунами.
Белая медведь под пургуу вылазит,
Белая медведь суо ньёми пурга,
У ней мех обледенел сосцами на брюхе
И такой голубой, как в сиянии небо.
Белая медведь кой ден голодует,
Только прóдух тюлений не чернеет во льдах,
Только нетуу белухи и песец упрятался,
А на отмелях пена да морская капууста.
Белая медведь на большоой льдиине,
Ничего не пахнет, хотя нос моокрый...
Паай паай льдина
Кэди саари вурунга
Белая медведь. Серое море.
    А во том во море
    Купалси бобер,
    Купалси-купалси, да
    Не выкупалси.
    Не выкупалси,
    Да весь вымаралси.
    Он взошел на берег,
    Отряхывалси.
    От-ряхы-валси
    Да отфыркивалси

На́ обе́ бе́бряны́
Охора́шивалси.
Охорашивалси,
Оголядывалси:
Не свищет ли кто,
Не ищет ли что.
Охóтничкí рýшут,
Черна́ бобра ищут,
Хочут устрелити,
Маше шубу шить.
Маш шуб шить,
Бобром обложить.
Не лучше ли мне, ась?
Жíвóму пóжить.
Живóму пожити,
Молоденькому,
Молоденькому да
Золотенькому. . .

Как стрельнул зырян,
Как пальнул зырян,
Под низок ребра
Кувырнул бобра.
Ковырнул бобра —
Нету серебра,
Не седой, не спелай,
Не купеческай.
Ругалси зырян:
Загубил заряд
За хвостяк за плевый
Десятирубалевый.
Сдумал пособить,
Погодýл
Бíть,
Он угонял óт воды́
Мóлóдэнькáвá.

Бобринька-бобруня,
Бобрушечика
Уж бежал, бежал,
Уж дрожмя дрожал.

Вставала заря-а?
Заря а-ла-я,
Она алая
Опускались —
И бежал зверок,
А гонял зверян
По клочкам, по кочкам,
Перекатищам.
А как ночь — бобер
Падал с подколень
На обе бёбрыны.
Прилизывал раны.
А как ночь, зырян
Лягал под корень
И видал увечьи
Глаза чёлвечьи.
Глаза человечьи
Горемычной
Да щенячья вздоха
Изо мха из моха.

А завтра снова
Закружились
Друг за дружкой, словно
Подружились.
Только очень вскоря
От беды да с горя
Сединой попер
Молодой бобер.
Засивел, стомилси,
Морозцем пробилси,
Северною солью
Пух осеребрилси.
Хоть молод бобер,
Да, как луна, седой —
В весеннюю рань
Поседел от ран.

Увидел зырян —
Обрадовалси,

Что по ости холодь,
Хоть бобер и холост,
Хоть молод бобер,
Да седатым стал,
Пушнiнoю стар —
Хорoший товар.
Доставал разбсiйник
Зверобойный нож —
Был бобер храбёр,
Кусалси бобер.
Кусалси бобер'ы
Пóранénáнной,
Тосковали очи,
Как зыряна дочи.
Был зырян добер,
Да богат бобер —
Взрезал дыль и лапы,
Капли не закапал.
А рванул с хвоста —
Брызнула звезда;
Кровавый да голый,
Заскулил на голос,
Сделал два шага,
Обливаючись;
Подрывая выюгу,
Зачернел по кругу...
Нигде не закапал
Шубку дымную,
Даст купец Рублев
Теперь сто рублей.

О-го-го-оо огой васки ранда палá.
Море. Море. Сивое море.
Как великую стаю через тундру птиц,
Понеслии ветра его красные запахи.
Белая медведь пососала носом,
Белая медведь суо ньёми пурга,
И вот в нёмёт побежала медведь,
И раз и раз-два и два-три и пять палец.

Зырян уходил — гоняла медведь.
Зырян на соснищу, а медведь ожидает.

Заря умирала. Вставала заря.
Ожидает медведь. А медведь ожидает.
Был молод зырян — стал как луна.
Северной солью башка серебрится.
Сосницу качает. Седает зырян.
Ожидает медведь. А медведь-то ожидает...
Белая медведь ы́в выростала на дыбы!
Зырян был храбер: он дралси-кусалси,
Но зверь обжег его косматою лапой,
Здравши шкуру от затылка до глаз.
Зырян сделал шаг, другой — и пал.
Синее море золотом дуло.
И только две кочки седеют рядком —
Бобровья одна, человечья другая.

А медведь ковыляет
Клюкву-ягоду искать,
Клюкву-ягоду искать,
Человечиной икать.
А на мишке-то шубеха
Вся медведе-жа-я,
Вся медвежая шубеха,
Белоснежая;
По хребту седая ость,
Под хребтом — сырая кость,
Сивы в выси рёберá,
С пуза высереберян.
А хорош он, белобрюхой,
Не охáiшь ничего,
Только бедному мишухе
Делать не-че-го.
На раздольях он, уклюжий,
Со снежком балуется,
Доваландается к луже,
На себя любится.

*II 1927
Москва*

ГЛАВА 1

...На миг покрыл трамвайный звон
Шум улиц. Но под синей сеткой
Рысак отмахнет вымах свой,
Свой цокот музыкально-редкий.
Навстречу просмердит обоз
Ассенизационных бочек,
Но вновь дыханье вешних почек
Из парка ветерок донес...

Эскиз к описанию города

1

Цветные дымы в пятый час.
Из дыма, сурика и загара
Возникла сусальная церковь заката,
Каплями колоколов сочась;
Но декоративная кутерьма
Восходит к ликам Николы, Корнея,
Всё голубее, серее, чернее
В ладанный оседаая дурман.

2

На феерию, точно в гости к боженьке,
Зрительный зал автобуса полз;
Огромыхнул сифонные бочки
Ассенизационный обоз;
И знаменитый нищий с широкой славой,
Какой позавидует лучший поэт,
Культияпкой ловил толпу на обед:
«Братишечки! Доктор! Архитектор!
Бакалавр!»

3

Чертики, пищание «уйди-уйди-у»,
Пузырились, высунув красные жала;
Цветными огнями их отражала
Асфальтированная земля.
Но по-над тучей башня Кремля,
Шахматную повторяя ладью,
С галкой, устало прикрывшей веко,
Являла пейзаж X века.

4

Татарской Казанью удельная Москва
 Пряталась по тупикам и проулкам,
 Косила бульваром, где с топотом гулким
 Под бубен пляшут медвежьи пыжи,
 Куда приходят тоску тосковать
 Крахмальные няни в яловом теле,
 А ночью — пикассовские апаши,
 Набросанные синею пастелью.

5

И кое-где безымянные тезки
 В асфальтовых чанах с лицом упыря,
 И модный нарцисс, чахоточно-яркий,
 Насвистывающий арию «Тóски»,
 И с конницы Триумфальной арки
 Черные радиорупора,
 Где делегатка Узбекистана
 Цокала и гортанно свистала.

6

Мелькнет особняк. Булыжный лев
 Пухло улегся в уездной дреме.
 Но, белым гербом коронуя ворота,
 Он просыпается у поворота
 На консульском флаге. И, сон одолев,
 Электрическим росчерком сыплется в гrome
 Льющихся проволок и колоннад
 Площади, матовой, как луна.

7

И снова автобус. В раму стекла
 Пейзажем входила парадная улица
 Скверами, львами, баранками тульца —
 И тут же накрестом в небо текла,
 Призрачно отраженная сбоку
 Призмой задних и боковых стекол.
 И плавно кренíла крыло, как биплан,
 Улица, снятая план на план.

«Пожа-пожа!» И мотающий редькой
 Чахлый сивка на нудных рысах,
 И фиолетовый русский рысак,
 Вином разлитый на мокром асфальте,
 Выплясывающий в пальто на вате
 Свой цокот и звон, музыкально-редкий, —
 Обе стихии, уныло и гордо,
 Кружили колеса огромного города,

Где население Латвий и Литв,
 Где целый Ива́нгород Ива́новых,
 Где целая Винница пьяниц одних,
 Где пьяные ночи, где ночи как дни,
 Как III акт площадных постановок,
 В котором квадрига Большого театра
 Стремит Аполлона вихрем битв
 На соты приземистого радиатора...

Кафе «Бастилия». Кафе «Чашка чаю».
 А выше, над крышей, в прутьях лесов
 Золото с черным — огромный тигр
 Вращает огненное колесо,
 В котором звери Уссурия и Щигр,
 Тушью ложась на экранный простор,
 Мультипликациями величают
 Торговую фирму — ПУШТОРГ:

Барс
 Барсук
 Белка
 Бурундук
 Волк
 Горноста́й
 Зайчина (русак)
 Песе́ц
 Колонок
 Хорек

Корсак
Медведь
Росомаха
Рысь
Куница
Соболь
Сурок
Ласка
Лисица (якутская
иркутская
печорская
орская
русская
горная
бурятская
вятская
черная
бурая
черно-бурая).

11

«Общество акционеров ПУШТОРГ
Скупает, вывозит, красит и белил
Пушнину, мех, щетинный дёрг,
Овчину-голяк и овчину дубную.
Имеет бобровый питомник (Дубино),
Завод: отбелки и краски (Белгород),
Щипки муфлона (Бий-Урюк),
Марка — тигр, вращающий круг».

12

Прекрасное зданье. Жирное лето
В черных широтах его стекла
Дремлет, точно иконный оклад,
Где каждый главбух — сама богоматерь.
Но даже и образ не без математик:
Милліметр вбок — и вот по стеклу
Будто разлив золотого смлета
Или сентябрьский парк в Сен-Клу.

Среди мезонинов Шуй, Тетюшей —
 Американский массив этажей,
 Чопорнейший и тонный,
 В воде стекла и дыме бетона,
 В иллюминаторах, блещущих сизым,
 Сидя на тонких колоннах-атлантах,
 Плыл по тучам, как трансатлантик,
 С маршрутом на социализм.

На социализм! Юнейший из Тóргов,
 Слушая севера волчий зов,
 В метелице чаек, как кинематограф,
 Седой. . . Однако уж пять часов:
 Надо спешить — мы запоздали.
 Итак, мы входим в знакомое зданье,
 В камень, шлифованный точно топаз, —
 И я разворачиваю типаж.

Впрочем, «топаз» был нужен для рифмы,
 Теперь же мне требуется «аметист».
 Итак начнем: Казаров Коринфий,
 Внешне — конторщик, внутри — шахматист.
 Плывая по теченью рабочего дня,
 Он ходит по комнате «ходом коня»
 И, говоря о сибирской ласке,
 Всенепременно обмолвится: «Ласкер».

Вторым Поповский. Ему — счета
 Гербовых сборов. Работа пустая.
 Однако Поповский другим не чета —
 Он филателист, и даже сюда
 Пришли в зазубринах желтый Судан,
 Чайные буквы на водах Китая,
 Прощемпелеваннные цари
 И Франция с жестом фригийской зари.

Ардатов? Извольте: в два зуба дыра.
 Боксер кружка «Москожи»,
 Он даже накалывает ордера
 Ударами датской кожи.
 А Блох? Он в реестрах жесток и колюч,
 Выписывает «ф» — как скрипичный ключ,
 Да имя супруги — Дóрэ
 Он произносит как

А рядом конторка и абажур.
 Впрочем, простите: сейчас разбужу...
 Ну, вот и готово. Как будто бы проза?
 О нет: В. Зайцев тóнчайший поэт,
 И им с интимным лиризмом воспет
 Весь инвентарь парнасских традиций.
 Он неоклассик. Прошу убедиться:
 Стихотворение

РОЗА

В саду, в саду
 Одна, одна
 Я на заре гуляла
 И розу, розу
 Молоду
 Перстами тихо
 Рвала.
 И думала
 Уж я, уж я:
 «О роза дорогая,
 Как радуюся
 Я всегда,

В саду тебя
Сбирая.
Потом, увы!
Ты в хрустале
Расцветши отцветешь,
Пребудешь долго
На столе
И, о!
Умрешь».

В. Зайцев

Мыза «Ель»

24 (среда) апрель.

19

Эта изящная коллекция клерков
Терпела Пушторг от десяти до четырех,
После чего появлялась церковь,
У иных уборная маленькой актрисы,
У третьих «Вечерка». Сутулые крысы,
Живущие без путей и дорог,
Изредка грызлись над лишней коркой,
Но были терпимой прислугой Пушторга.

20

А дальше каста играющих соло,
Дающих оттенки типажным моделям.
Таков, например, Северьян Полуяров,
Зав Экспортным Отделом.
(Не смешивать с братом, который директор,
И о ком ниже.) Скупой, невеселый,
Носил бородою три корня из яров,
А нос цветной, как спектр.

21

Серо-седой, но с чалой бусинкой,
Будто насадка. На лысине кок,
Зачесанный по принципу внутреннего займа;
Сюртук старомодный, как ряса инок,

Также с бусинкой. А из-за фалды
Красный платок с вышивкой «Ялта»,
Подрагивая подагре в подскок,
Висел, точно ухо зайца.

22

За сим, вызывая любовную боль,
Жестокая, как чрезвычайка,
Жила Ундервудка по имени Чайка.
Собственно говоря — Олечку Петровну
Звали окружающие «Оль-Оль».
Жующая резинку, как общее правило,
Она много стучала, еще больше правила,
Впрочем, у нее выходная роль.

23

Гораздо полезней запомнить студента:
Саввича Павла (!),
У которого пробор деревенски ровный
И росчерк нарядный, как Брента.
Причем иногда — какой пассаж! —
Над Брентой, текущей по важной петиции,
Он ставил точку, подобную птице,
И получался пейзаж.

24

Но тот, от которого зависели отпуск
И пр. и которому докладывали об...
Тот — это «Он», это «Тсс», это «Подпись»,
Величественная, как Обь.
Каков он? Седой, лысый, рыжий?
Он — председатель правленья. Судьба.
Он изъяснялся кнопкой, как призрак,
Веял холодом морга.

25

Не то заместитель директора Пушторга,
Если только положиться на такой признак,

Как важно выпяченная губа
И розы на жилете из Парижа.
Этот реален, как 25,
И полон чувства меры и веса:
Столкни его в воду какой-нибудь повеса —
Он поправит галстук и вынырнет опять.

26

В стеклянном аквариуме кабинета
В рыбьих очках он сидит, как спрут.
Но когда величественный Труп
Зажжет условные лампочки —
Он вскакивает, выпуча в штамп очки,
И, предупредительно полумокрый,
Думая: «Только бы не то»,
Семенит на цветной окрик.

27

Но в мирное время Лев Семенъч Кроль,
Несмотря на партийность, настоящий король,
Недаром над ним повесили
С библейским профилем льва,
Недаром в гриве его голова,
Недаром против ярости он принимает капли.
В роли зама — Чарли Чаплин,
Впервые выступающий в поэзии.

28

Прежде всего рассмотрим анкету:
Фамилия, имя: Л. С. Кроль,
Лет: 40. Специальность: нету.
Служба: год работы в ЧК,
Затем комиссар бригады N — Ноль,
Званье: мещанин города Аткарска.
Происхождение: пролетарское
(Сын неимущего часовщика).

Грамотность: два класса городского уч.
 Партийность: коммунист 18-го года.
 [(К этому прибавить датекого дога,
 Недорезанного бога, неразрезанного Маркса,
 Профессии: от мальчика кино «Луч»
 До вояжера фирмы Дрейфус.
 При этом все помыслы — выйти с маркой,
 Только бы шанс, только б не сдрейфить.)

Бунт его поднял, хлестнув по ногам.
 Белый негр императорского ига,
 С какою яростью в битву прыгал,
 Как упоительно бил наган.
 Это была отвага страха,
 Клерка забитого гневный восторг, —
 С коня звезду на лезвии встряхивать,
 С маху окатывать ею простор.

Но бой отдымил. И мой Лев Семеныч
 Уже наострил легавую гоночь
 В ЦК, МК за рукой и порукой;
 И, точно беременная свой живот,
 Тыча всюду раненую руку,
 Он ею дышит, ею живет,
 Каркая, точно ученый дятел:
 «Братва! Архитектор! Зав! Председатель!»

И вот, восседая, радужный Кроль,
 Моргая ноздрей и дрожа икрой,
 На штатскую должность глядит как на отдых,
 Точно на урочище удельного князька.

Пара пустяков, что его грамотность низка:
Боевой дух и железный подбородок —
Вот что расценивает во сто крат
Кроль, пролетарский аристократ.

83

Он не мечтал о грядущей анархии,
О нищих, которых увидит в бархате,
О ликвидации классов. К чему?
Он ожидал для себя в революции
За кровь в бою — императорские блюда.
Было бы хорошо ему.
Ему. Понимаете? Кролю. Лично.
Серебряных ложек! Чтоб было прилично.

84

Нет, надо видеть его палец и звонок,
Щегольство словечками вроде «sic»¹ и «ergo»,²
Всю физиономию белого негра,
Собранную под медальный лик;
Наконец, на кончике носа блик,
Сосредоточивший всю его ответственную
гордость,
Наконец, усиленный стук ног:
Твердость, твердость, твердость.

85

Надо ж было ж видеть, как с белого ковра ж
Вершил, точно Ричард III в театре;
Как всё население повергал в раж
Его героический кхашель;
Как, сидя меж двух телефонных башен,
Он цмокает из зуба, где зеленеет камень,
И, сунув зубочистку в щель между клыками,
Оставляет ее там часа на три.

---

¹ Так (лат.). — *Ред.*

² Следовательно (лат.). — *Ред.*

С каким авторитетом, подмахнув акты
 На куплю шкур, пятнистых как тиф,
 Он скажет, Полуярова опередив:
 «Почем стоит эта гигиена?»
 И, крайне удивленный, что это не гиена,
 А, с позволения сказать, — леопард,
 Иронически усмехнется а part,¹
 Уверенный, что ошиблись факты.

Так в кабинете, где на стене атлас,
 Кроль восседает, власы хорохоря,
 Под голубой теорией моря,
 Опущенный на серебристый атлас
 Стиля французских декораций того,
 Как его... Люэса Пятнадцатого,
 А ноги его принимал как дар-с
 Услужливо распятый снежный барс.

Его лишний секретарь, Гуров,
 Чрезвычайно галантная фигура,
 Неизменно в шахматном шарфе
 Из красного и серого.
 Он очень любил консервы,
 Умел подражать арфе
 И не слыхивал выстрела, кроме
 Хлопанья пробки в броне.

С ордерами на аккредитив
 Направляющийся в Главбухию
 Оплывал его жирный голос:

---

¹ В сторону (франц.). — *Ред.*

«У дзядзи и у тсётси тсиф»,
И, слоняясь то тут, то там,
Для многих приятный (он холост),
Какой-нибудь барышне бухал:
«Гигиппотам или гиппототам?»

40

Он г'ваил: «Ассьте. . .»
Но Картышев новóрил: «Зыдыравствуйте»,
Но Картышев штормы выстрадал:
В нем три слепых выстрела.
Правофланговый в роте,
Бывший нарком Ойротии,
Он брошен в помы директора
Прямо из треста «Электра».

41

Голос, подобный лаю,
Наган, приросший подобно хрящу,
У семнадцатом hóде — «Расстреляю»,
В двадцать третьем году: «Сокращу».
И когда свирепеет его дикий ндрав —
Люто хвосты задрав,
Взьерошатся друг против друга в хищь
Рыжие коты его усищ.

42

Последний Н. Н. Маслов,
Зав Пушным Отделом,
Лисичка Бирской волости
Уфимского уезда.
Отец родной всех прасолов,
Всех ундервудных девок —
Распутинские волосы,
Эс-эристое тесто.

Сегодня все они до измора
 У черного бюста Томаса Моора
 Без различия номеров лба
 Почему-то сидели на бутерброде,
 Хоть нотная тень телеграфного столба
 Уже перешла за балкончик напротив,
 Что означало осенней тьмой
 Четыре часа и фюить домой!

Сегодня самая последняя конторка
 Была приглашена Полуяровым-директором
 На совещание, так сказать, в некотором
 Роде, ну, что ли. . . интимное.
 И вот появился директор Пушторга.
 С руки свисала глубокая, зимняя
 Волчья шкура. Притихший зал
 Глядел удивленно. Директор сказал:

«Товарищи! Перекупщик Ефрем
 Продал нам партию этого волка.
 Ему заплатили, не думая долго,
 Восемь рублей за штуку. Меж тем,
 Если бы зверя такого забоя
 Мы закупили у зверобоя,
 Он стоил бы тахитим трешку. Итак,
 Мы потеряли на шкуре пятак.

Экспóртный отдел, не думая долго,
 Продал партию этого волка
 В Чехию за двенадцать. Но чех
 Подверг ее лондонской сортировке,

Взявши с Лондона по котировке
Ровно в пятнадцать рубликов чек.
Значит, запишем в убыток Пушторгу
Пять плюс три — итого: восьмерку.

47

Так торговала наша Россия.
Так торгуем мы с вами сейчас.
Но этого мало. Ефрем и другие,
Что ловкой сноровкой столь радуют нас,
В своем уваженьи Пушторг заверя,
К нему применили повадку отцов:
Сдачу пушнины в обход... образцов.
Возьмите хотя бы этого зверя.

48—49

Кто в зоографии знает толк,
Пусть мне ответит: что это?

С а в в и ч

Волк.

М а с л о в

И не простой, а дальневосточный.

К а р т ы ш е в

Правильно.

К р о л ь

Совершенно точно.

М а с л о в

Таежная масть.

С а в в и ч

А загривок?

525

К а р т ы ш е в

Ну да.

Тайга (во имя отца и сына!).

Крестится. Смех.

П о л у я р о в

Прошу извинения, господа,
Но вы ошибаетесь: это псина!
Ефрем ей по-волчьи вытянул пасть,
Прорезал в глазницах раскосые щелки
И написал на партии: «ВОЛКИ».
Действительно: гривка, таежная масть,
Но дело в том, что по воле Зевеса
Хвосты у псов не имеют «навеса».
Исследуйте шкуру! Ефремя рука
Отдала собаку за бирюка.

Смех.

50—51

Не правда ли, очень веселая сценка?
Я вынужден был написать о ней
В Прагу и Лондон. Через несколько дней
Там состоится переоценка.
Мы потеряем на каждом псе
Девять десятых, если не всё.

М а с л о в

Вопрос: а сами-то англичане
Брак-то заметили?

П о л у я р о в

Нет.

Молчанье.

П о л у я р о в С.

Однако же, как бы сказать... этим актом
Ты ведь нанес государству ущерб.

П о л у я р о в О.

Да. Нанес. Но подобным фактам
Хода не будет. Советский герб
Должен сиять, как сияет солнце.

К дьяволу грязные барыши!
Мы ведем торг. Нам нужны червонцы.
Но мы ни на иоту не торгоши».

52

Пашка весь расслаился в улыбке.
Картышев крикнул: «Здóрово! Честь!»
Гуров — и внешне и внутренне гибкий —
Лишь норовил поудобнее сесть.
Ольга послала записочку Кролю:
«Съест он, пожалуй, и брата и Колю».
Кроль откровенней ответить не мог:
«Дело ясное: демагог!»

58

П о л у я р о в

«Итак, для чего я просил вас собраться?
Если в дальнейшем, товарищи-братцы,
Любой отдел попадет впросак
И прозеваает нечистое дело —
Все убытки так или сяк
Падут на сотрудников этого отдела».
Кроль обомлел. Олечка тоже:
На демагогию непохоже.

54

Больше того: похоже на то,
Что этот зырянин вовсе не шутит,
И ежели что таким начато,
То он их, несчастных, веревочкой скрутит.
Придется, пожалуй, теперь навсегда
Махнуть рукой на беспечную долю...
И Олечка вновь написала Кролю:
«Лучше бы уж демагогия, да?»

11 1927

Черемушки (Моск. губ.)

ГЛАВА 2

Что он Гекубе? Что она ему?

Шекспир

1

Интересы Пушторга как организма
Требовали: параграф «А» —
Экспорта сиф (т. е. прямо на́ берег)
В заморские царства меховых фабрик
(Англия, Америка). Вторая графа:
Закупка непосредственно у зверобоя.
Коротко и ясно. Ясно без боя.
Знай только шкуры гони, зима.

2

Так полагал Онисим Полуяров,
Гроза «ефремов» (пушных нэпачей).
Бывало, везут ему чистое золото:
Соболь-головку! Он спросит: «Чей?»
И если узнает, что груз этот — «желтый»,
Сразу впадает в дикую ярость!
Пусть молит о соболе сам Вашингтон,
Он спекулянта выгонит вон.

3

Он знал, что успех не в вихрях лицензий,
Что русская пушнина при всей своей ценности
Дешевле других, ибо марка ее — нуль,
Поэтому Пушторгу необходимо время
Сработаться с пушными саксами, евреями,
Которых ни разу бы не обманул,
Послав вместо «прима» — четвертый тонкий,
А вместо котика просто котенка.

Он знал, что сердце якута, зырянина,
 Пушными купцами как шилом израненное,
 Против России пыжит ежом,
 Что нужно доказать (и он докажет — время!),
 Что стиль Пушторга не повадка Ефремя,
 Республика не живет грабежом,
 Но пульса ее охотник касается
 Всеми усами битого зайца.

Он знал... Но позвольте: Полуяров,
 По-лу-яров...
 Не тот ли это Ониська, который...
 Да, это тот, но позвольте уж, я:
 Отец его был охотник факторий
 И за сорок лет не вскинул ружья
 Ради одних оглушительных зарев.
 Таковую же школу зверя прошли с ним
 Сыновья: Мамант, Северьян, Онисим.

Ониська имел цвет волос бусый,
 Прицельно глядящие в вас глаза,
 На башке шлык из бирючьей морды.
 А когда получал из конторы ордер,
 В знак торжества, во-первых, вонзал
 В волчьи уши по алой бусе,
 А затем, летом ли или порошей,
 Снимал пимы, надевал галоши.

Равно велик закон биологии
 Под люстрами зала и в черной берлоге.
 Но догадается ли кто-нибудь,
 Что эти галоши, каждая в пуд,

Играли роль павлинья хвоста,
А посвящалось его обаянье
Русской девушке, чьи уста
Вчера лишь цвели в городке Обояни.

8

Она одевалась в белую шерсть.
Но столько на ней было кофточек, блузок —
Розовых, фрезовых, что и не счесть.
Один воротник был низок и узок,
Другой на идейной стоял высоте,
Третий стремился к одной широте —
И в этой пене фрезовой, розовой
Дева казалась полярною розой.

9

Ониська ходил и месяц и год,
Носил ей в штанине черных и бурых
Великолепнейших чернобурок
С различной примесью серебра,
И сонно слушал, как римлянку гот,
Что если он вправду ей друг и брат,
То пусть не ленится: в скорости, да́ст бог,
Он одолеет премудрость азбук.

10

И он ходил и месяц и год,
Пока однажды, веселый, как пыжик,
Стал обучать русачку на лыжах,
И та хохотала до детских икот.
И вдруг ее шею окутал вой,
И лапы облапили, нежнейшие на свете...
О, ежели Онисим не похож на медведя,
То все медведи похожи на него.

Но русская женщина — она как песок:
 Больно кусается, но драгоценна.
 Пушистую негу носит в лице она,
 Какой не выпустить даже куницам,
 Как мех, который мог бы висеть
 Над очагом первобытной души
 В пустой до ужаса черной тиши
 Полярной вечности. Почуял ли Онисим

В этом укусе женских зубов
 Свежее дыханье красного зверя
 Прекраснее всех, кого чуял и бил, —
 Но что-то сдвинулось. Всё, что любил,
 Казалось ничтожным. Новая эра
 Державным наплывом двигалась в бой,
 Как айсберг в воде, от тумана оттаянный,
 В великолепии блеска и тайны.

В эту же ночь Онисим исчез...

А когда снова оказал честь
 Этим краям своим посещеньем,
 Сопровождало светлое эхо
 Уполномоченного Главмеха.
 Тогда в бюллетене могли вы прочесть
 Под шапкой «*Каких работников ценим*»,
 Что 3 000 000 пушных товаров
 Пригнал инструктор О. Полуяров.

Третий сезон уже застаёт
 Онисима в самых дебрях Якутии,
 Где по лесам из канавры да в орг,
 Между ярмаркою и закутой
 Он вяжет узлы, соузлиа, узы,
 Строит фабрики и создает
 Дальнюю базу Центросоюза,
 А через год появился Пушторг.

Онисим работал с утра до утра,
 Вся его жизнь в пушнине да мехе,
 Недаром росчерк его пера
 Весит больше официоза.
 Двуногой стихией (и это не поза)
 Со льдами в глазницах и трубкой в зубах
 Он понукал столы в своем цехе
 Посвистом гона полярных собак.

А параллельно в двух МГУ
 Вел обширный курс зоологии,
 И оживали в его монологе
 Хвойный волк или бархатный барс.
 Затем студенты почти на бегу
 Упоенно неслись по музею Пушторга,
 А Полуяров указывал: «Норка,
 Ледянка-секунда,
 Кряж: Красноярск».

Потом на прощанье с приятельской лаской
 Одаривал всех закладкой для книг:
 Кому бурундук, кому суслик, ласка...
 А на лето лучший, другим на зависть,

Входил в Пушторг практикантом. Из них
Кой-кто оставался. Например, Саввич:
Еще не дойдя до простых соболей,
Он получал 60 рублей.

19

Полуяров гремел. Молодой великан
С утесистым лбом и душой океана
Вырос судьбищей окаянной
Всему, где храп, тья-ляп, спесьца,
Т. к. помимо биографии песка
Он имел диплом инженера Стокгольма,
И мысль его, ледяная и хóленая,
Авторитетна и велика.

20

Как Полуяров проник за рубеж,
Так же как о студенчестве в Швеции,
Кроме диплома, не было сведений.
Но римским V меж бровей рубец
Делал для всех вполне вероятной
Вычурность каждого варианта —
Недаром северный этот орел
Имел ломоносовский ореол.

21

Среди пушников Полуяровы часты,
Как белый ворон и черный алмаз:
Само сочетанье — бирючья масть
С бритыми губами европейца и ученого,
Мудрый взгляд зверя ученого,
Молодость, лишенная дедовских традиций,
Наконец, лоб, с которым надобно родиться,
Лоб исключительного счастья.

Нужны были полчища и века́ случек,
 Чтобы мутация животного гена
 Создала череп звериного гения,
 Целое царство нервных звезд,
 Вспыхивающих драгоценной коллекцией
 Мысли, интуиции, мгновенного рефлекса —
 Что же удивительного, что такой случай
 Двинул пушторговский рост?!

[(Автор заслуживает упрека
 В обилии чужеземных слов,
 Но, право, не видит ни малейшего прока
 В том, чтобы вечно молиться на Даля
 С его «приботать», «натореть» и так далее.
 Я тоже курских люблю соловьев,
 Но сиднем сидеть во древлянской чаше
 Это не подвиг. Это несчастье.

Нет, я стою за вы́рыв корнёй,
 За помесь французского с нижегородским,
 За международность газеты. Вот с кем
 Поэту, который не закоренел,
 Держать бы курс на новый язык
 Латинизованного разноречья,
 Где гибнут «яти», рѣпки да рѣдьки,
 Где много каракулей гнутых, косых,

Но в этих азах — первый букварь,
 Откуда масса идет за культурой:
 Протесты против епископа Тура,
 Салют товарищу Хосс (Уругвай),

И самый набор: «солидарность», «активность»
Ей ближе, чем лад полубасенно-дивный,
Хотя бы его подберезное «ква»
Срифмовано было со словом — Москва.

26

Я кой-что смыслю в цветочках русизма
(Кривое Лихо и к нам забрело),
Но ясно, что надо бить напролом,
Пока еще масса смолоду, сызмальства
Учится речи у телеграмм.
Но я задержался — мои извиненья.
Итак, сюжет расправляет звенья:
Товарищ Кроль — прошу на экран!)

27

Пока Пушторг приручал северян,
Покуда крепил отношения с Лондоном,
Кроль, его зам, был особенно рьян
В подсчетах дефицита пушторговского дела.
Это Полуярова несколько задело:
«Нужна ли, — подумал он, — внутренняя
фронда нам?»
Я ведь объяснял, что, может статься,
Года на два потребуется дотация».

28

Особенно ж бесило Полуярова то,
Что Кроль при нем шу-шу-шу с партийцем,
Давая понять, что подобным лицам,
Ох, не приходится доверять;
И, посмотрев на часы — не время ль
Ради солидности кончить врать, —
Он вызовет из гаража авто
И сделает ручкой: «Пока! Я в Кремль».

Тогда Полуяров, весь налитой,
 Но с ослепительнейшей улыбкой
 Спускается вниз, надевает пальто
 И важно садится в автомобиль,
 Вызванный Кролем. И вместо филиппики
 Пустив в изумленного зама пыль,
 Он крикнет шоферу, кусая губу:
 «На заседание в Цекубу!»

Что он Цекубе, что она ему?
 Должно быть, не больше, чем Кролю Кремль.
 Но этого «Выкуси» вычурный крендель
 Обоим стоил немало мук.
 Недаром пущена с жилы тугой
 Армянская загадка: «Шьто такой
 Четыре колесам и многом крови?»
 Ответ: авто Полуярова-Кроля.

Но Кроль не унывал. Он поставил стол
Невыполнений анкет Наркомторга,
 Куда входили также диаграммы для СТО,
 Статистические карты РКИ и Госплана.
 Так раскуривалось серное пламя,
 И, когда Полуяров был достаточно издерган,
 Не желая эксцессов, он взял мандат
 Объезда факторий осенних дат.

Фактории эти были ерундой:
 Самая что ни на есть русская Россия;
 Но тем не менее пушной профессор,
 Готовясь к отъезду, был явно весел —

Он продувал, свистя из Россини,
Автоматическое «рондо»
И перечистил свежей «Вечеркой»
Два чемодана — желтый и черный.

83

Черный до зеркала чемодан
В лапках, никелирующих вещи,
Был на семи винтах, чему дан
Капризный рисунок полярных созвездий;
Ручка из черной мясистой кожи,
С эфесом траурной шпаги схожей,
А в рамке под желатинной слюдой
Имя, фамилия, улица, дом.

84

Чемодан желтый стар, как альбом
Домашних открыток, и многое видел.
Был он в непрезентабельном виде —
В каменном пламени сургучей,
С вялыми языками, с пальбой
Старческой челюсти. Жухлый и дробный...
Внутри же была в нем одна подробность:
Плакат «Хлородонта» (К чему он? Зачем?).

85

Плакат заключал золотистую рыбку
Женского рта, освещенного смехом.
И лунные зубы северным эхом
Поскрипывали. Нет, пели скрипкой!
Их голос поморьего мола достиг,
От стиснутой страсти, от молодости —
Он пел под ключом, ему жизнь озаря!
И рот расцветал. Рассветал, как заря...

... Рыжие зубы. Витринные глаза,
 Где небо, вещи, женское тело...
 Разве такого заставишь лизать
 Чей бы то ни было росчерк на свете?
 К дьяволу эти интриги Отдела!
 Скоро вагон, скоро станции, ветер,
 Череп, как чаша, волнами полный,
 Сосредоточеннейшая полночь...

И Кроль наконец остался один.
 Кроль. Но какая цена ему?
 Он в книжке числился служащим по найму —
 Кто ж его нанял? Что он умел?
 Дважды два — и ничего в уме;
 Дважды два, говорю я, не более.
 У гения тромб — у него эмболия;
 Товарищи! Кто бишь его посадил?

Кроль. Он слышал множество спичей.
 Но вот его ценность — довольно мило:
 Жира — на семь копеек мыла,
 Железа — на гвоздик, тупой с обеих,
 Фосфора на три коробки спичек,
 Калия с выстрел (да и он плох),
 Серы — против десятка блох

Всего же в итоге на 40 копеек.

Сорок копеек. Цена *prix-fixe*.¹
 Этот ярлык торчит в его кресле.
 Но это же боль, ну поймите — боль же,

---

¹ Без запроса (франц.). — *Ред.*

Что он выступает от нас, как фиск,
Что он фигура, что он похлыще
Выкуренного директора треста, —
Сорок копеек. Алло: вы слышите?
Сорок копеек! Кто больше!

40

Существует три сорта дураков. Один
Наглядно-показательный. Никак не упятится.
Спросишь: «Сегодня что? Четверг?»
— «Да, — ответит, — а завтра будет пятница».
Сорт второй — дурак-фейерверк.
Этот кое-кого убедит:
Луну и рифму «примется — принца»
Он объяснит из единого принципа.

41

Всё для него давно решено.
Цитируя Бедного или Шено,
Сей экземпляр эффектно упрется,
Ораторствуя по любому вопросу,
И будьте уверены — останется тверд.
Дурак этот обычно тирасполец или уманец,
Такого дурака именуют умницей,
А те, кто именует, и есть третий сорт.

42

Полноты ради о четвертом сорте:
Он мыслит и, мысля, бунтует с пристанью:
«Да, я дурак, но я познал истину:
Истина есть то, что я — дурак.
Отсюда баллада силлогизма: ура!
Кай не дурак, ибо познал
Истину, что Кай — дурак». О четвертый!
Ты буря и бодрость! Ты знамя и знак!

(Почтовый ящик. Эн-Эну из Ломжи:
 № 4-й остается дураком же.)
 Кроль относился ко второй категории:
 Дурак с интонацией хитреца-с.
 При этом любого он мог объегорить,
 Отнюдь не неся несусветной дичи.
 Он был, например, до того дипломатичен,
 Что нельзя было добиться, который час.

Я думаю, далее никто бы не ошибся,
 Сказав, что он сведущ и ходит в театр.
 Он знал, например, афоризм Ибсена:
 «Не жертвуй честью ни дружбе, ни любви»,
 Он знал, что до Гоголя сотворен «Вий»,
 Что нитрогениум значит азот,
 Что в Дании на четырех один кооператор,
 Тогда как в России на 7500,

Что озимь видать уже на Илюю,
 Что Илья приходится на июль,
 Что от слова «добить» произошло — «добыча»,
 У Пушкина в зубе была дыра,
 Против глистов помогает клизма,
 Карл Маркс основатель марксизма, —
 Короче говоря, невредный обычай
 Читать перед сном листки календаря.

В Главрыбе, куда он *имел* державить,
 Его, не имеющего направленья,
 Ориентировали сюда
 Щука под хреном и по-польски судак.
 Но — он нашел постановку ржавой,
 Кроме того, не попал в правленья
 И кое-кому на предмет науки
 Преподнесен был хреновинной щукой

Но член правленья в Текстильсиндикате
 Оказался шурином Сашиной Кати —
 И вот у Кроля бюро у окна,
 Затем посредине, затем в кабинете,
 Потом стал ездить: по Таврии, Сванетии,
 Грузии, Армении вплоть до границы.
 Но, проездив тысячу верст сукна,
 Почему-то не смог укорениться.

В Пушторге, где был председателем Мэк
 (Который хорош с Александрой Ивановной),
 Кроль решил подучиться наново
 И ознакомиться с мехом зверей:
 Ручей черноты серебром как свирель
 Играет и прыщет в россыпи, вó сто,
 Как Млечный Путь зарываясь в мех,
 В ресницы хребта, в мохнатые звезды.

Вторая шкура над упаковкой
 Пышно висела лебяжьей пуховкой,
 И, вся голубея, шла как поток,
 Пернатая, страусовая, как пена;
 Под ней, оползая с тюка постепенно,
 Цветок распустился и лег под пятой —
 Тропической астрой рыжих огней
 Третья пушнина лежала под ней.

Кроль разбирал их: белая — песок,
 Черная, та, что серебром лоснится,
 Должно быть, пантера, а третья — рысь...
 Оказывается, все лисицы.
 «Ах, так! — сказал Кроль. — В таком случае брысь».
 Он решил довольствоваться азбукой стандарта.
 Кстати, в кабинете висела карта
 С наглядными рисунками для пушных бесед.

Кроль добросовестно приобрел курс
 Брема, Коотса, даже Полуярова.
 Сперва ничего. Страницы через две
 Узнал, что Ursus значит «медведь»,
 Тут-то он понял прозвище — Урс
 Картышева, этого ражего и ярого,
 Который в «гражданку» питался макухой,
 Но и тогда уже слыл мишухой.

Но дальше — о, боже: раздел ЛИСА —
 Меланизм, хромизм, альбинизм, а там
 Законы Менделя и прочее и прочье.
 Как в микроскоп гиппопотам,
 Глядит на всё это Кроль. Короче:
 В памяти нет уж того колеса,
 Не тот, увы, не тот уже возраст,
 Чтобы зубрить, как студиозус.

Итак, ничего. Ни с теорией твари,
 Ни с практикой на готовом товаре.
 Но что ж в итоге? Да пара замашек —
 О своей шубе услышите вы:
 «Помесь бобра с собакой, но увы —
 Вся, к сожаленью, в свою мамашу».
 Неистребимость, о, что ты? Кто ты?
 Кроль перешел на пушные анекдоты.

Блеф Семеньч, я умею ненавидеть!
 Я лелею свою ненависть к вам, как любовь;
 Она в лунный масштаб ваш клопный бой
 Увеличивает, как рефрактор.
 Вам очень нравится фрак? Тррр ...

Карты? Тссс. Вы точно священник.
Кроль, вы нуль. Но еще Овидий
Думал о ваших превращеньях.

55

Кроль, ты нуль. Но везде декаданс твой;
В поэзии Уткин, ¹ в тресте их дюжины,
До горизонта ширяет окружность —
Пока ты под маской. Ну что же — строй
С детства знакомый, уютный строй
Фальши, протекционизма и чванства,
Чтобы, коснея с этих позиций,
Всё остальное ты звал оппозицией.

56

Кроль, я знаю — ты стар, ты устал,
Ты человек, как я, как Онисим,
И всё ж я ветрами реву в рупора:
КРОЛЬ ИЛИ КОММУНИЗМ!
Но нет. Опираясь на № и стаж,
Он, зевнув, разотрет, собираясь на пленум,
Выхаркнутую кровь пера
С этим лирическим наступленьем.

57

О мой рефрактор! Твоя слюда
В окиси крови моей и жёлчи,
И воеет голос мой, голос волчий,
Свое одиночество на луну.
Но даже луна — идеальный нуль,
Под нею сжились тихомирные овцы, —
А я с непосильными бивнями совести
Вымру, как мамонт со льда.

У 1927
Коктебель

---

¹ «Счастлив я и беззаботен.
Но и счастье и покой
Я, ей-богу, заработал
Этой раненой рукой».

Так свершает путь великий
Выше всех домашних птах
Сей Языков безъязыкий,
Заработавший пятак.

ГЛАВА 4,
ПОМЕЩАЕМАЯ РАНЬШЕ 3-й

Сидит себе жаба
У дуба да граба
В перчатках рыжих,
В заморских брыжах.
До чего дошла!
До чего тошна. . .
Ржавая ржавчина,
Сидит бородавщина
На зонтиках-
Перепонтиках.
«Ква! — говорит. — Ква-ква!
Слякоть-то какова!
Удовольствие. . .»

«Осень»

1

Семь часов вечера. В детской кроватке
С голубой сеткой и никелем шаров,
В березовом запахе каркающих дров
Посапывает Лев Семеныч.
Строго говоря, ему пора одеваться,
Но комнатный градусник показывает: «20»,
Но тени уютно играют в прятки,
И навевает сон ночь.

2

Комната сжигает багровую тьму,
Тонушую в оранжевой байке.
Часы, зевая, вызванивают восемь.
Каркают березы. Мокрая осень.
Тихо. С картины смотрит отец твой,
И выплывает милое детство,
И даже казалось, что это ему
За дверью пелась колыбельная байка.¹

¹ Спи, зайчонок,
Зайнька,
Зверушонок
Маленькой —
У такая
Зюзика
Серенькая
Пузика.

Заа кочки,
Под сугроб
Лапо-тапо-точки
Топ-топ-топ.
Шуши-шуши
Перешуши
Каплюхень-
Кие уши.

Через речку
Мостик —
Там пуховый
Хвостик.
Саам зайка
Егоза,
Удивленно-
и глаза.

3

Женский голос, немного глухой,
 Точно басок старинной гитары,
 Уныло тянул тарара-тата́ра...
 Это она, Саша. Лихой
 Крылатый набросок французской стрижки,
 Не то бронзоватой, скорее рыженькой;
 Не по лицу — глазищи в разлет
 И черною червой рот.

4

Я очень люблю набрасывать женщин,
 Ласкать небрежным карандашом
 Их плечи, окатанные как жемчуг,
 В лисицах с дымчатою душой,
 Особенно среди катастроф
 Ожесточеннейшего романа,
 Где проволока, где дым и ямы...
 И вдруг — виньетки. В несколько строф.

5

И вдруг в стороне на писчих полях,
 Лежащих как снег по краям дороги,
 Очерчен какой-нибудь месяц двурогий,
 Или кружок с ушами — беляк;
 Тот же кружок, но с сиянием — ежик;
 То же сиянье на палке — ель;
 Галки, как брови: N. N. и К. Л.
 И росчерки, росчерки, росчерки ножек.

6

О, эти ножки, елочки, галки,
 О, эти женские имена,
 Магическим бормотаньем гадалки
 Порой одурманивающие меня.

Они вползают, как мятный туман,
Они ложатся, как тонкие тени,
Язык утомленных полусновидений
И полудремная вязь ума.

7

Но всё ж я резинкою не сотру
Их кочевой, их неясный очерк:
С годами суше, склерозней, короче,
Как дом, осядет этот труд —
Иные страсти в веках запылят,
И мы от своих времен и временщин
Оставим, быть может, только поля
Неясных рисунков лисиц и женщин.

8

Не потому ль иногда стихи,
Враждебные моей мысли и школе,
Навязываются из темных околиц
Растительной волей моих стихий —
И я принимаюсь карандашом
Набрасывать нежные линии женщин,
Их плечи, покатые точно жемчуг,
В лисицах с дымчатою душой. . .

9

Итак, Саша, сынка укачав,
В спокойной столовой на папином кресле,
Пела одно и то же подряд,
А мысли, как свет, переносицу резали.
Сын уже спал. Она пела зря,
Но пела, и, лежа на утлой козетке,
Бледнея слушала мужний чавк,
Прикрывши лицо газеткой.

Холеная, под анонсом «Заза»,
 С ногтями, играющими как глаза,
 Она вся объята, окружена
 Женственностью, точно пена шумом.
 Но что волновало ее кружева?
 Каким предавалась таинственным думам?
 Чьим голосам внимала Тамара
 В яростной арии самовара?

На эти вопросы, любезный друг,
 Не взялся б ответить и сам супруг,
 Хоть он и имел в этом нежном теле
 Сто процентов заявки.
 Но дайте срок: не сегодня — завтра,
 Даю вам честное слово автора,
 Как-нибудь в ундервудном отделе
 Получим точные справки.

А пока обратим вниманье на муху.
 Муха была чеховская — средней руки.
 Но покуда она в самоварном гаме,
 Законам Ньютона вопреки,
 Ходила над нами
 Вверх ногами,
 Пунктируя части
 Лепного овала —
 Была она просто человек свой.
 Но когда эта муха
 Пронеслась мимо уха
 Уважаемого Льва Семеныча Кроля —
 Оказалось, что ее звон
 Был той щепоткой соли,
 Которой недоставало
 Для ощущенья счастья.

Нет, как хотите, его жизнь увенчана:
 Он обладает роскошной женщиной,
 Оклад, положение, власть.
 И это государству абсолютно недорого,
 Раз он душа и сердце Пушторга,
 Не то что какой-нибудь дядя Влас
 Из этих, из широкоплечих,
 Вроде Картышева, партбилетчик.

Кроль вскочил с выраженьем рта:
 «А Полуяров — пешка?
 Сейчас на исходе четвертый квартал,
 Сейчас у охотника нет зверья,
 Но я их сгоню, о, поверь — я
 Покажу им, что значит спешно.
 Либо я золото, а не медь,
 Либо при нем мне онеметь».

На письменном столе привычный пейзаж:
 В пепельнице волосы (довольно давнишние),
 Косточки глазированной вишни
 В маленьком сигарном ящике,
 Девичий профиль с локоном на щеке,
 Небрежно подписанный «Саш»,
 Причем у бордюра за полем фона
 В два почерка номера телефона.

Здесь, вытащив из покрывала
 Серебряный бювар, где гусиное перо
 И росчерки служащих по случаю конца
 Кроль работал. Шепелявило перо,
 Чеки, —

Сверчок за обоями тикал, как часики,
Но урчание жилета покрывало:
Философичное, как контрабас,
Оно было символом прочности баз.

18

Интересы Пушторга прежде всего
Требовали постановки здоровой.
К чему сводилось ее существово?
Скупка меха у зверолова
В обход вторых и третьих рук,
Затем сортаж по мировой мерке,
Принятой стандартом Англии, Америки,
Скупающих по образцам на круг.

19

Но вместо этого Кроль на гибель
Рвал мех, где бы он ни был:
У Центросоюза ли, у нэпача ль,
Реализуя мгновенно товары
Чехии, Румынии, Дании, Баварии, —
Пускай сортируют — не наша печаль.
От этого цифры звучали ярко,
Но падали цены, падала марка.

20

В ночные деревья ложатся огни зама.
Кроль готовит карьеру впрок.
Урчит жилет. Шепелявит перо.
И только яйцо с надрезанным луком
Ждут приобщиться к торжественным звукам.
Но Кроль не жует. Его зубы рипят,
И вместе со скрипом пера скрипят
Цели пушторговского организма.

Первой в папке шла телеграмма:
«Приехал Курск Полуяров».

Кроль

Обмакнул перо в ядовитую кровь
И черкнул поперек: «Очень приятно».
За ней появился под почтой спрятанный
Доклад с облинованной рамой,
Написанный каллиграфической вязью,
Имевший в продырях бант с перевязью.

«По данным экспедиции ген.-губ. Унтерберга,
Котиковый промысел, в сущности юный,
Упал в течение десяти лет.
Русские, канадские, японские шхуны
Хищническим образом рыскали у берега —
И гибли кот, матка, телец.
Добычу пиратов (подсчеты Дании)
Ярко иллюстрируют следующие данные:

Года	Суда	Приматных самцов, маток, тельцов
1906	29	10176
1907	33	10420
1908	31	13355
1909	35	10465
1910	35	12295
1911	33	11816
1912	35	13112

Но в 1911 году
Была заключена Вашингтонская конвенция,
Каковой конвенции буква и дух —
Охрана котиков на Тихом океане.
Согласно следующих изысканий,
Стадо прибыловых иждивенцев,
Упавшее до ста тысяч хвостов,
Теперь представляет (профессор Хвостов):

Классификация	На островах	
	Св. Павла	Бонифация
Детеныши	172 528	35 868
Матки	172 528	35 868
Секачи	3 127	389
Холостячки	375	15
Матки годовые	55 043	9 197
Секачи охочие	73 484	9 429
» неплодовые	75 055	10 851
Прочие	45 800	8 624
	587 939	103 219

24

Но т. к. Британская Колумбия (Виктория),
 Которая лишилась промыслов, но которая,
 Имея богатый торговый рейд,
 Предполагает из конвенции выйти —
 В отношении котика возможный вред
 Чреват весьма чрезвычайностью событий.
 Необходимы крайние меры.
 Я полагаю бы, по крайней мере. . .»

25

Кроль не дочитал. Манера письма,
 Какой отличался Северьян Кондратьич,
 Со всеми этими «чреват» и «весьма»,
 Со всей этой ученостью не просто, а в квадрате,
 Его дико бесила. Он образованных
 Жадно ненавидел, как отставленный любовник,
 За мужа получивший дежурные рога,
 И он написал на диссертации врага:

26

«Болтология. Я не Наркоминдел.
 Прошу обратиться до текущих дел». —
 И, представив, как бледнеет этот старый костыль

И как скажет Гуров: «Это чшерти, а не
людзи», —
Он полюбовался на едкий стиль
И депешный язык своих резолюций:
Вежливость, властность, усмешка всерьез —
В малом многое. В точке всё-с.

27

Телефонная дробь. «Я слушаю. Да.
Соболь-головка? Какого района?
О! Баргузинский? Это корона.
Частник? У частных лиц не берем.
Как? А вы назовитесь «Мехпром» —
Артель зверобоев. Что? Ерунда.
Внесите пай, пригласите юриста,
Аванс мы дадим. Сколько соболя? Триста?»

28

Положил трубку. Горячий вар
Прошел по затылку, окатил уши. . .
Глупости! Что я такое разрушил?
Ведь не терять же красный товар.
Не я куплю — закупят другие.
Торговля, товарищи, это стихия!
Это. . . Но тут, излучая «букет»,
Надушенный шипром сверкнул пакет:

29

«Срочно.
Секретно.
• ПУШТОРГ (Москва)
Его Превосходительству Л. С. Кролю.
Сэр!
Предлагаем войти к Вам в долю.
Можем внести миллиона два.
Но т. к. шеф игнорирует Францию,
Мы обращаемся к Вам (!) — с гарантией
Полной выгоды наших услуг.
Прим. и проч.

ФРАНКОРЮСС

Ку к».

Ура! За это как раз и боролись:
 Он извиняется, факт налицо —
 Иностранцы пишут свое письмецо
 Не Полуярову, а прямо Кролю-с.
 Ха! Эрудиция! Но что эрудиция
 В сравнении с фактом иностранного кредита?
 Да-да, Полуяров: «КРОЛЬ ЭТО КРОЛЬ!»
 Таков мой лозунг и мой пароль.

«Сэр» они пишут. А? «Сэр»...
 «Превосходительство»... Да ведь он сер!
 Кто был несчастнее бедного Сеньки?
 И вдруг! И к тому же огромные деньги.
 Он явится к Мэку. Именно он!
 «А не угодно ли вам миллион?»
 Хо-хо, Ониська! Постой... Погоди...
 Война с тобою еще впереди.

Следующим номером шел бюллетень:
 «Лондон. ¹ Осенний аукцион. Утро:
 Усиленный спрос на куницу. День:
 Оживление сделки с белкою. Кстати,
 Снижен спрос на меха имитаций
 Кролика, выхухоля, выдры и нутрии.
 Причины неизвестны, но полагать надо —
 В связи с уходом из конвенции Канады».

---

¹ ЛОНДОН

По будням в небе деловая серь,
 По воскресеньям небеса лазурны.
 Хохочут чайки. А под ними урны —
 И каждая — британский офицер,
 И каждая солидна, как парламент.

«Вена.¹ Слабость меховой индустрии
И обанкротившийся концерн
Текущий момент вполне обострили.
Держатели партии русских лис,
По слухам, с Великобританией снеслись,
Надеясь выступить в самом конце.
Здесь не сомневаются: при таком темпе
Лисицу скупают Хут или Дэмпей».

«Лейпциг.² Съезжаются от Мальмэ и до Ниццы.
Ярмарка работает в восемь касс.
Крупное количество русской куницы,
Представленное Чехией, грозило депрессией,
Но, как сообщается французскою прессой,
Правительство подкуплено — и новый указ
(Неопубликованный)¹ явно клонится
К полной невозможности ввоза куницы».

Кроль засмеялся (ему стало жутко):
Все они бьют в один барабан.

---

¹ ВЕНА
Старомодная столица
Кружевных особняков,
Пены, взбитой из Галиции,
Словаков, босняков;

Он,
ценный и ничей,
Город хищников валюты,
Ресторанных революций,
Прóволочных скрипачей,
Город — символ на пороге
Спекулянтского изыска,
Интернационал Пьеретт,
Город венских оперетт
Грезит венскою сосиской.

² ЛЕЙПЦИГ
На древних вывесках готический закал
Картинных галерей: «Меха», «Какао», «Гильзы»...
И золотых цехов и ювелирных гильдий
За шпирцем ратуши еще дымит закат.

Может быть, вправду пушные ангелы
Витают лишь над Америкой и Англией?
Но в комнате мягко дышала Сашутка,
Но лики зырянина в думах летели —
И он написал поперек бюллетеня:
«Яри гатунь — яри бань!»¹

86

Затем распечатал письмо из Парижа:²
«Модели Конфексион-дэ-Мод
Обещают сделать текущий год
Голубым песцом, муфлоном и белкой.
Популярен испанский воротник «гаррот»,
Особенно же с гарнитуром отделки
И пуговицею. К зиме поближе
Гвоздем сезона явится крот.

87

Имеется шанс у суслика. Он
Появился в салоне мадам де Гаскон;
Прочное будущее также у каракуля».

Кроль развернулся в небрежных каракулях:
«Ладно, ладно, детки,
Дайте только срок —
Будет вам и белка,
Будет и свисток».

---

¹ Какая-то молдавская пословица, которой никто не понимал.

² П А Р И Ж

Анакреона пенных чаш
Выхоленная цитата —
Париж, каскадами пернатый,
Роями пузырьков мечась,
Бьет электрические вина
Морозов Мумма ледяней,
Шипучей россыпью огней
В бокале выпуклой витрины,
В любом бокале, где оп-ля!
На дне, жужжа стеклом и пеной,
Танцуют женские колена,
Вмонтированные в крупный план
Физиономии Верлена.

Полуграмотный зам, потрясаемый докладами,
 Где вместо «юг» обязательно «зюд»,
 Кроль ощущал раздражающий зуд
 В противовес всей этой науке
 Блеснуть и своим багажом — дескать, ну-ка
 И он расфуфырит индюшечью спесь —
 Недаром положен высокий оклад ему.
 Он и неученый повыше, чем спец;

Из месяца в месяц, из года в год
 Он проникался к себе уваженьем,
 Он наслаждался каждым движеньем
 Своего росчерка; голосом од,
 Переходящим изредка в трель;
 Губой, заставляющей вспомнить о верблюдах;
 А на резолюции свои смотрел,
 Как на анекдоты о великих людях.

Он стал язычником слова «Отдел»,
 На его гербе был бы номер на штампе.
 В зеленом покое казенной лампы
 Он позабыл о фригийской заре.
 А к стати — в холодном утре созрев,
 На ветке березы каркала осень,
 И с величественным ликом усопшего в бозе
 Кроль закрыл свою папку дел.

Но осталось маленькое письмишко
 На четвертушке почтового типа,
 И Кроль, почесавши ногу ногой,
 Раскрыл его, от зевоты всхлипнув.
 Какой-то Саввич. Кто он такой?
 Ах да, как его — этот мальчишка,
 Кажется, агент подотдела товаров,
 Которого как-то устроил Полуяров.

Агент писал: «Члену Правления
вузовца Саввича

З А Я В Л Е Н И Е

Будучи студентом 2-го МГУ,
Где мною пройден курс зоографии,
Но занимая должность статистика,
В которой при всем желаньи могу
В лучшем случае просто и чистенько
Лить цифирь и линовать графики, —
Прошу или вовсе меня устранить,
Или дать возможность работы активной,
Хотя не усиливающей актив, но
Достойной хотя бы тысяч страниц
И сотен рублей моей общей учебы,
Чтобы я мог возратить их и чтобы
Выбрать в жизни личный удел.

П. С а в в и ч.
Пушной Отдел».

44

Кроль взорвался: «Приказ № 1-й.
Мною замечено несколько лиц,
Кои усвоили себе нахальство
Сноситься с правленьем помимо
начальства.
Предупреждаю: подобные люди,
Кои желают, чтоб ток был прерван,
Будут увольняться без дальних
прелюдий.
Пролетариат еще имеет хлыст!»

45

Наконец уважаемый Зам. Дир. Трест
Потянулся и встал. Из зеркального шкапа,
Ища себя в окулярных мирах,
Гляделся комнатный полумрак,
Будильник томительно капал.
И был подозрителен пальцев треск,
И желчные листья, полные яда,
Нагло летели в окно без доклада.

Осень. Вам уже 40 лет.
 Изморозь на висках, а не верится.
 Давно ль это вы — червонный валет,
 В головах и ногах — женское сердце...
 А ныне — траурной масти король,
 Да и король ли? Не долго ли оземь?
 И смотрит и смотрит в зеркало Кроль,
 Как за спиною желтеет осень...

А молодость лучше? Что она? Где?
 Не было молодости! Голодовка —
 Пухлая, белая, страстная, долгая;
 Страх пред начальством; сотни идей,
 Как дослужиться до копииста;
 Харкнут в душу — без хныка и писка,
 С профессиональной улыбкой во рту
 Свое омертвление рапортуй.

Ну что ж? Да здравствуют 40 лет,
 Коли уж молодость нас не холит.
 Ей он оставит любовь и голод,
 Себе же одно: урчащий жилет,
 Который, кстати, гнусавит о том,
 Что вот, мол, уже наступило завтра
 И следовательно — пожалуйте завтракать.
 Так устроен королевский дом.

В столовой за кофе, потеряв бок
 И вяло подумав, что Саша красавица,
 Кроль рассказал о некоем Саввиче.
 Жена с горностаем на матине,

Держа на коленях кустарный грибок,
Штопала молча дыру на пятке,
И шелковинка в квадратном порядке
Ложилась на черное синью теней.

50

«Я думаю, — сказала она, — что студент
По-своему прав». — «Скажжите, пожалуйста:
Одна слеза про несчастный удел —
И ты уже готова растаять от жалости.
Что там республика ей, что казна ей?
Но я человек государственный. Вот.
Самый лучший служащий тот,
Про которого директор ничего не знает».

51

Саша спросила: «А член правленья?»
Кроль растерялся и сразу притих.
!(Он забыл посмотреть резолюцию.) С ленью,
Свойственной движеньям, убежденным
в успехе,

Саша пошла, изгибаясь в мехе,
И, возвратившись, сказала: «Хих.
Он пишет: „Прошу объяснить. Неужели
Вузом у нас затыкают щели?“»

52

Серая ворона села на сук.
У серой вороны голос сух.
Ее специальность орать на плакате
Яичного цвета с черной каймой.
Но серая ворона слетала домой
Осенним карком в окна поплакать,
И на суку золотилось едва:
«Карандаш Фабера № 2».

V 1927
Коктебель

ГЛАВА 3

Боб Соути, ты поэт, венком лавровым
Увенчанный, и меж поэтов туз.

Байрон

1

Маяковский! Вы — увенчанный лаврами
Мэтр и меж поэтов туз.
Как-то за Вами я поплетусь
В малярном деле торговой рекламы?
Голос мой (а ведь отец мой лев)
Глух перед Вашими колоколами —
Недаром ослиных шкур и литавр имя
Заменено понятием «ЛЕФ».

2

Не лепо ли бяшетъ ны «Франкорюсс»
Воспети, идя путями Трояна?
Но если даже согласиться, что «лепо», то рьяно
Я за этакой труд не берусь.
Зато уж какого бы дунули Блерио,
Строчки лестничкой обрубя, —
В каждой буковке проба рубля, —
Вы, о генерал от юбилерии!

3

«Спою франко-русское:
«Франкорюсс»-ка я
(Телефонище 40—10),
Которого
Конторы —
«вво»:
В Париже,
Царьграде,
Одессе.
Муза,
лиры
восхищия
лей!

Бей
в равнодушия
панцирь:
Основной
капиталишка —
десять
нулей;
девиз:
„Никаких
испанцев“».

4

Так бы воспел, подобный вину,
Соловей Володимер, Велесов внук.
Он бы орлом, аки кличет удод,
На брань в Политехникум выдыбая,
Легкою векшей летел над дубами
(Поскольку позволят 8 пудов).
Но я, восклицая древлянину: «Prosit!»,¹
Почесть воздам серенькой прозе.

5

«Французская концессия
ФРАНКОРЮСС
(Телефон директора: 40—10).
Меха и пушнина. Конторы: в Одессе,
Во Франции, Турции, Пруссии.
Учреждениям, сдавшим 1000 штук,
Причитается пятипроцентная премия.
Спешите. Товарная недвижимость — бремя.
С почтением Джошуа Кук».

6

Джошуа Кук помещался за дверью
С черной табличкой: «Джошуа Кук».
Только лицо, заслужившее доверие,
В данном случае господин Поль,

---

¹ Да здравствует! (Лат.) — *Ред.*

Могло вступить на суконный пол
Его кабинета. Глухая портьера
Малейший звук поглощала вокруг.
Внутри же чудился звон шпор Тьера...

7

Над дверью аншлаг: «Милостивый Государь.
Время — деньги. Я очень занят.
Поэтому, предрассудки отбросив,
Заране отвечу на ряд вопросов:
Здравствуйте. — Здравствуйте, садитесь сюда.
Как здоровье? — Вполне окрепло.
Мерзкая погода. — Да, наказание.
Чудная погода. — Великолепно».

8

Рыжий костюм его в черных квадратах,
Сидящих один над другим, как окна,
Напоминал (простите за троп)
В сто пятьдесят этажей небоскреб.
На высоте ста восьми этажей
Имелся балкон для сигар и монокля,
Где всеми цветами лаковых радуг
Играла армия карандашей.

9

Графологический этюд о подписи «Кук»
Намечает в характере четкую линию:
«Крайне расчетлив и предприимчив,
Быстр и решителен. Его принцип —
Бей в лоб. Томлениям сук,
Русской хандре, английскому сплину,
Любви и поэзии не подвержен.
С женою корректен. С друзьями сдержан».

Таков Кук. Немного поодаль
 Стоял, с глазами омытого гравия,
 Как негатив его фотографии,
 Оперативный техник — Поль.
 Вот он сощурил овальный аспид,
 Двинул систему жевательных групп
 И стал разжимать заплавленность губ,
 После чего следует надпись:

(Даю в переводе.) «Мистер Кук.
 Я заявляю как Ваш агент,
 Что мы без охотничьего аппарата
 И собственной добычи — вылетим в пух.
 Но Вы — буржуа. По законам страны,
 Чтоб Ваше соперничество устранить,
 Лишь государство и кооперация
 Вправе иметь конторы в тайге.

Я предложил бы купить Пушторг
 Под видом кредита. Их аппаратом,
 Ведя с самоедами всякими торг,
 Мы открываем дорогу парадам
 Нашей фирмы на Западе. Мы
 В течение следующей зимы
 Сделаем, мистер, тихо и чинно
 Красный Пушторг своею личиной.

Однако пока Полуяров (Онисим)
 Держит в руках путеводную нить,
 Нашей идеи не осуществить.
 Но всякого шефа ненавидит заместитель.
 Дайте Кролю какой-нибудь титул
 (Именно! Это не анекдот!) —
 И Кроль каким-нибудь ходом лисьим
 Полуярова обойдет».

Оранжевый джемпр, еж на вершине,
 Красный ботинок, обшитый шиной, —
 В год работы Польш захватил
 Во «Франкорюссе» и фронт и тыл.
 Он ярко распоряжается почтой,
 Беседует с клерком едва-едва;
 Ему нет
 33-х лет, оттого что
 Было двадцать два.

Кук не копался в его убеждениях,
 Хоть Польш и польский социалист:
 Деньги — вот страховой полис,
 Нет потребности выше денег.
 Правда, бывает и звон монет
 Лишь нотой в меланхолической гамме,
 Но, значит, не так хорошо с деньгами,
 Как плохо, когда их нет.

Деньги. С ними приятно свыкаться.
 Польш имел двухместный мотор-с,
 Облитый изящным смокингом торс,
 В Италии проводил вакации,
 Хранил календарь Женевьев и Алис,
 Но им цветов не носил на сцену.
 Деньги. Польш понимал им цену:
 Польш был польский социалист.

Он молчалив, не так ли? Меж тем
 В интимном кружке он давал сеансы
 Речи на девять различных тем.
 Ну, предположим — соната Сен-Санса,
 Омоложение, печенег,

Петр Первый, первый снег,
Девственность, телеграмма «Известий»,
Олеум рицини и цифра 200.

18

И вот, с ораторским жестом вождей
Отпив из единственного убежища,
Он виртуозно среди этих вещей
Вертелся с изяществом конькобежца.
И тот, кто любил и умел свистать
Истине обнаженного нерва,
Мог оценить высокую статью
Тактики обходного маневра.

19

И Поль диктовал:

« ПУШТОРГ (Москва)
Его Превосходительству Л. С. Кролю.
Сэр!

Предлагаем войти к Вам в долю.
Можем внести миллиона два.
Но т. к. шеф игнорирует Францию,
Мы обращаемся к ВАМ... с гарантией
Полной выгоды наших услуг.
Прим. и проч.

ФРАНКОРЮСС

К у к».

20

К деревянной сторожке, где в окне барбарис,
Каждую ночь приходила рысь.
Каждую ночь запирали дверь.
Однажды не заперли. Душной порою.
Серую тенью на черном пороге
В зеленых огнях появляется зверь.
А ребяенок, увидя рысь,
Сполз и лепечет: «Кисенька, кись...»

Х 1927

Детское Село

ГЛАВА 5

Кипучая (Баратынский, Плещеев),
Певучая (Блок),
Нежная (Фофанов),
Пьяная (Бальмонт),
Мятежная (Лермонтов, Некрасов),
Туманная (Кольцов, Фет),
Златая (Пушкин),
Золотая (Белый, Надсон,
Омулевский, Фруг).
(Об осени)

1

Осень. Афиши в дожде и без оного;
«Вечерка» объявила, что грачи улетели;
Город, времонтированный в «лес», —
обнажился;
Съехались дачники — поля опустели.
Только одна — Ниночка-Бессонова,
Стрижик-рыжик, прелестный парень,
Да юноша, долговязый и жилистый,
Шлялись по дачам умильной парой.

2

Пока они бегали среди воронья,
В Пушторге уже поднялась возня:
За Пашкой срочно прислали курьера
И вызвали к Полуярову. Тот
Сказал, что дело ему найдет.
Взять хоть суслика для примера.
Знаете ль вы о суслике? Нет?
Меж тем это очень солидный предмет.

8

Суслик. Подумайте: что за картина!
Императрица Екатерина
В поход на него посылала войска.
В степях бунчуки развевались, как чубы...
Против сусличьего свистка

Гремели вовсю барабаны и трубы —
Желтый улан и гусар голубой
Пятнистых сусят вызывали на бой.

4

Крича о вредительстве суслика хором,
Наши дни его травят хлором.
И всё это несмотря на то,
Что после войны в обедневшей Европе
Из меха суслика шьют манто.
Соображаете? Время торопит!
Надо в Пушторге на этом пути
Секцию суслика завести.

5

Итак, мой Пашка не попросту служащий:
Он — Завсуслика. (Пост еще нов.)
У него на затылке «Парижский шик»,
А галстук — ого! — голова закружится.
Однако эти буржуазные инстинкты,
Свойственные слою эlegantных прожиг,
Встречают оппозицию в лице штанов,
Имея классовым врагом ботинки.

6

О, эти ботинки! Никакой крокодил
Никогда не скалился до такой степени.
И покуда Саввич по листьям бродил,
Уверяя, что все они кисти Репина
(Осень была петербургская, мокрая),
Башмак нагрузился водою до края,
И только Пашка легонько охрип —
Взял его об руку мистер Грипп.

7

Но мы не станем томиться о Саввиче:
Гибель юных в плену у жизни.
Кроме того, не дальше как давеча

Пашка у Ниночки встал на учет,
Сдал по «органике» первый зачет
И сделал в ячейке доклад о фашизме,
А самое главное, самое глав —
Он теперь сам с усам. Хав-ляв.¹

8

Пойдем ли мы Пашку? Ему 20 лет.
Юнландия! Край великой мечты,
Надежды, подвига и маеты,
Против которой не сыщешь лекарства;
Великолепное государство,
С балансом, активней которого нет,
Где ввоз — пессимизм, чернила, бутсы,
А вывоз: Любовь и Революция.

9

Эх, юность моя! Я заглох, зачах,
Я рвусь, я тянусь к тебе неукротимо,
Но ты затонула в татарских ночах,
В маринах густых золотистого Крыма,
В рондо таврического соловья,
Где я различал родные слова.

10

Там продавали «крымские виды»
В парках, курзалах, у пляжных скамей.
Но для меня виденья Тавриды
Античную родиной были моей.
Откуда пришли мои предки? С гор?
С моря? С поля? Но до сих пор
Несу я в крови, от эпох молодея,
Скифа, эллина, иудея.

---

¹ Испорченное английское high life — «светская жизнь».

Как я был счастлив! Гудящий зной
 Меня озолачивал желтизной.
 Тополь приветствовал рябенькой «рыбкой»,¹
 И снежных аистов плавный поток
 Меж алых носов и коралловых ног,
 Как зубы меж губ, сиял мне улыбкой.

Там каждый камень сожженной пемзой
 Жар любви моей изобличал,
 Там загорелся и заблестал
 В четыре буквы созвездный вензель,
 Хоть, вероятно, у астронома
 Ему присвоен особый номен.
*«В четыре буквы созвездный вензель»
 Вензель Вензель Лиза Буквы
 Лиза Вензель Буквы — буквовый
 Л Буковина Венз Гензель
 Гр Луиза Элиза Вензель
 Венз.*

И мутно-багровое в клетку манто
 Томило меня на гвозде заката,
 На шахматном поле газетных загадок,
 Под серебристые брызги мандолл,
 Под легких пролетов сухое стаккато,
 Где лошади были с глазами мадонн.

¹ Тополя трепещут, порипывая,
 Серебрясь чешуей листвы,
 Словно плещется в ветках рыба,
 Мучаясь над сушью мостовых.
 Так и я, взлетевший в поднебесье,
 Вздувшиеся жабры горяча,
 Отдал бы все свои песни
 За полстакана ручья.

Прелестный край! Он уплыл, исчез.
 А ныне для нас невеликая честь
 Жить отогретыми именами,
 И я говорю равнодушно — «ах, да»,
 Когда прибывают в штемпелях дат
 Жаркие марки воспоминаний.

Но будет о них. Граненый флакон
 Из-под духов, памятных с детства,
 Бронзовый лист, что ветром влеком,
 Сердце оплетший, когда мы бродили,
 Все эти тембры унылых идиллий,
 Милые вы, ну куда с вами деться?
 Разве что в склянке чернилам жить,
 А лист под номером к «Делу» подшить.

Но не подшить ни к какому делу
 Того, что сильнее, чем красота. . .
 Когда свобода, рождаясь в груди
 И никому не желая злого,
 По-детски наивно требует слова,
 А ей фельдфебельское: «Осади!» —
 Тогда от боли не чувствуешь тела,
 А ум — как серная кислота.

Крым. . . Как весело в буханьях пушки
 Кровь свою пролил я там впервой!
 Но там же впервые явился Пушкин
 И за руку ввел меня в круг роковой.
 Сначала я тихо корпел над рифмой,
 На ямбе качался, как на волне. . .
 И вдруг почувал я вой надрывный. . .
 Жизнь разверзлась пещью в огне!

Как я завидую псевдогениям,
 Храбро рифмующим «новь» — «любовь»...
 Им не ломать над вопросами лбов,
 Им не бродить по житейским гееннам
 И не таить годами меж губ
 Мертвое слово — задохшийся труп.
 Утром встанут, потянутся, свистнут
 И в «Комсомолке» стихата тиснут.

Железный критик! Предвижу разнос:
 «Нет, не ему эпоху седлать!
 Поэт, как царской службы солдат,
 Должен
     выглядеть
                     весело!»

М-да... Не умею курносить нос,
 Если на квинту его повесили,
 Рот ухмылять от виска до виска,
 Если в глазах собачья тоска.

О, бесхребетное лицемерье!
 Кто с тобой борется? Где твой Мольер?
 Лиру свою рифмачи на карьере
 Гробят каждый на свой манер:
 Светлых чудес воспевая приметы,
 Темное прячут на самом дне —
 И вот фальшивка стала монетой,
 Хождение имеющей «наравне».

Есть пииты, и есть поэты.
 Пиит — сие государственный чин.
 Всё, что пиитом на лире воспето,
 Носит черты канцелярских причин.

Поэт же идет от гущи народа,
Общество — вот его существо!
Ему не с руки театральная ода,
Суровая правда — подвиг его.

. . . . .

22

Да, отошли мои времена
«Цыганских рапсодий» и разных троек:
Черное человечье горе
Во весь горизонт качает меня,
Жужжит и воеет в чудовищных роях
Эпилепсических фантазмагорий,
И я, испытавший судьбу раба,
Тобой выдуваю тревогу, Труба.

23

Итак, Пашка Саввич лежит в постели.
Ниночка-душечка подле него.
Олеографии (две постели). —
Всё убранство жилища его.
А что и нужно? Пашка мечтает,
Ниночка «Роду-Роду» читает.
Глубокое чтиво! Морщинка легла.
Книжка чем-то ее увлекла.

24

Но Пашка о Нинке забыл до поры.
Он видит: в рубрике полчищ вражьих —
Сидит себе столбиком у норы
В рыжих веснушках суслик-евражек.
Евражка сидит, издает свисток
И лапками крестится на восток,
Даже во снах не думает, рыжий,
Что скоро ему фигурять в Париже.

25

Но вдруг в коридоре раздался звонок:
«Одиннадцать долгих и два коротких!»

Вбежала со всех бабо-яжьих ног
Одна старушенция в папильотках
И завизжала: «К вам это, к вам!
Вы и откройте! Вы с вашей Ниной!
Моих-то коротких. . . два с половиной!»
Но кто-то входил уже в Пашкин вигвам.

26

Это был Гуров с какою-то дамой.
Дама юношески хороша:
Капризный рот, подбородок упрямый,
И всё же из тех таинственных женщин,
Что возникали от корня «жён-шён». ¹
А Пашка глядел и угрюмо решал:
«Что моя жизнь? Она сражена,
Если эта — чужая жена. . .»

27

Гуров себя почувствовал графом
И стал озираться по олеографиям.
Особенно та, что подле окна,
Его омерзение привлекла:
Бриг в парусах с отечной осадью,
С маленьким тузиком где-то сзади,
На райский берег плавно плывет
Зеленой луною полночных вод.

28

А рядом «чарует» иной мотив:
Ночь. В снегу освещенные окна.
Пестрая будка — должно быть, пост.
Лихо скалясь, молоденький пес,
Клокастый букетище свой закрутив
И собственной отвагой растроганный,
Лает на волка. Угрюмый бирюк
Слышит в нем запах железа и рук.

---

¹ «Корень-человек» — по китайским верованиям, обладает силой волшебства.

Дамским ногтем цвета травы
 Изысканно почесав подбородок,
 Гуров заметил о Рода-Рода:
 «М-да, юморисцика вагонного тсипа».
 Голос низкий и несколько сиплый,
 Будто басок цыганской гитары,
 Произнес: «Ну, это автор старый.
 Я предпочитаю О. Генри. А вы?»

Хотя величайший из брѳдвейских клерков
 Был едва ли моложе коллеги
 (Оба набили трубки в аду
 Почти в одном и том же году),
 Но Нинка, бесстрастью лицо исковеркав,
 Глазела на церковь из семи глав,
 А Пашка молчал безъязыким калекой
 И даже забыл знаменитый хав-ляв.

Так прошел век. И второй. И третий.
 Спускаясь по лестнице, дама говорила:
 «Я ничего не вынесла из этой встречи».
 Гуров: «Да-мм, а уж лицом — Гаврила».
 — «А кто эта Пупуль? Она в вашем шарме;
 Но вы были прелесть какой нерасторопный».
 — «Но, обошаемая, пред вашими чшарами
 Я ведзь стою абсолютно вкопанный».

«Нет, серьезно, Владимир Сергеич,
 Расскажите-ка мне об этом волчонке.
 (Как все неудачники в жизни, она
 Чужою судьбой бывала полна.)

Ну вот... Он, кажется, красногвардеец
И даже дрался на какой-то войчонке
Где-то в Чечне. Хотите в пивную?»
— «Но, обошаемая, я ведзь ревную».

83

«Владимир Сергеич, вы невыносимы —
Вспомните наш разговор вчера».
— «Обошаемая, стоит ли? В такие вечера...»
— «Постойте, где моя перчатка?» — «Какая-с?»
— «Да эта, левая». — «Когда же вы носили?»
— «Господи, какой вы бестолковый, да при вас».
— «Ох, обошаемая, ручку — каюсь».
— «Ну-ну-ну ладно уж, наплевать».

84

Итак, вы хотели мне рассказать
О Полуярове. Кто он, казак?
Ах да — вспомнила, ведь его братец
Как-то рассказывал подробно о Якутии.
Итак, Владимир Сергеич, нуте.
Да ну же. Вы спите? Откройте вежды.
Владимир Сергеич, будьте вежливы».
— «Ну что же, обошаемая, Онисим
Кондратьич...»

85

А Нинка тараторила: «Какие перчатки!
А Гуров-то, Гуров: лакей для услуг.
Плетется, несчастный, за ней Христа ради».
Пашка ругнулся: «А в секретарьате
Сидит как пуп над казенной печатью».
А впрочем, диву давались вслух,
Зачем пожаловали секретарь и замша?..

Под стулом валялась перчатка. Замша.

V 1927
Коктебель

ГЛАВА 6

Во время революции делается
глупостей ничуть не меньше,
чем во всякое другое время.

К. Маркс

1

В Пушторге только что вымыт пол;
Вьюшки начищены до тульской яри.
Туннель коридора в системе табличек:
«Член правления», «Директор», «Пом».
В огромных окнах серое обличье
Конструкций, смягченных туманом и гарью;
Шведские бюро с опущенными шторами
В лакированном спокойствии выжидают
шторма.

2

Первым является Саввич. Раскрыв
Вокзальное окно в диаграммную клетку,
Он энергично вращает гантели,
Вдыхая туман, стекающий с крыш.
Ведь комната его-то — с кармашек жилетки:
Десять аршин. А в этом отеле,
Покуда нет проклятущей Настеньки,
Самое во двинуть гимнастикой.

3

Затем, оседлав пиджачишком стул
И вытянув истинно вузовские ноги,
Пашка усаживается за «Биологию»,
Поскольку имеются полчаса.
Но в чернильнице жужжала запоздалая оса,
Ликвидация ее заняла две минуты,
Да клякса в сопровождении «ну-ты»
Съела промокашек добрую версту.

Северьян Аккуратич, сердитый как барсук,
 Несется, держа зонт и галоши.
 Кашель его поминутен'и сух.
 Нервный кашель. XX века.
 Бюро открывается. И первая вежа
 Плохого настроенья, становящегося плоше:
 «Зачем вы открыли это окно?
 Либо регламент, либо Махно».

Саввич отвечает: «Любезный папаша.
 Клянусь Главпрофобром, это дело не ваше.
 Будь я служащим Экспортного Отдела,
 Тогда согласен — ваше это дело.
 Но таки-каки у меня зав,
 Вы сами понимаете, что дело хав-ляв».
 Причина отлития этой острюли
 В том, что Кондратьич глух, как кастрюля.

Правда, мотивы эти наивны.
 Но Пашка ненавидел Северьяна за то,
 Что тот в молодежи видел затор
 И ничему не учил их. Случалось,
 Истратив на книгу последний двугривенный
 С лозунгом: «Специалес ист аллес»,
 Пашка готов был его лобызать,
 Чтоб разъяснил такой-то абзац.

Но Северьян, притворяясь глухим,
 Совал свои корни куда-то за галстук,
 Вспучивался, по-зырянски ругался
 И требовал тишины.

Дык Пашка ж устроил ему Доброхим!
Невинно скосивши глаза осовелые,
Он излагал громогласно новеллы
Из девственной жизни его жены.

8

Примчался Казаров «ходом коня».
Губы его были полны огня:
Сегодня Кроль, очевидно, в ударе,
И мой шахматист получил разнос.
И вдруг Аккуратич властно произнес:
«Закреть окно, товарищ Казарин».
Казаров ответил: «На первом же катере
Командируйтесь к чертовой матери!»

9

Затем появляется шубка «под котик»,
И ножки, выстукивая тик-так,
Вынесли в шляпке с пунцовою птичкой
Личико, чистенькое, как яичко,
Писанное пером, да так,
Как воспевается в детской байке:
Точка, точка, запятайки,
Носик, ротик — оборотик.

10

Олечка Чайка бойкой походкой
В лилиях шла к своему пулемету.
(Она впервые вводила моду
Преподносить завам цветы),
Небрежно болтая с Пашкой «на ты»
И наскоро у зеркальца перекрестясь пуховкой,
Прошла в кабинет — и стебель стекал
В сельтерской дрожи полный стакан.

Как Андромаха своему Гектору,
 Преданная очередному директору,
 Олечка находила, что Кроль
 Один из лучших людей России.
 И лилии, убранные красиво,
 Каждое утро его, как герольд,
 Воспоминаясь казарменным трубам,
 Приветствовали серебристым раструбом.

Тогда-то с хрипящим хохотом сов
 С колонны слетают 10 часов.
 И, яростно споря о земской ренте,
 Шумно влетают Поповский и Блох.
 «Поповский, ваш проект определенно плох,
 Т. к. на XIV губконференции. . .»
 Но Поповский покрывает канцелярский зал:
 «Причем тут губ, если Ленин сказал?»

Держащие друг друга за пуговицу с мясом,
 Причем у Блоха дирижировала кисть,
 Оба беспартийца преданы массам,
 Но первый в оппозиции, а второй цекист.
 И хоть оба добросовестно просматривали
 «Правду»,
 Но каждый усматривал особую правду.
 (С тех же колонн, с раскосых усов,
 Слетают одиннадцать медных часов.)

Казаров с гипнотическим выраженьем глаз
 Двигается на Гурова вплотную, как лунатик:
 «Играю наизусть. Белые». — «Нате».

- «Е₂ Е₄». — «Е₇ Е₅».
- «Конь G₁ — F₃» — «Опять?»
- «Испанская партия, товарищ Капабласкер».
- «Играйте, играйте — теперь без поблажки
На одиннадцатом ходе покажу вам класс».

15

Огромное окно еще открыто настезь.
И леший туман с седой бородой
На никеле с кипяченой бурдой
Оседает мутной морошкой.
Тогда появляется уборщица Настя
И, верхним чутьем угадав беду,
Разражается: «Бесстыжий. Да он его нарошно,
Да я до господина дилехтора дойду».

16

«Господа, почтеннейшая, в Черном море,
Хав-ляв, как говорится — за что боролись?»
Однако Аккуратич объяснил, что пролысь
У белки бывает только весной,
Но Поповский не принял блошинных основ —
Он гремел своим шепотом члена Каморры,
Так что Казаров с шахом в ушах
Вполне согласился на «вечный шах».

17

Так-так-татак... «В Зырянский Союз.
Настоящим доводим до вашего сведенья...»
— «Северьян Кондратич: заседание в СТО».
— «Благодарю вас». — «Товарищ, постой,
Эй, псс... товарищ, куда?»
— «Мы с Пушного склада, товарищ, значит,
Федин,
Насчет спецодежи, халатов, значит, блуз,
Опять же аптечки». — «Телефонаа. Дадаа».

В Секции Суслика все за работой:
 Бунты разбирает комсомолец Васёк;
 Саввич, оставив свою «Биологию»,
 Страстно подсчитывает сборы и налоги;
 Блох, его единственный помощник «за всё»,
 Сунув ноги в женины боты,
 Надел на лампу бумажный капор —
 И щелкают кости, как danse macabre. ¹

«Саввич, к докладу!» Брезгливый Гуров
 Величественно подобрал окурочек
 И бросил в урну (одна из обуз).
 В кабинете Кроль корректирует депеши
 (Белый медведь, календарь, бюст).
 Подпись осушает с миною тупейшей
 Маслов, который, создав уклад,
 Почтительнейше прервал доклад.

Саввич, держа свою папку у сердца,
 Бледнея, садится на стул у дверей.
 Он не уверен, что Кроль не рассердится, —
 Белый медведь, бюст, календарь, —
 Если он сядет хотя бы в кресло.
 Но Картышев рывкнул гневно и весело,
 От бюрократической тишины зверея:
 «Каково поживашь, крысиной царь?»

Все равнодушно оглянулись на Саввича.
 Тишина. Размахнувшись в последний росчерк,
 Кроль изумился: «Вот это мне нравится:
 Я себе пишу, а остальные молчат.

---

¹ Пляска смерти (франц.) — *Ред.*

Продолжайте, прошу вас. Короче и проще». Маслов откашлялся: «По поводу волчат...» Картышев, накручивая из усов усики, Ждал содоклада зав Секцией Суслика.

22

И Пашка начал: «Суслик — зверок Маленький, серенький, незаметный. Но этот зверок по сути — злой рок! Дела его погрознее Этны! Казалось бы, нет особенных драм В том, что суслик сгрызет килограмм, Но он становится силою рока, Распространяясь до Владивостока».

23

И Пашка начал божиться в том, Что сус — политическая проблема! (Кроль иронически подмигнул Маслову: Приходится, мол, ему верить на слово.) Что суслики — это мамайское племя, Заполонившее русскую землю. (Кроль искривился ноздрей и ртом: «Это ж компетенция Наркомзема».)

24

Но Пашка сказал, что в запрошлом году Наркомзем признал, что необходимо, Чтоб мужики несли при налоге По пяти сусликов с дыма. (Кроль удивился: что за болтология.) Но приказом не разрыта ни единая норка, Но теперь, когда в Нью-Йорке суслик в ходу. (Кроль поморщился от «Нью-Йорка».)

(«Ряд волшебных изменений милого лица»
 Не укрылся от масловских лютых гляделок.
 Нет, он не против сусячьего дела —
 Он сам изучал его допоздна,
 Но Кроль недоволен — и двуногая лиса
 Сунула записку под звоночный клавиш:
     «В огороде бузина,
     А на докладе Саввич».)

...Теперь уж вопрос по-новому встал:
 Сближение вех мужика и рабочего, —
 И очень хорошо, что коммерческая почва,
 И вывоз покажет, что опыт здоровый;
 Вы знаете, что три копейки с хвоста
 Многим крестьянам дадут корову.
 Суслик покроет поволжский сплав!
 (И Пашка чуть-чуть не вскричал — «хав-ляв».)

Картышев радостно подумал: «Серёж!
 А ведь парень с вентиляцией!»
   И сказал: «Дело!
 Наш мужичок из такого тела:
 Задаром блохи на себе не убьёт.
 А тут коровка. . . Спасенная рожь. . .»
 И Пашка, объятый пафосом клирика,
 Стал с Наркомземом вязать Наркомпрод,
 Но Кроль лаконически встал: «Это лирика!

Вехи, проблемы, проблемы, вехи. . .
 А мне нужны люди, а не человеки.
 Люди, понимаете? Коммерческий народ.

(Он нервно дернул ноздрю и рот.)
Подождем же, покуда вы станете старше,
А 20 лет есть 20 лет».
И тень, как личная секретарша,
Взялась за одно из дверных колец.

29

Саввич поплелся, слегка волочась.
Кроль, надменно брови подбросив,
Прошел на доклад к товарищу Мэку
В так называемую «священную Мэку».
Мэк приезжал ровно на час
Для подписи в чрезвычайном акте,
А также для санкции общих вопросов,
Носящих принципиальный характер.

80

Член Бюджетной Комиссии ВЦИКа,
Член Коллегии Главконцескома,
Замредактора «Вестник Истпарт»,
Он любил играть, не скрывая карт,
И умел говорить аппетитно и тихо,
Но так, точно вы с ним старинный знакомый,
Будь то Дуняша иль целый съезд.
Нно — если нужно — съест!

81

Товарищ Мэк увлекался статистикой,
Маркса и Энгельса знал до листика,
В сложнейших вопросах, где мгла и муть,
Мгновенно ухватывал самую суть;
Себя называя «именитое купечество»,
Он в цифрах Пушторга идею ловил. . .
Еще деталь: он любил человечество,
Людей же не знал и не любил.

На нем была с петухами рубаха
 Из белого шелкового полотна,
 Синий пиджак, где звенела одна,
 Точно струна из «Арии» Баха,¹
 Пуговица. Колокольный лоб
 Зарывался трясинной под детский подпук.
 Таков был «Сам», это «Тсс», это «Подпись»,
 Величественная, как Обь.

Лев Семеньч, невесомый как пар,
 Но чувствуя в ухе нервную трель,
 Не сопровождаемый более тенью,
 Вошел и уселся: «Мое почтенье.
 Один армянин пришел в зоопарк.
 Видит — жирафа. Смотрел, смотрел,
 Думал, думал, наконец — дошел:
 «Нэ может бить», плюнул и ушел».

*Водосточная шея. Нога, нога.
 С той стороны остальные. Рога,
 Хвостик и кляксы. Похоже, но густо.
 Почему жирафов не шлют на бега?
 Д. б. нет спортивного чувства.*

Есть такие люди. Как распыленный душ,
 Они льют на темя теплую водичку,
 И, точно благородное дерево дичку,
 Будь вы трижды прозорливы и высоки,
 Всё же выструите кровяные соки
 В жилки этих легких душ,
 Чтобы, устав от боевых великолепий,
 Забыться в журчаньи уютного лепета.

---

¹ «Ария» Баха написана для исполнения на одной струне.

А Христиан Иванович, как человек тучный,
 Держался рецепта: сода и смеяться.
 И Лев Семеньч
 В роли паяца
 Был просто необходим старику.
 «Однако, голуба, мне нужно в РКУ,
 Давай начинать».
 Прекословить отученный,
 Кроль языкнул зубочистку за щеку
 С изящной развязностью бывшего приказчика.

Прикрывши веки стариковской рукой
 В готических буквах желтоватого склероза,
 Христиан Иванович, слушая Кроля,
 Чертил то «белка», «белка», то «кролик».
 Дело цвело, как ширазская роза,
 Шагало галошей реклам «Скорород» —
 В Кроации, в Галиции, в СЛОВА-кии, во Вракии
 Лисицы, куницы, выхухоль, каракули.

Цветной карандаш, замирая, сник
 Линией радостного удивленья.
 Мэк поднял ухо. Ухо оленя
 У полной звезд черноглазой реки...
 В речи Кроля, полной дерзанья,
 Чудились газовые пузырьки
 (Старик не знал, что в этот миг
 Он глазами застыл на бутылке нарзана).

«Лихо, Семеньч! Но я, брат, педант.

• • • • •
 • • • • •

Но уж прости любопытство Мэка:
Как ты насчет дешевого меха?

80

Я мало смыслю в этом зверье,
Тебе, пушнику, тово бишь, яснее;
Но — как я вижу, мы дьявольски люто
Прем за границу пушную валюту.
Оно, пожалуй, конечно, не вред,
Но стоит ли нам хватать из-под снега
Одни драгоценные, что ли, сорта,
А серые массы пускать мимо рта?»

40

Истина в цилиндре, в пифагоровых штанах
Вошла, опираясь на линию А — Б.
Мэк продолжал: «Будь я Кролем, я бы...»
Но Кроль, подергав ноздрей и ртом,
Подойдя к рампе, запел о том,
Что этот вопрос обсуждался на днях,
Что он политическая проблема,
Что суслик буквально же майское племя.

41

Сейчас, мол, вопрос уже явственно встал
За нахождением приличной почвы,
Сейчас безо всяких оттяжек и прочего
Суслик пойдет по столицам держав;
Вы знаете, пара копеек с хвоста
Дадут мужичкам запастись коровенкой,
А может быть, даже и хаткой.
«Вон как?»
(О, если бы Мэк слышал про хав-ляв).

Однажды в одном из кластерий Берлина
 Послал настоятель монаха в подвал.
 А так как сей брат порой выпивал,
 То он и провел по губам его линию
 Жженою пробкой. Брат Юлиан
 Вернулся, святую молитву лия,
 С жирной чертой на губе напряженной. . .
 А пробка-то вовсе и не была жженой.

Линию А — Б можете согнуть
 И отдать китайцам, торгующим бязью.
 Тучная сажа дымилась над базой,
 Обложив жиром пресную нудь
 Тряпичного неба. Чернея сугубо,
 Его подпирало величие куба,
 На крыше которого рыжий тигр
 Ждал огней для рекламных игр.
Тигр Тигр игр Игорь
Игр игрушка тигрушка Тигр!
Т. . . А когда направляешься в «Мюр»
За чайником или (крупчаткой)
печаткой,
Ты мне за ухом чешешь перчаткой,
Чтоб услышать любимое — мурр. . .
Чтобы мне с тобой (жизнь) мир
встречать,
С (утомленной хищностью)
невесомой грузностью тигра,
На горячих басах (октавах)
ррычаа: «Эй!
Я партию жизни выиграл».

В квадратных окнах, разбитых на клетки,
 Как диаграммы, стоят чертежи
 Геометрических зданий в тумане.
 В такие минуты — скажу между нами —

В такие минуты, поверьте, жить
Может кассирша в черной колетке,
Может в багете и раме портрет,
Но только не он, не В. З., не поэт.

45

Он думал об Ольге Петровне Чайке.
Он ей обещал балладу о чайке
Вчера, когда были вместе в кино.
Но чайка упрямо не вылетала
Из-под пера. Он глядел в окно,
Воображая прибор в Италии,
Но провод грезы перерезал,
И Зайцев послал по столам через зал:

«Стихи пишу
Я только ночью.
Они днем не
Даются мне.
Но погодите,
Я воочью
Их напишу
Вам на листе».

46

В ожиданьи ответа он вычел налог
И, вписавши девятку кому-то в дѣбет,
Нашел, что с очками и в профиль — Блох
Паразительно похож на девять.
Но линией канцелярских пешек
От стола к столу, от абзаца к абзацу
Летела состряпанная депеша:
«Срочно. Секретно. Товарищу Зайцеву:
Зайцев слышал раз во сне
Чум-чуура-чурара
Крики Чайки белосне —
Куку».

Престиж поэта стоял на карте:
 Все хохотали, уйдя в счета.
 О, если бы это случилось в марте,
 Весной, когда разлито вдохновенье. . .
 Прошел Поповский и прыснул: «Читал?»
 Зайцев чувствовал, что летит в омут.
 Так нет же. И вздулись, и прынули вены!!
 Так был создан «Ответ на экспромт»:
     «Любезный друг!
     Не думай ты, что я
     На все стихи
     Вниманье обращаю:
     Без рифмы вся
     Эпистула твоя —
     Я ж их лишь с рифмой
     Почитаю».

Расходы на 1-е: пара яиц,
 Обед из двух, стакан какао
 Плюс неизвестно куда — тридц. . .
 Итого: 33. Хаос!!!

Комсомолец Васёк уже нес ответ,
 Но миру не суждено было знать,
 Что потеряла бы нынче казна
 На этой классической переписке:
 Картышев двинул плечищами дверь
 И, сцапавши за ухо Ваську, пискнул:
 «Не в дружбу, а в службу: узнай-ка, жиган,
 Не у себя ли товарищ Каган?»

Товарищ Каган был членом правленья
 (Тряпичный пиджак на снежной сорочке).
 Входит Картышев: «Аа! Сережка.
 Что это ты глядишь сентябрем?»
 — «Нервы шалят». — «Ого, у тебя-то?»
 — «Тут не до шуток: наше полено
 Двинуло Мэку такого ультимата,
 Что хоть сейчас принимай бром».

«Именно?» — «Онисим Кондратьича убрать,
 А его дирехтором». — «Вот как? Ага. Ну?»
 — «И тому прочье. Да ведь он Кагану
 Прежде всех заявить бы должон». — «Дело не в формальностях». — «То-то,
 что у форме;
 Ведь Северьяну Онисим брат.
 Более больше того: уж он
 С этим выходит как с лучшими форами».

«Ну?» — «Вот те ну. С соблюдением правил
 Наркомтруда одному, мол, уйтить.
 Понял? А Кроль, дескать, дело направил,
 Вызвал доверие северян,
 И стало быть, только нужон Северьян,
 А уж Онисим, конечно, тожа
 Работник что надо, да, сучья сыть,
 Они, вишь, сработаться досе не могут».

Каган, ни слова не говоря,
 Хотя во рту окислялась пуля,
 Разбрызгал подписи с чыми-то в ряд,
 Вызвал секретаря и вышел.
 Мэк удивился: «А я к вам с буллой:
 Хочу вот Кроля в директора.
 Оказывается. . .» — «Да-да, я слышал,
 Но это, простите меня, на ура;

Онисим Кондратьич в меховом мире —
 Личность легендарная, авторитет.
 А Кроль? Ведь это партийный повеса:
 За два года десяток профессий».

Мэк изумленно застрял в бороде:
«Прежде всего мы нуждаемся в мире —
Они не дружат, партиец и «без»,
А мы-то, надеюсь, глядим не с небес?»

54

А что до легенд, то я реалист:
Гарц с легендами Гете и нации
Имеет ввысь — 217,
А Вульворт-Бильдинг, всеобщий агент,
310 без всяких легенд.
И наконец — да где ж это видано?
Нет, дорогой, вам просто завидно, —
Возьмите перо, и вот вам лист».

55

И Саввич гадал: «То ли я глуп,
Глупее самого сивого мерина,
То ли, гипотезу эту лелея,
Мне испытать судьбу Галилея?»
И он зашагал в студенческий клуб
Прямолинейно и равномерно
И в секции бокса — в бога и в душу —
Бил набитую тырсой тушу.

56

Коричневый мишка из мягкого плюша,
Накрепко сшитый, смешной, неуклюжий,
Лежал под диваном. Там он и жил.
Над ним шумел фешенебельный угол
Ванек-Встанек, паяцев, кукол
В глухом недовольстве диванных пружин.
Но плюшевый мишка покуда не дрыгал,
А пуговичками уставился в книгу.

V 1927
Коктебель

ГЛАВА 7

Кипит наш разум возмущенный.
«Интернационал»

1

ТОВАРИЩУ МЭКУ

Товарищ Мэк!
Имею смелость к Вам обратиться
Без реверансов и прочих помех —
Просто, как партиец к партийцу.
Начну прямо. Нас потрясло,
Что Полуярова сдали на слом,
А место с ответственной ролью
Будет отдано Кролю.

2

Вы очень щедрый, товарищ Мэк.
О Кроле не буду — тут просто смех;
Но за Онисима сердце ноет! . . .
Я понимаю его хорошо:
Он горд, неуживчив, по-своему узок,
Запутался в интеллигентских узах,
Но это особый тип — коммуноид,
Который с нами пойдет на рожон.

3

Он чует ноздрями за сотни верст!
В мозгу ж у него — номерки теорий,
И всё это, знаешь, можно не слушать,
Но коли о мехе — развесьте уши:
Большого специалиста нет —
Он знает пушнину от «А» до «Z»,
Он скажет, взглянув на остриженный ворс,
Откуда зверье и год им который.

4

Это последний интеллигент,
Которых буржуи не дорастили.
Прежние ездили в Иену, в Гент
И нюнили там о судьбах России,

А он Россию знает норой,
Он из Европы бежал в революцию,
И ежели Рудины — «лишние» люди,
То Полуяровы — «нужный» народ.

5

«Нужные люди!» О них мечтал
Капитализм семи поколений,
Покуда на Русь многоумные немцы
Ездили с Рейна, плавали с Темзы.
Но вот наконец буржуа поколели,
А нам в наследство достался металл
Заказа капиталистической лавки,
Но еще годный для переплавки.

6

К примеру, Онисим. Он в Упсале жил,
Когда над страной разразился Октябрь.
Он шведской фирме отлично служил
И мог капиталчик нажить в Европе.
Но он прилетел. Голодный и в робе,
Боем пошел на обломовский табор,
Тогда как другие ушли в саботаж.
Клянусь Ильичем, это парень наш!

7

Конечно же, он в политике слаб,
Т. к. не занимается ею,
Как, например, подборкою лап.
Но нашу цель, нашу идею
Он принимает на все на сто.
И вскорости кастовой чести настой
Сменился бы коммунистической призмой;
И это, товарищ Мэк, не каприз мой.

8

Каждое дело надо знать.
Один знает мех, другой революцию.
Я сам, хотел подзаняться на ять,

Штудировал Брема, подзубривал Лютце,
В лабораториях ел и спал,
Пока в «отрывисты» чуть не попал,
Завяз в нагрузках до исключения —
И коли не выдержу — брошу учење.

9

Но это я! профессионал!
Как бы сказать, инженер-идеолог,
Диплом которых не менее долог;
Но если б я меховщину узнал,
То, оставаясь опять коммунистом,
Жизнь свою бы отдал куницам.
Пойми, что тут разделенье труда:
Примесь иная, но та же руда.

10

Прости, товарищ, что так говорю:
В наше время надо доказывать,
Что вымя не опухоль, ноздри не язвы:
Стесняться тут нечего. А коли вру —
Ну, что ж — председатель теперь не гроза ведь:
Со службы не сгонишь. Пишу, как дышу,
Сдаваясь не всякому падежу.

Зав Секцией Суслика
Павел Саввич.

11

Рыжий медведь, босой, дюжий,
Прихрамывающий от неуклюжести,
Хрюкая, брел по талой тропе.
Он славно хромал, не длинней, не короче,
Отряхивая кору и репей,
Прилипшие за зиму к окорочью.
А рыхлые стопы его неуклюжья
За ним остывали лиловою лужей.

IV 1927
Томилино

ГЛАВА 8,
ЗА КОТОРУЮ АВТОР НА СЕБЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ ПРИНИМАЕТ (SIC!)¹

А результат — увы и ах! —
Добро переменяет время
Во зло, благодаянье в бремя.
О, горе внукам! О правах,
Присущих сдревле Человеку,
И речи не было от веку.

Гете

1

«Пенза.
Дорогой Северьян,
Пишу, как видишь, с места происшествия.
Дела неважнецкие. Кой-что есть,
Но «зольные», «глазки», свищи да «течка».²
Фурор производит моя аптечка
И докторский халат. У местного зверья
По смерти или до, но слипшаяся шерсть:
Не знаешь ли, что тут чему предшествует?

2

Что до резолюции Кроля о конвенции,
То не напрасно говорят венцы:
«Если еврей умен — это Маркс,
Но если он глуп — это Лева Кроль».
Впрочем, пусть почитает Аркос
И подрожит своей левой икрой.
Но уж за что уважаю Кроля,
Это за женку — вот женщина: ó-la!

---

¹ Так! (Лат.) — *Ред.*

² «Зольной» пушниной называется такая, мездра которой осушена золой, отчего начинает трескаться, ломаться и рваться. «Глазки» — белые пятна на плечах лисицы (дефект). «Течка» — облысение шкуры, снятой со зверя, застреленного в период спариванья,

Она превосходит все образцы
 Мифологии, поэзии, парфюмерии.
 Нет, представь себе: в полной мере
 Мальчик, стриженный à la «мюжик»,
 При этом тонкий женственный шик,
 Великолепно поставлена поступь,
 Вздернут носик, а уж резцы,
 Как у песка: из сахара и злости.

Кстати песцы: ведь снегу-то нет?
 А дурень песок всё белеет — и значит,
 Бой песцов, что так правильно начат,
 Будет сорван. Белый медведь,
 Волк, росомаха в этом бесснежьи
 Белую шкуру не очень занежат,
 А я говорил: нам нужен самим
 Питомник, питомник, питомник. Аминь.

Еще повторю: пушной лицей
 Необходим, как бы ты ни смеялся.
 Ты помнишь, в детстве я удивлялся,
 Зачем обезьяне руки на ногах?
 Теперь удивляюсь обратному в лице
 Нашего директора местных отделений:
 «Долой рукопожатье», на стене Ленин,
 В петлице МОПР, а дело никак.

По-моему, это большая проблема.
 Директор, быть может, душа-человек,
 Да вытянут за уши. Государство
 Вздывает неимоверное бремя,

Идет путями невиданных веж,
Тут ветер истории — и вдруг благодарствуй:
К волчьей стае с вьюгой в ушах
Суслик с мандатом идет как вожак.

7

А почему? Небольшое отступление.
Когда при мне произносят «Ленин»,
Я вижу в толпе эпохальных химер
Ум ясновидца. Да вот, например,
Как хлебороб, он поднял на вилы
Неразрешенный до наших пор
Истинно русский столетний спор
«Западника» и «славянофила».

• • • • •

8

Рабочий — Запад. Мужик — Восток.
Рабочий — Европа. Мужик — славянство.
Рабочий — грядущей Коммуны росток,
Мужик — дремучее постоянство.
Рабочий — город. Мужик — степь.
Рабочий — свобода. Мужик — цепь.
К вершинам должен поднять рабочий
Крестьянство проселков, увалов, обочин.

9

Кажется, просто? Схема ясна?
Но ведь российская наша деревня
Недаром зовется Соха Андревна:
Индустрия, государь мой, нужна!
Муза скобок и радикала!
Дабы революция протекала,
Нужно явление — да, да, неминуемо —
Интеллигенцией именуемое.

Но тут неудача. Струве, Гейнце,
 Пятый, седьмой из таких, как вы вот,
 Пред капиталом пали ниц.
 И что же? Отсюда делают вывод,
 Что всех оттенков интеллигенция,
 За исключением единиц,
 Хоть и нужна, как завод, как домна, —
 Непримирима и вероломна.

Так ли это? Так и не так.
 Наш брат для партии только мастак:
 «Коли умеет то-то и то-то,
 Пусть и дает, мол, свое мастерство».
 А мысль? Пардон: не его забота.
 Думать будем мы за него!
 Вот и решеньице. Любо-мило.
 Прицела-то дальнего и не хватило.

От слоя, привыкшего жить в идеях,
 Хотят добиться бряцанием денег
 Труда по совести, хоть без души.
 Говоря прямо — работы машины.
 Не так ли, сжимая в кармане гроши,
 Бредут по бульварам иные мужчины
 И, ощущая пламень в крови,
 Ищут лобзания без любви?

Зачем я пишу это всё тебе?
 Не знаю. Тебе-то легко живется.
 Ты ненавидишь красные звезды,
 Ты не грустишь о народной судьбе,
 Тебе от партийных ошибок не горько.
 Не принимаешь — так и живешь,
 Сам себе и народ и вождь.
 «Чем хуже, тем лучше» — твоя поговорка.

Нет, Северьян. Ты меня не поймешь.
 Мне дорогá революция.
 Я так хотел бы учить молодежь,
 Отдать ей всё свое самое лучшее...
 Ты не поймешь, Северьяша. Ты зверь.
 Ты затаился и не перечешишь.
 А я? Для чего я развил свои плечи?
 Мечтал? Учился? Верь не верь —

Я нынче лишен ощущения дома.
 Мы саардамцы отныне. Для нас
 Россия просто физический атлас.
 И сколько б газета с виду ни сваталась,
 Абстракцией гуманизма плёнясь,
 Этот спектакль — одна истома:
 В печати, посмотришь, чуть не объяться,
 На деле — холодные рукопожатья.

А нищая республика, где бить бы затор
 Дружной скупостью, коли не ссудой, —
 Сократив штаты, на каждом нерве
 Содержит гяура и правоверного;
 И Кроль, который не знал, егоза,
 Ни рынка, ни зверя, ни Маркса, ни аза —
 Сосет свои 200 рублей за то,
 Что мешает работе. Ну ладно, не буду.

Что у вас? Как? Здесь попросту скверно.
 Грустно, тоска. Пошел было в сквер, но
 Кроме лермонтовской головы,
 Зеленой от ягеля, нет утешенья.
 По новой привычке ухожу в чтение —
 Читаю. . . «Мцыри». Ну, знаешь — увы:
 Трудно дается — буквально упарился.
 И кроме того — там ляпсус о барсе.

Барс на Кавказе? Это курьезно.
 Летопись об Иоанне Грозном
 Говорит: «Бысть вельми крепконог
 И храбросерд и силен, аки пардус»,
 Т. е. леопард. Его северный адрес
 Мог поюжнить. Но барс? Невдомек.
 Но барсу нельзя отказать в победе:
 Он взял Кавказ и в энциклопедии.

Впрочем, о четкости в нашей стране
 Говорить не приходится. Каждая мелочь,
 Мягко выражаясь, имеет смелость
 Каким-то боком быть в стороне
 И, словно на стенке солнечный заяц,
 Существовать, стены не касаясь.
 К примеру, пушнина. Ведь до сих пор
 В России путают «бобр» и «бобер».

Бобр речной (rodentia) — прост:
 Это грызун, хоть из самых отличных;
 Морской же бобер (capivora) — хищник,
 В сравнении с первым он белая кость.
 Однако послушай крестьянский хор:
 Ничтоже сумняшеся дуют от печки —
 «Как во той во *речке*
 Купалси *бобер*».

Ты знаешь — я трачу на это здоровье.
 Читал я где-то поэму «Рысь».
 Мой визави, дело было в вагоне,
 В белом свитере русской вигони,
 С обликом видимо смешанной крови,
 Стал демонстрировать резвую рысь,
 Преподнеся мне свое откровенье,
 Что «Рысь», мол, не рысь, а история гения.

В двух словах: речь идет о том,
 Как рысенок, покинув логово,
 Из глуповатого и полуголого
 Выелся в зверя, и как потом
 Он всё еще рос в какого-то вундера
 Дивных, невиданно красных мастей,
 И как, не заботясь уже о мясе,
 Терроризировал боры и тундры.

Ну, что ответить, дорогой братец,
 Что это явление аберрации,
 Как палевый соболь и пестрый медведь?
 А гений для важности? Как же — ответь:
 Их много. Пожалуй, поймают с поличным,
 Обзовут ЧИПом и ограниченным,
 И, насладившись, заявят вкратце:
 Сами вы аберрация.

Кстати о рыси. Давай ей фосфат:
 Боюсь, что зубы у ней рахитичны.
 Кроме того, как приедет сват,
 Отдай натаскать на охоту за дичью —
 Тут очень поможет черная шерсть.
 Говоря по секрету, я твердо считаю,
 Что она — морфа, и лет через шесть
 Черных рысей я выведу стаю.

Не веришь? Пари. А впрочем, ты скептик,
 А я и поныне в алых очках
 И пьян идейкой одной, как оргией:
 Я, например, решил при Пушторге,
 Взяв с Наркомзема и банка по лепте,
 Создать городище песцов. Но как?
 Без всяких слуг и питомников. Просто .
 Выбрать на Ледовитом острове —

В 70 с. ш. и 40 в. д.,
 Вывести племя пеструшек из Норвегии,
 Которым не выплыть в этой воде,
 Пустить семью голубых — и во льду
 Остров будет песцоваться вовеки.
 Конечно, дело не в одном фураже —
 Но всё остальное возьмем на лету.
 Ну-с, как ты смотришь на этот прожект?
 Не правда ли, он... (Извини, стучатся.)

Дорогой Сев. Получил сейчас
 Твою информацию. Что за несчастье.
 Не для меня — для дела. О, господи,
 Опять этот Кроль, этот принц на час.
 Правда, немало стоило слез, поди,
 Угодливых хихиканий и партийных поз
 Выклянчить для себя этакий пост.

Добро бы уж был я буржуй иль офицер,
 Косился бы в сторону, надеялся на что-то;
 Добро бы Кроль был полон заботы
 Спасти от меня хоть того же несца —
 Ну что ж, как-никак, это был бы прицел;
 Но в том-то и штука, что здесь конкуренция
 Спеца и лица, обладающего рентой
 Хотя бы в виде должности, где нужно спецá.

Но как же... Как без меня Пушторг?
 Как я без него? Из канабры да в орг,
 Из мелкой ямки в глубокие лузы
 Я шел и вязал животворные узы —
 И вот поверил в Пушторг зверобой —
 Русский, зырянин, тунгус, юкагир.
 Пушторг спекулянта унизил собой.
 Он вырос над ним, как военный лагерь!

Сев! Что будет с нашей страной?
 Одним своим боком рванувшись вперед
 К светлым туманностям социализма,
 Она повернулась другой стороной
 Опять во тьму допетровских бород,
 К опричнине, местничеству — и сквозь призму
 Обоих призраков не отгадать,
 Куда приведет мудреная гать.

Ну, ладно. Допустим, что раз навсегда
 Я слезы свои промокашкой вытер.
 Теперь о будущем. Еду в Питер
 К мистеру Куку в его «Франкюрюсс».
 Он меня знает, должно быть. Да:
 Ты уж не шли мне более писем.
 Итак, прощай. Не впадай в грусть.
     Обнимаю тебя.
                                 О н и с и м».

Слышал ли кто рычание тигра,
 Облавой выгнанного за тайгу?
 Он тихо картавит, он каркает тихо,
 Месяцу жалуясь, как на духу
 И это страшнее грудного грома. . .
 Он плачет, языческое божество!
 В такие минуты медведь огромный
 И тот за версту обходит его.

VI 1927
Коктебель

ГЛАВА 9

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!

Пушкин

1

Х. Мэк
Председатель правления
Акционерного О-ва «Пушторг»
на №:
Дата:
О чем:

РАВЕННА

П. САВВИЧУ

Милый товарищ!

Хоть ты из меня умиление исторг,
Но с Мэком, знаешь ли, каши не сварить:
Я с первых же строк своего письма
Буду браниться, и даже весьма.

2

Стыдно тебе, при твоей отваге,
Не отстаять законнейших прав
Юноши на учебу. Поправ
Раз навсегда обучение в вузах
Ради сомнительных ваших нагрузок,
Ты этим лишишь пролетарский лагерь
Квалифицированного ума:
Ученье свет, неученье тьма.

3

Прости, брат, что формулирую так:
В наше время не грех доказывать,
Что вымя не опухоль, ноздри не язвы.
Но переходим к повестке. Итак,
Слушали: «Дело Кроль — Полуяров»,
А также о щедрости. Звонко ударив
По моей скаредной, что ли, струне,
Ты отзвука всё же не вызвал у ней.

Да, я скуп. Отпираться не стану.
 Кто, научившись подборке лап,
 При этом остался в политике слаб,
 Тот республике не по карману.
 Как ни держи молодца на струне,
 Свои у него обертоновые нотцы,
 Не доглядишь — и парень стране
 Очень дорого обойдется.

Политика, друг мой, не ремесло,
 Как пчеловодство и медицина.
 Это, мой друг, рулевое весло,
 И ежели сей разлюбезный мужчина
 Онисим Кондратьич, не видя пути,
 Плывет по наитью в открытое море,
 То челн его испытает лишь горе:
 С морской стихией, дружок, не шути.

Конечно, ты вправе спросить: так чем же
 Выгоден Кроль, а не этот мой жемчуг?
 Причина серьезная. Кроль — коммунист.
 Пускайся с таким в путешествие морем,
 Об азбучных истинах мы с ним не спорим.
 Услыша в снастях оглушающий свист,
 Не станет же он вопрошать, робея:
 «Это циклон или голос Борея?»

Да Кроль, наконец, наловчился как спец.
 У Полуярова только спесь,
 А у него обширные дали!
 Взять хоть суслика. Что он? Пустяк!

А Кроль эту шкурку из жалкой детали
Поднял в пушном нашем деле так,
Что Кроля стоит воспеть на гусях:
Корову подарит крестьянину суслик.

8

На этом и точка. Конец полемике.
Знаю: Кроль не профессор. Ну, что ж.
Я и не прочу его в академики.
Он будет работать, пока молодежь,
Пока, ну, хоть тот же юноша Саввич
Пушнину не вызубрит назубок.
А коли идейно Кроль не глубокий,
То мы-то, мы для чего же, красавец?

. . . . .

9

Нет возражений? Постановили:
А) увольнение оставить в силе;
Б) Кроля считать как врид;
В) поставить студенту на вид
В отношении наук немарксистский модус.
А в заключение — да здравствует молодость,
Такой-сякой молодой человек!

С ком. приветом

Х р и с т и а н М э к.

10

Кабаниха с колючими кабанятками,
Головоноженькими и сладкими,
Тешилась у заливного пруда.
Она улыбалась, уставя копытца,
И слюнями капала доброта.
А на опушке, не смея забыться,
Готовый услышать тревожный клик,
Кабан точил кудрявый клык.

VI 1927

Томилино

ГЛАВА 10

Бобринька-бобруня,
Бобрушечика
Уж бежал, бежал,
Уж дрожмя дрожал.

1

Карточный город Пиковой Дамы
Под небом холщовым своих декораций,
Дворцов и каналов с пустыми водами,
С тенью, где каждый — лицейский Гораций,
С муниципальной луной на крюке
Стоял, обернувшись фронтоном к реке,
Которая плавно плыла за кулисы,
За памятники эпохальных коллизий.

2

Там на Сенатском плацу Россия,
Голландским жестом подъятая высь,¹
В перчатке декабрьского кирасира²
Сперва переходит в нервную рысь,
Чтобы на Знаменской густо и яро
Храпеть под пузом того самовара,³
«Чей сын и чей отец народом казнены,
И кто, пожав удел посмертного бесславья,
Торчит здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярем самодержавья».⁴

3

По этой кривой, но в обратном порядке —
От Александра и до Петра —
Лихо в 11.20 утра

---

¹ Памятник Петру I.

² Памятник Николаю I.

³ Памятник Александру III.

⁴ Стихи Демьяна Бедного, выбитые на цоколе памятника Александру III.

(Московский скорый) катили санки,
Где с мощным обликом русского янки
Желтый от бессонницы гражданин
Золотым перышком в красной тетрадке
Распределял очередные дни.

4

Полярной Венецией — Ленинград,
Насквозь пронизанный горькой обидой,
Плакал брильянтами (капля — карат);
Золотом сервировки обитый,
Ныл он, переходя на вой;
Отодвинутый новой Москвой,
Он что-то бубнил про барокко, про Винчи
Паркетной столицей музейных провинций.

5

В нем что ни встреча — ареопаг:
Как драгоценный санскритский опус,
Он ощутимо прахом пропах,
Грибками высокородных чайний;
Черни дактильных окончаний
Объявил он запрет и заклёв,
И в клетке на ветхом окне в Европу
Цветным щеглом свистал Гумилев.

. . . . .

6

Одесса играла в Лос-Анжелос
Романтикой Мотек из Дальнего Запада;
Крым бродил от кислотного запаха
Курса червонцев и готских монет;
Москва, забыв о Мане и Моне,
С пером за ухом ворочала делом —

И всё это как-то сплеталось, сжилось
В прокатном литье легендарным гуденьем.

. . . . .

7

Стояли стеклянные холода,
Горячие, точно ветер в июле.
И когда гость
Из вестибюля
Взошел по лестнице сизого льда,
Где затонули лунные лампы, —
Лицо его ожило. Этим глазам бы
Не приписали нервной тоски —
И только трубка зажата в тиски.

8

У черной в золоте бемской таблички
Он оглядел себя. Серый в полоску,
Морзевского пунктира, без лоску,
Схваченный в талии штатский костюм
Имел напряженно-военное обличье
И при движеньи железный шум.
В матовом стиле его блистали
Часы на руке и глаза из стали.

9

У таблички надпись: «Милостивый государь.
Время — деньги. Я крайне занят,
Поэтому, предрассудки отбросив,
Заране отвечу на ряд вопросов:
«Здравствуйте. — Здравствуйте, садитесь
сюда.

Как здоровье? — Вполне окрепло.
Мерзкая погода. — Да, наказание.
Чудная погода. — Великолепно».

У ног президента борзая: Оуэй.
 Кук писал. Поверхность стола
 Дымчатой толщей стекла отражала
 С хвостиками горностайные брови,
 Детский портрет и античные тела.
 В камине с треском угасло жало,
 И, встав, чтобы снова разжечь его,
 Он уставился на вошедшего.

«M-r Poloujaroff, — сказал он, — n'est ce pas?
 Enchanté de fixer ce premier pas,
 Qui me fait possible de serrer votre main
 Et de complimenter vos actions glorieuses».
 — «Nos victoires sont trop douteuses».
 — «Oh! Nous sommes assez fines-mouches
 Pour distinguer dans la poix farouche
 Le succin gras de votre demain».

«Vous êtes un artiste!» — «Seulement gaulois».
 При этом в поклоне мистера Джошуа
 Вылезла американская прошва.
 — «Vous me prouvez encore une fois
 Toute la finesse du genie français
 De son esprit et de ses pensées».
 — «Hélas! Mon metier de fourreur me ramène
 Souvent á des rêves de la race sibirienne». ¹

---

¹ «Господин Полуяров, не правда ли? Я счастлив приветствовать этот первый шаг, дающий мне возможность пожать вашу руку и выразить уважение вашей славной деятельности». — «Наши победы слишком сомнительны». — «О, мы достаточно проникательны, чтобы увидеть в дикой смоле — жирный янтарь вашего будущего». — «Да вы артист!» — «Я только француз». — «Вы лишний раз убеждаете меня в утонченности французского гения». — «Увы, моя профессия меховщика заставляет меня часто завидовать сибирской расе». — *Ред.*

Однако уже через несколько фраз
 Забыв о «грезе сибирских рас»,
 Телефонограммой пушной король
 Отправил депешу в Париж,
 Где колкие «К» (Мэк, Кроль)
 В плавных «Р» (Рамон, де Риш)
 Свелись к четырем нулям, ибо Джошуа
 Своим овчаркам платил недешево.

И дней через 6, получив бумаги,
 Онисим двинулся в Константинополь.
 В Москве на вокзале виделся с братом.
 Тот говорил о беде с аппаратом,
 Отсутствии снега, о черной магии,
 Какую Кроль даже Урса ухлопал,
 И получил, удивившись слегка,
 Письмо: «Полуярову от А. К.».

Сутки Онисим ехал один,
 Отлеживаясь на верхнем матрасе.
 В Киеве сел густой гражданин
 Из черной пары и желтых ботинок,
 Очень широкий в плечах. На руке
 Вытравлена акула в реке.
 Поговорили сухо и вкратце:
 Фамилия спутника была — Лошадиных.

Под Мелитополем в красном агате
 Спального фонарика дулись в кун-кэн.
 Полуяров плошал. Воображенье изуверца
 Путало счет и вставало кто кем:

Четверка трэф казалась гатью,
Где в снеге загружен тигровый прыг,
Галочьей стаей — семерка пик,
А туз червей — увы, собственным сердцем.

17

На станции Гуляй-Поле Онисим
Всматривался в темноту. Гулял
Махновский хохот, и дикая степь,
Седея туманом, встречала гостей.
«Правда ли, — произнес он, — что здесь
Был, так сказать, всебандитский съезд,
На котором застрелен каким-то киргизом
Узнанный большевик Улялай?»

18

Лошадиных мрачно захохотал
И пальцами стал по стеклу барабанить.¹
Поезд тронулся. Между отар
Овец и коз в товарных составах
Жужжали курганы, кружились горбами. . .
Навстречу рельсам, свистя в суставах,
Дула с моря по обе стороны
Влажная еще от крови история.

19

Онисим лежал и глядел в окно.
Фонарь мигал внутри и снаружи.
Сильней и сильней нагревала уши
Душная сухость паровых труб.
В мокром поле было темно.

---

¹ См. эпопею «Улялаевщина».

Онисим думал о страшных тайнах,
Здесь похороненных, об отчаянных
Битвах, о зимних походах — и вдруг...

20

Черные всадники с буйных коней
Во всю темноту из конца в конец
Со свистом, свойственным пике и гону,
Вдруг поднялись к вагону, к вагону.
Один, с обожженной дырой во лбу,
Припал к стеклу червивостью губ:
«Поручик Байков. Застрелился в бою.
Прошу, разыщите старушку мою».

21

Другой, с горлом, зиявшим, как рот,
Хрипя забульбулькал: «Мамаев, комрот.
В бою проморгал я секунду литуую —
Прошу, разыщите мою молодую».
Со свистом и воем, давая гону,
Во всю темноту из конца в конец
Неслись, неслись бурьяном к вагону
Мертвые всадники с мертвых коней.

22

Онисим как зверь застонал и очнулся:
Морская синь, золотясь, как бульон,
Варила солнце в себе и сама
В нем испарялась. В небе зима
Увязана в снежное облачко. Улицы
Мягко раздували солдатское белье,
Бастионы, броненосцы, последний тополь —
И поезд шепнул: «Тсс... Севастополь».

Чистый казарменный городок,
 Построенный конусом альфою вниз,
 Страдающий тесной боязнью пространства
 У самых зорей взволнованных странствий.
 Там все дороги ведут в док,
 Там пушка ухает: «Эй, не пора бы ль
 Всем циферблатам хором звонить?»
 Городок-башня мышей и парабол.

Там же, у мола западной гавани,
 Важно готовился в дальнее плаванье
 Осевший на корму черный отель
 С белыми буквами имени «Reef-Rock»,
 С красным килем в латинских цифрах,
 Играющим под водою, как жидкость.
 Груз его: мясо, сало, жито,
 Соль, мех, ель.

И вот растаял последний удар,
 Последнее русской страны условие.
 На палубе турки типа дюшес,
 Контрабандой заткнутые до ушей;
 Евреи, едущие туда,
 Где Ройтман теперь уже мистер Роут
 И где, как известно по южной пословице,
 Рыба сама заплывает в рот.

На самом дне — от салона диванной,
 Где пианола и столики шахмат,
 По коридору двери кают.

Медь нумерации, жаром ударив,
Отсвечивала пароходный уют,
Напоминающий праздность ванны.
Каюта 4 — «О. Полуяров».
№ 5 — «Лошадиных и Ахмат».

27

Оба дипкурьера держались на струне,
От всех и каждого в стороне,
Не исключая того же Онисима.
Последний в свою очередь держался
независимо,
Тем более, что спутник, встретясь, прошел,
Кивнув головой, но избегая расспросов.
Медь нумерации, блики разбросив,
Осыпала самоварный порошок.

28

Предчувствием качки заранее измотанный,
Онисим спустился к себе и лег.
Он взял юмористический журнальчик
«Блестки»
В ажурных окружностях желтых пятен
От донышка чашки (он был опрятен).
Страница. Другая. Шарж. Диалог:
Д и т я. «А зачем у тигра полоски?»
М а т ь. «Оттого, что в клетку не модно».

29

Как зданье в тумане, вмиг озарясь,
Становится четким в любой детали,
Пушторг в своих стеклах, бетоне и стали,
Надежда столицы, надежда зырян —
Качнулся в каюте, просвеченный стулом,
И Полуяров, к плескам и гулам
Вмиг равнодушный, порывисто встал,
Прошелся, раздумчиво засвистал.

616

Мэк уверен, что Кроль — пушник,
 Кроль — карьерист и растет на шашнях,
 Маслов — контр, брат — саботажник,
 И вообще — полудикий зверь.
 Покуда Онисим кружился меж них,
 Творя, влияя, советуя, требуя —
 Был он ключом этого ребуса,
 Был. Так. Но что же теперь?

Он застонал. Интересы Пушторга,
 А с ним и республики, ждут от него
 Работы ударной, живой, огневой,
 Тончайшей как пена, твердой как штык,
 Но дело погубит эта четверка.
 А он — он бессилен. Он смят. Он затих.
 Но как разобраться в новых сомненьях:
 Кто же теперь он — боец? изменник?

Республика ищет валюту. Он же
 Должен ввозить из Ангоры козу,
 Чтобы использовать модный зуд,
 И русское золото гнать за границу.
 А вместо того, чтобы сделать тоньше
 Стиль сортировки — он будет скупать
 Рублевые шкуры копеек за пять
 И также к парижскому гнать граниту. . .

И зверобой, кому невтерпеж
 Вонзать уже зубы и когти и нож
 В метель мохнатую, свирепую, как мамонт,
 Чтоб вырвать глоток горячих ключей,
 Вконец одичает от нашей бездарности;

Эх, Прометей! Тебе дано жар нести,
Ты же впадаешь в казенный регламент
Для директории мелочей. . .

84

Вдруг — дверь! Трое в масках.
С маузерами — у каждого два.
«Руки вверх. Ваше оружие».
Он поднял руки и сел на диван
С неощутимой нервной гримаской.
«Это не тот». Вышли. Снаружи —
Пауза. . . Грохот. . . Падение тел. . .
Он, подняв руки, тупо сидел.

85

Но вмиг озарило: «нуmero 5».
Дип-дип ура — курье. . . Опять!
Ринулся! Ах, ты. . . Дверь отлетела:
Трое палят, отойдя за косяк. . .
Как развернется — рухнуло тело!
Второго за зуб о колено — крак! —
Движением тигра неуловимым. . .
И только третий закрылся дымом.

86

Стало неестественно легко и приятно.
Так вот она, смерть. . . Но уже поутру
Он с неудовольствием очнулся в опрятной
Амбулатории. «Помог же вам бог!
Контузия сердца и обожжен бок».
Но «Reef-Rock» ревел изо всех своих труб,
Волна утоляла над пеною опыль —
В жемчужине лился Константинополь.

Амфитеатр райских садов,
 Пиний, туй, кипарисов, эбена,
 Мраморных кладбищ, небесного неба
 Плыл навстречу. И Ая-София
 В струях минаретов явилась впервые
 С арабским месяцем над седой
 Банею зданий в кущах оливы
 У лимонадного залива.

В белой до боли коммерческой гавани
 Сутолока и дымок гаваны.
 У будки менялы — дискантный раж:
 Пенни, копейка, сантиметр и крейцер.
 Букет языков. Турецкий страж
 Берет на-краул с жестом отчаянья
 Пред mopсом каждого англичанина:
 На рейде дымится британский крейсер.

Самые улицы — пестрый базар.
 Женщины, дети и попугай
 С криками ссор, никого не пугая,
 Стоя летят. Атаманские станы
 Гонят коз, жарят каштаны,
 В прохладе кофеен играют в зар,
 Пока рисовальщик наносит профиль, —
 И всюду запах жженого кофе.

И всюду ослики. В их тени,
 Забыв о казусе Апулея,
 Сидят сады с гниущею сикой,
 Медная кухня горячей мастики
 На шее далмата бредет по аллее,
 И лирами дремлют турецкие дни,
 Перебирая тембры столетий,
 И выются галчатами сербские дети:

«Врабац пипац,
Врабац пипац,
Да ми старац
Шрап да,
Да истером
Врабца
Пипца
Из бопча».

41

Но северный берег, отлогий и в перьях
Белых волн меж карточных дач, —
Пустынен и глух. Северный берег...
Берег идиллий, берег судачеств,
Кефалей по-гречески в помидорах,
С перцем, с лимонцем, который так дорог
(Четыре пара), берег сам-друг
Желтых закатов ¹ и желчных старух ².

---

¹ ЗАКАТ

У верблюдов надменных шелудью
Алеет истертый пах;
Фелюга, которой в Хавшел иди,
Зажглась в вечерних огнях,
И закат под мраками черными
Будто в крыльях траурных стай,
Будто огромными воронами
Ощипываемый попугай.

² СТАРУХИ

Когда задует ноябрь,
И море всосет небосклон,
И, бочком отбегая, крабы
Зароются в зимний сон;
Когда в устрицах и пухе
Прорастает дырявый камень,
Тогда выползают старухи,
Обросшие грибами.
С бородой, на гусиных лапах,
Под турецкими платками
Ковыляет под норд нахрапый
Их треугольный орнамент —
И в свиных глазках на веках,
Оттянутых, как губа,
Воспаленно глядит от века
Дремучая судьба.

Но Пэра¹ с подземной железной дорогой,
 С отелями под респектабельный тон,
 С пассажирами конфексионеров — строго
 Держалась на Запад. Лишь иноходец,
 Нанятый вами на бирже, да стон
 Хозяина, бегущего на барабанном ходе,
 С отчаяньем ухватившись за хвост, —
 Свидетельствуют, что курс не прост.

Полинка, помнишь Константинополь?
 Когда мы с тобой, чтоб мама не знала,
 Ели улиток у тетки Маньо,
 Которая в ситцевом кимоно
 Жарила их на ведерной жаровне;
 И как потом у Чертовки Петровны
 Мы выгружали запас из пенала
 Под радостный тсс... и паузный вопль.

Тогда была бездна дохлых собак,
 Чем-то подобных римской волчице.
 Им было за нами не лень волочиться,
 И каждый пес виртуозно ловил
 Из рук, из губ, — и всё это с грустью,
 Но жадно, да так, что торчало в зобах...
 И всё же, и всё же я их любил
 За то, что умели лаять по-русски.

Онисим уже не застал собак,
 Но славный принцип торчанья в зобах
 В Стамбуле остался. Не требуй гарантий,
 Держись за карман, а кастет надень:

---

¹ Главная улица.

Аверченковские эмигранты
По-волчьи ступают на вашу тень
От звона менял до обратной погрузки
И также умеют лаять по-русски.

46

Онисим не слышал. Онисим залег
С бешеным сердцем на две недели.
Он вслушивался, окликал «Алло»,
Но вскоре шумы ему надоели.
На третий день компресс полетел,
И ночью в кафе он читал бюллетень:
«Налетчик убит. Дипкурьеру хуже.
Кто-то из пассажиров контужен».

47

Униженный бриллиантами город
Россыпью евразийских дорог
В беспамятстве ночи играл цветами
За ювелирными стеклами стен.
Манжеты и зубы негров витали
Без рук и лиц меж пестрых гостей.
В углу отдыхало оружие джаз-банда,
И пахло сигарами и контрабандой.

48

Были здесь греки, были французы,
Англичане, американцы,
Но Полуяров, забыв о контузии,
Не отрывался от русского столика:
Там, за черной гущей Востока,
Средь ветхих споров о Марксе и Канте,
Отдаляя все голоса,
Сияли северные глаза.

Конечно, глаза — гашиш для народа,
 Как буржуазнейший соловей,
 И мой Аристарх (Ж. П. ¹ Соловей)
 В одной из лекций подобного рода
 С большим аппетитом смеялся над тем,
 Что все мы в плену исчерпанных тем.
 «Зачем, — говорит, — соловьям кипятиться,
 Если в природе есть Кооптица?»

Но я о глазах. Уверяю вас, право —
 Я женский туман размотал в черту,
 А ежели где-нибудь ножки черчу,
 То больше из принципа равноправья.
 Притом, популярностью дорожа,
 Порцию *vanitas vanitatum* ²
 Необходимо. Для тиража.
 У меня договор с Госиздатом.

Итак, вы помните женский портрет
 Романтических поэтов? Алебастровая маска,
 Где волосы из золота или из ночи,
 Сапфирно-изумрудно-агатовые очи,
 Достойные разве только мазка
 Леонардо да Винчи да Айвазовского —
 И вся она тень, виденье, трепет,
 Гаданье из женского воска.

Этого сказать о незнакомке нельзя:
 Она была прехорошенький мальчик,
 Одетый в пушистое женское тепло;

¹ Жозеф Петрович.

² Суэта сует (лат.) — *Ред.*

У ней с деловитой морщинкою лоб
В римской челке и пористых смальцах,
Немного расставленные глаза,
И, наконец, отпустил ей всевышний
Вздернутый рот, как черные вишни.

53

Я мог бы, читатель, вас угостить
Перчаткой из серебристого шелка
С пальцами, где процарапана щелка,
С черными кантами у кости,
С кисточкой, точно на ушах рыси,
С пуговицей, где отбито «Лариса»,
С запахом выдуманной весны,
Где мифология, где сны.

54

Пока на эстраде поют «кукареку»,
Я мог бы, подобно Тулуз-Лотреку,
Изобразить, как вьюгой песок
Опенивает полудетские плечики;
Порассказать о родинках, или
Дать ее ножки, из тех, что бродили
На полях пушкинских рукописей —
Мог бы, конечно, — да делать нечего. . .

55

(Вздых.) Мне нравится кожаный чулок,
Работник женотдела с наганом и ваксой.
Хотя у ней кепи уродлив и старящ,
Зато уж она настоящий товарищ,
И с ней приятно залечь в лог,
Отстреливаясь под завесой густою,
Но, извините меня — целоваться
Предпочитаю с кинозвездой.

624

Женщины Запада, вы, буржуазки,
 Глория Свенсон, Барбара ля Мар!
 Пока на кино хоть копейкой владею —
 Вас не отдам под колеса идее!
 Что из того, что август не март,
 Что из того, что вы в пудре и краске?
 Да здравствует краска, если она
 На обаянье наслоена.

Женщина. Шутка ли в этом слове?
 Недаром столько легенд и пословиц,
 Баллад, уголовщины, самоубийц —
 Или, быть может, стыдно любить?
 Или, быть может, это неважно —
 Шарм Парижа и голая Тверь?
 Тогда уж давайте влюбляться в дверь —
 Ведь есть же и в ней замочная скважина!

Нет, революция не с тем, кто требует
 Преданно славить наше отрепье,
 Не с теми, кто хочет поднять на щиты
 Социализм нищеты:
 Ведь лучше плетня резная ограда,
 И выше раешника звонкий сонет, —
 Не притупляйте у пролетариата
 Жажды того, чего у нас нет.

Евгений Ней обмолвился как-то:
 «Мы рождены, мол, давайте жить».
 Он прав. Не во имя ли этого факта
 В истории вспыхивали мятежи?
 Жить! Но не вечной вонью военщины,
 Жить иногда хотя бы и с женщиной...
 Но этого я не посмею сказать,
 Иначе несдобровать!

Федор Житц Житц Житц!
Федор Ф Фитаха! Житц
Чижик-пыжик, будь ты птицей
Не летай ты кверху житцей
Теодор Т.

60

Да, да. Я робок точно овца.
И ежели критики спросят случайно:
Не произнес ли автор словца,
Похожего на писателя ЖИТЬца?
Прошу вас, читатель, при всех побожиться,
Что нет и нет. И кто бы за чаем
Контрреволюцией вас ни корил —
Так и скажите: мол, не говорил.

61

Скажу лишь одно: если б сторож Архип
Надел на Венеру платье плиссе
С фестоном в оранжевой полосе
И пенистым шу на коленях по кругу —
Она б на фокстротах зевала в руку!
Перси и лядви сданы в архив,
И архибожественная жена
Просто немодно теперь сложена.

62

Иное дело моя незнакомка.
Когда в объятиях заматерелых
Под бац и цокот цимбальных тарелок
Она выводила лисью тропу¹ —
Завидя осевший бретель ее — пусть!
Жест ее, синкопически-ломкий,
Грацию чарльстонущих ног —
Сам Фидий схватил бы ваяльный клинок.

63

Онисим глядел напряженно, сиясь
Опьянить ее без вина...
«Хочу, чтобы это была Она!
Хочу, чтоб орбиты чуть-чуть скосились,

---

¹ Фоксгрот — буквально «лисий шаг».

Срезав щеки к углам губ,
Овал удлинился, снизился чуб,
И чтоб на минуту в толпе возник
Абсолютно точный двойник».

64

Онисим вспомнил про письмецо,
Подписанное «А. К.». —
Это, конечно, она писала.
Он тут же увидел ее лицо
В дымке эстрадно-ресторанного пейзажа.
Какой-то дядька, хромая слегка,
Ведет ее в самой середине рая,
От нежного запаха кос обмирая.

65

Саша... И всплыли теплые строки:
«Не обижайтесь, милый, на Льва.
Он также, поверьте, достоин участия.
Вдумайтесь только: в чем его счастье?
А Вы — ваша ясная голова
Найдет и без Кроля пути-дороги;
Свет, родной мой, не всюду черен,
Хоть вам и кажется, что вы Печорин».

66

Ласковая золотая лисица,
Ступивши на камень, лакает синь.
Над ней осыпаются рощи осин,
И модная шубка ее колосится.
Но вдруг, замерев над водой голубой,
Снова струится в лес голосистый,
Душная, как безнадежная любовь,
Нарядная, как женщина, лисица.

VI 1927
Коктебель

ГЛАВА 11

На раздольях он, уклюжий,
Со снежком балуется,
Доваландается к луже,
На себя любитесь.

1

Кроль счастлив! Британский солист
Сэр Чемберлен посвятил нам ноту,
Если не очень похожую на оду,
То в области фальши с нею о бок —
Ученый кот семьи «твердолобых»,
Отряхнув лапки о гербовый лист,
За судейскую цепь выдавая ошейник,
Отказывал нам в торговых сношеньях.

2

Остя неумолим, как танк.
В момент забастовки горнорабочих,
Когда, чтоб заткнуть торговый изъян,
Он двинул в шахты парк обезьян
И те разбежались — в одной из бочек
Был найден главный орангутанг,
Который, представясь полиции видов,
Вдруг оказался критик Левидов.

3

И здесь Коминтерн! Под горный рывк,
Заказы на уголь почти растеряв
И тем возродивши Силезию, Бельгию,
В Лиге спев сентиментальную элегию:
    «Слети к нам, тихий вечер,
    На мирные поля»
(От которой поперхнулись румын и поляк),
На крыше политики любитель романса
Затянул арию кота из Ламанча.

И русские мельницы (которые к тому ж,
Имея в Париже агентуру — «Мулен-Руж»,
Мерещились красным империализмом),
Русские мельницы, жуя понемногу,
Глазели по прибывающим письмам,
Как в колоратуре возмущенных икот
Хвостатый и черный дон-кхе-Кот
В цилиндре и монокле перебежал дорогу.

А Кроль был счастлив. Центросоюз,
Связанный с Англией сотнями уз —
Планами, товарами, кредитами, деньгами,
На всем ходу меняя свой курс,
Терпел убытки. Парижский «La bourse»
Писал, что чемберленовский штрих
Не только России ногти остриг:
Сезон упустил деньки за деньками.

А Кроль счастлив. Его восторг,
Растущий на том, что при нем Пушторг
Почти оторвался от Англии и Штатов,
И значит, козырь Онисима бит —
Дошел даже до расширения штатов.
Сейчас он герой. Полуяров забыт.
Мы ждем повышенья! И правда — не кстати ль,
Цека! Архитектор! Зав! Председатель!

Вот он сидит с женою в такси,
Капризничая от счастливой тоски,
И тараторит. Ах, если б в Аткарске
Могли его видеть Рубинчик и Барский,

Эти несчастные часовщики.
Там помнят его золотушным мальчишкой —
И вдруг он в упитанном лоске щеки,
Будто жилет из химической чистки,

8

Кроль это Кроль. Не во всех умах
Имеется министерский размах;
И не обладая позой Атланта,
Можно играть бриллиантом таланта.
Никто ж не предвидел. Они из лени
Только с Британией вели оборот,
Но надо же ж помнить заветы Ленина,
Ибо сказано: «Выше и вперед!»

9

На самом любимом пункте оратора
Такси застопорило у театра.
Кроль расплатился, помог сойти,
И с самой серьезной походкой Макс Линдера,
С лирикой мокрого от блеска цилиндра
(Которого не было) в крик «Осади!» —
Стал подниматься. Сияло синим:
Давали «Любовь к трем апельсинам».

10

Оркестр районною фабрикой звуков
В сто человек среди нот и бук'в,
Весь перетянутый струнной проводкой,
Теплел в паровых золотистых трубах,
С клапанами деревянных трубок,
С кухней медных тарелок в конце.
На бархате ложи программа. Ах, вот как, —
Оказывается, сперва концерт.

Двух вещей Лев Семеньч не выносил:
 Во-первых, мертвецов и, во-вторых, музыки.
 Надменно-мудрый игнорирующий труп
 И патетический звон труб
 Его приплющивали. Маленький, узенький,
 Усвоивший истину трех осин,
 Он опасался, что вдруг без акциза
 Может явиться тень скептицизма.

Покуда настраивали — гудки,
 Различной пронзительности, по зале
 Картавые трели свои описали
 Фиоритурой. Густое и дикое
 Жужжало литье басовых ключей;
 Горячий удар отскакивал в пальцы,
 И вдруг смолкло — и в хаосе паузы
 Эоловая виолончель.

*В хаосе паузы виолончель,
 В паузе хаоса виолончель,
 В хаосе паузы
 В паузе хаоса
 В хаосе виолон-
 Чаузы-чель?*

Он зарыдал, коричневый шкаф,
 Как плакал, бывало, вершинами хвой,
 По деке жужжала баранья кишка
 И нервничал конский хвост.
 Но забудь календарь, вчера и завтра —
 Вглядись в него с иного угла:
 Это тело сидящего плезиозавра
 С завитками раковин глаз.

Он мычит концерты Брага и Бруха,
 Нырнет в свой восьмистроичный лад —
 И в прорезь морских коньков на брюхе,
 Сквозь тяжкую дрожь газированных жил,
 Жужжащих, как рельсы; тональных пружин
 Археоптериксного колена;
 Фуриозных вибраций, помпезных рулад —
 Катастрофой обваливается вселенная.

Вот почему, симулируя кашель
 И сунув три апельсина Саше,
 Кроль укатил. Он больше не мог,
 Но если б на паперти выждал немного,
 Он увидел бы знакомый мох
 Жениных ботик и нечто двуногое.
 Скрыв лицо от метели, оно
 Об руку с Сашей мчится в кино.

Но Кроль уехал. «Что ей во мне?»
 Он знал, что Саша не претендовала
 На его время. Он не кутил,
 Но не терпел над собой удил,
 Мехами кормил жену до отвала
 И полагал, что в звоне монет —
 Золотой смех истинных женщин,
 Как бы ни воспевал их Шеншин:

И Кроль уехал. Ведь он в дренаже
 Семейных оползней зубы проел;
 «Жена» — это в сущности то же, что «на-же»:
 На-же, на-же, на, жена.

Правда, схема обнажена,
Но истина с бородой от Адама
Нам является только с годами:
Что есть мудрость? Осенняя прель.

18

Нет, Лев Семеньч отнюдь не робок:
Он не боялся измены жены.
Где? За какими такими полями
Найдет она мужа с его соболями?
Тут уже струны обнажены.
К тому же Кроль неплохой семьянин:
Сынишке он строил дредноут из пробок
И просто рыдал, когда тот семенил.

19

Маленький Алик звался — Леваль:
(Папаша Лев, а мать — Александра),
Мордаха его такова: овал...
А впрочем, стоит ли? Вырастет — изменится.
Он рос на сахаре да на вареньице
(Благо у мамы дома хандра),
Самый свободный по времени сон,
Зато хорошенько вычищен нос.

20

Впрочем, считалось, что воспитанье
Он получает вполне современное:
Отменены углы и ремень,
От папы получен широкий мандат
На часы, ножницы, том «Капитала».
И Алик усвоил властное — «дать!»
И рос и рос — и теперь на свете
Ждут своей участи звезды и ветер.

Но я не в претензии. Кто знает, как,
 По каким методам, по каким нормам
 И, главное, чем, каким еще кормом
 Следует питать социального снетка?
 Нужны ли какие-нибудь жалюзи,
 Режим какой-либо в школе и дома —
 Если от крови лошадиной железы
 Из акселотля растет амблистома?

Увы, вопрос этот рано решать,
 О нем нельзя рассуждать идейно,
 Тем более ежели наша душа
 Только и есть, что теория Эйнштейна.
 Кого же избрать образцом и премьером?
 Да вот далеко ль идти за примером.
 Ведь это же поразительно: стих
 Строится на относительностях.

Эта «советская октина», которой
 Написан читаемый вами роман,
 Взгляните — у каждой по восьми строк,
 Но каждой присущ свой особый строй,
 Особый пульс стихового мотора,
 Неповторимый свой аромат —
 И хоть элементов, как видите, восемь,
 Но всех вариаций не перевозим.

Иная на зависть всему «ПУШТОРГУ»
 Вдруг расфуфырится этакой кодой,
 Хотя бы в 30 названий зверей —
 Вырвется сплав, горящ и свиреп,
 И бронзой остынет — ну чем не ода?
 Иная ж едва доползет до шестерки
 И дальше ни-ни — мол, не мучьте меня.
 Уж очень, должно быть, бедняжка скромна.

А в юные годы я очень любил
 Чеканную форму. Бывало, кобыл
 Таким гекзамером запузрю,
 Что сам Лев Львович, словесник мой,
 Переживать убегал домой.
 Теперь же я верен зеленому сыру,
 И вы, молодые поэты, с меня
 Пример берите, повременя.

Однажды в таком-то году в Париже,
 Два художника, лысый и рыжий,
 Увидели вещи Сезанна. Голый
 «Мальчик» стоял, но рисунок косил,
 «Яблоки» оползали без сил. . .
 И вот появилась новая школа
 И множество бархатных блуз да грив —
 Сезанн же был просто-напросто крив.

Но всё ж я, признаться, коллекционер —
 Люблю раритеты и безделушки;
 В этом смысле я истинный Плюшкин,
 И хлам у меня найдется любой:
 Античное «О», даже «кровь — любовь»,
 Вплоть до нежности — честное слово,
 Так хватит ли в сердце чего-либо злого
 Стричь октавы по лекции? Нет.

Нет, «покровительствовать — по крови»,
 Девственность мэтра синкопой рви!
 О диссонанс и разноударник,
 Вы — прыжки с шестых этажей.

Пусть говорят о вас: «Это жест», —
В этом естественный щит бездарных,
Круглых, как Житц, и красных, как мак,
Почетных, потомственных непонимак.

29

О, мы знакомы! В эпоху плеяд
Не вы ли жабами капали яд,
Не вы ли вопили: «Безвкусица, фи»?
Не вашей ли желчью оплеван Некрасов?
Вы попугаям бальмонтовских красок
Свистали и требовали разграфить,
Вы Маяковского крыли матом,
Есенину выставили ультиматум.

80

Но что это? Кроль побледнел. В лихорадке
Упал на стул. Задрожала икра.
Ужели разгневанная игра
Пера моего его потрясает?
Ужели я плохо продумал характер?
Ужели мой белонегрый красавец
Принял филиппику на себя?
О, если в Кроле ошибся бы я!

81

Но нет. Рисунок по общей канве
Я вычертил верный. Над черной шкатулкой
С японской мимозой и музыкой гулкой
Нервно прыгающая рука
Еще расправляла белый конверт,
Где в самое сердце запекся корнями
До боли знакомый орлистый орнамент:
«Москва: до востребования. А. К.»

VI 1927
Коктебель
Рисунок быка

ГЛАВА ВВОДНАЯ, БЕЗ НОМЕРА

1

Карамба! Мы, кажется, сбиты с пути-с...
Поэма моя растеряла исканья:

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

А между тем — ведь эдак нельзя ж:
Я совершенно забыл про пейзаж.

2

Пейзаж — это тот граненый рубин,
Который вправляется в сердце короны.
В поэзии мгла философических глубин,
Молнии политики, ухищренно скроенные,
Только тогда вонзятся в цель,
Когда поэтизм поэзии цел —
Даже в агитке, даже в пародии.
Как же тут можно забыть о природе?

3

Но возвращаться, конечно, не стоит.
Лучше всего из различных настоев,
Если только состав не закис,
В два мазка набросать эскиз.
Что ж описать? Весну или осень?
Не по сезону. Ладно, отбросим.
Воспою зори, «Полночь» и «День» —
И пусть их монтируют, кому не лень.

4. «ВЕЧЕР»

«Рыжая тучка с оранжевым гребнем»...
Так. Хорошо. И ни звука больше.
Синяя? Плохо. Сизая? Пошло.
Рыжая! Пусть отдает непотребным!

Пусть этот вечер не пахнет молебном;
Хоть один вечер без синьки и сажки,
Читатель, давайте не портить пейзажа:
«Рыжая тучка с оранжевым гребнем».

5. «УТРО»

Алое облачко с пурпурным гребнем
В огненных шпорах с каскадом плюмажей
Орет кукареку, бодрится и крепнет,
Эмблемой Свободы крыльями машет.
За ним полыхают: заря новой жизни
И радуга, ждущая буквенный натиск —
О, где же ты, Жаров? Явись и оттисни:
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

6

(Вниманию непонимак: автор
Здесь издевается. Это правда.
Но не над лозунгом, а над тем,
Как преподносятся тысячи тем.
Ниже автор с явным цинизмом
Будет куражиться над оптимизмом.
Но не над всяким: не потухай
Над оптимийщиной петуха.)

7

Теперь подсчитаем: оранжевый, рыжий,
Огненный, пурпурный, алый, а ниже
Даже «заря» и «Жаров» — восторг!
Все оттенки красного цвета.
Правда, не все нужны для рассвета,
Но все-таки целых 16 строк.
Ну можно ли эдак потеть и при этом
Считаться непролетарским поэтом?

Ведь современный поэт, как петух,
 Обязан быть бодр, хлопать крылами,
 Всё, что парит, обзывать орлами
 (Конечно, двуглавыми); без потуг
 Прудить свою плодородную реку,
 Учить соловьев кричать кукареку,
 Жемчугом пренебрегать, — словом,
 Быть идеалом, воспетым Крыловым.

. . . . .

Главное — не сомневаться ни в чем!
 (Хоть Маркс в наследье рабочей массе
 Завещал лозунг: «Во всем сомневайся!»).
 Но если поэт сдвигает плечом
 Груз предрассудков, хотя бы и красных,
 Хотя бы и официальных, как праздник,
 Но всё же мешающих жить и дышать, —
 Ого! Тут выльется целый ушат...

. . . . .

Итак, друзья, мы зарей обладаем.
 Теперь остаются «Полдень» и «Ночь».
 Но золото с тушью только придай им,
 И красная краска станет иной.
 Что ж? Значит, снова уклоны и примесь?
 Пресса опять зажужжала б, как примус,
 Опять бы критик рвал и метал
 За то, что ввожу презренный металл?

Нет уж, знаете. Я тово. Сыт.
 Выкачали достаточно крови.
 Кроме того, из каких же сокровищ
 Хоть каплю солнца отлить на весы?

Чем обладаю, не бурж и не герцог?
Серебряным смехом? Золотым сердцем?
Но в смехе моем уже нет серебра,
А сердце поэта — хрустальный брак.

12

Что же касается «Ночи», то здесь
Хватило бы вволю ваксы и сажу,
Которыми мажут моих персонажей,
В особенности положительных. Десть,
Кипы, рулоны, тресты бумаги,
Поля, кормящие черные маки,
Ущелья ада, космоса ночь
Заполнила б эта проклятая «Ночь».

13

Но тембр поэмы и без того мрачен,
И без того нет электрических солнц,
И автор, траурный, точно ксендз,
Восходит по строфам и проблески прячет.
Быть может — как знать? — через год, через
два
Засеребрится его голова
И, обладая челюстью в золоте,
Он воспоеет ослепительный «Полдень».

14

А может быть, автор просто хитрит,
Играет на нервах и хочет добиться
Без командирского счета — «Три!» —
Чтобы у вас напряжился бицепс
Против туманов на горном пути,
Против вершин, окуренных тучкой.
Очень возможно. Главное — бди!
Поэзия, знаете, тонкая штука.

ГЛАВА 12

Я тебя, точно коплю, выхаживал,
О, твои стати.
Твою гриву гнедую — заживо
Полоскал под аортой: «Блистайте!»
Как жокей, я тебя проманежил
Хлыстом и ложью,
Я лелеял тебя, мою нежную,
Породистую, точно лошадь.
И когда ты вошла в свое тело,
В поступь сытых красавиц —
Странное дело —
Я почувствовал желчь и зависть,
Что не мне истоки колодца —
Твоя юность в веснушках и хохоте,
Что не мне, не мне довелось
уколоться
О ключицы твои и локти.

1

В Пушторге сенсация — Кроля супруга,
Наслушавшись Сарасате и Бруха,
Ушла от мужа, а он, несчастный,
Буквально перья из головы.
Нет, вы подумайте. Этого мало:
Знаете, кто здесь герой романа?
Ну отгадайте. Как будто бы ясно —
Скажете, Полуяров? Увы...

2

Саввич! Не ожидали? Хи!
Вы были от этого далеки
Не менее Кроля. Свирепая ярь его
Скорей примирилась бы на Полуярове —
Все-таки марка. Всё же не зря.
А тут — гимназист. На губах молочишко.
Его, е-го... замещает мальчишка
(Он чуть не сказал — десятый разряд).

3

Кроль бесновался, патлатенький, обрубленький;
На кончике носа сидело окно...
«Она с ним ходила по всем кино

И, наверно, жила. Наверно, наверно —
Я говорю совершенно уверенно.
(Брехнулся из горла собачий лай.)
Саввич. Заведующий крысами республики.
Ха. Позор. Божже мой. Айяяй».

4

Гуров печально прихлебывал кофе.
Посреди комнаты зеленый сундук
И обитый никелем красный кофр
Укладывались полдожиной рук.
Блох, Поповский да Настя старались;
Дамские сорочки, трико, халат,
Лифчики, блузки, даже анализ —
Всё отправлялось на Пушной Склад.

5

Ну-ну, пускай придет за вещами,
Ушла в одном ситце — старик-де придет;
Он очень извиняется, но сердце его лед.
Кроме того, инструктор Казаров
Командирован Отделом Товаров
Сегодня в Аткарск со всех своих ног,
А с ним на родину Кроля сынок.
(В жилете грозное чревовещанье.)

6

Третий

7

(Простите — сейчас объясню:
В Крыму происходят землетрясения,
И мне ночами по несколько раз

Приходится, прервав рассказ,
Мчаться на пляж подальше от сени
Раскидистых зданий, подобных сну,
Где в черепицах дрожание нитей,
А женщины — точно рай на Таити.

8

Сначала вы чувствуете ветерок,
Подобный áуре эпилепсии,
И на лице вдруг, без причины
Ощущение паутины.
Но через паузу — подземный грох,
Дождь известки, скулящие псы,
Ущелья, где эхо громов прокатилось.
И тайная грусть, что всё прекратилось.

9

Но самое страшное — голос часов,
Открывших торжественный бой по ночи,
Будто чей-то вещей зов
С обрызганных стеарином страниц.
Десять, двенадцать, 17, 20...
И вы начинаете издеваться
И даже хохочете — на одной ноте,
На той же басовой ноте струны.)

10

Третий день как Саша у Саввича.
Но неизменно, проснувшись рано,
Думала с сердцебиением душным:
«Что — Кроль? Как он там с ужином?
Помнит ли, что на аптечном шкафчике
Синяя миска с холодной бараниной,
Ключ за рамою корабля,
Молочнице долгу — четыре рубля?»

Затем разобрала письма домашних.
 Вот, например, хоть это, от брата:
 «Дура, скорей возвращайся обратно,
 Подумай о маме». Отец писал:
 «Умереть бы мне легче, чем слышать о шашнях
 Единственной дочери. А этого пса. . .»
 И, наконец, роковая депеша:
 «Бывший дядя Андрей Бекешин».

Но пес был чуток. Сей телеграммы
 Бедный Павел ни в жисть не проспит.
 Он себя чувствовал гнусным убийцей:
 Как он смел, как смел он влюбиться?
 Обречь ее плечи всей этой драме.
 И он, чтоб загладить горечь обид,
 Играл в барам-бук и плакал: «Засмейся ж».
 Так начинался медовый месяц.

Сегодня Павел ушел в Пушторг,
 И Саша могла наплакаться вволю:
 «Я, господа, никого не неволю —
 Позвольте и мне прожить, как хочу,
 Маленькой радостью собственных чувств.
 К чему же весь этот родственный торг?
 Вам-то от этого что на свете?»
 Но гардероб ничего не ответил.

Это успокоило. Саша встает,
 Берется за трубку: «Замоскворечье.
 1-17. Ньюша? Да-да.
 Спасибо, родная, да, как всегда.

Что Алик? Не слышу. Как? Резче...
Ну... Ну... Что ты, что т...
В Аткарск? Одного? На весну и лето?
Скажи ему, Ньюша, что это, что это...»

15

Шхуна в персях с пышной осадью,
С маленьким яликом где-то сзади
На райский берег плавно плывет
Зеленой луною полночных вод.
И вдруг с буксира срывается тузик,
И шхуна бьется, дрожа от контузий:
Не надо ей рая — в чистилище, в ад —
Лишь был бы туз, как минуту назад.

16

Что ж теперь делать? Вечером поезд,
А в доме ни гроша. Занять, но где?
Гуров? Еще бы. Картышев разве?
Нет, неудобно. Тогда у Тарасовой.
Но нужно поведать ей всю эту повесть.
Нет, надо искать идей
В стране объявлений. И шесть газет
Она обыскала от «а» до «зет».

17

За два дня, как за жизнь, отдавав
Сонную желчь напряженных бессилий,
Страшась не найти в газете ответов,
Будто в этом ответе рок,
Саша почувствовала ветерок,
Подобный ауре эпилепсии,
И на лице неотвязнее тины
Ощущение паутины.

Образ Музы его облетел,
Не выйдут сегодня стихи о Батавии.
Бедный Заинька, милый ты мой,
Как-то ты явишься нынче домой. . .

22

Вдобавок навстречу Ольга Петровна.
Она без ума и впервые не сердится:
Кроль предложил ей руку и сердце,
Узнав, что она ежедневно цветы.
(Увидав Зайцева) «Ах, это ты?»
(Взглянувши на список. Весьма
хладнокровно)
«Пиф-паф, ой-ой-ой,
Умирает Зайчик мой?»

23

«Заяц» улыбнулся. Улыбнулся, как заяц,
Обнажив печаль своих скучных зубов.
Вы можете пить беспробудно в запой,
Выть, в подбородок ногти вонзая,
Гончими стаями зайца забить —
Но этой улыбки вам не забыть:
От нее хочется плакать в подушки,
Отдать себя всю до последней полушки.

24

Он сразу сделался близок и дорог.
У Оленьки задрожал подбородок
И стал на секунду пористой губкой:
«Знаете что? Женитесь на мне!
Я получаю сорок монет».
Взгляд был ясен. Он даже просил.
А Зайцев. . . Точки, запятайчики, губки. . .
Затаил счастье изо всех сил.

Любится! И с кем? Подумайте: с ней!
 Нос моментально покраснел
 И стал совсем похожим на тетю.
 Он (не нос, а Зайцев) прошел
 К телефону 4-16 напротив
 И вдруг заревел, как веселый осел:
 «Бюро обслуживанья? Взвесьте:
 Что на свете лучше невесты?»

Простимся же, Зайцев, на этом месте
 В счастливейший миг твоего бытия.
 Оленька. Дай обниму и тебя —
 Немало страниц отмахали мы вместе.
 Ну что ж — забирайте рифмы свои,
 Свои номера и прочие вещи.
 Будьте счастливы. Так в благовещенье
 Выпускаются соловьи.

Позвольте, читатель, маленький тост:
 Этот бокал золотистых лучей
 Я подымаю за тех, кто прост,
 Кто незаметен, кого не учеть,
 Кто в наших поэмах имен не нажил,
 Но ельником тянется по бокам.
 За третьих, четвертых, седьмых персонажей
 Я подымаю этот бокал.

Их не цитируют, ими не машут.
 Тихо и чинно служат они
 В тайноцветистой глазурной тени.
 И только случайно, какой-нибудь Машей

Вдруг отогретые всем естеством,
Они заиграют, как вешние блики,
Единолицые личики, лики,
Своей светотенью залившие ствол.

29

Так сквозь сложнейшую ткань ораторий
В патетической паузе на вскинутых крыльях
Какой-нибудь голубоватенький лирик,
Играющий пасторальные вторы, —
Вдруг кровиночкой сердце проймет,
И слаще сладкого пресный мед
Исконных и примитивных трелей
Хрестоматийной его свирели.

80

Лизни эти строки: ты чувствуешь соль?
Это я сладко плакал над ними,
Целуя неведомое его имя,
Покуда не стал угрожать мозоль
И опухоли горловых миндалин —
Я, знаете, с детства сентиментален.
Ах, так? Вы считаете всё это фальшью?
Всуньте язык. Едемте дальше.

81

Саввич Гурову: «Ты — делегат,
А служишь только высоким окладам.
И вместо того, чтобы нас оградить,
Ты позволяешь меня сократить».
Окинув своим офицерским взглядом
Густеющий на мизинце агат,
Гуров ответил истинной лярвой:
«Но ты же ведзь ставленник Полуярова».

Саввич другого терзал делегата:
 «Как вы могли допустить это хамство?
 Как вы могли, отвечайте же, ну!
 Да, я отбил у Кроля жену.
 Но вы чем обязаны лить елей
 Мести на рану супруга? Что вам с того?»
 Блох: «Я скажу из библейской Агады:
 Я кушать хотел — мне бог повелел».

Саввич осматривался. Он искал
 Хоть бы сочувствующего взгляда.
 Любили ж они, имеючи жен!
 Но нет — он сразу стал им чужой.
 Как сговорившись, без страсти и яда,
 Они перед ним обнажили оскал,
 Ревниво свершая служебные мессы.
 Смысл жизни — держаться за место.

Кто он для них? Авантюрный труженик,
 Мерзлое мясо биржи труда.
 Он от судьбы получил свой удар
 И списан со счета. А они живы.
 И Саввич вспомнил до ужаса живо,
 Что точно так же смотрела Война
 На раненых в поле. Вся их вина
 В том, что попали в список ненужных.

Не нужен. Как оскорбительно это.
 Он посмотрел на дверь кабинета:
 О, этот нужен. Незаменим.
 Общество держится им одним.

Истерикой подменивши энергию,
Сегодня Пушторг, завтра в Америку —
Грудью стоит жилетка из роз
На страже рабочих. (О, где ты, Гросс!)

86

Но Пашка... Пашку этим не взять.
Он к прокурору! В приемной девица,
Длиною с версту, написала «105»
И вошла в кабинет. И наверно для визы.
Пашка сел. Пашка встал. Пашка сел. Пашка
встал.
Пашка сел. Наконец появилась Верста.
Пашка встал. На бумаге сбоку висел
Изумительный росчерк: «Вернуть». Пашка сел.

87

Фемида с весами — дама в летах.
Ах годы, ох годы, и Лета, ах.
Для женщины, будь она даже богиней,
Годы — чума и присно и ныне.
Еще так недавно, развея влася,
Она Немезидой летала по весям —
Теперь же богиня, отбросив весы,
Бывает просто особой с весом.

88

Газетный поэт Стопроцентов прослушал,
Развесив портретами умные уши,
И взялся за трубку: «Алло. Пушторг?
Стопроцентов по делу Саввича. Что?
У телефона? Ага, догадались?
(—) (—) (—) Так.
(—) Ясно. (—) Пустяк.
Режим экономии „über alles”». ¹

---

¹ Превыше всего (нем.). — *Ред.*

Ответственный секретарь ячейки
 Товарищ Петрова ответила так:
 «Это, видишь ли, дело пятак,
 Ну, я подыму, ну а дальше? Сумей-ка
 Еще доказать, что ты нужен для дела,
 Раз за директора весь коллектив.
 Может, Кроль подозрительный тип,
 Может, ты прав, — да пятак это дело».

На улице послышался каретный звон,
 Когда из кабинета вышел Чацкий,
 Заложив руки за спину. Кроль
 Выскочил вслед, как испуганный крол,
 С алой, вплющенной в щеку перчаткой
 И, вздувши на шее какую-то завязь,
 Орал вдогонку: «Подлец! Мерзавец!
 Сюю же секунду из кабинета вон!»

Пашка вынул карманный блокнот
 И выписал срочно расходный ордер:
 «Отпущено Кролю кило по морде»,
 После чего, взглянув на окно,
 Прошипев речь, столь же блестящую,
 Сколькo и матовую, — айда на дачу.
 «Товарищи, плюхи надо изжить!» —
 Подумал Саввич и крикнул: «Жить!!»

Он вспомнил письмо товарища Мэка,
 Юпитера этого в мире меха:
 «. . б) Кроля считать как врид,
 в) Поставить студенту на вид
 В отношении наук немарксистский модус —

А в заключение: да здравствует молодость,
Такой-сякой молодой человек».

Мэк! Мэк! Дорогой Мэк!

43

Пашка летел домой. Автобус
Наматывал улицы в четыре колеса.
На каждой станции Пашка вылезал,
До того торопился. Вконец угробясь,
С глазами, синими точно берилл,
Пашка гаркнул еще с перил:
«Алло. Алло. Не менее, не более —
Ночка Бессонная выходит за Кроля».

44

Увы, он вернулся домой, когда
Жена с забинтованными плечами
Уже отъезжала. Записка. С печалью...
...Алик. Какой еще Алик? Ах, да,
Так-так. Он знал, он предвидел заранее.
И вдруг вздрогнул: в комнате гость.
В медвежьей дохе, огромный как стог,
Седой как луна, восседал зырянин.

45

«Онисим Кондратьич?» Они обнялись.
«Мне рассказали о вашей истории.
Но не волнуйтесь — право, не стоит.
Лучше внушите вы своей паве,
Что Кроль велик, но и мы не нули-с.
Я вас устрою в Госторге». Но Павел
Ответил раздумчиво, как неврастеник:
«А где же Саша достала денег...»

46

Он сбегал к соседке. Вернувшись с одышкой,
С мыслью, которая разможена...
«Она продала, понимаешь, она...»

Схватил было нож со стола, но бросил
И выбежал. Гость огромно сидел,
И комнатка в нем колотилась крышкой
От пара... А он жевал папиросы
И медленно на глазах седел.

47

Читатель, вы ждете звериной концовки,
Как ждут повторного скрипа дверей.
На этот раз никаких зверей!
Ни-ни: ни ласочки, ни песцовки...
Передохните. Я подожду.
Что делать? Лирику вышибли войны.
Но все ее запахи, краски, звоны
Ломят, как ревматизм к дождю.

48

Пробует голос, но тянет не в тон;
Над ней орут деловые стенгазы,
Ее затирают при всякой оказии
Басня, частушка и фелъетон...
Но лирика с холемым телом статуй
Застынет в эпиграф, прорвется цитатой,
Срифмует в шараде громы имен
И лозунгом крикнет с хвостатых знамен...

49

И когда в будущем внуки ли, дети
Нас призовут на строгий суд
И спросят, куда мы девали сосуд
С бесценной амброй тысячелетий —
Я нищенски высыплю им из кармана
Эпиграфы, сноски, вставной анекдот,
Кроки на полях и ответчу: «Вот.
А за остальным идите к Демьяну».

VIII 1927
Коктебель

**ГЛАВА 13,
в сущности последняя**

Отчего ти умерти?

Летопись XII в.

1

Выбирали в Совет. Стояла весна —
Без номера, в бурных дрожьях
Скворешни висят мандолиной. Возня.
Скворцы трещат деревянное ложек.
В реке еще леденеет дыра,
Но в учреждениях — щебет и шелки,
Там соловьями летят ордера
На взятие Крыма и Волги.

2

Выбирали весну. Весна, весна.
Но какая весна. Алешша!¹
Знамена пьянят. Москва тесна.
Петух разрывает жемчужные ядра,
Поддерживая голос предыдущего оратора.
Но глянь-ка сюда, под этот забор:
Всех громче весну знаменует собой
Торжественно выброшенная галоша.

3

За черным валом черный вал,
Пляшет по улицам карнавал
«Красного сахара», «Резинотреста».
Галоша в воде ухмыльнулась до треска:
«Хотя, увы, я галошею рваной
В луже пока принимаю ванны, —
Но не подумай, что мне капут:
По три с полтиной пойду за пуд».

---

¹ «Алешша» — выражение восторга, ничего общего с Алексеем не имеющее.

Рябóй из Барáбы, бранный
 Старый барабанщик
 Перебарабанил
 Барабарабанчик,
     И стакато
     Кастаньеты,
     Как караты,
     Вдруг по льдú,
     И корнет-а-пистон
     Издает истошный стон,
 И — дудú — дудúют дúдки:
     Дудль-дудль
         Дудль
             Ду.

И средь этого треска
 Динь-дилинь, день-делень
 Профсоюзного оркестра.
 (А уж день-то, а уж день!)
 Над пожарной командой —
 Динь-дилинь, день-делень —
 Чучелом валандается
 Сэр Чемберлен.

За черным валом черный вал,
 Пляшет по улицам карнавал,
 Кратером разверзся блузный круг —
 Рабочие истово несут хоругвь:
     Щеки обвисли,
     Ноги как «икс» —
     Болтается на виселице
     Мистер Хикс.

А в автомобиле катит пантомима:
 Английская блуза с трубкой в зубах
 Держит за шиворот того же Чемберлена.
 То рыжий, то лысый с манишкой по колено,
 Чемберлен повсюду. Пронесется мимо.
 Радио вещают о грядущих боях:

«Не стражай про диво
 Газы,
 Если есть противо-
 газы».

В гирляндах и флагах локомотив,
 Сизый, но с медной звездой под трубою,
 Улицу завоевывал с бою.
 Он двигался, оглушая народ
 Своею струей, металлически ковкой,
 Задерживаясь под беспечный мотив:

«Наш паровоз летит вперед,
 В коммуне останов-ка».

Студент, наряженный У Пэй-фу,
 На плахе бодается с Чжан Цзо-лином.
 Опять Чемберлен, страдающий сплином:
 «Господин Стерлингов, имя — Фунт».
 Шахматный клуб на томе «Истмат»
 Несет короля, одетого шахом:
 «Октябрь поставил буржуя под шахом —
 Мировая революция объявит мат!»

Тут и там, оцепивши кружок,
 Деревообделочницы и стеклодувы
 Вприсядку, с платочком, эх, горой бы раздуй его,
 Устраивали деревенский жок.
 Растягивались гусеницей алые меха

Баяна ли, тальяночки про плуг, лемеха,
Про заводы, про лиманы,
Про сапожки-колыманы.

«Сапоги-колыманы
На воде пойманы,
Стужены-морожены,
Стукают, что кожены».

11

Акуловая тень аэропланов. У панели
Роты комсомольцев, печатающая пели:
«О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные».
«Вы жертвою пали в борьбе роковой».
«Ве-ди ж, Буденный, нас смелее в бой».
«Любви́й беззаветной к народу».
«Так за Совет, за светлую свободу

12

Мы грянем дру́жнёе у́ра. . .»
«Да здравствует Ленин и Калинин. Да здра. . .»

«. . .встуй, милая картошка-
тошка-тошка-тошка.

Низко бьем тебе челом-лом-ло?м».

Сыпь, гармошка,
Напролом:
«Сапоги-колы́маны
На воде поиманы,
Сту́жены-морожены́,
Стукают, что кожены.
Тула-Тула-Тула-я,
Тула, родина моя.

Как у нас, во Рязани,
Пироги с гла-зами,
Их кусают, ядят,
А они себе гля́дят.
Тула-Тула — перевернула,
Назад козырем пошла.

Шиш, шиш, шевелись,
В шубе вши завелись —

Чемберлена бы позвать,
Чтобы вшей перетаскать.
    Эх, Тула же ты, Тула,
    Тула — родина моя.
Я накрашуся губами,
Наряжуся лентами,
В лес пойду не за грибами,
А за алиментами.
    Тула-Тула-Тула-Тула,
    Тула-Тула-Тула-я».
За черным валом черный вал —
Пляшет по улицам карнавал!!

13

Онисим шагал. Народная мистерия,
Разыгрывающаяся перед ним,
Как вешний вихрь Белого моря,
Звала, окликала с собой в поморье —
И в нем прорывался, бурей томим,
Сухой хохоток, да не истерики,
А тот, что бывает, когда сплеча
Несут о лихости силача.

14

Нет, здорово. Грудь, истеки
Всей своей горечью и обидой.
Что из того, что, от жизни отбитый,
Он не нашел угла в этом доме?
Жизнь огромна — и он ей не суд.
Нет, хорошо. А Кроль — пустяки:
В царское время он был бы анатомией,
Теперь он патология, и в этом суть.

15

Он всё простил. Даже «знамя — пламя».
Он занял дупло одного из рядов
И зашагал. Его ноздри пылали,

Глаза раздувались (ах, да — наоборот!),
Он гордо пел под топот рот.
Как возбуждающе шелк полощет!
Еще поворот — и покажется площадь...
Но тут парень, по-лисьи рудой,

16

С минуту смотрит на серый драп,
Сизый пух итальянской шляпы,
Лицо, напоминающее чем-то Шаляпина,
И вдруг подходит: «Вы, гражданин,
Отсюда, пожалуйста, дайте драп:
Мы тут все с одного завода».
Полуярова вмиг одолела зевота:
Восторг и скука вдвоем рождены.

17

Закапал дождик. Куда-то упялясь,
Онисим шагал, соблюдая ряд.
«Гражданин, слышь ты, вам говорят».
Гончие в сердце звонче зашлись...
И вдруг в плече он почувствовал палец,
Пронзивший, точно укус лис.
Глянул на буйство вихрей клокастых —
И лопнул на горле сиреневый галстук.

18

Кажется, у Саввича висел мотив:
Ночь. В снегу освещенные окна.
Пестрая будка — должно быть, пост.
Лихо скалясь, молоденький пес,
Клокастый букетище свой закрутив
И собственною отвагой растроганный,
Лает на волка. Угрюмый бирюк
Слышит в нем запах железа и рук.

Он вышел, конечно. Конная милиция
 Плясала поблизости. Стал у витрин,
 Позорно натягивая перчатки. . .
 Но в ухе шагают: ать-два-три;
 Но в окнах по пепельницам плавают лица,
 В очках прохожих — тот же вид.
 В плече он слышал деревянное торчанье,
 Как девушка после ночи любви.

«Т-на, т-на, т-на, т-на,
 Т-на, т-на, т-нана!
 Уж я чайничала,
 Да не мйндальниччила:
 Макдональдзу приглашала —
 Ведь не дальний, чай, а?
 Т-на, т-на, т-на, тириди,
 Т-на, тириди, т-нана».

Куда идти? Не всё ли равно.
 Длинное серое унылое длинное.
 В небе грохочет пророк Илия. . .
 Роскошный фильм «Голубой брильянт»
 С участием Ларисы Гетье. . . На плакате
 Вы даже в сплине узнаете платье,
 Сменившее как-то листок отрывной
 Фокстротной Венере. Даже при сплине.

Нетрудно найти, поднявши веки,
 В картонной короне под гранями Веги
 Немного расставленные глаза
 И вздернутый рот, как черные вишни,

И вспомнить кафе и яркий базар,
И что же? По-прежнему неподвижны,
Вы синий пепел стряхнете ó пол,
Так и не вспомнив Константинополь.

23

Не всё ли равно? Вы сонно пройдете...
Бульвар. Трава. По-латыни — герба.
Причем тут латынь? Пушная верба
Напомнила бы любимого зверя.
Но не теперь. Теперь вы бредете,
С часами Арбата руки не сверя,
И слышите кухню вешних кулис,
И в вашей душе опадает лист.
    «Мой муж коммунист,
    При ём два портофеля —
    В одном письма от меня,
    В другом пуд картофеля.
    Т-на, т-на, т-на-я
    Т-на, родина моя».

24

Вы сядете, этого не заметив.
Оциферблаченный барабан
Покажет... А впрочем — мало ли, много ль?
Какая разница... Бронзовый Гоголь
Подскажет вам позу, и красною медью
Ваша печальная выя раба
Склонится, точно держа камень,
Над серебристыми с синим носками.

25

И открывается новый мирок
Песка, мурашей, обгорелых спичек
Вокруг ваших двух броненосцев бычьих
С холмом над солями главного пальца,
С кругами, где пущен канатный шнурок;

Но вашему взору случайно попался
Разбитый пузырь школьных чернил —
И мрак ваших пальцев его очернил.

. . . . .

26

Нет, Вы не смеете умирать!
В этой нежности смертной неги
Мрак ожидает Вас. Вдумайтесь: *мрак*.
Не тот, в котором Вы родились —
Цветущий мрак арктических лис,
Нет, иной, невообразимый,
Рядом с которым полярные зимы —
Лишь снег на камне. Подумай о снеге.

27

Подумай о неге твоих песцов,
Вспомни меха ореховый запах.
Живет же Гуров поэзией запонок —
Учись у него. Какой еще неги:
Один из лучших русских спецов,
Ты нужен, пойми — без таких, как ты,
С жизнью не одружить мечты:
Ты не Печорин и не Онегин!

28

Но склянка глубоко ушла под ладонь,
Венозная ветвь голубого коралла
Раскрыла детские губы. Вяло
Капнула черная капля в песок.
И в правую руку вошел пузырек,
И капля, сверкнувши, как золотой
Вспышкой, зажгла последнюю нить:
Не лучше ли мне живому пожить?
«Т-на, т-на, т-на-я,
Т-на, родина моя.

Ай, охти мне:
Кто-то был на мне —
Сарафан не так,
Да в руке пятак.
Т-на, т-на, т-на, тириди,
Т-на, т-на, т-нана».

29

Дети пищали в восторге игры. . .
Слепец продавал цветные шары.
Пронесся рысак в ярко-желтых оглоблях.
Жук взошел на рукав пиджака.
Но господи! — вдруг сутулость жука
Выросла в королевский облик!
Онисим слегка застонал — и взмыла
Жажда смерти, как щетки и мыла.

30

Как зубной пасты. Он стал выжимать
Из тюбика пульса черные сгустки.
Традиционно вспомнилась мать,
Детские боги таежной Тунгуски,
Битого лося двуструнный мык —
Но бледно, надуманно. О, в этот миг
Он, равнодушно веря в геенну,
Бредил душевную гигиеной.

31

Он был чистоплотен. Ребенок напротив
Сначала дочерна побагровел,
Потом вернулся до светлых кровей
И стал зеленеть, краснеть, голубеть,
Как эти деревья, как пух голубей,
Как этого шара ижицей ротик. . .
На свежем бульваре, ослабив оскал,
Храпел мужчина в красных носках.

Отрезали голову, бросили в бак,
 Где с кровью мешался раствор формалина;
 А тело с клеткой, вздымающей Альпы,
 Освеживал хирургический скальпель.
 Профессор, играя накладками бак,
 Вынул огромной лиловой малиной
 Сердце. Студенты столпились вокруг
 Меж препаратами двух старух.

О, если бы он посмотрел на свет —
 Этот, такой человеческий орган —
 Там воссияли бы стекла Пушторга,
 Бровь глаза, седая река,
 Эпос северного усердья,
 И ядом остывший вензель — «А. К.».
 Но всё исчерпал научный ответ:
 «Итак, два желудочка и предсердья».

Отдать мертвецу последний амен¹
 Прибыли братья Северьян и Мамант,
 Да рыська, названная Сестрой;
 В газете дали несколько строк;
 Джошуа Кук с договором в кармане
 Грустно вздохнул: «*On revient toujours
 A ses premiers amours*». ²
 И выписал пушника из Германии.

*XI 1927
 Детское Село*

¹ Аминь (лат.). — *Ред.*

² Всегда возвращаются к своей первой любви (франц.). — *Ред.*

**ГЛАВА 14,
ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ**

Читатель, за героев я своих
Перед тобой ответственать не стану.

Байрон

1

Критик розовый: «Как ваше мнение?»
Красный критик: «Роман — хоть куда.
Вполне достойный любого констра.
Но что, милый друг, если это контра?
Да и лихая. По ком здесь удар?
Кроль? Но достоин ли он каменьев?
Может ли комиссар бригад
Жить и чувствовать как гад?»

2

Розовый: «Ну, знаете. Такие люди есть».
Красный: «Пусть. Но его ли это дело?
А где РКИ? Контрольная комиссия?
Ячейка, наконец? А дикие мысли
Насчет ленинизма! А самый трест?
Где он его видел? Сотрудники отдела
Какие-то чучела навязчивых идей.
Где он видел подобных людей?»

3

Толстый: «Это ведь стиль гротеска.
Не всем же писать, как Сергей Городецкий;
О стилях не спорят». Тонкий: «Стиль...
Но служит ли стиль этот пролетариату?
Он слишком различное совместил,
В нем очень много желчи и яду,
В нем, если хотите, эзоповский сказ.
Нет! Это — не наш заказ».

Дурак (напряженно царапая темя):
 «Гм. Итак, по этой системе
 Я выхожу, значит, номер один.
 Вот так штука. Нужно стараться
 Читать календарь, хотя бы и вкратце,
 Как № 2-й (умен господин).
 „Читать надо всё, — говаривал Бисмарк, —
 Я даже читаю чужие письма“».

Учитель словесности, влезши в халат:
 «Пишут тоже. Но как протокольно.
 А прозаизмы. А русский язык.
 И кто их, чертей, теребит за язык?
 Поэзия, батя, должна быть хóленой:
 «Вешний багрец» или «сердца хлад».
 А нынче версификатор ретивый
 Тащít слова из кооператива».

Он: «Я прихожу в смятенье,
 Поэма меня взволновала». Она:
 «Это идейная сторона».
 Он: «Вы правы. И знаете что?
 В его пессимизме масса здоровья!»
 Это случилось марта второго.
 Сидели в саду тихой четой...
 Но «он» был мной, а «она» — моей тенью.

Эмигрант внешний: «Ага, наконец-то!
 Русская совесть восстала. Гип-гип.
 Мы предупреждали: жида это тип.
 И предупреждаем теперь в *das letzte*.¹

¹ Последний (нем.). — Ред.

С годами тово... ну, как там по-русски?
Кельнер! Огурчик и соточку «русской».
Ик. Пардон. А вообще проздравляю:
Не оберетесь нашего лаю».

8

Эмигрант внутренний: «Это скандал.
Что ж теперь будет? Опять спееество?
Нужно использовать крайние средства!
Необходимо. Дай карандаш:
„Мы, подписавшиеся, возражаем.
Вотируя наше доверие Кролю,
Мы не мешаемся; мы возрождаем,
Вполне довольные нашей ролью“».

9

Первый поэт: «Явный упадок».
Второй поэт: «Он до прозы ведь падок».
Третий поэт: «Глагольной рифмой...»
Четвертый поэт: «Он не брезгует, хи».
Пятый поэт: «Неграциозно».
Шестой поэт: «Тенденциозно».
Седьмой поэт: «Скоро он логарифмы...»
Восьмой поэт: «Перепрет на стихи».

10

«Жорж, вот тут неплохой анекдот:
Один армянин увидел жирафа...»
— «Серж, погоди, не то уйдет:
Приходит Мотя требовать штрафа:
Семь лет назад какой-то мот
Сказал про Мотю, что он бегемот.
„Семь лет назад?“ И ответил Мотя:
„Я только вчера увидел бегемотя“».

Некто с льняною бородкой: «Ну, как?»
 Член ЦК совработников: «Прекрасно.
 Идея трагедии беспочвенной личности,
 По-моему, проведена отлично».
 Льняная бородка: «И это всё?»
 Член ЦК: «Его пафос высок. . .»
 Бородка: «А дальше, дальше никак?»
 Член: «О, это всё приукрашено».

Позвольте мне, как члену ЦК,
 Заявить официально, что этого не было.
 Я лично в гротесках всей этой небыли,
 Изобретательных и летучих,
 Вижу открытие новеньких штучек,
 Которыми заняты поэтские цеха.
 И нечего искать каких-то шагов нам
 Там, где царит несомненный Гофман».

Льняная бородка: «Ну, уж извините:
 Этого замалчивать нельзя.
 Экстравагантность этого стиля
 Имеет глубоко реалистические нити,
 Далекие от провокационных лисят.
 Я удивлен, что вы их упустили:
 Все эти факты были и есть,
 Но центр тяжести даже не здесь».

Суть в том, что вырос актив
 Переходных слоев, воспитанный нами.
 Хоть в нем ощутим ницшеанский соус,
 Он жаждет Коммуны, не в страх, а за совесть,
 И ждет признанья, под самое знамя
 Идейные бури свои докатив.
 Им нужен ответ с максимальной правдой:
 Зырянин мертв, но жив его автор».

Автор: «Вот этого я опасался.
 И так всю жизнь: «Вор» — это я,
 «Рыси» хищническая крутоярь,
 Ней ли, которого описал я,
 Увлёкшись экзотикой чуждых тонов, —
 Всё я да я. А теперь и Онисим. . .
 И напиши хоть сотни томов —
 Всё от героев будешь зависим.

Но если бы я написал роман,
 Всего себя раскатав по громам,
 О жизни и гении, ну, скажем, — Гете. . .
 Могли бы пройти беспросветные годы,
 И будь я в поэме как нож обнажен —
 Никто бы и тени моей не нашёл.
 (Не потому ль, свои годы выиграв,
 Я и отвёл ему только эпитафию?)

Но возвратимся к баранам (пardon:
 Это французская поговорка).¹
 Вы, направляющие эскадрон
 Против бретерского тона Пушторга, —
 Прежде чем пластырем обзаводиться,
 Проверьте пульс и испейте водицы:
 Козьма Прутков был не только остёр,
 Изрекши: «Не всё стрижи, что растёт».

Я тоже мог бы греметь в барабанчик,
 И был бы, ей-ей, лихой барабанщик
 Квадратных агиток и круглых сатир;
 Имел бы я хор величальных рецензий,

---

¹ Так и говорится: *revenons a nos moutons*.

И мой мм... учитель Дмитрий Цензор
Не видел во мне задиру задир;
И я б, рекламируя резолюции,
На левой ноге «служил» революции.

19

Но я ей служу по-иному, по-своему,
Хоть мне, быть может, как серому воину,
И не по чину, не по звездám, —
Но, поросль нового поколения,
Я бóльшей чести себе не воздам,
Чем гордость считаться родичем Ленина,
Заменяв этой геральдикой чин:
Он отец революции — я же ей сын.

20

И мне дорога эта страсть коммуниста,
Алая неистребимая страсть —
Пусть косноязычить дорогой каменистой,
Только жилетке бы не отрастать;
Всегда волноваться и волновать,
Быть вечно голодным по коммунизму,
За серебро не пробировать изморозь,
Нагло черное черным назвать.

21

Сражаться с привычкой: любой, затяжной —
С любимой чашкой, с любимой женой;
Не быть ничему ни слугой, ни начальством;
И, ленинский выпитывая завет,
Всё ж танцевать до упаду чárльстон,
Если его запретит Моссовет
(Но, ставши на вольные эти котурны,
Не плюйте, товарищи, мимо урны).

22

Немного истории: романтизм
Собой породил романтический жанр
Баллад и канцон. Гербы их мантилий

Теперь уж в музеях. Кокто или Жамм
Не бывши романтиками, набросают,
Сидя в кафе за чашкою чаю,
Балладу «Генрих IV и черт»,
Согласно рецепту музейных реторт.

23

Итак, романтика окостенела.
Но романтизм жив и сейчас:
Он в знамени освобождения масс,
Он в галстучке пионерского дела:
Имя его — Революция. Но
(Как и когда-то) ему суждено
Безвинно создать рецептуру алхимий,
И всякий Кокто жонглирует ими.

24

В своей поэме я медью пожарной
Сражался с привычкой «кирпичного жанра»,
Который тупо уперся в канон,
Которого бить бы, как ходят конем,
Сарказмами галла, фантазмом германца, —
А я, проказливый точно сатир,
Всего лишь пронзил свистулькой сатир
Того, кто витал на фанфарах романса.

25

А впрочем — сатира или романс,
Лепешка яду, копьё ли ворогам,
Масонский ли ход конструктивных гвоздей-с —
Сердце поэмы ищите не здесь:
Подумаем — как же нам быть с Пушторгом,
Который сквозь призму любого «изма»
Должен доплыть до социализма!

Так кончается этот роман.

*XI 1927
Москва*

ТРАГЕДИИ

250. РЫЦАРЬ ИОАНН

Трагедия в пяти актах

АКТ I

КАРТИНА ПЕРВАЯ

1606 год. Венеция. Таверна.

Монах, перелистывающий рукопись, и клюющий носом
художник.

Слуга убирает с одного из столиков. Входит Болотников
в одежде воина.

Болотников

Здорово, малый.

Слуга

Здравствуйте, синьор.

Болотников

Вина!

Слуга

Какого?

Болотников

«Кристи». Только живо.

Ну и жара! Галера, а не город...

Слуга

Сейчас, сейчас. Давненько, Джиованни,
Вы не заглядывали к нам.

Болотников

Дела.

С л у г а

Опять ходил на турок?

Б о л о т н и к о в

В эту пору

На турку не идут — идут на немца.

С л у г а

Да разве это птицы, Джиованни,
Которых, глядя на погоду, бьют?

Б о л о т н и к о в

А видишь, малый, турку бьют на море.
Но за морскую битву да зимой
Солдаты меньше двадцати дукатов
И брать не станут. То ли дело немец!
Тут бой на суше. Цены-то пониже.
Ну вот, купцы и снаряжают нас,
Куда в какое время по карману.

М о н а х

Вы кондотьер?

Б о л о т н и к о в

Служу у кондотьера.

На жалованьи. Колонновожатым.

М о н а х

А где последний месяц воевали?

Б о л о т н и к о в

В Ломбардии баталия была.
Венецианцы с немцами ругались.

М о н а х

И что ж? Убитых много?

Б о л о т н и к о в

Да немало.

М о н а х

А все-таки?

Болотников
Да человека два.

Слуга
Как вы сказали: два?

Монах
Два человека?

Болотников
Ну да. Один у нас, один у них.

Художник
Да вы смеетесь, колонновожатый!

Болотников
Ничуть, синьор. Сообразите сами:
От нашей от республики сражались
Испанцы, португальцы, да валахи,
Да кое-кто из крымцев. Так?

Монах
Допустим.

Болотников
Немецкий цесарь выставил гельветов.

Монах
Допустим.

Болотников
Так? А где ж венецианцы?
А где же немцы? Коренных-то нет.
Нет коренных. Наемные солдаты
С наемными солдатами дерутся
По пять дукатов за чужую землю,
К чему же им друг друга убивать?

Монах
Так, значит, бой у вас почти театр?

Болотников
Почти.

М о н а х

Занятно.

Б о л о т н и к о в

Это как кому —

А нам труды.

С л у г а

Труды?

Б о л о т н и к о в

А ты что думал?

То через речку в полном облачении

Извольте вплавь, жалеючи коня

(Ведь конь-то свой — не кондотьерской

службы),

То через горы в пропасти спускайся

И фальконеты огненного боя

Снимай на собственных своих плечах.

Голоден — ешь кору. Заснешь немного —

Вдруг барабаны! Вскакиваешь — бой!

М о н а х

Но как же все-таки, любезный рыцарь,

Вы побеждаете друг друга, если

Уж так жалеете своих врагов?

Б о л о т н и к о в

Да кто же враг, богоугодный пастырь?

Враждуют короли — не мы враждуем.

М о н а х

Но как же вы сражаетесь?

Б о л о т н и к о в

А просто:

Немножко постреляем, а в атаке

Прикинем, сколько у кого солдат.

У них побольше — значит, мы бежим,

У нас побольше — их черед побегать.

Смех.

М о н а х

И это всё за пять дукатов?

Художник

Ложь!

Вы, patre,¹ позабыли про грабеж.

Монах

А в самом деле: я забыл об этом,
Как говорил блаженный Августин...

Художник

(перебивая)

А до него великий Аристотель
Назвал войну с изысканным лукавством
«Искусством приобретения».

Слуга

Что делать?

Закон войны.

Монах

Да-да. Закон войны.

Болотников

Вы оба ошибаетесь, друзья.
Наемники не грабят. Мы — актеры.
Мы лишь играем в битву, а добычу
По праву получает кондотьер.

Монах

А вы?

Болотников

А мы довольствуемся, patre,
Горячим поцелуем поселянки
Да лишней чаркой местного вина.

Художник

А сам ты, рыцарь, из каких племен?

Слуга

По кудрям судя, явный северянин.

---

¹ Отец (лат.). — Ред.

Б о л о т н и к о в

Я издалека. Вряд ли вы слышали
Про этакое племя: русь.

Х у д о ж н и к
(с хитринкой)

Ах, так?

Как раз вчера... оттуда мой приятель...
Привез соболью шубу.

Б о л о т н и к о в
(живо)

Кто такой?

Х у д о ж н и к
Приятель мой, иконописец Пьетро.

Б о л о т н и к о в
(подсаживаясь к нему)

И что же он рассказывал, синьор?
Как там живут?

Х у д о ж н и к
(прикидываясь пьяным)

Подробностей не знаю,
Но если только верить этой дряни
(А как ему не верить, если он,
Вы сами понимаете, оттуда...),
Хотя и лгун! Я вас предупредил!
Отчаянный. Но всё же как-никак
Иконописец... Сле-до-ва-тель-но —
Богобоязнен. Хо-хо-хо... Каналья!
Уж он-то, Пьетро-то, бого-бо-бо...
Позвольте: как я только что сказал?

Б о л о т н и к о в
Богобоязнен.

Х у д о ж н и к
Бо-го-бо-бо...

Б о л о т н и к о в

...язнен!

Художник
Эй, малый, получи!

Болотников
Куда, куда?
Ведь вы же собирались рассказать
Про своего дружка иконописца!

Художник
Как! Разве он мне друг?

Болотников
Ну, так приятель.

Художник
Но это же совсем другое дело!
Ведь дружба — это друж-ба! — а прия...?

Слуга
Синьор художник, с вас один пиастр.

Художник
Сию... мину...
(Достает кисти и краски.)

Болотников
Так как же там живут?
Рассказывайте. Ну!

Художник
(рисует на столе)
Немного охры...
Теперь чуть-чуть огня...

Слуга
Эй-эй, синьор!
Вы что малюете?

Художник
Одну минуту.
Тут черточка... тут точка... Эй, прислужник!
Я на столе нарисовал монету
Достоинством в дукат. Понятно? Вот.
А сдачу можете себе оставить...

С л у г а

Ну, черта с два! Меня не проведешь!
Я вас прошу, любезный Джиованни,
Попридержите его минуты две,
Пока я сбегаю за алебардой.

Б о л о т н и к о в

Не стоит, малый. Я уж заплачу,
А вы, синьор, мне скажете за это,
Где я найду иконописца. Ладно?

Х у д о ж н и к

(трезво)

Благодарю за мелкую услугу,
Любезный кавалер. Я буду счастлив
Вам сообщить, что мой приятель нынче
Пойдет в капеллу у канала Гранде
Послушать мессу Палестрины.

Б о л о т н и к о в

Так.

А как же я его узнаю?

Х у д о ж н и к

Просто.

Он будет зверски врать о Кампанелле
(Ведь он всегда о Кампанелле врет).

М о н а х

(горько)

Он плохо кончит, этот ваш приятель...
Церемонно раскланявшись, художник удаляется.

С л у г а

Вы видите, как бойко он уходит?
Как будто бы и не пил. Ах, мошенник!
(Подходит к его столику, плюет на рисунок
и стирает его тряпкой.)

М о н а х

Итак, вы из Руси. Но как судьба
Забросила синьора в Венецию?

Б о л о т н и к о в

А так вот и забросила. Сперва
Я был холопом некоего князя.
(Телятевский фамилия его.)
Ну вот. Крестьянам жить у нас несладко.
Так я и побежал было на Дон
Искать себе свободную землишку.

М о н а х

И что ж?

Б о л о т н и к о в

Не повезло. В солончаке
Меня арканом захлестнули крымцы
И продали в Константинополь. Так
Я стал рабом, прикованным к веслу,
На боевой трехъярусной галере.

М о н а х

Пожалуй, это хуже, чем у князя!

Б о л о т н и к о в

Во всяком случае, отец, не лучше...
Как я бежал оттуда — не скажу.
Меня не пожалели, ну, и я...
Я тоже...

М о н а х

Бедное дитя. Так молод
И так озлоблен.

Б о л о т н и к о в

Да... Константинополь...
Вы знаете ли, досточтимый пастырь,
Что мне запомнилось о нем? Одна
Как будто бы ничтожнейшая мелочь.
Вы помните, синьор, понтонный мост
Между Стамбулом и Галатой?

М о н а х

Помню.

Болотников

Турецкие чиновники у входа
Взимали плату: с пешего медяк,
А с конного серебрецо. Однажды
Я видел, пате, — это было утром —
Скакал арабский воин на коне.
Его великолепный жеребец
Плясал со звоном. Шелковый бурнус,
Как облако, вздымался за арабом,
А тот сидел, небрежно подбоченясь,
С серебряной монеткою в зубах.
Не трогая приспущенных поводьев,
Не останавливая конской пляски,
Он поравнялся с городской стражей
И плюнул в них пиастром, а чиновник
Сноровисто поймал монету в феску,
Похожую на красный перец. . .

М о н а х

Ну?

Болотников

И я подумал: господи, ужели
Нельзя бы выдумать такое время,
Чтоб серебришко значило не больше
Плевка солдата?

Слушайте, отец!

Вы образованны и благородны. . .
По вашему широкому челу
Я чувствую размах высоких мыслей. . .
Вы, верно, много думали о людях,
Об их мучениях, об их судьбе
И сами пострадались, очевидно. . .
Так будет ли когда такое время,
Раскрытое пророческим виденьем?
Скажите же, отец мой, будет?

М о н а х

Рыцарь!

Несчастный мой учитель Кампанелла
Уж много лет с великой страстью пишет
Трактат мечты о «Государстве Солнца».
Его гноили в тюрьмах и сгноят.

Я это знаю. Знаю! Но не верить
Я не могу. Ты спрашиваешь, рыцарь,
Настанет ли когда такое время?
Я отвечаю, сын мой, всем сияньем
Своих седин: оно настанет, да!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Капелла у канала Гранде. В оркестре настраивают струны. Прихожане торжественно рассаживаются по скамьям.

Художник

Синьор владелец банковской конторы!
Когда же вы возьмете у меня
Портрет своей супруги?

Банкир

Я сказал вам,
Что никогда.

Художник

Однако же, синьор...

Банкир

Я вам сказал, что в вашей размалевке
Моя жена похожа...

Художник

Но...

Банкир

Да-да!

Я знаю сам: она и седовата,
И нос чуть-чуть, пожалуй, крючковат...

Художник

А глаз?

Банкир

Что глаз? Но кто же вам велел
Писать кривой? Ведь был же и здоровый.
Она у вас похожа на чертовку!
(Прости, мадонна, черное словцо...)

Художник

Отличная идея! Очень жаль,
Синьор владелец банковской конторы,
Но если так, то мне придется завтра...

Банкир

Я вам сказал, что не приму портрета!

Художник

...продать его трактирщику в порту
Для вывески таверны «ВЕДЬМА С МОРЯ».
Ему, пожалуй, это подойдет.

Банкир

Ого! Посмейте!

Художник

Триста извинений,
Синьор владелец банковской конторы,
Но если вам угодно утверждать,
Что сходство моего портрета с ведьмой
Лишает вас возможности...

Банкир

Довольно!

Я... я его беру.

Художник

Еще момент,
Синьор владелец банковской конторы.

Банкир

Но покороче.

Художник

Я застраховал
Тому назад не больше полугода
В конторе вашей тысячу сигар.
Они лежали у меня в мансарде
И вот, увы, — погибли от огня.

Банкир

Как от огня? Я ничего не слышал.
Ведь ваша же мансарда не горела!

Художник
Мансарда не горела, но огонь
Пожрал до пепла все мои сигары.

Банкир
Да вы, наверно, просто их скурили!

Художник
Я этого отнюдь не отрицал.
Но истина есть истина: сигары
Погибли от огня, и я прошу
Мне отчеканить страховую сумму.

Банкир
Вы шутите, синьор.

Художник
Шучу, конечно.
Но эта шутка будет стоить денег.
Эй, Джiovанни! Псс... Сюда, сюда!!

Болотников
А, это вы.

Художник
Скорей, пока есть место.

Болотников
(озираясь)
А где же этот? Ваш иконописец?

Художник
А наш иконописец — это я.

Болотников
Вы Пьетро?

Художник
Пьетро.

Болотников
Как же вы сказали,
Что Пьетро ваш приятель?

Художник
(усмехаясь)

Милый друг!

Я думаю — и вы себе приятель.

Болотников
(ему не до смеха)

Так это вы приехали?

Художник
Откуда?

Болотников
«Откуда». . . Из Руси!

Художник
Впервые слышу.

Болотников
Послушайте, синьор! Ведь вы сегодня. . .

Художник
О славный рыцарь! Если бы вы знали,
Как трудно жить без гроша за душою,
Но ежедневно пить свое вино.
Ну, как иначе я бы вас заставил
Расплачиваться за чужую кружку?
А ведь жара была какая, рыцарь!
Жара какая. . . Тише. Начинают.
Ты обрати вниманье, Джиованни:
Вся музыка на *mi*, на *sol*, на *fa*.
Что это значит? Это значит вот что:
Mi — образ целомудрия. . . невинность. . .
Sol — чистое стремленье к небесам,
А *fa* — успокоенье духа. Ясно?

Болотников
Я этого не понимаю.

Художник
Тсс.

Вот это — лютня, а вон то — теорба.
А та вон деревянная труба,
Обтянутая кожей, — это серпент.

Но только тише, умоляю — тише!
Я возношусь душою к небесам.

Слушают.

Ах, что за месса... Боже, что за месса!
Какая меланхолия... Какое...
Кто эта дама? Ты ее не знаешь?
Хотя бы обернулась на минутку.
Взгляни сюда, красотка, на мгновенье!
«Румянец твой так нежен, что лилеи
Бледны пред ним, а розы — смущены».
Ты думаешь, что это я сказал?
Есть в Лондоне актер Шакеспеаре,
Так это он... Ты что же приуныл?
Ужель, синьор, вам жалко ваш пиастр?

Болотников

Я думал, Пьетро, кое-что услышать
О родине моей. Я так мечтал...
Едва дождался вечера — и вдруг...

Художник

Вы плачете? Ты плачешь? Джиованни!
Родной мой... Джиованни... Чтоб я сгинул,
Когда посмею снова подшутить
Над чувством сына к матери-отчизне.
Постой! Ей-богу, я тебе не врал.
В конце концов ведь я же что-то слышал
В семье владельца банковской конторы,
Когда писал портрет его жены.
Да-да... Припоминаю! Там бывали
Ганзейские и польские торговцы
И меж собой болтали о Москве.

Болотников

А что болтали?

Художник

Смутно вспоминаю,
Что будто бы у вас, дружище, голод
Такой, что человечину едят.

Болотников

А кто у власти? Царь Борис, не так ли?

Художник

Вот не припомню.

Болотников

На него Димитрий

Войною шел. Про то вот я слышал.

Да дело это давнее. Дошел ли?

Погиб ли на пути? Кто на Москве?

Художник

А, черт возьми! Да я откуда знаю?

А впрочем, подожди.

(Подкрадывается к банкиру.)

Прошу простить,

Синьор владелец банковской конторы...

Банкир

Вы мне мешаете.

Художник

Одну минуту.

Я передумал требовать страховки.

Банкир

Да я б и не дал.

Художник

Ну, а я бы взял.

Но мне сейчас не до того. Вдобавок

Я вам дарю портрет супруги вашей.

Она, синьор, действительно чертовка —

Вы оказались правы.

Голоса

— Тише!

— Тшш...

Художник

(тихо)

Но всё это с одним условием. Рыцарь,
Который там сидит, желает знать,
Кто на Москве царем?

Банкир

Василий Шуйский.

Художник

А где же царь Борис?

Банкир

Какой Борис?

Ах, тот еще? Да он уж год, как умер.

Художник

Несчастный малый... Кто ж его сменил?

Банкир

Деметриус. Но этого убили.

Художник

Сейчас, сейчас... Минутку... Джиованни!

Болотников

(подходя)

Ну, что? Узнал?

Художник

Уж лучше бы не знать!

Болотников

А что такое?

Художник

Все у вас убиты.

Болотников

Как это все?

Художник

Ну, все. До одного.

А кто не убит, тот сам скончался.

Ну, скажем, царь Борис.

Болотников

А что с ним?

Художник

Умер.

Потом сидел Деметриус какой-то
И тоже умер.

Банкир

Этого убили.

Недавно приезжал Исаак Масса,
Купец из Нидерландов. Говорит,
Что видел сам в Москве на Лобном месте
Труп государя с маскою на лице
И шутовскою дудкою в руках.

Художник

Вот это интересно!

Болотников

Что же дальше?

Банкир

Потом его сожгли, забили в пушку
И выпалили пеплом на закат.
Они его считали самозванцем.

Болотников

Но он-то был царевичем?

Банкир

Едва ли.

Но тем не менее, синьор, поляки
Рассказывают, что покойный жив,
Что он бежал и что великолепно
Охотится в Литве у короля.
Довольны вы, синьор?

Болотников

Вполне, синьор.

Банкир

(художнику)

А как портрет?

Х у д о ж н и к

Сегодня или завтра.

Болотников и Пьетро возвращаются на свои места.

Сейчас пойдет мелодия в басу.

Пауза.

А это место пахнет пасторалью!

Пауза.

Как скучно слушать мессу Палестрины,
Когда в далекой снежной стороне
Горят сердца... Летят короны... Люди
Живут большою бурей! Черт возьми,
А что как я поеду на Москву?
Ведь и царям нужны иконописцы!
Ей-богу, Джиованни, что я вижу
В торгашеской вот этой Венеции?
Опять измажу нескольких старух?
Опять схрю в таверну за винишком?
А дальше что? Я еду! Джиованни!
Вы слышите? Я еду!

Б о л о т н и к о в

Слышу.

Х у д о ж н и к

Еду!

Уж это, Джиованни, решено.
Ты можешь оставаться, Джиованни,
Но я поеду. Завтра же поеду.
Чертовку вот отдам ему — и всё.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Самбор. Зал королевского дворца. Сигизмунд III и канцлер
Лев Сапега.

К о р о л ь

Как вы находите, любезный канцлер,
Царевича Деметриуса-бис?
Похож ли на Отрепьева?

Сапега

На Гришку?

Он несколько пошире, но похож.
Не братья ли они?

Король

О нет, нисколько.

Отрепьевы из захудалых вотчин,
Молчановых же знают при дворе.
Так, значит, он похож?

Сапега

Неизъяснимо!

А вашего величества звезда
Придаст ему и силу обаянья.

Король

Вот в это я не верю.

Сапега

Отчего?

Король

Увы, не та повадка.

Сапега

(осторожно)

То есть, ваше

Величество, имеете в виду
Известное отсутствие осанки
Иль что-нибудь иное?

Король

Честолюбье.

Он совершенно не честолюбив.
Вы не поверите, любезный канцлер,
Что принц Шаховский с принцем Телятёвским
Его буквально палками загнали
Ко мне в Самбор.

Сапега

Почти невероятно!

Король

Я жду Марину Мнишек из Руси.
Властительная царственность ума
С очарованием женственности вместе
Должны же повлиять на дворянина,
Когда в нем есть хоть капля от бойца!

Сапега

Вот он идет сюда.

Король

Что за походка!

Сапега

Он путается в сабле, словно шут.

Король

Монашек был изящнее.

Сапега

Еще бы.

Михаил Молчанов подходит к королю Сигизмунду.

Молчанов

Ваше величество...

Король

Как спали, ваше

Величество?

Молчанов

Сегодня как вчера.

Король

А как вчера?

Молчанов

Как и обычно: плохо.

Король

Бессонница сопутствует величью.

Сапега

Святая истина.

Молчанов

Но, к сожаленью,
Величество — не то же, что величье.

Сапега

(грубо)

Вы что-то очень, ваш-велич, скромны.

Молчанов

Пан ошибается.

Король

Тогда откуда

У вашего величества такое
Бесстрашие к наследственному трону?
Да что бесстрашие? Я бы полагал
Здесь нечто большее. Почти болезнь.
Вы одержимы коронобоязнью,
Великий государь всея Руси.

Смех.

Молчанов

(тонко улыбаясь)

Я в должной мере оценил, король,
И ваше остроумие и вашу
Заботу о судьбе моей страны.
Но я, увы, совсем не полководец,
Ведь, если я не ошибаюсь, речь
Идет о том, чтоб во главе поляков. . .

Сапега

И немцев, немцев!

Молчанов

Овладеть Москвой?

Но этого, король, я не сумею.

Сапега

(раздраженно)

Но тут уметь не нужно, ваш-велич!
Всё сделают без вас. Необходимо
Лишь имя — имя русского царя.

Вопрос стоит не о войне с Москвою.
Тут немцы и поляки ни при чем,
Тут русские нужны!

К о р о л ь

И прежде всех,
Конечно, царь. Но это дело ваше.
Мы лишь стремимся вас вернуть народу,
Который безутешно до сих пор
Оплакивает горькую утрату.

Пауза.

М о л ч а н о в

Не знаю. Я подумаю еще.
Я ничего не обещаю, ваше
Величество.

(Откланивается.)

К о р о л ь

Слыхали?

С а п е г а

Трусоват.

К о р о л ь

Да, прежний был как будто поотважней.
А может быть, не в трусости причина?
Вы, канцлер, поняли его намек,
Когда он говорил об овладеньи
Москвою во главе поляков? А?

С а п е г а

Я понял всё, о мой король, — увы:
Он честный малый и боится Польши.

Смеются.

О ф и ц е р

Ваше величество! Из Венеции
К нам во дворец явился кавалер
И требует свиданья с государем
Димитрием Ивановичем. Он
Зовется по бумагам Джиованни,
Но тем не меньше говорит, что русский.

Сапег а

Как? Русский кавалер из Венеции?

Король

Как он одет?

Офицер

Прилично офицеру.

Король

Впустить его.

Сапег а

Пускай придет сюда,

И пригласите русского монарха.

Офицер уходит.

Король

Что это может значить, милый канцлер?

Сапег а

Я потрясен. Ума не приложу.

Пауза.

Не ход ли это папы?

Король

Сомневаюсь.

Появляется Молчанов.

Молчанов

Ваше величество?

Король

Я, государь,

Вас пригласил, чтобы устроить встречу

С одним из ваших подданных — секрет,

Который нас обоих интригует.

Удаляются.

Молчанов

Кто это может быть? Ужели князь?

Появляется Болотников. Увидя Молчанова, становится перед ним на колени.

Болотников

Великий цезарь!

Молчанов

Я тебя не знаю.

Болотников

Я венецийский воин, Джиованни.
Иван Болотников. Я счастлив видеть
Лицо царя. Фанфарой заревою
Звучит твое мне имя, царь Димитрий!

Молчанов

Благодарю тебя. О чем ты просишь?
Но встань, пожалуйста.

Болотников

(вставая)

Я так и думал,
Что мой монарх собою дивно прост.

Молчанов

Да-да... Но с чем ты прибыл? От кого?

Болотников

Сам по себе, великий государь.
Я много лет скитался иноземцем,
Потом прослышал, что опять злодеи
Похитили наследный твой престол,
И что поэтому народ мой стонет,
Что нашему крестьянству самозванцы
Согнули выю — и лишь ты один
Способен был бы дать ему свободу.

Молчанов

Ты думаешь?

Болотников

Не мешкай, государь!
Да знаешь ли, какие нынче думы?

Вот я привез тебе трактат Фомы
Про «Государство Солнца». Прочитай.
Весь мир тебе почудится веселым...
Верни крестьянину Егорьев день,
Издай указы, чтобы господа
Своих холопей не бивали плетью
И в палки бы не ставили. Вели,
Чтобы крестьяне в думе у тебя
Совместно со боярами сидели
И всем бы кругом обсуждали Русь.
(Ведь мы-то лучше землю понимаем!)
Тогда, Димитрий Иоанныч, люди
Не знали бы досады. Жены наши
Всегда бы улыбались, а ребята —
Те просто лопались от молока!
Какие были б кони, Иоанныч,
Какие кони! Ганнибальской крови!
Мы их бы из Аравии везли.
А что за буйволы! Что за коровы!
Красавицы, Димитрий Иоанныч!
Ганзейцы повезли из Нидерландов
В Ост-Индию двенадцать штук. Порода,
Димитрий Иоанныч! Благородство!
Пойдем, брат государь! Убьют — не страшно.
Да и сказать по правде — не убьют.
Я замечал: пока могучий воин
Не исчерпает участи своей,
Он словно заколдован. Иоанныч!
Айда со мною! Будь мужицкой царь!
Я подыму твое монаршьё знамя!
За нами встанут все твои украины —
Казатчина, комаринцы, сеvéра,
Ногайцы, черемисы, остяки —
И мы тогда такое государство
Задумаем, что даже Венеция
Тоскою истомится по Москве!

К о р о л ь
(*появляясь*)

Отлично сказано! Кто этот рыцарь,
Который так прекрасно говорит?

Молчанов

Венецианский всадник Джиованни,
Иван Болотников.

Сапега

Куда, пан рыцарь,
Намерен дальше следовать в пути?

Болотников

Куда прикажет мой великий цезарь
Димитрий Иоаннович.

Король
(улыбаясь)

Хоть в бой?

Болотников

На то и прибыл.

Сапега

Сколько тысяч войска
Бывало под командованьем вашим?

Болотников

Не больше тысячи.

Сапега

А если б десять?

Король

Пятнадцать если бы?

Болотников

(сухо)

Поляцкой ратью
Москвы, король, в сражении не взять:
Москва видала молодцов! Однако,
Угодно если моему монарху,
Я мог поднять бы под большое знамя
Казakov с Дону, мужиков с Комары,
Ясацкий люд с Поволжья до Уфы.

Сапега

Откуда у пан рыцаря такая
Уверенность?

Болотников

Я знаю их нужду.

Пауза.

Король

(*Сапеге*)

Как вы находите, любезный канцлер,
Фигуру кавалера на коне
Перед ордою голых азиатов?

Сапега

Весьма приемлемою, государь.

Молчанов

Я должен вас, король, предостеречь
От увлечения этим человеком:
В нем сердце варвара, но голова
Начинена пороховою мыслью.

Болотников

(*потрясенный*)

Ах, вот каков ответ?

Молчанов

Не ожидал? . . .

Король

Вы дворянин?

Болотников

Я — воин.

Молчанов

Он крестьянин.

Он размечтался о холопьем думе
С мужицким государем во главе.

К о р о л ь

Но этот государь — Димитрий Первый?

М о л ч а н о в

Да... Преданность династии огромна,
Однако...

К о р о л ь

Остальное пустяки.

Его идеи, государь, пребудут
В его мечтах. Как молодые кони,
Пуускай резвятся по степям поволжским,
Но если будет нужно — заарканим
И очень скоро в стойло приведем.

С а п е г а

Прекрасное сравнение!

К о р о л ь

Не правда ль?

(Обернувшись к Болотникову.)

Димитрий Первый Иоанныч — ныне
Изволит вас произвести, пан рыцарь,
В полковники вооруженных сил
Повстанческой Руси.

(Молчанову)

Благословите!

М о л ч а н о в

Иди, мой сын... Храни тебя господь...
Служи мне верой...

С а п е г а

(Болотникову тихо)

Станьте на колени!

Болотников нехотя становится на одно колено.

АКТ II

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Москва. Кремль. Боярская дума.

Мстиславский

Стадницкого Мартына человек,
По имени Круширский, объявляет,
Что видел сам, как будто на Москве
Убит не император Дмитрий Первый,
А кто другой.

Царь

Постой, боярин, — враки.

Мстиславский

Что враки-то, великий государь?

Царь

А это самое. Скажи на милость:
Ну, как видок свидетельствовать может
Про то, о чем и сам сказал: не видел.

Куракин

Ты, государь, ослышался, Круширский...

Царь

Ну — да, сказал-де, что убит не тот.
Однакоже, бояре-дума, это
Пустое показанье — тот свидетель,
Который изрекает: «Сей убит!»
Но восклицающий: «Убит не этот», —
По простоте души не мог ли часом
Иного убиенного видать?

Колычев

(тихо)

Хитер, как муха, царинька.

Воротынский

Да впусте.

Что толку в крюкотворстве-то его,
Когда уж вор на Польше объявился?

Колычев

Да ну?

Воротынский

А вот и ну.

Колычев

Ужели Гришка?

Воротынский

Какой там Гришка? Гришка ведь убит.

Колычев

А верно ль это?

Воротынский

Да уж будь покоен.

Татищев

(грубо)

Любуюсь я тобою, царь Василий,
Каков ты мейстер на статьи закона.
Когда бы нынче в этой самой думе
С чужими торговались послами,
То с помощью бы мудрости твоей
Великую победу одержали.

Царь

(вспыхнув)

Ты мне, Татищев, не дерзи, Татищев!

Татищев

А ведомо ль царю, что на Самборе
Явился новый самозванец?

Царь

Врешь!

Мстиславский

Ей-право же, великий государь.

Царь

Я так и думал!

Т а т и щ е в

Польский Жигимонт
Не потерял, как видимо, надежду
В ясачный край Москву оборотить.

Г о л и ц ы н

А папа в кафолическую веру.

К у р а к и н

Ну, времечко, прости меня господь:
Попрыгивают козни через казни!

Ц а р ь

В Самборе, говоришь... А кто сей вор?
Известно ли хоша его прозвание?

М с т и с л а в с к и й

Прозвание «Димитрий», государь.

Ц а р ь

Я не про то. Младенец, убиенный
Святоубийцею Борисом, мертв
И не восста из праха даже в лето,
Когда Отрепьев именем его
Сел на Москве. Не станем же отныне
Святое имя всеу поминать.

М с т и с л а в с к и й

Прощенье, государь.

Ц а р ь

Прости господь.

Пауза.

Я думаю — не Мишка ли Молчанов
Бежал к полякам? Про него сыскали,
Что в суматохе, как громили Кремль,
Он вытащил из царской из палаты
Большую государеву печать.

М с т и с л а в с к и й

Я про Михайлу не скажу худого.

Царь
(подозрительно)

А где он есть, Михайло-то?

Татищев

И вправду:

Давно его не видно.

Царь
(встревоженно)

Ась? Бояре!

Морозов

В Путивле он, у князя Шаховского,
Великий государь.

Царь
Ага. Пошто?

Морозов

Про то не ведаю. Слышал — в Путивле.

Царь
Сыскать немедля. Где у нас Морозов?

Морозов

Я здесь.

Царь

Немедля, говорю, сыскать!
Ох, чует сердце... Мишка это, Мишка!
По всем дорогам, что ведут к Литве,
Да к Польше, да к ливонским меченосцам,
Дозоры боевые нарядить.
Да слышь, Морозов, приставов не надо:
Растят себе, ядри их в корень, пузы!
Все телепни, Морозов, дармоеды!
Пораспустил ты их...

Морозов

Да я...

Ц а р ь

Молчи.

Быкасов!

Б ы к а с о в

Ну?

Ц а р ь

Да нет, не ты... Урусов!

У р у с о в

Я, государь.

Ц а р ь

Да нет, не ты... Садись!

Да как его... Ну, как бишь... Тьфу!

Черкасской!

Черкасский вскакивает.

Ну что за недогадливый какой!
Зову тебя, зову, а ты... Немедля
Вот тут же отпиши, боярин, всем
Хозяйщикам, живущим на украйнах,
А паче на рубежной на земле,
Чтоб зверовой потехи не имали,
А всех бы доезжачих егерей,
Псарей да трубников, да есть ли где
В ином хозяйстве ратники заморски —
И тех с борзыми слали на пути!
Понятно, ась?

Ч е р к а с с к и й

Понятно, государь.

Ц а р ь

Пушай поишут по ярам-яругам,
По рыбьим норам, по вороньим гнездам,
Да ни одна бы тварь — ниже то зайца
Не промахнул в Самбор, ниже то вран.

В о р о т ы н с к и й

(Колычеву)

Гляди — совсем как при царе Борисе.

Ц а р ь

Понятно, ась? Наташка, дай перо.
Да не охряное же... Эка дура!
От охры-то бывает невезенье.

Н а т а л ь я

Како ж иное? Нешто с голубицей?

Ц а р ь

Багряное давай. Багрец — боец!

Т а т и щ е в

Всё это хорошо бы, да уж поздно.

Ц а р ь

Как — поздно?

Т а т и щ е в

(царю)

Ты, Василий, помолчи.

Теперь, бояре, поздно уж писать:
Молчанов ли бежал, иль не Молчанов,
А ложный царь — в Самборе.

Г о л и ц ы н

Это так.

М с т и с л а в с к и й

Я думаю, великий государь,
Не худо бы, сии принявши меры,
Принять еще иные. Хорошо бы
Проведать потаенный образ мыслей
Коварной Польши. Скрыпотчик хороший
Нет-нет да струнку пробует перстом.
А мы-то, государственные мужи,
Не те же ль музыкийцы?

Т а т и щ е в

Это дело!

М с т и с л а в с к и й

Послал бы, царь, ты ляху Жигимонту —
Ни в чем как не бывало — царский дар.

Коли ответный будет их подарок
Не очень скуп, но и не больно дорог,
То, стало быть, великий государь,
Всё есть как есть.

Ц а р ь

Ага... А коли дорог?

М с т и с л а в с к и й

А коли дорог, пышен, чрезвычайен,
То, стало быть, имеют на примете
Внушить доверье большее, чем нынче,
А стало быть, и особливу цель.

Ц а р ь

Но ежели подарок будет скуп?

Т а т и щ е в

А коли скуп, то завтра быть войне.

Ц а р ь

(струсив)

Вона чего... Войне-то? Ох-те... Завтре...
Ну что ж, бояре-дума... Надо Польше
Немедля в дарование послать
Орлиную охоту. Эй, Наташка!
Сокольничие тута?

Н а т а л ь я

Где ж им быть?

Вестимо, тута.

(Выходит.)

У р у с о в

(тихо)

Подлая бабенка!

Никак царя по титулу не зовет.

Б ы к а с о в

Знать, есть на это воля государя.

У р у с о в

Не воля тут — поблажка.

Быкасов

Слышь, боярин:

Я этого не слыхивал, а ты
Того не сказывал. Аминь.

Урусов

И то.

Урусов не Татищев.

Быкасов

Не Татищев.

Входят сокольничие с четырьмя орлами. Царь подбегает к ним
мелкой рысцой и подслеповато оглядывает каждую птицу.

Царь

Как зовут его?

Сокольничий 1-й

Мамаем, государь.

Царь

Татарин?

Куракин

Со степей, Василь Иваныч.

Царь

Немолодой он у тебя, Антипка.

Сокольничий 1-й

Млад не млад, а на битве — клад.

Татищев

Ты, государь, на проседе не гляди.
Иной плешив, а девки не упустит.

Смех.

Царь

(сухо)

Помалкивай, Татищев.

(Дразнит орла.)

Ишь, зверюга!

И то: морозцем тронута крыло,
А плечи что у рыцаря какого.

Я чай, такую птицу отсылать —
Себе дороже. Выбери поменьше.
Вот этого хоша. Да нет, постой...
Как звать его?

Куракин
Звенящекрылый.

Царь

Ух, ты!

А сановит! Небось, не нам чета.
Не так ли, ась? Вот это — царь Василий!

Смех.

А как в бою? Отменный птицелов?

Сокольниковый 2-й

Не птицелов, а зверобой отменной.
Намедни он из пажитей принес
Вот этакую зайчиху...

Царь

Ну? Оставить!

Татарина оставить и его.

Колычев
(тихо)

Однакож и скупенек-то у нас
Василий свет Иванович.

Воротынский

Сквалыга!

Царь

(подходя к третьему)

А этот?

Куракин
Буйный Ветер Унеси.

Царь

О господи, твоя святая воля!
Куды ж такое чудо отправлять?

Да нешто мы не русские? Оставить!
Вот этого пошлем. Как звать тебя?

Сокольничий 3-й

Митрошкой, государь.

Царь

На кой мне ты-то?

Орла как звать?

Сокольничий 3-й

Ишшо он безымянной.

Царь

Ну что же. Назовите Жигимонт
И с богом отсылайте, что ли, в Польшу.

Куракин

Да он, Василь Иваныч, не дошел.

Сокольничий 1-й

Года ему не вышли.

Сокольничий 2-й

Полуорлик.

Царь

Ну, вот и хорошо. Пущай в Самборе
Приспеет в мужество у короля.
Так ты, Антипка, справь ему наряд!
Оплечь серебряные колокольца,
На ножки алу бархатель, печать...
Ну, знаешь сам, небось... Чтобы по чину.

(Глядит на орла.)

Эх, птица, птица. Жалко расставаться,
Да что поделать? Да и денег стоит.
Поди, червонцев десять отвалили?

Куракин

Одиннадцать с деньгою.

Ц а р ь

Ох-тех-те...

Да что поделать, братцы? Нынче царь —
Неважная службишка: всё убытки.
Не так ли, Татев?

Т а т е в

Правда, государь.

Ц а р ь

А кстати: гости польские торгуют
С царевой-то казны пеньку да лен.
Не так ли, Татев?

Т а т е в

Правда, государь.

Ц а р ь

Дык ты накинь им, князенька, немпожко.
Совсем чуть-чуть... На пудовик дробинку.

Т а т е в

А много ль всё же?

Ц а р ь

Чисто пустяки.

За орлика... Полушечку какую.
Абы лишь только вышло так на так.
Терпеть я не могу даров безмездных.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Путивль. Горница в доме воеводы Григория Шаховского. Сам князь Григорий, князь Андрей Телятевский с сыном Петром, Прокопий и Захарий Ляпуновы, Истома Пашков.

Ш а х о в с к о й

Да кто собою ваш царек Василий?
Лабазник, вот кто!

З а х а р и й

Да уж так.

Шаховской

Лабазник!

Все Шуйские — лабазники!

Телятевский

Их род

Издrevле вел гостинные дворы.

Куда как славно для князей для русских

Иметь царем прислужника!

Шаховской

Прислужку!!!

Петр

Небось, мы родом не худей его.

Шаховской

Да и обманщик Васька-царь.

Захарий

Обманщик?

Шаховской

Обманщик! При Федоре-царе,

Как послан был на следствие-то в Углич,

Он крест на том поцеловал, что Дмитрий

Есть мертвый трупец.

Пашков

Как же, как же!

Прокопий

Было.

Телятевский

А что он говорил при самозванце?

Шаховской

(перебивая)

А что при самозванце говорил?

При самозванце перед всем народом

Священнейшую клятву дал, собака,

Что убиенный в Угличе младенец

Был вовсе не Димитрием.

Захарий

Ого!

Шаховской

А нынче как?

Телятевский

(перехватывая)

А нынче в третий раз
Целует крест на том, что убиенный...

Шаховской

(перехватывая)

Был все-таки Димитрием.

Хохот.

Ну, царь!

Пашков

Помазанник!

Захарий

Помазанник-то божий.

Шаховской

Потеха!.. Что же, гости дорогие,
Прошу за стол. Чем бог послал. Прошу.
Андрей Петрович, выкушай, родимый,
Вот этой редьки с медом. Князь Петруша,
Подай родителю медку. Прокопий!
А ты чего сидишь? Вот эта свинка
Так на тебя и смотрит. Ты, Захарий,
Помог бы братцу, а?

Захарий

Уж помогу!

Шаховской

А ты, Истома, друг мой, навалился
На яловца на осетра на красна.
Эй, казачок! Налей-ка, что ли. Выпьем!
Да здравствует же наше единенье
Противу Васьки Шуйского!

Гости

Ура!

Пьют.

Телятевский

Какие вести у тебя из Польши?

Шаховской

Покуда всё идет, как на мази.

Прокопий

Михайло-то Молчанов доскакал?

Телятевский

Давно уже в Самборе.

Шаховской

Жигимонт

Ему обрадовался, как родному.

Захарий

Еще б не радоваться.

Шаховской

Жигимонт

В своем дому его по-царски холит
И ждет Маринку Мнишкову к себе,
Чтоб парою почтовых голубков
Их запустить из Польши на Московью.

Телятевский

С Маринкой это он хитро удумал.

Прокопий

Неплохо, да.

Телятевский

Простой народ поверит,
Что не убит Отрепьев, а бежал —
И вот вернулся с тою же супругой.

Пашков

(тихо).

Ты где икорку брал?

Захарий

А вон — в ведре.

Прокопий

А как насчет войны-то? Помощь будет?

Шаховской.

Боюсь, что не сейчас. Один полчок,
Пожалуй, для начала нам подкинут.

Прокопий

Да что полчок-то? Капля в окіяне.

Петр

(решительно)

И все-таки от Польши надо брать
Всё, что дадут. Поляки нам подмога
Противу наших милых мужичков.
Позвольте мне, бояре, слово молвить.
Нельзя ли нам своей дворянской силой
Без мужиков Москву отвоевать?
Вы ж поглядите: Севск, Алексин, Ливны,
Елец, Кашира — все бунтовщики!

Пашков

Да ведь идут за нас! Подай сметаны.

Захарий

Да ведь идут за нас.

Петр

А кто их знает?

Они за нас? А может — мы за них?
Зачем идут?

Пашков

По Юрьев день, понятно.

Петр

А что, как мы им Юрья не дадим?
Ну, можно ли крестьянам выдать волю
Хоть раз в году хозяина менять?
Ведь этак мы всегда что на болоте.

Ш а х о в с к о й

А твой сынок, Андрей Петрович, прав!
Ведь наше государство полевое
Без рабства-то, без крепости людской
Не выстоит. Татары-скотоводы,
Иль торгаши — ганзейцы, веницейцы,
Иль, скажем, Лунд-город мануфактурной,
Им без рабов сподручней как-никак.
А Русь-то наша на земле окрепла.
Она без рабства не родит ни крохи.

Т е л я т е в с к и й

Так что же, князь, по-твоему? Сдаваться,
Едва раскинув лагерь боевой?

Ш а х о в с к о й

Сдаваться не сдаваться, а прикинуть,
Каким манером обуздать крестьян.
Тут человечка надобно такого...

П е т р

Какого же такого?

Ш а х о в с к о й

Вот не знаю,
А только чую: надобно. Ты, княже,
Пойми одно: Прокопий Ляпунов —
Природный дворянин. Его дружина
Вся из дворян да из детей боярских;
Что он, что те — водой не разольешь.
Истома Пашков — этот горожанин.
Его казаки все пешой народ,
Служилая дворянская голота.

П а ш к о в

(смеясь)

Уж таковы казаки епифански!
Шапка-бирка,
Поверху дырка.
Травкою крыта,
Чванством подбита.

Смех.

Шаховской

А ино дело бунтари-крестьяне!
Кто головой у них сказаться может?
Боярин ли? Торговой человек?
Как бы не так. Мужик тут нужен. Пахары!
Да не простой — орлиного полета,
Чтобы у них архангелом трубил.

Прокопий

Да нам-то что до этого?

Шаховской

Немного.

Всего-то, чтобы этот мужичонка
Приказчиком у нас бы состоял.
Чего прикажем — то бы он и делал.

Телятевский

Да где найти такого?

Шаховской

Вот и думай.

Пауза.

Пашков

Слышал я, в Диком Поле объявился
Один ярыжка, тутошный крестьянин.
Иванко некий. Ходит соколом,
И слава соколиная за парнем.
Ты как?

Шаховской

Разыщем. Сокола разыщем.
Кто там?

Пристав

Приказный.

Шаховской

Что ты?

Пристав

Князь-боярин!

Мы беглых привели.

Шаховской

Веди сюда.

Пристав

Давай-давай, живее.

Входит старушка.

Шаховской

Кто такая?

Старуха

Кузьминишна, коровница твоя.

Шаховской

Зачем бежала?

Старуха молчит.

Что у ней в котомке?

Пристав

Краюшка хлеба, князь-боярин.

Шаховской

Ладно.

Пятнадцать палок — и опять на двор.

Телятевский

Постой, боярин, жалко старушонку.

Шаховской

А мне, ты думаешь, не жалко? Дальше!

Телятевский

Не выдержит бабуся.

Шаховской

Вот и горе.

И сам я тоже думаю: помрет!

Давай другого!

Пристав

Эй, давай другого!

Телятевский
Послушай, князь: продай ты мне старушку.

Шаховской
Какую? Эту?

Телятевский
Эту.

Шаховской
Что ж, бери.
Добер ты не ко времени, боярин.

Вводят молодого парня.
Ты кто таков? Чего бежал?

Парень молчит.

Пристав
Бежал в Литву, да выдали жмудины.

Шаховской
А что в котомке?

Пристав
Сало с караваем.

Шаховской
Сведи его на съезжую. Пускай
Дознаются и учинят по букве.

Вводят Любашу, потом Болотникова в одежде крестьянина.

А кто сия красавица?

Петр
(узнав ее)

Любашка!
Ты как сюда попала?

Любаша
Убегла.

Телятевский
С чего ж ты это? Кто тебя обидел?

Лю б а ш а
А княжич — вот кто!

Петр
Ох, уж и обидел!
Какая же обида — поцелуй?

Смех.

Шаховской
А ты, Петруша, не казись нимало.
На то вы, девки, и есте на свете,
Чтобы князья от вас имели сласть.
Так что, Андрей Петрович, не угодно ль
Старушку на Любашку обменять?

Петр
Ну, нет... Уж это, князь Григорий, брось!

Телятевский
Он уж наладился, а ты... Хе-хе...

Шаховской
Хо-хо... Ну, что же... О-хо-хо... А может...
Ой, батюшки... А может, он уступит?

Хохот.

Болотников
(неожиданно для всех)
Ну, баста! Ты, брат, девушка, ступай.
Да не горюй, смотри. Через неделю
Получишь вольную.

Петр
(изумленно)
Ого!

Шаховской
Ты кто же?
Какой такой инперии монарх?

Пристав
Боярина Телятевского беглый.

Телятевский

Мой человек?

Пристав

Ивашка, сын Исайки
Болотникова. Тот и сам убег,
Да сгинул в Поле. Так и не нашелся.

Шаховской

Сто двадцать розог от отца в наследство!
В котомке — что?

Пристав

Не знаю...

Шаховской

То есть как?

Пристав

Хотел я по дороге осмотреть,
Да вишь какой огромный — не пущает.

Телятевский

Гляди сейчас.

Пристав

(струсив)

Сейчас? Ага... Тпру-тпру...

Потише, леший... Говорю, не балуй!

Должон я приказанье исполнять

Ай нет?

Шаховской

Ну, что?

Пристав

Покуда хлеб да сало.
Посля того... Ого-го-го: шелом!

Шаховской

Гляди, каков.

Пристав
(доставая доспехи)
Зерцало боевое!

Петр

Да меч!

Болотников
Не меч — турецкой ятаган.

Телятевский
Ишь ты. Где пойман?

Пристав
В поле у погоста.

Болотников
Не пойманя, а волею пришел.

Шаховской
Не пойман? Гм... Начнем, приятель, снова.
Ты кто?

Болотников
Болотников, Иван Исаев,
Военный человек из Венеции.

Пристав
Да врет же, врет! Ну вот, ей-богу, врет!
Все тутошние враз его признали.
Да как же, князь-боярин, не признать,
Когда сыздетства игравали в бабки?
Ивашка он... Холоп твой!

Телятевский
Это верно?

Болотников
Да, правда. Был в холопьях у тебя,
Бежал — и ныне венецейский витязь.

Прокопий
Постой: да ты не этот ли ярыжка,
Что в Диком Поле объявился?

Захарий

Га?

Шаховской
(тихо)

А? Князенька! Беседа наша — вот!

(Болотникову)

Зачем же ты вернулся?

Болотников

Слышал краем,
Что родину мою томят злодеи,
Что наш народ восстал на них, и я
Задумал честью и мечом служить
Освобожденью царства и Москвы.

Телятевский
(тихо)

А речь-то, речь, Григорий, какова!

(Болотникову)

Ты грамотен?

Болотников

По-русски, итальянски,
Турецкий знаю и чуток латынь.

Захарий

Да ты, брат, видно, дохтур.

Шаховской
(тихо)

Слушай, княже:

Второго нам такого не найти.
Господний перст! Его святая воля.
Решаемся?

Телятевский
Решаемся, боярин.

Шаховской

(Ивану)

Поди-ка, друг, сюда. Садись вот тут.
Чем потчевать такого гостя? Дети!
Налейте рыцарю вина такого,
Какого он и в Риме не пивал.

Ему подносят кубок.

Болотников

Во здравье ваше!

Шаховской

За царя и Русь!

Пьют.

Телятевский

Скажи-ка, рыцарь: мог бы ты поднять
Казачью степь да мужиков окрестных
И им бы головою быть?

Болотников

Могу.

Но только этого мне мало.

Шаховской

Как?!

Болотников

Я должен быть главой всего восстанья.

Захарий

Эге...

Прокопий

Да ты в уме ли?

Пашков

Ну и хват!

Петр

Какой те хват, когда уж пьян от кубка.

Болотников

Не хват я и не пьян. Но по веленью
Его величества и по указу
Царя Руси я прибыл в ставку вашу
Как полководец всех мятежных сил
И ваш властель. Вот грамота. Читайте!

(Вручает им письмо.)

Телятевский

(разглядывая грамоту)

Тут всё по чину: польские орлы,
Царев сургуч...

Шаховской

А буквы?

Телятевский

Буквы наши.

Петр

Однако же, бояре, не мешало б
Царю и королю спросить у нас —
Угодно ль нам такого воеводу?

Захарий

Угодно ли такого?

Пашков

А то как же?

Прокопий

Кажись, и мы-то витязи, аль нет?

Пашков

Кажись, и мы-то... Правильно, Прокоша.

Захарий

(как эхо)

Кажись, и мы-то витязи...

Прокопий

Ну что же.

Прощенья просим, господа бояре.

Уж коли мы тут лишние. .

Болотников

Постой.
Излишнего не говори, Прокопий.
Так, кажется, зовут тебя?

Прокопий

Ну, так.

Болотников

В Самборе вам не доверяют. Ясно?
Боятся, как бы вы не посадили
Другого на престол. Короче — мне
Поручено, команду войсками,
В столице обеспечить бармы власти
За Дмитрием Иванычем. Когда
Меж вами нет затей о самозванстве,
Кого страшиться вам? Уж не меня ли?
Я, государи вы мои, лишь меч!
Служа царю, я тем служу народу.

Шаховской

Изрядно сказано.

Телятевский

Великолепно!

Шаховской

Да здравствует же рыцарь Иоанн!

(Тихо)

О Мишке он не знает.

Телятевский

Тсс... Ни слова!

Шаховской

Ей-право же, неважно, друг Прокопий,
Кто первый въедет на коне в Москву.
Была бы власть за нами, за князьями,
Всё остальное бубенцы да звон.
Итак, Ванюша, что тебе нужно?

Болотников

Пока немного: конных два полка,
По две пищали в каждом. Остальное
Добуду с бою.

Телятевский

Что же — это можно.

Шаховской

Еще чего?

Болотников

Чтобы поднять народ,
Первейшим делом надо одержать
Викторию... ну... как это по-русски?

Телятевский

Победу, что ли?

Болотников

Правильно: победу.
Но не простую. Крепость надо взять.

Телятевский

Ну что же, крепость...

Болотников

Но такую крепость,
С падением которой для народа
Большие были связаны дела.

Шаховской

Отлично, рыцарь. Есть такая крепость.
Где наш пергамент-то? Гляди сюда.
Вот тут Москва. Тут — мы. А это Кромы.
Здесь царь Димитрий вынес громовую
Победу над войсками царь Бори...

Болотников

Понятно. Значит, два кавалерийских.
Когда я получу их?

Шаховской

Да хоть вот!

Когда, Прокоша?

Прокопий

Через день-другой.

Болотников

А всё же: через день или другой?

Прокопий

Да можно через день...

Болотников

(смеясь)

А через месяц?

И через месяц можно? Эх, блажные.

Давайте завтра точно в полдень. А?

Но чтоб уж ни полчаса опоздания.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Половина царя.

Василий Иванович и Наталья глядят в оконце.

Наталья

Вон бабы ветошь в проруби стирают,
Поплескивают. Вон ямщик несется...
Средний вороной, а те-то сивы.

Царь

Собачка побежала.

Наталья

Вон какой-то

Молодчик с девушкой остановился.

Она смеется, а и он хохочет.

Царь

Хохочет, безобраз. А я гляжу

И ничего-то этого такого,

Натальюшка, не могу воепретить.

А говорят: монарх-де!.. самодержец!..

Н а т а л ь я

Да ведь пошто, соколики, воспрещать?

Ц а р ь

Ну, не пошто. Я говорю к примеру.
Пушай себе их бегают собачки.
Хоша б и елѣфанты побежали —
Мне что? А всё ж, Натальюшка, обидно.
Я говорю, Наталия, конечно,
Не как правитель, а как филозо́ф.

Пауза.

Я по вся дни сыздетства жаждал власти,
Как парень девицу. Котенком мягким
Я ластился к царю Ивану; псом,
Дворовым псом служил при Годунове,
При Дмитрие — козлищем отпущенья,
И вот я сам, я сам великий царь!
Всея Руси! Наташа, ты подумай!
Слова-то каковы: все-я Ру-си. . .

И что же я обрел? Коварны козни?
Дерзания крамолы богохульной
И вечный страх за мой царев престол?
А где же власть? Престол-то оказался
Заморским шулом, попросту сказать,
А весь «Большой царев наряд» — попоной.
Те сами-то бояре, что меня
Вчерась на трон маленько посадили,
Уж ноне пожелали, чтобы царь
Служил князьям, а не князья царю.
Намедни в думе этот пень — Татищев
Дык просто цыкнул на меня.

Н а т а л ь я

А ты?

Ц а р ь

А я смолчал. При грозном бы Иване
Ему бы тут жа — голову долой!
А я терпи.

Н а т а л ь я

А ты б его казнил!

Ц а р ь

Казни, попробуй. Ванька Воротынской,
Да Митька Трубецкой, да Колычев,
Голицын, да Быкасов, да Урусов...

Н а т а л ь я

А ты бы всех!

Ц а р ь

(испуганно)

Тсс. Тихо! Не сейчас!

Пауза.

Слыхала даве! Мишка-то Молчанов
Каку себе штуковину удумал?
Димитрием на Польшу поскакать.
Я поскачу! Уж я те поскачу!
Всю бороду ощиплю по щетинке
Да ноздырья законопачу — во!
А губы-то зашью, зашью, зашью...

Н а т а л ь я

Ну, полно, сокол.

Ц а р ь

Дратвою зашью...

Н а т а л ь я

Не гневайся, родимый. Сядь покойно.

Ц а р ь

Зашью...

Н а т а л ь я

Вот так. На плечико головку.
Вот... Хорошо... А я тебе, красавец,
Каку ни есть побаюшку спою.

(Поет)

Уж ты ворон-
Воронок,
Улетай ты
За порог

От чела дремучего,
С горя со горячего.
Пускай Ванечка-
Ванек...

Ц а р ь

Пой про меня. Про Васю, а не Ваню.

Н а т а л ь я

Пускай Васечка-
Васек
Зауснет хотя б
Разок
Подле мати-душечки
На белой подушечке.
Баю-баюшки-
Баю,
Будешь грозен
Во бою.
А ко мне, маманеньке,
Ласковый, что пьяненький.

Ц а р ь

Хорошая ты у меня, Наташа.
Красивая.

Н а т а л ь я

Неужто?

Ц а р ь

Брови; очи...

А уж персты — персты-то каковы!
А вот велю — хе-хе... и их отрубят!
Ага! Хи-хи... А вот произнесу —
И эти ушки, махонькие ушки
Повыдернут... Хо-хо! Что? Испужалась?
Зашлось сердечко-то, зашлось? Ага.
Ну, что ты, что ты... Я ведь это в шутку...

Н а т а л ь я

(плача)

Ты повсегда... вот так...

Ц а р ь

Помилуй бог.
Натальюшка... дитя мое... послушай...

Н а т а л ь я

Что я те... сделала... худого...

Ц а р ь

Уф!

Наталья, а, Натальюшка! Уймися!
Да полно уж. Не то и я заплачу.
Неужто же Натальюшке угодно,
Чтоб царь... да батюшка... да самодержец...
Да православный... плакал! Ай-ай-ай.
Ну, хочешь — я те тожа вроде как бы
Чего-нибудь изображу? Гляди:
Шел черт. Видит черта.
Чертыхнулся черт на черта:
«Тьфу ты, черт! — сказал черт. —
На кой черт черту черт?»
— «Ни черта!» — сказал черт черту,
И послал он черта к черту!

Наталья смеется.

Ну вот... Ну, помирились, помирились.
Целуй сюды... Теперича сюды...
Одна щека... Другая...

М с т и с л а в с к и й
(входя)

Государы!

Ц а р ь

А, это ты. Чего тебе, Феодор?

М с т и с л а в с к и й

Дурная весть.

Ц а р ь

Сам знаю, что дурная.
Хорошей ты не принесешь.

Мстиславский

Молчанов

Уже в Самборе.

Царь

Врешь! А кто помог?

Мстиславский

Путивльский воевода Шаховской.

Царь

Схватить его!

Мстиславский

Повремени, Иваныч.

Прокопий и Захарий Ляпуновы

Ко князю под Путивль привели

Четыре тыщи войска.

Царь

Ляпуновы?

Да верно ли?

Мстиславский

Потом Истома Пашков

Привел неведомо каких людей.

Царь

(тяжело дыша)

Еще чего?

Мстиславский

Еще вчера с обедни

Ко князю ко Телятевскому прибыл...

Царь

Постой, Иваныч... Трудно мне... Наталья!

Подай водицы... Да не в белой кружке...

Я белую тревожить не велел...

Еще побьешь... Зеленую возьми.

Да, князь-боярин: годы — не безделка.

Не нынче — завтра я и сам, сердешный,

Почию в бозе. Смерть при мне сидит,

Как черный дохтур, и считает сердце.

Пошто же им не терпится, проклятым?
Так вот же я: назло им не помру!

Мстиславский

Ко князю ко Телятевскому прибыл
И принял воеводство боевое
Из Веницей рыцарь Иоанн.

Царь

Чего-чего? Из Веницей?

Мстиславский

Так.

Царь

Да мысленно ли дело? Ну и хваты!
Ведь вон куды! И что же сей-то рыцарь?

Мстиславский

Идет на Кромы.

Царь

Ась? Чего? На Кромы?

Походами Лжедмитрия? По-нят-но.
У рыцаря башка-то на плечах!
Сейчас видать, что важная парсуна.
Иной бы на Москву, а он на Кромы.
А что поляки? Есть ли воздаянье
За наш царев гостиничек-то?

Мстиславский

Есть.

Царь

Пошто же ты молчал? Опять худое?

Мстиславский

Не стоит, государь, и говорить!

Царь

Ну-ну, моги. Не малые ребята.
Пора уж государственным-то мужам
И доброе и злое воспринять
Как день и ночь, без коих нет и суток.

Так что прислал король-то Жигимонт?

Молчание.

Ну, что же, Федя, а? Каков подарок?
Камень ли какое? Говори.

Мстиславский

В ответ на твоего орла степного
Он... ворона прислал.

Царь

Ага. Так-так.

А где он, ворон-то? Покажь-покажь.
Ну, и чего же тут худого, княже?
Послав орла, я возгласил: «Храбрец»,
Ответа враном — мудрость он прославил.
Всё правильно, родимый князь-боярин.
Всё есть как было. Сам же ты прикинул,
Что ежели подарок королевской
Придется так на так, то ничего.

Ну вот, боярин. Прикажи немедля
Послать под Кромы тыщи две аль три
Отборнейшего молодого войска
Хозяйщикова и детей боярских.
В Сторожевом — пушай-де Салтыков.
В Большом полку пушай-де Скопин-Шуйский.
А чтобы мне их помыслы честные
Да были ведомы во всякой час —
При Скопине воссядет Шереметьев,
Морозова же — Салтыкову дать.

Мстиславский

Затейливо, Иваныч.

Царь

Не беда.

В правителе доверие смешно.
Хоть Скопин-Шуйский и в родстве со мною,
Но Шуйский в нем задумает одно,
А Скопин может выкинуть иное.
Хе-хе... Зато подарком королевским
Я, князь-боярин, очень успокоен.

По крайней мере с этой стороны
Нам нечего, по-моему, страшиться.
А посему-ко отпиши указ,
Чтоб нынче же на польской на границе
Усилить бы дозоры трубачей;
И чтоб созвать немедля ополчение
На Суздали, на Пскове, на Смоленске
И двинуть к Польше тяглых мужичков.
Уж наши мужички-то не замают.
Ну, как же, князь-боярин? Всё упомянул?

Мстиславский

Как будто всё.

Царь

Ну, с богом — начинай.

Мстиславский уходит.

Наталья

Дивлюсь я на тебя, Василь Иванович,
Каков ты есть туманной человек.

Царь

Туманной, говоришь?

Наталья

Король поляцкий

Тебе за мудрость ворона прислал.
И сам ты молвил, будто бы доволен.
А вот, однакож, выслал на границу
И Суздаль и Смоленск.

Царь

Эх, девка, девка.

Не мог же я, помазанник-то божий,
Перед Мстиславским дурака принять!
Не мог же я на весь на сей курзал
Усесться в лужу со своей короной!

(Шепотом)

Ведь это же не ворон, а... ворона!
Он старую каргой меня озвал.

АКТ III

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Поле. Утренняя заря. Болотников стоит на бугре.

Болотников

Светает на Руси... Родимый край!
Как мне милы твои простые дали,
Твои ручьи в ольшанике зеленом,
Унылые, усталые поля
И в небесах — серебряная песня.

Прекрасна Венеция на своих
Полтораоста островах у синей,
У голубой, у золотой воды.
Великолепен храм ее, как время,
Окутанный веками размышлений;
Чудесны юные венежанки,
Плывущие у Старых Прокураций
Куда-нибудь в проулок на свиданье.
А запахи Джудекки! Рыбье сало
Сливается с лимонной цедрой; дыни —
С багряным перчиком... — и море, море!

Прекрасна Венеция... Но тебя
Я с легким сердцем променял на эти
Бугры да хатки... Милые мои,
Проклятые мои хатенки... Встаньте!
Берите колья, вилы, топоры —
И мы пойдем на рыжего тирана
И своего посадим короля,
Мужицкого, хотя б и царской крови,
И чтоб служил, душа из него вон!
Вон кто-то пашет... Женщина как будто.
Мне кажется, сейчас я мог бы сердцем
Всю родину, как небом, охватить.
Всю родину! Вот с этими полями,
Вот с этим долом, с этою клячонкой,
Вот с этой синей чуйкой у сохи.
Устала... Дышит... Мужика-то нету.
Мужик, пожалуй, в коннице моей.

Ну-ну... Вперед, чубатая, вперед!
Пошла-пошла... За ней шагает грач,
Как бы за недоимкою подьячий.

Пауза.

Ты чья такая будешь?

Лю б а ш а
(идет за сохою)

А своя.

Б о л о т н и к о в

А сам-то где?

Лю б а ш а
Мы в девушках покуда.

Б о л о т н и к о в

А где ж тогда папаня?

Лю б а ш а

Тятя мой

Ушли к Иван Исаичу. В стрельцы-то.
А ты кто будешь?

Б о л о т н и к о в

Я — Иван Исаич.

Лю б а ш а

Да ну ты.

Б о л о т н и к о в

Крест!

Лю б а ш а

Да разве ж он такой?
Иван Исаич грозной, бородатой.
А ты что немец. Да и лет тебе
Чуть-чуть не двадцать.

Б о л о т н и к о в

Двадцать пять, Наташа.

Лю б а ш а
А вот и не Наташа, а Любаша!

Б о л о т н и к о в
А хоть бы и Любаша — двадцать пять.
Постой, постой — да мы с тобой видались!

Лю б а ш а
И то.

Б о л о т н и к о в
В Путивле.

Лю б а ш а
Ты такой же беглой,
А говоришь «Иван Исаич». Но-о!
(Пашет.)

Эй ты, чудило!

Б о л о т н и к о в
Это ты меня?

Лю б а ш а
А то кого же?

Б о л о т н и к о в
Ну.

Лю б а ш а
Тогда в Путивле
Ты сказывал, что вольную дадут.
Да где ж она-то, вольная твоя?

Б о л о т н и к о в
Я обещал через неделю.

Лю б а ш а
Верно.
Да ведь неделя нынче.

Б о л о т н и к о в
Разве так?

Лю б а ш а

А как же? Середа и четверток,
Да пятница, су-ббота, воскресенье
И понедельник. Стало, нынче.

Б о л о т н и к о в

Нынче...

Ну что же. Далеко не отходи.
Уж так и быть — получишь.

Лю б а ш а

(глядит на него с сожалением)

Экой дурень!

И поболтать, как следоват, не смог.

Голоса.

Г о л о с В а в и л ы

Иван Исаич!

Б о л о т н и к о в

Ая!

В а в и л а

(входит)

Это мы.

За ним Петр Телятевский и ратные люди.

Б о л о т н и к о в

Разведал крепость?

В а в и л а

Всё как есть разведал.

Б о л о т н и к о в

И как?

В а в и л а

Не выстоять противу нас.
Да и страшатся... Таково страшатся —
Что меч трясется во своих ножнах.

Смех.

Болотников

Вот это хорошо.

Петр

Ивашка, слушай.

Родитель сказывать тебе велел,
Что из Москвы полки идут на Кромь,
И ты бы шевелился.

Болотников

Вот что, княжич.

За вести я тебя благодарю,
А за «Ивашку» выговорить должен.

Петр

А как же мне тебя и называть?
Ведь не боярином?..

Болотников

Помилуй боже.

Зачем боярином?

Петр

Иль, может, князем?

Болотников

А разве ты не слышал, что в народе
Иван Исачем меня зовут?

Петр

Слышать слышал. Да мне-то что за дело?
Я отроду по отчеству холопьев
Не величал.

Вавила

Теперь повеличаешь!

Петр

Ну, этому не быть. Ты что, Любашка,
Без дела прохлаждаешься-то, а?

Любаша

Но-но, ходи!

(Нахлестывает клячу.)

Болотников
Прощай, Любаша!
Любаша

Балуи!

(Исчезает за бугром.)

Болотников
Я думаю, Вавила, с этой выси
Ударить изо всех пищалей в башню.
Ты ж в это время с головным полком
Ворота атакуешь. Ладно?

Вавила

Ладно.

Болотников
А ты, Петруша, к батюшке скажи
И повели от моего приказа,
Чтоб он пошел...

Петр

Да ты в своем уме?
Да как ты смеешь повелеть отцу-то?
Московский царь желал повелевать
Родителем — да вишь не подчинились
Бояре-князь Телятевские.

Вавила

Брось.

Не время чваниться.

Петр

Один лишь бог!
Лишь бог один...

Болотников

Молчать!

Петр

Че-го!

В а в и л а
(объясняя)

Молчать.

Болотников
Стать смирно. Сотский!
Сотский

Я, Иван Исаич.

Болотников
Возьми его коня и поскачи
К боярину Телятевскому — духом!
Скажи, мол, чтобы вышел на дорогу,
Но не позднее, чем осядет солнце.
Военачальствующий приказал.

Сотский
Ответ какой ли надо?

Болотников
Ни к чему.
А ты ступай на все четыре ветра.
А коли встретишь полководца, согро
Di Вассо...¹ — называй его «синьор».
Тебе и невдомек, что это значит,
Но так учтиво. Понял? С глаз долой!

Петр в бешенстве выбегает.

В а в и л а
Хо-хо... Ах, стоеросов!

Болотников
Канониры!
Где канониры?

Голос 1-й
Нету.

Болотников
То есть как?
Да вы кто будете?

---

¹ Черт возьми (итал.). — Ред.

Голос 1-й

Мы пушкари.

Болотников

Но это же и значит канониры.

У тулова занять свои места!

Запальщик!

Голос 2-й

Здесь.

Болотников

Как у нас зовется

Твоя пищаль?

Голос 1-й

«Единорог».

Болотников

Твоя?

Голос 2-й

«Анюткою», кормилец.

Болотников

Ну, а те-то?

Голос 2-й

А те-то: «Слава богу» да «Москва».

Болотников

Занять свои места у фитилей,

Ну, брат Вавила!

Вавила

Ну, Иван Исаич!

Обнимаются.

Христос с тобой.

Вавила

(отряду)

Айдайте с богом.

Болотников

Цель-ся!

Ваила с отрядом уходит.

Огонь! Поосторожнее... Огонь!

Пальба.

Любаша

Ах, батюшки... Отцы святые... Ох, мне...
Голубчики родимые...

Болотников

Любаша!

А где же конь?

Любаша

Побросила его.

Болотников

Ну, вот и зря. Его угонят.

Любаша

Правда?

Да что такое делается?

Болотников

(смеется)

Война.

Огонь!!!

Пальба.

Любаша

Ай-ай! Иван Исаич...

Болотников

Ну!

Любаша

Куда же вы стреляете-то?

Болотников

В башню.

Лю б а ш а

Да там, поди, ведь люди-то сидят!

Б о л о т н и к о в

Огонь!!!

Г о л о с 1 - й

Заело.

Б о л о т н и к о в

Как заело? Где?

Проклятая «Анютка». Канониры!

Живее поворачивайся — ну!

Г о л о с 1 - й

Не в повороту дело.

Г о л о с 2 - й

Тута порох,

Иван Исаич, вовся отсырел.

Б о л о т н и к о в

Да сам ты отсырел, мужик бесстыжий.

Пошто не доглядел?

Г о л о с 1 - й

А что глядеть-то?

Ен, порох, так уж порох-то и есть.

Б о л о т н и к о в

Ах, согро ты ді Вассо растакое!

Давай из трех. Передняя — огонь!!

Ага. Гляди-ка, девушка, видала?

Макушка-то осыпалася, а?

Лю б а ш а

Осыпалася. . .

Б о л о т н и к о в

(весело)

Что? Не зря колдуем?

Огонь!!

Далекое «ура».

Ура! Вавила наступает!

Любаша
Гляди, гляди-ка: мужички побёгли.

Болотников
И правильно побёгли... Духом-духом!
Урра, Любаха ты моя родная...
Огонь!!!

Любаша
(за ним)
Огонь!

Болотников
Светает на Руси!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Съезжая изба в городе Кромы. Осада. Гул пищалей.

Вотчинник 1-й
Отцы мои, макушка обвалилась!

Вотчинник 2-й
Да черта в ней, в макушке — вон войска
Ударили в ворота.

Вотчинник 3-й
Эй, дворяне!
Где тысяцкий у нас?

Тысяцкий
А тут он я.

Вотчинник 3-й
Пошто сидишь?

Тысяцкий
Докладывал я даве:
Не устою, дворяне.

Вотчинник 4-й
Экой пес!

Вотчинник 3-й
Повесить бы такого воеводу.

Тысяцкий
А ты не лайся: погляди сюда!
Видал шатры? Что лебедей по осень.
Тут вся комаринская, почитай.
Их тыщи — а у нас?

Протопоп
Заворовали,
Треклятые холопы!

Вотчинник 1-й
Вот ворвутся —
Поди загнут салазки господам.

Протопоп
Ужели и монасей заобидят?

Вотчинник 4-й
Антихристы, святой отец... Крамольцы!
Им море по колено.

Тысяцкий
Их ведет
Большой стратиг из веры из латынской.
У этого пощады не проси.

Дьяк
Однако пушки вроде замолчали.
К добру ли то, дворяне?

Тысяцкий
Поглядим.

(Выходит.)

Протопоп
О господи, твоя святая воля.
Пошто стратиг на Кромы-то пошел?
Ходил бы на Москву, а то на Кромы.

· Вбегает тысяцкий.

Ты сяцкый
Спасайтесь, дворяне!

Дьяк
Что такое?

Ты сяцкый
Спасайтесь — уж воры на мосту!
Бегут сюда.

Вотчинник 1-й
Бежим, Степан Лукич!

Вотчинник 2-й
Бежим.

Дьяк
Печать... Да где ж моя печать-то?

Вотчинник 3-й
Беги, Илья Иваныч, будет худо...

Разбегаются. В дверях появляется Болотников с дружиной. Вотчинники посыпались в окна.

Болотников
Стой! Ты куда?

Ты сяцкый
Дворяне — за царя!

Выхватывает меч и бросается на Болотникова, тот выстрелом из пистоля укладывает его наповал.

Болотников
Занять проходы. Юрий! Ты отправишь Гонца в Путивль доложить бы князю, Что Кромы взяты. Ждем его сюда. Ты, Алексей, немедля с булавою Проскачешь улицей — и коль увидишь Какой грабеж — порядок учинишь. А ты, Михайло, невзирая на ночь, Возьми из резервации отрядец И заложил пролом. Понятно? Дуй!

Сотские удаляются.

Итак, бояре. Сядем, что ли, а?
Чевой-то вас немного тут осталось.
Ну, не беда. Мал камушек, да ал.
Садись, Любаша, рядом.

Что ж, бояре?

Идем мы, значит, против государя.
Бунтовщики, бояре. Супостаты.
Так вы, бояре, нам помочь должны.

Хохот.

Дьяк

Пошто же глумы-то творишь, боярин?

Болотников

Я не боярин.

Дьяк

Кто же ты?

Болотников

Холоп.

Дьяк

Не больно видно.

Болотников

Да зато-де слышно.

А как ты скажешь, человек почтенный,
Вот этот парень — князь или холоп?

Дьяк

Который?

Болотников

(Вавиле)

Подойди поближе.

Дьяк

Этот?

Пастух.

Болотников

А вот и врешь.

Дьяк

Тогда подпасок.

Вотчинники смеются.

Болотников

(указывая на тысяцкого)

Кто был вот этот ратный человек?
Небось не сотский?

Дьяк

Тысяцкий.

Болотников

Боярин?

Дьяк

Нет, вотчинник.

Болотников

А вотчина-то где?

Дьяк

Во городке Одоеве.

Болотников

(обращаясь к Вавиле)

Отлично.

Ну, вот и поздравляю, сударь мой,
Вавила, князь Одоевский. Спасибо
За ратный подвиг. Властью государя
Отныне будешь владеть землей,
Которая за тысяцким лежала.

Дьяк

Постойте... Это как же?

Болотников

А вот так.

Отдать ему с убитого доспехи.
Буймистер кто?

Дьяк

Такого нет.

Болотников

Ну, дьяк.

Дьяк

А что там?

Болотников

Книги, братец, подавай.

Дьяк

Каки те книги? Мы не грамотей.

Болотников

Вавилушка, пошарь-ка по ларям,
А ты, Любаша, поищи чернила.

Пауза.

Всё, что, бояре, было тут до нас —
Считайте небывальщиной. Понятно?
Ну, вроде как и не было совсем.

Вавила

(смеясь)

Ошибочка такая приключилась.

Болотников

Не доглядели.

Вавила

Только и всего.

Болотников

Ищи, ищи, Вавила. Даром, что ли,
Тебя в князья произвели? Трудись!
Князья, известно, труженики. Верно?
Ну, то-то же. Буймистер нам поможет.
Зачем ему народу не помочь?
Кажись, соседи. Мы ему пшеничку,
Бывало, помогали засеять.
Годов примерно с тыщу помогали?
Ну вот. Теперь и он... Ну, как? Нашли?

В а в и л а
Да вот какая-то, Иван Исаич,
Свиная шкура, хваченная шилом.

Б о л о т н и к о в
Тащи сюда. Быть может, та и есть.
Да нет, не та. Что это?

Д ь я к
Да уж книга.

Б о л о т н и к о в
Сам вижу, что давненько не свинья.
А всё же, а?

Д ь я к
Гостиные статьи.

Б о л о т н и к о в
Ах, вон чего. Торгуешь? ³

Д ь я к
Торговали.

Б о л о т н и к о в
И впредь, буймистер, будем торговать.

Д ь я к
Торгуй, коли сумеешь.

Б о л о т н и к о в
Мы сумеем.
А с кем торговля, говоришь, была?

Д ь я к
(нехотя)
Со всякой чудью.

Б о л о т н и к о в
С греками?

Д ь я к
И с греки.

Болотников
С татарами?

Дьяк
С татары тоже.

Болотников
С Ганзой?

Дьяк
Таких не слышал.

Любаша
Врет, поди. Слышал.

Болотников
Не думаю. Ганзейцы любят море.
(Перелистывает книгу.)

И что же продавали им?

Дьяк
Да всё.

Болотников
Пеньку?

Дьяк
Пеньку.

Болотников
А лен?

Дьяк
И лен.

Болотников
А мед?
Зерно, конечно? меховую рухлядь?
Вы эту книгу, братцы, сохраните.
И цены здесь указаны?

Дьяк

И цены.

Вавила

Да, эту книжку надоть поберечь.

Любаша

А эту как, Иван Исач?

Болотников

Эту?

А что в ней? Ба! Разрядные пошли!
Отцовщина да дедовщина! Ясно.
Ты, князь Вавила, выруби страницы,
В которых что начертано.

Вотчинник 1-й

Постой...

Дьяк

Да вы чего?

Вотчинник 2-й

Да что ж это, дворяне?

Дьяк

Ведь тут роды за пять и шесть столетий!

Болотников

Руби, руби — мы заново начнем.

(Берет книгу и кладет перед дьяком.)

Пиши, буймистер. С первой со страницы
Вавила, князь Одоевский. Пастух.
За боевые славные заслуги
Под Кромами был награжден землею
И княжеским достоинством.

Дьяк

Отцы!!

Невозмогу мне! Это чтоб Вавилка?
Да вы меня хоть режьте! Колесуйте!

(Бежит.)

В а в и л а

Куда, куда?

Д ь я к

Анафема на вас!

Б о л о т н и к о в

Схватить его и посадить на место.
Пошарь, Вавила, нет ли сургуча.

Л ю б а ш а

Да вот сургуч-то. В книжице.

Б о л о т н и к о в

Per Vasco! ¹

Давай свечу. Держать его, ребята.
Как бороду его мы припаяем
Вот к этому столу — так не ускачет.

Капают сургучом на бороду дьяка и припечатывают ее к столу.

Пиши, буймистер. Стало быть, пастух
За боевые славные заслуги
Пожалован одоевской землею
И княжеским достоинством. Вторым
Пиши, буймистер, девушку вот эту,
Любаву — как по отчеству тебя?

Л ю б а ш а

Егорьевна.

Б о л о т н и к о в

Пиши: княжна Любава...

Л ю б а ш а

Ах, что ты, что, Иван Исаич... что ты!
Да как же это? Стыд какой...

Б о л о т н и к о в

Молчи.

Сказал тебе, что вольную получишь.
Так ты пиши...

---

¹ Черт возьми! (Итал.) — *Ред.*

Любаша

Да я...

Болотников

(ей)

Княжна Любава!

(Дьяку)

Егорьевна. А вотчина ее...
Сейчас-сейчас, Любаха, всё добудем.
Кто восседал на этом стульчаке?

Вотчинник 3-й

На этом? Я.

Болотников

Отлично. А на том?

Дьяк

На том — Сергей.

Болотников

Откуда?

Дьяк

Из Венева.

Болотников

А где сейчас? Убег?

Дьяк

Да уж...

Болотников

Убег.

Пиши: княжна венеvская Любава
Егорьевна.

Вавила

(срываясь)

А девке-то за что?

Дьяк

И верно, а? Вавила хоть сражался.

Болотников

А ей за то, что глазки голубые...
За то, что носик бабочкой. За то, что
Мне помогала возглашать «ура».
Так и пиши, буймистер. Это важно.
Готово? Ну, а третьего по счету
Проставь, писака, самого себя.
Ты князь?

Дьяк

Я грамотей.

Болотников

Пиши: за помощь,
Оказанную грамотой своею
Восставшему народу...

Дьяк

Да ты что?
Кака тут помощь? Смилуйся, боярин.

Болотников

Да я ж тебе худого не желаю.

Дьяк

Да как же не желаешь? Царь Василий
Убьет меня за этакую честь.

Болотников

(смеясь)

Да ты не бойся, старый. Мы в Москву-то
Везем с собою своего монарха —
Мужицкого. А твоего Василья
Заставим пятки у тебя чесать.

Вавила

Иван Исаич! Да пошли их к бесу!
На кой те нянчиться с такими? Эх!

Болотников

Ты, князь, в мою стратегию не суйся.
Я знаю, что я делаю. Бояре
Меня отлично поняли. Итак,
Пиши, старик, что волею повстанцев
Вы все, оставшиеся на местах
И послужившие сердечной правдой
Полкам царя Дмитрия Святого,
Что супротив царя-собаки Васьки...

Дьяк

О господи, твоя святая воля...

Болотников

Пожалованы тигулом князей.
Теперь, бояре-дума, перед вами
Как будто нет исхода: либо вместе,
А коли врозь — Василий вас пожрет.

Вотчинник 1-й

Вот не было печали.

Вотчинник 2-й

Как объехал!

Дьяк

На вороных, Фомич, на вороных!

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Ставка Болотникова в городе Кромы. Петр и Любаша.

Петр

Ну что, «веневская княжна»?

Любаша

А то же,

Черниговский княжонок.

Петр

Но-но-но!

Не забывайся!

Лю б а ш а

Как же не забыться,
Когда вишь мне така планида вышла,
Что стала я не ниже хоть тебя.

Петр

Смотрите — языкатая какая!

Лю б а ш а

А что же? Всем помалкивать прикажешь?
Не те, брат, ноне времена.

Петр

Ого!

Лю б а ш а

Вот и «ого»!

Петр

Княжна! Ей-ей, княжна!
Да и одета будто по-боярски:
Кокошник, меховая душегрея...
Да жаль — армяк содрала с ямщика.

(Хочочет.)

Теперь, пожалуй, ты на сеновал
С миленочком не слазишь, а, Любашка?
Негоже в вашем званьи?

Лю б а ш а

Отчего же?

Смотря с каким.

Петр

Ну, хоть со мной.

Лю б а ш а

С тобой?

С тобой мы и в холопьем-то сословьи
Не хаживали — а уж нынче: на-к!

Петр

Ах-ах... Да как же я такой посмел?
«Как вы теперь веневские княжны» —
К вам ниже полководца и не суйся.

Лю б а ш а

(строго)

Не трожь ты, неумытик, полководца,
Не этакими черными устами
Златого имени его касаться.

П е т р

(фыркая)

Какого это имени? Ивашки?

Лю б а ш а

(предостерегающе)

Помалкивай...

П е т р

Ты что?

Лю б а ш а

(грозно)

Тебе сказала!!

(Хватает его за грудки.)

П е т р

ТЬфу, мовка... Не души ты... Черт...

Любашка!

Ты что: рехнулась?!

Лю б а ш а

(отталкивая его)

Тихо! Сам идет.

Входят: Болотников, князь Телятевский-отец, братья Ляпуновы, Вавила, Истома Пашков и дьяк.

Б о л о т н и к о в

Я думаю, друзья мои, немедля
Атаковать Коломну, чтоб оттуда
Заполучить дорогу на Москву.
Ты как, Захарий?

З а х а р и й

А уж я — как брат.

Болотников

А ты, Прокопий?

Прокопий

Да и я по брату.

Телятевский

Да бросьте вы, ребята, чепуху.
Небось не в жмурки. Стало быть, Коломна?

Болотников

Выходит, так. Теперь, друзья мои,
Произведем распределение шлемов.
В Большом полку — осаживаюсь я,
В Передовом полку — пойдет Вавила...

Прокопий

А я куда?

Болотников

Ты — Левая Рука.

Прокопий

Ну, это уж, Иван Исаич, враки.
Мои княжата будут побойчей
Его ярыжек: люди в ратном деле
Поопытнее.

Вавила

Да мои ярыжки
От первого ядра-то не бегут,
А ваши побежали.

Прокопий

Осторожней!

Захарий

С кем говоришь-то?

Вавила

Сам поберегись.

Прокопий

А вот пойдем отсюда на лужайку —
Померяемся, кто-де...

Болотников

Баста! Баста!

Прокопий

Я хоть и молодой, да в ратном поле
Почище многих седоусых. В битве
Нужны две стати: головной удар
И легкость на ногу при рассыпленьи!

Телятевский

Удар и рассыпление, Прокопий,
Всё это только бранное искусство,
Однако же войну решает ум.

Болотников

Не ум, а шукура. Коли жить вольготно,
Война — игра, наука, что хотите.
А коли жить, бояре, невтерпеж,
Тогда простой кулак — страшнее грома.

Пауза.

Когда при Каннах витязь Ганнибал
Огромные развеял легионы,
Он мощи Рима противопоставил
Стремленье быстроты — и победил.
Когда же мы идем на царь Василья,
То наша сила здесь не в быстроте,
А в ярости народной. Потому-то
Ярыжки будут впереди князей.
Так ты, Прокопий, — Левая Рука,
Во Правую — пойдет Андрей Петрович,
Захарию же дам — Сторожевой.
На этом и покончим. Князь-буймистер!
Введи послов.

Телятевский

Постой, Иван Исаич.

Давай-ка побеседуем полчаса.

(Отводит его в сторону.)

С Димитрием-то нашим слышал?

Болотников

Нет.

Телятевский

Как? Ничего не слышал?

Болотников

Нет, не слышал.

Телятевский

Да вот не хочет ехать государь.
Уж мы и так и этак — не желает.

Болотников

А я-то что могу, Андрей Петрович?

Телятевский

И сам не ведаю... Хотя, конечно...
Когда бы ты, Ванюша, пожелал...

Болотников

Чего еще?

Телятевский

Себя за Мишку выдать.

Болотников

Какого Мишку?

Телятевский

Тьфу, да я не то.
Я говорю, когда б ты пожелал
Себя назвать монархом-самодержцем
Димитрием Ивановичем — тут бы...

Болотников

Перекрестись! Ты что же, князь-боярин, —
Противу бога?

Телятевский

Я...

Болотников

Поди, поди!

Болотников не вор еще покуда.

(Отходит. Видит Любашу.)

А! Паренек! Здорово. Не ко мне ли?

Любаша

К тебе, Иван Исаич.

Болотников

Посиди.

Освобожусь — тогда побродим. Ладно?

Входят послы: черемисский — мурза Бибай, вогульский — Ци-
бала Паутов, остяцкий — Мамрук.

Петр

Вы что за люди?

Дьяк

С Волги да Сибири.

Петр

Посланцы, что ль?

Дьяк

Побольше: вожаки

Петр

Ишь понаперли.

(Подходит к остяку.)

Радуешься, нехристь?

Разброд почуял, Измаила семя?!

Захарий

Известно, агаряне — что с них взять?

Петр

А ну, давай отсюда! Айда!

Проваливай!!

(Толкает их к выходу.)

Болотников

Эй, князька! Петруша!
Тут, брат, хозяин я. Понятно? Я.

(Подходит к вогулу.)

Ты кто?

Цибала Паутов

Я вогулятин, государь.
Цибала, значит, Паутов. Цибала.

Болотников

Зачем приехал?

Цибала

Шибко трудно, паря.
Голодоваем... Не с чего ясак
Тебе платить.

Болотников

Да разве я взимаю?
Да не плати, родимый, не плати.

Петр

(в ужасе)

Рехнулся!

Телятевский

Бог с тобой, Иван Исаич.
Такую государственную статью —
И отменить.

Болотников

А ты, Андрей Петрович,
Платил бы сам. Ведь при твоих угодьях,
Пожалуй, ты один, хвала аллаху,
Переясачишь всех вогуличей.

(Подходит к мурзе Бибаю.)

Ты кто?

Бибай

Я черемиса, государь.

Дьяк

Мурза Бибай.

Телятевский

Откуда?

Бибай

С Арзамаса.

Болотников

Ясачный тоже, а?

Бибай

Ясачный.

Болотников

Плохо?

Бибай

(рванувшись)

Бери кинжал — зарежь!

Болотников

Постой-постой.

Бибай

Режь! Жарь на углях! Нету жизни — нету!

Утехи нету — да? Ничего нету.

Входят польские послы: князь Ружицкий и Лисовский.

Болотников

Тш... Не кричи. Спокойно. Кто обидел?

Бибай

Царь, да?

Болотников

Ясак большой?

Бибай

Ясак большой.

Коня давал, белку давал — а мало.

Куда пойду, да? Бунтовать пойду!

Болотников
(подходя к остяку)

Ты тоже из ясачных? А? Молчит.
Откуда ты, приятель?

Дьяк

Из Сибири.
Остяцкий князь, по имени Мамрук.

Болотников
Зачем приехал?

Вавила
Оробел князек.

Захарий
(смеясь)
Душонка в валенки ушла.

Болотников
Потише.

Дьяк
Ну-ну, приятель. Говори, не бойся.
Приехал — значит, знал, куда идешь.
Ну, говори.

Мамрук
Сто пол охотник тута.

Болотников
Не понимаю.

Мамрук
Сто пол зверобой.
Рука — стрела. Конь — но! Царь нет —
слабода!
Бери, Исач!

Болотников
Не понимаю.

М а м р у к

Царь?

Не надо царь. Ты надо. Пол-сто люди.
Охотник люди. За тобой, Исач.

Б о л о т н и к о в

Ах, вон чего. Ты предлагаешь помощь?

М а м р у к

(кивая)

Пол-сто охотник.

Б о л о т н и к о в

Пятьдесят стрельцов?

Б и б а й

(срываясь)

Я тоже дам. Сто дам. Сто двадцать дам, да?
Лошажье войско дам. Хоробро войско.

Б о л о т н и к о в

И ты поможешь?

Ц и б а л а

Сколько надо — надо.

Лучного бою люди. Двести? Триста?
Бери, Исач. Хороший ты урус.

П е т р

А я, бояре, говорю: всю эту
Татарскую ораву надо гнать!

Б о л о т н и к о в

(не обращая на него внимания)

Еще какие есть послы откуда?

Р у ж и ц к и й

Прощенья прошу.

Д ь я к

Се посол из Польши.

Петр

Да ну?

Телятевский

Из самого Самбора?

Захарий

Дело!

Петр

Что ж, говори.

Ружицкий

Его крулевска мость

Жигмонт-Августус Тшечий Ваза...

Петр

(значительно)

Ваза!

Ружицкий

А с ним и в едности российский цесаш

Пшислали мне, жебим я...

Телятевский

Как! Ты видел

Царя Димитрия?

Петр

Давно ль? Когда?

Ружицкий

Еще не мынело тыгодня, пане,

Як, ваш слуга покорный, созерцал я

Найяснейшего пана государя.

Телятевский

И что же? Скоро он прибудет?

Петр

Где он?

Ружицкий

(улыбаясь)

О, вельки самодержца всероссийский
Пшебиша в данной хвили в Польсце...

Телятевский

(с досадой)

В Польше!

Ружицкий

А мыслит ехать люб же сие зостать —
Не рачил ми, панове, видповедать.

Болотников

Зачем они приехали?

Дьяк

Затем,

Что предлагают польских желонеров,
Да фальконетов бронзовых двенадцать,
Да к фальконетам — сорок восемь бочек
Селитры. Верно?

Лисовский

Верно, пане, верно.

Ружицкий

Так, пане, так.

Болотников

Благодарю вас, пане.

Буймистер!

Дьяк

Я, Иван Исаич.

Болотников

Вот что:

Сымай соболью шубу для посла.

Прокопий

Сымай, сымай!

Телятевский
Дадим другую, ладно.

Болотников
Примите, пан посол.

Ружицкий
Ах нет, пан гетман. . .

Болотников
Вы, пане, так добры. . .

Ружицкий
То долг мой, пане. . .

Болотников
А все же прóшу пана — вы трудились. . .

Ружицкий
Ах, пане, что вы. . .

Болотников
Прóшу пана. . .

Петр

Просим!

(Отцу)

А молодец Иван Исаич.

Телятевский
(очень довольный)

То-то.

Прокопий
Бери, бери!

Вавила
Напяливай.

Захарий
Бери!

Посол в конце концов накидывает шубу на плечи.

Болотников

Ну вот. А войска вашего — не надо.

Общее замешательство.

Понятно?

Ружицкий

Не разумлю пана.

Болотников

Я говорю — не на-до. Ясно? Войска,

Ружицкий

Ниц. . .

Ниц, не разумлю, пане. . .

Болотников

Врешь, разумишь.

И даже очень здорово разумишь,
Гоштенный пость. . . то бишь, поштенный гость!

Лисовский

Прости, пан рыцарь. Сей вельможный князь
Не разумеет вашей речи. Он
Не Сигизмунда Третьего посланник,
А лишь владелец войска. Мы пришли
Своей охотой. Хочешь — покупай.
Возьмем недорого. Задаток дашь
И забирай хоть завтра на заре.
Так, пан Ружицкий?

Ружицкий

Правда, пан Лисовский.

Болотников

Ах, так? Вы, значит, не послы?

Лисовский

Отнюдь.

Болотников

(Ружицкому)

А ну, отдай обратно шубу. Живо,
И вон отсюда.

Телятевский

Что ты, что ты!

Болотников

Духом!

Телятевский

Ты очумел, Иван Исаич. . .

Болотников

В шею!

Они ведь не послы, Андрей Петрович.

Конечно, были бы они послы. . .

А то ведь не послы. Послы — послы!

А это шпынь.

Ружицкий

Нет! Мы от Сигизмунда!

Вы, пан Лисовский, переврали. Я

Имею честь уведомить бояр

От имени. . .

Болотников

Заговорил по-русски!

Так быстро обучился, а? В минуту!

Ну, голова. Вот это голова.

Ты только унеси ее подальше,

Покудова на плахе не забыл.

Ружицкий

Вы пожалеете, пан гетман! Польша. . .

Лисовский

Да что — «пан гетман». . . Рабоцарь ты, вот кто!

Поплачешься, а будет поздно.

Болотников

Вон!

Паны уходят.

Петр
Князья! Бояре! Что ж это такое?

Захарий
(как эхо)
Да, что такое?

Петр
Кто здесь голова?
Ивашка или все мы? Эй, поляки, —
Вы погодите уходить. . . Бояре!
Вы сами видите. . .

Захарий
(как эхо)
Бояре! Сами. . .

Петр
Вы видите: Ивашка, сукин сын,
От черемисов, остяков, мордвы
Примает всё, чего ни принесут.

Пашков
Полсотенки стрельцов — и то подарок.

Петр
А вот от короля от Сигизмунда,
От польской шляхты, нам родной по крови. . .

Захарий
(как эхо)
По крови. . .

Петр
От полков, от фальконетов,
От бочек с порохом — отказ!

Захарий
Отказ!

Вавила
И то. Князь Петра дело говорит.

Прокопий

А ты чего глядишь, Андрей Петрович?

Захарий

А ты чего глядишь?

Прокопий

Перед Ивашкой
Совсем, боярин, губы распустил.
Мы с братом да со всею со Рязанью
К тебе да князю с дружбою пришли,
А ты нас выдал своему холопу.

Захарий

Холопу ты нас выдал!

Пашков

Черным людям!

Телятевский

Ты погоди, не горячись, Прокопий.
Никто холопьям вас не выдавал.

Прокопий

Да как не выдавал?

Захарий

Да как, боярин,
Не выдавал-де?

Телятевский

Царь всея Руси
Димитрий Иоаннович назначил
Иван Исаевича головою
Всего восстанья — и король поляцкий
Ту волю государеву скрепил.

Петр

Однако же Ивашка вышел вор!

Захарий

Иван Исаевич-то вор, боярин!

Прокопий
Он изменил царю и королю.

Болотников
(гневно)
Король и царь народу изменили!

Петр
Ах ты, холоп! Ты смел о самодержце
Такое слово молвить?

Дьяк
(удерживая его)
Тихо, княже. . .

Телятевский
Не горячися. . . Я тебя молю!

Петр
(порываясь)
Пускай немедля принимает ляхов.
Ты слышишь, вор Ивашка?

Захарий
(удерживая Петра)
А? Немедля!

Петр
А всех татар — долой!

Захарий
(не разобрав)
Татар — домой!

Болотников
Пока татары нам друзья.

Петр
Пустите!
Схвачуся с ним на саблях. Будь что будет!
Пустите же.

Захарий
(удерживая)
Нельзя, нельзя, Петруша.

Петр
Чурбаны вы!

Захарий
(сочувственно)
Чурбаны.

Петр

Остолопы!

Ужели вы не поняли его
Холопскую затею? При победе
Поляки власть за нами сохранят,
А не за ним с его северюками.
Хоть это вы поймите!

Болотников

Браво, княжич.
Ей-ей, залюбовался я тобой.
Ума — палата. Что ни слово — жемчуг.
Да только жемчуг этот не про нас.

Любаша

Не для комаринцев.

Захарий

Молчи, Любашка!

Болотников

Чего ты хочешь? Отпустите, братцы.
Я сам лкблю, чтобы лицом к лицу.

Петр вырывается и гневно становится перед Болотниковым, положив
руку на эфес сабли.

Чего ты хочешь? Чтобы ляхи взяли
Чернигов, Стародуб или Смоленск,
А может быть, и Новгород со Псковом?
Ну, а за что им всё это?

Захарий

За что?

Болотников

За то, что въедут в нашу же столицу?

Петр

Прелестничаешь, черный сатанин?
Чаруешь?

Болотников

Я-то?

Петр

Голову кружишь?
Уж вон Захарка поддался как будто.

Захарий

Нет, я не поддаюсь, Петруша. Что ты...
Как можно, чтобы... Да ведь жалко Пскова.
И Новгорода жалко...

Петр

А меня?

Меня не жалко? А тебя не жалко?
А вотчинников? а бояр? князей?
Да лучше пусть поляки отберут
Всю Русь, как есть, но лишь бы не досталась
Ивашкам этим... смердам этим... Эх!
А ну-ка, сабля вострая моя...
Держись, Ивашка! Бьемся за Москву!
Выхватывает саблю, Болотников — свою. Бой.

Болотников

Раз-два!

Петр

Раз! Раз!

Болотников

Раз-два-три-раз!

Петр

Раз-два!

Телятевский

Голубчики... Вы это что же? Бросьте!
Петрушенька, сынок... Иван Исаич...
Я встречаю! Слышали аль нет?
Немедля прекратите...

Петр

Раз! Раз-два!

Болотников

Ну, это врешь!

Захарий

Петруха, нападай!

Прокопий

Бери обманом!

Вавила

Бей, Иван Исаич!

Любаша

По голове, по голове! Ай-ай!..
Ай, господи Исусь... По голове жа!!

Петр

Моя сабленка... видывала виды...
Заморской плавки...

Болотников

И моя не хуже.
Раз-два-три-раз! Я сам ее ковал.

Прокопий

(Захарю)

Ну, братец, если Петьку разобьют —
С дыханием никто из них не выйдет.
Побью их в смерть!

Захарий

Я твой пособник, братец.

Вавила

Вишь — шепчутся, проклятые... Любаха,
Зови подмогу. Живо.

Любаша

Сам зови.

Я своего Исаича не брошу.

Вавила

На кой ты здесь? Сбегай, говорю.

Любаша

Нельзя, касатик... Я должна глядеть...
Глазок мой синь, а может, с голубинкой,
Он счастье приносит...

Вавила

Так-то так.

Да ведь убьют Болотникова — худо,
А сам убьет — опять нехорошо.

Петр

Раз!

Болотников

Раз-два!

Петр

Раз!

Болотников

Раз-два-три-раз! Алла!!!

(Разрубает саблю противника надвое.)

Уф! Молодец, Иван Исаич. Bravo.

А все-таки... насилу, княже, сладил...

Такого мастера, как он, не стыдно

И самой Венеции показать.

Чудесно, друг!

Телятевский

Ну, слава, слава богу.
Хоть благородно кончилась свара.
Я так за вас обоих настрадался —
Ведь вы мне оба что один.

Петр
(едко)

Спасибо.

Болотников
(улыбаясь)

Родной ты наш, Андрей Петрович... Что же,
Давай мириться, княжич, а?

Телятевский
(за сына)

Давай!

Болотников

Уж если так сражался за Москву
Со мною, недостойным, — как же будешь
Рубиться с настоящим со врагом?

Телятевский

Как лев!

Болотников

Да-да... Как лев, Андрей Петрович.
(Протягивая руку Петру)

Пребудь здоров.

Петр
(отворачиваясь)

Христос подаст, Христос...

АКТ IV

КАРТИЦА ДЕСЯТАЯ

Лагерь Болотникова.

С б и т е н щ и к

А вот сбитень! Пожалуйте сбитень!
Горячий сбитень! Сбитень!

Н и щ и й

Подайте слепенькому, люди добрые, что милость ваша, того берега отпльхом — другого не хватихомся...

Б у б л и ч н и к

Кому баранку?
Пекли спозаранку. .
Зуб долой —
А не сломится!

П и т е й щ и к

Хмелю! Меду!
Хмелю! Меду!
Браги!

Появляются Болотников и Телятевский.

Б о л о т н и к о в

А «Государство Солнца» — это край,
Где нет ни слуг, ни королей. Понятно?
Там что ни человек, то и работник.
И всё у них народное. Для всех!
Хоть церковь. Хоть домишко. Хоть лошадка.
А что народное, то и мое.

Т е л я т е в с к и й

Маленько мудреватю.

Б о л о т н и к о в

Ничего.

Освоимся. Лиха беда — начало.
А во главе республики стоит
Наикрупнейший изо всех умов

Ученый муж. Он должен знать и космос,
И теологию, и медицину.

Телятевский
(со вздохом)

Такого между нами нету.

Болотников

Знаю.

А далее, Петрович, — триумвиры.
Их трое. Прозвища у них такие:
Любовь, да Силища, да Мудрость.

Телятевский

Вон как!

Болотников

Ты будешь Мудростью, Петрович. Я —
За Силищу сойду, ну, а Любаве
Сам бог велел Любовью прозываться.

Смех.

Телятевский

А дальше как правление ведут?

Болотников

А дальше вроде Думы у него.
Там восседает деловой народ:
Учителя, ремесленники, судьи. . .

Телятевский

Да, это вправду «Государство Солнца»!

Питейщик

Солоду с холоду! Хмелю! Меду!
Солоду с холоду! Хмелю! Меду!
Браги!

Кузьма

(вылезая из шатра)

Эй ты, питейщик! Бражки давай.

П и т е й щ и к
А денежка есть?

К у з ь м а
На тебя хватит.

П и т е й щ и к
Покажь.

К у з ь м а
А вот.

Питейщик наливает браги.

Куды каплю скрал? Доливай до капли, ирод! Ишь ты каков!

Г л е б
(вылезая)
Оборотистой!

Т о м и л о

С тебя по капле, да с меня по капле — вот он, пятак-то, и дома!

К у з ь м а
Эй, пленный!

Г о л о с и з ш а т р а
Аиньки!

К у з ь м а
Дать, что ли, испробовать?

П л е н н ы й
(вылезая)
Это бражки? Давай, давай.
(Берет у Кузьмы ковш.)

Г л е б
Слышь, пленный! А долго ли воевать еще с вами, царскими?

П л е н н ы й

Да вишь, начали только. Пошто торопишься?

К у з ь м а

А вот как Егорьев день отвоюем, тут войнишке и крышка.

Н е у д а ч а

Да что толку в Егорьевом дне? Господь бог неделю создал и все дни назвал — где воскресный, где второй, где середний, а Егорьева дня там не было.

К у з ь м а

Не пойму, чего говоришь. С Егорьем-то мужику небось легче.

Н е у д а ч а

Легше... Мне твоего легшего мало. Я, брат, чистой воли хочу. Казаковать хочу. Земля-то ведь божья.

К у з ь м а

Эй, куды хватил! Земля божья, да ведь и власть от бога. А казаки — известно: безбожные людишки.

Т о м и л о

Русь наша — царская вотчина. А бояре на ней слуги царевы. Хоть и нового царя сажай, всё так и останется.

Г л е б

Да пушай они, слуги, праведными будут, и царь чтоб истовый был, страх божий имел!

Т о м и л о

Вот и дело.

Н е у д а ч а

А где таких слуг да царей достать? Власть бога не любит. Дай ангелу власть — у него рога вырастут.

П и т е й щ и к

Хмелю! Меду! Браги!

Телятевский
Ну и жара... Питейщик! Наливай!
И ты хлебни, Иван Исаич.

Болотников
А?

Телятевский
Я говорю: хлебнешь?

Болотников
Чего?

Телятевский
Да бражки.

Болотников
А ну ее!

Телятевский
Взгрустнулося никак?

Болотников
Да как же не взгрустнется, коль народ
Дичает на глазах! Слыхал беседу?
Уж ангелов не признают.

Телятевский
Вот то-то!
А ты им триумвиров.

Болотников
Что же делать?

Телятевский пожимает плечами.

Нищий

Подайте слепенькому на горе-горькое, на очей моих
свет затменный...

Питейщик 2-й
Клюква-клюква
Со льдом-снегом,
Упоеньице!
Утешеньице!

Ни щ и й

Подайте, люди добрые, что милость ваша, калеке слепенькому, стал есмь бо яко средь пучины морстей. . .

П и т е й щ и к 2 - й

Ты у кого, чудо, просишь? Здесь все воины-копейщики, без гроша, без копеечки. Сами голые.

Ни щ и й

А может, вы дадите, люди добрые, что милость ваша. . .

М а л ь ч и к

(сердито)

Пойдем, деда, — енти лабазники. . .

Уходят.

Т е л я т е в с к и й

Эй, дедушка, постой. Гусляр ты, что ли?

Ни щ и й

Волынщик я, кормилец мой, волынщик.
Которые есть люди гусляры,
Аль дудошники, али домрачей —
А мы волынщики.

Т е л я т е в с к и й

Ну и отлично,
Споешь ты нам чего-нибудь?

Ни щ и й

Чего?

Т е л я т е в с к и й

Былину, что ль, какую. А?

Ни щ и й

Былину?

Да вы-то не лабазники?

Т е л я т е в с к и й

Нет-нет.

Ни щ и й

Ну что ж. Ау?

М а л ь ч и к

Я тута.

Ни щ и й

Сядем, детка.

(Располагается на земле.)

Каку ж таку былинку вам исполнить?
Про житие святого Серафима?
Про бой Ильюши с сыном? Али спеть
Про Ваню про Болотникова?

Б о л о т н и к о в

Вот как?

А разве есть такая?

Ни щ и й

Видно, есть,

Коли пою, кормилец.

Т е л я т е в с к и й

Что же... спой.

Слепец поет.

БЫЛИНА ПРО ИВАНА БОЛОТНИКОВА

Вылезал на дорогу мишук сам-друг,
Выходил на дорогу бирюк сам-друг,
Выбегала лисица, алая пушица,
Выбегала куница, чалая пушица,
Чалая куница, бела-душа,
Бела-душа, хорошим-хороша,
А за нею хорошей еще похороше —
Черный соболь на белой гороше.
Эй, порох-пороша, пуржиста пыль!
Всё-то это сказка, а вот она — быть.

Что во далече-далече во чистом полі
Там сходилися дружинушки хоробрые.

Что одна-то ли дружинушка-то царская
Царская дружина, государская.
Впереди нее Василий свет Иванович,
Василий свет Иванович, собака-царь.
Он сидит на коне, бурдюк-мешок,
Бурдюк-мешок, полный кишок.
А другая-то дружинка — все станишники,
Мужики-северюки, а и комаринцы.
Впереди нее Ивашка свет Исаевиц,
Ванюшенька Исаевиц, крестьянский сын.
Он сидит на коне, ровно свечечка,
Ровно свечечка зажженная.
Его тельце-то — воску ярого,
А головка во шлемике — жарова;
Сабля вострая — не ломается:
Из кольца в кольцо изгибается.

Побывал-от он, Болотников, в туретчине,
Исходил-от он земля папаримские. . .

Б о л о т н и к о в

(задумчиво)

У мадьяра был и у поляка был.

Н и щ и й

(прислушиваясь)

У мадьяра-то он был, а и у ляха был.
Повезде-то, вишь, народы-люди маются,
Маются народы, истязаются.
Загорелось у Ивана ретиво сердце.
Порешил тогда Иванушка Болотников:
Всех боярей да князей, а и хозяйщиков
Со крестьянской земли-то повыгнати.
Чтобы люди, вишь ты, зажили по-новому,
Чтобы пахари-крестьяне приосанилися.

Б о л о т н и к о в

Постой, постой. . . Ты как это поешь?
«Порешил тогда Иван Болотников. . .»

Н и щ и й

А ты, кормилец, не перебивай.
Коль понимаешь песню, так и пел бы.

«Порешил тогда Иванушка Болотников
Всех боярей да князей, а и хозяйщиков
Со крестьянской земли-то. . .»

Б о л о т н и к о в

«. . .повыгнати».

Н и щ и й

Ну, ясно же «повыгнати». Чего ж?
Вот так-то я и пел спервоначалу.

Б о л о т н и к о в

Ослышался. Прости, отец.

Н и щ и й

Ну, то-то.

«То не сизы соколики на утий пух,
Али белые ли кречеты на селезня —
Напустилася тут силушка крестьянская
На цареву-государеву боярщину.
А и вы теперь, холопья, люди добрые,
Помогали бы ему копьем да совестью.
Заживем тогда Расеюшкой по-княжьему,
Что ни в сказке сказать, ни в песне спеть».

Пауза.

Т е л я т е в с к и й

(смущенно)

Вот и спасибо, дедушка, спасибо.
Порадовал.

Н и щ и й

Да не на чем, кормилец.

Т е л я т е в с к и й

А все-таки не стоит эту песню
В военном нашем лагере певать.

Б о л о т н и к о в

Ты сам ли эту старину сложил?

Н и щ и й

Кто его знает? Может, я и сам,
А может, и другие. Не упомню.

Телятевский
Прощай, старик. Возьми себе за песню.

Нищий
Прощай, сынок. Спаси тебя господь.

(Уходит.)

Голос нищего

Подайте, люди добрые, что милость ваша, калеке слепенькому, стал есмь бо яко средь пучины морстей. . .

Телятевский
Ты что расстроился, Иван Исаич?

Болотников
Я не расстроился.

Телятевский
Толкуй.

Болотников
С чего?

Телятевский
Тебе виднее.

Болотников
Ты, Андрей Петрович,
Пошел бы в думу — я-то побродяжу.
Не жди меня.

Телятевский
Давай побродим вместе.

Болотников
Да нет, прости. . . Охота одному.
Телятевский, пожав плечами, уходит.

Болотников
(один)

Так вот оно, о чем народ тоскует!
Он от Болотникова ждет земли!

Не княжких титулов потехи ради.
Да не бород, припаянных к столу. . .
Всё это чушь, как чушь и «Город Солнца»
Со всеми триумвирами его!
К чему мне было изучать латынь
Да мудрость вывозить из Венеции,
Когда вот тут, под самым нашим боком,
Живет святая правда? Нищий старец,
Каких у нас немало на Руси,
Не изучив латыни многодумной,
Открыл передо мной такие дали,
Каких бы я, невидящий, хоть зрячий,
И в «Голубиной книге» не открыл.

Ах, как я был простенок. . . Боже мой!
Прости меня, вельможный князь Вавила,
И ты, веневская княжна, прости. . .
Я не со зла. . . Тут сам господь свидетель.
Я просто ошалел от ликования.
Но мне народ указывает путь:
«Поддай землицы! — говорит он песней, —
Поддай землицы, что есть милость ваша».

Земля. . . Вот слово нужное: земля!
Не «трон», не «царь», не «Дмитрий Иоанныч».
И даже не Егорьев день — *земля!*
Ее просторы. . . низкие увалы. . .
Разлоги. . . а в разлогах роднички. . .
Над родничками — грубые святые
В облезлой краске и зеленых медях. . .
Нет, это слово ближе и родней!
Земля. . . Рассыпчатая горстка праха,
Прохваченная желчью человеческой
И голубой слезою тихих кляч.
Земля. . . За черные твои пары
Пойдут на смерть необозримы села,
Которые тобой одною дышат
И не надышатся, как от любви.
Ничто тогда пред ними князь Василий.
Как божий гром, грозное — «земля»
Ударит в барабаны и набаты.

Так пусть же грянет! Господи... Во имя
Отца и сына и святого духа
Проясни мя и вразуми на бой.

(Подходит к шатру.)

Ребята, есть меж вами трубачи?

Г о л о с

Как им не быть? Кузьма! Сюды давай.

К у з ь м а

(вылезая)

Чего тебе?

Б о л о т н и к о в

Играй собор.

К у з ь м а

Пошто?

Б о л о т н и к о в

Сейчас узнаешь.

К у з ь м а

Стало быть, собор?

(Трубит в рог.)

Г о л о с а

— Чего трубят?

— Куды идти?

— Давай!

— Собор, собор...

— А где же атаманы?

— Гляди: Иван Исаич!

— Ну? Ага!

— Здоров, Иван Исаич. Как живешь?

— Здоров!

— Здоров!

— Здоров, Иван Исаев!

— Да здравствует Иван Исаев!

К у з ь м а

Тихо!

Иван Исаич будет говорить.

Болотников

Богатыри! Уже немало дней,
Как мы завоевали Кромь. Что же
Досталось от этой от победы
Народу нашему?

Г о л о с

Добычка!

Болотников

Мало!

Заутра мы выходим под Коломну.
Кого бы супротив ни выставлял
Василий-царь-собака, ваша сила
Одним дыханьем ворога развеет,
Как ветер тучу. Что же от победы
Достанется войскам? Опять добычка?
А что в ней толку? Наше дело — хлеб!
А не разбой! Мы, всей землей восставши,
Про землю-то и позабыли, а?
В каком таком евангелии святом
Заказано крестьянину владеть
Полями, на которых сел боярин?

К р и к и

— Долой бояр!

— Долой! долой!

Болотников

Отныне

Куда бы вы ни шли, мои войска,
Я вам даю — вы слышите? — наказ
Гонять дворян, приказников, бояр
Со всем отродьем ихним — вон из поля!

В о й с к а

— Ура!

— Ура! Живет Иван Исаич!

— Родимец. . .

— Батюшка ты наш. . .

— Ура!!

— Вот это полководец!
— Милай, милай...
— Душа ты наша...
— Кровь ты наша, Ваня!

П л е н н ы й
Иван Исаич, а, Иван Исаич!

Б о л о т н и к о в
Чего тебе?

П л е н н ы й
Пошто до завтра ждать?

Г л е б
Давай сейчас ударим на Коломну!

Т о м и л о
Давай ударим!

К у з ь м а
А? Иван Исаич?

Б о л о т н и к о в
(восторженно)

Друзья мои! Брательники мои!
Когда на то есть ваша воля, битва
Начнется нынче в ночь. Рога — труби!

Зов рога.

В о й с к а
Ура! Да здравствует Иван Исаич!!

КАРТИНА ОДЯННАДЦАТАЯ

1606 год. 12 октября. Царская палата. Пьетро пишет икону. С ним
Наталья. Она позирует.

П ь е т р о
Ах, знаете ли: в нашей Венеции
Таких красоточек, как синьорина,
Не каждый день увидишь. О мадонна!
«Румянец твой так нежен, что лилей
Бледны пред ним, а розы смущены».

Н а т а л ь я
Какой насмешник!

П ь е т р о
Выше подбородок.
Вот так. Чуть-чуть левей. Благодарю.
Вы только, синьорина, ради бога,
Не проболтайтесь, что я с вас пишу
Икону богомати. Умоляю!

Н а т а л ь я
Не проболтаюсь.

П ь е т р о
Умоляю вас!
Ведь если выяснится — ваш король
Убьет меня на этом самом месте.
Немного выше голову. Так-так.
А между тем поймите, синьорина:
У вас такие бровки, губки, ноздри,
В них столько нежной прелести и жизни. . .
А я, художник, должен в это время
Какие-то виденья малевать!
Но это, синьорина, скучно! скучно!!

Н а т а л ь я
Нудьга?

П ь е т р о
Не понимаю вас.

Н а т а л ь я
Нудьга.

П ь е т р о
Чуть-чуть левее. Это много. Вот!
Конечно, синьорина, было время,
Когда артисты веровали в бога.
Так, например, Спинелло Аретино
С природы богоматерь написал.

Н а т а л ь я
А как это с природы?

Пьетро

Очень просто:

Во сне к нему являлась богоматерь,
Позировала час и улетаала.
Но это ж, синьорина, был монах!
Подвижник, страстотерпец, всё такое. . .
А я, увы — я, грешный человек,
Люблю писать зверей, цветы, улыбки,
Лимоны, семгу, голубое море. . .
А вынужден — кресты, кресты, кресты!

Наталья

Постой. . .

Пьетро

Устали?

Наталья

Царь идет!

Пьетро

(испуганно)

Бегите!!

Но умоляю: помните — ни слова. . .

Наталья убегает. Пьетро быстро заменяет одну икону другой. Собачьей рысью вбегает царь. За ним бояре.

Царь

О господи. . . о господи. . . о боже. . .
О господи. . . Коломенскую взял!
О господи. . . А вы чего смотрите?
Богоотступцы, а? Еретики!
Где Шереметьев? Да не Шереметьев,
А Салтыков! Ты что же, Салтыков?
Ивашка-рыцарь под столицу нашу
Подкатывает пушечный наряд,
А ты, Скопин. . .

Салтыков

Я не Скопин.

Царь

А кто же?

Салтыков

Я Салтыков.

Царь

Прислать мне Скопина!

(Бегает.)

Пропали мы, ребяташки, пропали.
Татищев здесь?

Татищев

Здесь...

Царь

А Воротынской?

Воротынский

Я здесь.

Царь

Пропали пропадом! Совсем!
Совсем пропали... А? Ты что сказал?

Мстиславский

Я ничего.

Царь

Уж так и ничего?

Ой, худо, худо... господи Исусе...
Трипостасный боже... Приснодева...
Поцарствовать спокойно не дадут!
Где Воротынской?

Воротынский

Здесь.

Царь

Ага... Ну-ну...

Сиди-сиди... А? Вы чего сказали?
Да говорите что бы то... Исусе...
Чего нам делать? Делать-то чего?

Т а т и щ е в

Вот так тебе и надо, царь Василий.

Ц а р ь

Да что ты... Бог с тобой... Михал Игнатъич.,
Что я те сделал худа? Чем обидел?

Т а т и щ е в

Грубил ты нам, боярам.

Ц а р ь

Я? Грубил?

Да что ты, голубенок...

Т а т и щ е в

(злбно)

В грош не ставил.

Запоматовал нас, костлявый леший.
Как жеребцов, запрягши в колымагу,
На всей на думе цугом разъезжал.

Ц а р ь

Не буду больше... Вот те крест — не буду.
Уж я теперь и сам... Ах, Миша, Миша...
Хоть голову руби — а ведь крамольник
Стоит уж у ворот. Не так ли, ась?
Уж он не спросит, как-де я к боярам
С большою лаской али с малой шел.

Пауза.

М с т и с л а в с к и й

Бояре! Надо бога умолить.

Ц а р ь

(с надеждой)

А ну-ко, ну-ко...

М с т и с л а в с к и й

Перед совещаньем

Сначала отслужить бы панихиду
Во имя павших в битве.

Ц а р ь

Панихиду?

Мстиславский

А после со кресты бы обойти
Округ палаты.

Ц а р ь

А? Округ палаты?

Слышь, как тебя... гишпанец! Ну-ко, ну-ко...
Готова ли икона чудотворца?

(Подбегает к Пьетро.)

Ты что же, сукин сын, намалевал?

П ь е т р о

А что?

Ц а р ь

Святой-то Власий с бороною?

П ь е т р о

А как его еще?

Ц а р ь

Да ты, скотина,
Видал когда-де Власия святого?

П ь е т р о

Я думаю, великий государь,
И вы его не видели.

Ц а р ь

Не видел.

Однакоже на русских на иконах
Все богомазы, то бишь изографы,
Живописуют Власия-то как?
Святого Власия живописуют
Не с обликом, а с головой лошажьей!

П ь е т р о

Как-как?

Ц а р ь
Ах, неучи! Богоотступцы!
Слыхали, люди? Мысленно ли дело?
Святого Власия, тварелюбивца,
И... с бороною.

Г е р м о г е н
(входя)
Ересь какова!

Ц а р ь
А, это ты, святой владыко?

Г е р м о г е н
Ересь.

Ц а р ь
И я говорю «ересь».

Г е р м о г е н
Вот оно,
За что всевышний ниспослал нам кару —
Зане в твоих же царских во палатах
Гнездовие свивает святотатство!

П ь е т р о
(бормочет)
Ну, баста, баста — нечего...

Ц а р ь
Казню!

Г е р м о г е н
Однакоже...

Ц а р ь
Спалю грозою царской!

Г е р м о г е н
Однакоже небесный вседержитель
По милости своей неизреченной
На ны зело не устремиша гнева.
И хоть от воинства от сатанина,

От трескоты оружия его,
От гласа комоней его, от дыма
Курения его пищалей бранных,
Иде не видети, кто с кем ся бьет. . .

Царь

Да не тяни, владыко, не тяни:
Чего такого приключилось?

Гермоген
(смущено)

Петька,

Телятевского сын. . .

Царь
Ну!

Гермоген

Да Прокошка

С Захаркой. . .

Царь
Это Ляпуновы? Ну!

Гермоген

От Шаховского отложились!

Царь

Мамо. . .

И где ж они?

Гермоген

Являются ко мне.

Аз вопрошаю: чада православья,
Пошто же ополчишася на бога
И божьего помазанника. . .

Царь

Ладно!

Потом доскажешь. Где ж они, злодеи?
Где изверги, где природы-то, где?
Да я их расцелую! Ах, миляги. . .
Нет, яблочку от яблоньки далече
Не откатиться! Нет, не откатиться. . .

Воротынский

Теперь мы спасены.

Татищев

Ого, теперь

Посадим старикашку на коня

И выиграем сечу.

Салтыков

С левой ручки.

Черкасский

(входя)

Великий государь! Два Ляпуновых

С Телятевским. . .

Царь

Тащи, тащи сюда!

А вы, бояре, вон отсюда. Чохом!

Ступайте в горницу. Хоть ешь, хоть пей!

Где наша не пропала? Загуляю!

Бояре выходят.

(Вдогонку)

Татищев!

Татищев

(задержавшись)

Ну?

Царь

Казню тебя, Татищев.

Татищев

(спокойно)

Двенадцать сороков сибирской белки,

Черкасского коня со всею сбруей

Да девушку на шесть пудов.

Царь

Курносу?

Т а т и щ е в

Курносую.

Ц а р ь

(вздохнув)

Ступай, ступай, Татищев!

И где у тебя совесть! Ай-ай-ай.

Татищев уходит.

Вернулись, голубчики-ребята,

Сыночки золотые. . . Кто бы ведал,

Что этак всё закрутится? Ах, детки. . .

Входят братья Ляпуновы и Петр Телятевский.

(Грозно.)

Вы что же это? Воровать? Мутить?

П р о к о п и й

Прости, царь-батюшка. . .

Ц а р ь

Да как простить-то?

На государевича государя,

На посажежного самую Русью,

На господом венчанного монарха. . .

З а х а р и й

Тебя венчал Исидор.

П е т р

(шепотом)

Тише, ты!

Ц а р ь

Как? Что? Исидор? Кто это сказал?

А хошь бы и Исидор. Что с того,

Что он митрополитом новгородским,

А не московским патриархом, а?

Мне, братцы, духовенство не указ.

Я вам, голубчики мои, не Гришка!

Я отпрыск тех варягов, чье колено

От римских кесарей берет начало,

И скифетор царевых степеней

Есть нашего же прадеда наследье!

Петр
Не гневайся, надежа-царь.

Прокопий
Он молвил
По глупости, а не от сердца.

Царь
То-то.
Исидор... Экое словцо... Исидор.
Коли тебя бы, дурня, сгоряча
На трон бы посадили — ты бы, дурень,
Учал бы дожидаться патриарха?
Ну, говори: учал бы ты?

Захарий
Учал.

Царь
Ну, и фетюк. Как жил ты непомазан,
Так непомазанным помрешь. Аминь.

(Смеется.)
Да вы не оттого ль заворовали,
Что нас венчал митрополит?

Петр
Отнюдь.

Царь
А что?

Прокопий
А то, что ты, надежа-царь,
Нас, молодых, не больно отличаешь.

Захарий
Скупенько жалуешь.

Петр
Не бережешь.

Ц а р ь

Так. Ну, а нынче? Стал ли я щедрей,
Что вы переменили гнев на милость?

П р о к о п и й

Да уж по правде молвить?

Ц а р ь

Говори.

П р о к о п и й

Тут сила не в тебе, великий царь:
Уж очень нас Ивашка избидел.

З а х а р и й

Уж очень избидел.

П р о к о п и й

Разнуздал

Холопей, что коней.

З а х а р и й

(как эхо)

Коней... холопей...

П р о к о п и й

Все вотчины побрал да им и рбздал.

П е т р

А вотчинников изгоняет плетью.

З а х а р и й

Так плетью и гоняет.

Ц а р ь

(весело)

М-да... Обидно...

З а х а р и й

Уж лучше ты, надежа, чем Ивашка.

Ц а р ь

Всё клоп, а не блоха.

Петр
(Захарию)

Уж ты молчал бы.
Забыл, охальник, перед кем стоишь?

Прокопий
Прости его, великий государь,
Он не от сердца.

Царь
Что же. . . Ладно, детки.
Что было — было. Мы отныне вас
И холить вознамерены и славить.
Прокопий! Я тебя в цареву думу.

Прокопий
Благодарю, великий государь.

Царь
(раздумывая)
Черкасского я князя прогоню. . .
(Они, Романовы, царя не любят!)
А в тех местах на кравчее служенье
Поставлю. . . что ж? Ну, хоть тебя.

Петр кланяется в пояс.

Захарий

А я?

Царь
А ты — дурак.

Захарий
А храбрость?

Царь

Да уж ладно.

Тархан тебе земельный подарю.
А вы-де мне служите и прямите,
А и добра хотите. . .

Прокопий
Будь покоен,
Великий государь.

Захарий
Не изведем!!

Царь
Опять дурак. (Прости, Василь Иваныч,
Он не от сердца. . .)

Смех.

Знаю. Знаю. Знаю.
Итак, ребятки. Стало быть, в бою,
Как выйду я ударить по Ивашке,
Вы с воинством ударите в него ж!

Захарий
Как в колокол ударим!

Царь
Ну и хват.

Захарий
(*улыбаясь*)
Опять дурак?

Царь
Маленько не хватило.
Так, стало, что ли, помирились, а?
Ступайте же, о воинство младое,
Не пожалеете о нашей ласке —
Клянуся богом и казной Руси.
На том простите.

Изменники уходят.

Значит, снова правим?
(*Смеется.*)

Так мы на чем с тобой остановились,
Уродливый гишпанец ты такой?

(*Прохаживается в прекрасном настроении духа.*)

Иконники, я говорю, должны
Писати с древних ликов православных
И знаменить письмо — по образцам,
А не самосмышленьем-самоловкой.

Есть живопись не воля златописца,
Она — законодательство. Преданье.
И мнил бы ты себя на небеси
Пред лица первообразных стояти. . .

Пауза.

А мы еще поцарствуем, бояре,
И поглядим: меня ли Шаховские,
Иль, может, я, бояре, Шаховских. . .

(Уходит.)

Пь е т р о

(один)

Он думает — всё дело в Шаховском.
Смешной старик. И это царь! Носитель
Венчанного короною ума!

Пауза.

Однако, Пьетро, у тебя в руках,
Рег Вассо — государственная тайна.
А что с ней делать? Просто проглотить,
Как будто вовсе ничего и нет?
А что, синьор. . . что, если бы проникнуть
В болотниковский лагерь и раскрыть
Весь заговор? Забавно, черт возьми.
Ведь как-никак, а пахнет приключеньем.
Ей-богу, а? Ну, что я здесь такое?
Что жизнь моя в торгашеской Москве?
Ну, хорошо. Взамен одной иконы
Я намалюю десять, двадцать, сто. . .
Пусть даже тысячу. А что потом?
Чем это лучше жизни в Венеции?
А в лагере у рыцаря Ивашки,
Наверно, интересно. А? Решил!
Я пробираюсь. Это уж наверно!
Сегодня же! . . Да-да. Вот только жалко
Расстаться с композицией своей:
Уж очень хороши коровки эти,
Вот эти овцы. . . эти вот ягнята. . .
А этого козла я срисовал
С царя Василья. Как живой, каналья!
Того и жди, что к дьяволу пошлет. . .

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Стаи Болотникова. Ночь. Костры.

Телятевский

Петрушенька! Да где ж ты пропадал?
Тебя мы, как уопленника, ищем.
Все куты осветили — а ты вот он!
Ну, слава богу. Дитяtko родное.
А я уж передумал черт-те что:
И что тебя стрелою прохватили,
В полон попал или-де зверь заел.

Петр
(угрюмо)

Тебя заел бирюк!

Телятевский

Опомнись... милый...

Петр

Я, батюшка, давно уже хотел
С тобой поговорить.

Телятевский

Ну что же...

Петр

Сердце
Отцовское твое — мне стало чуждо.

Телятевский

Как? Почему?

Петр
Оно пригрело змия.

Телятевский

Ах, это? Ну, оставь...

Петр

Нет, погоди!
Утративши родителя, я должен
Хоть панихиду отслужить по мертвом.

Телятевский

По мертвом? Панихиду? Что за страсти?
К чему, Петруша, эти словеса?
Не понимаю я тебя, Петруша.

Петр

Не понимаешь? Очень жаль. А я
Тебя вот не пойму. Поговорим
Не как родитель с сыном, а иначе:
Как с князем князь. Ты ведаешь, боярин,
Что твой Ивашка грамоты подкинул
Во все концы русийских рубежей?

Телятевский

Какие грамоты?

Петр

А вот такие,
Чтоб смерды и холопья побивали
Своих властителей, а земли их
Имали за себя.

Телятевский

Ну, знаю.

Петр

Что же?

Как дальше-то?

Телятевский

А вот возьмем Москву,
Договоримся. Наше-то именье
Цело покуда.

Петр

Бью челом, боярин,
На вашей ласке. Как же! Стану я
Зависеть от Ивашкиной ухмылки.
Нет, сударь батюшка. Из нас двоих,
Хоть ты и серебрестее как будто,
Да, видно, я постарше. Слушай, батя:
Вчера втроем с Прокопьем и Захарьем
Мы были у царя.

Телятевский

Ты лжешь!

Петр

Старик

Облобызал нас, как родной отец.
Захарке дали землю. Прощке — думу,
А я — так прямо кравчим к самому.
Он, кстати, о тебе справлялся.

Телятевский

(глухо)

Дальше...

Петр

И порешили мы, Андрей Петрович,
В бою с царем ударить на Ивашку.

Телятевский

Измена?

Петр

Выбирай, Андрей Петрович.

Телятевский

Измена! Ты... Ты смел... Противу рода?
В моем строю? Анафема!!

Петр

(испуганно)

Молчи!

Телятевский

Предатель!

Петр

Тсс... Сюда идут...

Телятевский

Ты продал
За должность кравчего — отца и клятву.

Петр
С ума ты сбред! Идут сюда...

Телятевский
Нет казни,
Которая меня бы утолила.
Я сам тебя своими же руками...
(Хватает его за грудь.)

Петр
Уйди, отец!

Телятевский
Душонка ты холопья!

Петр
Пусти меня...

Телятевский
Ублюдок!

Петр
Ах ты, лютый...

Бьет его мечом по шлему. Оглушенный старик падает. Петр метнулся в сторону.

Болотников
Кто побежал? Стреляю! Эй, стреляю...

Петр
Не подходи — убью!

Болотников
Остановись!
(Подходит ближе.)

А, это ты? Ну, хват. . . На этот раз
Не саблю я перерублю.

Петр
(хватаясь за саблю)
Увидим.

Болотников отбрасывает пистолет и вынимает саблю. Битва.

Г о л о с В а в и л ы
Царь наступает! Эй, Иван Исаич!

Б о л о т н и к о в
Ну, счастье твое.
(*Вкладывает саблю в ножны.*)
Откуда весть?

В а в и л а
Достали языка.

Б о л о т н и к о в
(*Петру*)
А за отца-то
Мы посчитаемся. Он жив ли?

В а в и л а .
Жив.
Болотников наклоняется над Телятевским.

Б о л о т н и к о в
Ведите языка сюда. Вавила!
Сюда веди.

(*Обнимает Телятевского.*)
Ну как, Андрей Петрович?
Очнулся, а? Несчастный.

Т е л я т е в с к и й
Это кто?
А где Петруша?

Б о л о т н и к о в
Здесь он, твой Петруша.
Постой-ка — я те кровь пооботру.
Появляется В а в и л а , Л ю б а ш а и П ь е т р о .

Л ю б а ш а
Отколе шел? От Васьки?

Пьетро

Синьорина!

На это затрудняюсь вам ответить:
Великой царь меня не посылал.

Любаша

Не «царь великой» говори, а Васька!
Понятно?

Пьетро

Васька, Васька, синьорина.
Ах, синьорина! В первый раз я вижу
Такую девушку в железных латах.
Позвольте вас такой нарисовать!
«Румянец твой так нежен, что лилеи
Бледны пред ним, а розы смущены».

Болотников

Ба! Узнаю знакомую повадку.
Неужто Пьетро?

(Идет к ним.)

Пьетро

Кто это?

Вавила

Начальник.

Пьетро

Ивашка, да?

Любаша

«Иван Исаич», дура!

Пьетро

Да-да... Иван Исаич... Но позвольте!
Он имя произнес мое... Он «Пьетро»
Сказал как будто...

Болотников

Здравствуйте, маэстро.

Пьетро

Великий вождь! Я потрясен! Я думал,
Что вы простой мужик, но оказалось,
Вы слышали о славе живописца,
Которого не знают и в Москве!

Болотников

Ну, как о вас, маэстро, не слышать?
Ведь мы не варвары.

Пьетро

Однако всё же...

Болотников

А ваш последний опус — до сих пор
Своим огнем мою волнует душу.

Пьетро

Какой же это?

Болотников

Золотой дукат,
Написанный на столике в таверне.

Пьетро

Ах, я безмозглый! Милый Джиованни!
Ужели это вы?

Болотников

Я, я!

Пьетро

Мадонна!

Позвольте вас поцеловать! Еще раз!
И в третий раз! Ну кто бы мог подумать?
Я слышал «рыцарь Иоанн», «Ивашка»,
«Болотников» — а это Джиованни!

Болотников

А что в Европе? Как у вас дела?
Чем люди живы?

Пь е т р о

Всем, великий вождь.

В Британии актер Шакеспеаре
Скандалные комедии выводит;
В Испании солдат один, Сервантес,
Роман такой состряпал — «Дон-Кихот».
Художники, монахи и студенты
Увлечены Фомою Кампанеллой:
Он пишет о грядущем государстве,
В котором нет ни королей, ни слуг.

В а в и л а

Ишь ты каков.

Л ю б а ш а

А как же это?

Пь е т р о

Просто:

Ни слуг, ни королей.

Л ю б а ш а

Да ты годи.

В а в и л а

(смеясь)

Да как же он, Фома-то? Ах, крамольник!
Вот бы его нам, а? Иван Исаич?

Смех.

П е т р

И где ж он, Фомка этот?

Пь е т р о

В заточеньи.

П е т р

Ах, вон оно... Ну, там ему и быть.

Пауза.

Б о л о т н и к о в

А Венеция что? Небось торгует?
Всё ищет, ищет.

Пьетро

Ищет и нашла.

Совсем недавно стеклодувы наши
Изобрели прозрачные стаканы.

Болотников

Прозрачные?

Вавила

Ах, шельмы!

Пьетро

Как вода!

Вы взглянете, допустим, в них на море —
И море будет синим. На кусты —
Кусты зеленые. Совсем как в жизни!

Болотников

А как Джудекка? Всё стоит?

Пьетро

Стоит.

Болотников

По-прежнему ли у канала Гранде
Прослушивают мессы Палестрины?

Пьетро

Вы и об этом помните? Мадонна!

Болотников

А с «Пристани Славян» всё так же бойко
Распродают невольников?

Пьетро

(со вздохом)

Всё так же.

Болотников

А земляпашцы голы, как и встарь?

Пауза.

Так ты пришел от самого царя?

Пь е т р о

Почти. Я слышал, что сегодня в ночь
Решился он напасть на этот лагерь.

Б о л о т н и к о в

А как ты это слышал?

Пь е т р о

А вот так.

Сидел я за иконой. Малевал.
(В палате это дело было.) Вдруг —
Вошел гонец, а может быть, и стольник,
И доложил, что три каких-то князя
Из лагеря Болотникова. . .

Л ю б а ш а

Что?

В а в и л а

Из лагеря?

Б о л о т н и к о в

Из нашего?

Пь е т р о

Ну да.

Пришли с его величе. . . то есть с Васькой,
Мириться и предать тебя в бою.

Л ю б а ш а

Как им прозвание?

П е т р

(взводя курок)

Кто они такие?

Телятевский, опираясь на меч, подходит к группе.

Пь е т р о

Их было трое. Первого зовут. . .

Петр стреляет в итальянца. Тот падает.

Петр

Лазутчик! Он подослан царь-собакой,
Чтоб перед самым боем перессорить
Между собою главарей.

Телятевский
(кидаясь к Болотникову)

Иван!

Иванушка, родимый... Ты не хмурься...
Он верой-правдой выстрелил. Он наш...
А ты — ты этак не гляди, не надо...
Не надо, сокол... Отведи-ка очи...
Смотри, какая девка-то у нас...
Любашка-то... Как ей пристали латы!
Святой Георгий да и только... Ох...
Ох, худо мне... Товарищи... Ослаб я...
Ходил, ходил да и тово... упал.

Сторожевой

Иван Исаич: от заката кони!
Я слышу храп и фыркanye.

Любаша

Ага.

Переплывают реку.

Болотников
(командуя)

Фальконеты —

Налево! Приготовьте чугуна
Под номером вторым! Любаша...

Любаша

Ая!

Болотников

Ты, паренек, нигде не отходи.

Любаша

Да я всегда с тобой, Иван Исаич.
Убьют — так уж вместях.

Болотников

Коней!

Любаша

Коней!!

Подводят двух лошадей Ивану и Любаше.

Телятевский

Иван, Иван! Ванюша!

Болотников

Ну?

Телятевский

Ты вот что:

Пошли, Ванюшенька, во Леву Руку
Кого-нибудь. . . Ну, хоть меня.

Болотников

Зачем?

Ведь там Захарий.

Телятевский

Ну, а ты меня.

Любаша

Куда тебя такого? Не доедешь.

Болотников

Где старший бомбардир?

Бомбардир

Я здесь.

Болотников

Давай.

Не будем дожидаться нападения.

Телятевский

Иван Исаич, а, Иван Исаич. . .

Болотников

Огонь!

Пальба.

Ну как?

Вавила

Шарахнулись, ей-ей.

Любаша

Скакать пошли... Да нет: обратно в реку.

Болотников

Вавила! Кавалерию вослед.

Две сотни сабель.

Телятевский

Ваня, а! Ванюша!

Пошли меня Захария сменить.

Болотников

Любаша, на коня. Прости, старик.

Телятевский

(хватает стремя)

Не отпущу.

Болотников

Да что с тобой?

Телятевский

Пошли...

Пошли сменить... Не пожалеешь, дьявол!

Иван Исаич...

Петр

Батюшка, да что ты?

Телятевский

Молчи, скотина! Не с тобою речь.

Петр

Да ни к чему, Иван Исаич. . . Глупость. . .
Совсем с ума сбредает мой родитель,
Иван Исаич.

Болотников

(подозрительно)

Вежливый ты стал.

Петр

А что же нам делить, Иван Исаич?

Болотников

Вот чудеса какие! Ты ли это?
Тебя как будто подменили. Что ж!
Скажи, Андрей Петрович, в Леву Руку.

Телятевский

Ну вот и хорошо. Коня! Прощайте.

(Уезжает.)

Болотников

Вавила!

Вавила

Я.

Болотников

(указывая на Петра)

А этого схватить.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Поле у села Котлы. Повсюду мертвые тела ратников: русские в кольчугах, мордва и черемисы с голыми торсами. Болотников сидит на камне. Рядом Любаша. Забитованный Пьетро, Вавила.

Любаша

Ванюшенька. . . Ты, сокол, не кручинься.
Не ты повинен. Эти псы повинны,
Княжата эти. . . Петька да Прокошка.
Еще Захарка ихний. У, гадюка!
А ты не это. . . Как вот. . . Что же плакать?

Уйдем на Дико Поле. Кони наши!
Ведь наши кони, не кого другого?
Твой воронок, что с белою протокой,
Да мой игреневый. Лихие кони.
Вот и поедем. Подле синя моря
Поставим хыжу, заведем рыбалку —
И я тебя такую-то ущицей
Попотчую — и в сказке не сказать!
Поедем, Ваня. Хочешь?

Б о л о т н и к о в

Но ведь бой
Проигран был, Любаша, от измены.
Ты понимаешь разницу, Любаша?
Ведь только от измены!

Л ю б а ш а

Ах, родимый!
Да что от этакого «только» толку?
Ведь нас побили в смерть! Едва-едва
И сами еле-еле. Где Беззубцов?
Где Алексей? Один казацкий табор
Да воронные галицы над ним.

Б о л о т н и к о в

Ты погоди, Любаша, погоди.
Взгляни сюда. Гляди на эти трупы.
В них навек замерло биенье жизни.
Но в этих боевых загривах, в этом
Размахе плеч — сокрыто столько воли,
Что если бы сейчас для них запел
Звериный голос боевого рога —
Они бы встали к битве, как один.
Читай по их руке.

Кто эта людь?

Возьми хоть эту. Ясно?

Л ю б а ш а

Нет, не ясно.

Б о л о т н и к о в

Смотри: под пальцами ороговели
Четыре кровяных пыжа. Кузнец!

У этого янтарная мозоль
На указательном, как от бечевки,
И вся ладонь истыкана. Рыбак.
А это кожемяка. Видишь — ногти,
Протравленные квасом. Кожемяка!

Лю б а ш а

А этот будет похилее.

Б о л о т н и к о в

(берет руку мертвеца)

Верно:

У этого на пальцах — сине-серый
Как бы туман. Яденье серебра.
Поди-ко оружейных мастер дел.
Ты поняла ли, что это за людь?
Не витязи наемные. Не шкуры,
Которых покупают за дукаты.
Здесь горе воевало! Здесь на битву
Недоля вышла! Что же им измена?
Ведь это только недруг изменил.
Ты поняла, Любаша? Только недруг!

Лю б а ш а

Как не понять?

Пауза.

Давай, Иван, уедем.

Соколик мой... Сердечко ты мое...
Не любишь ты меня! Уж так не любишь!

В а в и л а

(кричит)

Вот ерунда какая... Брось ты хныкать!

Б о л о т н и к о в

Ну, паренек... Ну, брось...

Лю б а ш а

Не любишь, нет.

Б о л о т н и к о в

Да как же не люблю, когда люблю?
Чудачка ты... Ей-богу же, чудачка.

Дай мне очнуться от погрома. Завтра
Я снова вышлю в поле бирючей
С набатами и громкими рогами —
И не пройдет, Любаша, семидневья,
Как двадцать тысяч войска боевого
Придут ко мне с бунчужьями, со свистом,
Накормят салом, брагой напоят —
И старым старикам я буду «тяткой»,
А молодым за «дяденьку» сойду.

(Смеется.)

Лю б а ш а

Люблю тебя таким, Иван Исаич,
А то сидел понурой.

Б о л о т н и к о в

Важно что?

Чтоб корень был здоровым. Табор этот,
Который мне остался от погрома,
Он битвою испытан на огне,
На сабле и особо на измене.
С таким народом ничего не страшно.

Появляются четыре бойца, нагруженные всяким скарбом. Идут деловито.

К р е с т ь я н и н 1 - й

Здоров, Иван Исаич!

Б о л о т н и к о в

(добродушно)

Здравствуй, здравствуй.

В а в и л а

Куда дорогу держите?

К р е с т ь я н и н 1 - й

Домой.

Б о л о т н и к о в

Куда-куда?

К р е с т ь я н и н 2 - й

Домой, Иван Исаич.

Люба ша

А где ж он, дом?

Крестьянин 1 - й

На Северном Донцу.

Крестьянин 2 - й

Как выйдешь на Оскол — бери направо
Да по татарской по сакмѣ держи.

Болотников

А кто же воевать?

Крестьянин 1 - й

Покуда хватит.

Крестьянин 3 - й

Оно конечно: взяли бы Москву,
Тады и погодить бы можно.

Крестьянин 1 - й

Верно.

Тогда б и погодили.

Крестьянин 4 - й

Право слово.

Крестьянин 3 - й

Ан не взяли Москвы-то.

Крестьянин 4 - й

Не дал бог.

Болотников

Да бог-то тут причем? Иль не слышали,
Что всё это изменники?

Крестьянин 1 - й

Слышали.

Крестьянин 4 - й

Как не слышать?

Крестьянин 2-й

Дворяне, сучьи дети.

Крестьянин 3-й

Прокошка да Захарка.

Крестьянин 4-й

Как жа, как жа.

Крестьянин 1-й

Анафемы треклятые.

Болотников
(удовлетворенно)

Ну, вот.

Так, значит, без бояр-то, без крамолы
Мы с вами можем битву повто^рить!
Не так ли, а, товарищи?

Крестьянин 1-й

Да вишь ты...

Один разок уж нам по морде дали.
Чего уж повторять-то?

Идут.

Болотников

Да постойте!

Ведь мы же потерпели поражение
Затем, что изменили нам дворяне!
Не правда ли?

Крестьянин 1-й

Вот я и говорю:

Анафемы.

Болотников

Анафемы. Отлично.

Так, значит, без анафем. *Мы-то* с вами.
Победу. Можем одержать аль нет?

Крестьянин 2-й

Да ведь, Иван Исаич... Сам же видел.
Чего уж тут?

Крестьянин 3 - й

Сам видел.

Болотников

Но ведь это

Не наша с вами, дьяволы, вина!
Поймите же вы, головы садовьи!
Дворяне изменили?

Крестьянин 1 - й

Изменили.

Болотников

Ну вот.

Крестьянин 1 - й

Чего?

Болотников

Пенёк ты, вот чего!

Крестьянин 2 - й

А ты, Иван Исаич, не серчай.

Крестьянин 3 - й

Пошто серчаешь-то?

Двигаются дальше.

Крестьянин 1 - й

Печенка вспухши.

Идут.

В а в и л а

Оставь, Иван Исаич. Хитрецы!
Юродствуют для виду. Оробели,
Ну, и пошли.

Л ю б а ш а

Ступайте, дорогие.

Ступайте, милые, себе на горе.
Чтоб вам ни лика, ни свечи на гробе!
Чтоб вам немедля на путе подохнуть!
Чтоб и кишки-то птицы расхватали:

Грач — вскачь,
Сорока — с подскока. . .

В а в и л а
(подхватывая)
Еще был воробец,
Да и без того — конец.

Крестьянин 3-й
Ишь языкатые!

Болотников
(глядит им вслед)

Ну что ж. Бывает.
В проигранном сражении — мертвецы
Не только те, кто повалились трупом.
Пора бы уж такие вещи знать.

В а в и л а
А все-таки сдаваться нам не след.

Болотников
Кто говорит сдаваться?

В а в и л а
Я к примеру.

Болотников
Кто говорит сдаваться?!

В а в и л а
А никто.
Чего рычишь? Я это так. На случай.
Появляются новые бойцы со скарбом.

Болотников
Стой! Вы куда?

Крестьянин 5-й
Домой, Иван Исаич.

Болотников
Назад немедленно.

Крестьянин 5-й

Это отчего жа?

Крестьянин 6-й

Ведь мы, родной, тово... Не ополченье.
Мы вольные.

Болотников

Назад, я говорю.

Крестьянин 7-й

Хотел — повоевал, а не хотимши...

Болотников

(хватая его за ворот)

Назад, ты, шкура заячья! Назад!!

Крестьянин 7-й

Но-но, Иван Исаич... Ты полегше.

Крестьянин 8-й

Небось ты не подьячий.

Болотников

(сдерживаясь)

Отвечай!

Зачем ты, молодой еще крестьянин,
От первого же боя оробел?

Крестьянин 7-й

Не оробел я.

Болотников

А зачем уходишь?

Крестьянин 7-й

А это что ж.

Крестьянин 5-й

Ты ся не беспокой.

Ведь мы-то ненадолго.

Крестьянин 6-й
На неделю.

Крестьянин 7-й
Вот принесем гостиничка детям,
Да взглянем, как оно-то дома дело —
Ну, и вернемся. Вот те крест — вернемся.

Болотников
Товарищи! Слыхали? Да за это,
Как ваш военачальствующий, я
Обязан застрелить его, мерзавца!
Наемники — и те не отлучатся,
Покуда не закончилась кампания.
А ты? Поди сюда. Читай молитву.

Крестьянин 7-й
Неграмотен я.

Болотников
Повторяй за мной.
«Прости мя, боже. . .» Ну!

Крестьянин 7-й
«Прости мя, боже. . .»

Болотников
«Не стоящего милости твоей. . .»

Крестьянин 7-й
«Не стоящего милости твоей. . .»

Болотников
«Зане народу своему. . .»

Крестьянин 7-й
«. . .зане. . .»

Болотников
«Народу своему. . .»

Крестьянин 7-й

«...народу...»

Болотников

«...ворог!!»

Крестьянин 5-й

Иван Исаич... Брось его, родимый...
Всех не побьешь. И я таков. И он.

Крестьянин 6-й

Крестьянствуем, Иван Исаич.

Крестьянин 5-й

Что жа?

Какой-такой проступок, что крестьяне?

Крестьянин 6-й

У этого-то хыжа покривившись.
У Митьки — лошадь пала.

Крестьянин 5-й

Всё расход!

Крестьянин 6-й

А без хозяйского-то глазу — дома
Прибытки небольшие.

Крестьянин 5-й

Худородье.

Нехорошо, нехорошо, Исаич...

Крестьянин 6-й

Неладно ты, Исаич...

Крестьянин 5-й

Вот и дело:

Иван Исаич — супротив народа!
Куды ж это годится!

Крестьянин 6-й

Никуды!

Крестьянин 5-й

Кабы уж кто другой — а то Иван!

Крестьянин 6-й

Нет, никуда такое не годится.

Болотников падает перед ними на колени.

Болотников

Товарищи! Я заклинаю вас!
Останьтесь! Хоть на месяц! Ну, неделю!
Голубчики! Родимые! Останьтесь!

(Ловит их руки и целует.)

Увидите: ударим на царя!
Ведь мы народ! Увидите. . . Нас много!
Я — бирючей! Я — клич! Пятнадцать тысяч. . .
А с Дона? А с Поволжья? Мужики!
Отчизну пожалейте! Будем сыты. . .
Все будем сыты. . . Наше будет царство. . .

Появляется новый отряд бойцов: Ждан, Глеб, Неудача, пленный, и молча смотрят на мужиков и Болотникова.

Остановитесь! Слушайте! . . О боже. . .
За что я должен видеть дальше их?
За что рожден я с непомерным сердцем?!
Урод, урод. . .

(Падает на землю, рыдает.)

Любаша

(плача)

Иванушка. . .

Болотников

Урод!

Болотников затихает, время от времени вздрагивает. Мужики молча двигаются дальше.

Глеб

(подходя к Болотникову)

Ты вот что, Ваня. Брось ты это. Понял?
Вставай — поговорим. Вставай, вставай.

Ждан

Которые, конечно, мужики...
Не думаячи... как бишь...

Глеб

Да уж ладно.
Вставай, Иван Исаич. Выйдем к Туле,
Запремся — ну, а там что бог пошлет.

Любаша

Вставай, родимый.

Неудача

Эк, истосковался...

Болотников приподымается, утирает кулаком слезы, вздыхает. Потом
говорит, виновато улыбаясь.

Болотников

Простите, мужики, за эти слезы...
Два года был в турецком полону...
На парусной каторге. Загробальным.
В цепях работал, ну и всё такое...
Так вы уж...

Пленный

Ладно. Брось, брат!

Неудача

Не осудим.

Болотников

Любаша...

Любаша

Ая!

Болотников

Кликни рогачей.
Пускай трубят. Мы отойдем на Тулу.

АКТ V

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В осажденной Туле.

Болотников

Ты что такое пишешь?

Пьетро

Арабески.

Убьют или помилуют меня,
Потомству надо кое-что оставить.
Хотелось бы, синьор, писать портреты,
Да краски в суматохе растерял.
Я вам пока не нужен?

Болотников

(отходит)

Нет. Пиши.

Удар ядра.

Пьетро

Per Vacco!

Любаша

Эй, станишники, скорей!

Глеб

Все сгинем тута. Никого оставим.
А Ваське не сдадимся.

Любаша

Эй, на помощь!

Бери за плечи — нечего стоять.

Несут раненых.

Голос

(за стеной)

Го, люди!

Пьетро

Кто там?

Кузьма
Бирючи орут.

Голос
Побросьте воевать! Винитесь, люди!

Глеб
Проваливай.

Голос
Эгей! Кому прямите?
Ивашке-вору супротив царя?

Кузьма
А ну-кося, прожги его стрелой!

Вавила
Пущай поговорит.

Пленный
Долой отселя!
(Бьет в него из самопала.)

Ждан
Эк, ускакал.

Пленный
Как зайца, ускакал.

Пьетро
ТЬфу, черт! Опять ядро...

Крики
Пожар! Горим!

Любаша
Тушите мокрою овчиной!

Вавила
Кожи!
Где кожи?

Ждан
Эй, станишники! На помощь!

Г л е б

Уж погасили. Неча голосить.

Н е у д а ч а

Не пламя, братцы, страшно: голодуха.
Что нам пожар, коль вон она, Упа.
Полил водичкой — вот и утолил.
А голод — всей рекой не упоешь.

В а в и л а

Мышей, Иван Исаич, стали есть.

Л ю б а ш а

Ты что, Вавилушка, продаться вздумал?
К чему все эти баиньки твои?

В а в и л а

Кто говорит «продаться»? Мы другое. . .

Ж д а н

А что мышей едят — так это верно.

Б о л о т н и к о в

Ну что ж. Пускай мышей. Вот победим —
Свиное стадо из Москвы пригоним.

Г л е б

А мыши? Чем же плохи мыши? Тварь.
Как всякое дыхание господне.

Ж д а н

Опо-то так. . .

В а в и л а

Да хватит ли мышей-то?

Л ю б а ш а

А ты помалкивай! Чего удумал?
Заранее смерти Тулы не сдадим.
Хоть все поляжем.

Б о л о т н и к о в

Верно, паренек!

Лю б а ш а

А кто боится, тот пушшай уходит.
Я никого, казаки, не держу.

Г л е б

Ишь ты, хозяйка.

Ж д а н

«Не держу. . .»

К у з ь м а

Какая!

Лю б а ш а

А уж какая ни на есть, казаки,
А уж какая ни на есть.

Г л е б

Хозяйка!

Б о л о т н и к о в

(подходя)

Так что же, Пьетро, говорил Фома?

П ь е т р о

Какой Фома?

Б о л о т н и к о в

Да этот. . . Кампанелла.

П ь е т р о

Ах, Кампанелла? Что настанет царство
Без слуг и королей.

Б о л о т н и к о в

А кстати, Пьетро,
Слышал я где-то, что какой-то чин
Из аглицкой земли писал о том же.

П ь е т р о

Да-да. . . Я тоже слышал, Джиованни.
«Утопией» его звалася книга,

А самого — Фомою Мором.

Удар ядра.

ТЬФУ!

Опять ядро. Рег Вассо!

Болотников

Пало в реку.

И что же в этой книге?

Пьетро

Не читал.

Ведь я британской речью не владею,
Хотя, конечно, если бы я прожил
В Британии хоть месяц или два...

Болотников

Чудно, не правда ль, что мужи науки
И даже управления мужи
Забавкою ребячьей упивались?

Пьетро

Что делать! Все мечтают на земле.

Болотников

Да. Без того как будто не бывает.

Удар ядра.

Пьетро

О Sancta Virgo! ¹

Болотников

Но, однако, Пьетро,
Не дивно ль и другое? Почему
Два человека, меж собою разных
По языку и роду ремесла —
Монах и чин, святой веницеанец
И Лунд-города хладный горожанин,
Охвачены единою мечтой?
Мечта ли это? Нет ли тут иного:
Предначертания судьбы народной,

---

¹ О святая дева! (Лат.) — *Ред.*

Которую мы, смертные, не чуем,
Но чувствуют иные тайновидцы?

Удар ядра.

Пьетро

Опять упало в реку.

Болотников

Что?

Пьетро

Опять,

Я говорю, ядро упало в реку.

Болотников

Да-да. Но были же пророки церкви?
Так почему же, Пьетро, государство
Не может прорицателей иметь?

Пьетро

Я тоже думаю, что может.

Болотников

Может.

Ну-ну. Пиши-пиши. Я отойду.

(Отходит.)

Входят горожане.

Горожанин 1-й

Иван Исаич!

Болотников

Ну-те?

Горожанин 1-й

Принимай.

Болотников

Чего принять?

Горожанин 2-й

Мы, Ваня, порешили,

Дабы тебе закладывать проломы,
Могильные камни разобрать.

Болотников
Гм. . . Вот как? Что ж. Спасибо, горожане.

Горожанин 1 - й
Давайте, братцы!

Болотников
Пронеси на стены.

Люди проносят надгробные памятники, Болотников останавливает
то одного, то другого и читает надписи.

Болотников
«Под камнем сим почует сном последним
Томило Вяз, шестидесяти лет».
«Под камнем сим — усопший Павел Сотник».
«Под сим курганом — Алексеев сын.
Не убивайся, матушка: воскресну!»
Да вам не жалко ли своих могил?
Ведь это всё — родные имена,
А их развеют ядрами.

Горожанин 2 - й
Что делать?
Хоть жалко мертвых, а живых жалчей.

Болотников
Спасибо вам, друзья.

Горожанин 1 - й
Тебе спасибо.

Болотников
(задумчиво)
«Не убивайся, матушка: воскресну!»

Голос
Гей, люди!

Вавила
Опять зывают бирючи.

Голос
Покайтесь, покудова не поздно!

В а в и л а
(равнодушно)

Отчаливай.

Г о л о с
Нас тута десять тысяч.
Да сам великой царь всея Руси.

К у з ь м а
Дал бог попа, а дьявол скомороха.
Поди-поди!

Б о л о т н и к о в
Постой, Кузьма, не бей.
(Подымаясь на стену.)

Эй! Горлопан! Подкатывай сюда!
Боишься? Ничего тебе не будет.
(Ребята, не стреляй.) Поди скажи
Царю Василью, что-де вор Ивашка
И рад бы сдаться, да вишь население
Всем городом пришло его просить,
Чтоб до последней до кости рубился.
А ну-ко, население, покажись!

Пущенная бирючом стрела пробивает Болотникова. Он падает.

Л ю б а ш а
(наклоняясь над Болотниковым)
Иванушка! Родимый! Что с тобою?
Да жив ли ты, царевич мой. . . Гишпанец,
Давай скорее пороху.

П ь е т р о
Зачем?

Л ю б а ш а
Засыплем рану. Живо.

П ь е т р о
Этой пылью?

Л ю б а ш а
Молчи, гишпанец. Делай, что велю.

Пь е т р о
Но он от этого умрет!

Лю б а ш а
Гишпанец!
Ну ладно уж, душа из тебя вон!
Зимою льда у вас не допроситься!

(Вынимает пистолет, высыпает из полки порох на ладонь и натирает рану Болотникова.)

«От ножа, от железа,
От алого пореза
Летел ворон через гору.
Хочет ворон не ниткой-суровинкой
Шить-пошивать,
Кровавые раны заживлять...
Ты, мать-руда,
Жильная, телесная,
Остановись,
Назад воротись.
Как горе его воды не стало,
Так бы и тебя, мать-руда, не бывало.
Слово мое крепко».

(Встает. Обращается к горожанам)

Вы, граждане, ступайте по домам!
К чему стоять под боем? Дома жены
Да детвора. Подите же, подите.

Г о р о ж а н и н 1 - й
Да мы пойдем. Однако ты скажи:
Убит Иван Исаич али нету?

Лю б а ш а
Убит Иван Исаич али только
Подранетый — от этого мы Тулу
Царю-собаке не сдадим. Ступайте.
А вы, ребята, пешие стрельцы,
Наладьте стрелы у своих бойниц.
Все пушкари пушай стоят у пушек.
Ответим на Болотникову рану
Али смолчим, ребята, а?

Г л е б

Ответим!

Л ю б а ш а

Ну, господи благослови. . .

Огоны!

Залп.

БАРИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

1607 год. 10 октября. Лагерь царя у Тульской крепости.

Б и р ю ч

Го! Люди! Гой! Прямите государю!

Г о л о с

Проваливай.

Б и р ю ч

Погибнете, казаки!

Винитесь, покудова не поздно!

Пауза.

Ц а р ь

А ты приметил, Татев, что они
Не больно нынче языкаты, ась?

Ч е р к а с с к и й

Приметил, государь.

Ц а р ь

Бывало, прежде

По тятю и по маме огревали.

А каковы заплоты на реке?

М с т и с л а в с к и й

Вздымается река, Василь Иваныч.

У запада вода промыла башню.

Не нынче — завтра Тула поплывет.

Ц а р ь

Спасибо, Федор! Исполать, Иваныч!

Дай только посчитаться с кавалером,

С проклятиком-то, с беглым потурченцем —
Ужо тебе всю волость подарю.

Т а т е в

(тихо)

Да, как же — он подарит!

Ч е р к а с с к и й

Дарователи!

Ц а р ь

Вы что там шепчетесь?

Т а т е в

Мы ничего.

Ц а р ь

Шептались!

Т а т е в

Да вот те крест!

Ц а р ь

Я слышал!

Т а т е в

Да что ты, государь?

Ч е р к а с с к и й

Господь с тобой!

Т а т е в

Тебе почудилось.

Ц а р ь

Положим даже,

Что и не подарю. Одначе князю
Прелестно думать про царев подарок?
Пошто же вы лишаете, бояре,
Его приятства? Ась? Нехорошо.
Послушай, Татев, или как? Черкасской?
Не говори, не говори — я сам.

(Вспоминает.)

Ага: Черкасской. Погляди, голуба,
Ведут сюда кого аль показалось?

Черкасский

Ведут кого-то.

Царь

Вишь ты.

Петр

Видно, пленник.

Татев

Нет, не похоже. Пленника ташат,
А этот ходит гоголем.

Царь

Скажи ты!

Мстиславский

Переговорщик.

Царь

А?

Входит Вавила с бирючом.

Вавила

Здорово, царь.

Царь

Отколе ты, родимая душа?

Вавила

Из Тулы, царь.

Царь

Как? Из самой из Тулы?

Вавила

Из Тулы.

Ц а р ь
Дело! Подойди, казак.
Скажи, казак, ты волей аль неволей
Противу нас, царя, заворовал?

В а в и л а
Как все мы, ну и я. По вольной воле.

Ц а р ь
Ага. Так-так. Ну, а пошто пришел?
Подмокли малость, а?

В а в и л а
Не в этом суть.

П е т р
Подмокли.

Ц а р ь
(весело)
Я и говорю — подмокли.

В а в и л а
(Петру)
А, это ты, княжонок?

П е т р
Но-но-но.

В а в и л а
Опять улепетнул от топора,
Проныр лукавый?

П е т р
Плохо стережете.
Вот мы тебя постережем не так.

В а в и л а
Ну, нас еще раненько: мы послы.

П е т р
«Посол»! Подумаешь, какая пава.
Да мы тебя такого...

Ц а р ь

Помолчи!

Пошто распетушился, ась?

П е т р

«Посол»...

Да мы вас, побродяжек-проходимцев...

Ц а р ь

(вдруг)

Кому я говорю — «молчи»! Крамольцы!
Еретики!! Все так и норовят
Вперед царя — хоть малость, хоть чуточек.
Вот я те покажу — вперед царя!
Поди-ко, сопли вытри!

(Вавиле)

Ратный витязь!

Ответствуй нам, царю всея Руси,
Тверскому, Новгородскому, Псковскому,
Казанскому, Лапландскому и прочья,
Ответствуй, говорю я... Уф. Устал.
Как он меня, проклятик, растревожил!
Так ты... Про что, казак, мы говорили?
Ты от Ивашки?

В а в и л а

Нет, от мужиков.

Ц а р ь

Ага. А почему не от Ивашки?

В а в и л а

Иван Исаич сдаться не велит.

Ц а р ь

А вы-то сдаться?

В а в и л а

Нет, и мы не сдаться.

Ц а р ь

Так с чем же ты пришел?

В а в и л а

Дык вот. Угодно
Казакам, мужикам и горожанам,
Чтоб нашему Ивану — живу быть.

Ц а р ь

Так. А не то?

В а в и л а

Не то, брат, все дома,
Что сохранились в Туле-городке,
Все шубы, утварь — всю твою добычу...

Ц а р ь

А шубы все собольи?

В а в и л а

Есть собольи.

Ц а р ь

А больше куньи?

В а в и л а

Всяки шубы есть.

Ц а р ь

А утварь как? Церковная?

В а в и л а

А как же?

Есть кованая, чканная, литая,
Из злата-серебра на семицветах.

Ц а р ь

На семицветах? Это я люблю.
Вы как, бояре? Стоит ли Ивашка
Мехов да семицветов, ась? Пожалуй,
Могу Ивашке даровать и жизнь.

П е т р

А что, как он не согласится?

Ц а р ь

Верно.

А что, как он, казак, не согласится?

М ст и с л а в с к и й

Ну, ради них — Иван согласье даст.

Ц а р ь

Как — ради них?

М ст и с л а в с к и й

А так. Пообещай

Прощения казакам, а Ивану

Повольную на все четыре ветра —

И, может быть, договоримся.

Ц а р ь

Что ж?

Пытнем, пожалуй. Татев и Черкасской!

Немедля с бирючами подъезжай

Под ворота. Загомони в набаты.

Пообещай всего — и покори!

Т а т е в

Всё выполним, великий государь.

Идут.

Ц а р ь

Эй, Татев!

Черкасский, Татев

(вместе)

Я!

Ц а р ь

Постой! Да нет, иди.

Да нет, постой. Не обещай боярства!

В а в и л а

(смеясь)

А он и не попросит.

Ц а р ь

Ну, а вдруг?

Царево обещанье — что железо.

Ну-ну, иди-иди. . . Храни господь.

(Прохаживается.)

«Кумушки,
Вы голубушки,
Вы смотрите — не утайте,
Мое золотце отдайте. . .»

Ужели нынче всей войне конец?

Ужель Ивашка, всей беде заводчик,

Предстанет перед нашими очами?

«Уж я золото
Хороню-хороню,
Чисто серебро. . .»

Поехали никак. Я слышу топот.

«Пал, пал перстень

В калину-малину,

В черную смородину. . .»

Вон бирючи заголосили. Ну-те!

Опять замолкли.

Мстиславский

Снова голоса.

Петр

И снова стихли.

Ц а р ь

Как ты, а, Феодор?

К добру ли то?

Мстиславский

К добру, к добру.

Ц а р ь

Молчат!

Мстиславский

Да не молчат, Иваныч, а торгуют.

Ц а р ь

И то.

Мстиславский
Статьи-то надо обсудить?

Ц а р ь

Да-да... Того и этого и всяко.

«Гадай, гадай, девица,
Отгадай, прекрасная,
Через поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком первиваючи,
Златом переплетаючи...»

Гляди-гляди: раскрылися ворота!
Владычица святая... Приснодева...
Да вот он, вот он...

Мстиславский

С бабочкой своею.

П е т р

Любашка это... Наша мужичиха.

Ц а р ь

А третий-то... Гишпанец! Ей-же-ей!
Гишпанец, а? Недаром же он Власья
Да с бороною... Вот где прояснились
Анафемские помыслы его!
Идут, идут... Идут сюда... Скорее!
Давайте сяду. Ты, Феодор, здесь,
А Петька станет с этой стороны.
Оправь-ка саблю. Да не этак. Вправо.
А лучше — обопрись на рукоять.
Ну-ну. Вот так. А брови-то содвинь.
Грозней, грозней. Стоишь при государе!
А ты бы тоже, сударь мой, Феодор,
Маленько приосанился-то, а?
Ты вроде канцлер — так гляди построже!
Ивашка в Венециях побывал,
И в Польше был, и Льва Сапегу видел.
Негоже нам пред ним ударить в грязь!

Чевой-то я волнуюсь. . . Ведь раб!
Не так ли, ась? Мужик! А я в волнении.

Входит Болотников, рядом — Любаша и Пьетро. Вперед — Татев, сзади — Черкасский.

Татев

Великий государь! Перед тобой
Иван Болотников склонил колена.

(Кладет перед ним саблю Ивана.)

Царь

(ласково)

А я, признаться, этого не вижу.

Татев

(тихо)

Ну, станешь, что ли?

Петр

На колени, раб!!

Болотников

Ты, государь, устами слуг своих
Мне обещал свободу. Так ли?

Царь

Верно.

Болотников

Зачем же этот человек позорит
Меня рабом, а ты молчишь?

Царь

(растерявшись)

Кто? Я?

Я не молчу. Я просто не успел.
Петруша, не моги. Молчи да слушай.

Пауза.

Так, стало быть, ты вот он! Подойди.
А ты, Иван, совсем не дикой с виду.

Болотников

И ты, гляжу, не вовсе одичал.
(Смахни-ко с бороды, великий цезарь.)

Царь

А что?

Болотников

Да в ней запуталась моль.

Царь

Ах, моль? Ну, это не тово... Не страшно.
Вот кабы, скажем, мушка али блошка.
А моль — к богачеству. Ну, как? Убил?

Пьетро

Убил!

Царь

А ты, беспутный богомаз,
С тобою мы сочтемся особливо.

Любаша

Ты и ему свободу обещал!
На том и сговор был. Ведь правда?

Татев

Правда.

Царь

В таком-то разе выведите гостя
На чисто поле, дайте подзатыльник —
И-де пушай бежит себе домой.

Болотников

Предупреди, великий государь,
Чтоб подзатыльник дали не секирой.

Пьетро

(Болотникову)

Когда б я думал, что пред вами гибель —
Клянусь тебе, родной мой Джиованни,

Я б умер вместе с вами. Но король
Сдержал свое монаршьё обещанье —
И я спокоен. Правда, государь?

Ц а р ь

Храни тебя господь.

Л ю б а ш а, Болотников
(вместе)

Прощай!

П ь е т р о

Adio! ¹

(Уходит.)

Ц а р ь

А кто сия богатырица? Ась?

Болотников

Моя жена.

П е т р

Дворовая моя.

Ц а р ь

Как звать тебя, красавица?

Л ю б а ш а

Любава.

Ц а р ь

А хороша Любава... Хороша...

П е т р

(резко)

Великий царь! Теперь, когда крамола
Твоим святым мечом покорена —
Я притязаю на возврат того,
Что у меня уворовали.

---

¹ Прощайте! (Итал.) — *Ред.*

Мстиславский

Петя!

Не след пока об этом говорить.

Петр

Я требую, великий государь,
Чтоб воротили крепостную девку,
Любашку, дочку моего Егора,
Из вотчины путивельской моей.

Царь

(подумав)

Ну что ж. Коли удастся — забирай.

Петр вынимает из ножен меч. Болотников хватает свою саблю, лежавшую у ног Шуйского, и молниеносно поражает Петра.

Царь

(испуганно)

О господи Иусе. . . Свят-свят-свят.

(Мрачно)

Ну что ж. Отменно. Так тому и быть.
Чай, мы-де тоже рыцари, бояре!
Богатыря могущество пред нами
Имает, что ли, цену, али — тьфу!
Эй, трубачи! Победоносцу слава!
Трубы играют. Слуги уносят труп Петра.

Болотников

Благодарю, великий государь.

Царь

Да не на чем. . . Хоть право было тамо,
Но ты-то — сила. И хоша в народе
Считается, что сила-де не право,
Но в бытии оно наоборот.
Не правда ли, Иван Исаич, ась?
Скажи, как филозо́ф.

Болотников

Да как сказать. . .

Тут главное она сама. . . Любаша. . .

Ц а р ь
(сердито)

Ну, это ты городишь чепуху.
Причем она-то? Здесь, брат, спор о праве,
А не о правде. Что такое «правда»?
Сложение шести каких-то букв,
Пустое извержение гортани.
А посему, дабы закончить спор,
Я говорю: Черкасской!

Ч е р к а с с к и й
Я!

Ц а р ь

И Татев.

Схватите эту женку и отправьте
Во стольный град. При мне пущай живет.
Любаша бросается к Болотникову. Он обнимает ее.

Т а т е в

Не будь безумен. Воля государя.
Он обещал вам жизнь, но не любовь.

Ц а р ь

Из трех бойцов — сильнейшим оказался
Хилой старик шестидесяти лет.
Хе-хе. . . Чудны дела твои, о боже.

Л ю б а ш а

Прости, Банюша, сокол мой. . . Прости. . .

Ее хотят увести

Л ю б а ш а

(рванулась назад)

Еще взглянуть! В последний раз. . . Ванюша!!

Уводят.

Ц а р ь

Вот так же мы с тобой, Иван Исаич,
Боролися и за Московию.

Болотников

(глухо)

Верно.

Но только мы не доборолись.

Царь

(потешно)

Мамо!

Да как же это так — не доборолись?
Война-то кончена аль нету? Крепость
Упала али нет? Казаки — где?
А сам? Уж не меня ли полонили?

Болотников

Нет, государь. И крепость-то упала,
И в рассыплении мои казаки,
И сам я в полону, а вот война
Не кончена.

Царь

(ехидно)

Не кончена? Бояре!

Да поглядите вы на человечка:
На этакого стоит поглядеть!
Разбит, обезоружен, изничтожен,
А всё надеется!

Болотников

Таким родился!

Царь

Надеется! А это видел? Шиш!
Ты будешь лютой смертию казнен.
Глаза тебе повыжгу до затылка,
А после в реку-то — под лед, под лед!

Болотников

Ну и под лед. Ну и помру. И что?
Одним крестьянином поменьше.

Царь

Только?

Болотников

Я кто, Василь Иваныч? Я пустяк.
Я человек маленькой — всего лишь
Великий воевода черноты.
Но вот за этой чернотой — *правда!*
Та самая. Что из шести-то букв.
А в этой правде — и закон и сила.
Недаром, государь всея Руси,
При всем твоим могуществе державном —
Ведь ты меня боишься.

Царь
(*вскипев*)

Это я-то?
Да я тебя немедля же казню!

Болотников

Казнить казнишь, а все-таки боишься.

Входит гонец.

Гонец

Великий царь! Во Стародубе-граде
Недавним временем явился вор.

Царь

О господи. . . Опять? Да кто таков?

Гонец

Димитрием зовет себя. Казаки
Так прямо и стекаются к нему.
На Тушино идут его полки.
А их ведет Болотников Ивашка.

Царь

Болотников? Ивашка? Да ведь вот он!

Гонец

Не знаю, государь. А только слышал,
Что их ведет Болотников.

Царь

О боже. . .

Гонец
Еще сказали, будто сей Ивашка
Не человек. . .

Мстиславский
А кто?

Татев
А что ж?

Гонец
Призра́к!

Болотников
О господи. . . Я брежу. . . Наваждение.

Царь
Призра́к! Да вы убить меня хотите!
Да как же это можно, чтоб призра́к?

Гонец
Перед полками — с боевой хоругвью,
В доспехах, при мече и мушкетоне
Качается туманное пятно,
И коль сказать «Болотников» — оно
Оглядывается. . .

(Крестится.)

Царь
Ах ты, скотина!
Свинья ты этакая! Остолоп!
Ты сам, я чаю, веруешь в виденье?

Гонец
Да как же тут не верить, государь,
Коли оглядывается?

Царь
Растяпа!
Да ты-то зрел?

Гонец
Не зрел.

Ц а р ь

А веришь!

Г о н е ц

Верю.

Ц а р ь

Да как же веришь, коли не видал?

Г о н е ц

Я и царя не видывал — однако ж
Ты есть такой.

Болотников хохочет.

Ц а р ь

Ой, тошно мне, бояре. . .

Ой, князеньки мои, нехорошо!

(Гонцу)

Ступай себе!

(Болотникову)

А ты молчи! Хохочет. . .

Владычица святая! Приснодева!

Я худа никому не замышляю.

Черкасской! Татев! Этого сошлите

Куда-нибудь на север.

Черкасский

В Ярославль?

Ц а р ь

На север, и подальше.

Т а т е в

Во Владимир?

Ц а р ь

(вздыхая)

Во город Каргополь.

Черкасский

А там?

Т а т е в

(*тихо*)

Казнить?

Пауза.

Ц а р ь

(*вместо ответа*)

«И преступником, и не соблюдахом,
И не ходихом во законе божьем...»

Б о л о т н и к о в

Дык как, Василь Иваныч, а? Война-то?
Не кончена, я говорю, война.

Ц а р ь

(*рассеянно*)

Не кончена.

Б о л о т н и к о в

Уж вот он, мой двойник,
Опять ведет мятежные народы!
Ты не успел еще и насладиться
Моею смертью, а уже крестьяне
Сумели воскресить меня...

Т а т е в

(*подходя к нему с цепями*)

Дай руки.

Б о л о т н и к о в

Чего?

Ч е р к а с с к и й

Дай руки.

Б о л о т н и к о в

Руки? Что ж. Айда.

Хоть в Каргополь, хоть в прорубь — не беда.

(*Протягивает руки*)

Татев и Черкасский берутся с цепью, оковывают запястья, потом ноги.

Болотников

(поет)

«Эх, развейся ты, моя судьбина...
Растекися талою водой...
Вон поплыл туманною долиной
Чалый сокол, сокол молодой.
У него — заря на опереньи
И роса на папоротке крыл.
Он плывет в распахнутом пареньи,
Словно душу небу пораскрыл».

Т а т е в

Пошли.

Болотников

Пошли. Дык поклонись Любаше,
Иуда-государь. Скажи, что помню.

Уходят.

Голос Болотникова

«Сокол, сокол! Не веди разбою,
Не черкай на белых лебедей —
Закружи кругами над избою,
Над светелкой девушки моей...»

Ц а р ь

(прислушиваясь, вдруг снова начинает причитать)

«Призри со небесе и посети
С горы своей, о боже, виноград свой
И отврати прещение свое...»

(Снова прислушивается.)

Голос Болотникова

(удаляясь)

«Вскрикнет, всплещет... Опрокинет столик...
Заполощет, белая, в окне...
Сладко скажет милая: «Соколик!»
Загрустит и вспомнит обо мне».

К о н е ц

(1938)

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее собрание избранных произведений Ильи Сельвинского было подготовлено еще при жизни поэта и при его участии. В книгу включены произведения, отобранные в основном самим поэтом и характеризующие разные этапы его более чем полувекового творческого пути.

В соответствии с принципами издания «Библиотеки поэта», составитель стремился представить творчество Сельвинского во всей его сложности, противоречивости и многогранности. Поэтому, наряду с произведениями, давно и прочно завоевавшими всеобщее признание и широкую известность, в сборник включены также некоторые спорные и противоречивые стихи Сельвинского 20—30-х годов, в частности его стихотворная полемика с Маяковским и «Декларация прав поэта», где особенно резко проявились ошибки и заблуждения, свойственные творчеству Сельвинского тех лет.

Книга имеет следующие разделы: «Ранние стихотворения (1917—1930)», «Стихи 1930—1960-х годов», «Поэмы», «Трагедии». Первый раздел имеет подразделы: «Гимназическая муза», «Экспериментальное», «Юность», «Переходники». Второй раздел делится на подразделы «Тихоокеанские стихи», «Зарубежное», «Война», «Мир». Внутри подразделов стихи расположены в порядке, указанном автором (большей частью в хронологической последовательности). Из песен Сельвинского, занимающих значительное место в его творчестве, для настоящего издания отобраны лишь наиболее характерные: часть песен включена в состав экспериментальных стихов; некоторые песни отнесены к разделу «Война» вместе с монологами из трагедий; песни послевоенного периода опубликованы в разделе «Мир».

В третий раздел включены две поэмы Сельвинского — «Улялаевичина» и «Пушторг»; четвертый раздел включает трагедию «Рыцарь Иоанн».

Тексты печатаются в последней авторской редакции по тому изданию, где данный текст впервые установился. На протяжении всей жизни Сельвинский неоднократно возвращался к своим ранним произведениям, перерабатывая, исправляя и дополняя их. Каждая книга из архива поэта носит следы авторской работы над текстом. Это

относится и к лирике, и в особенности к поэмам и драмам 20-х годов. Так, в 1956 году была опубликована новая редакция поэмы «Улялаевщина», в 60-е годы Сельвинский коренным образом переработал «Записки поэта» и написал новый вариант романа в стихах «Пушторг», который печатается по тексту, специально подготовленному для настоящего издания.

В примечаниях приводятся сведения о первой публикации текста, об изданиях, в которых текст подвергся авторской правке; указывается источник, по которому печатается текст (ссылка только на первую публикацию означает, что произведение более не перепечатывалось или перепечатывалось без изменений). В примечаниях содержатся также необходимые сведения историко-литературного характера. Пояснения иноязычных и малоупотребительных слов вынесены в словарь.

Авторские комментарии даются в тексте под строкой, если они имеются в источнике, по которому печатается текст (исключение, по желанию Сельвинского, сделано лишь для его примечаний к некоторым экспериментальным стихам из сборника «Госплан литературы», где эти примечания следовали после каждого напечатанного там стихотворения под знаком квадратного корня: √). Если авторские комментарии имеются в промежуточных изданиях, то они приводятся, по мере необходимости, в примечаниях или в Словаре с указанием: примеч. авт.

Сокращения, принятые в примечаниях

- Альм. — альманах
«Бабек» — И. Сельвинский, Бабек, М., 1946
БИП — И. Сельвинский, Баллады и песни, М., 1943
БК — И. Сельвинский, Большой Кирилл. Сцены народной драмы, М., 1957
БПП — И. Сельвинский, Баллады, плакаты, песни, Краснодар, 1942
ВКГ — «Вечерняя красная газета»
ВЛ — И. Сельвинский, Военная лирика, Ташкент, 1943
«Влюбленные не умирают» — И. Сельвинский, Влюбленные не умирают. Стихи, М., 1965
ГЛ — Госплан литературы. Сборник литературного центра конструктивистов (ЛЦК), М.—Л., 1925
ДП — И. Сельвинский, Декларация прав, М., 1933
ДПОБ — И. Сельвинский, Давайте помечтаем о бессмертье. Стихи, М., 1969
Зв. — журнал «Звезда»
Зн. — журнал «Знамя»
ИИ — И. Сельвинский, Избранное, М., 1950
ИП — И. Сельвинский, Избранные произведения, М., 1953
ИПІ — И. Сельвинский, Избранные произведения в 2-х томах, т. 1, М., 1956
ИПІV — И. Сельвинский, Избранные произведения в 2-х томах, т. 1, М., 1960
Избр. — И. Сельвинский, Избранное, М., 1948 (Б-ка «Огонек», № 24)

- Избр. стихи I — И. Сельвинский, Избранные стихи, М., 1930 (Б-ка «Огонек», № 541)
- Избр. стихи II — И. Сельвинский, Избранные стихи, М., 1934 [Избранная лирика] — И. Сельвинский, [Избранная лирика], М., 1967 («Б-чка избранной лирики»)
- «Казахстан» — И. Сельвинский, Казахстан. Стихи, Алма-Ата, 1958
- ККК — И. Сельвинский, Крым, Кавказ, Кубань, М., 1947
- КН — журнал «Красная новь»
- «Командарм 2» — И. Сельвинский, Командарм 2, М.—Л., 1930
- ЛI — И. Сельвинский, Лирика, М., 1934
- ЛII — И. Сельвинский, Лирика, М., 1937
- ЛIII — И. Сельвинский, Лирика, М., 1964
- ЛВ — И. Сельвинский, Ливонская война, М., 1946
- ЛГ — «Литературная газета»
- ЛИД — И. Сельвинский, Лирика и драма, М., 1947
- ЛИЖ — газета «Литература и жизнь»
- Лирика — И. Сельвинский, Лирика. Стихи, М., 1959 (Б-ка «Огонек», № 47)
- ЛР — газета «Литературная Россия»
- МВ — Мена всех. Конструктивисты-поэты, М., 1924
- МГ — журнал «Молодая гвардия»
- НМ — журнал «Новый мир»
- «О времени...» — И. Сельвинский, О времени, о судьбах, о любви, М., 1962
- Ог. — журнал «Огонек»
- Окт. — журнал «Октябрь»
- «Пао-Пао» — И. Сельвинский, Пао-Пао, М., 1933
- Песни — И. Сельвинский, Песни, М., 1936 (Б-ка «Огонек», № 24)
- РI — И. Сельвинский, Рекорды, М., 1926
- РII — И. Сельвинский, Рекорды. Стихи и новеллы, изд. 2, М.—Л., 1931
- РИ — И. Сельвинский, Рыцарь Иоанн. Трагедия в 5 акт., М., 1939
- РЛ — журнал «Русская литература»
- «Россия» — И. Сельвинский, Россия. Драматический эпос, М., 1957
- РС — И. Сельвинский, Ранний Сельвинский, М.—Л., 1929
- Собр. соч. — И. Сельвинский, Собрание сочинений в 6-ти томах, М., Гослитиздат, 1971
- СС — И. Сельвинский, Студия стиха, М., 1962
- Стихотворения I — И. Сельвинский, Стихотворения, М., 1958
- Стихотворения II — И. Сельвинский, Стихотворения, М., 1967
- ТП — И. Сельвинский, Театр поэта, М., 1965
- Трагедии — И. Сельвинский, Трагедии, М., 1952
- ТС — И. Сельвинский, Тихоокеанские стихи, М., 1934

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ранние стихотворения (1917—1930)

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ МУЗА

Свои первые, написанные в гимназии стихи Сельвинский объединил в сборнике «Ранний Сельвинский» (М.—Л., 1929). Книга состоит из двух разделов: «Гимназические стихи» и «Короны сонетов». Первый раздел распределен по «классам»: «Четвертый класс» (1915/16 г.), «Пятый класс» (1916/17 г.), «Седьмой класс» (1917/18 г.) и «Восьмой класс» (1918/19 г.). Среди этих стихов много подражательных, манерных, написанных неустановившимся почерком. Для настоящего издания выбраны некоторые ранние стихи поэта, где его индивидуальность проявляется более четко и где намечаются те линии его творчества, которые найдут дальнейшее развитие в зрелых произведениях.

1—2. РС, с. 40, 41.

3. РС, с. 44. Печ. по Песни, с. 46.

4. РС, с. 64.

5. РС, с. 105. *Нет, не Байрон я, не иной и т. д.* — парафраз строк из стих. Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой. . .».

6. НМ, 1928, № 11, с. 72, под загл. «Здорово!»; Избр. стихи I; Избр. стихи II; ЛП. Печ. по ЛП, с. 3. Отдельные строки и целые строфы стихотворения с изменениями перенесены автором в «Уляла-евщину» (гл. 8 первой редакции). *Обры* — народ, о котором известно только то, что он погиб (примеч. авт.).

7. РС, с. 129. Строки «И в поле пахнет рыжий мед коммунистических идей» цитируются в автобиографическом романе Сельвинского «О, юность моя!» как «стихи одного гимназического поэта» (М., 1967, с. 128).

8. РС, с. 138. *Сальково* — станция близ Чонгарского полуострова, в этом направлении в годы гражданской войны шло наступление частей Южного фронта перед штурмом Крыма.

9. РС, с. 170. Печ. по Избр. стихи II, с. 15.

10. РС, с. 140. Печ. по ЛП, с. 7.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ

В экспериментальной работе Сельвинского теория и практика всегда шли рядом, и стихи как бы иллюстрировали те или иные теоретические положения конструктивизма, наиболее полно сформули-

рованные Сельвинским в статье «Кодекс конструктивизма». Так, чрезвычайно любопытны рассуждения Сельвинского о сюжетности экспериментальных стихов: «Организация сюжета у конструктивистов прошла все стадии: а) Прежде всего нами найден сюжетный примитив, давший наиболее острую форму — *анекдот*... примером может служить «Анекдот» о мальчике, рискованный сюжет которого, облагороженный поэзией, невозможен в прозаическом изложении. Сюда же относится «Рапорт», где излагается случай с расстрелянным и похороненным белогвардейским ротмистром, оказавшимся живым и подающим прошение с просьбой окончательного дострела... б) Дальнейшим шагом в этом направлении послужила *новелла*, представляющая собой разращение анекдота, что, конечно... не обязывает ее носить юмористический характер. Сюжетная пружина занимает в новелле положение острого поэтического стержня, разветвленного дополнительными средствами, которые совершенно излишни для анекдота. Новеллы получили в практике конструктивистов широкое развитие. Так, повеллы «Мотыкэ-Малхамовес» и «Бульдог Бутс» построены на принципе обратных концовок или концовок с блефом. В первой бандит Малхамовес грабит ювелирный магазин, угрожая бомбой, оказавшейся свекловичей. Во второй новелле — преданный и умный пес неожиданно врывается в объятия любовников, уверенный, что защищает свою госпожу от грабителя... Новелла «Тряпичный король» построена на антагонизме интересов капитала и фиска и является пока единственным видом политической новеллы, где самый факт антагонизма и его развитие служат не просто темой, а чертежом сюжета» (Зв., 1930, № 9-10, с. 255—256). Говоря об особенностях языка у конструктивистов, Сельвинский вводит понятие «дубльреализм»: «Реализм берет жизнь такую, какой она дана... Дубльреалист, напротив, берет из жизни только характерное, только типичное по своей исключительности» (там же, с. 255). «...дубльреализм по самому существу своему не имеет собственного языка, как не имеет его человек, владеющий всеми языками и практически пользующийся ими в соответствующих странах. Дубльреалист мыслит на том языке, какой необходим для данного жанра... стремится к документации говорюв, наречий и даже индивидуальных особенностей языка своих персонажей. В этом отношении он совершенно отвечает биологическому закону мимикрии. «Вор», например, построен на жаргоне «блатной музыки»... «Мотыкэ-Малхамовес» представлен в еврейской интонации... Тут же специфические еврейские выражения, почти не переводимые на русский... и артикли, переданные макароническим стихом: „И один дер другого за штаны тянул“» (там же, с. 261—262). Для понимания особенностей ритмической организации экспериментальных стихов интересны высказывания Сельвинского о тактовике: «Тактовый стих богаче всех других просодий, потому что может включить их в себя, но сам в них не включается. Он гибче, разнообразнее и шире. Цыганские песни с пляской и перебором струн укладываются в берега тактовой просодии, также и разговорная речь, газетная передовица и деловая корреспонденция. Богатства тактовика неисчислимы и открывают поэзии огромное будущее» (там же, с. 257—258).

Экспериментальные стихи, кроме того, «поражают сразу же необычностью своей записи: многочисленными ударениями, вопро-

тельными знаками, поставленными посреди слова, латинскими *h*, удвоенными слогами и гласными и т. д. — целым рядом начертательных приемов, имеющих целью передать «пошиб», произношение, песенную интонацию, высоту тона, характер звука... Напишите цыганские стихи Сельвинского при помощи обычной транскрипции — от большинства из них останется лишь кучка пепла. С ними случится то же, что с медузой, выброшенной на берег: в комке слизи трудно узнать причудливый колокол, плавающий в воде. Иначе говоря, стихи эти существуют только в силу известного способа записи» (А. Лежнев, Илья Сельвинский и конструктивизм. — «Печать и революция», 1927, № 1, с. 82—83). Сам Сельвинский придавал принципиальное значение особенностям записи своих стихов: «Наряду с разработкой чисто ритмических проблем стиха необходимо обратить внимание и на другое его измерение — высоту. Разговорная речь обильна повышением и понижением тона; если эту кривую подчинить закономерности — получится ощущение песни. Первая пометка теории тональности, на которую я, как практик, набрел, — сводится к следующему:

А) Вопросительный знак — есть знак повышения тона в тех пунктах разговорной речи, на которых лежит определенный смысловой узел. Если же этот вопросительный знак ставить в местах логически не вопросительных и если его распределение в ритмическом отрезке регулировать по определенному плану — он делается знаком чисто тональным.

Б) Ударение также чисто логический отросток слова (за́мок и замо́к). Но если его перенести на неударяемый слог и подчинить ритмическому кадансу — оно также делается тональным значком и дает песню.

Пример: Ехали казаки — да ехалии казакѝи.

В) Сюда же относится регулирование количества (т. е. силы) этих ударений на одном и нескольких звуках.

Пример: Ай-ди дуди дьди-дуди
Дудѝ-дыдѝ? — дундаала.

(«Цыганская рапсодия»)

Г) Песне свойственны придыхания и вставка артикуляционных подзвуков, которые, придавая ей обаяние пошиба, голым стихом не учитывались. Нужно ввести звук «*h*» (латинское придыхательное) и, по мере необходимости, — глухие гласные между двумя согласными и растянутую (оттененную) гласную же.

Примеры: 1) Ехали каза-*há*?-ки чубѝ пá губáм.

2) Нно́чь-чи? Со́н'ы. Прох?ла́дыда.

(«Цыганский вальс на гитаре»)

3) «Скулы непобриѝеты».

«Добре, лошадиѝеха».

Таковы первые примитивы захвата песни средствами разговорной речи. Это выведет орнаментику поэзии из мертвечины пушкинских и лермонтовских «песен», вправленных в поэму, от которой они отли-

чаются только меньшим количеством стоп и включением или отсечением анакрузы» (ГЛ, с. 48). В экспериментальных стихах (и некоторых более поздних) часто встречается либо графическое изображение паузы (—), либо с помощью «эс» и «эста», которые, по указанию поэта, читаются про себя. С экспериментальными стихами связан шумный успех Сельвинского при первых его выступлениях в литературных кругах Москвы. Поэт впоследствии вспоминал в стих. «Путешествие по Камчатке»:

В глазах каруселью прошла пантомима,
Лучшие марки летели в брак:
«Юность» — мимо, «Рапорт» — мимо,
Мимо — страдания молодого бобра.
«Вор», эпиграммы, детские зайки,
«Жили два брата», «Пушкин — Ней»,
С гиканьем и топотом про «Ехали казаки»,
«Трой-ка гей цы-ганских коней. . .»
Вся непобедимая золотая гвардия,
Все кирасиры эстрадных битв,
Всё это струсило, смылось. На карте
Остался один лишь быт.

(Л1, с. 171)

11. РII, с. 38. *Караимская* — улица в Евпатории. *Альма* — река в Крыму, долина которой славится фруктовыми садами.

12—15. 1. РII, с. 40. Печ. по Избр. стихи II, с. 155. *Айса́* — татарский утвердительный возглас. В данном случае отмечен филологической интонацией: «так-с», «так-то» (примеч. авт.).

2. РII, с. 41. Печ. по Избр. стихи II, с. 156.

3. РII, с. 42. Печ. по Избр. стихи II, с. 157. *Дм* — татарская приставка вроде «то», «де», «мол» (примеч. авт.).

4. РII, с. 42.

16. МВ, с. 33; РI. Печ. по РII, с. 17. *Вышел на арапа* — наудачу. *Промеж роги* — между глаз.

17. МВ, с. 36, под загл. «Цыганская»; РI, под загл. «Цыганская»; Избр. стихи I. Печ. по РII, с. 21. В 1928 г. положено на музыку Ю. Вейсберг. В юности И. Сельвинский был актером бродячего театра «Гротеск», вместе с этим театром ездил целый табор. Таборные песни, в частности распев цыганского «Яблочка» (таборная плясовая), легли в основу замысла цыганского цикла. *Жеребцы. . . оболенские* — рысаки с конных заводов князя Д. Д. Оболенского (в Тульской губернии).

18. МВ, с. 38; РI; РII; Избр. стихи II. Печ. по Л1, с. 87. В МВ авторская сноска: «В обработке «Цыганской рапсодии» принимала участие поэтесса Марина Крейцер». В стихотворении «. . .«эмоциональное» задание — дать топот пляшущих. . . Тема отрывка — ме-

тель, которая, как полымя, припадает долами. Цыганская пляска дана так:

.. *Лоты, лыты, мяты, поды,
Ляты? мяты? падалицей.*

Теперь, зачеркивая везде приставку «ты», которая обозначает при-топтыванье, мы видим, что это семантически вводит в запев следующей строфы: «Пóлымя — падалицей». . .» (К. Зелинский, Госплан литературы. — ГЛ, с. 28—29).

19. МВ, с. 37; РІ; Избр. стихи II. Печ. по ЛІ, с. 90. «Цыганский вальс на гитаре» — «интереснейшая попытка переломить человеческую речь гитарой. В стихотворении три задания: дать *вальс*, вальс *цыганский* и на *гитаре*» (К. Зелинский, Госплан литературы. — ГЛ, с. 29). Интересно признание самого Сельвинского: «Мой юношеский «Цыганский вальс на гитаре» посвящен Пикассо, т. к. навеян его картиной „Скрипка“» (письмо Д. Молдавскому от 13 ноября 1962 г. — РЛ, 1969, № 4, с. 173). *Тáратинна-тáратинна-тан* — см. примеч. 59.

20. РІ, с. 14, под загл. «Мотькэ-Малхамувес». Печ. по РІІ, с. 62. По свидетельству Сельвинского, М. Волошин назвал это стихотворение «нестерпимым по гнусности своей стилистической правды, но именно в силу этого благородным произведением искусства» (И. Сельвинский, Кодекс конструктивизма. — Зв., 1930, № 9-10, с. 263). Если в стих. «Вор» Сельвинский использует блатной жаргон, то в «Мотькэ-Малхамовесе», кроме того, использован жаргон одесского вора, мешающего блатные и еврейские слова. *Малхамовес* (др.-евр.) — ангел смерти. *Вашших нет* — воровское выражение в смысле — «и никаких гвоздей» (примеч. авт.). *Мне чтобы было за ваши косточки* — еврейское выражение, означает высшую степень альтруизма. Говорится обычно матерями детям (примеч. авт.).

21. ГЛ, с. 58, под загл. «Тряпной король»; РІ, под загл. «Тряпной король»; РІІ. Печ. по ЛІІ, с. 30. В первой публикации дано авторское разъяснение идейного смысла новеллы: «Смысловая тема новеллы — одно из внутренних противоречий капиталистического строя: глухая борьба промышленного капитала с ссудным. Так называемый финансовый капитал, объединяющий оба эти вида, не всегда оказывается в силах справиться со своей задачей, особенно в вопросах внешней политики. В анекдоте новеллы как раз и затронут момент разнобойного отношения капиталистов к колониям: если промышленный капитал заинтересован в том, чтобы путем отказа им в займе сделать из них потребителя, то ссудный, наоборот, видит для себя выгоду в производственном росте сырьевых стран, т. к. в этом случае они смогут явиться местом выгодного помещения свободных капиталов. Наряду с этим, в новелле даны намеки еще более тонких расстройств капитализма, именно почти неосозаемая вражда между интересами сырья и золота в сфере одного и того же хозяйства. Техническая тема: политико-экономическая канва, коммерческий жаргон и интонационный перебой диалога» (ГЛ, с. 62).

22. РII, с. 66. Печ. по Избр. стихи II, с. 164. «*Сеттер Джек*» — название стихотворения Веры Инбер. *О лебеде и Леде*. Леда (греч. миф.) — жена царя Спарты, к которой Зевс явился в образе лебедя.

23. СС, с. 129.

24. НМ, 1931, № 11, с. 107; ДП; Избр. стихи II. Печ. по ЛI, с. 91. *Прованс* — историческая область на юге Франции. *Брабант* — историческая область в северо-западной Европе (южная часть ее входит в состав современной Бельгии, северная — Нидерландов).

Песни

25. «Пао-Пао», 1933, с. 121, в составе трагедии (позже было перенесено во второй, переработанный вариант трагедии «Командарм 2», который не был опубликован); Песни. Печ. по ЛII, с. 65.

26. Ог., 1932, № 6, с. 1, вместе с песней «Двадцать пятая наша дивизия», под общим загл. «Красноармейские песни»; ДП; ЛI; Песни. Печ. по ЛII, с. 58.

27. ТС, с. 35. Печ. по ЛII, с. 78.

28. ТС, с. 110. Печ. по ЛII, с. 74. В ТС песня помещена среди хоров, написанных к фильму немецкого режиссера Э. Пискатора «Восстание рыбаков» (1934) по мотивам романа А. Зегерс. Музыка Ф. Сабо, Н. Чемберджи, В. Фере.

29. Песни, с. 15.

30. Окт., 1934, № 7, с. 38, в составе трагедии «Умка — Белый Медведь». Печ. по ТП, с. 131.

ЮНОСТЬ

31. ИIV, с. 7. «Юность» примыкает к циклу корон сонетов, написанному поэтом в 1920 г. Часть из них опубликована в РС. «Что касается моей «Юности», — писал Сельвинский, — то с ней получилась удивительная вещь. В 1920 г., еще в Симферополе, когда я был студентом I курса, написалась у меня книжка «Ларец корон» (кажется, II корон сонетов). Яростный мой поклонник, гимназист Бачелис, умолил меня дать эту книжку (вернее, тетрадку) почитать на три дня. Через два дня он сообщил мне с ужасом, что книжка исчезла: кто-то ее украл. Кое-какие короны я восстановил по памяти и по черновикам, но четыре исчезли окончательно: «Разгром», «Вельзевул», «Лихолетье» и «Юность». Впоследствии Бачелис стал литературным критиком, работал в «Комсомольской правде», где резко против меня выступал. В 1943 г. в Краснодаре состоялся знаменитый суд над русскими изменниками, служившими в гестапо. На суд приехали из Москвы журналисты, в том числе Бачелис. Я тоже приехал с фронта. И вдруг Бачелис вручает мне «Юность»: случайно на-

шлась. Но это еще не все. Недавно молодой литературовед Елена Вандыш, роясь в моем досье в гос. лит. архиве, читала там „Лихо-летье“» (письмо И. Л. Михайлову от 31 марта 1961 г.).

2. *Тамара* — героиня поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». *Татьяна* — героиня романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

6. *Сен-Жюст* Л.-А. (1767—1794) и *Робеспьер* М. (1758—1794) — деятели французской буржуазной революции конца XVIII в., вожди якобинской революционно-демократической диктатуры.

7. ...меня кругами жизни поводил, Как Данта, по преданию, Вергилий. В поэме Данте (1265—1321) «Божественная комедия» римский поэт Вергилий (70—19 до н. э.) сопровождает Данте в странствованиях по аду.

8. *Валгалла* — в скандинавской мифологии дворец бога Одина, куда после смерти переносятся души павших в бою героев. *Аю-Даг* (по-тюркски — «Медведь-гора») — гора и мыс на Южном берегу Крыма, близ Гурзуфа.

9. *Таврида* — прежнее название Крыма.

10. «*Карл*» написал в матрикул свой. Под влиянием увлечения «Капиталом» Карла Маркса Сельвинский в начале творческого пути подписывал стихи «Эллий-Карл Сельвинский».

11. *Товарищ Груббе, комиссар-матрос*. Сельвинский сделал Груббе одним из героев романа «О, юность моя!». *Чонгар*. Через пролив Сиваш был сооружен Чонгарский мост, соединявший Чонгарский полуостров с Крымом. Здесь врангелевцами были построены мощные оборонительные укрепления, преграждавшие путь в Крым. Осенью 1920 г. под руководством М. В. Фрунзе была проведена Перекопско-Чонгарская операция, которую Ленин назвал «одной из самых блестящих страниц в истории Красной Армии» (Полн. собр. соч., т. 42, с. 130) и которая привела к полному освобождению Крыма от белогвардейцев.

12. *Тюремный дворик, точно у Ван-Гога*. Речь идет о картине «Прогулка заключенных» голландского живописца В. Ван-Гога (1853—1890).

32—41. Цикл «Письма из тюрьмы» сформирован автором в данном составе для настоящего издания. В письме к И. Л. Михайлову (от 13 января 1965 г.) Сельвинский писал: «В тюрьме я был дважды. Весной 1919 г. сидел в Севастополе с 11 марта по 1 апреля. В это время Врангеля еще не было, Деникин только накапливался на Кубани. Это было время англо-французской интервенции, а если местному, то время Соломона Крыма, председателя крымского правительства. Я написал «при Врангеле» условно, т. к. объяснять, кто такой был этот самый Соломон Крым, в стихах очень уж несподручно. Я пишу о нем в своем романе. Что же касается Симферополя, то это уж точно было при Врангеле в 1920 г.». О севастопольской тюрьме и женщине-следователе см. в романе Сельвинского «О, юность моя!» (М., 1967, с. 270—277).

1. «О времени. . .», с. 12. «*Сижу за решеткой в темнице сырой*» — из стих. Пушкина «Узник».

2—4. «О времени. . .», с. 12, 14, 15.

5—6. Собр. соч., т. 1, с. 82.

7—8. «О времени. . .», с. 15, 11.

9—10. Собр. соч., т. I, с. 81, где напечатано с незначительными изменениями. Печ. по автографу.

42—51. Цикл «О любви» сформирован автором впервые для настоящего издания.

1. И III, с. 30.

2. Ог., 1960, № 50, с. 12.

3. «О времени...», с. 17.

4. И III, с. 31.

5. И III, с. 35. *Рубенс* П. (1577—1640) — фламандский художник. *Боттичелли* С. (1444—1500) — итальянский художник эпохи Возрождения. *Гоген* П. (1848—1903) — французский художник.

6. И III, с. 33. *Каррье́ра* (Каррьер) Э. (1849—1906) — французский художник.

7. ЛIII, с. 41. *Командоры*. Командорские острова расположены на границе Тихого океана и Берингова моря. «*Дюльбер*» — отель в Евпатории. *Чем пахнет море? Бунин пишет где-то, что арбузом*. В воспоминаниях И. Бунина о Чехове приводится следующий эпизод: «Иногда мы сидели и молчали, просматривая газеты и журналы. Смеялись и над некоторыми рецензиями о его рассказах, а особенно о моих... Случалось, что во мне находили «чеховское настроение». Оживляясь, даже волнуясь, он [Чехов] восклицал с мягкой горячностью: «Ах, как это глупо! Ах, как это глупо! И меня допекали «тургеневскими нотами». Мы похожи с Вами, как борзая на гончую. Вы, например, гораздо резче меня. Вы вон пишете: «Море пахнет арбузом...» Это чудесно, а я бы ни за что так не сказал» («Резец», 1929, № 5, с. 16). *Сольвейг* — героиня драматической поэмы Г. Ибсена «Пер Гюнт». *Эту деву я сейчас же увлеку с собой, словно Зевс Европу*. В греческой мифологии дочь финикийского царя Агенора Европа была похищена Зевсом, принявшим образ белого быка. *Чатыр-Даг* (Шатер-гора) — горный массив в главной гряде Крымских гор.

8. И III, с. 43, с эпиграфом из поэмы Маяковского «Про это»:

В этой теме
и личной и мелкой,
перепетой не раз
и не пять,
я кружил поэтической белкой
и хочу кружиться опять.

Печ. по Л III, с. 54. *Гойя* Ф.-Х. (1746—1828) — испанский художник. *Янцзыкиан* (Янцзыцзян) (Голубая река) — самая большая река в Китае.

9. «О времени...», с. 26. *Шопенгауэр* А. (1788—1860) — немецкий философ-идеалист; среди его сочинений — трактат «Метафизика любви», «О женщинах».

10. ДП, с. 30; Избр. стихи II; LI; LIII. Печ. по «О времени...»; с. 28. В 1929 г. Сельвинским была написана пьеса «Теория вузовки Лютце», впоследствии утраченная. «Портрет» должен был входить в нее как часть поэтической интермедии. В Зв. (1930, № 8, 12) были опубликованы еще две главы из этой интермедии под загл. «О смерти Маяковского» и «Угольный эшелон»; в «Вечерней Мо-

ске», 1931, 13 октября — отрывок под загл. «Теория вузовки Лютце». *Ренуар* О. (1841—1919) — французский художник-импрессионист, автор знаменитых женских портретов. *Лимож* — город в центральной части Франции, славящийся производством эмалей. *Канопус* — яркая звезда, вторая после Сириуса по блеску.

ПЕРЕХОДНИКИ

52. ГЛ, с. 45, с посвящением К. Зелинскому; Избр. стихи I. Печ. по Избр. стихи II, с. 22. Зелинский К. Л. (1896—1970) — критик, литературовед, один из организаторов и теоретиков группы конструктивистов. В ГЛ с разъяснением автора: «Конструктивная тема «Репорта» — дать в насухо выжатой форме — эпопею, если под ней понимать широкую картину борений родов, наций или классов. Широта картины может зависеть не столько от величины окуляра, сколько от перспективы — так морской горизонт ясно виден и в иллюминаторе корабля. Семантическая тема вещи — конфликт классовых психологий, взятых в разрезе морали: с одной стороны — чванное геройство старого крепостника, назло всему видящего в красноармейце только русского солдата и в суровой рисовке требующего своей смерти для исправления его плохой работы, и с другой — лишенная всякой сентиментальности четкая деловитость большевика» (ГЛ, с. 46).

53. ГЛ, с. 52, с разъяснением автора: «Тема новеллы — судьба ушибленного железной необходимостью революции деклассированного «промежуточника» (у меня — бывшего борца). Локализовав изображение революционной обстановки в мелкобуржуазном представлении Стецюры, я для заострения сюжетного нерва переkreшил ходы Стецюры ходами других персонажей, которые, однако, попадая в поле магистральной линии, принимали воспаленный оттенок. Например: ничего специфического нет в том, что заведующий вынимает из портфеля завтрак или что комиссар после удачной ликвидации банды возвращается в центр, мечтая об ордене Красного Знамени, — но, встречаясь на путях метаний загнанного Стецюры, эти детали сытости и честолюбия вызывают болезненное раздражение. Однако напряженный темп новеллы в сочетании с тем, что отправная точка рассказа — Стецюра и его интересы, заставили меня задуматься: не сделал ли я ошибки, закончив новеллу на постановке социальной проблемы, и не следует ли наметить революционную перспективу. Тогда, исключительно в целях эксперимента, была придумана следующая концовка, носящая характер «сведения на нет».

И в ту минуту, когда ему смерть
Ввинтила тупое рыльце,
Над абажуром от отчетов и смет
Очнулся кожаный рыцарь.
Синим очерчен «Отдел Суда» —
Заметка «Фронт бандитизма».
«Бедный Стецюра. . . Он думал, чудак,
Что всё это, верно, каприз мой».

И вспомнил губу и жестокий лоб,
Освищенный саблей навкось,

Он встал у окна, где восход и лавки,
И отблеск лампы — и вот на стекло,
Как в мыльный пузырь, наливалась заря,
Сальная ресница и коготь битвы,
Из дыркой глазницы ручьями заряд
Сочился, топорщась в небритве,
И водяная живопись бандитской башки
Мерцала сквозь вывеску чайной.
И в заве гнусавили угличьи божки,
И нервы ныли отчаянно.

Но морщина, зарывшаяся блуждать,
Вспомнила линию центра —
И в тот же день был урезан штат
Еще на 20 процентов.

Итак, что же получилось? Голая боль вопроса не утолена оправдательной приставкой, и получается ощущение острой постановки проблемы, с одной стороны, и казенного стремления замазать ее, с другой, т. е. ситуация, по существу, грубо бюрократическая. Таким образом, мы имеем конфликт конструкции: постановки вопроса и его разрешения (либо оправдания). Из приведенного примера делаем вывод: сплавка этих элементов в поэзии мыслима только тогда, когда самый вопрос носит служебный характер и центр тяжести лежит на «разрешении», в противном случае вещь неизбежно расколется на две новеллы, из которых одна будет основной, а другая приклеенной» (ГЛ, с. 56—57). Впоследствии Сельвинский писал, что в «Казни Стецюры» «юный автор, еще не выросший до диалектического взгляда на жизнь, обеими ногами стоит на почве узкосубъективной оценки явлений» (ЛГ, 1958, 20 мая). Новелла является предшественницей эпопеи «Улялаевщина». Имеется даже текстуальное совпадение: «На шею тугое монисто с плакатом: «Да здравствуют большевики, долой нехай коммунистов!» Один из персонажей романа Сельвинского «О, юность моя!» носит имя Стецюры. *Труци* Вильям (1888—1931) — цирковой артист-наездник, режиссер, первый советский директор Ленинградского цирка (с 1925 г.). *Бова* Королевич — герой русской богатырской повести. *Чонгар* — см. примеч. 31. *В степу кувалы зегзицы* — в степи ковали кукушки. Описание степи в стихотворении переключается со «Словом о полку Игореве». *Семьдесят шестая статья*. Эта статья Уголовного кодекса РСФСР предусматривала высшую меру наказания — расстрел за бандитизм.

54—57. Цикл «Трибуна» сформирован автором для настоящего издания.

1. МВ, с. 34; РІ. Печ. по РІІ, с. 7.

2. РІ, с. 5; РІІ; Избр. стихи II; ЛІ. Печ. по ЛІІ, с. 36. В РІ в начале стихотворения было еще 8 ст.:

Пусть изучают мой череп френологи,
А женщины воздух моих ноздрей.

Но сам я (пауза) рацеями долгими
Не дамся вам, вывернутый на мездре.
И какой захлестнул мою выю час,
Как любовью болел, да как мыслей бунт, —
Только нет, — я, должно быть, так и
не выучусь
Язвы выдавливать вам на губу.
Но ты хлыстом мои зубы выстегай. . .

Чарская Л. А. (1875—1937) — писательница, автор многочисленных сентиментальных романов и повестей для юношества, преимущественно из институтской жизни. *Доброхим* — Добровольное общество содействия строительству химической промышленности. *МОПР* — Международная организация помощи борцам революции.

3. МГ, 1924, № 7-8, с. 45, с подзаголовком «Из цикла студенческих песен»; «Красный журнал», 1925, № 10; РІ; Избр. стихи I; Избр. стихи II. Печ. по ЛІ, с. 7. «Дней бык пег. . .» и т. д. — цитата из стих. Маяковского «Наш марш».

4. РІ, с. 10; РІІ; Избр. стихи II; ЛІ. Везде под загл. «Великий обыватель с улицы Карла Маркса». Печ. по ЛІІ, с. 38. В Избр. стихи II после строфы 8 было еще две:

Ведь если бы эти залежи дряни,
Россыпи мусора, сорные копи
Выварить бы в рупь да подпереть-ка им
крестьянина —
Это бы бой Европе!

И вот я, отнюдь не «сверх»,
Даже не забияка,
Стандартного типа советский клерк,
Выносливый, как собака. . .

После 10-й строфы:

И пусть замзав махает свой росчерк
На мой обезличенный аноним, —
Я знаю: где-то какие-то рощи
Цветут, отогретые жаром моим.

После 16-й строфы еще одна, заключительная:

. . . А впрочем — «МЫ»? Поубавьте-ка спесь.
Кто поверит беспартийному хлюсту?
Ведь я ж обыватель. Я желтый спец.
Наше дело — молчать да сочувствовать.

«Аркос» — All Russian Cooperative Society Limited — торговое общество, учрежденное в Лондоне в 1920 г. советской кооперативной делегацией. «Аркос» был крупнейшим экспортно-импортным объедине-

нием, имел конторы и отделения не только в Англии, но и в ряде других стран. В 1927 г. английская полиция совершила провокационный налет на «Аркос», после чего последовало прекращение англо-советских дипломатических отношений и расторжение торгового соглашения. *И в кино погибая за Троию*. Имеется в виду кинофильм «Падение Трои», поставленный итальянским режиссером Д. Пастероне в 1910 г. *По миллиарду за метр*, то есть в обесцененных денежных знаках начала 20-х годов.

58. Окт., 1927, № 6, с. 64. Печ. по РИ, с. 69. В журнальном варианте в начале стихотворения было еще 20 ст.:

Но говорят, что это не был Улялаев.
Говорят, что этот седой атаман
Ушел на Персию через Тамань:
В города от вороньих граев;
Что будто, осевши, бандиты
Срубили башку не ему, ды пет:
Заместо его нашедши конец
Юродивый «Вася-Уйди-Ты».
Какóвый, водянкой бошемша,
Был такожде неимоверно пузат.
Да на беду крив, потому и узят,
А что Улялаев у немца.
С другими, по слухам, видался он в Ницце,
У третьих он якобы в Польше витал,
Но никто-никто не видал
Коня, когда крал границу. . .
И опять по степугам смерч его,
И он под именем «Гавриил Андел»
С бору да с сосенки набранной банде
Мир мечом очерчивал.

Я другому отдана, буду век ему верна — иронический парафраз слов Татьяны из 8-й гл. романа Пушкина «Евгений Онегин». *Даль В. И.* (1801—1872) — русский писатель, этнограф и языковед, автор «Толкового словаря живого великорусского языка», куда включены и бранные слова.

59. Зв., 1930, № 8, с. 24, как отрывок из пьесы «Теория вузовки Лютце» (см. примеч. 51) с подзаголовком «О смерти Маяковского». Печ. по ДП, с. 5. После 9-й строфы в журнале было еще две:

Если сердце, в котором огней не зальют,
Ты с ней обручил пред громами. . .
Прими ж от меня горький салют
Траурной эпиграммы:
«Он задумал быть самой горной из рек,
Несущейся в будущее вспененной гончей,
Но исповедь под «Памятник» изрек,
А жизнь под Есенина закончил. . .»

В ДП после стихотворного текста следовало авторское примечание:

«Некоторые критики ожесточенно оспаривали строку: «Я принимаю твое наследство», заявляя, что наследником Маяковского является вся молодая поэзия в целом, а не тот или другой поэт персонально. Критики эти наивно отождествляли литературное наследие с наследством имущественным. Но литературное наследство не парабрюк, в которые может влезть только один человек. Да и самое выражение «принимаю» носит в поэзии не буквальный, а философический смысл. Вспомним хотя бы Блока:

Узнаю тебя, жизнь! Принимаю
И приветствую звоном щита!

Критика и при Блоке была неважной. Но она по крайней мере не заявляла ему, что жизнь принадлежит всему живущему человечеству, а не тому или другому человеку персонально. «Принятие» мной наследства Маяковского означает для меня признание ошибки, заключавшейся в недооценке роли агитки как жанра, призванного преимущественно формулировать идеи. Ошибка Маяковского выразилась в обратном: он недооценивал роли эпоса и драматической поэзии, т. е. жанры, призванные преимущественно изображать людей в их взаимоотношениях. Расширяя плацдарм своих поэтических возможностей за счет агитационного жанра, я тем самым исправляю свою ошибку, по-прежнему отстаивая огромное, все возрастающее, первенствующее значение эпоса и поэтической драмы, подымающих поэзию до авторитета прозы». *Недаром последним его стихом была на меня эпиграмма.* Имеются в виду строки Маяковского из вступления в поэму «Во весь голос»: «Нет на прорву карантин — мандолинят из-под стен: „Тара-тина, тара-тина, т-эн-н“». О том, при каких обстоятельствах были написаны эти стихи, см. воспоминания Сельвинского (Окт., 1963, № 9, с. 150—151). «Это он [Маяковский] написал в состоянии раздражения, и надо отдать ему должное: при жизни этого сам не опубликовал... Это Авербах обрадовался, что можно ударить Маяковским по мне, и напечатал» (Из письма К. Поздняева Д. Молдавскому от 22 февраля 1970 г., в котором автор излагает свой разговор с Сельвинским весной 1942 г.). О своих взаимоотношениях с Маяковским Сельвинский неоднократно писал Д. Молдавскому: «Вы часто вспоминаете о Маяковском, ставя его неизменно надо мной. А я с юности разговаривал с ним на равных» (РЛ, 1969, № 4, с. 174, письмо от 6 октября 1964 г.). В своих воспоминаниях Сельвинский дал объективную оценку этому стихотворению: «Как это часто бывает с тяжелоранеными, я не сразу понял, какое огромное опустошение в моей душе произвело самоубийство Владимира Владимировича. Сгоряча написал я стихотворение «На смерть Маяковского», очень искреннее и очень бестактное, за что мне сильно влетело от общественности, и, надо сказать, совершенно справедливо» (Окт., 1963, № 9, с. 152).

60. ЛГ, 1930, 5 ноября; ДП; Избр. стихи II. Печ. по Л1, с. 16. Первоначальный вариант, опубликованный в ЛГ, значительно отличается от окончательного. Например, в ЛГ в разделе «Б» после слов «Воскресший в буднях советской недели» следовало:

Я -сквозь овации, письма, цветы,
Трезвым умам на умору,
Распинаясь за двух с половиной святых,
Собой покрывал Содом и Гоморру.
И снова и снова, не чувствуя доз,
Боксировал с собственной тенью в баре,
Блаженнообразный бритый Христос
В пенсне и серой паре.

И далее, после ст. «К первому тому жизни моей»:

Эпоха меня раздавила, как флюс,
Но сам же я первый готов удивиться,
С каким облегчением становлюсь
Из конструктивиста реконструктивистом.
Нас окружают партийцы-друзья,
Нас пролетарий врагу не отдал —
Звени же, ветер, походной одой
В стволе моего боевого ружья,
Чтоб не забыть и в час грозовой
Трогательно неуклюжую нежность,
Какой опушил меня в ласке медвежьей
Могучий мой отчим — Электрозавод.
Вот стою, никому не завидуя,
Ни с кем не желающий поменяться,
Жадно растущий, как возраст 15,
Хоть баобаб с виду.
Поэты, влачимые на поводу!
Паденье вождя вам отрадно, как водится,
Но я вас еще не раз поведу
За своим конем полководца,
Когда, соревнуясь с ударной лавой,
Достигнув красноармейского роста,
Возьму переходное знамя славы
За дело доблести и героинства.

После ст. «Как Волхов, падающий по турбинам»:

И вдруг в гениальной строке — с горы,
Уже другой строкой обгоняемой, —
Партия, как столица, горит
Миллионными огнями! . .

После ст. «Чтоб окрыляться мыслью одной»:

Большевистский размах опьянительней шашек
(А творчество без восторга нищо!) —
Нет! Никогда не бывало еще
Времен поэтичнее наших!

После ст. «В Общество любителей заячьих лагу» и до конца следовал совсем другой текст:

Так не слушайте ж, товарищи потомки,
Примитивов, ползущих, как индеец,
Если нужны календарные подёнки,
То нужны глубокие и тонкие
Профили сегодняшних дней.

Г. ОБ УКЛОНЕ ПРАВОМ

(Беспредметничество)

Но нет. Портреты у нас не в чести.
Раз — в глаз! Был да вышел.
Взамен малюй (но не больно части!):
«Эй, генеральная линия, выше!»
Я, извините, провинциал,
Интересуюсь узнать, почему, собственно, «выше»?
То ль она неизменна нынче, а?
То ль ее кто-либо вышиб?
Тогда объявите же, чем заниматься,
Куда наступать, кого поразив.
Нет, говорят, это так... призыв...
Активизация массы.
Что может быть этого жанра жанрее?
Знай зажигай бенгальские огни-с:
«Эй, точка зрения, — будь жирнее!»
«Эй, вопросительный знак, — разогнись!»
И всюду привет, и всюду почет —
Просто некуда деться:
Он заразителен, этот пучок
Псевдопролетарского эстетства!
Я сам его чувствую у себя
В минуты упадка воли:
Ведь он, как пилюля, избавит тебя
От всякой головной боли.
А между тем ядовитей плевка,
Катастрофичней фальшивой валюты
Злостнейший вид контрреволюции —
Фотопоза «большевика».

ПРИМЕЧАНИЕ I

От этого неозстетства шаг
До грома для грома, до формы для формы.
Страна раздувает домны и горны,
Голоса класса ловит вожак,
А эти кружатся, как белые вороны,
И в голом рифмачестве воют, визжат:
«Держите! Ловите! Травите как зайца:
Глагольная рифма у него попадается!»

Д. ОБ УКЛОНЕ «ЛЕВОМ»

(Тред-юнионизм)

Но если полит-актерство вредно,
Как знамя из несуществующей ткани,
То не спасительно и рядом
Утилитарных самозамыканий.
Это не подвиг — иметь телефон
И, беря заказы с бору да с сосенки,
Утюжить в берлоге своей тыловой
С прозы на стих перелицованные лозунги
И, чванно «служи» рабочему классу,
Ведя с поэзией нужную кляузу,
Выкраивать строки: «Тряпье, бутыль,
Жестянки и кости сдавай в утиль!».
Солянка 12! «Дворец Труда!».
(Кто из нас не был раешным дедом?)
Но только чтоб ЭТИМ сотрясать города...
Чваниться этим! Гм-да...
Провинциалы мы... где там.

ПРИМЕЧАНИЕ II

От этой утилитарности шаг
До отрицания новой формы.
Электроплавильней сменяются горны,
Высшей техники ищет вожак, —
А эти кружатся, как черные вороны,
А эти в древнейших виршах визжат:
«Держите, ловите, полки отрядите:
Халтурные он нарушает традиции!»

Е. О ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПОЭЗИИ

Бесспорно: серьезное дело — для масс
Нужную мысль, лишённую формы,
Выгранить в прозрачный алмаз
Запоминающихся формул.
Но — если сделать любой жанр
Всепожирающим, точно чудовище, —
Свет его превратится в пожар,
Поэт в кулака Пуд Пудовича.
Агитка — отличный бой. Пулемет!
Сожжет на коротком расстоянии.
Какой ильичёнок сейчас не поймет
Значенья агитки в рабочем стане?
Но уж когда в наступательном рейсе
Вражью базу снимают с поста —
Тут давайте биплан, давайте крейсер,
Давайте-ка бронепоезда!
Тут, брат, надо хрусталиком глаза
Преломлять социальный спектр,
Сгущая лучи инфракрасного класса

И озаряя ими проспект;
Тут не нырнешь под грим: борода-де,
Сразу же посыплотся в овраг
Сверхблагонамеренные дяди
Из фирмы «Классовый враг».
Зато станет весело-душно от толп,
Прущих под знамя — реющее, реемое, —
Это, брат, не ниже, чем плакатный столб
С беспредметным гонгом: «Вперед, Время!»
Читайте, читайте же Ленина запово!
Вот вам в руки V том —
Откройте главу: «Повесть о том,
Как Мартынов углубил Плеханова».
Там ты узнаешь у Ильича,
Как и где агитка годится,
Там ты научишься отличать
Агитатора от пропагандиста.
И если не хочешь попасть в «Музей
Рыжей Метафизии» (как же, найди такой!),
Вызубри для себя и друзей:
    «Возлюбя агитки,
    Не терпи демагогитки».
Все мы сегодня как на экзамене,
Но демагог останется сир:
Он хочет надеть портянки из знамси,
Если ножищи воняют, как сыр.
Брось! Бери-ка мочалку, да споро!
Вот уж ты красный! Вот уж — ура! —
Дышит эпохой каждая пора,
И пусть над тобой гогочет дурак.
Дай простор самому себе ж:
Аскетизм — это проказа!
Свобода есть познанная неизбежность
Событий, но не привычка приказа.
Ищи, пролетарским пульсом согретый!
Лечи свои язвы!
Не залепляй их датой декрета
И сам поменьше приказывай.
Эпохе прикажешь: «Время, вперед!»
Раскроешь дверцы калиток. . .
А время задом вперед попрет,
Как Гегель к заре Гераклита.
Ты ей прикажешь: «Пошла в трюм!»
Она ж взорвется по гейзерным перьям. . .
Не суйся же быть ее автором,
А будь при ней акушером.
Поэтому с гнетом полегче-ка,
Долой контрабандные ярма!
Взамен языка диалектики
Не рычи диалектом жандарма.
Черты истории складываются
В очертания коммунизма —

Свети ж ей сознанием творящего класса,
Даже кропая интимные письма.
Уйдя с головой в свое поколеньице,
Ориентируйся на века;
В этом повадка большевика,
Диалектический принцип ленинца.
Но эту повадку не укрощай,
Не обслуживай только карниз ума —
Будь коммунистом (—) до хряща,
(—) Но не будь хлыщом коммунизма.
И помни, что Будущее — это мир
Обобществленных средств производства,
Где будет еще зеленее мирт,
Еще воздушнее воздух;
Помни, что Будущее — это край
Смеха, стекла, воробьев, буков,
А вовсе не иезуитская игра,
Не свастика из семи букв.
Вот почему, не играя в слова,
Обрекая себя позору,
Сдуй нафталин с самого соловья
И отряхни пресловутую розу!
И мыслью проворной, как ящерица,
Звони, обрывая нерв:
«Соловей — лучший революционер,
Если его могут слушать трудящиеся!»
Соловей — эмблема и стяг
Новой эры рабочего класса,
Цель, для которой мосты мостят,
Бьют буржуа и святого Николауса;
Соловей — Первое мая, что, радуя,
Льется по шири полян;
Соловей — это спорт, соловей — это радио,
Это на градус превышенный план!
Это завод, превращенный в вузы.
Это колхоз, превращенный в завод,
Каждый победный шаг революции,
Ее курка — взвод!
Это электрическая лампочка в юрте,
Шекспир у путиловца в голове,
Рабочий салют Швеции и Турции. . .
(—) Да здравствует соловей!
Да здравствует чувство жадности жизни,
Во имя которого пойдем на смерть!
Вдохни же по горло и лирикой брызги,
Горячим литьем свою веру измерь.
Чем трудней подъем — тем легче,
Преодоление веселей.
От грохота молота вспыхнув, эх — черт! —
Искрой отскакивает соловей. . .
Вчера было тридцать — нынче триста!
Грох! Бац! Плюх! Дрызг!

Железо багровей, русей, золотистой
В солнечной метелице восторженных искр!
Всосать их в баллоны! Насыпать в маяк!
Бить из брандспойта по ту и по эту!
Самому каскадом забить!

Вот моя

Декларация прав поэту!

Не рядился ни в желтую кофту, ни в армяк и т. д. — намек на Маяковского (см. также 1-ю строфу) и Есенина. *А вы зовете: на горло песне* и т. д. — полемика со стихами Маяковского из вступления в поэму «Во весь голос». Появление «Декларации» в печати вызвало дискуссию. Наиболее резкой была статья И. Новича «Стабилизация конструктивизма»: «„Декларация прав поэта“ — никак не документ перестраивающегося попутничества. Это — инерция прошлого... под флагом, под формальным прикрытием его ревизиш» (ЛГ, 1930, 15 ноября). Иная оценка в статье И. Генкина и А. Иоссея «Илья Сельвинский на переломе»: «Декларация» «безусловно является *векселем пролетарской общественности*, по которому поэт обязуется подвергнуть дальнейшему разоблачению всю сущность идеологии конструктивизма, а своим творчеством полностью включиться в борьбу за социализм» (ЛГ, 1930, 24 ноября). Своеобразным откликом на «Декларацию» была поэма К. Митрейкина «Возьмите мой талант», главы из которой появились в ЛГ 14 января 1931 г. Как сказано в редакционном примечании, автор поэмы «протестует против «травли» Сельвинского и призывает поэтов к совместной творческой работе». С другой стороны, Митрейкин упрекает Сельвинского в том, что он признает свою жизнь «каталогом сложных ошибок»:

Вы начали бить в пробитую мишень,
Оглохнув от воя лежащих критик!
Вы распустили своих белых мышей,
А надобно было убить их!
Они расплодились! Амбары грызут!
Они затопляют город!
Бойтесь! Обрато они приползут —
И вам перекусят горло!
Ваша храбрость падает под уклон,
Обессиленно дрожат колени...
Вы мечетесь, как Наполеон
На острове Святой Елены!
Вы бросили корабль, пожар учинив.
Какой к оправданию повод?
И вот — ваш любимейший ученик
Рвет обгорелый провод!

61. Печ. впервые по авторизованной машинописной копии. Написано на смерть В. В. Маяковского. В письме от 6 декабря 1965 г. к И. Л. Михайлову Сельвинский писал: «Недавно среди своих архивных бумаг нашел я стихотворение «Вечный бой» (1931), которое считаю очень для себя важным... Это стихотворение яснее многих деклараций определяет характер взаимоотношений конструктивистов с левовцами». *Он сам себя смирял* и т. д. Имеются в виду строки Маяковского из вступления в поэму «Во весь голос».

**Стихотворения
1930—1960-х годов**

ТИХООКЕАНСКИЕ СТИХИ

62. Ог., 1933, № 2, с. 5; ТС; Л1; Л11; И11; Стихотворения I. Печ. по Л111, с. 145.

63. КН, 1934, № 7, с. 91; ТС; Л1; Л11; И111; Стихотворения I. Печ. по Л111, с. 151. *Беринг В.-И.* (1681—1741)—офицер русского флота, участник многих экспедиций. Его именем назван пролив между Чукотским полуостровом и Аляской, остров, где он умер, а также море на севере Тихого океана.

64. «Веч. Москва», 1933, 1 марта, под загл. «Охота на тигров»; Зв., 1933, № 5, с. 43; ТС; Л1; Л11; И11. Печ. по И111, с. 102. После 3-й строфы в Л1 было еще две:

Если он яро ударит врага,
Если рванет на рога,
И молодостью побежденный рогац
Если уйдет вскачь, —
Тогда этот женственный табунок
Ляжет трофеем у властных ног.
И расширяется каменный треск,
И рассыпается пламенный блеск —
Так протекает седой закон,
Ревом покрыв уссурийский бор,
По-зверовожьи — «олений гон»,
По-нашему — половой отбор.

После 18-й строфы в Л1 было еще 5 строф:

Сейчас он распался на несколько вех:
Во-первых — солнечный мех;
Второе — череп и весь хребет
Для медицины в Тибет;
Желчь — в Берлин для химической чистки,
Ус — китайцам на зубочистки. . .

О, как нам нужен сейчас этот жох,
Этот скупейший и лютый
Желтый четырехлапый мешок,
Набитый звонкой валютой:
Если мы его сдуем с ног,
Будет электростанция станок.

Быть может, тогда я думал не так,
И самый вид желто-черных полосок
Слишком потряс мой психический тракт,
Чтоб так сформулировать этот лозунг.

«Дайте, пожалуйста, на рубль
Гигроскопической ваты».
Может быть, была лишь сновиденье
Эта удивительная дружба;
Может быть, символикой мерцающей,
Эта удивительная дружба
Только возвела мое сиротство,
Одиночество мое укрепила:

Я мечтаю о дружбе изуверской,
Потрясающей, точно клятва,
Чтоб хотелось за товарища сердце
Разодрать пополам на два.
Но друзья изменяют, рая,
Оглянувшись разок на прощанье,
Но не сам ли своею волей
Отпускал я друзей на волю?
Ища для себя добра в них,
Я любил их, брящая оружием,
Ибо дружба не знает равных,
Только сильный и слабый дружат.
Но идея дружбы проста ведь...
Как служить своему призванью,
Если мог я ей предоставить
Взамен океана — ванну?

Уплывай же, веселая рыба,
Из моих бесприютных комнат.
Оглянулась — и на том спасибо,
Оглянулась — стало быть, помнит.
Нужно быть по-советски широким
И не прятать любимых в ящик,
Я тоску переплавил бы в рокот,
Но не было слов подходящих.
И я вспомнил от чистого сердца
Стишата, заученные с детства:
«Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей.
Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей.
Она исчезла, утопая
В сиянии голубого дня,
И так запела, улетающая,
Как бы молилась за меня».

74. Окт., 1939, № 5-6, с. 119; БПП; ИИИ. Печ. по ЛIII, с. 59.

75. Окт., 1939, № 5-6, с. 119; БПП, под загл. «О любви»; ИИ, под тем же загл.; ИИИ, под тем же загл.; Стихотворения I, под тем же загл.; «О времени...». Печ. по ЛIII, с. 68.

76. БПП, с. 68; ИИ; ИИИ. Печ. по [Избранная лирика], с. 8.

77. III, с. 116.

78. III, с. 126. *Хакодате* — город в Японии, на юге острова Хоккайдо.

79. III, с. 120.

80—83. 1—3. «Советская Украина», 1960, № 10, с. 29. Печ. по «О времени...», с. 49. *Тинторетто* Я. (1518—1594) — итальянский живописец эпохи Возрождения. *Моне* К. (1840—1926) — французский художник-импрессионист.

4. «День поэзии», М., 1956, с. 21, под загл. «Анри Руссо», с подзаголовком «Из старой тетради»; «О времени...». Печ. по III, с. 197. *Руссо* А. (1844—1926) — французский художник-примитивист. *Гоген* — см. примеч. 46.

84. III, с. 143; «О времени...». Печ. по III, с. 205. В своих мемуарах «Встречи с Маяковским» Сельвинский пишет: «И вдруг в Париже я почувствовал, как заныла во мне застарелая рана. Испанский поэт Рафаэль Альберти, Семен Кирсанов и я прогуливались как-то по улице Кампань-премьер; Кирсанов начал громко читать стихи Маяковского о гостинице «Истрия». Альберти вторил ему теми же строчками во французском переводе... И тут перед нами возникла гостиница — та, в которой когда-то жил Маяковский. На какое-то мгновение мне показалось, что он глядит на нас из окна. Не помню, куда исчезли затем Кирсанов и Альберти. Помню себя у этой гостиницы и мысли мои, которые впоследствии уложились в стихотворный размер» (Окт., 1963, № 9, с. 152). Далее Сельвинский приводит отрывок из стихотворения, заканчивающийся строчками: «Я рад, что есть в моей груди — две-три маяковские нотцы». «Эти «нотцы» я пронес сквозь всю свою зрелую жизнь. Они дороги мне, как бывает дорого под старость лет собственное сходство со старшим братом, которому ты в свое время принес немало огорчений, но который в конце концов, а может быть и в начале начал, был твоим идеалом» (там же, с. 152). *ЛЕФ* — «Левый фронт искусства», литературная группа (1922—1929), возглавлявшаяся Маяковским. *Золишка* — Зоил, греческий грамматик и ритор; в переносном значении — злобный, придирчивый критик. *Хоть коршуном печень мою расклюйте* и т. д. Намек на подвиг мифологического героя Прометея, похитившего у богов огонь и принесшего его людям. По велению Зевса Прометей был прикован к скале, орел каждый день выклевывал его печень, за ночь выраставшую снова. *Ведь вы же искорки ради вздымали тонны руды* — парафраз строк из стих. Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии».

85. III, с. 127. *Пилсудский* Ю. (1867—1935) — один из организаторов националистической «Польской социалистической партии» (ППС). С 1926 г. и до своей смерти был фактическим диктатором буржуазной Польши. «*Мораль пани Дульской*» — трагикомедия польской писательницы Г. Запольской (1860—1921). *Понятовский* Ю. (1763—1813) — наполеоновский маршал, участвовал в походе на Рос-

сию в 1812 г., командуя Польским корпусом. Речь идет о памятнике Понятовскому, где он изображен в тунике, сидящим на коне.

86. «О времени...», с. 61. *Тувим Ю.* (1894—1953) — польский поэт.

87. «О времени...», с. 64.

88. «Дружба народов», 1958, № 12, с. 17. Печ. по «О времени...», с. 63.

89. «Дружба народов», 1958, № 12, с. 17. Печ. по «О времени...», с. 61. *Карл I* (1600—1649) — английский король из династии Стюартов, казнен во время английской буржуазной революции. *Кромвель О.* (1599—1658) — крупнейший деятель английской буржуазной революции.

90. III, с. 150. *Эдуард VIII* (р. 1894) — английский король с января по декабрь 1936 г. В декабре 1936 г. отрекся от престола из-за скандала в связи с его женитьбой на разведенной американке. После отречения получил титул герцога Виндзорского. *Манон Леско* — героиня повести французского писателя Прево А.-Ф. (1697—1763) «История кавалера де Грие и Манон Леско». *Нана* — кокетка, героиня одноименного романа французского писателя Э. Золя (1840—1902). *Иванова колокольня* — колокольня Ивана Великого в Московском Кремле. *Разве дева редкой красы* и т. д. По-видимому, имеется в виду Теруань де Меркюр (1762—1817). В молодости была куртизанкой, с началом Французской буржуазной революции принимает активное участие в революционных событиях; верхом на коне, с пистолетом в руках, она возглавляет поход женщин к Версалию; выступает с зажигательными речами перед женщинами, устраивает женский клуб. Популярность ее в массах была огромна. *Фригийский колпак* — красный головной убор, который санкюлоты и якобинцы носили во время Французской буржуазной революции как символ свободы (красный колпак носили в Риме освободившиеся рабы).

91. III, с. 58. В настоящем издании включено в раздел «Зарубежное» по желанию автора.

92. III, с. 157.

ВОЙНА

93. ККК, с. 3. Печ. по II, с. 5. Критик В. Щербина в статье «Ложное направление» («Культура и жизнь», 1947, 31 декабря) обвинил Сельвинского в том, что строчка «Поэзия! Ты — служба крови!» якобы свидетельствует о наличии «биологического начала» в его стихах, и противопоставил его взгляды на назначение поэзии взглядам Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Маяковского. И. Сельвинский вынужден был в следующих изданиях объяснять в сноске, что означает выражение «служба крови».

94. «Большевик» (Краснодар), 1942, 26 мая; «Красная звезда», 1942, 15 июля; то же: «Октябрь», 1942, № 8; «Комсомольская правда»,

1943, 11 июля; ВЛ; БИП; ИИ. Печ. по ЛПН, с. 330. Ниже приводим текст БИП, значительно отличающийся от окончательного:

Хохочет, обезумев, конь!
Фугасы хлынули косые. . .
И снова по уши в огонь
Вплываем мы с тобой, Россия!
Опять судьба из боя в бой
Дымком затянется, как тайна,
Но в час большого испытанья
Мне крикнуть хочется: «Я твой!»

Я твой. Я сын твоей любви,
Детеныш русской Марсельезы!
Твоя волна в моей крови,
В моих костях — твое железо!
Нервинкой каждую скорбя,
Оглохший от бомбометанья,
Люблю тебя! Люблю тебя
До стога и до бормотанья!

Люблю, Россия, твой пейзаж,
В голубизне степные вежи,
Стамухи белых побережий,
Оранжевый на синем пляж;
И стариковские дубы,
И девичьи твои березки,
Полей смиренные бороздки,
Кавказ, подъятый на дыбы.

Люблю, Россия, птиц твоих —
Грачей, разумных, как крестьяне;
Под небом сокола стоянье
В размахе крыльев боевых;
И писк луны среди жнивья
В очарованьи лунной ночи,
И на невероятной ноте
Самоубийство соловья.

Люблю твое речное дно,
В ершах и раках и русалках,
Моря, где в горизонтах валких,
Едва меж волнами видно,
Рыбачье судно ладит парус
И прямо в небо из воды
Дредноут в космах бороды
Выносит театральный ярус.

Люблю хозяина лесов —
Российского пушного зверя. . .
Я в счастье как-то больше верю,
Когда его заслышу зов!

(Ей-богу, это без бравад —
Ведь он, как зеркало, мне ясен:
Я смолоду был тигроват,
Под старость — медведеобразен.)

Ну, а красавицы твои?
А женщины твои, Россия?
Какая молния взрастила
Казачью удасть их любви!
О, их любовь не полубыт,
Всегда событие! Вечно мета!
Клянусь вам — за одно за это
Россию стоит полюбить!

Люблю до боли твой народ,
Крестьянство с философской хваткой,
Рабочих, у которых факты,
Как сокола, глядят вперед.
И жаждущую развернуться,
Перебродившую в бою,
Хмельную пену революций —
Интеллигенцию твою.

Люблю великий русский стих,
Еще не понятый однако,
И всех учителей своих —
От Пушкина до Пастернака!
Для дураков они — руда,
Но умных одаряют вдвое:
Недаром «русское» всегда
Звучало в них как «мировое».

Люблю тебя, родимый край,
За то, что даже и упав ты
Или пируя через край,
Не притупишь исканья правды!
За то, что ты — святая гать,
Идущая через трясину,
За то, что воспринять Россию —
Не человечество ль принять?

Какие ж трусы и вральи
О нашей гибели судачат?
Убить Россию — это значит
Отнять надежду у Земли!
Пускай рыданья и гроба
Чернят простор моей отчизны —
Бессмертно трепетанье жизни!
Зовуща

русская
труба!

Непрядва — река в Тульской области; близ впадения Непрядвы
в Дон произошла Куликовская битва.

95. ККК, с. 38. Печ. по ИП, с. 7.

96. ККК, с. 40. Печ. по ИП, с. 8.

97. ККК, с. 42.

98. «Большевик» (Краснодар), 1942, 27 января; «Красная звезда», 1942, 13 февраля; Окт., 1942, № 1-2; БПП; ККК; ЛИД; ИП; ИП; ИП; Стихотворения I; IV; VIII. Печ. по Стихотворения II, с. 12. За несколько дней до смерти И. Сельвинский по просьбе ленинградского журнала «Костер» послал туда это стихотворение вместе с таким письмом: «В 1942 г. я был офицером Северо-Кавказского фронта. Когда мы высадили десант в Керчь и возвращались в город — среди руин и развалин, — нас больно задело зрелище обнаженного цоколя, на котором до прихода немцев стоял бронзовый памятник Ленину. Жители города рассказывали мне, что на шесте, торчавшем из цоколя, фашисты в издевку повесили молоденького политрука. Но политрук держал себя мужественно, и, когда на его шею набросили петлю, он вытянул правую руку вперед, повторяя позу монумента, и крикнул: «Пролетарии всех стран, соединитесь!» Этот политрук потряс меня до глубины души. Имени его мне узнать не удалось. Политрук превратился в легенду. Об этой легенде я и написал мою балладу». Это письмо вместе с «Балладой о ленинизме» опубликовано в журнале «Костер», 1968, № 9.

99. «Красная звезда», 1942, 21 апреля; «Большевик» (Краснодар). 1942, 25 апреля; БИП; ККК; ЛИД; ИП. Печ. по ИП, с. 182.

100. «Большевик» (Краснодар), 1942, 23 января, с эпиграфом из стих. Г. Гейне «Силезские ткачи»: «Германия! Саван тебе мы соткем! В него мы тройное проклятье вплетем!»; «Вперед к победе», 1942, 31 декабря, с тем же эпиграфом; «Красная звезда», 1942, 17 февраля с тем же эпиграфом; Окт., 1942, № 1-2, с тем же эпиграфом; БПП; БИП; ВЛ; Сборник стихов. Сост. В. Казин и В. Перцов, М., 1943; ККК; ЛИД; ИП; ИП; Стихотворения I. Печ. по ИП, с. 249. В стих. «Керчь» (Зн., 1945, № 2, с. 78), не включенном в настоящее издание, И. Сельвинский рассказывает, как ему пришлось быть свидетелем преступлений фашистов у деревни Багерovo:

...Ночью

В армейскую газету, очень тихо
И как-то лунатически, как будто
Одно и то же неотступно видя
И об одном задумавшись навеки,
Вошел не бледный, нет, а просто белый,
Невероятный чем-то человек.
Далеким голосом (таким далеким,
Что нам казалось, будто бы не он,
А кто-то за него) он нам поведал
Пещерным слогом каменного века,
Рубя на точках:

«В десяти верстах
Тут Багерovo есть. Одно село.
Не доходя, направо будет ров.

Противотанковый. Они туда
Семь тысяч граждан. И меня. Но я
Нарочно рухнул на секунду раньше.
Я даже не ушибся. На меня
Упала мать. Ей голову. Потом. . .
Потом жена. А после — обе дочери.
Одна еще вздыхала. Я прорылся
И на руках принес было. Да зря,
Она пока в колодце. Каждый раз
Я под водой различаю глазки.
И ротик. Взбаламутится вода —
И дочка вроде плавает. . .

Дык это. . .

Про што я с вами говорил?
Ага, про Багеро. Значит, так:
Не доходя сажон двухсот и вправо».
Мы тут же и пошли. Писатель Ромм,
Фотограф, я и критик Гоффеншефер.
Под утро мы увидели долину
Всю в пестряди какой-то. Это были
Расползшиеся за ночь мертвецы.
Я очень бледно это описал
В стихотворении «Я ЭТО ВИДЕЛ».
И больше не могу ни слова.

Геббельс «пригрозил веревкой» поэту в специальном выступлении. «Доктор «исторических» наук Геббельс обрушился по радио на стихотворение „Я это видел!“» — писал Сельвинский в примечании к стих. «Ответ Геббельсу» (ККК, с. 13), написанном по заданию военного командования.

101. Зн., 1943, № 7-8, с. 111. *Илья* — имеется в виду Илья Муромец.

102. «Вперед за Родину», 1943, 2 декабря, под загл. «Аджимушкские каменоломни», с посвящением: «Посвящаю героям-воинам, прикрывавшим отход наших войск из Крыма в 1942 году и сражавшимся до последнего патрона с ненавистным врагом. Раненые, без воды и хлеба, ушли они в Аджимушкские каменоломни и предпочли медленную мучительную смерть немецкому плену. Они умерли все до единого, но остались верны своей Родине»; Зн., 1945, № 2; ККК; ЛИД; ИИ; ИИИ. Печ. по ЛIII, с. 290. В журнале напечатано вместе со стих. «Керчь», не входившим в авторские сборники, со следующим посвящением (повторяется в ККК и ЛИД): «Посвящаю воинам, прикрывавшим отход наших войск из Крыма в 1942 г. Окруженные неприятелем, ушли они в Аджимушкские каменоломни и предпочли медленную смерть немецкому плену. Мы нашли их скелеты, когда высадили десант на Керчь и захватили каменоломни. Я ходил среди них и вглядывался в их глазницы. Я когда-то видел их живыми. Я пожимал когда-то их руки. Вот эти руки. Руки, которые спасли жизнь мне и моим товарищам».

103. ККК, с. 177.

104. Окт., 1943, № 6-7, с. 99. Печ. по ЛIII, с. 275.

105. «Вперед за Родину», 1943, 28 апреля; «Красная Звезда», 1943, 6 мая; Окт., 1943, № 6-7; ККК; Избр.; ИI. Печ. по ИIII, с. 197.

106. «Вперед за Родину», 1943, 22 августа, с эпитафией: «Рота залегла перед дзотом противника. Огонь вражеского пулемета не давал бойцам поднять головы. Гвардеец-коммунист Иосиф Лаар закрыл пилоткой рану на животе, из которой вываливались кишки, подполз к дзоту и прикрыл своим телом вражеский пулемет. Огонь прекратился. Рота двинулась вперед»; «Большевик» (Краснодар), 1943, 31 августа; Окт., 1944, № 7-8; ККК; ЛИД; ИI. Печ. по ИIII, с. 175. Гвардии младшему сержанту И. Лаару посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

107. Зн., 1945, № 11, с. 28; ККК; ЛИД; ИI; ИII; ИIII. Печ. по Стихотворения I, с. 154. *Шестнадцатые* — музыкальный термин, обозначающий $\frac{1}{16}$ целой ноты. *Блистательны, полувоздушны* и т. д. — парафраз строк из 1-й гл. романа Пушкина «Евгений Онегин», посвященных балерине Истоминой. *Леда* — см. примеч. 22.

108. ККК, с. 192; ЛИД; ИI. Печ. по ЛIII, с. 327. *Вишневский* Всеволод Витальевич (1900—1951) — советский писатель.

109. «Ленинград», 1946, № 1-2, с. 17; ККК; ЛИД; ИI; ИII; ИIII; Лирика; ИIV; ЛIII. Печ. по Стихотворения II, с. 23. *Зелинский К. Л.* — см. примеч. 52. *Я в этом городе сидел в тюрьме.* См. примеч. 32—41. *Мимо бронзы Нахимову и мимо панорамы одиннадцатимесячного боя.* Имеются в виду воздвигнутый в Севастополе монументальный памятник — панорама Севастопольской обороны 1854—1855 гг. и памятник одному из героев обороны адмиралу П. С. Нахимову (1802—1855).

110—111. Объединено в настоящем издании по желанию автора.

1. ИМ, 1946, № 3, с. 42; ККК; ИI; ИII; ИIII; Стихотворения I. Печ. по ЛIII, с. 310. *Кача* — река в Крыму. *Яйла* — самая высокая горная гряда в Крыму.

2. ЛIII, с. 318. *Были здесь орды, фаланги, когорты, кордоны, колонны и цепь.* Орда — у тюркских и монгольских народов становище, лагерь; фаланга — в Древней Греции прямолинейное построение для боя тяжелооруженной пехоты; когорта — тактическое подразделение легиона в Древнем Риме; кордон — растянутое расположение войск; колонна — строй, в котором воины расположены в затылок друг другу; «цепь» — построение пехоты в линию. *Митридат VI* Евпатор (132—63 до н. э.) — понтийский царь.

112. Окт., 1946, № 1-2, с. 3, в цикле «Весна 1945 года»; ККК; ЛИД. Печ. по ИI, с. 91. *Кандава* — город в Латвии, на реке *Абаве*. *Однажды в детстве я задержал дыханье.* И. Сельвинский написал об этом стихотворение «Затаи в мучительстве дыханье!..» (РС, с. 33). Позднее, в Литературном институте им. Горького, он продельвал со своими студентами следующий эксперимент: «...диктовал им стихотворение:

Затаи в мучительстве дыханье!
И когда ударит в уши кровь,
Засосет и запершит в гортани,
Стисни зубы и нависни бровь.

Будет миг. И ты падешь. И память
Мутная, как мертвые зрачки.
И из сердца, как густая камедь,
Горечь выступит твоей тоски.

Станешь мудрым и простым, как гений,
И весь день с усталостью в крови
Маленькое головокруженье
И в сердце щемь, как от любви.

Продиктовав это стихотворение, я предлагал своей аудитории своими словами изложить тему. Ответы были самые разнообразные: одни видели в этом попытку в средневековом застенке, другие — мучения страсти... третьи — еще что-нибудь в том же духе, но всегда это была речь о чем-то могучем, грандиозном. На самом же деле это стихотворение мальчика шестнадцати лет, который совершенно точно рассказал о том, как он задержал дыхание и что из этого получилось» (СС, с. 147). *Фридрихитрассе* — одна из центральных улиц Берлина.

113. II, с. 99, с эпиграфом: «Иль нам с Европой спорить ново?» — из стих. А. С. Пушкина «Клеветникам России»; III, с тем же эпиграфом; IIII. Печ. по ЛIII, с. 333. Очевидна перекличка этого стихотворения со стих. А. С. Пушкина «Клеветникам России» и с поэмой А. Блока «Скифы». *Боян* — русский певец-дружинник второй половины XI — начала XII в., упоминаемый в «Слове о полку Игореве». *Павличенко Людмила* — снайпер, Герой Советского Союза, участница обороны Севастополя; написала об этом брошюру «Героическая быль. Оборона Севастополя. 1941—1942 гг.» (М., 1958).

Песни и монологи

В настоящем подразделе объединены, по желанию автора, песни военных лет, а также некоторые песни, входящие в состав его трагедий, и монологи из них, публиковавшиеся и отдельно, вне контекста трагедий.

114. ЛГ, 1940, 22 февраля; БПП. Печ. по ЛИД, с. 78.

115. Окт., 1941, № 9-10, с. 85, в составе трагедии «Бабек» (позже названа «Орла на плече носящий»); «Бабек»; ЛИД; Избр. (под загл. «Боевая песня Бабека»); III. Печ. по IIII, т. 2, с. 316. *Бабек* (ок. 800—837) — легендарный герой Азербайджана, возглавивший восстание против арабских захватчиков.

116. «Большевик» (Краснодар), 1942, 19 марта, под загл. «Песня кубанских казаков»; «Комсомольская правда», 1942, 23 апреля, под

загл. «Песня кубанских казаков»; ВЛ; БИП; ККК; Избр. Печ. по III, с. 14.

117. «Вперед за Родину», 1943, 21 октября, без посвящения; «Большевик» (Краснодар), 1943, 28 ноября, без посвящения; «Красноармеец», 1945, № 1, с. 5, без посвящения; ККК. Печ. по Стихотворения I, с. 126.

118. Зн., 1944, № 12, с. 63, в составе трагедии «Ливонская война»; ЛВ; ЛИД; Избр.; ИИ. Печ. по ИIV, т. 2, с. 219. Монолог Иоанна Грозного, завершающий трагедию, является своеобразным «гимном морю». Утративший Ливонию после двадцатилетней войны, Грозный не теряет веры в то, что Россия будет иметь выход к морю. Во второй части трилогии «Царь да бунтарь» И. Сельвинский показывает, как сбылась мечта Грозного. Преемственность дела, начатого Грозным и завершеного Петром, подчеркивается даже текстуально: «Ах, только бы пред нею, золотою, серебряная распахнулась даль» (слова Грозного); «Огонь и сталь, бессонные труды, раздумья втайне открыли нам серебряную даль» (слова Петра). *Курбский* А. М. (1528—1583) — князь, политический деятель, был против Ливонской войны, находился в оппозиции по отношению к Ивану Грозному.

119. «На разгром врага», 1945, 1 мая, под загл. «Весна»; Окт., 1946, № 1-2, в цикле «Весна 1945 года»; ЛИД; ИИ. Печ. по ЛIII, с. 266.

ИИР

120. ИИ, с. 97, без посвящения и подзаголовка; Лирика, без посвящения и подзаголовка. Печ. по ЛIII, с. 19. *Резник* О. С. (р. 1904) — литературовед и критик, автор монографии о Сельвинском «Жизнь в поэзии» (М., 1967). *Здесь иное чудное мгновенье* — намек на стих. А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье. . .».

121. ИИИ, с. 53. *Бел-горюч-алатырь* — камень, лежащий на дне морском, упоминаемый в сказках и заговорах.

122. Трагедии, с. 383, в составе трагедии «Читая „Фауста“»; ИИИ, т. 2, в составе трагедии «Читая „Фауста“». Печ. по Стихотворения I, с. 189. *Но больше всего волнует бронза ветхого тома*, т. е. трагедия Гете «Фауст».

123. НМ, 1947, № 7, с. 6, без загл; ИИ. Печ. по ЛIII, с. 341.

124. «Московский литератор», 1961, 31 августа; «Неделя», 1961, 17—23 сентября. Печ. по «День поэзии», М., 1961, с. 184. *Пасифик-волна* — волны Тихого, или Великого океана.

125. ЛР, 1968, 6 сентября, с. 12.

126. Зв., 1951, № 11, с. 146, в составе трагедии «От Полтавы до Гангута» (в окончательном варианте «Царь да бунтарь»). В бою под

Полтавой (1709) русские войска одержали блестящую победу над шведской армией Карла XII (1682—1718), а под Гангутом нанесли полное поражение шведскому флоту.

127. ИИИ, с. 54. Печ. по ЛIII, с. 76.

128. «О времени...», с. 88. Печ. по ЛIII, с. 361. *Озеров Л. А.* (р. 1914) — поэт, переводчик, критик; автор статьи «Баллада о Сельвинском». И. Сельвинским написана рецензия на книгу стихов Л. Озерова «Дороги новый поворот» под названием «Огромна работа поэта» (ЛГ, 1966, 2 июля).

129. ИИИ, с. 57; Стихотворения I. Печ. по «Влюбленные не умирают», с. 8.

130—145. ИИИ, с. 63; ЛIII. Печ. по «Влюбленные не умирают», с. 17.

146. ЛIII, с. 94. Печ. по «Влюбленные не умирают», с. 8. Эпиграф — неточная цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

147. «О времени...», с. 101.

148. ЛIII, с. 413. Эпиграф — неточная цитата из книги «Что делать?» В. И. Ленина, писавшего: «Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих... Но меня возмущает это постоянное припутывание педагогики к вопросам политики, к вопросам организации. Ведь вы, господа радетели о «рабочем-средняке», в сущности, скорее оскорбляете рабочих своим желанием непременно *нагнуть*ся, прежде чем заговорить о рабочей политике или о рабочей организации. Да говорите же вы о серьезных вещах выпрямившись, и предоставьте педагогию педагогам, а не политикам и не организаторам!» (Полн. собр. соч., т. 6, с. 131). «*Вот такой низины*» — слова из детской хоровой песни-игры «Каравай».

149. «О времени...», с. 89. *Кто-то камень положил в мою протянутую печень* — перефразированные строки из стих. М. Ю. Лермонтова «Нищий» («...и кто-то камень положил в его протянутую руку...»).

150. Окт., 1954, № 8, с. 111. Печ. по ИИИ, с. 240, где это стихотворение открывает цикл «Большая весна» (стихи о целине), в который были включены, кроме настоящего и четырех последующих, еще 8 стихотворений. В сборнике «Казахстан» этот цикл представлен в составе 19 стихотворений. И. Сельвинский писал И. Л. Михайлову (письмо от 10 октября 1954 г.): «Ваша оценка моих «целинных» стихов в «Октябре»... заставила меня призадуматься... Вы коснулись наиболее важного вопроса: что же такое представляет собой целина? Может быть, я переоценил ее значение. Правда, я не думал сравнивать целину с Октябрьской революцией или Отечественной войной (масштабы уж больно различны!), но так, вероятно, получилось из срав-

нения трактора с «катюшей» и «броневиком». Однако ощущение того, что распахивается какая-то немалая кривизна земного шара, возникло у меня при первом же взгляде на первый пласт, и это я стремился передать. Это не Октябрь, но какие-то немалые географические и исторические широты. . .» *Про сон степной, Азовщину проехав* и т. д. Имеется в виду повесть А. П. Чехова «Степь». *Сал* — приток Дона. *Тарасенков А. К.* (1909—1956) — критик и литературовед. *Киргиз-кайсацкий Жуз* — феодальное объединение казахов. *Пятиплужие* — пятикорпусный плуг. *У побережья гоголевской лужи* — намек на знаменитую лужу, занимавшую в Миргороде «почти всю площадь» (Н. В. Гоголь, «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

151—153. Окт., 1954, № 8, с. 114—118. Печ. по ИИИ, с. 244, 248, 250.

154. Окт., 1954, № 8, с. 118; ИИИ. Печ. по Казахстан, с. 41.

155. БК, с. 84. Печ. по «Россия», с. 492. Пьеса поставлена к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции театром им. Евг. Вахтангова. Песня положена на музыку М. Блантером. Ср. с ранними опытами стилизации И. Сельвинским цыганских романсов (№№ 9, 17—19).

156. ЛГ, 1956, 3 июля.

157. «Россия», с. 3; Лирика. Печ. по [Избранная лирика], с. 5. *Чон-Чу* (Чон-Чжу) — город в Корее.

158. ЛГ, 1956, 3 июля.

159. «О временн. . .», с. 156. *Апокалипсис* — книга «Нового завета», содержащая мистические пророчества о конце мира. *Врубель М. А.* (1856—1910) — русский художник. *Роден О.* (1840—1917) — французский скульптор. *Тосканини А.* (1867—1957) — итальянский дирижер. *«Одиннадцать» будет отныне древним «звериным числом».* «Звериное число» (666) — цифровое обозначение Антихриста в христианском вероучении. *«Быть или не быть?»* — начало монолога Гамлета из одноименной трагедии В. Шекспира. *Хафиз* (1300—1389) — персидско-таджикский поэт. *Рабле Ф.* (ок. 1494—1553) — французский писатель эпохи Возрождения.

160. ЛГ, 1957, 19 октября.

161. ЛР, 1963, 1 января (в подборке «Стихи о моем читателе»). *Джойс Д.* (1882—1941) — ирландский писатель, один из крупнейших представителей модернизма. *Кафка Ф.* (1883—1924) — австрийский писатель. *Лобачевский Н. И.* (1792—1856) — русский математик, создатель неевклидовой геометрии.

162. ЛГ, 1959, 22 января.

163. Ог., 1960, № 28, с. 19.

164. ЛГ, 1959, 22 января; ИV. Печ. по ЛIII, с. 124, с исправлением печати в заглавии.

165. Ог., 1959, № 11, с. 25.

166. Печ. по кн. «О, юность моя!», М., 1967, с. 448, где опубликовано как стихотворение одного из героев этого произведения (так же, как № 182). Датировано по автографу.

167. ЛГ, 1959, 24 октября.

168. Ог., 1960, № 28, с. 19.

169. «Юность», 1959, № 10, с. 73.

170. «О времени...», с. 107.

171. «Известия», 1959, 3 июля.

172. Ог., 1959, № 47, с. 19. Печ. по «О времени...», с. 110.

173. ЛИЖ, 1959, 25 октября. Печ. по «О времени...», с. 119.

174. «О времени...», с. 117.

175. Ог., 1960, № 28, с. 19. Печ. по ЛIII, с. 356.

176—177. «О времени...», с. 132, 112.

178. Ог., 1960, № 28, с. 19. Печ. по «О времени...», с. 122. Эпиграф — из трагедии В. Шекспира «Отелло». *Гретхен* — Маргарита, героиня трагедии Гете «Фауст».

179. Ог., 1960, № 28, с. 19. *Б. Я. С.* — Берта Яковлевна Сельвинская (р. 1898), жена поэта.

180. «День поэзии», М., 1966, с. 68. *Как Лермонтов бы мог ударить вверх.* На дуэли с Барантом в феврале 1840 г. М. Ю. Лермонтов выстрелил в воздух. *Или пальнуть в кольчужницу, как Пушкин.*... Существует версия, что на Дантесе в день дуэли с Пушкиным была кольчуга.

181. «Гулистон», 1960, № 3, с. 5; «О времени...». Печ. по ЛIII, с. 427. В письме к И. Л. Михайлову от 31 октября 1961 г. И. Сельвинский так объяснял стих: «„Страшный суд“ Вы не поняли, так как не знаете иудейского синагогального чина. Вой рога — это не зов трубы, которая прозвучит в день Страшного Суда. В «Иом-Кипур» — «Судный день» — день поста, который бывает у евреев ежегодно, в синагоге звучит рог, чтобы разогнать нечистых духов и открыть доступ к господу-богу. Так что здесь — абсолютный у меня реализм. Иное дело — ассоциация. Суд бога над людьми превратился в суд людей над богом, возмущенных фразой раввина перед лицом такой страшной трагедии, как мыло, сваренное из человеческих тел». *Слуцкий* Борис Абрамович (р. 1919) — советский поэт. *Псалмы Давида.* Легендар-

ному древнееврейскому царю Давиду приписывается создание религиозных песнопений и молитв (псалмов), составивших «Псалтырь»: *В'огавто л'рейехо комейхо* (евр.) — возлюби ближнего своего, как самого себя.

182. Печ. по кн. «О, юность моя!», М., 1967, с. 315. Датировано по автографу. См. примеч. 166.

183. «День поэзии», М., 1961, с. 184. Печ. по ЛПН, с. 367.

184. ЛГ, 1962, 1 февраля. Печ. по ДПОБ, с. 80.

185. ЛПН, с. 120.

186. ЛГ, 1962, 1 февраля; ЛПН; «Влюбленные не умирают». Печ. по [Избранная лирика], с. 14. *Буше Ф.* (1703—1770) — французский живописец и гравер. *Ропс Ф.* (1833—1898) — бельгийский график.

187. Зн., 1962, № 6, с. 17. «*О мадам, я вас обожаю*» — строка из стих. Г. Гейне «Племена уходят в могилу...», входящего в цикл «Опять на родине». Среди гимназических стихов И. Сельвинского имеется перевод этого стихотворения:

Склонясь уходят поколения,
Приходит и проходит век,
Лишь в этом сердце без разлуки
Любовь останется навек.
О, если бы, склонив колени,
Мне заглянуть в глубины глаз
И только простонать от муки:
«Мадам, я обожаю вас!»

(РС, с. 11)

188. Зн., 1962, № 6, с. 16, без посвящения; ЛПН. Печ. по «Влюбленные не умирают», с. 10.

189. ЛГ, 1962, 30 июня. Печ. по ЛПН, с. 414.

190. ЛГ, 1962, 30 июня. Печ. по ЛПН, с. 419.

191. «Москва», 1963, № 6, с. 123; ЛПН. Печ. по «Влюбленные не умирают», с. 14.

192—202. Печ. по «Влюбленные не умирают», с. 25.

1—4. ЛР, 1964, 5 июня. *В поисках шила Кощева.* В русских народных сказках о Кошее Бессмертном говорится, что его смерть находится на конце иглы, игла — в яйце, яйцо — в утке, утка — в зайце, заяц — в сундуке и т. д.

5. ЛР, 1964, 5 июня, под загл. «Хоть бы присниться тебе...».

6. ЛР, 1964, 5 июня, под загл. «Заклятье».

7. ЛР, 1964, 5 июня. *Не вестник божий в виде медведя, пришедший к святому Сергию.* Имеется в виду Сергей Радонежский (1315

или 1319—1392) — церковный и политический деятель; основал Троице-Сергиев монастырь и стал его игуменом. После смерти причислен к лику святых. В «Житиях святых» рассказывается, как к келье Сергия Радонежского ежедневно приходил медведь, с которым чудотворец разделял трапезу.

8. ЛР, 1964, 5 июня.

9. ЛР, 1964, 5 июня, под загл. «Не желаю вам беды...».

10. ЛР, 1964, 5 июня.

11. ЛР, 1964, 5 июня, без эпиграфа. *Гонкуры* — братья Эдмон (1822—1896) и Жюль (1830—1870), французские писатели.

203. ЛГ, 1963, 5 декабря, в подборке из советских поэтов «Стихи о стихах».

204. «Неделя», 1963, 17—23 марта. Печ. по ДПОБ, с. 51. Опубликовано в газете с таким примечанием: «Один из читателей И. Сельвинского в г. Светлогорске Владимир Усов прислал поэту подарок: муху в янтаре, которая попала туда сорок миллионов лет назад. В ответ на подарок И. Сельвинский посвятил своему читателю стихотворение, в котором, однако, муха превратилась в ящерицу. Таковы уж поэты — они привыкли из мухи делать слона или что-либо немногим меньшее».

205. ЛГ, 1963, 5 декабря, без загл. Печ. по ЛIII, с. 407.

206. ЛГ, 1963, 5 декабря. Печ. по ЛIII, с. 406.

207. Окт., 1964, № 11, с. 150. Печ. по ДПОБ, с. 31. Посвящено Сельвинской Татьяне Ильиничне (р. 1927), дочери поэта. *А я через это, дочка, прошел*. В статье «Я буду говорить о стихах» И. Сельвинский писал: «Что касается меня лично, то я уже давно перерос юношескую стадию экспериментаторства... От формы я требую только одного: в эпосе и особенно в драме — лексического соответствия замыслу, а в лирике — совершенной простоты: никакого искусственного украшения, никакой техники ради техники — только точность в передаче глубинной точки любого подлинного чувства» («Вопросы литературы», 1962, № 1, с. 14).

208. Окт., 1964, № 11, с. 149, в подборке «Этюды оптимизма». Печ. по ДПОБ, с. 53.

209. ЛР, 1965, 18 июня, без эпиграфа. Печ. по автографу. В ЛР стихотворение сопровождается шутивным авторским комментарием: к ст. 7 — «это было»; к ст. 8 — «Джинса я все-таки читал»; к ст. 10 — «в 1943 г. путь из Москвы на Северо-Кавказский фронт шел через Ташкент — Бухару — Красноводск — Баку — Армавир»; к ст. 11—12 — «этого не было». *Джинс Д. Х.* (1879—1946) — английский физик и астрофизик. *Пока не требует поэта* и т. д. — измененная строка из стих. А. С. Пушкина «Поэт».

210. «Известия». 1965, 29 августа.

211. ЛР, 1965, 18 июня.
212. ЛР, 1965, 3 декабря. Печ. по ДПОБ, с. 55.
213. ЛР, 1965, 3 декабря. *Яхонтов В. Н.* (1899—1945) — советский актер, создатель «театра одного актера».
214. Ог., 1965, № 46, с. 23. Печ. по ДПОБ, с. 97.
- 215—216. ЛР, 1965, 3 декабря.
217. Ог., 1965, № 46, с. 22. *Чатыр-Даг* — см. примеч. 48.
218. ЛГ, 1965, 10 июля.
219. ЛГ, 1965, 30 октября. Печ. по ДПОБ, с. 68.
220. «Смена», 1966, № 14, с. 11. Автограф — под загл. «Стансы», датировано: 1945.
221. Ог., 1966, № 46, с. 18.
222. «Нева», 1967, № 1, с. 5. Печ. по ДПОБ, с. 29 Заглавие — строка из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».
223. Ог., 1966, № 46, с. 18.
224. «Смена», 1966, № 14, с. 11. Печ. по ДПОБ, с. 84.
225. ЛГ, 1966, 5 марта.
226. ЛГ, 1966, 24 ноября. Печ. по ДПОБ, с. 36.
227. ЛГ, 1966, 14 июля, под загл. «Судьба». Печ. по ДПОБ, с. 42.
228. ЛГ, 1966, 5 марта, под загл. «Политик». Печ. по журн. «Смена», 1966, № 14, с. 11.
- 229—236. Цикл сформирован автором для данного издания.
1. Окт., 1964, № 11, с. 148. Печ. по ДПОБ, с. 12. Эпиграф — из стих. А. С. Пушкина «Элегия». *Винер Н.* (1894—1964) — американский физик, основатель кибернетики.
2. Окт., 1964, № 11, с. 149. Печ. по ДПОБ, с. 13.
3. Окт., 1964, № 11, с. 149.
4. Ог., 1966, № 46, с. 19. Печ. по автографу. *Хафиз* — см. примеч.
159. *Рембо А.* (1854—1891) — французский поэт.
5. Ог., 1965, № 46, с. 22.
6. ЛР, 1965, 3 декабря.
7. Печ. впервые по автографу.
8. ЛГ, 1965, 30 октября. Печ. по ДПОБ, с. 15. По поводу цикла см. открытое письмо Л. Озерова И. Сельвинскому «Мечтать ли о бес-

смерть?» (ЛР, 1966, 12 августа) и «Ответ Льву Озерову» И. Сельвинского (ЛР, 1966, 23 сентября).

237. Ог., 1966, № 46, с. 18. Печ. по ДПОБ, с. 81.

238. Зв., 1967, № 6, с. 5, с эпиграфом из поэмы А. С. Пушкина «Гавриилиада»: «Поговорим о странностях любви». Печ. по ДПОБ, с. 77.

239. «Правда», 1967, 14 ноября.

240. Зв., 1967, № 6, с. 6. Печ. по ДПОБ, с. 11.

241. Ог., 1967, № 44, с. 17.

242—244. Ог., 1968, № 12, с. 9, в подборке «Раздумья в табачном дыму».

245. «Правда», 1968, 8 января. *Если Геббельс по радио мне угрозил веревкой* — см. примеч. 100. *Лаар* — см. примеч. 106.

246. Ог., 1968, № 12, с. 9, в подборке «Раздумья в табачном дыму».

247. «Неделя», 1968, № 18, с. 5.

ПОЭМЫ

В своей автобиографии «Черты моей жизни» И. Сельвинский рассказывает о том, как он пришел к работе над эпосом: «Вглядываясь в эпоху, я понял, что только революционная волна вздымает такие характеры, которые требуют для своего воплощения жанры эпической и драматической поэзии. Если народ на подъеме — возникает в литературе эпос и трагедия; спад народного взлета разбивает эпические айсберги на лирические сосульки. Октябрьская революция властно потребовала эпоса и трагедии. Но на этот призыв истории нельзя было ответить простым возрождением большой формы. Требовалось открытие каких-то новых изобразительных средств» («Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. 2, М., 1959, с. 335). О них пишет И. Сельвинский в статье «Кодекс конструктивизма»: «Кто-то из московских критиков превосходно сказал о конструктивистах: в их поэзии располагаешься с беллетристическим комфортом. Здесь прекрасно характеризуются те задачи, которые ставятся нами в плане использования методов прозы. Основная линия прозы, которую мы стараемся усвоить, это — психологизм, проведенный на натуралистических деталях... Дубльреализм стремится по возможности характеризовать людей путем их привычек, мировоззрения, интонации, даже наружности, накапливая детали, из черточек которых создается очертание персонажа. У кровожадного атамана банды Улялаева дубльреализм отмечает одну особенность: «Бережно осев на скамеечку, что под ноги, Локти в колени, мизинцы в губу — Думал» (гл. 2-я). Эта особенность, повторенная в другом месте: («Там ата-

ман присел на барабанчик в детской позе, — локти в колени, мизинцы в щеку»), — превращается уже в привычку, придающую бандиту своеобразную детскость. Вторая линия прозаических влияний — документация. Дубльреализм не признает манеры убеждения читателя путем адвокатуры. Задача дубльреализма — поставить читателя перед фактом, но с тем, чтобы читатель сделал вывод, нужный поэту. . . если о герое говорится, что он хорошо знает предмет, то необходимо это тут же доказать, а не успокаиваться на протекции. В пятой главе «Пушторга» инженер Полуяров фактически обнаруживает знание пушнины, которое во всяком случае значительно выше осведомленности в этой области любого читателя, не являющегося тонким специалистом. Но в той же главе инженер говорит о литературе, да так, что читатель чувствует себя сильнее Полуярова и, таким образом, начинает относиться к нему, как к вполне живому человеку, который в одном отношении недостаточно осведомлен, но в другом (нужном автору) обладает превосходной эрудицией. Прием документации сводится далее к тому, что вымышленное ставится в ряд с реально существующим. Так, вымышленное учреждение «Пушторг» участвует в диаграммах наряду с Госторгом, Центросоюзом, Сельскохозяйством — учреждениями, имеющими конкретное правление и реальный адрес. Третьим моментом дубльреализма является цифра. . . имеющая глубоко конкретное значение, но воспринимаемая в художественном плане. В «Улялаевщине» речь Штейна пестрит статистическими данными. В «Пушторге» даны целые цифровые таблицы. . . Но дубльреализм проявляется в поэзии конструктивистов не только непосредственным вмешательством голых цифр, технической терминологии, экономических отступлений, документации и т. д. Он проникает в самые неприступные углы поэтизма. Он захватывает образ и заставляет его из гиперболы превратиться в статистическую иллюстрацию количества. . . Больше того, статистика из декоративного или гротескового приема подачи образа превращается в метод изображения, в новый тип образа, образа статистического, который дается не сразу, а накапливается постепенно и в конце концов из периферического становится центральным» (Зв., 1930, № 9-10, с. 259—261).

248. Отдельные издания поэмы: 1-е (М., 1927), 2-е (М., 1930), 3-е (М., 1933, на обложке: 1934), 4-е (М., 1935); III, с. 283. Отрывки: ГЛ, с. 63, 47 (гл. 5 и «Казачья походная» из гл. 3); КН, 1925, № 3, с. 134 (строфы 1—12 из гл. 4 под загл. «Бурановцы» и 7 заключительных строф из гл. 10); «Прожектор», 1925, № 10, с. 26 (два отрывка из гл. 9 под загл. «Перед X съездом», «Стул»); МГ, 1926, № 12, с. 114 (гл. 10 без двух последних строф); НМ, 1927, № 1, с. 72 (гл. 1 с сокращениями); альм. «Удар», М., 1927, с. 29 (строфы 1—34 из гл. 3). После опубликования «Улялаевщины» ряд отрывков печатался в сборниках поэта: Избр. стихи I, с. 17 (отрывок из 1-й гл. под загл. «Красные партизаны»); Избр. стихи II, с. 66 (11 отрывков из разных глав с незначительной стилистической правкой). Печ. по III, с. 283. «Улялаевщина» «. . . в 1924—1926 годах разошлась во многих списках. . . и еще до опубликования получила широкое признание в литературных кругах» (О. Резник, Жизнь в поэзии, М., 1967, с. 113). «Успех «Улялаевщины» окрылил меня, но не ослепил. Читатель. . . не заметил, — писал И. Сельвинский в автобиографии, — а

может быть, и простил поэме основной ее порок: подготовив холст, палитру, кисти для воплощения героя нашего времени, самую натуру знал я плохо. Облик большевика был мне еще до такой степени непонятен, что главный персонаж — Георгий Гай то и дело срывался в салонную лирику. Это мучило меня неотвязно в течение многих лет. В конце концов... я снова обратился к поэме и переписал ее наново» (И. Сельвинский, Черты моей жизни. — В кн.: «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. 2, М., 1959, с. 337). Поэт работает над второй редакцией «Улялаевщины» в 50-е годы. Окончательная редакция весьма существенно отличается от первой.

Поэма посвящена Сельвинской Берте Яковлевне, жене поэта.

Гл. 1. *Montenegro* — итальянское название Черногории (ныне социалистическая республика в составе Югославии). «*Сакс* и «*севр*» — художественные изделия производства фарфоровых заводов — немецкого в Мейсене (Саксония) и французского в Севре. *Ворочался с Мазура и Стохода*. Мазурские озера — группа озер в Польше; Стоход — река в Полесье. В этих местах происходили ожесточенные бои в годы первой мировой войны. *Руза* — один из древнейших городов в Московской области. *Красный Кут* — железнодорожная станция в Саратовской области, на берегу р. Еруслан. *В чем социальный критерий села? Надел?* и т. д. Здесь излагаются основные положения второй главы работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». *Гурьев* — город в Казахстане, областной центр. *Эмба* — река в Казахстане. *Четвертый параграф декрету об земле*. В этом параграфе было указано: «Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются и обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их». *Царь Максимилиан* — герой популярной русской народной драмы, существовавшей во многих вариантах и списках.

Гл. 2. *Орлов А. Г.* (1737—1807) — русский государственный деятель при Екатерине II; известен как основатель Хреновского конного завода, на котором была выведена ценнейшая порода лошадей — орловский рысак. *Чаган* — приток Урала.

Гл. 3. *Иное дело — паузы, затакты, движение синкоп и контрапункт*. Здесь указаны отличительные особенности тактового стиха И. Сельвинского. В тактовом стихе, писал И. Сельвинский, «пауза реально ощущаема, потому что *по времени равна звуку*» (СС, с. 70). Поэт изображал паузу в стихе графически (знаком —), либо слогами «эс», «эста», указывая, что они означают паузу и произносятся про себя. Затакты — лишние, т. е. превышающие число слогов в стопе, слоги в начале ритмического периода. Синкопа — перенесение ритмического ударения с ударяемого слога на неударяемый. Контрапункт — согласование между собой на основе одного ритма строф, в которых «звучат два совершенно различных, иногда противоположных голоса по темпу и интонациям» (СС, с. 80). «*Пиши: в деревне Босове Яким Нагой живет*» и т. д. — строки из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». *Битва на Калке*. В мае 1223 г. на реке Калке произошло первое сражение войск русских князей с татаро-монгольскими завоевателями, битва закончилась поражением русского войска.

Гл. 4. *Яик* — река Урал. *Хафиз* — см. примеч. 159. *Петрарка Ф.* (1304—1374) — итальянский поэт. *Аул Урда* (Ханская Ставка) — го-

род в Западном Казахстане. *Суровые Дюма-отцовцы южных гимназий* — гимназисты, воспитанные на романах Дюма-отца. *Вера Круц* (Веракрус) — город в Мексике. *Вильсон* (Уилсон) Т. В. (1856—1924) — американский государственный деятель; в 1913—1921 гг. — президент США. *Рокамболь* — герой многочисленных приключенческих романов французского писателя Понсон дю Террайля (1829—1871), авантюрист и мошенник, ставший впоследствии добродетельным.

Гл. 5. *Ролейный закуп* — батрак, нанимавшийся на определенный срок. *Иргиз* — река в Казахстане. *Слямзить, стырить, сдонжить, сбондить, слящить, стибрить, спурить, спереть* (воровск.) — украсть (примеч. авт.). *Уральск* — крупный промышленный и культурный центр в Казахстане.

Гл. 6. *Прудон П.-Ж.* (1809—1865) — французский мелкобуржуазный социалист, теоретик анархизма. *Навуходоносор II* — царь Вавилонии (604—562 до н. э.). *Геракловы столпы* — в греческой мифологии столпы, которые Геракл (Геркулес) поставил на противоположных берегах Европы и Азии у Гибралтарского пролива; столпы считались «краем мира». *Матисс А.* (1869—1954), *Пикассо П.* (р. 1881) — французские художники. *Член ЦК Азеф* (1869—1918) — один из лидеров партии эсеров, провокатор; разоблачен в 1908 г.; ЦК партии эсеров приговорил его к смертной казни, но Азеф скрылся. *Хорезм* — оазис в Узбекистане. *Гарм* — поселок в Таджикистане.

Гл. 7. *Зуппе Ф.* (1819—1895) — австрийский композитор и дирижер, основоположник австрийской оперетты.

Гл. 8. *Даже какая-нибудь Чита, и та, изволите видеть, столица.* Чита была столицей Дальневосточной республики (ДВР), существовавшей в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в 1920—1922 гг. *Но чем же лучше его Бернадот* и т. д. *Бернадот Ж.-Б.* (1763—1844) — французский маршал при Наполеоне Бонапарте; в 1810 г. был усыновлен шведским королем и, по решению риксдага, стал престолонаследником — королем Швеции (1818—1844) под именем Карла XIV Юхана. *Сам Бонапарт в расцвете сил Огня Черногории не погасил.* Во времена империи Наполеона Бонапарта черногорцы несколько раз вступали в военные конфликты с Францией. Так, в 1806 г. черногорцы овладели Бокой Касторской, принадлежавшей тогда Франции, и оказывали успешное сопротивление французским войскам вплоть до 1807 г., когда по Тильзитскому миру Бока вновь была передана Франции. Наполеон стремился привлечь на свою сторону владыку Черногории Петра I, и в 1810 г. было заключено соглашение между Черногорией и Францией. В 1811 г. Наполеон составил план покорения Черногории путем одновременной атаки тремя колоннами, но потом этот проект был оставлен. В 1812 г. происходили пограничные инциденты, а в 1813 г. черногорцы вновь начали кампанию против Наполеона. *Аннау* — остатки древних земледельческих поселений энеолита и бронзового века близ Ашхабада.

Гл. 9. *Платон* (428 или 427 — 348 или 347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. *Штирнер М.* (1806—1856) — немецкий философ-идеалист, теоретик анархизма. *«Искусство» Гнедича. Третий том.* Имеется в виду трехтомная «История искусств», принадлежащая перу писателя и историка искусства П. П. Гнедича (1855—1925). *Ганзейская шхуна* — принадлежащая Ганзе, торговому и полити-

ческому союзу северонемецких городов (14—17 вв.). *Леонардо да Винчи* (1452—1519) — итальянский художник эпохи Возрождения.

Гл. 10. *ЧОН* — части особого назначения, созданные в годы гражданской войны для борьбы с контрреволюцией; расформированы в 1924 г.

Гл. 11. *Брем А.-Э.* (1829—1884) — немецкий зоолог, автор широко известного труда «Жизнь животных».

Гл. 12. *Ленин диктовал машинистке* и т. д. Здесь следует изложение основных положений доклада Ленина «О замене разверстки натуральным налогом» на X съезде партии. Интересны почти текстуальные совпадения, например: у Сельвинского: «Итак, резолюция IX съезда полагала, что путь пойдет нормальной шкалой, а шкала пошла совершенно не так». В докладе Ленина: «...резолюция IX съезда предпологала, что наше движение будет идти по прямой линии. Оказалось, как оказывалось постоянно во всей истории революций, что движение пошло зигзагами» (Полн. собр. соч., т. 43, с. 65). У Сельвинского: «Можно ли это явление замазать? Нет. Признаемся волей-неволей, что наша стомиллионная крестьянская масса установленной формой отношений недовольна». В докладе Ленина: «Во всяком случае мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить напрямик, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет» (там же, с. 59). *Шляпников А. Г.* (1885—1937) после Октябрьской социалистической революции вошел в СНК в качестве наркома труда, затем был на профсоюзной и хозяйственной работе. В 1920—22 гг. — организатор и лидер антипартийной группы «рабочая оппозиция»; в 1933 г. во время чистки был исключен из рядов ВКП(б). *Коллонтай А. М.* (1872—1952) — профессиональная революционерка; была членом ВЦИК, в 1920 г. — зав. женотделом ЦК РКП(б). В 1920—21 гг. участвовала в антипартийной группе «рабочая оппозиция»; в 1921—22 гг. — секретарь Международного женского секретариата при Коминтерне. Первая в мире женщина-посол. *Так же их слушали Пушкин, Аксаковы.* Пушкин, в связи с работой над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой», в 1833 г. посетил Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск; детство и молодость писателя Аксакова С. Т. (1791—1859) и его сыновей — Аксакова К. С. (1817—1860) и Аксакова И. С. (1823—1886) — прошли на Урале. *Лель* — здесь: пастух. *Крупн* — владелец крупнейшего военно-металлургического концерна в Германии (ныне в ФРГ).

249. С сокращениями — КН, 1928, № 5, с. 124; № 6, с. 136. Отдельные издания: 1-е (М., 1929); 2-е (М., 1931), другая редакция — Собр. соч., т. 2, с. 219. Отрывки: НМ, 1928, № 5, с. 162 (из гл. 13 под загл. «Весна»); Зв., 1928, № 5, с. 44 (под загл. «Пролог»); НМ, 1928, № 9, с. 101 (строфы 5—15 из гл. 5 под загл. «Лирическое отступление»); Окт., 1928, № 9-10, с. 188 (из гл. 1 под загл. «Москва» и строфы 40—48 из гл. 10 под загл. «Константинополь»); в кн.: «Бизнес. Сборник лит. центра конструктивистов», М., 1929, с. 73 (под загл. «Посвящение»; «Пролог», а также отрывки из ряда глав); альм. «Удар за ударом». Удар второй, М., 1930, с. 115 (глава вводная, без номера). После опубликования «Пушторга» ряд отрывков печатался

в Избр. стихи II (8 отрывков из разных глав, «Пролог» и собранные вместе «Звериные концовки», которые снабжены следующим редакционным примечанием: «Течение романа «Пушторг» сопровождается стихотворными эпиграфами, виньетками, набросками на полях, лирическими сносками, заставками самой разнообразной тематики и самого различного стиля — от колыбельной песни до учета авторских расходов за день и от описания Парижа до перечня прилагательных, примененных предшествовавшими поэтами к понятию «осень»). По недостатку места мы даем здесь только несколько концовок, имеющих значение самостоятельных миниатюр и связанных с главами не сюжетно, а ассоциативно». Печ. с некоторыми сокращениями по тексту, специально подготовленному автором для настоящего издания.

Незадолго до появления в печати первых отрывков из романа И. Сельвинский так объяснял замысел своего произведения: «Проблема романа — молодая советская интеллигенция (по терминологии конструктивистов — «переходники»), выросшая в эпоху революции и болезненно ищущая сращения с рабоче-крестьянским блоком. Считая себя одним из представителей этой интеллигенции, я тем не менее старался не идеализировать ее, а по возможности объективно изобразить как светлые, так и большие стороны ее психологии. Технически роман написан модернизированными октавами тактового стиха. Атмосфера романа сделана в той традиции, которую внесло в русскую поэзию влияние Байрона» (газ. «Читатель и писатель», 1928, 1 февраля).

Пролог. *А во том во море и т. д.* Использована русская народная песня «Купался бобер...».

Гл. I. *Знаменитый нищий* — реально существовавшее лицо. В письме к И. Л. Михайлову от 25 октября 1965 г. И. Сельвинский писал: «Фамилии его я не знал, но он был именно как нищий известен всей Москве. Он всем тыкал в нос свою культяпку и кричал: „Родной! Архитектор! Знакомый!“» *Пикассовские апаши* — типаж ранних зарисовок П. Пикассо. «*Тоска*» («Флория Тоска») — опера Д. Пуччини (1858—1924). *Конница Триумфальной арки*. В честь победы над Наполеоном у Тверской заставы в Москве были воздвигнуты Триумфальные ворота (1827—1834, архитектор О. И. Бове). Арку венчала скульптурная группа, изображавшая Славу на колеснице. *Квадрига Большого театра стремится Аполлона*. Над фронтоном Большого театра установлена скульптурная группа, изображающая колесницу бога Аполлона (архитектор О. И. Бове). *Сен-Клу* — одна из резиденций французских королей под Парижем. *Шуя* — город в Ивановской области. *Тетюши* — город в Татарской АССР. *Ласкер Э.* (1868—1941) — немецкий шахматист, в течение 27 лет был чемпионом мира. *Франция с жестом фригийской зари*. На почтовых марках Франции изображалась женщина с протянутой ввысь рукой, во фригийском колпаке (символ свободы). *Ундервудка* — шутовское прозвище машинистки (по названию пишущей машинки «ундервуд»). *Оль-Оль* — героиня пьесы Л. Андреева «Дни нашей жизни». *Брента* — река на севере Италии. *Чарли Чаплин* (р. 1889) — американский киноактер и режиссер. *Аткарск* — город в Саратовской области. *Ричард III* (1452—1485) — английский король, герой одноименной исторической трагедии В. Шекспира. *Люэс Пятнадцатый* — так именует Кроль французского короля Людовика (Луи) XV (1710—1744), путая «Луи» и

«люэс» — сифилис. *Мор* (Мор) Т. (1478—1535) — английский философ и государственный деятель, один из основоположников утопического социализма, основные идеи его изложены в диалоге «Утопия» (1516).

Гл. 2. Эпиграф — из трагедии В. Шекспира «Гамлет» (в переводе А. Кронеберга). *Обоянь* — город в Курской области, на реке Псел. Два МГУ параллельно существовали до 1930 г.: первый МГУ — Московский государственный университет им. Ломоносова, второй МГУ преобразован в 1918 г. из Московских высших женских курсов, в 1930 г. распался на три самостоятельных института. *Даль* — см. примеч. 58. *Помесь французского с нижегородским* — перефразированная строка из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» («господствует еще смешенье языков: французского с нижегородским»). *Что он Цекубе, что она ему?* — перефразированная строка из трагедии В. Шекспира «Гамлет» (см. эпиграф к данной главе). *ЦЕКУБУ* — Центральная комиссия по улучшению быта ученых. *СТО* — Совет Труда и Оборона при Совете Народных Комиссаров СССР, существовал в 1923—1937 гг. *РКИ* — Рабоче-крестьянская инспекция, орган государственного контроля, действовавший с 1920 г. по 1934 г. *Россини* Д. А. (1792—1868) — итальянский композитор. *Шено* (Шеноа) А. (1838—1881) — хорватский романист и фельетонист. *Ломжа* — город на северо-востоке Польши. «*Не жертвуй честью ни дружбе, ни любви*» — неточная цитата из пьесы Г. Ибсена (1828—1906) «Кукольный дом». *Он знал, что до Гоголя сотворен «Вий»*. В примечаниях к повести «Вий» Н. В. Гоголь указывал: «„Вий“ — есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание» (цит. по кн.: Н. В. Гоголь, Собрание сочинений в 6-ти томах, т. 2, М., 1959, с. 362). *Озимь видать уже на Илью*. Ильин день (день Ильи-пророка) приходится по церковному календарю на 20 июля. *Коотс* А. Ф. — биолог, основатель музея Ч. Дарвина в Москве. *Мендель* Г. И. (1822—1884) — чешский исследователь, опыты которого над гибридами привели к открытию ряда важных закономерностей наследственности. *Овидий* (Публий Овидий Назон, 43 до н. э. — 17 н. э.) — древнеримский поэт, автор книги «Метаморфозы» («Превращения»). «*Счастлив я и беззаботен*» и т. д. — цитата из стих. «Ночной ручей» советского поэта И. Уткина (1903—1944). *Языков* Н. М. (1803—1846) — русский поэт.

Глава 4, помещаемая раньше 3-й. «*Заза*» — итальянский кинофильм (1910) режиссера Э. Паскуале. *Чьим голосам внимала Тамара* и т. д. — перефразированные строки монолога Демона, обращенного к Тамаре («Я тот, которому внимала...»), из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». *Ньютон* И. (25 дек. 1642 (4 янв. 1643) — 1727) — английский физик, механик, астроном и математик; открыл закон всемирного тяготения, основные законы классической механики. «*По данным экспедиции ген.-губ. Унтерберга...*» и т. д. И. Сельвинский, по-видимому, опирался на исследование инженер-генерала П. Ф. Унтербергера «Приамурский край. 1906—1910 гг.» (СПб., 1912, 428+53 с. с прил. и карт.), напечатанное в «Записках императорского русского географического общества». Интересно, что даже отдельные таблицы, приведенные в «Пушторге», заимствованы из книги Унтербергера. *Святого Павла* остров находится в Беринговом море и вхо-

дит в состав Аляски; известен промыслом морских котиков и песка. *Британская Колумбия (Виктория)* — провинция на западе Канады, включает ряд островов. *Мальмэ* — город на юге Швеции. «*Яри гатунь — яри бань*» — искаженная молдавская поговорка «Аре легетурь — аре бань» («Имеешь связи — имеешь деньги»). *Анакреон* (Анакреонт, ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий поэт, воспевал чувственную любовь, праздную жизнь, вино. *Верлен П.* (1844—1896) — французский поэт. *Испанский воротник «гаррот»* — воротник, получивший название от орудия пытки и казни путем удушения, применявшегося в средневековой Испании и Португалии. «*Ладно, ладно, детки...*» и т. д. — цитата из стих. А. Плещеева «Старик». *Серая ворона села на сук* и т. д. Ворона — излюбленный персонаж плакатов РОСТА, она изобразилась то на трубе паровоза, лишённого топлива, то на крыше развалившейся избы, то на воткнутой в землю лопате, словом, на плакатах, призывавших к борьбе с разрухой. *Фабер* — немецкая фирма (по имени основателя), приобретшая мировую известность производством карандашей.

Гл. 3. Эпиграф — начальные строки романа Байрона «Дон Жуан» (в переводе П. А. Козлова). *ЛЕФ* — см. примеч. 84. *Не лепо ли блещеть ны «Франкорюсс»* и т. д. Здесь и далее (в строфах 2—4) пародийно используются стилистика и образы «Слова о полку Игореве». *Блерио Л.* (1872—1936) — один из пионеров французской авиации, конструктор и пилот. *На брань в Политехникум выдывая*. В зале Политехнического музея в Москве в 1920-е годы часто происходили выступления поэтов и диспуты на литературные темы. *Тьер А.* (1797—1877) — французский государственный деятель, историк; известен исключительной жестокостью при разгроме Парижской коммуны. *Сен-Санс К.* (1835—1921) — французский композитор.

Гл. 5. В эпиграфе указаны наиболее характерные и часто повторяющиеся эпитеты, определяющие осень у русских поэтов от Пушкина до символистов. *Омулевский* (Федоров И. В., 1836 или 1837—1883) — поэт и прозаик. *Фруг С. Г.* (1860—1916) — поэт, один из эгогонов *Надсона*. *Осень. Афиши в дожде и без онога* и т. д. — пародийное описание осени, где авторские стихи вторгаются в некрасовские строки: «Поздняя осень, грачи улетели...» и т. д. (из стих. «Несжатая полоса»). «*В нем жар любви Петрарка изливал*» — цитата из стиха А. С. Пушкина «Сонет». *Мутно-багровое в клетку манто томилко меня на гвозде заката*. Среди гимназических стихов И. Сельвинского есть несколько произведений под названием «Красное манто». *Мольер Ж.-Б.* (1622—1673) — французский драматург, разоблачил лицемерие в комедии «Тартюф». *Времена «Цыганских рапсодий» и разных троек*. Речь идет об экспериментальных стихах И. Сельвинского (см. № 17—19). *Рода-Рода* (наст. фамилия Розенфельд Ш.-Ф.) (1837—1942) — австрийский писатель-юморист. *О. Генри* (1862—1910) — американский писатель-юморист.

Гл. 6. Источник эпиграфа не обнаружен. *Махно Н. И.* (1884—1934) — главарь анархистско-кулацких банд на Украине. «*Специалес ист аллес*» (нем.) — специальность — это все. *Доброхим* — см. примеч. 55. *Андромаха* — жена легендарного защитника Трои *Гектора* (герои «Илиады» Гомера), образец супружеской верности. *Земская рента*. По-видимому, здесь неточность, речь может идти о земельной ренте — регулярно получаемом доходе с земли, не требующем от

владельца земли предпринимательской деятельности. В условиях государственной социалистической собственности на землю ликвидируется абсолютная рента, порожденная монополией частной собственности на землю, но сохраняется дифференциальная рента, которая представляет собой стоимость той добавочной части общественного продукта, которая создается в сельском хозяйстве вследствие более высокой производительности труда на лучших по плодородию и местоположению землях или при более высокой интенсификации сельского хозяйства. *XIV губконференция* (Московская) состоялась в декабре 1925 г. *Капабласкер* — шутовое соединение воедино фамилий двух шахматных чемпионов — кубинца Х.-Р. Капабланки (1888—1942) и немца Э. Ласкера. *Этна* — действующий вулкан в Сицилии. «Ряд волшебных изменений милого лица» — цитата из стих. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...». *Мекка* — город в Саудовской Аравии, главное место паломничества мусульман. *Ист-парт* — Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), издавала журнал «Пролетарская революция». *В Кроацши, в Галицши, в Словакии, во Вракии*. Кроацши (Кроасия) — распространенное в западной исторической литературе название Хорватии. Галиция — историческая область на северных склонах Карпат и прилегающей к ним с севера и востока равнины. Словакия — ныне Словацкая социалистическая республика в составе ЧССР. Вракия — по-видимому, Фракия, историческая область в восточной части Балканского полуострова. «*Мюр*» — Мюр и Мерелли, фамилии владельцев крупнейшей в дореволюционной Москве универсального магазина (ныне ЦУМ). *Гарц с легендами Гете* — гора в Германии, описана Гете в трагедии «Фауст»: там, по преданию, происходил шабаш ведьм. *Вульворт-Бильдинг* — 52-этажный небоскреб в Нью-Йорке, принадлежащий миллионеру Вульворту, в здании размещаются различные коммерческие конторы. *Галилей Г.* (1564—1642) — итальянский ученый, преобладавший за то, что его взгляды на строение вселенной противоречили учению церкви.

Гл. 7. *Иена* — город в Восточной Германии со старейшим в Европе университетом. *Гент* — один из древнейших городов в Бельгии, известен своим университетом. *Рудин* — герой одноименного романа И. С. Тургенева. *Упсала* — город в Швеции. *Лютце* — один из героев стих. «Портрет Лизы Лютце» (см. № 51); В Избр. стихи II ему посвящены строки:

...Лизин отец, боевой большевик,
В газете ль пиша, инструктируя вик,
Болеет за дело, как собственной раной.

Гл. 8. Эпиграф — из трагедии Гете «Фауст». *Аркос* — см. примеч. 57. *МОПР* — см. примеч. 55. *Струве* П. Б. (1870—1944) — русский буржуазный экономист и философ, представитель «легального марксизма», после 1917 г. — ярый враг Советской власти, белоэмигрант. *Гейнце* К.-Р. (1865—1925) — немецкий политический деятель, юрист. *Саардамцы* — корабельные плотники, приглашенные в Россию при Петре I из голландского города Саардама, где сам Петр I учился корабельному делу; здесь — в значении: иностранцы, приглашенные работать в Россию. *Лермонтовская голова, зеленая от ягеля* — бюст М. Ю. Лермонтова работы И. Я. Гинцбурга, установленный в

Пензе в 1892 г. *Лянсус о барсе*. Относительно ошибки, допущенной М. Ю. Лермонтовым в поэме «Мцыри», И. Сельвинский писал: «Основная ошибка Лермонтова — переселение барса из Туркестана в Грузию, где барс никогда не водился, — стала восприниматься художественной литературой как научная истина. И вот уже в рассказе И. Бунина «На Кавказе» читаем в описании грозы: «...раскальвались в небесных высотах допотопные удары грома. Тогда в лесах просыпались и мяукали орлята, ревел барс, тьякали чекалки». Это, конечно, бессмертный лермонтовский барс — другого быть не могло. Но у поэзии своя география, свой Кавказ, и в этом ее прелесть» (СС, с. 165). «*Рысь*» — поэма И. Сельвинского (1920), написанная в виде двух корон сонетов (см. РС, с. 175); ее содержание излагается в строфе 22. *ЧИП* — газета «Читатель и писатель», выходившая в Москве в 1927—1928 гг. и неоднократно выступавшая против И. Сельвинского.

Гл. 9. Эпиграф — из стих. А. С. Пушкина «Вновь я посетил...».

Гл. 10. *Знаменская* — ныне площадь Восстания в Ленинграде, где был раньше памятник Александру III со стихотворной надписью, принадлежащей Д. Бедному (приведена И. Сельвинским неточно), подлинный текст таков:

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного беславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Винчи — Леонардо да Винчи. *Дактильные окончания* (дактилические) — окончания строк с ударением на третьем от конца строки слоге. *Гумилев Н. С.* (1886—1921) — русский поэт-акмеист. *Мане Э.* (1832—1883) и *Моне К.* (1840—1926) — французские художники-импрессионисты. *Бемская табличка* — табличка из бемского стекла, отличающегося толщиной и чистотой. *Лошадиных* — один из героев первой редакции «Улялаевщины», работник губчека, затем губпрокома, позже — командарм. *Гуляй-Поле* — центр анархистско-махновского движения на Украине, там находился штаб Махно. *Ангора* — провинция в Турции. *Айя-София* — знаменитый собор в Константинополе. *Казус Апулея*. Герой романа «Золотой осел» древнеримского писателя Апулея (ок. 124 — ок. 180) был превращен в осла. «*Врабац пипац...*» и т. д. — детская сербская песенка о воробье: «Воробей-воришка, воробей-воришка. Дай, старик, мне палку, чтоб я выгнал воробьишку-воришку со двора». *Римская волчица*. По преданию, основатель Рима Ромул и его брат Рем были брошены в Тибр, но чудом спасены и вскормлены волчицей, которая заменила им мать. В честь этого события в Риме в 296 г. до н. э. был воздвигнут памятник волчице, кормящей близнецов. *Аверченковские эмигранты*. *Аверченко А. Т.* (1881—1925) — писатель-юморист, редактор либерального юмористического журнала «Сатирикон»; после Октябрьской революции — эмигрант. Имеются в виду герои его рассказов — русские эмигранты. *Аристарх Самофракийский* (1-я пол. 2 в. до н. э.) — филолог александрийской школы, имя которого стало символом подлинной учености; своего критика И. Сельвинский называет так иронически. *Тулуз-Лотрек А.* (1864—1901) — французский художник-импрессионист. *Мне нравится кожаный чулок* и т. д. (строфы

57—60) — отклик на кампанию, проводившуюся в 1927 г. комсомолом против мещанских представлений об «изыщенной» жизни. *Глория Свенсон* (р. 1898), *Барбара ля Мар* (1897—1926) — американские кинозвезды. «*Мы рождены, мол, давайте жить*» — измененная строка из стих. Евгения Нея «Родиться и рождать и умирать». *Ней* — герой поэмы И. Сельвинского «Записки поэта». *Житц* (Жиц) Ф. А. (р. 1892) — советский литературовед и критик. *Фидий* (5 в. до н. э.) — древнегреческий скульптор.

Гл. 11. *Чемберлен посвятил нам ноту... отказывал нам в торговых сношениях.* Чемберлен Остин (*Остя*) (1863—1937) — английский государственный деятель, с 1924 г. по 1929 г. — министр иностранных дел, член партии консерваторов — «твердолобых»; в 1924 г. добился аннулирования советско-английского торгового договора. *Левидов* М. Ю. (1891—1942) — писатель и критик. *И здесь Коминтерн!* Коминтерн (Третий Интернационал) — международная революционная пролетарская организация (1919—1943), объединявшая коммунистов различных стран. Буржуазная пресса во всем пыталась усмотреть «происки» и «козни» Коминтерна. *Лига наций* — международная организация государств, существовавшая между первой и второй мировыми войнами. «*Слети к нам, тихий вечер, на мирные поля*» — строки из популярной сентиментальной песенки «Вечерняя заря весной» на слова Л. Н. Модзалевского (музыка Н. Пиликина, В. Махотина). *Ламанча* (Ла-Манча) — равнина в Испании, откуда родом главный герой романа Сервантеса (1547—1616) — «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский». «*Мулен-Руж*» (буквально: красная мельница) — кабаре в Париже. «*Выше и вперед!*» — из поэмы М. Горького «Человек». *Макс Линдер* (1883—1925) — популярный французский комедийный киноактер; непременным актерским атрибутом его костюма был цилиндр. «*Любовь к трем апельсинам*» — опера С. Прокофьева по сказке К. Гоцци. *Золотая виолончель* — по аналогии с золотой арфой (по имени бога ветров Эола), звучащей под действием ветра. *Брага* (Брага) Г. (1829—1907) — итальянский композитор и виолончелист. *Брух* В. (1854—1927) — немецкий композитор. *Фуриозные вибрации* — яростные, громкие (от музыкального термина «фуриозо»). *Шеншин* — А. А. Фет. *Эйнштейн* А. (1879—1955) — ученый-физик, создатель теории относительности. *Сезанн* П. (1839—1906) — французский художник. «*Покровительствовать — по крови*» — рифма И. Сельвинского из «Улялаевщины». *В эпоху пляд.* Разъясняя эту строку, И. Сельвинский писал И. Л. Михайлову (25 сентября 1966 г.): «Эпоха пляд — это речь о пушкинской пляде, но моя ошибка в том, что я поставил «пляду» во множественном числе... Тут сохранилась моя детская манера. Если помните, в «Раннем Сельвинском» есть такое место: „В женских ласках, как в водах Волг, я всего себя растранирю“» (см. № 5). *Попугай бальмонтских красок* — намек на экзотичность, яркость поэтических красок в стихах русского поэта-символиста К. Д. Бальмонта (1867—1942).

Глава вводная, без номера. *Жаров* А. А. (р. 1904) — советский поэт. *Учить соловьев кричать кукареку* и т. д. Имеются в виду басни И. Крылова «Осел и соловей», «Петух и жемчужное зерно». «*Во всем сомневайся!*». В шуточной анкете, которую заполнял К. Маркс для своих дочерей («Исповедь»), на вопрос «Ваш любимый девиз» он ответил: «Подвергай все сомнению».

Гл. 12. *Я тебя, точно конюх, выхаживал* и т. д. По поводу этого эпиграфа И. Сельвинский вспоминал, что в споре с ним В. Маяковский привел его строчки о женщине, породистой, точно лошадь». «Сравнение с благородным зверем, — возразил И. Сельвинский, — не может быть оскорбительным: лев и орел — гербы целых государств, что же до коня, то это самое изящное животное на свете. . . Французы, которые понимают толк в женщинах, сравнивают самых обаятельных даже с собаками: когда девушка обладает изюминкой, о ней говорят, что в ней есть что-то *du chien*». ¹ Маяковский очень любил животных, и мой ответ совершенно обезоружил его» (Окт., 1963, № 9, с. 144). *Сарасате* де Наваскуэс П. М. (1844—1908) — испанский скрипач и композитор, автор многочисленных скрипичных пьес. *Моссо А.* (1846—1910) — итальянский физиолог, занимавшийся вопросами утомляемости организма, известен также работами в области физиологии кровообращения. *Батавия* — территория между Рейном и Ваалом, где жило древнегерманское племя батавов (находится в современной Голландии). *Пиф-паф, ой-ой-ой* и т. д. — слова из детской считалки, ее автор — поэт-переводчик Ф. Б. Миллер (1823—1884). *Библейская Агада* — часть Талмуда. *Гросс Г.* (р. 1893) — немецкий художник-карикатурист, обличитель военщины и фашизма. *На улице послышался каретный звон, когда из кабинета вышел Чацкий.* Имеется в виду заключительная сцена комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». *Демьян* — Д. Бедный.

Гл. 13. *Хикс* — английский министр иностранных дел в кабинете Макдональда: «*Наш паровоз летит вперед*» и т. д. — с изменением строки из популярной комсомольской песни «Наш паровоз» (слова А. Красного, музыка П. Зубакова). *У Пэй-фу, Чжан Цзо-лин* — китайские генералы, представители реакционной клики, бывшей орудием англо-американских империалистов. «*Истмат*» — учебник исторического материализма. «*О том, как в ночи ясные*» и т. д.; «*Веди ж, Буденный, нас смелее в бой*» — строки из «Марша Буденного» (слова А. д'Актиля, музыка Д. Покрасса). «*Вы жертвою пали в борьбе роковой*» «*Любви беззаветной к народу*» — с изменением строки из «Похоронного марша» (музыкальная обработка Н. М. Иконникова). «*Так за Совет, за светлую свободу*» и т. д. — переделка на современный лад припева «Так громче, музыка, играй победу. . .», которым перемежалось исполнение «Песни о вещем Олеге» на слова А. С. Пушкина (ср., например, «Дни Турбиных» М. Булгакова). «. . . *встуй, милая картошка-тошка-тошка-тошка*» и т. д. — строки из пионерской песни «Картошка» (слова В. Попова, музыка М. Иорданского). *Макдональд Д. Р.* (1866—1937) — английский политический деятель, премьер-министр лейбористского правительства; в 1924 г. правительство Макдональда признало «де-юре» советское правительство, а в 1929 г. восстановило англо-советские дипломатические отношения. *Вега* — самая яркая звезда в созвездии Лиры. *Бронзовый Гоголь подскажет вам позу* и т. д. Имеется в виду памятник Гоголю (1909) работы скульптора Н. А. Андреева, установленный в Москве к столетию со дня рождения писателя на Пречистенском (ныне Гоголевском) бульваре. Гоголь изображен в последний период его жизни — время творческого кризиса и душевного разлада.

¹ От собаки (франц.). — *Ред.*

Глава 14, окончательная. Эпиграф — из романа Байрона «Дон Жуан» (в переводе П. А. Козлова). *Констры* — так сокращенно называли себя конструктивисты. *РКИ* — Рабоче-крестьянская инспекция. *Городецкий С. М.* (1884—1967) — советский поэт, в начале своей литературной деятельности примыкал к акмеистам. *Бисмарк О.* (1815—1898) — германский государственный деятель и дипломат, рейхсканцлер Германской империи при Вильгельме I. *Гофман Э. Т. А.* (1776—1822) — немецкий писатель-романтик, в произведениях которого реальная действительность сплетается с фантастикой. «*Вор*» — стихотворение И. Сельвинского (см. № 16). *Я и ответ ему только эпиграф.* Имеется в виду эпиграф к 8-й главе «Пушторга». *Козьма Прутков* — коллективный псевдоним А. К. Толстого и братьев А. М. и В. М. Жемчужниковых, под этим псевдонимом они публиковали сатирические стихи, басни, афоризмы, комедии и т. п. «*Не всё стрижи, что растёт*» — афоризм из «Плодов раздумья» Козьмы Пруткова. *Цензор Д. М.* (1879—1947) — советский поэт. *На левой ноге* — здесь игра слов (от названия литературной группы ЛЕФ, см. примеч. 84). Лефовцы отстанвали утилитарное «производственное» искусство и литературу факта. *Кокто Ж.-Г.* (1889—1963) — французский писатель, художник, театральный деятель и киносценарист. *Жамм Ф.* (1868—1938) — французский поэт. *Генрих IV* (1553—1610) — французский король, первый в династии Бурбонов.

ТРАГЕДИИ

250. Окт., 1938, № 5, с. 10—78; РИ; ИП. Отрывок — ЛГ, 1938, 15 апреля. Печ. по ИП, т. 2, с. 7.

Акт I. *Болотников Иван Исаевич* (ум. 1608) — предводитель крестьянского восстания против феодально-крепостнического гнета в России в 1606—1607 гг. Был холопом у боярина А. А. Телятевского, бежал к казакам, был схвачен татарами и продан в рабство в Турцию. Несколько лет провел на галерах. Освободившись из неволи, попал в Венецию, оттуда через Польшу вернулся в Россию, где и возглавил крестьянское восстание. К восставшим примкнула и часть дворян, недовольных царем Василием Шуйским. Нанеся поражение воеводам царя, Болотников подошел в октябре 1606 г. к Москве и осадил ее. Однако дворянские отряды вскоре перешли на сторону царя, и армия Болотникова в декабре 1606 г. была разбита под Москвой. С небольшим отрядом Болотников укрылся в Калуге, затем двинулся к Туле и засел там. Осада Тулы войсками Василия Шуйского длилась 4 месяца. 10 октября 1607 г., поверив обещаниям царя сохранить жизнь всем восставшим, осажденные сдались. *Ломбардия* — область в Северной Италии. *Августин* (354—430) — епископ из Гиппона, один из первых христианских теологов, прозванный католическими богословами «блаженным». *Аристотель* (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ. *Палестрина* (Джованни Пьерлуиджи да Палестрина) (1524 или 1525—1594) — итальянский композитор. *Кампанелла Т.* (1568—1639) — итальянский мыслитель, один из ранних представителей утопического социализма, подвергался преследованиям инквизиции, был арестован, подвергнут пыткам и брошен в тюрьму. Пробыл в тюрьме 27 лет, написал там свое знаменитое сочинение «*Государ-*

ство Солнца» (в более поздних переводах — «Город Солнца»), в котором выразил представление о коммунистическом обществе. *Телятовский А. А.* (ум. 1612) — князь, боярин. Был воеводой в Чернигове, находился в оппозиции к Василию Шуйскому и поддерживал Болотникова вплоть до сдачи Тулы. *Галата* — квартал Константинополя (Стамбула) на восточном берегу Золотого Рога. *«Румянец твой так нежен...»* и т. д. — строки из 99-го сонета В. Шекспира. *Царь Борис* — Борис Федорович Годунов (ок. 1552—1605) — боярин, фактически управлявший государством при царе Федоре Ивановиче, русский царь в 1598—1605 гг. Продолжал политику централизации, боролся с реакционным дворянством (отстранил от власти князей Шуйских, Мстиславских, бояр Романовых и др.), провел ряд мероприятий по дальнейшему закреплению крестьян. *На него Димитрий войною шел.* Имеется в виду Лжедмитрий I (ум. 1606) — авантюрист и самозванец, выдававший себя за сына царя Ивана IV — Дмитрия. В действительности — беглый монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев, использованный польскими магнатами для вторжения в Россию в октябре 1604 г. Большинство бояр, недовольных Борисом Годуновым, перешло на сторону Лжедмитрия I, и в июне 1605 г. он захватил Москву. Был убит в мае 1606 г. в результате вспыхнувшего народного восстания горожан Москвы против поляков. *Шуйский* Василий Иванович (1552—1612) происходил из старинного рода суздальских князей. При Борисе Годунове, отстранившем род Шуйских от власти, уцелел, хотя не занимал при дворе важных постов. Был воеводой в Смоленске, потом возвращен в Москву. После появления Лжедмитрия I в июне 1605 г. перешел на сторону самозванца. Однако вскоре попытался организовать против него заговор, был схвачен и сослан. Позднее вновь возглавил боярский заговор. В ходе народного восстания против самозванца Василий Шуйский был провозглашен боярами-заговорщиками царем. Царствовал в 1606—1610 гг. *Масса И.* — голландский купец, современник восстания Болотникова, находился в то время в Московском государстве. Сохранились и изданы в наше время его мемуары «Краткое известие о Московии в начале XVII в.» (М., 1937). *Самбор* — город на левом берегу Днестра, в те времена был центром одного из польских староств, во главе его стоял сандомирский воевода Ю. Мнишек. *Сигизмунд III Ваза* — король польский и великий князь литовский (1587—1632), король шведский (1592—1599). Поддерживал Лжедмитрия I, который обещал передать Польше западные районы России и заключить военный союз против Швеции. После провала авантюры первого самозванца поддерживал Лжедмитрия II, основу военных сил которого составляли польские отряды. *Санега Л. И.* (1557—1633) — представитель знатного боярско-магнатского рода, занимал важные государственные посты при дворе Сигизмунда III, в частности пост канцлера (1589—1623). Играл видную роль в подготовке и осуществлении планов польской интервенции в России. *Молчанов М. А.* — дворянин, находился при дворе Бориса Годунова, участвовал в убийстве его сына Федора. Был в числе наиболее доверенных лиц Лжедмитрия I. После его смерти бежал из Москвы к литовской границе, распространяя по дороге слухи о спасении Дмитрия. Существует версия, что при этом бегстве он унес царские регалии — скипетр и корону. Однако сам, по-видимому, не хотел играть роль самозванца; в период восстания Болотникова

не принимал активного участия в событиях, поддерживая лишь связь с восставшими, но от его имени действовали бояре, находившиеся в оппозиции к Василию Шуйскому. *Шаховской* Г. П. — представитель старинного русского княжеского рода; перешел на сторону Лжедмитрия I. Существует мнение, что во время гибели последнего Г. Шаховской похитил государственную печать, задумав воскресить самозванца. Был послан Василием Шуйским на воеводство в Путивль, где организовал выступление против царя; принял участие в восстании Болотникова. *Мнишек Марина* (ок. 1588 — не ранее 1614) — политическая авантюристка, дочь польского магната Ю. Мнишка, одного из организаторов польской интервенции против России в начале XVII в. Вступила в брак с Лжедмитрием I и в мае 1606 г. короновалась в Москве. После его гибели, отпущенная на родину, признала Лжедмитрия II своим якобы спасшимся мужем. *Егорьев день* (Юрьев день) — осенний, приходится по старому календарю на 26 ноября; в этот день (вернее за неделю до Юрьева дня и неделю спустя) крестьяне имели право уйти от феодала. В царствование Федора Ивановича был издан указ, запрещающий уход крестьян и в этот день. Указ был подтвержден в Соборном уложении Василия Шуйского, принятом в 1607 г., в самый разгар восстания Болотникова. *Комара* — Комарицкая волость, один из главных районов восстания; расположена была на юго-западе России и входила в состав Северских земель. Накануне восстания Болотникова Комарицкая волость была жестоко разорена войсками Бориса Годунова — за поддержку комаричами Лжедмитрия I.

Акт 2. Мстиславский Ф. И. (ум. 1622) — представитель знатного княжеского рода, первый боярин в Думе. При Борисе Годунове был военачальником русских войск, выступивших против Лжедмитрия I, нанес самозванцу поражение при Добрыничах; после смерти Годунова перешел к Лжедмитрию I, затем участвовал в боярском заговоре против него. После гибели Лжедмитрия I часть бояр хотела возвести на русский престол князя Мстиславского, но он отказался и присягнул на верность Василию Шуйскому. Командовал отрядом царских войск против Болотникова и потерпел поражение близ Москвы при селе Троицком; неудачно осаждал восставших под Калугой. После свержения В. Шуйского был главой боярского правительства — «семибоярщины» (1610—1611). *Стадницкий* М. — дворецкий Марины Мнишек, состоявший в родстве с Ю. Мнишком и прибывший вместе с Мариной в Москву на свадебные торжества. Впоследствии был опубликован его дневник «История Димитрия царя Московского и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, царицы Московской» («Русский архив», 1906, кн. 2, вып. 5—6). *Куракин* И. С. (ум. 1631) — князь, боярин, активный участник боярского заговора против Лжедмитрия I. При Василии Шуйском был в числе бояр, требовавших ограничения царской власти боярской думой. Успешно действовал против Лжедмитрия II. *Колычев* (Крюк) И. Ф. (ум. 1609) — боярин, окольничий; был московским воеводой при Василии Шуйском; принимал участие в борьбе против И. Болотникова; царь послал его в поход по направлению к Волоку Ламскому, чтобы ударить по городам, присоединившимся к восстанию; участвовал также в решающем сражении при деревне Котлы. Впоследствии был казнен по доносу как глава заговора против Шуйского. *Воротынский* И. М.

(ум. 1627) — представитель древнего рода черниговских князей. При Борисе Годунове, как сторонник партии Шуйских, был сослан, но потом помилован, пожалован в бояре и послан воеводой в Казань. Перешел на сторону Лжедмитрия I, затем участвовал в заговоре против него и возведении на престол Василия Шуйского. Командовал отрядами, действовавшими против И. Болотникова под Ельцом, и потерпел поражение. Впоследствии принимал участие в низложении Василия Шуйского. *Татищев* М. И. (ум. 1609) — думный дворянин; при Борисе Годунове участвовал в переговорах с послами польского короля Сигизмунда III; после убийства Лжедмитрия I (Татищев был активным участником боярского заговора) тоже вел переговоры с польскими послами, находившимися в то время в Москве. Убит в 1609 г. в Новгороде по подозрению в измене Василию Шуйскому и намерении перейти на сторону Лжедмитрия II. *Жигимонт* — Сигизмунд III. *Голицын* В. В. — представитель знатного княжеского рода, один из самых знатных московских бояр. При Борисе Годунове был воеводой в Смоленске, Тобольске, затем был послан с ополчением против Лжедмитрия I, на сторону которого и перешел сразу же после смерти Бориса Годунова. Активно участвовал в заговоре против Лжедмитрия I, а позднее — в низложении Василия Шуйского. *Морозов* В. П. — дворянин, пожалованный В. Шуйским в бояре. Принимал участие в походах против отрядов И. Болотникова, позднее был послан воеводой в Казань. *Быкасов* — представитель княжеского рода; будучи сторонниками Шуйских, Быкасовы подверглись опале при Борисе Годунове и были высланы из Москвы. *Урусов* — по-видимому, князь П. А. Урусов, представитель княжеского рода татарского происхождения, состоял в родстве с царским домом В. Шуйского; был воеводой татарских отрядов, осаждавших И. Болотникова под Тулой, однако не дождался конца осады, ушел в Крым, а вместе с ним ушла и часть татарских отрядов. Затем был начальником татарской стражи при Лжедмитрии II, которого и убил. *Черкасский* — один из представителей княжеского рода, состоявшего в родстве с Романовыми. Черкасские подверглись опале при Борисе Годунове. *Татев* Б. П. (ум. 1607) — князь, боярин, один из предводителей царских отрядов, посланных против И. Болотникова под Калугу. *Ляпунов Прокопий* Петрович (ум. 1611) — рязанский дворянин. В 1605 г. принял сторону Лжедмитрия I, затем вместе с братом *Захарием* Петровичем *Ляпуновым* присоединился к И. Болотникову во главе отряда дворян, недовольных боярским царем Василием Шуйским. В ноябре 1606 г., во время сражения под Москвой, оба брата изменили Болотникову и перешли на сторону царя. П. Ляпунов принял участие в подавлении крестьянского восстания, за что был пожалован Шуйским в думные дворяне; впоследствии возглавил первое ополчение 1611 г. против польских и шведских интервентов. *Пашков Истома* (Филипп Иванович) — казачий атаман, сотник, руководил отрядом дворян и мелких служилых людей Елецко-Тульского района, недовольных политикой Василия Шуйского и примкнувших на время к движению И. Болотникова; также изменил восставшим, перешел на сторону царя, за что был произведен в чин головы; участвовал в подавлении восстания. *Феодор-царь* — Федор Иванович, русский царь (1584—1598), сын Ивана Грозного. Болезненный и слабоумный, он фактически не вмешивался в дела государства, всем управлял

при нем Борис Годунов. Как послан был на следствие-то в Углич, он крест на том поцеловал, что Дмитрий есть мертвый трупец и т. д. После смерти Ивана Грозного один из его сыновей, царевич Дмитрий (1582—1591), был выслан вместе с матерью в Углич, где и погиб. В народе ходили слухи, обвинявшие в убийстве царя Бориса Годунова. Официальное расследование вел Василий Шуйский, который объявил причиной смерти царевича несчастный случай. Примкнув на время к Лжедмитрию I, Василий Шуйский тем самым отказался от первоначального признания. Став царем, он снова подтвердил, что царевич Дмитрий был убит в Угличе; при Шуйском была проведена церковная канонизация царевича и составлено его «Житие», обвинявшее в убийстве Бориса Годунова. *Севск, Алексин, Ливны, Елец, Кашира* — города, активно участвовавшие в восстании И. Болотникова. *Лунд* — Лондон. *Дикое Поле* — так в XVI—XVII вв. назывался обширный район на южной окраине Московского государства (по рекам Дону, Северному Донцу, Осколу, Сейму, Припяти), где царское правительство строило крепости и укрепленные засечные черты для обороны от набегов татар. Многие казаки с Дикого Поля, а также беглые холопы приняли участие в крестьянском восстании И. Болотникова. *Кромы* — небольшой городок, построенный в XVI в. в качестве укрепленного пункта для защиты от набегов крымских татар. Войска Бориса Годунова безуспешно осаждали Кромы, где засели сторонники Лжедмитрия I; после смерти Годунова вся его армия под Кромами перешла на сторону самозванца. В августе 1606 г. войска И. Болотникова разбили под Кромами царского воеводу Ю. Н. Трубецкого. *Царь Иван* — Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584). *Трубецкой Д. Т.* (ум. 1625) — князь, воевода, при Василии Шуйском был в звании стольника. Перешел в 1608 г. на сторону Лжедмитрия II, но после захвата Москвы поляками был одним из руководителей первого ополчения 1611 г. против польской интервенции. *Салтыков* — вероятно, речь идет об окольничем М. М. Салтыкове (Кривом), который был одним из воевод царского ополчения, действовавшего против И. Болотникова под Ельцом. *Скопин-Шуйский М. В.* (1586—1610) — князь, племянник царя Василия Шуйского. Был воеводой царских войск, нанеших поражение восставшим на р. Пахре и при селе Котлы; предводительствовал передовым отрядом во время осады Тулы; особенную популярность получил как один из руководителей борьбы русских против польской интервенции. *Шереметьев* — один из представителей древнего русского боярского рода.

Акт 3. *Старые Прокурации* — одно из наиболее красивых мест в центре Венеции. *Джудекка* — острова, служащие как бы предместьем Венеции. *Одоев, Венев, Коломна* — города, находившиеся в районе восстания И. Болотникова и примкнувшие к нему. *Ганнибал* (247 или 246—183 до н. э.) — карфагенский полководец и государственный деятель. В 216 г. до н. э. нанес сокрушительное поражение римлянам в битве при Каннах, используя преимущества африканской конницы, внезапность тактических приемов, военную хитрость и умело организованную разведку. *Измаил* — по библейской легенде, сын Авраама и Агари, имел 12 сыновей, ставших родоначальниками 12 колен измаильтян — мелких племен бедуинов. Некоторые племена были ревностными поклонниками ислама. Здесь выражение «Измаила семя» употреблено в бранном значении: нехристь, иноверец.

Акт 4. *Про бой Ильюши с сыном*. Имеется в виду народная былина о бое богатыря Ильи Муромца с сыном. «Голубиная книга» — одно из самых древних эпических произведений народного песенного творчества, относящееся к жанру духовных стихов; содержит вопросы и ответы, касающиеся происхождения мира, живых существ, различных явлений природы. *Спинелло Аретино* (1346—1410) — итальянский художник, писал фрески и картины на религиозные и исторические темы. *Гермоген* (не позже 1530—1612) — патриарх московский и всея Руси (1606—1612). Активно содействовал Василию Шуйскому в подавлении восстания И. Болотникова, объявил последнего еретиком и отлучил от церкви. Во время польской интервенции рассылал по городам грамоты, в которых призывал к борьбе с поляками. *Исидор* (ум. 1619) — митрополит новгородский и всего Поморья, венчавший на царство Василия Шуйского, который после смерти Лжедмитрия I спешил утвердиться на троне и не стал дожидаться патриарха всея Руси. *Святой Георгий Победоносец* — христианский святой. Согласно церковной легенде, казнен в Никомедии ок. 303 г. во время гонения на христиан. Обычно изображался на иконах в виде прекрасного юноши на белом коне, в латах, копьём поражающего дракона. *Котлы* — село близ Москвы, где 2 декабря 1606 г. произошло решающее сражение, в котором войска И. Болотникова, ослабленные ранее изменой дворянских отрядов, потерпели поражение. *Оскол* — приток Северного Донца.

Акт 5. *Упа* — приток Оки, с помощью плотины на Упе войска Василия Шуйского затопили Тулу, где укрывались остатки отрядов Болотникова. *Мор Т.* — см. примеч. 249, гл. 1. *Во Стародубе-граде недавним временем явился вор* и т. д. В июле 1607 г. в Стародубе Северном объявился новый самозванец Лжедмитрий II, который в сентябре начал поход на Брянск, намереваясь идти далее к Туле, где в это время стоял с главными военными силами Василий Шуйский. Лжедмитрий II разбил свой лагерь в Тушине. *Каргополь* — город в Архангельской области, на берегу Онеги. Здесь был ослеплен, а затем утоплен И. Болотников. «*Призри со небесе и посети с горы своей. . .*» и т. д. — измененные строки из Псалма 80, ст. 15—17.

СЛОВАРЬ

- Аб* (нем.) — вниз.
- Аберрация* — заблуждение.
- Авизо* — банковское письмо, уведомляющее получателя о посылке векселя, товара, денег.
- Агаряне* — устаревшее название мусульман.
- Акселотль* (аксолотль) — способная к размножению личиночная форма амблистомы (см.).
- Акциз* — вид налога на продукты массового потребления.
- Алебарда* — старинное оружие (длинное древко с топориком в виде полумесяца на конце).
- Альбинизм* — отсутствие нормальной для данного вида организмов пигментации.
- Альбинос* — организм с признаками альбинизма (см.).
- Амазонки* (греч. миф.) — воинственные женщины, жившие на берегах Черного моря в Малой Азии и совершавшие походы в соседние страны.
- Амблостома* — хвостатая амфибия семейства саламандровых.
- Анданте* (муз.) — музыкальная пьеса или часть музыкального произведения в умеренно-медленном темпе.
- Ареопаг* — высший орган судебной и политической власти в древних Афинах.
- Архалук* — легкий кафтан из цветной шерсти или шелка, собранный у талии.
- Археоптерикс* — ископаемая птица.
- Арчак* — деревянный остов седла.
- Атава* — остатки травы на пастбищах, подснежная трава.
- Аура* — специфическое болезненное состояние перед припадком эпилепсии.
- Ауф* (нем.) — вверх.
- Байстриук* (бастриук) — незаконнорожденный, выродок.
- Баранта* (тюрк.) — у народов Средней Азии самовольный захват чужого имущества, главным образом скота, без присвоения его, с целью принудить потерпевшего дать удовлетворение за обиду; баранта служила иногда средством борьбы бедноты против баев.

- Бармы* — оплечье, часть парадной одежды великих князей и царей с нашитыми на ней изображениями и драгоценными камнями.
- Батырь* — богатырь.
- Башибузуки* (бузуки) — головорезы, разбойники.
- Бемоль* — нотный знак, обозначающий понижение звука на полтона.
- Бирюк* — волк-одиночка.
- Бирюч* — в древней Руси вестник, глашатай.
- Блонды* — шелковое кружево тонкой работы белого или кремового цвета.
- Бобби* — полицейский.
- Богдыхан* — монгольское наименование китайских императоров.
- Борей* — северный ветер, а также крылатое божество, олицетворяющее ветер.
- Брезг* — начало рассвета.
- Буга* (обл.) — низменные берега реки, поросшие кустарником.
- Булла* — папский указ.
- Бунчук* — конский хвост на древке, являющийся символом власти.
- Бурж* — буржуа.
- Буриши* — здесь: немецкие студенты-фашисты.
- Бусый* — серо-синеватый.
- Бушприт* — передняя мачта корабля, находящаяся в наклонном положении.
- Бювар* — папка для хранения почтовой бумаги, конвертов, корреспонденции.
- Важенка* — самка оленя.
- Валах* (обл.) — лентяй, дурак.
- Валгалла* (сканд. миф.) — дворец бога Одина, куда после смерти переселяются души павших героев.
- Валькирии* (сканд. миф.) — девы-воительницы, помогавшие героям в битвах и уносившие души убитых воинов в Валгаллу (см.).
- Ванька* — здесь: извозчик.
- Векша* — белка.
- Венгерки* — здесь: обувь.
- Вердикт* — приговор присяжных в суде.
- Вир* — сказочная птица.
- Властель* (церк.) — получивший власть.
- Вогулы* — прежнее название народности манси.
- Вотчинник* — владелец вотчины, крупного родового имени.
- Вундер* (нем.) — чудо.
- Газыри* — гнезда для патронов, нашитые рядами на черкеску.
- Гай* (укр.) — лес.
- Гайда* (тюрк.) — призыв к какому-нибудь действию, приглашение идти, ехать куда-нибудь (эй! ну!).
- Галица* (обл.) — галка.
- Гвельфы* — итальянская политическая партия (папская) XII—XV вв., боровшаяся против германских императоров и их сторонников в Италии — гибеллинов (см.).
- Гельветы* — кельтское племя, жившее в древности в северо-западной части современной Швейцарии.

Гибеллины — итальянская политическая партия XII—XV вв., поддерживавшая германских императоров и враждебная гвельфам (см.).

Глухарь — большой бубенец с глухим звоном.

Гольды — прежнее название нанайцев.

Готы — одно из древнегерманских племен.

Грабарь — землекоп.

Грай (грянье) — карканье, гомон вороньей стаи.

Грива — здесь: опушка тайги.

Гунны — тюркские кочевые племена, вторгшиеся в Европу из Азии в IV в.

Гяур — презрительное название всех иноверцев (у исповедующих ислам).

Дебет — счет поступлений и долгов данному учреждению.

Деволляй (франц.) — котлеты из куриного филе.

Десть — мера писчей бумаги (русская десть — 24 листа).

Джебага — ордовая овечья шерсть (примеч. авт.).

Джонка (воровск.) — головной убор.

Дзенкую (польск.) — благодарю.

Дзори (японск.) — сандалии.

Домрачей (устар.) — музыкант, играющий на домре.

Досе (простореч.) — до сих пор.

Древляне — древнее восточнославянское племя.

Дуализм — философское учение, которое началом бытия считает две субстанции — материальную и идеальную.

Дуванить (обл. и устар.) — делить добычу.

Дукат — венецианская золотая монета.

Дыль — брюхо.

Евражек (евражка) — южное название суслика.

Елефант (англ.) — слон.

Емиан — степная трава.

Ерник (простореч.) — гуляка, беспутный человек.

Есаул — казачий офицерский чин.

Железка — азартная карточная игра.

Желонер (жолнер) — солдат-пехотинец в польской армии.

Жиро — передаточная надпись на векселе, чеке.

Жмудины — литовцы.

Жок — молдавский народный танец.

Журба (укр.) — печаль.

Закута — хлев, чулан.

Замать (обл.) — трогать, касаться, задевать.

Занд (нем.) — песок.

Зане (церк.) — ибо, потому что.

Зар — игра в кости.

Зверж (польск.) — зверь.

Зебры (зебри) (обл.) — нижняя челюсть, скула.

Зегзица — кукушка.

Зём — земля.

Знаменить (церк.) — метить, обозначать, давать первое очертание (в иконописании).

Зурна — восточный духовой музыкальный инструмент.

Иена — денежная единица в Японии.

Иерей — священник.

Ингуши — кавказская народность, родственная чеченцам.

Каданс (муз.) — гармонический оборот, завершающий музыкальное произведение или отдельные его части.

Калыга — стая птиц.

Каморра — организация уголовных элементов, существовавшая в Неаполе в XVI—XIX вв. и занимавшаяся тайными убийствами, шпионажем.

Канабра — заросль, чаща.

Кантара — мешок для шерсти (примеч. авт.).

Кантилена — плавная, певучая мелодия.

Канцона — лирическая песня, восходящая к народной итальянской.

Канюк — хищная птица, похожая на ястреба.

Канюля — полая трубочка для введения различных веществ в полость органов и сосудов и выведения из них крови.

Карабах — здесь: порода лошадей.

Караимы — небольшая этнографическая группа в Крыму, Литве и Турции, говорящая на тюркском языке и принадлежащая по религии к одной из древнееврейских сект.

Карамба (исп.) — проклятие (черт возьми!).

Карамболь — в бильярдной игре удар своим шаром в несколько чужих шаров.

Картель — одна из основных форм капиталистических монополий.

Каскетка (каскет) — военный головной убор во Франции.

Каурма — блюдо из баранины.

Квадрига — античная колесница на двух колесах, запряженная четвериком.

Керенки — деньги, бывшие в ходу при Временном правительстве, возглавлявшемся Керенским.

Кивер — военный головной убор.

Кидус (кидас) — помесь соболя и куницы.

Киммерийцы — одно из древнейших племен Северного Причерноморья.

Кирасир — кавалерист, защищенный кирасой — металлическими латами.

Клир — общее наименование служителей культа какой-нибудь церкви.

Клирик — священник.

Клостерий — монастырь.

Ковбахи (укр.) — колбасы.

Кода (муз.) — заключительная часть музыкального произведения.

Колыманы — сапоги из туленьей кожи.

Комони (устар.) — кони.

Кондотьер (итал.) — предводитель наемных отрядов.

Корсак — вид степной лисицы.

Котировка — установление курса валюты и акций.
Кофр (франц.) — сундук.
Кравчий — придворный чин, прислуживал царю за столом во время торжественных обедов.
Крапат — крап.
Крейцер — немецкая мелкая разменная монета, бывшая в обращении до конца XIX в.
Кроки — набросок чертежа, рисунка.
Кулугур — старообрядец, раскольник.
Кумай — степной орел.
Кун-кэн (кип-кэн) — карточная игра.
Курцгалоп (нем.) — аллюр, при котором лошадь идет вскачь, но лишь несколько поднимаясь на дыбы.
Кут (обл.) — угол.
Кучугуры — холмистая местность.

Ламуты — устаревшее название эвенков.
Лемминг — маленький зверек из отряда грызунов, обитающий на севере (мышь-пеструшка).
Лея — кожаная нашивка на кавалерийских брюках.
Лизень (обл.) — язык скотины.
Лимон (воровск.) — обесцененная денежная купюра в миллион рублей (в первые послереволюционные годы).
Лития — краткое богослужение.
Лицензия — документ на право ввоза или вывоза товаров.
Люмбаго — прострел.
Лютня — старинный струнный щипковый инструмент.
Лягаш (легавый) (воровск.) — сыщик, доносчик.
Лява — здесь: привидение.

Мажарины (от «мажара») — большая длинная телега.
Мажордом — управитель, дворецкий.
Макуха — жмыхи.
Малица — одежда из оленьих шкур.
Мандола — разновидность мандолины.
Манерка — солдатская жестяная фляжка.
Марина — картина, изображающая морской вид.
Марьяж (воровск.) — заигрывание женщины с мужчиной.
Мастихин — инструмент живописца, служащий для растирания красок, сглаживания мазков краски.
Матине — утренняя женская домашняя одежда (широкая и длинная блуза).
Мейстер (нем.) — мастер.
Меланизм — наличие чрезмерно большого количества меланина (пигмента темного цвета) в покровах животных.
Месса — здесь: многоголосное хоровое произведение на традиционный текст католической литургии.
Мидия — род устрицы.
Микадо — титул японского императора.
Мильтон (воровск.) — милиционер (примеч. авт.).

Мовка (укр.) — лесная нимфа, русалка.
Мокрятник (воровск.) — убийца.
Мортира — артиллерийское орудие с коротким стволом.
Мумм — марка шампанского.
Мурда (искаж.) — морда.
Мурза — татарский князек.
Мутация — скачкообразное изменение явлений (в биологии — резкое изменение свойств, создание новых форм организма).
Муфлон — дикий баран.
Мушкетон (франц.) — старинное огнестрельное оружие.

Наймит — батрак, наемный работник.
Намет — здесь: сеть.
Нахтигаль (нем.) — соловей.
Недопесок — молодой песец, а также название осенней шкурки молодого песка.
Некроман (некромант) — человек, занимающийся гаданием путем вызывания духов умерших.
Нереида (греч. миф.) — морская нимфа, дочь морского божества Нерея, помогающего морякам.
Ниже́ (устар. церк.) — союз, употребляется в отрицательных предложениях в значении: даже.
Ногайцы — народность тюркской языковой группы, живущая в восточных районах Северного Кавказа.
Номен (лат.) — имя, название.
Норник — молодой песец, который еще не выходит или только начинает выходить из норы.

Олеография — репродукция, полученная способом многокрасочной литографии.
Олеум рицини (лат.) — касторовое масло.
Олл-райт (англ.) — хорошо, все в порядке.
Орг — овраг, поросший лесом.
Остяки — устаревшее наименование нескольких народностей Сибири: хантов, кетов, селькупов.
Ось (укр.) — вот.
Официоз — орган печати, выражающий точку зрения правительства, но не являющийся его официальным органом.

Панты — здесь: рога дикого козла — сайгака.
Папоротка (устар. и обл.) — второй сустав крыла у птицы.
Парсуна — персона.
Певень (укр.) — петух.
Пезета — денежная единица в Испании.
Пенни — английская мелкая монета.
Персть — прах, пыль, земля.
Пестряк (пеструшка) — полевая мышь.
Петел (устар.) — петух.
Пещь (слав.) — печь.
Пиастр — мелкая турецкая монета.
Пикколо — разновидность флейты.

- Пимы* — валенки или меховые сапоги (у пародов Севера и Сибири).
Пищаль — старинная пушка.
Плезиозавр — ископаемое морское пресмыкающееся.
Плюмаж — отделка из птичьих перьев.
Подьячий — помощник дьяка, писец, делопроизводитель.
Прасол — оптовый скупщик скота; здесь — скупщик пушнины.
Презумпция — предположение, признаваемое истинным, пока правильность его не опровергнута.
Приботать — прибить, отколотить.
Присно (слав.) — всегда.
Приснодева (церк.) — богородица, богоматерь.
Продух — полынья, отверстие во льду.
Прямить (устар.) — говорить и поступать справедливо, честно.
Пфенниг — разменная немецкая монета.
Пыж — здесь: детеныш, молодой медведь.
- Рансодия* — инструментальная или оркестровая фантазия на темы народных песен и плясок.
Раритет — редкость.
Расшива — плоскодонное парусное судно.
Репица — хвостовой отросток у позвоночного животного, покрытый шерстью.
Рефрактор — телескоп, в котором изображения небесных светил создаются вследствие преломления световых лучей в линзовом объективе.
Рипеть, порипывать — скрипеть.
Романовка — полушубок из дорогой овчины (романовской).
Рондо (муз.) — музыкальная пьеса, основанная на многократном повторении главной темы, чередующейся с побочными.
Россиньоль (франц.) — соловей.
- Сакма* (татарск.) — дорожка, коля.
Самоловка (церк.) — догадка.
Санскрит — язык древней и средневековой индийской письменности.
Сантим — французская мелкая монета.
Сарыч — хищная птица, похожая на ястреба.
Северá (северюк, севрюк) — жители северских городов (так назывались в древней Руси города, расположенные на границах Литвы и Дикого Поля, защищавшие Русское государство от нападений Литвы и Польши).
Семипшник (устар.) — монета в две копейки.
Серпент (франц.) — старинный духовой музыкальный инструмент.
Сивер — северный ветер.
Сика — инжир.
Синяк — молодой голубой песец.
Скарабей — навозный жук.
Скифы — кочевые племена Северного Причерноморья (VII в. до н. э. — III в. н. э.).
Скрыпотчик (обл.) — скрипач.
Скубить — ошипывать.
Скуфейка (скуфья) — бархатный головной убор православных служителей культа.

Сокольниковичий — в древней Руси придворный боярин, ведавший царской соколиной охотой.

Сотский — начальник сотни.

Спикер — председатель нижней палаты парламента в Великобритании.

Стаккато (муз.) — отрывистое воспроизведение музыкального звука.

Стамухи — толстые льдины, находящиеся на мели.

Старина — былина, историческая народная песня.

Стерво (устар.) — труп животного, падаль.

Стратиг (устар.) — военачальник, полководец.

Студиозус (лат.) — учащийся, студент.

Сухотка — истощение, непомерная худоба.

Сховать (укр.) — спрятать.

Сыч — хищная ночная птица из семейства совиных.

Тантьема — дополнительное вознаграждение из чистой прибыли предприятий и акционерных обществ, которое выплачивается в капиталистических странах руководителям и высшим служащим.

Тархан — земельный участок, не облагаемый податями.

Телпень (устар.) — болван, повеса, увальень.

Теорба — струнный щипковый музыкальный инструмент (басовая разновидность лютни).

Терция (муз.) — интервал между первой и третьей ступенью диатонической гаммы.

Тотальщики — солдаты, набранные в армию независимо от возраста по всеобщей (тотальной) мобилизации.

Трак — звено гусеницы танка.

Трансфузия — переливание.

Тратта — передаточный вексель.

Триипостасный — один в трех лицах — ипостасях (о боге).

Триоль (муз.) — группа из трех ритмически одинаковых нот, равная по общей длительности двум нотам того же написания в их обычном ритмическом значении.

Тромбофлебит — воспаление вен, сопровождающееся закупоркой их тромбами.

Троп — слово или фраза в переносном значении.

Тустеп — танец.

Тырса — вид ковыля.

Тысяцкий — начальник военного ополчения в древней Руси.

Тяглые (мужики) — крестьяне, несущие тягло, т. е. выполняющие определенную денежную и натуральную государственную повинность.

Уй-баяй (киргизск.) — неперебиваемое восклицание, выражающее гнев, удивление, радость, испуг.

Урус (татарск.) — русский.

Фальконет — старинное орудие небольшого калибра.

Фарисей — лицемер, ханжа.

Фатерланд (нем.) — отечество, родина.

Фетюк (устар., простореч.) — нерасторопный человек, разиня, простофиля.
Фижмы — пышная юбка с широким каркасом у бедер в виде обруча.
Фиск — государственная казна (в буржуазной юриспруденции).
Флагман — корабль, на котором находится командующий эскадрой.
Фольварк (польск.) — усадьба, хутор.
Фора — преимущество, предоставляемое более слабому или находящемуся в невыгодных условиях участнику игры, соревнования.
Форте (муз.) — сильно, громко, в полную силу звука.
Фрезовый — розовый с сиреневым оттенком.

Хазары — кочевые племена, жившие на юго-востоке европейской части России.

Хамулы — хамы.

Хмара — туча.

Хорунжий — казачий офицерский чин.

Хромизм — свойство окрашивать что-либо в желтый, оранжевый или рыжий цвет.

Хыжа (церк.) — хижина.

Чапан — крестьянский кафтан.

Чебыряк (чабрец, чабор, чобр) — душистое травянистое растение, содержит эфирные масла.

Чекалка (чекал) (устар.) — шакал.

Черемисы — устарелое название марийской народности.

Чудь — древнерусское название эстов и некоторых других западно-финских племен.

Чуйка — длинный суконный армяк, кафтан.

Шанжан (франц.) — изменчивый, отливающий разными цветами.

Шарм (франц.) — очарование.

Швах (нем.) — слабо.

Шибер — рвач.

Шишига — нечистая сила, домовый.

Шлык — шапка с коническим верхом.

Шпайер (воровск.) — револьвер (примеч. авт.).

Шпынь (устар.) — балагур, шут.

Шу (франц., букв.: капуста) — пышная многослойная оборка.

Шуйца — левая рука.

Шукать (укр.) — искать.

Эмболия — перенесение с током крови мельчайших частиц — эмболов, которые могут застревать в сосудах и вызывать их закупорку.

Эмиссия — выпуск государством или частными капиталистическими объединениями бумажных денег, ценных бумаг.

Эмфизема (легких) — расширение легких, вызванное гибелью эластичных элементов легочной ткани и заменой их неподатливой соединительной тканью.

Эпистула (эпистола) — послание.

Эспадрон — шпага, применяемая в фехтовании.

Юкагир — палеоазиатская народность, живущая на севере Восточной Сибири.

Ягель — мох.

Яловец — рыба без икры.

Яр, яруга — обрыв, овраг.

Ярыжка (устар., простореч.) — пьяница, беспутный человек.

Ясак (тюрк.) — подать натурой.

Ятка (укр.) — палатка под навесом, ларек.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- «А было Стецюре 20 годов...» (Казнь Стецюры) 116
А смерти нет! (Моление о чуде, 11. «Поэмы кончаются смертью...») 327
А я думаю так... (Давайте помечтаем о бессмертье, 4. «Материя в сумме своей конечна...») 348
Автопортрет («Я вижу в зеркалах суровое лицо...») 53
Аджи-Мушкой («Кто всхлипывает тут? Слеза мужская...») 211
Акула («У акулы плечи, словно струи...») 307
Алиса (1—16) 266
Алло, Русь! (Трибуна, 4. «Стрекотали машинки. Портрет потел...») 124
Анекдоты о караимском философе Бабакай-Суддуке (1—4) 60
Анри де Руссо (Лувр, 4. «Да существует на земле всякий утконос!...») 174
Афоризм караимского философа Бабакай-Суддука (Анекдоты о караимском философе Бабакай-Суддуке, 4. «Лучше педо-, чем пере-») 62
«Ах, что ни говори, а молодость прошла...» 300
Бабакай и луна (Анекдоты о караимском философе Бабакай-Суддуке, 1. «Однажды сам Бабакай...») 60
Бабакай и теория предопределения (Анекдоты о караимском философе Бабакай-Суддуке, 3. «Однажды сам Суддук...») 61
Бабакай и халат (Анекдоты о караимском философе Бабакай-Суддуке, 2. «Однажды сам Бабакай...») 61
Баллада о барабаншике («Крала баба грозди...») 75
Баллада о Лааре («Запомните имя Лаара...») 218
Баллада о ленинизме («В скверике на море...») 199
Баллада о танке «КВ» («По куполу танка ударил снаряд...») 202
Баллада о тигре («Какая мощь в моей руке...») 164
«Бальзак воспел тридцатилетнюю...» (Femme de quarante ans) 316
Белый песок («Мы начинаем с тобой стареть...») 150

- «Бессмертья нет. А слава только дым. . .» (Сонет) 214
 «Битые яблоки пахнут вином. . .» (Осень) 58
 «Благослови легкомыслие. . .» (Письма из тюрьмы, 7) 96
 «Бояться смерти — что бояться сна. . .» (Давайте помечтаем о бессмертье, 8) 351
 Бульдог Бутс («Вообразите: жирный ворс. . .») 72
 Бурый дым («Не любил я волос моих бурый дым. . .») 336
 «Бывают края, что недвижны веками. . .» (Крым, 2) 233
 «Был я однажды счастливым. . .» 328
- «В белых колпаках и полумасках. . .» (В операционной) 264
 В библиотеке (О любви, 6. «Полюбил я тишину читален. . .») 102
 «В бумажной хижине японца. . .» (Сверчок) 169
 «В день, когда по льдинам Заполярья. . .» (Алиса, этюд 3) 267
 «В кабачке на Вестендамме. . .» (Песенка о женском сердце) 316
 «В каком бы часу я ни лег, но в пять. . .» 155
 В картинной галерее (О любви, 5. «В огромной раме жирный Рубенс. . .») 101
 «В косы вплетены лучи. . .» 297
 «В метели чаек высится парламент. . .» (Парламент) 183
 «В огромной раме жирный Рубенс. . .» (О любви, 5. В картинной галерее) 101
 В операционной («В белых колпаках и полумасках. . .») 264
 «В роще убили белку. . .» (Лесная быль) 307
 «В рыжм лесу звериный рев. . .» (Охота на тигра) 145
 «В скверике на море. . .» (Баллада о ленинизме) 199
 «В темном поле ходят маяки. . .» (Ночная пахота) 284
 «В этот день в синагоге. . .» (Страшный суд) 310
 Великий океан («Одиннадцать било. Часики сверь. . .») 141
 Весеннее («Весною телеграфные столбы. . .») 313
 «Весною телеграфные столбы. . .» (Весеннее) 313
 Вечный бой («Он сам себя смирял, становясь. . .») 138
 «Взлетел расщепленный вагон. . .» (России) 194
 «Во многом разочаровался. . .» (О труде) 334
 Военная песня Бабека («Ты не пой по горам, вода! . .») 247
 «Война философична. Смерть. Народ. . .» (Страсть) 198
 «Волна балтийская легка. . .» (Песня) 251
 «Вообразите: жирный ворс. . .» (Бульдог Бутс) 72
 Вор («Вышел на арапа. Канает буржуй. . .») 62
 «Воспитанный разнообразным чтивом. . .» (Сонет) 287
 «Вот она, моя тихая пристань. . .» (Прелюд) 290
 «Все девки в хороводе хороши. . .» 263
 Всем! Всем! Всем! («Сидел я в кафе. Пил кофе. . .») 291
 «Всем хочется счастья порою вешней. . .» (Тяжелая служба) 344
 «Вы думаете: „Коли дуб, так туп. . .“» (Сентиментальный дуб) 357
 «Вы знаете ли, что такое страх? . .» (Страх) 197
 «Вылетишь утром на воз-дух. . .» (Юность) 55
 «Вынув карты из маленького конвертца. . .» (Моление о чуде, 10. Гаданье) 326
 «Высокий узкий двор пустынен и безлюден. . .» (Министерство иностранных дел) 182

«Выходил воевода на улицу...» (Песня) 53
«Вышел на арапа. Канает буржуй...» (Вор) 62

Гаданье (Моление о чуде, 10. «Вынув карты из маленького конверта...») 326

Гете и Маргарита («Пролетели золотые годы...») 308

Гимн женщине («Каждый день как с бою добыт...») 315

«Годами голодаю по тебе...» 303

Голова Венеры (Лувр, 1. «Нет ничего условней красоты...») 171

«Господин в глухой шубе, в золотых зубах с сигарой...» (Тряпичный король) 69

«Да, молодость прошла. Хоть я весной...» (Из дневника) 276

«Да существует на земле всякий утконос!...» (Лувр, 4. Анри де Руссо) 174

Давайте помечтаем о бессмертье (1—8) 346

Данте («Какое мне дело до гвельфов и гибеллинов...») 338

Двадцать четвертое октября («Я рад, что старюсь, что алость губ...») 158

«Девочка на бере...» (Шотландская песня) 85

«Дедов дом...» (Алиса, Письмо Алисы) 272

Декларация прав поэта («Я не сверхчеловек, не уникам...») 132

«Деревья надышали небо...» 361

«Дол сед...» (Сонет) 75

«Душевные страдания как гамма...» (Сонет) 274

Дуэль («Дуэль! Какая к черту здесь дуэль!...») 309

Дыня (Письма из тюрьмы, 5. «К нам в острог попала дыня...») 95

Евпаторийский пляж (О любви, 7. «Женщины коричневого глянца...») 103

«Если умру я, если исчезну...» 163

«Есть в труде такое же величие...» (Труд) 254

«Есть вещи, знаменующие время...» (Трактор «С-80») 285

«Еще не все подведены итоги...» (Кто мы?) 243

«Еще не расцвел над степью восток...» (Первый пласт) 282

«Железнодорожная держава...» (Алиса, этюд 12) 270

«Женщины! Как я вам благодарен...» 337

«Женщины коричневого глянца...» (О любви, 7. Евпаторийский пляж) 103

Жизнь («О, как обожал он жизнь!...») 345

«Жизнь моя у всех перед глазами...» (Словно айсберг...») 317

«Жил-бил лиса...» (Ламутская сказка) 151

«За что я родину люблю?...» (О родине) 259

Завещание («Завещаю вам, мои потомки...») 332

Зависть («Что мне в даровании поэта...») 298

Заклинание («Позови меня, позови меня...») 298

«Заночуй, милочек...» 80

«Запомните имя Лаара...» (Баллада о Лааре) 218

- «Здесь прежде улица была...» (Лебединое озеро) 220
 «Золотая звонница березы...» (Осень) 337
- Из дневника («Да, молодость прошла. Хоть я весной...») 276
 «Из-за леса, леса конница идет...» (Песня 72-й Кубанской казачьей дивизии) 248
 «Имя ее вкраплено в набор — «социализм»...» (О любви, 10. Портрет Лизы Лютце) 111
 «Имя твое шепчу неустанно...» (Алиса, этюд 13) 271
 «Итак, в тюрьме я снова...» (Письма из тюрьмы, 9. Чем хороша тюрьма?) 97
 «Итак, родная, вот уж четверть века...» (Серебряная свадьба) 261
 «Итак, хлыстом мои губы выстегай...» (Трибуна, 2. Наша биография) 121
- К вопросу о русской речи (О любви, 4. «Я говорю: «пошел», «бродил»...») 101
- К. Моне. «Женщина с зонтиком» (Лувр, 3. «Эта кисть — из пламенно-мягких...») 173
 «К нам в острог попала дыня...» (Письма из тюрьмы, 5. Дыня) 95
 К портрету моего внука («На фоне буро-черных пятен...») 343
 «Каждому мужчине столько лет...» 314
 «Каждый день как с бою добыт...» (Гимн женщине) 315
 Казнь Стецюры («А было Стецюре 20 годов...») 116
 «Как бой барабана, как голос картечи...» (Крым, 1) 231
 «Как в дикой долине северной Скифии...» (Фашизм — это война) 190
 «Как впаянный в льдину мамонт...» (Мамонт) 300
 «Как же быть теперь без нее?..» (Алиса, этюд 9) 269
 «Как охотник ловит серебристую...» 162
 «Как тосковал я о чуде...» (Моление о чуде, 7. Как умолял я о чуде) 324
 Как умолял я о чуде (Моление о чуде, 7. «Как тосковал я о чуде...») 324
 «Как я швырялся в молодости счастьем!..» («Уж небо осенью дышало...») 342
 «Какая мощь в моей руке...» (Баллада о тигре) 164
 Каким бывает счастье («Хорошо, когда для счастья есть причина...») 340
 Какое в женщине богатство! (О любви, 9. «Читаю Шопенгауэра. Старик...») 110
 «Какое мне дело до гвельфов и гибеллинов...» (Данте) 338
 «Какое сложное явление — дерево...» 356
 Кандава («Мне снился накануне сон: иду...») 236
 Карусель («Шахматные кони карусели...») 299
 Киты у Курильских островов («Остров живой и поэтому жуткий...») 154
 «Кладу на тебя заклятье!..» (Моление о чуде, 6) 324
 «Клох-клох. Ух-ух!..» (Легенда о конце Улялаева) 126
 «Книготорг объявляет списки...» (Мой читатель) 296
 «Когда в кавказском кавполку я вижу казака...» (Тамань) 217

- «Когда возвращаешься с фронта после большой войны...» (Пролог к трагедии «Читая „Фауста“») 257
- «Когда море отбегает в час отлива...» (О дружбе) 159
- «Когда я был молод...» 351
- «Кого баюкала Россия...» 210
- Кокчетав («Республику свою мы знаем плохо...») 278
- «Крала баба грозди...» (Баллада о барабанщике) 75
- «Красные краги. Галифе из бархата...» (Мотъкэ-Малхамовес) 66
- Кредо («Я хочу быть самим собой...») 54
- Крым (1—2) 231
- «Кто всхлипывает тут? Слеза мужская...» (Аджи-Мушкой) 211
- Кто мы? («Еще не все подведены итоги...») 243
- «Кто не знает музыки степей?...» (Шумы) 281
- Ламутская сказка («Жил-бил лиса...») 151
- Лебединое озеро («Здесь прежде улица была...») 220
- Легенда о конце Улялаева («Клох-клох. Ух-ух!...») 126
- Ленин («Политик не тот, кто зычно командует ротой...») 346
- Лесная быль («В роще убили белку...») 307
- «Ливония! Утратил я тебя...» (Монолог Иоанна Грозного) 250
- Лувр (1—4) 171
- «Лучше недо-, чем пере-» (Анекдоты о караимском философе Бабакай-Суддуке, 4. Афоризм караимского философа Бабакай-Суддука) 62
- «Люблю я воду. Ведь она живая!...» (Ода воде) 342
- Люди всегда молоды («Молодость проходит, говорят...») 331
- Мадам Эн-Эн (Письма из тюрьмы, 10. «Нельзя на допросе бравировать, правда...») 97
- Мамонт («Как впаянный в льдину мамонт...») 300
- Марш стрелковой дивизии («Шумит побуревшее знамя...») 246
- «Материя в сумме своей конечна...» (Давайте помечтаем о бессмертье, 4. А я думаю так...) 348
- «Мечта моей ты юности...» 309
- Министерство иностранных дел («Высокий узкий двор пустынен и безлюден...») 182
- «Мне двадцать лет. Вся жизнь моя — начало...» (Юность) 86
- «Мне снился накануне сон: иду...» (Кандава) 236
- «Можно делать дело с подлецом...» (Урок мудрости) 313
- «Можно не слушать народных сказаний...» (Я это видел!) 206
- Мой читатель («Книготорг объявляет списки...») 296
- Моление о чуде (1—11) 321
- Молитва («Народ!...») 318
- «Молодость проходит, говорят...» (Люди всегда молоды) 331
- Монолог Иоанна Грозного («Ливония! Утратил я тебя...») 250
- «Москва... Величавая наша столица!...» 355
- Мотъкэ-Малхамовес («Красные краги. Галифе из бархата...») 66
- «Мою идею смерив глазом лисьим...» (Давайте помечтаем о бессмертье, 6. Немного философии) 349
- Моя знакомая русалка («Я человек счастливый. Все мечты...») 186
- «Моя идея теплится едва...» (Давайте помечтаем о бессмертье, 3) 348

- «Муза! Как ни грусти, ни сетуй...» (Читатель стиха) 155
 «Мы начинаем с тобой стареть...» (Белый песец) 150
 «Мы — студенты: бушлатки да блузы...» (Трибуна, 3. Переходники) 123
- «На безлунье в бору высоком...» (Алиса, этюд 2) 266
 «На веревке висят подштанники...» (Письма из тюрьмы, 6. Тюремный дворик) 95
 «На западе...» (Цыганская рапсодия) 64
 «На крышах снег, на деревьях снег...» (Предвесеннее) 343
 «На скамейке звездного бульвара...» (О любви, 3. На скамье бульвара) 100
 На скамье бульвара (О любви, 3. «На скамейке звездного бульвара...») 100
 На смерть Маяковского («Я был во главе отряда...») 130
 «На фоне буро-черных пятен...» (К портрету моего внука) 343
 Над картой Европы 1943 года («Не только язык и монета...») 215
 «Над рекой-красавицей птица не воркует...» (Песня казачки) 249
 «Над Сальково дымился удар еще...» (Отступление на Крым) 57
 «Нам говорят профессора: „В чем тайна...“» (Тайна Бетховена) 344
 «Народ!...» (Молитва) 318
 «Наука беспощадна и узка...» (Давайте помечтаем о бессмертье, 1) 346
 Наша биография (Трибуна, 2. «Итак, хлыстом мои губы выстегай...») 121
 «Не в том, не в том моя беда...» (Алиса, этюд 11) 270
 «Не верую ни в бога, ни в науку...» (Давайте помечтаем о бессмертье, 7) 350
 «Не верьте моим фотографиям...» 275
 «Не говорите мне о том, что старость...» (У молодости собственная мудрость) 336
 «Не желаю Вам беды...» (Моление о чуде, 9) 326
 «Не знаю, как кому, а мне...» 302
 «Не любил я волос моих бурый дым...» (Бурый дым) 336
 Не могу понять... (Письма из тюрьмы, 8. «Понимаю, что жалит гадюка...») 96
 «Не только язык и монета...» (Над картой Европы 1943 года) 215
 «Не я выбираю читателя. Он...» 276
 «Нельзя на допросе бравировать, правда...» (Письма из тюрьмы, 10. Мадам Эн-Эн) 97
 Немного философии (Давайте помечтаем о бессмертье, 6. «Мою идею смерив глазом лисьим...») 349
 «Нет, не шутка. Честное слово...» (Алиса, этюд 15) 273
 «Нет ничего условней красоты...» (Лувр, 1. Голова Венеры) 171
 «Никогда не перестану удивляться...» (О любви, 1) 99
 «Никуда души своей не денем...» (Алиса, этюд 1) 266
 Ничего не случилось, пожалуй 83
 «Нночь-чи? Сон-ы. Прох?ладыда...» (Цыганский вальс на гитаре) 65
 «Новаторство всегда безвкусно...» (Regretium mobile) 329
 Новелла о затяжном сне («Что ни ночь — один и тот же сон...») 352
 Норвежская мелодия («Я с тоской...») 81

- Ночная пахота («В темном поле ходят маяки. . .») 284
 «Ну-ну, дорогая, пора вам. . .» (Пушторг) 505
 Нэн (Трибуна, 1. «Так. Больше не охлестывает стужа. . .») 119
- О дружбе («Когда море отбегает в час отлива. . .») 159
 «О, как обожал он жизнь! . . .» (Жизнь) 345
 «О, как сбежало из парадного. . .» (Моление о чуде, 1. Прелюд) 321
 О любви (1—10) 99
 О природе печали (Моление о чуде, 8. «Умей воспринимать печаль. . .») 325
 О родине («За что я родину люблю? . . .») 259
 О труде («Во многом разочаровался. . .») 334
 «О, эти дни, о, эти дни. . .» 56
 «Обдымленный, но избежавший казни. . .» (Тигр) 306
 «Обыватель верит моде. . .» (Сонет) 329
 «Обычным утром в январе. . .» (Сонет) 328
 «Огоньки на горизонте светятся. . .» (Швеция) 333
 Ода воде («Люблю я воду. Ведь она живая! . . .») 342
 Ода науке («Подарил я другу перстень. . .») 354
 «Одиннадцать било. Часики сверь. . .» (Великий океан) 141
 Одиночество («Улетели дети из гнезда. . .») 338
 «Однажды сам Бабакай. . .» (Анекдоты о караимском философе Бабакай-Суддуке, 1. Бабакай и луна) 60
 «Однажды сам Суддук. . .» (Анекдоты о караимском философе Бабакай-Суддуке, 3. Бабакай и теория предопределения) 61
 «Однажды Слон пришел в собрание мышей. . .» (Слон и мыши) 157
 «Он сам себя смирял, становясь. . .» (Вечный бой) 138
 «Он торговал чебуреками. . .» (Портрет караимского философа Бабакай-Суддука) 59
 «Она мне постоянно говорила. . .» (Алиса, этюд 4) 267
 «Осенней ночью ржавой. . .» (Реплика Ю. Тувима) 181
 Осень («Битые яблоки пахнут вином. . .») 58
 Осень («Золотая звонница березы. . .») 337
 «Остров живой и поэтому жуткий. . .» (Киты у Курильских островов) 154
 «От Полтавы до Гангута. . .» (Песня) 262
 «От сна здесь остается только слово. . .» (Сон) 196
 Отступление на Крым («Над Сальково дымился удар еще. . .») 57
 Охота на нерпу («Угрюм и сумрачен обросший шумом берег. . .») 142
 Охота на тигра («В рыжем лесу звериный рев. . .») 145
- Панна Польша («Тени дыма бегут, как кони. . .») 179
 Парад на Красной площади 7 ноября 1967 года («Уж заплакался я, наревелся. . .») 358
 Парламент («В метели чаек высится парламент. . .») 183
 «Пасмурно. Раннее утро в шторах. . .» (Шестие гномов) 171
 Пейзаж («По гребням стадо туч ползет на синем брюхе. . .») 53
 Первый пласт («Еще не расцвел над степью восток. . .») 282
 «Передо мной отель «Istria». . .» (Hôtel «Istria») 175
 Переходники (Трибуна, 3. «Мы — студенты: бушлатки да блузы. . .») 123

- Песенка Марии («Юбка бьется и полощет...») 82
 Песенка о женском сердце («В кабачке на Вестендамме...») 316
 Песня («Волна балтийская легка...») 251
 Песня («Выходил воевода на улицу...») 53
 Песня (Моление о чуде, 4. «С яростью отважною...») 323
 Песня («От Полтавы до Гангута...») 262
 Песня казачки («Над рекой-красавицей птица не воркует...») 249
 Песня 72-й Кубанской казачьей дивизии («Из-за леса, леса конница идет...») 248
 Письма из тюрьмы (1—10) 94
 Письмо («Ты спрашиваешь, друг мой, отчего...») 225
 Письмо Алисы (Алиса. «Дедов дом...») 272
 «По гребням стадо туч ползет на синем брюхе...» (Пейзаж) 53
 По душам («Тебе фашизм горше яда...») 355
 «По куполу танка ударил снаряд...» (Баллада о танке «КВ») 202
 «Подарил я другу перстень...» (Ода науке) 354
 «Позови меня, позови меня...» (Заклинание) 298
 «Поле, ветер да воза...» (Цыганская) 57
 «Политик не тот, кто зычно командует ротой...» (Ленин) 346
 «Полюбил я тишину читален...» (О любви, 6. В библиотеке) 102
 «Поминая святителя, нищий стоит...» (Что такое Англия?) 181
 «Понимаю, что жалит гадюка...» (Письма из тюрьмы, 8. Не могу понять...) 96
 Портрет караимского философа Бабакай-Суддука («Он торговал чебуреками...») 59
 Портрет Лизы Лютце (О любви, 10. «Имя ее вкраплено в набор — «социализм»...») 111
 Поэзия («Поэзия! Не шутки ради...») 193
 «Поэмы кончаются смертью...» (Моление о чуде, 11. А смерти нет!) 327
 «Поэт, изучай свое ремесло...» 303
 Предвесеннее («На крышах снег, на деревьях снег...») 343
 «Председателю Тройки...» (Рапорт) 116
 Прелюд («Вот она, моя тихая пристань...») 290
 Прелюд (Моление о чуде, 1. «О, как сбежало из парадного...») 321
 «Проем тюремного окна...» (Письмо из тюрьмы, 2) 94
 «Пролетели золотые годы...» (Гете и Маргарита) 308
 Пролог к драматической трилогии «Россия» («Россия... Родина моя, Россия!...») 287
 Пролог (к трагедии «Читая „Фауста“») («Когда возвращаешься с фронта после большой войны...») 257
 «Пускай не все решены задачи...» 302
 Пушторг («Ну-ну, дорогая, пора вам...») 505
 «Пять миллионов душ в Москве...» (Алиса, этуод 10) 269
 Разговор с дьяволом Парижа («Я стою над костлявостью крыш...») 184
 Разлука (Моление о чуде, 3. «Разлука приближает. Космонавт...») 323
 Рапорт («Председателю Тройки...») 116
 Реплика Ю. Тувима («Осенней ночью ржавой...») 181
 «Республику свою мы знаем плохо...» (Кокчетав) 278

- России («Взлетел расщепленный вагон...») 194
 «Россия... Родина моя, Россия!» (Пролог к драматической трилогии «Россия») 287
 Рыцарь Иоанн 675
- «С яростью отважною...» (Моление о чуде, 4. Песня) 323
 Сверчок («В бумажной хижине японца...») 169
 Севастополь («Я в этом городе сидел в тюрьме...») 227
 Сентиментальный дуб («Вы думаете: „Коли дуб, так туп...“») 357
 Серебряная свадьба («Итак, родная, вот уж четверть века...») 261
 «Сидел я в кафе. Пил кофе...» (Всем! Всем! Всем!) 291
 «Сижу за решеткой в темнице сырой...» (Письма из тюрьмы, 1. Узник) 94
 «Сижу. Сумерничаю. Птицы...» (Моление о чуде, 2. Сумерки) 322
 Сирень (О любви, 8. «Сирень в стакане томится у шторки...») 107
 «Сирень в стакане томится у шторки...» (О любви, 8. Сирень) 107
 Сказка («Толпа раскололась на множество группок...») 302
 Сквозь джунгли («Старость — это как джунгли. Джунгли ночью...») 339
 Слово айсберг... («Жизнь моя у всех перед глазами...») 317
 Слон и мыши («Однажды Слон пришел в собрание мышей...») 157
 «Снег, снег, первый снег...» (Считалка) 151
 Сон («От сна здесь остается только слово...») 196
 Сонет («Бессмертья нет. А слава только дым...») 214
 Сонет («Воспитанный разнообразным чтивом...») 287
 Сонет («Дол сед...») 75
 Сонет («Душевные страдания как гамма...») 274
 Сонет («Обыватель верит моде...») 329
 Сонет («Обычным утром в январе...») 328
 Сонет («Я испытал и славу и бесславье...») 296
 Сонет («Я никогда в любви не знал трагедий...») 265
 «Среди цветов малокровных...» (Шиповник) 304
 «Старость — это как джунгли. Джунгли ночью...» (Сквозь джунгли) 339
 «Старцу надо привыкать ко многому...» 362
 Страсть («Война философична. Смерть. Народ...») 198
 Страх («Вы знаете ли, что такое страх?») 197
 Страшный суд («В этот день в синагоге...») 310
 «Стрекотали машинки. Портрет потел...» (Трибуна, 4. Алло, Русь!) 124
 Сумерки (Моление о чуде, 2. «Сижу. Сумерничаю. Птицы...») 322
 «Счастливые стихов не пишут...» 341
 Считалка («Снег, снег, первый снег...») 151
- Тайна Бетховена («Нам говорят профессора: „В чем тайна...“») 344
 «Так. Больше не охлестывает стужа...» (Трибуна, 1. Нэп) 119
 «Так и буду жить. Один меж прочих...» (Алиса, этюд 14) 271
 Тамань («Когда в кавказском кавполку я вижу казака...») 217
 «Твой вкус, вероятно, излишне тонок...» (Художница) 330
 «Тебе фашизм горше яда...» (По душам) 355
 «Телеграмма пришла в 2.40 ночи...» (Улялаевщина) 365

- «Тени дыма бегут, как кони. . .» (Панна Польша) 179
 Тигр («Обдымленный, но избежавший казни. . .») 306
 Тинторетто. «Сюзанна в бане» (Лувр, 2. «Хоть яркое день — Сюзанна только встала. . .») 173
 «Толпа раскололась на множество группок. . .» (Сказка) 302
 Трактор «С-80» («Есть вещи, знаменующие время. . .») 285
 Трибуна (1—4) 119
 «Трижды женщина его бросала. . .» 305
 «Тройкой, гей, безалаберных коней. . .» (Цыганская 2-я) 63
 Труд («Есть в труде такое же величие. . .») 254
 Тряпичный король («Господин в глухой шубе, в золотых зубах с сигарой. . .») 69
 «Ты не пой по горам, вода! . .» (Военная песня Бабека) 247
 «Ты спрашиваешь, друг мой, отчего. . .» (Письмо) 225
 Тюремный дворик (Письма из тюрьмы, 6. «На веревке висят подштанники. . .») 95
 Тяжелая служба («Всем хочется счастья порою вешней. . .») 344
- «У акулы плечи, словно струи. . .» (Акула) 307
 «У истории плохая память! . .» 260
 «У молодости собственная мудрость. . .» («Не говорите мне о том, что старость. . .») 336
 «Угрюм и сумрачен обросший шумом берег. . .» (Охота на нерпу) 142
 «Уж наплакался я, наревелся. . .» (Парад на Красной площади 7 ноября 1967 года) 358
 «Уж небо осенью дышало» («Как я швырялся в молодости счастьем! . .») 342
 Ужас тюрьмы (Письма из тюрьмы, 3. «Ужас тюрьмы. . . Он легендой пропах. . .») 94
 Узник (Письмо из тюрьмы, 1. «Сижусь за решеткой в темнице сырой. . .») 94
 «Улетели дети из гнезда. . .» (Одиночество) 338
 Улялаевщина («Телеграмма пришла в 2.40 ночи. . .») 365
 «Умей воспринимать печаль. . .» (Моление о чуде, 8. О природе печали) 325
 Урок мудрости («Можно делать дело с подлецом. . .») 313
 «Уронила девушка перчатку. . .» (О любви, 2) 99
 «Учат меня стариканы. . .» (Письма из тюрьмы, 4) 95
- Фашизм — это война («Как в дикой долине северной Скифии. . .») 190
- «Хорошо, когда для счастья есть причина. . .» (Каким бывает счастье) 340
 «Хоть бы присниться тебе, проклятой. . .» (Моление о чуде, 5) 323
 «Хоть яркое день — Сюзанна только встала. . .» (Лувр, 2. Тинторетто. «Сюзанна в бане») 173
 Художница («Твой вкус, вероятно, излишне тонок. . .») 330
- Цыганская («Поле, ветер да воза. . .») 57
 Цыганская («Эх вы, кони-звери. . .») 286

- Цыганская 2-я («Тройкой, гей, безалаберных коней. . .») 63
 Цыганская рапсодия («На западе. . .») 64
 Цыганский вальс на гитаре («Ночь-чи? Сон-ы. Прох?ладыда. . .») 65
- Человек и смерть (Давайте помечтаем о бессмертье, 5. «Я подавил в себе звериный ужас. . .») 349
 Человек умирал. . . 318
 Чем хороша тюрьма? (Письма из тюрьмы, 9. «Итак, в тюрьме я снова. . .») 97
 Черепаха («Черепаха на базаре Хакодате. . .») 170
 Читатель стиха («Муза! Как ни грусти, ни сетуй. . .») 155
 «Читаю Шопенгауэра. Старик. . .» (О любви, 9. Какое в женщине богатство!) 110
 «Что мне в даровании поэта. . .» (Зависть) 298
 «Что ни ночь — один и тот же сон. . .» (Новелла о затяжном сне) 352
 Что такое Англия? («Поминая святителя, нищий стоит. . .») 181
- «Шахматные кони карусели. . .» (Карусель) 299
 Швеция («Огоньки на горизонте светятся. . .») 333
 Шестие гномов («Пасмурно. Раннее утро в шторах. . .») 171
 Шиповник («Среди цветов малокровных. . .») 304
 «Шли три матроса. . .» 78
 Шотландская песня («Девочка на бере. . .») 85
 «Шумит побуревшее знамя. . .» (Марш стрелковой дивизии) 246
 Шумы («Кто не знает музыки степей? . .») 281
- «Эта кисть — из пламенно-мягких. . .» (Лувр, 3. К. Моне. «Женщина с зонтиком») 173
 «Эти болота, пропахшие серой. . .» (Алиса, этюд 7) 268
 «Эх вы, кони-звери. . .» (Цыганская) 286
- «Юбка бьется и полощет. . .» (Песенка Марии) 82
 Юность («Вылетишь утром на воз-дух. . .») 55
 Юность («Мне двадцать лет. Вся жизнь моя — начало. . .») 86
- «Я был во главе отряда. . .» (На смерть Маяковского) 130
 «Я в этом городе сидел в тюрьме. . .» (Севастополь) 227
 «Я вижу в зеркалах суровое лицо. . .» (Автопортрет) 53
 «Я говорю: «пошел», «бродил. . .» (О любви, 4. К вопросу о русской речи) 101
 «Я живу в столице, ты в тайге. . .» 257
 «Я знаю женщину: блестяща и остра. . .» 54
 «Я испытал и славу и бесславье. . .» (Сонет) 296
 «Я люблю свою родину тихо. . .» 356
 «Я мог бы вот так: усесться против. . .» 314
 «Я не сверхчеловек, не уникам. . .» (Декларация прав поэта) 132
 «Я не смею тебя ревновать ни к кому. . .» (Алиса, этюд 6) 268
 «Я никогда в любви не знал трагедий. . .» (Сонет) 265
 «Я подавил в себе звериный ужас. . .» (Давайте помечтаем о бессмертье, 5. Человек и смерть) 349

- «Я рад, что старюсь, что алость губ...» (Двадцать четвертое октября) 158
- «Я с тоской...» (Норвежская мелодия) 81
- «Я стою над копяльностью крыш...» (Разговор с дьяволом Парижа) 184
- «Я твердо утверждаю, как закон...» (Давайте помечтаем о бессмертье, 2) 347
- «Я хочу быть самим собой...» (Кредо) 54
- «Я хочу вобрать в себя навеки...» (Алиса, этюд 8) 269
- «Я часто думаю: красивая ли ты?..» (Алиса, этюд 5) 267
- «Я человек счастливый. Все мечты...» (Моя знакомая русалка) 186
- Я это видел! («Можно не слушать народных сказаний...») 206
- Hôtel «Istria» («Передо мной отель «Istria»...») 175
- Femme de quarante ans («Бальзак воспел тридцатилетнюю...») 316
- Perpetuum mobile («Новаторство всегда безвкусно...») 329

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. И. Л. Сельвинский. Фото 1928 г.
2. *Между с. 160 и 161*. И. Л. Сельвинский. Фото 1943 г.
3. *На обороте*. И. Л. Сельвинский. Фото 1949 г.
4. С. 301. Черновой автограф стихотворения «Когда я впервые увидел Эльбрус...».
5. С. 335. И. Л. Сельвинский. Рисунок Т. И. Сельвинской.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия Ильи Сельвинского. *Вступительная статья З. Кедринной* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ранние стихотворения (1917—1930)

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ МУЗА

1. Автопортрет	53
2. Пейзаж	53
3. Песня («Выходил воевода на улицу...»)	53
4. «Я знаю женщину: блестяща и остра...»	54
5. Кредо	54
6. Юность	55
7. О, эти дни	56
8. Отступление на Крым	57
9. Цыганская	57
10. Осень	58

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ

11. Портрет караимского философа Бабакай-Суддука	59
12—15. Анекдоты о караимском философе Бабакай-Суддуке	
1. Бабакай и луна	60
2. Бабакай и халат	61
3. Бабакай и теория предопределения	61
4. Афоризм караимского философа Бабакай-Суддука	62
16. Вор	62
17. Цыганская 2-я	63

18. Цыганская рапсодия	64
19. Цыганский вальс на гитаре	65
20. Мстыкэ-Малхамовес (<i>Новелла</i>)	66
21. Тряпичный король (<i>Новелла</i>)	69
22. Бульдог Бутс (<i>Новелла</i>)	72
23. Сонет («Дол сед...»)	75
24. Баллада о барабаншике	75

Песни

25. Шли три матроса	78
26. Заночуй, милочек...	80
27. Норвежская мелодия	81
28. Песенка Марии	82
29. Ничего не случилось, пожалуй	83
30. Шотландская песня	85

ЮНОСТЬ

31. Юность (<i>Венок сонетов</i>)	86
32—41. Письма из тюрьмы	
1. Узник	94
2. «Проем тюремного окна...»	94
3. Ужас тюрьмы	94
4. «Учат меня стариканы...»	95
5. Дыня	95
6. Тюремный дворик	95
7. «Благослови легкомыслие...»	96
8. Не могу понять...	96
9. Чем хороша тюрьма?	97
10. Мадам Эн-Эн	97
42—51. О любви	
1. «Никогда не перестану удивляться...»	99
2. «Уронила девушка перчатку...»	99
3. На скамье бульвара	100
4. К вопросу о русской речи	101
5. В картинной галерее	101
6. В библиотеке	102
7. Евпаторийский пляж	103
8. Сирень	107
9. Какое в женщине богатство!	110
10. Портрет Лизы Лютце	111

ПЕРЕХОДНИКИ

52. Рапорт	116
53. Казнь Стецюры (<i>Новелла</i>)	116
54—57. Т р и б у н а	
1. Нэп	119
2. Наша биография	121
3. Переходники	123
4. Алло, Русы!	124

58. Легенда о конце Улялаева (<i>Новелла</i>)	126
59. На смерть Маяковского	130
60. Декларация прав поэта	132
61. Вечный бой	138

Стихотворения

1930—1960-х годов

ТИХООКЕАНСКИЕ СТИХИ

62. Великий океан	141
63. Охота на нерпу	142
64. Охота на тигра	145
65. Белый песец	150
66. Считалка	151
67. Ламутская сказка (<i>Записано со слов ламута Адуканова</i>)	151
68. Киты у Курильских островов	154
69. «В каком бы часу я ни лег, но в пять...»	155
70. Читатель стиха	155
71. Слон и мыши (<i>Басня</i>)	157
72. Двадцать четвертое октября	158
73. О дружбе	159
74. «Как охотник ловит серебристую...»	162
75. «Если умру я, если исчезну...»	163
76. Баллада о тигре	164

ЗАРУБЕЖНОЕ

77. Сверчок	169
78. Черепаха	170
79. Шестные гномов	171
80—83. Лувр	
1. Голова Венеры	171
2. Тинторетто. «Сюзанна в бане»	173
3. К. Моне. «Женщина с зонтиком»	173
4. Анри де Руссо	174
84. Hôtel «Istria»	175
85. Панна Польша	179
86. Реплика Ю. Тувиима	181
87. Что такое Англия?	181
88. Министерство иностранных дел	182
89. Парламент	183
90. Разговор с дьяволом Парижа	184
91. Моя знакомая русалка	186
92. Фашизм — это война	190

ВОЙНА

93. Поэзия	193
94. России	194
95. Сон	196

96. Страх	197
97. Страсть	198
98. Баллада о ленинизме	199
99. Баллада о танке «КВ»	202
100. Я это видел!	206
101. «Кого баюкала Россия...»	210
102. Аджид-Мушкой	211
103. Сонет («Бессмертья нет. А слава только дым...»)	214
104. Над картой Европы 1943 года	215
105. Тамань	217
106. Баллада о Лааре	218
107. Лебединое озеро	220
108. Письмо	225
109. Севастополь	227
110—111. Крым	
1. «Как бой барабана, как голос картечи...»	231
2. «Бывают края, что недвижны веками...»	233
112. Кандава	236
113. Кто мы?	243

Песни и монологи

114. Марш стрелковой дивизии	246
115. Военная песня Бабека	247
116. Песня 72-й Кубанской казачьей дивизии	248
117. Песня казачки	249
118. Монолог Иоанна Грозного. Из трагедии «Ливонская война»	250
119. Песня («Волна балтийская легка...»)	251

МИР

120. Труд (Философский эскиз)	254
121. «Я живу в столице, ты в тайге...»	257
122. Пролог (к трагедии «Читая „Фауста“»)	257
123. О родине	259
124. У истории плохая память!	260
125. Серебряная свадьба	261
126. Песня. Из трагедии «От Полтавы до Гангута»	262
127. «Все девки в хороводе хороши...»	263
128. В операционной	264
129. Сонет («Я никогда в любви не знал трагедий...»)	265
130—145. Алиса (Из рукописи моего друга, пожелевшего остаться неизвестным)	
Этюд 1	266
Этюд 2	266
Этюд 3	267
Этюд 4	267
Этюд 5	267
Этюд 6	268
Этюд 7	268
Этюд 8	269
Этюд 9	269

Этюд 10	269
Этюд 11	270
Этюд 12	270
Этюд 13	271
Этюд 14	271
Письмо Алисы (<i>Перевод с польского</i>)	272
Этюд 15	273
146. Сонет («Душевные страдания как гамма...»)	274
147. «Не верьте моим фотографиям...»	275
148. «Не я выбираю читателя. Он...»	276
149. Из дневника	276
150. Кочетав	278
151. Шумы	281
152. Первый пласт	282
153. Ночная пахота	284
154. Трактор «С-80»	285
155. Цыганская («Эх вы, кони-звери...»)	286
156. Сонет («Воспитанный разнообразным чтивом...»)	287
157. Пролог к драматической трилогии «Россия»	287
158. Прелюд	290
159. Всем! Всем! Всем! (<i>Апокалипсис XX века</i>)	291
160. Сонет («Я испытал и славу и бесславье...»)	296
161. Мой читатель	296
162. «В косы вплетены лучи...»	297
163. Зависть	298
164. Заклинание	298
165. Карусель	299
166. «Ах, что ни говори, а молодость прошла...»	300
167. Мамонт	300
168. «Пускай не все решены задачи...»	302
169. Сказка	302
170. «Не знаю, как кому, а мне...»	302
171. «Поэт, изучай свое ремесло...»	303
172. «Годами голодаю по тебе...»	303
173. Шиповник	304
174. «Трижды женщина его бросала...»	305
175. Тигр	306
176. Акула	307
177. Лесная быль	307
178. Гете и Маргарита	308
179. «Мечта моей ты юности...»	309
180. Дуэль	309
181. Страшный суд	310
182. Урок мудрости	313
183. Весеннее	313
184. «Я мог бы вот так: усесться против...»	314
185. «Каждому мужчине столько лет...»	314
186. Гимн женщине	315
187. Песенка о женском сердце	316
188. <i>Femme de quarante ans</i>	316
189. Словно айсберг...	317
190. Молитва	318

191. Человек умирал	318
192—202. Моление о чуде (<i>Сюита</i>)	
1. Прелюд	321
2. Сумерки	322
3. Разлука	323
4. Песня	323
5. «Хоть бы присниться тебе, проклятой...»	323
6. «Кладу на тебя заклятье!..»	324
7. Как умолял я о чуде	324
8. О природе печали	325
9. «Не желаю Вам беды...»	326
10. Гаданье	326
11. А смерти нет!	327
203. «Был я однажды счастливым...»	328
204. Сонет («Обычным утром в январе...»)	328
205. Сонет («Обыватель верит моде...»)	329
206. <i>Regretium mobile</i>	329
207. Художница	330
208. Люди всегда молоды	331
209. Завещание	332
210. Швеция	333
211. О труде	334
212. У молодости собственная мудрость	336
213. Бурый дым	336
214. Осень	337
215. «Женщины! Как я вам благодарен...»	337
216. Данте	338
217. Одиночество	338
218. Сквозь джунгли	339
219. Каким бывает счастье	340
220. «Счастливые стихов не пишут...»	341
221. Ода воде	342
222. «Уж небо осенью дышало...»	342
223. К портрету моего внука	343
224. Предвесеннее	343
225. Тяжелая служба	344
226. Тайна Бетховена	344
227. Жизнь	345
228. Ленин	346
229—236. Давайте помечтаем о бессмертье	
1. «Наука беспощадна и узка...»	346
2. «Я твердо утверждаю, как закон...»	347
3. «Моя идея теплится едва...»	348
4. А я думаю так...	348
5. Человек и смерть	349
6. Немного философии	349
7. «Не верую ни в бога, ни в науку...»	350
8. «Бояться смерти — что бояться сна...»	351
237. «Когда я был молод...»	351
238. Новелла о затяжном сне	352
239. Ода науке	354
240. По душам	355

241. «Москва! Величавая наша столица...»	355
242. «Я люблю свою родину тихо...»	356
243. «Какое сложное явление — дерево...»	356
244. Сентиментальный дуб	357
245. Парад на Красной площади 7 ноября 1967 года	358
246. «Деревья надышали небо...»	361
247. «Старцу надо привыкать ко многому...»	362

ПОЭМЫ

248. Улялаевщина. <i>Эпопея</i>	365
249. Пушторг. <i>Роман</i>	505

ТРАГЕДИИ

250. Рыцарь Иоанн. <i>Трагедия в пяти актах</i>	675
Примечания	869
Словарь	929
Алфавитный указатель произведений	939
К иллюстрациям	951

Сельвинский Илья Львович
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1972,
960 стр. План выпуска 1971 г., № 324.

Редактор *Л. С. Гейро*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 20/IV 1972 г. Подписано в
печать 31/V 1972 г. М 16404. Бумага
84×108¹/₃₂, № 1. Печ. л. 30+2 вкл. (50,71),
Уч.-изд. л. 43,46. Тираж 40 000 экз.
Заказ № 642. Цена 4 р. 14 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение. Ленинград,
Невский пр., 28

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 5 Глав-
полиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3.

42.145